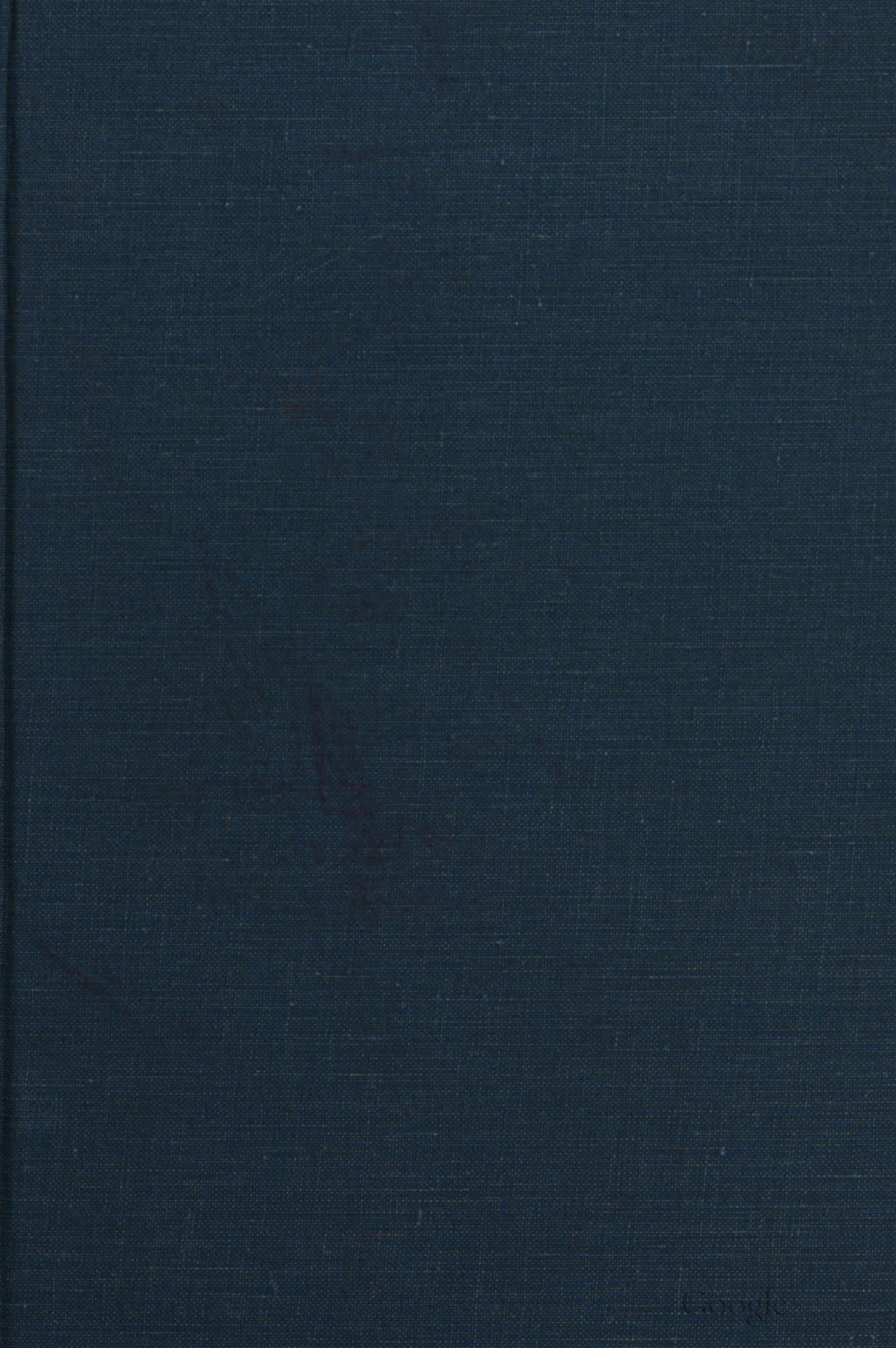
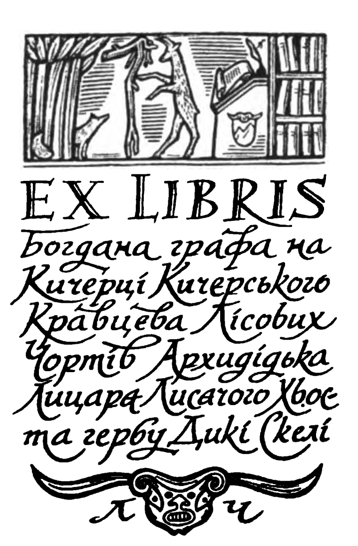

EX LIBRIS
Богдана графа на
Кичерці Кичерського
Кравцева Лісових
Чортів Архидідька
Лицаря Лисачого Хвос-
та гербу Дикі Скелі
Л Ч

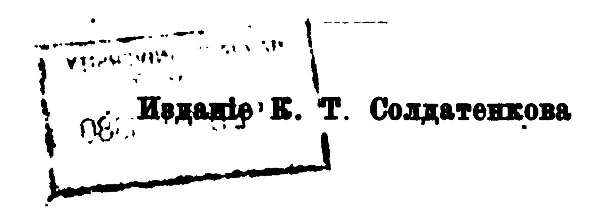
Ю. БЕЛОХЪ

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

М. Гершензона

ТОМЪ II

Изданіе К. Т. Солдатенкова

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1899

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Реакція.

ГЛАВА II.

Паденіе демократіи.

ГЛАВА III.

Олигархія на греческомъ Востокѣ.

ГЛАВА IV.

Военная монархія въ Сициліи и на Понтѣ.

ГЛАВА V.

Коринѳская война и Анталкидовъ миръ.

ГЛАВА VI.

Возрожденіе демократіи.

ГЛАВА VII.

Распаденіе великихъ державъ Эллады.

ГЛАВА VIII.

Экономическое развитіе со времени Пелопоннесской войны.

ГЛАВА IX.

Литература и искусство.

ГЛАВА X.

Расцвѣтъ греческой науки.

ГЛАВА XI.

Общество и его организація.

ГЛАВА XII.

Новая сѣверная держава.

ГЛАВА XIII.

Объединеніе Греціи.

ГЛАВА XIV.

Борьба западныхъ эллиновъ за свободу.

ГЛАВА XV.

Завоеваніе Азіи.

Приложеніе.

ТОМЪ ВТОРОЙ

КОНЧАЯ АРИСТОТЕЛЕМЪ И ЗАВОЕВАНІЕМЪ АЗІИ.

ГЛАВА I.

Реакція.

Софистическое движеніе сильно поколебало въ образованномъ обществѣ старую вѣру въ боговъ. Но совершенно иныя теченія обнаруживались въ широкихъ кругахъ народной массы, куда не проникали ученія софистовъ. Тѣ стремленія къ религіозной реформѣ, которыя въ VI вѣкѣ не выходили за предѣлы высшихъ общественныхъ классовъ, со времени Персидскихъ войнъ начали все болѣе и болѣе распространяться среди простого народа. Эллинскій міръ наполнился нищенствующими жрецами и прорицателями орфической секты. Они грозили вѣчнымъ проклятіемъ всѣмъ, кто не вѣрилъ ихъ проповѣди; всякому же, кто вступалъ въ ихъ секту, они обѣщали все, чего онъ могъ пожелать: отпущеніе его собственныхъ грѣховъ и грѣховъ его предковъ, блаженную жизнь въ загробномъ мірѣ и чудодѣйственныя средства для отмщенія своимъ врагамъ на землѣ. Все это было категорически сказано въ произведеніяхъ Орфея и Мусея [1]). Въ вѣрующихъ не оказывалось недостатка; благочестивые люди ежемѣсячно спѣшили съ женами и дѣтьми къ орфическимъ посвященіямъ [2]). Умиравшимъ въ этой вѣрѣ клали въ гробъ таблички съ какими-нибудь орфическими стихами, предназначенныя снабдить душу наставленіемъ относительно того, какъ она должна вести себя по прибытіи въ Гадесъ, и успокоить ее насчетъ ея участи въ загробномъ мірѣ [3]).

---

1) Plat. *Πολιτ.* II, p. 363 с слл., ср. выше, т. I, стр. 192.

2) Theophr. *Χαρακτ.* 16.

3) Множество золотыхъ табличекъ съ подобными стихотворными надписями (IV вѣка) было найдено въ могилахъ нижней Италіи, гдѣ нѣкогда находился центръ пиѳагорейской школы (Kaibel *Inscr. Sic. etc.* 638. 641. 642, Dieterich *De hymnis orphicis*, диссерт., Marburg, 1891, *Nekyia*, стр. 81 слл.. Leipzig 1894).

Еще большее количество богомольцевъ привлекали мистеріи, столь тѣсно связанныя съ орфическимъ ученіемъ. V вѣкъ былъ для Элевсина періодомъ наибольшаго расцвѣта, чему, впрочемъ, не мало способствовало политическое положеніе Аѳинъ. Изъ всѣхъ частей Эллады стекались вѣрующіе къ священному празднеству; старый храмъ уже не могъ вмѣстить всей массы паломниковъ, и пришлось воздвигнуть новое зданіе; оно было построено подъ руководствомъ Иктина, творца Парѳенона [1]). По совѣту дельфійскаго оракула аѳинское народное собраніе около середины V вѣка постановило, чтобы ежегодно часть урожая Аттики и союзныхъ государствъ приносилась въ даръ элевсинскому храму въ благодарность за то, что нѣкогда Деметра научила людей земледѣлію; эта дань должна была состоять изъ $^1/_6$ % урожая пшеницы и $^1/_{12}$ % урожая ячменя. Ее несли и нѣкоторыя независимыя отъ Аѳинъ государства, и даже тогда, когда аѳинская держава уже лежала въ развалинахъ; Аѳины и ихъ колоніи соблюдали этотъ обычай еще во времена Александра [2]).

Почти столь же большого значенія достигли въ теченіе IV вѣка мистеріи, праздновавшіяся на островѣ Самоѳракіи въ святилищѣ кабировъ. Эти «великіе боги», какъ ихъ обыкновенно называли, считались спасителями во всѣхъ бѣдахъ и опасностяхъ; особенно ихъ защитѣ поручали себя мореплаватели [3]). Начало ихъ культа отно-

---

[1]) Pind. fr. 137 B^4, Sophocl. fr. 753 N^2. Двухмѣсячный Божій миръ для посѣтителей празднества: *CIA*. I и IV 1 p. 3 (тотчасъ послѣ Персидскихъ войнъ). О пристройкѣ при храмѣ см. Plut. *Per*. 13, Strab. IX p. 395, Vitruv. VII *praef*. 16; сравн. Rubensohn *Die Mysterienheiligtümer in Eleusis und Samothrake*, Berlin 1892.

[2]) *CIA*. IV 1 27 b p. 59, изъ эпохи между 444 г. и началомъ Пелопоннесской войны. Isocr. *Paneg*. 31 показываетъ, что еще около 380 г. эту дань вносили и независимыя государства; во времена Александра (329/$_8$) эту повинность несли уже только Аѳины и ихъ клерухіи—сравн. счетъ доходовъ элевсинскаго храма *CIA*. IV 2, 834 b, Foucart *Bull. de Corr. Hell.* VIII (1884), стр. 211.

[3]) Robert у Preller'а, *Mythol.* I^4 847 сл.; статьею *Μεγάλοι θεοί* въ *Лексиконѣ* Рошера я, къ сожалѣнію, уже не могъ воспользоваться. Имя кабировъ обыкновенно производятъ отъ финикійскаго *кбр* (произношеніе неизвѣстно), еврейскаго *кабир*, „большой"; но эта гипотеза совершенно произвольна, пока не доказано существованіе культа кабировъ у семитическихъ народовъ. (Herod. III 37 ничего не доказываетъ). *Est enim quoddam genus argumentorum velitare et ad omnem usum aptum illud ex nominibus ductum, quo res maximae effici possunt* (Lobeck *Aglaophamus*, p. 1282; все мѣсто достойно вниманія). О сущности кабировъ существуютъ лишь догадки, число которыхъ я не хочу увеличивать новою.

сится къ до-эллинскимъ временамъ; насколько мы знаемъ, Самоѳракія вообще никогда не была колонизирована греками (выше, т. I стр. 38), да и позднѣе, когда островъ уже давно эллинизировался, въ религіозныхъ обрядахъ мѣстнаго населенія сохранялись слѣды древняго языка. Точно также мы находимъ культъ кабировъ на сосѣднемъ Лемносѣ, заселенномъ греками лишь въ концѣ VI вѣка, и въ Троадѣ, заселеніе которой греками началось едва ли ранѣе VII вѣка. Затѣмъ, около VI вѣка, этотъ культъ — вѣроятно чрезъ посредство эолійскихъ поселенцевъ — проникъ въ Беотію, гдѣ въ Анѳедонѣ и близъ Ѳивъ существовали храмы кабировъ и гдѣ также праздновались въ ихъ честь мистеріи [1]). Поклоненіе кабирамъ распространилось и на островахъ Эгейскаго моря и на его ѳракійскомъ и малоазіатскомъ берегахъ; но изъ всѣхъ этихъ мѣстъ только Самоѳракія пріобрѣла національное значеніе, да и то лишь со времени Пелопоннесской войны.

Уже около середины IV вѣка наплывъ вѣрующихъ былъ здѣсь такъ великъ, что пришлось перестроить старый храмъ, причемъ онъ былъ значительно расширенъ и, сообразно художественнымъ требованіямъ времени, великолѣпно отдѣланъ. Посвященіе въ мистеріи принимали такіе люди, какъ спартанскій наварх Анталкидъ и Филиппъ Македонскій; по преданію, послѣдній во время одного изъ такихъ празднествъ познакомился со своею будущею супругою, эпирской принцессой Олимпіадой. Но наибольшаго блеска Самоѳракія достигла лишь послѣ Александра [2]).

Въ греческія колоніи, расположенныя по берегамъ варварскихъ странъ, конечно очень рано проникли чужіе культы. Такъ, египетскій Аммонъ сдѣлался главнымъ божествомъ Кирены [3]), тогда какъ среди малоазіатскихъ грековъ распространился культъ Кибелы [4]). Въ

[1]) О храмѣ кабировъ близъ Ѳивъ см. *Athen. Mitteil.* XIII (1888) стр. 81 сл., 412 сл., Kern *Hermes* XXV (1890) стр. 1 сл. Раскопки показали, что въ беотійскій культъ кабировъ проникли орфическіе элементы. Аѳинянинъ Меѳапъ, который будто бы основалъ этотъ культъ (Paus. IV 1, 7), — чисто-миѳическая личность.

[2]) *Archaeologische Untersuchungen auf Samothrake* 2 т., Вѣна 1875. 1880, Rubensohn l. c. Древнѣйшія упоминанія объ этихъ мистеріяхъ — Herod. II 51, Aristoph. *Миръ* 277. Посвященіе Анталкида — Plut. *Apophth. Lac. Antalc.* 1 (тотъ же анекдотъ разсказывается и о Лисандрѣ, ibid. *Lys.* 10). Посвященіе Филиппа и Олимпіады — Plut. *Alex.* 2.

[3]) E. Meyer, статья *Ammon* въ *Лексиконѣ* Рошера.

[4]) Въ дошедшей до насъ литературѣ эта богиня впервые упоминается (подъ именемъ *Κύβηλις*) у Гиппонакса изъ Эфеса (fr. 121), писавшаго во второй половинѣ VI вѣка.

V вѣкѣ и торгово-промышленные города греческой метрополіи начали наполняться пришельцами съ Востока; здѣсь жило множество лидійскихъ, фригійскихъ, сирійскихъ и египетскихъ купцовъ [1]), а огромныя, все болѣе возраставшія массы рабовъ состояли главнымъ образомъ изъ уроженцевъ восточныхъ странъ или Ѳракіи. Всѣ эти варвары упорно держались своихъ родныхъ культовъ; отдѣльныя землячества соединялись въ корпораціи съ цѣлью отправлять богослуженія въ домѣ одного изъ членовъ [2]). Своеобразность этихъ церемоній, таинственность, которою онѣ большею частью были окружены, должны были производить глубокое впечатлѣніе на греческое населеніе; благочестивымъ людямъ, религіозныя потребности которыхъ не находили удовлетворенія въ государственномъ культѣ, должно было казаться, что здѣсь имъ открывается путь къ спасенію. Такимъ образомъ иноземныя религіи пріобрѣтали множество послѣдователей и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, большинство прозелитовъ составляли женщины [3]).

Такимъ путемъ уже ко времени Персидскихъ войнъ проникло и въ европейскую Грецію поклоненіе фригійской «матери боговъ»; въ Аѳинахъ ей былъ сооруженъ на рынкѣ храмъ, для котораго статую богини изготовилъ ученикъ Фидія, Агоракритъ. Недолго спустя, приблизительно въ первой половинѣ IV вѣка, «великой матери» былъ воздвигнутъ храмъ и въ Олимпіи [4]). За нею слѣдовалъ фригійскій

---

[1]) Xen. *περὶ οἰκονομίας* II 3; это подтверждаютъ также многія аттическія надписи.

[2]) Foucart *Des associations réligieuses chez les Grecs*, Paris 1873.

[3]) Aristoph. *Lysistr.* 387 слл., сравн. также Eurip. *Bacch.*

[4]) Pind. fr. 79. 80 B^4; первое упоминаніе о государственномъ культѣ *μήτηρ* въ Аѳинахъ— *CIA.* I 4 (тотчасъ послѣ Персидскихъ войнъ); правда, мы не знаемъ, идетъ ли здѣсь рѣчь о матери боговъ, или о Деметрѣ, которая въ Аграхъ на Илисѣ почиталась подъ именемъ *μήτηρ* (*CIA.* I 273, сравн. 201). Статуя Агоракрита, стоявшая въ Метроонѣ на рынкѣ (Plin. 36, 17, сравн. Michaelis, *Athen. Mitteil.* II стр. 1 прим. 2), изображала богиню со львами у трона и съ тимпаномъ въ рукѣ (Arrian. *Peripl. Pont. Eux.* 11 p. 9, сравн. аттическій рельефъ въ *Лексиконѣ* Рошера, II 1663); значитъ, Агоракритъ и его заказчики видѣли въ ней фригійскую мать боговъ. Съ этимъ согласуются и храмовыя преданія (у Фотія и Свиды *μητραγύρτης* и Schol. Aristoph. *Πλοῦτος* 431). Сравн. изреченіе Антисѳена: *καὶ ἡ μήτηρ τῶν θεῶν Φρυγία ἐστιν* (Laert. Diog. VI 1). Въ новѣйшее время много толковали о какой-то таинственной связи между Метрооно мъ и лежавшимъ непосредственно вблизи его булевтеріемъ; но если въ IV вѣкѣ государственный архивъ помѣщался въ Метроонѣ, то это объясняется очень просто близостью булевтерія. По всей вѣроятности, Метроонъ былъ построенъ именно во времена Аго-

же Сабазій — богъ, родственный Діонису, — культъ котораго былъ тѣсно связанъ съ культомъ «матери боговъ»; затѣмъ фригійско-ѳракійскіе Корибанты и ѳракійскія богини Котитто и Бендисъ; послѣдней около времени Пелопоннесской войны былъ воздвигнутъ въ Пиреѣ храмъ, при которомъ ежегодно устраивалось въ честь ея великолѣпное празднество съ факельными бѣгами [1]). Съ Кипра былъ перенесенъ культъ Адониса и Афродиты пафосской [2]). Поклоненіе Аммону перешло изъ Кирены въ лежащую насупротивъ Лаконію, гдѣ ему были сооружены храмы въ Спартѣ и ея портѣ — Гитеѣ; уже Пиндаръ сочинилъ гимнъ въ честь этого бога и поставилъ его статую въ ѳиванскомъ акрополѣ. Съ конца V вѣка оракулъ Аммона, находившійся въ ливійскомъ оазисѣ, пріобрѣлъ въ Элладѣ почти такое же значеніе, какъ древніе національные оракулы Додоны и Дельфъ. Наконецъ, около середины IV вѣка въ Грецію проникъ и культъ Изиды; египетскіе купцы, жившіе въ Пиреѣ, получили тогда позволеніе построить храмъ своей богинѣ [3]).

Бо́льшая часть этихъ восточныхъ культовъ уже въ эпоху Пелопоннесской войны была широко распространена въ Аѳинахъ. Ежеминутно по улицамъ съ оглушительнымъ шумомъ проходили процессіи почитателей Сабазія и «великой матери»; во время празднества въ честь Адониса по всему городу раздавались жалобныя пѣсни женщинъ, оплакивавшихъ бога, который въ расцвѣтѣ молодости былъ похищенъ смертью [4]). Особенно привлекали народъ тѣ священнодѣйствія, кото-

---

ракрита, т.-е. при Периклѣ.—О Метроонѣ въ Олимпіи см. *Baudenkmäler von Olympia* (Berlin 1892) стр. 39 сля. — Едва ли нужно повторять, что древнегреческая Рея первоначально не имѣла ничего общаго съ малоазіатской матерью боговъ и лишь позднѣе была отождествлена съ нею (впервые, повидимому, у Эврипида, *Bacch*. 59).

[1]) Сабазій: Aristoph. *Лисистр*. 388, *Птицы* 875, *Осы* 9 сл., *Горы* fr. 566 Kock; Котитто — уже Aeschyl. fr. 57 N² (изъ *Эдонянъ*) и особенно Eupol. *Βάπται*, Rapp въ *Лексиконѣ* Рошера ст. *Kotys*; о Корибантахъ — тамъ же Immisch, ст. *Kureten*; о Бендисѣ—Платонъ во введеніи къ *Политикѣ*; государственный характеръ ея культа засвидѣтельствованъ *CIA*. I 210 fr. k p. 93 (начало Пелопоннесской войны), *CIA*. II 741 (334/3 г.).

[2]) Адонисъ: Aristoph. *Миръ* 420, *Лисистр*. 389 сля., Plut. *Nic*. 13, *Alc*. 18. Въ 333 году жившіе въ Аѳинахъ метэки получили изъ Китіона, что̀ на Кипрѣ, разрѣшеніе воздвигнуть храмъ Афродитѣ (*CIA*. II 168).

[3]) Объ Аммонѣ сравн. статью Эдуарда Мейера въ *Лексиконѣ* Рошера; объ Изидѣ — *CIA*. II 168: судя по этой надписи, храмъ въ Пиреѣ существовалъ уже за нѣсколько лѣтъ до 333 года; сравн. Koehler *Hermes* V 352, который однако относитъ введеніе этого культа къ слишкомъ отдаленной эпохѣ.

[4]) Aristoph. и Plut. l. c. (выше, прим. 2), Demosth. *π. στεφ*. 259 сля.

рыя были связаны съ фригійско-ѳракійскими культами. Вѣрующіе собирались ночью при оглушительныхъ звукахъ флейтъ, при грохотѣ барабановъ и дикихъ крикахъ; здѣсь начиналась всеобщая бѣшенная пляска, доводившая экстазъ участвующихъ до крайней степени. Затѣмъ вновь вступающіе члены садились нагими на священное сидѣніе; здѣсь ихъ обтирали землею и отрубями и обмывали водой; при этомъ читались отрывки изъ священныхъ книгъ, наполненные ни для кого непонятными фригійскими словами; въ заключеніе вновь посвященный произносилъ священную формулу: «я избѣжалъ грѣха, я пріобрѣлъ спасеніе». Затѣмъ слѣдовали представленія, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ священныхъ преданій, и при этомъ открыто изображались непристойные символы восточнаго суевѣрія. Такъ какъ въ этихъ ночныхъ таинствахъ принимали участіе подонки общества, притомъ оба пола совмѣстно, и такъ какъ здѣсь отсутствовалъ всякій государственный надзоръ, то они открывали полный просторъ самому разнузданному распутству.

Большинство образованныхъ людей смотрѣло на подобныя безобразія конечно съ отвращеніемъ. Комедія неутомимо бичевала эти грубыя суевѣрія, осмѣивая ихъ со сцены; Аристофанъ написалъ противъ нихъ особую пьесу—«Горы»,— въ концѣ которой «фригіецъ, флейтистъ Сабазій» со стыдомъ и позоромъ изгонялся изъ города. Платонъ въ своихъ «Законахъ» запрещаетъ всякіе чужіе культы подъ страхомъ строгой кары; дельфійскій оракулъ, смотрѣвшій на конкурренцію новыхъ божествъ конечно съ большимъ неудовольствіемъ, неоднократно увѣщевалъ почитать боговъ по обычаю предковъ [1]). Отъ времени до времени, когда безобразія переходили всякія границы, въ дѣло вмѣшивалась государственная власть. Такъ, въ первой половинѣ IV вѣка въ Аѳинахъ была предана казни жрица Ниносъ, однако не изъ-за религіозныхъ причинъ, а за то, что она подъ покровомъ фригійскихъ таинствъ занималась приготовленіемъ ядовъ, колдовствомъ и прорицаніями [2]). Позднѣе Демосѳенъ обвинилъ въ томъ же преступленіи лемносскую жрицу Ѳеориду и добился ея осужденія на смерть [3]).

---

[1]) Plat. *Законы*, конецъ 10-ой книги, Xenoph. *Memor*. IV 3, 16, Cic. *Leges* II 16, 40.

[2]) Demosth. *περὶ τῆς παραπρ.* 281 со схоліями; обвинитель Менеклъ— извѣстный сикофантъ (Demosth. *пр. Бэота* 2 p. 995 и *о приданомъ* 9 p. 1010), умершій до 350 г. (Dionys. *Dinarch*. p. 695). Этотъ процессъ надѣлалъ вѣроятно много шума, такъ какъ Демосѳенъ намекаетъ на него въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ упоминаетъ о Менеклѣ.

[3]) Philoch. fr. 136, [Dem.] *пр. Аристог*. I 79 p. 793, Plut. *Dem*. 14.

Особенно извѣстенъ процессъ гетеры Фрины; ее обвинили въ томъ, что она ввела въ Аѳинахъ поклоненіе ѳракійскому богу Изодету и при этомъ сдѣлала свой домъ убѣжищемъ самаго грубаго разврата; только съ величайшимъ трудомъ удалось ея защитнику Гипериду, лучшему адвокату Аѳинъ, добиться ея оправданія [1]). Но это лишь единичные случаи; большіе торговые города не могли запретить многочисленнымъ иностранцамъ, проживавшимъ въ нихъ, свободно отправлять свое богослуженіе, да и среди мѣстныхъ гражданъ новые культы пустили уже слишкомъ глубокіе корни, чтобы еще можно было ждать какой-либо пользы отъ полицейскихъ мѣръ. Поэтому правительство держалось нейтрально, и въ концѣ концовъ, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ такихъ культовъ былъ включенъ въ государственную религію [2]).

Эти восточныя религіи повліяли и на греческіе тайные культы; культъ «матери боговъ» и родственныхъ ей божествъ проникъ въ орфическія мистеріи и соединился въ нихъ съ культомъ Діониса [3]). Такимъ образомъ здѣсь начало подготовляться то сліяніе божествъ, которое имѣло неизмѣримое вліяніе на позднѣйшее развитіе античной религіи. Но отъ безнравственности азіатскаго богослуженія орфиковъ предохранило ихъ аскетическое ученіе, предписывавшее половое воздержаніе или, по крайней мѣрѣ, восхвалявшее его, какъ добродѣтель. Само собой разумѣется, что и здѣсь, какъ во всѣхъ аскетическихъ религіяхъ, подъ маской благочестія очень часто скрывались совершенно иныя чувства и помыслы [4]).

Глубокое религіозное движеніе, охватившее низшіе слои общества, неизбѣжно должно бы повліять и на высшіе классы. Правда, та грубочувственная эсхатологія, которая проповѣдовалась въ Элевсинѣ, уже не могла удовлетворять образованныхъ людей [5]). Болѣе чистыя воз-

---

[1]) Jacobs *Verm. Schr.* IV 436—468, Westermann *Phryne* въ *Real-Encyklop.* Pauly V 1581, Cantarelli *Il processo di Frine*, *Riv. di Filol.* XIII (1884/5).

[2]) Strab. X 471. Извѣстіе о томъ, будто въ Аѳинахъ введеніе иноземнаго культа каралось смертью, есть тенденціозная выдумка еврея Іосифа *(пр. Апиона* II 37), хотя понятіе *ἀσέβεια* въ аттическомъ правѣ дѣйствительно было очень растяжимо. Сравн. Schoemann *Opusc.* III 428 слл., Meier und Schoemann *Att. Prozess* [2] стр. 370. Столь-же бездоказательна и легенда о Метрагиртѣ, котораго аѳиняне будто бы свергли въ *βάραθρον* (Wilamowitz *Hermes* XIV 195).

[3]) Eurip. *Cret.* fr. 472 N[2]. Эта черта не могла быть присуща древнему орфическому ученію, потому что въ орфической ѳеогоніи нѣтъ мѣста для матери боговъ.

[4]) Eurip. *Hippol.* 956 *θηρεύουσι γὰρ σεμνοῖς λόγοισιν, αἰσχρὰ μηχανώμενοι.*

[5]) Любопытно, какъ холодно относится къ элевсинскимъ мистеріямъ Платонъ.

зрѣнія предлагало пиѳагорейское ученіе. Изъ этого источника, вѣроятно, исходитъ представленіе, что душа благочестиваго и праведнаго человѣка послѣ смерти переселяется на небо, и только тѣло остается на землѣ. Въ дошедшей до насъ литературѣ это представленіе впервые встрѣчается у сицилійца Эпихарма, на міросозерцаніи котораго вообще очень сильно отразилось вліяніе пиѳагорейскаго ученія [1]). Около начала Пелопоннесской войны это вѣрованіе распространилось и въ Аѳинахъ. Въ надписи, начертанной по распоряженію правительства на гробницѣ гражданъ, павшихъ при Потидеѣ, сказано, что души этихъ героевъ перешли въ Эѳиръ; это, кажется, единственный общественный памятникъ той эпохи, содержащій указаніе на загробную жизнь [2]). Эврипидъ также неоднократно выражалъ эту мысль [3]). Иногда же его охватывали орфическія представленія [4]):

Кто скажетъ намъ, не смерть ли жизнь земная,
И смерти часъ—не жизни ли начало?

И на краю могилы, въ одной изъ послѣднихъ написанныхъ имъ драмъ—въ «Вакханкахъ»,—престарѣлый поэтъ всецѣло отрекается отъ того міровоззрѣнія, котораго до тѣхъ поръ онъ былъ самымъ дѣятельнымъ поборникомъ. Вся пьеса представляетъ собою апоѳеозъ того оргіастическаго служенія Діонису, которое лежало въ основѣ орфической религіи и ѳракійско-фригійскихъ мистерій. Она учитъ, что человѣческая мудрость—ничто въ сравненіи съ освященными временемъ преданіями. Жизнь коротка; безумно мудрствовать о вещахъ, которыхъ умъ смертнаго не въ силахъ постигнуть. Надо усвоить просто-

---

[1]) Epicharm. fr. inc. 7 и 8 Lorenz. Аналогичное представленіе выражено въ *Χρυσᾶ ἔπη*, къ концу: *ἢν δ' ἀπολείψας σῶμα ἐς αἰθέρ' ἐλεύθερον ἔλθῃς, ἔσσεαι ἀθάνατος θεὸς ἄμβροτος, οὐκέτι θνητός*; сравн. изложеніе пиѳагорейскаго ученія о душѣ у Laert. Diog. VIII 32 и особенно у Zeller'a I[5] 452. Предположеніе, что это воззрѣніе заимствовано изъ іонической философіи, кажется мнѣ менѣе вѣроятнымъ; во всякомъ случаѣ, это ученіе существовало уже до Діогена.

[2]) *CIA*. I 442 *Αἰθὴρ μὲν ψυχὰς ὑπεδέξατο, σώ[ματα δὲ χθὼν] τῶνδε.*

[3]) *Ἱκετ*. 533 (сравн. 1140), *Χρυσιπ*. fr. 839 N[2], гдѣ слова близко напоминаютъ Эпихарма. Очень любопытны стихи 1013 и сл. въ *Еленѣ*: *ὁ νοῦς τῶν κατθανόντων ζῇ μὲν οὔ· γνώμην δ' ἔχει ἀθάνατον εἰς ἀθάνατον αἰθέρ' ἐμπεσών*. Сравн. Dieterich *Nekyia* стр. 103 сля., Rohde *Psyche* стр. 550.

[4]) *Polyid*. fr. 638 N[2], сравн. *Phrix*. fr. 833 и *Hippol*. 189 сля. Въ послѣдней пьесѣ самъ Ипполитъ и, вѣроятно, старая мамка Федры являются послѣдователями орфическаго ученія.

душныя вѣрованія народа. Да и трудно ли признать власть божества, которая открывается намъ въ явленіяхъ природы и почитать которую предписано древнимъ обычаемъ [1])? Такимъ образомъ поэтъ отказывается здѣсь отъ всего, чему въ теченіе его долгой жизни были посвящены его лучшія стремленія. Не одна только старость ослабила его умъ; въ его словахъ отражается и духъ времени. Знаніе, какъ оно преподавалось въ школахъ софистовъ, уже не удовлетворяло потребностей общества; міръ жаждалъ вѣры.

Это явленіе было въ значительной степени обусловлено характеромъ самой науки и ея представителей. Мышленіе смѣло подступило къ высшимъ задачамъ бытія, но еще недоставало той эмпирической основы, которая дала бы возможность если не рѣшить эти вопросы, то по крайней мѣрѣ приблизиться къ ихъ рѣшенію. Все, что̀ предлагала философія, было въ сущности ничто иное, какъ гипотезы, выведенныя путемъ дедукціи изъ общихъ положеній. Поэтому критика безъ труда уничтожала эти системы одну за другою, пока наука не пришла къ тому заключенію, что истинное познаніе природы вообще невозможно (выше, т. I стр. 484). Эту мысль выразилъ уже древній Ксенофанъ:

И если-бъ кто намъ истину открылъ,—
То истина, иль нѣтъ, онъ знать не могъ-бы:
Догадка все, что̀ скажетъ человѣкъ.

Протагорова теорія относительности, скептицизмъ Горгія — только дальнѣйшее развитіе этой мысли. Правда, это отчаяніе было при тогдашнемъ состояніи науки не совсѣмъ безосновательно; ошибка заключалась только въ томъ, что на мѣсто смѣлаго *ignoramus* ставили трусливое *ignorabimus*. Этимъ наука подрыла свой собственный фундаментъ; противники, конечно, не замедлили извлечь выгоду изъ этого признанія и вступили въ борьбу съ софистикой, пользуясь тѣмъ оружіемъ, которое она сама выковала для нихъ.

Этотъ походъ противъ науки былъ предпринятъ аѳиняниномъ Сократомъ [2]). Онъ родился около 470 года; будучи сыномъ ваятеля, онъ, по обычаю, изучилъ ремесло отца, но скоро оно перестало удовлетворять его. Уже въ дѣтствѣ ему казалось, что на него ни-

---

[1]) *Bacch.* 200 сля., 395 сля., 430 сл., 890 сля.

[2]) Источники и литературу см. въ руководствахъ по исторіи греческой философіи, особенно у Целлера, II⁴ 1 стр. 44 сля.

сходитъ божественное вдохновенiе, что онъ слышитъ внутреннiй голосъ, предостерегающiй его не совершать поступковъ, которые могли бы принести вредъ; и этотъ духъ, это *δαιμόνιον*, какъ онъ называлъ его, сопровождалъ его на всемъ его жизненномъ пути. Иногда онъ внезапно погружался въ глубокое раздумье и неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, совершенно не замѣчая, что̀ происходитъ вокругъ него; говорятъ, что однажды онъ простоялъ такимъ образомъ въ лагерѣ при Потидеѣ цѣлый день и слѣдовавшую за нимъ ночь. Поэтому онъ оставилъ свое ремесло и всецѣло отдался тому призванiю, которое, какъ онъ думалъ, было предназначено ему свыше,— исправленiю своихъ согражданъ путемъ разъясненiя имъ ихъ нравственныхъ обязанностей. Итакъ, онъ сдѣлался тѣмъ, что̀ въ Грецiи называли тогда софистомъ. Платы за свое преподаванiе онъ не требовалъ, да и не могъ требовать, такъ какъ онъ не велъ, какъ другiе, систематическаго курса и вообще не читалъ лекцiй, а ограничивался тѣмъ, что со всякимъ, кто желалъ или кто даже не желалъ этого, завязывалъ бесѣду на философскiя темы. Его небольшое состоянiе при его крайне ограниченныхъ потребностяхъ давало ему возможность посвящать этой задачѣ всѣ свои силы [1]).

Онъ былъ далекъ отъ всякихъ изслѣдованiй въ области естественныхъ наукъ; мало того, онъ даже не былъ въ состоянiи оцѣнить всю важность этихъ задачъ, и потому раздѣлялъ распространенный въ народѣ взглядъ, признававшiй нечестивымъ всякое занятiе такими предметами, познанiе которыхъ божество сдѣлало недоступнымъ для человѣческаго ума. За то въ софистическихъ искусствахъ — дiалектикѣ и эристикѣ — онъ достигъ высокой степени совершенства; не было человѣка, который превосходилъ бы его въ этой области, и почти всякiй, кого онъ вовлекалъ въ споръ, безвозвратно запутывался въ его сѣтяхъ. Но эти искусства служили ему только средствами для борьбы противъ теорiй его противниковъ и для защиты собственнаго ученiя; никогда Сократу не приходило въ голову выступить въ качествѣ учителя краснорѣчiя.

[1]) Противъ легенды о бѣдности Сократа полемизировалъ уже Димитрiй Фалерскiй (Plut. *Arist.* 1), который, впрочемъ, преувеличиваетъ въ противоположную сторону. Во всякомъ случаѣ, Сократъ не принадлежалъ къ классу ѳетовъ, такъ какъ онъ служилъ въ качествѣ гоплита. Правда, существовали и гоплиты изъ ѳетовъ, вооруженные на счетъ государства; но едва ли брали для этого пожилыхъ людей, а Сократу во время осады Потидеи было лѣтъ 40, а во время битвы при Делiѣ — больше 45-ти. Бѣдность — относительное понятiе; и зевгитъ, не желавшiй работать, долженъ былъ терпѣть изрядную нужду.

Дѣло въ томъ, что и Сократъ, какъ настоящій сынъ своего времени, былъ врагомъ всякой вѣры въ авторитетъ; онъ придавалъ значеніе только тому, что̀ могло быть доказано. При всей глубокой религіозности своей натуры, онъ тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ доказывать существованіе бога и находилъ эти доказательства въ цѣлесообразномъ устройствѣ природы, которое, по его мнѣнію, могло быть создано только разумнымъ творцомъ. Это—то-же разсужденіе, которое привело уже Анаксагора къ его ученію о Разумѣ. Затѣмъ Сократъ ссылался на *consensus gentium*, на общую всѣмъ народамъ вѣру въ существованіе божественнаго Провидѣнія. Притомъ онъ полагалъ, что цѣлесообразное устройство вселенной создано спеціально въ интересахъ человѣка. По вопросу о выборѣ между монотеизмомъ и политеизмомъ Сократъ повидимому не предпринималъ серьезныхъ изысканій; да и вообще онъ по возможности примыкалъ къ народнымъ вѣрованіямъ, соблюдалъ обряды и придавалъ большое значеніе изреченіямъ оракула и всей мантикѣ. Относительно сущности божества онъ держался, разумѣется, тѣхъ просвѣщенныхъ взглядовъ, которые господствовали въ его время среди образованныхъ людей и которые были выработаны великими поэтами начиная съ Симонида. Напротивъ, орфическимъ ученіямъ и тайнымъ культамъ онъ оставался совершенно чуждъ; поэтому онъ не принималъ и ученія о безсмертіи души или разсматривалъ его только какъ гипотезу, такъ какъ относительно того, что̀ происходитъ послѣ смерти, человѣкъ, по его мнѣнію, ничего не можетъ знать съ достовѣрностью.

Рядомъ съ теологіей Сократа занимала одна только этика; и здѣсь онъ также находилъ свои идеалы въ прошломъ. Онъ еще всецѣло стоитъ на той утилитарной почвѣ, на которой стояли древніе семь мудрецовъ. Добродѣтель для Сократа заключается въ познаніи добра, добро-же—то, что̀ для насъ полезно. Очевидно, что никто не станетъ преднамѣренно причинять себѣ вредъ; слѣдовательно, достаточно только выяснить людямъ ихъ истинную выгоду,—и они будутъ поступать сообразно съ этой выгодой, т.-е. добродѣтельно. Итакъ, добродѣтель для Сократа — знаніе, порокъ — заблужденіе.

Но какимъ образомъ можемъ мы узнать, что̀ полезно для насъ, и, слѣдовательно, найти прочную норму для нашихъ поступковъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ Сократъ считалъ своей важнѣйшей задачей. Скептицизмъ софистической школы подвергъ сомнѣнію самую возможность знанія; поэтому новую систему приходилось возводить отъ фундамента. Сократъ полагалъ, что достигаетъ этого, изслѣдуя сущность каждой изъ вещей *(τί ἕκαστον εἴη τῶν ὄντων)*, а для этой

цѣли считалъ достаточнымъ дать точное опредѣленіе каждому изъ понятій, существующихъ въ языкѣ. Разговоры, въ которые Сократъ вовлекалъ своихъ друзей и противниковъ, большею частью касались вопросовъ этого рода. При этомъ онъ сначала дѣлалъ видъ, что совершенно незнакомъ съ содержаніемъ разбираемой задачи, и затѣмъ рядомъ искусно поставленныхъ вопросовъ постепенно приводилъ своего собесѣдника къ тому рѣшенію, котораго желалъ. Способомъ доказательства служилъ обыкновенно грубый видъ индукціи, такъ что каждый частный случай подчинялся какому-нибудь общему опредѣленію, причемъ для подвержденія приводились аналогичные случаи,—все это, конечно, совершенно эмпирически.

Всѣ эти изслѣдованія естественно привели Сократа къ подтвержденію унаслѣдованной народной морали въ ея основныхъ чертахъ. Кое-гдѣ утилитарный принципъ приводилъ его къ чудачествамъ, кое-гдѣ онъ какъ будто поднимается выше требованій народной морали, напримѣръ въ ученіи о томъ, что вообще дурно причинять зло другому, даже потерпѣвъ отъ него несправедливость; впрочемъ, мы не знаемъ, принадлежитъ ли это ученіе самому Сократу или вложено въ его уста только Платономъ. Въ общемъ, однако, нельзя сказать, чтобы эллины были обязаны Сократу какимъ-либо успѣхомъ въ области этики. Мало того, нравственное ученіе Сократа съ его плоскимъ утилитаризмомъ слѣдовало-бы признать прямо безнравственнымъ, если-бы Сократъ дѣйствительно остановился на немъ. Однако Сократъ былъ не только философомъ, но и, прежде всего, глубоко-религіознымъ человѣкомъ; поэтому онъ требовалъ, чтобы человѣкъ жилъ добродѣтельно не только въ виду пользы, которую приноситъ ему добродѣтель, но и потому, что добродѣтельная жизнь угодна богамъ: благость божества обнаруживается именно въ томъ, что оно требуетъ отъ насъ только такихъ поступковъ, которые полезны для насъ самихъ. Такимъ образомъ ученіе Сократа является первою по времени попыткой примирить знаніе и вѣру, и этимъ въ значительной степени объясняется тайна его успѣха.

Приблизительно съ тридцатыхъ годовъ V вѣка вокругъ Сократа началъ собираться значительный кружокъ учениковъ. Онъ состоялъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ; рядомъ съ молодыми людьми изъ лучшихъ аѳинскихъ фамилій, какъ Алкивіадъ, какъ Критій и его двоюродные братья Платонъ и Главконъ, какъ Гермогенъ, сынъ Гиппоника, богатѣйшаго гражданина Аѳинъ, — мы находимъ здѣсь людей низкаго происхожденія, какъ напримѣръ ремесленника Эсхина, или Антисѳена, сына ѳракійской рабыни. Послушать Сократа пріѣз-

жали и иностранцы, напримѣръ Кебесъ и Симмій изъ Ѳивъ, Эвклидъ изъ Мегары, Аристиппъ изъ Кирены. Въ эпоху Никіева мира Сократъ былъ уже самымъ знаменитымъ философомъ Аѳинъ, такъ что Аристофанъ именно его выбралъ въ протагонисты той пьесы, гдѣ онъ въ каррикатурномъ видѣ представилъ на судъ публики стремленія «софистовъ».

Не было, конечно, недостатка и въ болѣе серьезныхъ противникахъ. Сократа постигла та-же участь, которую такъ часто терпятъ примирители. Всѣ тѣ, кто вообще враждебно относился къ просвѣщенію, смѣшивали его безъ разбора съ софистами; съ другой стороны, поборники просвѣщенія видѣли въ его ученіи только шагъ назадъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что Сократъ, безъ всякаго стѣсненія пользуясь своимъ діалектическимъ превосходствомъ надъ другими, нажилъ себѣ тѣмъ много враговъ. И не смотря на все это онъ спокойно прожилъ въ Аѳинахъ до семидесятилѣтняго возраста; этому благочестивому человѣку, казалось, нечего было бояться обвиненія въ безбожіи, какое навлекли на себя другіе философы. Только возстановленная послѣ паденія Тридцати демократія осмѣлилась привлечь къ суду престарѣлаго мыслителя. Сократъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ отрицаетъ государственныхъ боговъ и вводитъ вмѣсто нихъ новыя божества, что онъ своимъ ученіемъ только развращаетъ юношество. Однимъ изъ обвинителей былъ Анитъ, въ то время, наряду съ Ѳрасибуломъ, самое вліятельное лицо въ Аѳинахъ; человѣкъ безусловно честный, онъ очевидно былъ искренно убѣжденъ въ опасности сократовскаго ученія, содержаніе котораго, при недостаточности его образованія, было для него совершенно непонятно [1]). Присяжные, которые, конечно, еще гораздо менѣе были знакомы съ ученіемъ Сократа, признали обвиненіе правильнымъ и осудили Сократа; но замѣчательно, что,

1) Сократовская школа, которой мы обязаны всѣми нашими свѣдѣніями о процессѣ, постаралась, конечно, выставить обвинителей въ наиболѣе дурномъ свѣтѣ и приписать имъ корыстныя побужденія; однако ей не удалось доказать это сколько-нибудь убѣдительнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, политическіе мотивы, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, не играли въ процессѣ никакой роли или только очень второстепенную, потому что, хотя Сократъ отнюдь не былъ пылкимъ приверженцемъ демократіи и хотя Критій былъ его ученикомъ, тѣмъ не менѣе онъ самъ не принималъ никакого участія въ революціи, а, напротивъ, имѣлъ даже мужество стать въ оппозицію къ олигархамъ. Притомъ, именно Анитъ очень строго соблюдалъ постановленіе объ амнистіи за совершенныя во время революціи политическіе проступки (Isocr. *пр. Каллим.* 23).

несмотря на вліяніе Анита, въ пользу обвинительнаго приговора высказалось только очень незначительное большинство голосовъ. Такимъ образомъ Сократъ былъ осужденъ и казненъ (весною 399 г.), павъ жертвой того реакціоннаго движенія, развитію котораго онъ самъ такъ сильно способствовалъ.

Само собою разумѣется, что результаты процесса оказались совершенно противоположными тѣмъ, какихъ ожидали его зачинщики. Правда, школа Сократа распалась; но образъ учителя сохранился живымъ въ душѣ каждаго изъ его учениковъ; мало того, принявъ смерть за свои убѣжденія, онъ представлялся имъ теперь въ ореолѣ святого. Глубокое вліяніе сократовскаго ученія было въ значительной степени обусловлено тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвела на современниковъ мученическая смерть мудреца и свѣтлое спокойствіе, сохраненное имъ до послѣдней минуты. Первою заботой его учениковъ было убѣдить общество, что въ Аѳинахъ совершено юридическое убійство, жертвою котораго палъ лучшій гражданинъ государства. Съ этой цѣлью Платонъ написалъ защитительную рѣчь Сократа, вѣроятно очень близкую къ той, которую послѣдній дѣйствительно произнесъ на судѣ. Той же цѣли служили «Воспоминанія» Ксенофонта, сборникъ разговоровъ Сократа съ его учениками и друзьями, представляющій еще и теперь лучшій источникъ для ознакомленія съ ученіемъ Сократа. Сократовскіе діалоги писалъ и Эсхинъ; онъ славился тѣмъ, что съ замѣчательной вѣрностью передавалъ духъ учителя. Въ діалогахъ Платона Сократу также принадлежитъ главная роль; но здѣсь онъ выражаетъ уже не свои собственныя воззрѣнія, а воззрѣнія своего ученика, скрывающаго свое лицо подъ маской учителя.

Эти и подобныя имъ сочиненія вскорѣ распространили сократовское ученіе далеко за предѣлы того тѣснаго кружка, съ которымъ Сократъ соприкасался лично,—хотя онъ самъ ограничивался исключительно устными бесѣдами и не оставилъ послѣ себя ни одной строки. Такое же значеніе имѣла преподавательская дѣятельность его учениковъ, которые теперь бо́льшею частью покинули Аѳины и начали сами основывать школы въ разныхъ частяхъ эллинскаго міра. То, что̀ преподавалось въ этихъ школахъ, имѣло часто мало общаго съ сократовскимъ ученіемъ, но все-таки въ значительной степени зависѣло отъ него. Дальнѣйшее развитіе философіи въ теченіе слѣдующаго полустолѣтія сосредоточивалось почти исключительно въ этихъ школахъ, и такимъ образомъ ни одинъ греческій мыслитель не оказалъ столь глубокаго вліянія на потомство, какъ Сократъ.

Только одинъ изъ учениковъ Сократа съумѣлъ далѣе развить въ его духѣ и углубить его ученіе, — именно, аѳинянинъ Платонъ (427 — 347) [1]). Онъ происходилъ изъ знатной и богатой семьи, въ юности занимался поэзіей и всю свою жизнь оставался больше поэтомъ, чѣмъ мыслителемъ. Въ область философіи онъ былъ введенъ послѣдователемъ Гераклита Кратиломъ, но вскорѣ примкнулъ къ Сократу, восторженнымъ поклонникомъ котораго оставался до его смерти и память котораго свято хранилъ всю жизнь. Для него, какъ и для его учителя, вѣра стояла выше знанія; и онъ былъ убѣжденъ, что существованіе такого художественнаго произведенія, какъ міръ, заставляетъ предполагать и существованіе художника, создавшаго его. Но въ то время какъ Сократъ ограничился этимъ и оставилъ безъ отвѣта, какъ неразрѣшимый для человѣка, вопросъ о томъ, что̀ ожидаетъ насъ послѣ смерти, — Платонъ не удовлетворился смиреннымъ отреченіемъ; если вначалѣ онъ и въ этомъ пунктѣ слѣдовалъ ученію Сократа, то вскорѣ онъ принялъ орфически-пиѳагорейское ученіе о безсмертіи души вмѣстѣ со всѣми его выводами, какъ предбытіе, грѣхопаденіе, переселеніе душъ, возмездіе въ загробной жизни и возможность окончательнаго освобожденія. Онъ старался, конечно, найти доказательства для своей вѣры. Онъ говорилъ: только одушевленныя тѣла одарены способностью къ самостоятельному движенію; слѣдовательно душа должна быть причиною движенія тѣла, и потому сама она можетъ быть представлена только движущеюся, т.-е. живою; слѣдовательно она безсмертна. Далѣе, душа недѣлима и потому вѣчна. Наконецъ, изслѣдованіе за предѣлами непосредственно доступнаго для наблюденія возможно только потому, что мы въ состояніи припомнить представленія, полученныя нами въ какой-то предшествовавшей жизни. Какъ слабы всѣ эти доводы, ясно само собою; но именно ихъ недостаточность показываетъ намъ, что Платонъ не могъ этимъ путемъ придти къ своему ученію о безсмертіи, — что его цѣль заключалась только въ томъ, чтобы научно оправдать уже прочно установленное вѣрованіе [2]).

Благодаря этому этика Платона получила, конечно, иное содержаніе, чѣмъ этика Сократа. Правда, и Платонъ убѣжденъ въ томъ, что только добродѣтель можетъ приводить къ блаженству и что необходимымъ условіемъ для добродѣтельной жизни является знаніе того, что̀ хорошо. Но въ то время, какъ Сократъ думалъ только о

---

[1]) Zeller II⁴ 1 стр. 389 слл.

[2]) Rohde *Psyche* стр. 555—586.

здѣшнемъ мірѣ, для Платона истинное блаженство лежитъ лишь за предѣлами жизни. Наша задача здѣсь, на землѣ, заключается въ освобожденіи души отъ тѣхъ страстей, которыми она обременена благодаря ея соединенію съ тѣломъ, въ очищеніи ея отъ примѣсей чувственности и въ подготовленіи ея къ освобожденію изъ круговорота возрожденій, дабы она нѣкогда была признана достойной возвратиться на свою божественную родину.

Еще и въ другомъ направленіи Платонъ пошелъ дальше своего учителя. Сократъ интересовался только этикой; о физическомъ мірѣ, говорилъ онъ, все равно ничего нельзя узнать, да это знаніе и не дало бы намъ ничего. Платонъ вполнѣ раздѣляетъ это пренебреженіе къ физическому міру; но онъ не хотѣлъ успокоиться на простомъ невѣдѣніи и стремился къ познанію первоначальныхъ причинъ существующаго. Уже Гераклитъ училъ, что въ чувственно-познаваемомъ мірѣ существуетъ лишь безпрерывная смѣна явленій, слѣдовательно бытія нѣтъ; отсюда Платонъ заключаетъ, что истинное бытіе слѣдуетъ искать въ другомъ, сверхъ-чувственномъ мірѣ. Въ греческой философіи уже давно было установлено, что только мышленіе можетъ вести къ истинному познанію; именно изъ этого положенія исходилъ Сократъ, когда старался достигнуть дѣйствительнаго знанія посредствомъ точнаго опредѣленія понятій. Прямымъ выводомъ изъ этого взгляда была мысль Платона, что въ понятіяхъ заключается самая сущность вещей. Отвлеченныя понятія сгущаются у него въ самостоятельныя сущности, въ «идеи» *(ἰδέαι, εἴδη)*, какъ онъ ихъ называлъ. Онѣ вѣчны и неизмѣнны, онѣ лишены всякихъ чувственныхъ свойствъ; но все, что существуетъ въ нашемъ земномъ мірѣ, есть лишь отраженіе этихъ идей. Итакъ, существуетъ столько идей, сколько мы имѣемъ родовыхъ понятій: идеи волосъ и грязи, стола и постели, большой и малой величины, сходства и различія, негодности и даже небытія. Эти идеи, какъ и соотвѣтствующіе имъ предметы и понятія, не всѣ имѣютъ одинаковую цѣнность; наоборотъ, онѣ составляютъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней, и на вершинѣ этой лѣстницы стоитъ высшая идея — идея добра, сливающаяся для Платона съ Божествомъ.

Исходя изъ этихъ положеній, Платонъ объясняетъ существованіе физическаго міра тѣмъ, что божество, «творецъ міра» *(δημιουργός)*, создаетъ изъ матеріи копіи идей. При этомъ матерія противодѣйствуетъ стремленію божества создать совершенное твореніе, точно такъ же какъ наше тѣло мѣшаетъ нашей душѣ быть совершенной. Такимъ образомъ матерія является для Платона причиною всякаго

зла. Частными вопросами космогоніи онъ занялся только въ старости, отчасти подъ вліяніемъ пиѳагорейскаго ученія; на его собственную систему эти изслѣдованія не повліяли.

Такимъ образомъ, ученіе Платона представляетъ собою въ сущности ничто иное, какъ теологическую систему, для которой философія служитъ только опорой. Тѣмъ болѣе характеренъ громадный успѣхъ, который оно имѣло у современниковъ. Гимнасій въ Академіи за воротами Аѳинъ, гдѣ Платонъ спустя нѣкоторое время послѣ смерти Сократа открылъ школу, вскорѣ сдѣлался центромъ, куда стали стекаться любознательные юноши изъ всѣхъ частей эллинскаго міра. Изъ Калхедона прибылъ Ксенократъ, изъ Гераклеи понтійской — Гераклидъ и Аминта, изъ Стагиры — Аристотель, изъ Фаселиды — Ѳеодектъ, съ далекаго Кипра — Эвдемъ, изъ Сиракузъ — Гермодоръ, изъ Опунта — Филиппъ, изъ Ореоса на Эвбеѣ — Эвфрей; и это лишь наиболѣе блестящія имена среди огромнаго числа его учениковъ [1]). Въ сравненіи съ этой массой учениковъ-иностранцевъ соотечественники Платона естественно отступали на второй планъ; изъ аѳинянъ, получившихъ образованіе въ его школѣ, заслуживаетъ упоминанія собственно только Спевсиппъ, да и тотъ былъ сыномъ родной сестры Платона. При такомъ наплывѣ слушателей занятія уже не могли происходить въ общественномъ гимнасіи, и для школы понадобилось особое мѣсто. Для этой цѣли Платонъ около 360 года пріобрѣлъ садъ вблизи Академіи, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ постояннымъ помѣщеніемъ школы. Въ то же время Платонъ развивалъ и очень обширную литературную дѣятельность; его ученикъ Гермодоръ велъ бойкую торговлю сочиненіями учителя [2]).

Реакція въ области духовной жизни, такъ ясно выразившаяся въ ученіи Платона и еще болѣе въ успѣхѣ, выпавшемъ на долю этого ученія, шла рука объ руку съ реакціей въ области политики. И какъ сама наука своимъ безплоднымъ скептицизмомъ проложила путь своимъ противникамъ - теологамъ, такъ и демократія была въ значительной степени сама виновна въ томъ, что общественное мнѣніе начало теперь отворачиваться отъ нея. Равноправіе для всѣхъ — таково было магическое слово, посредствомъ котораго эллинская демократія въ эпоху Персидскихъ войнъ низвергла существовавшія политическія формы, чтобы на ихъ мѣсто поставить владычество

---

[1]) Списокъ учениковъ Платона—у Целлера II⁴ 1 стр. 982.

[2]) Suid. *Λόγοισιν Ἑρμόδωρος ἐμπορεύεται,* Cic. *Att.* XIII 20, 4, сравн. Birt *Das antike Buchwesen* (Berlin 1882) стр. 435.

большинства. Теперь, когда цѣль была достигнута, начали сознавать, что и здѣсь дѣйствительность имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ теорія. Низшіе слои общества еще далеко не были подготовлены къ пользованію тѣми обширными политическими правами, которыя предоставлялъ имъ демократическій строй. Что̀ могли понимать въ вопросахъ внѣшней политики или въ сложныхъ финансовыхъ и административныхъ вопросахъ тѣ пролетаріи, которые наполняли народныя собранія и голоса которыхъ имѣли рѣшающій перевѣсъ? Масса неизбѣжно должна была становиться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто умѣлъ пріобрѣсти ея довѣріе. Между тѣмъ, самымъ вѣрнымъ и, во всякомъ случаѣ, самымъ простымъ путемъ къ этому было доставленіе народной массѣ матеріальныхъ выгодъ на счетъ государства. Даже такой человѣкъ, какъ Периклъ, былъ вынужденъ дѣлать больше уступокъ этимъ обстоятельствамъ, чѣмъ слѣдовало бы; чего же можно было ожидать отъ менѣе честныхъ государственныхъ людей? Такимъ образомъ въ теченіе немногихъ десятилѣтій развилась демагогія, которая угождала низменнымъ инстинктамъ толпы, чтобы, опираясь на нее, эксплуатировать государство въ свою собственную пользу.

Такое положеніе дѣлъ было уже достаточно дурно, но его еще можно было бы вынести. Власть народнаго собранія до извѣстной степени уравновѣшивалась вліяніемъ магистратовъ, большинство которыхъ набиралось, естественно, изъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ. Кромѣ того, проекты, подлежавшіе голосованію въ народномъ собраніи, должны были сначала пройти черезъ совѣтъ; и если совѣтъ представлялъ собою ничто иное, какъ коллегію делегатовъ народнаго собранія, выбранныхъ большею частью, какъ въ Аѳинахъ, по жребію, то въ такой коллегіи все-таки легче было провести разумное предложеніе, — а рѣшенія совѣта обыкновенно принимались народомъ уже безъ дальнѣйшаго обсужденія. Далѣе, каждое незаконное постановленіе народнаго собранія могло быть оспариваемо на судѣ, и тогда оно до рѣшенія не вступало въ силу. Наконецъ, законодательная власть находилась, конечно, въ рукахъ народа, но пользованіе ею было стѣснено такимъ большимъ количествомъ конституціонныхъ оговорокъ, что въ этой области не легко было принять какое-либо необдуманное рѣшеніе. Правда, несмотря на все это для злоупотребленій всякаго рода оставалось открытымъ обширное поприще; но въ области администраціи большая часть опасностей, сопряженныхъ съ владычествомъ массъ, была предотвращена, и если состоятельные классы въ греческихъ демократіяхъ

могли на что-нибудь жаловаться, то главнымъ образомъ на тяжесть налоговъ. Въ Аѳинахъ и это неудобство было устранено, такъ какъ почти всѣ нужды государства покрывались доходами съ заграничныхъ владѣній и отъ дани союзниковъ, пока Пелопоннесская война не заставила и аѳинскую демократію обратиться къ прямому обложенію гражданъ.

Но что̀ было совершенно невыносимо—это состояніе судопроизводства. Греческая демократія держалась того основного положенія, что всякій гражданинъ, достигнувшій опредѣленнаго возраста (въ Аѳинахъ, да вѣроятно и повсюду, — 30 лѣтъ), способенъ быть присяжнымъ. Но когда на судейской скамьѣ сидѣли бѣдняки, опасность подкупа была особенно велика,—не потому, чтобы бѣдные были болѣе доступны подкупу, чѣмъ богатые, а потому, что ихъ, разумѣется, можно было купить за гораздо меньшую сумму. Чтобы предупредить эту опасность, существовало только одно средство: составлять суды изъ сотенъ присяжныхъ. Но такое большое число судей можно было систематически собирать только въ томъ случаѣ, если государство рѣшалось вознаграждать ихъ за потраченное время и трудъ (см. выше, т. I стр. 370). Слѣдствіемъ такого порядка вещей, естественно, было то, что граждане бѣднѣйшихъ классовъ стремились попасть въ геліею, потому что гораздо удобнѣе было получать плату за засѣданіе въ судѣ, чѣмъ зарабатывать свое пропитаніе въ потѣ лица. Но по мѣрѣ того, какъ суды наполнялись простонародьемъ, зажиточные люди всѣ болѣе уклонялись отъ участія въ нихъ; скудное вознагражденіе не имѣло для нихъ значенія, а исходъ дѣла все-таки зависѣлъ отъ голосовъ пролетаріевъ, составлявшихъ большинство между присяжными. Притомъ, не особенно пріятно было также просиживать по полдня среди смрадной толпы [1]). Такимъ образомъ народный судъ постепенно сдѣлался достояніемъ низшихъ классовъ, и образовался тотъ пролетаріатъ присяжныхъ, который съ такой несравненной живостью рисуетъ намъ комедія.

Теперь представимъ себѣ собраніе изъ двухсотъ, пятисотъ, даже тысячи такихъ присяжныхъ, призванное рѣшать самые сложные вопросы политической, уголовной и гражданской юрисдикціи. Самостоятельное, юридически обоснованное мнѣніе можно было встрѣтить у судей этого рода только въ очень рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно исходъ дѣла зависѣлъ отъ бо̀льшей или меньшей ловкости обвинителя или защитника. Но и невѣжество судей не было еще наибольшимъ

---

[1]) Aristoph. Ἱππεῖς 898.

зломъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло только о гражданскомъ искѣ и гдѣ исходъ процесса лично для присяжныхъ не имѣлъ значенія,—т.-е. въ большинствѣ случаевъ,—можно было ожидать, что они рѣшатъ дѣло по своему крайнему разумѣнію и добросовѣстно. Но что̀ если приходилось разсматривать процессъ, затрогивавшій самыя основанія общественной жизни государства, напримѣръ обвиненіе противъ какого-нибудь выдающагося государственнаго дѣятеля или полководца? Злоба дня вѣроятно всегда будетъ вліять на исходъ политическихъ процессовъ, пока на судейской скамьѣ сидятъ люди; во сколько же разъ сильнѣе должно было сказываться это зло въ судилищѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ этомъ уменьшенномъ подобіи народнаго собранія, волнуемомъ тѣми же страстями, что̀ и послѣднее, гдѣ чувство отвѣтственности притуплялось кажущеюся маловажностью единичнаго голоса? Длинный рядъ несправедливыхъ рѣшеній, красной нитью проходящій черезъ всю исторію аѳинскаго народнаго суда отъ Перикла до Фокіона, ясно показываетъ, чего можно было ожидать отъ подобнаго трибунала.

Но и не въ этомъ еще заключалось главное зло. Хроническіе финансовые кризисы въ большинствѣ греческихъ демократій, вызываемые въ значительной степени именно тратами на пользу «обездоленнаго» класса, приводили къ необходимости покрывать дефицитъ государственной кассы посредствомъ конфискацій; а поводомъ для послѣднихъ должны были служить политическіе процессы. Со времени Пелопоннесской войны сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что обвинитель предлагалъ присяжнымъ осудить обвиняемаго для того, чтобы изъ конфискованнаго имущества можно было уплатить жалованье судьямъ, такъ какъ другихъ средствъ для этого не существуетъ [1]). «Всѣмъ извѣстно», говорилъ въ 400 году одинъ аѳинскій ораторъ, «что пока въ кассѣ есть достаточно денегъ, совѣтъ не нарушаетъ закона; когда же государство находится въ денежной нуждѣ, тогда совѣтъ не можетъ не пользоваться доносами, не конфисковать имущества гражданъ и не давать хода предложеніямъ самыхъ негодныхъ ораторовъ» [2]).

Благодаря этимъ условіямъ широко развилась система ложныхъ доносовъ, которая уже въ послѣднія десятилѣтія V вѣка приняла въ Аѳинахъ ужасающіе размѣры. Государство не принимало серьезныхъ мѣръ противъ этого зла. Ловкіе адвокаты дѣлали своей про-

1) Aristoph. *Ἱππεῖς* 1358 сл., Lys. (27) *пр. Эпикр.* 2.

2) Lys. (30) *пр. Ником.* 22, сравн. [Xen.] *Ἀθην. πολ.* I 13, Aristot. *Pol.* VII (VI) 1320 a.

фессіей вымогательство денегъ у богатыхъ людей подъ угрозою судебнаго обвиненія; а такъ какъ при тогдашнемъ составѣ присяжныхъ совершенно нельзя было предвидѣть исходъ какого-либо процесса, то этотъ пріемъ въ большинствѣ случаевъ сопровождался желаннымъ успѣхомъ [1]). Тому, кто хотѣлъ предохранить себя отъ этой опасности, не оставалось иного средства, какъ самому нанять доносчика, который затѣмъ и выбивалъ оружіе изъ рукъ своихъ коллегъ [2]).

Но на этомъ демократическое движеніе не остановилось и не могло остановиться. Разъ закономъ было признано политическое равноправіе всѣхъ гражданъ, то не вытекало ли изъ этого положенія съ логической послѣдовательностью, что граждане и имущественно должны быть равны между собою? Могущество этой идеи было такъ велико, что даже люди, нисколько не сочувствовавшіе демократическому строю, не могли избѣгнуть ея вліянія; мы встрѣчаемъ ее во всѣхъ политическихъ утопіяхъ этого времени въ формѣ требованія раздѣлить либо самую собственность, либо только доходы, приносимые собственностью. О томъ, какъ усердно обсуждался этотъ вопросъ въ Аѳинахъ въ началѣ IV вѣка, даютъ намъ понятіе *Ἐκκλησιάζουσαι* Аристофана, пьеса, въ которой авторъ со сцены наглядно показываетъ зрителямъ послѣдствія осуществленія такихъ идей. Было сдѣлано и нѣсколько попытокъ примѣнить эту теорію на практикѣ. Такъ, въ Леонтинахъ въ 423 году было рѣшено вновь раздѣлить всю земельную собственность между всѣми гражданами, въ виду чего состоятельные классы отдались подъ покровительство сиракузянъ и съ ихъ помощью изгнали изъ страны чернь и ея вождей [3]). То, чтó здѣсь не удалось, было — по крайней мѣрѣ, отчасти — осуществлено Діонисіемъ въ Сиракузахъ, послѣ того какъ онъ захватилъ власть съ помощью пролетаріата [4]); когда тиранія пала, народъ потребовалъ повторенія этой мѣры, чему однако вначалѣ воспрепятствовалъ Діонъ; но впослѣдствіи, при Тимолеонѣ, она была приведена въ исполненіе [5]). На Самосѣ въ 412 году землевладѣльцы были съ помощью аѳинянъ убиты или изгнаны, и ихъ дома и земли раздѣлены между народомъ [6]); однако восемь лѣтъ спустя Лисандръ

---

1) Сравн. Westermann ст. *συκοφάντης* въ *Real-Encyklopädie* Pauly.
2) Xen. *Memor.* II 9.
3) Thuc. V 4, сравн. ниже, стр. 29.
4) Ниже, гл. IV.
5) Plut. *Dion.* 48 и о Тимолеонѣ ниже, гл. XV.
6) Thuc. VIII 21.

возстановилъ прежнихъ владѣльцевъ въ ихъ правахъ. Вообще, почти каждый сколько-нибудь глубокій политическій переворотъ сопровождался болѣе или менѣе радикальнымъ измѣненіемъ имущественныхъ отношеній; и если къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, какъ только-что упомянутыя, прибѣгали довольно рѣдко, то надъ головами состоятельныхъ людей все-таки постоянно висѣла, какъ дамокловъ мечъ, возможность конфискаціи ихъ имущества.

Такимъ образомъ демократія, выставившая своимъ девизомъ общее равноправіе, обратилась въ господство одного класса, столь-же тираническое, какъ олигархія VII вѣка, съ тою лишь разницей, что тогда гнетъ исходилъ сверху, теперь—снизу. Въ сравненіи съ этимъ основнымъ фактомъ всѣ разногласія въ средѣ самаго состоятельнаго класса отступали на задній планъ [1]), тѣмъ болѣе, что настоящаго конфликта между интересами землевладѣнія и интересами капитала здѣсь еще не могло существовать: греческія государства были для этого слишкомъ малы, денежное хозяйство недостаточно развито, и землевладѣніе являлось единственнымъ обезпеченнымъ помѣщеніемъ капитала [2]). «Простительно», пишетъ одинъ современникъ Пелопонесской войны, «если человѣкъ изъ народа приверженъ къ демократіи, потому что никого нельзя упрекнуть за то, что онъ заботится о собственной выгодѣ; но тотъ, кто не принадлежитъ къ простому народу и все-таки предпочитаетъ демократическое устройство олигархическому, тотъ хочетъ ловить рыбу въ мутной водѣ и знаетъ, что его продѣлки легче сойдутъ ему съ рукъ въ демократическомъ государствѣ, чѣмъ въ олигархическомъ» [3]). Такимъ образомъ общественное мнѣніе, бывшее, какъ всегда, выраженіемъ взглядовъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ, все болѣе отворачивалось отъ демократіи. Θукидидъ считаетъ демократическій строй явнымъ

---

[1]) Aristot. *Pol.* VIII (V) 1304 b *αἱ μὲν οὖν δημοκρατίαι μάλιστα μεταβάλλουσι διὰ τὴν τῶν δημαγωγῶν ἀσέλγειαν· τὰ μὲν γὰρ ἰδίᾳ συκοφαντοῦντες τοὺς τὰς οὐσίας ἔχοντας συστρέφουσιν αὐτούς (συνάγει γὰρ καὶ τοὺς ἐχθίστους ὁ κοινὸς φόβος), τὰ δὲ κοινῇ τὸ πλῆθος ἐπάγοντες.*

[2]) [Xen.] *Ἀθην. πολ.* II 14 противопоставляетъ *γεωργοῦντες καὶ πλούσιοι* демосу; такъ же Aristoph. *Eccl.*, 197 сл. Богатство Никія состояло преимущественно изъ движимаго имущества (Lys. *ὑπὲρ τῶν Ἀριστοφ. χρημ.* 47), богатый банкиръ Пасіонъ вложилъ значительную часть своего состоянія въ земельныя владѣнія (ниже, гл. VIII). Вообще, литературѣ этого времени еще совершенно чужда противоположность интересовъ землевладѣнія и движимаго капитала. Если Ксенофонтъ (*Oecon.* VI 6) противопоставляетъ *τεχνῖται* (ремесленниковъ) *γεωργοῖ* (крестьянамъ), то это имѣетъ совершенно иной смыслъ.

[3]) [Xen.] *Ἀθην. πολ.* II 20.

безуміемъ, о которомъ разсудительнымъ людямъ не стоитъ тратить и двухъ словъ [1]). Сократъ говорилъ, что глупо замѣщать государственныя должности по жребію, въ то время какъ никому не придетъ въ голову назначать по жребію кормчаго, архитектора или флейтиста [2]). Платонъ вообще держался въ сторонѣ отъ общественной жизни, полагая, что при демократическомъ устройствѣ невозможна никакая полезная политическая дѣятельность.

Люди, стоявшіе на этой точкѣ зрѣнія, естественно обращали свои взоры къ Спартѣ, едва ли не единственному государству Греціи, которое сохранило свой старый политическій строй въ бурную эпоху, послѣдовавшую за Персидскими войнами, и которое теперь казалось единственнымъ надежнымъ оплотомъ консервативныхъ интересовъ. Поэтому среди образованной молодежи вошло въ моду преклоняться передъ спартанскою конституціей и вообще передъ всѣмъ спартанскимъ; и такъ какъ введеніе спартанскихъ учрежденій, къ сожалѣнію, представлялось еще дѣломъ отдаленнаго будущаго, то пока довольствовались усвоеніемъ внѣшнихъ особенностей спартанскаго быта. Аѳинскіе щеголи расхаживали по улицамъ въ длинныхъ волосахъ и съ грязными руками, въ короткихъ спартанскихъ плащахъ и лаконской обуви; въ видѣ спорта процвѣталъ у нихъ, какъ у спартанцевъ, кулачный бой, и они не менѣе гордились своими разсѣченными и распухшими ушами, чѣмъ нѣмецкіе студенты своими шрамами, полученными на дуэляхъ [3]). Все это было, конечно, ребячествомъ, и притомъ безобиднымъ; но оно являлось характернымъ симптомомъ перемѣны, происшедшей въ общественномъ мнѣніи, и это новое настроеніе не замедлило выразиться также въ болѣе серьезныхъ стремленіяхъ.

Дѣло въ томъ, что государственный строй Спарты служилъ исходною точкой для первыхъ попытокъ создать раціоналистическимъ путемъ идеальную конституцію. Таковъ былъ проектъ основателя государствовѣдѣнія въ Греціи, великаго математика Гипподама изъ Милета, жившаго во время Перикла. Слѣдуя примѣру Спарты, онъ требовалъ, чтобы населеніе дѣлилось по сословіямъ, и именно на три

---

1) Thuc. VI 89, 6 *ἐπεὶ δημοκρατίαν γε καὶ ἐγιγνώσκομεν οἱ φρονοῦντές τε, καὶ αὐτὸς οὐδενὸς ἂν χεῖρον, ὅσῳ καὶ * λοιδωρήσαιμι· ἀλλὰ περὶ ὁμολογουμένης ἀνοίας οὐδὲν ἂν καινὸν λέγοιτο.*

2) Xen. *Memor.* I 2, 9.

3) Plat. *Protag.*, 342 b c, Demosth. *пр. Конона* 34 p. 1267. Для комедіи эта лакономанія являлась, конечно, благодарнымъ сюжетомъ, сравн. Aristoph. *Птицы* 1193 сля., Plat. fr. 124 Kock, и т. д.

сословныя группы: воиновъ, крестьянъ и ремесленниковъ. Правда, въ противоположность Спартѣ, крестьяне и ремесленники также должны были пользоваться всѣми правами гражданства, такъ что конституція Гипподама являлась компромиссомъ между спартанскимъ строемъ и демократіею; но уже Аристотель справедливо замѣтилъ, что въ организованномъ такимъ образомъ государствѣ первенствующее вліяніе должно фактически перейти къ воинамъ [1]). Идеальный строй, предложенный въ это же время или немного позднѣе Протагоромъ изъ Абдеры, также, повидимому, былъ основанъ на сословномъ принципѣ; но политическое ученіе Протагора намъ въ подробностяхъ неизвѣстно [2]).

На той же почвѣ стоитъ и Платонъ; только его предложенія еще згораздо болѣе радикальны. И онъ требуетъ раздѣленія на сословія. Внизу стоитъ масса крестьянъ и ремесленниковъ, лишенная всѣхъ политическихъ правъ; они существуютъ только для того, чтобы создавать матеріальную основу, необходимую для существованія высшихъ сословій; внѣ этой сферы государство почти совсѣмъ не считается съ ними. Такимъ образомъ, они являются чѣмъ-то вродѣ илотовъ; правда, они называются «гражданами», но это не имѣетъ значенія. Надъ ними стоятъ «стражи», распадающіеся въ свою очередь на два класса: собственно стражей, военное сословіе, на обязанности котораго лежитъ забота о безопасности государства, и правителей. которымъ предоставлено исключительное право на занятіе государственныхъ должностей. но которые обязаны посвящать большую часть своего времени философскимъ занятіямъ. Эти стражи должны всецѣло отдаваться служенію государству; имъ запрещено заниматься земледѣліемъ или промышленностью и даже вообще имѣть личную собственность; подобно спартанскимъ гражданамъ, они должны обѣдать за общими столами. Далѣе, устанавливается общность женъ, а воспитаніе дѣтей, какъ и въ Спартѣ, государство беретъ на себя. При этомъ воспитаніе обоихъ половъ должно быть одинаково; женщины должны даже наравнѣ съ мужчинами нести военную службу.

Ясно, что государственное устройство, предлагаемое Платономъ, есть въ сущности идеализированная конституція Спарты. Принципы, лежащіе въ основѣ спартанскихъ учрежденій, развиты Платономъ до

[1]) Aristot. *Pol.* II 1267 b.—1268 b.

[2]) Laert. Diog. IX 55, Favorinus ibid. III 57; по словамъ послѣдняго, основныя идеи политическаго ученія Платона были высказаны уже Протагоромъ. Это, конечно, большое преувеличеніе, но какія-нибудь основанія Фаворинъ, вѣроятно, имѣлъ, чтобы выставить такое положеніе.

ихъ крайнихъ послѣдствій; единственное крупное нововведеніе состоитъ въ томъ, что верховная власть предоставлена философски-образованнымъ людямъ. Самъ Платонъ былъ твердо убѣжденъ въ осуществимости своего политическаго идеала; да и могъ ли онъ сомнѣваться въ ней, имѣя передъ глазами спартанское государство? Правда, онъ сознавалъ, что ни одно государство не приметъ добровольно такой конституціи; тщетно надѣялся онъ увидѣть свой идеалъ осуществленнымъ по властному слову какого-нибудь тирана, тщетно ѣздилъ съ этою цѣлью въ Сицилію, ко двору владыки Сиракузъ. Мало того, ему суждено было увидѣть, какъ Спарта—то государство, которое изъ всѣхъ существующихъ наиболѣе приближалось къ его идеалу, — была свергнута съ своей высоты битвою при Левктрахъ. Поэтому на старости Платонъ отказался отъ грезъ своей молодости и создалъ новый планъ государственнаго устройства, причемъ пожертвовалъ сословнымъ принципомъ и по возможности приблизился къ существующимъ условіямъ. Конечно, и этотъ планъ постигла участь, на которую обречены всѣ выработанные въ ученомъ кабинетѣ конституціи, т.-е. онъ остался мертвою буквой. И тѣмъ не менѣе, должно было настать время, когда политическія грезы Платона были осуществлены на практикѣ, хотя лишь отчасти и совершенно инымъ образомъ, чѣмъ онъ думалъ; это было то самое время, когда восторжествовали и религіозныя идеи Платона. Правда, Эллада въ эту эпоху уже давно лежала въ развалинахъ [1]).

Но масса образованныхъ людей имѣла совершенно иные идеалы. Какъ хороши были времена отцовъ и дѣдовъ въ сравненіи съ грустнымъ настоящимъ! не проще ли всего возвратиться къ порядкамъ тѣхъ временъ? Аристофанъ и вообще аттическая комедія безъ устали

---

[1]) Свои политическія идеи Платонъ изложилъ преимущественно въ двухъ большихъ трудахъ — *о государствѣ* и *о законахъ*. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ о времени возникновенія отдѣльныхъ книгъ *Πολιτικά*. Первая книга, судя по характеру упоминанія объ Исменіѣ, p. 336 a, написана едва ли позже 380 г.,—но едва ли и значительно раньше, такъ какъ очевидно, что Платонъ писалъ это свое главное произведеніе въ годы полной зрѣлости. Во всякомъ случаѣ, совершенно ошибочно приводить въ связь *'Εκκλησιάζουσαι* Аристофана съ ученіемъ Платона (сравн. Zeller II[4] 1, стр. 551 слл.). *Законы* были, по преданію, изданы лишь послѣ смерти Платона его ученикомъ Филиппомъ опунтскимъ (Laert. Diog. III 37, Suid. *φιλόσοφος)*; несомнѣнно, что Платонъ написалъ ихъ лишь въ послѣдніе годы своей жизни. Въ подлинности *Законовъ* теперь, кажется, уже никто не сомнѣвается. Новѣйшая литература—у Ибервега, *Grundriss* I[7] стр. 143 сл. и, кромѣ того, особенно Pöhlmann *Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus* I (München 1893).

прославляли доброе старое время — время мараѳонскихъ бойцовъ; Эвполисъ въ одной изъ своихъ пьесъ вызывалъ изъ Гадеса великихъ государственныхъ мужей прошлаго и заставлялъ ихъ сурово бичевать живущее поколѣніе. Даже Периклъ, который такъ много сдѣлалъ для окончательнаго торжества радикальной демократіи и который поэтому при жизни былъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своей смерти представлялся убѣжденнымъ консерваторамъ въ идеальномъ свѣтѣ [1]). Правда, люди этой эпохи имѣли очень смутныя понятія относительно того, что представляла собою конституція добраго стараго времени *(πάτριος πολιτεία)*; въ виду этого каждый могъ рисовать себѣ эту конституцію сообразно своему идеалу. И дѣйствительно, этимъ средствомъ сплошь и рядомъ пользовались въ интересахъ партійной борьбы. Характернымъ образчикомъ подобной реконструкціи является изображеніе драконовскаго строя, которое, слѣдуя, безъ сомнѣнія, какому-нибудь сочиненію изъ эпохи Пелопоннесской войны, даетъ Аристотель [2]); оно въ общемъ соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя выставлялись зажиточными классами Аѳинъ во время политическаго переворота 411 года и которыя дѣйствительно на короткое время были осуществлены Ѳераменомъ послѣ паденія Четырехсотъ (см. ниже, глава II). Такимъ же образомъ спартанскіе консерваторы, въ противовѣсъ революціоннымъ стремленіямъ, старались освятить существующій строй тѣмъ, что представляли его въ его настоящемъ видѣ созданіемъ Ликурга [3]). Напротивъ, Солона, считавшагося основателемъ аѳинской демократіи, изображали безсовѣстнымъ демагогомъ, который будто бы воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы обогатить себя и своихъ друзей путемъ земельной спекуляціи [4]). Демократы, разумѣется, не оставались въ долгу, и такимъ образомъ разгорѣлась ожесточенная литературная полемика. Естественнымъ ея послѣдствіемъ было стремленіе рѣшить споръ путемъ изученія законодательныхъ памятниковъ. Первымъ, кто указалъ на необходимость подобныхъ изысканій, былъ,

---

[1]) Въ *Δῆμοι* Эвполиса онъ, вмѣстѣ съ Мильтіадомъ и Аристидомъ, вызывается изъ Гадеса; Ѳукидидъ отзывается о немъ весьма благосклонно (сравн. выше, т. I стр. 406); Исократъ также говоритъ о Периклѣ съ большимъ уваженіемъ. Правда, Платонъ до конца не примирился съ нимъ.

[2]) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 4, сравн. выше, т. I стр. 247 прим. 3, и E. Meyer *Geschichte des Altert.* II стр. 641.

[3]) E. Meyer *Forschungen* I 233 сл.

[4]) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 6, 2 — 3, сравн. Wilamowitz *Aristot. u. Athen* I 62.

повидимому, софистъ Ѳрасимахъ [1]), и его мысль нашла исполнителей. Во время олигархическаго переворота 411 года въ Аѳинахъ было рѣшено разыскать въ архивѣ клисѳеновскіе законы, чтобы они могли послужить матеріаломъ для реформы государственнаго строя [2]).

Такимъ образомъ, отъ политической полемики получило свое начало научное изслѣдованіе исторіи учрежденій, которое затѣмъ уже никогда не могло вполнѣ освободиться отъ признаковъ этого своего происхожденія. Отсюда естественно перешли къ критикѣ существующихъ политическихъ формъ. Такую критику для Аѳинъ и Спарты далъ Критій [3]), и еще до насъ дошелъ трактатъ одного аѳинскаго олигарха временъ Пелопоннесской войны [4]), гдѣ авторъ доказываетъ, что государственный строй Аѳинъ, по существу совершенно негодный, превосходно приспособленъ къ выгодѣ неимущей толпы, что преобразованіе его невозможно и революція извнутри не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Этимъ авторъ кончаетъ свое разсужденіе; разумѣется, онъ въ Аѳинахъ не рѣшился высказать, какими средствами можно было бы ниспровергнуть демократію.

При такомъ положеніи вещей зажиточнымъ классамъ въ данную минуту не оставалось ничего другого, какъ по возможности обороняться противъ злоупотребленій народовластія. И вотъ состоятельные люди соединяются въ «товарищества» *(ἑταιρίαι)* «съ цѣлью вліять на выборы и защищать другъ друга противъ произвола въ судахъ» [5]). Сами по себѣ эти союзы отнюдь не были направлены противъ существующаго строя; это доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что они существовали совершенно безпрепятственно, несмотря на болѣзненно-чуткую подозрительность народа противъ всего, что хотя-бы отдаленно напоминало олигархическія стремленія; однако подобная организація въ случаѣ надобности отлично могла быть приспособлена для революціонныхъ цѣлей.

---

[1]) Thrasym. fr. 2 у Dionys. Hal. *Demosth.* 3 p. 959, сравн. Wilamowitz l. c. I 173.

[2]) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 29.

[3]) Wilamowitz *Aristot. u. Athen* I 174 слл., Dümmler *Hermes* XXVII (1892) стр. 260 слл. (бóльшею частью невѣрныя или недоказуемыя гипотезы). Фрагменты — *FHG.* II 68.

[4]) Псевдо-ксенофонтова *Ἀθηναίων πολιτεία,* сравн. особенно Kirchhoff *Abh. d. Berl. Akad.* 1874. 1878, Müller-Strübing *Philologus* Suppl. IV, 1880.

[5]) Thuc. VIII 54, 4 *τάς τε ξυνωμοσίας, αἵπερ ἐτύγχανον πρότερον ἐν τῇ πόλει οὖσαι ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς.* H. Büttner *Geschichte der politischen Hetaerien in Athen,* Leipzig 1840, W. Vischer *Kl. Schriften* I 153 слл.

Такимъ образомъ была подготовлена почва для переворота; ибо ни одинъ политическій строй не можетъ быть проченъ, если состоятельные и образованные классы не занимаютъ въ немъ подобающаго имъ положенія. Между тѣмъ, какъ мы выше видѣли, греческій пролетаріатъ этой эпохи стоялъ на очень низкомъ уровнѣ образованности [1]); а для радикальнаго преобразованія имущественныхъ отношеній сила пролетаріата оказалась недостаточною. Даже въ Аѳинахъ, гдѣ со временъ Клисѳена систематически старались надѣлять бѣднѣйшихъ гражданъ участками земли въ заморскихъ владѣніяхъ, въ эпоху Пелопоннесской войны едва половина гражданъ была въ состояніи отправлять военную службу въ тяжеломъ вооруженіи. Притомъ развитіе крупной промышленности и торговли и безпрерывный ростъ плантаціоннаго хозяйства неизбѣжно должны были увеличивать имущественное неравенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и давать богатымъ все бо́льшій перевѣсъ надъ бѣдными.

Однако, демократія имѣла еще твердую точку опоры въ аттическомъ государствѣ. Но это государство было внутри уже сильно расшатано, и только безусловное превосходство аѳинянъ на морѣ держало въ уздѣ стремившіяся къ обособленію части; оно должно было распасться при первой случайности, которая поколебала бы это превосходство. Катастрофа наступила, когда аѳинская демократія начала братоубійственную войну съ сиракузскою демократіей.

---

[1]) Т. I стр. 497 сл., сравн. [Xen.] Ἀθην. πολ. I 5 ἐν δὲ τῷ δήμῳ ἀμαθία τε πλείστη καὶ ἀταξία καὶ πονηρία· ἥ τε γὰρ πενία αὐτοὺς μᾶλλον ἄγει ἐπὶ τὰ αἰσχρὰ καὶ ἡ ἀπαιδευσία καὶ ἡ ἀμαθία.

ГЛАВА II.

Паденіе демократіи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вліяніе Аѳинъ въ Сициліи сильно пошатнулось. Едва былъ заключенъ миръ въ Гелѣ (выше т. I, стр. 436), какъ въ Леонтинахъ начались волненія; вожди демоса требовали передѣла земельной собственности, вслѣдствіе чего состоятельные классы принуждены были обратиться за помощью къ могущественному сосѣду, Сиракузамъ. При содѣйствіи послѣднихъ демосъ былъ изгнанъ, а состоятельные люди переселились въ Сиракузы, гдѣ получили права гражданства. Область Леонтинъ была включена въ составъ сиракузскаго государства [1]).

Извѣстіе объ уничтоженіи союзной общины не пробудило Аѳинъ отъ бездѣйствія; онѣ удовольствовались отправкой посольства, которое, разумѣется, не имѣло успѣха (422) [2]). Это придало смѣлости противникамъ, и спустя нѣсколько лѣтъ Селинунтъ произвелъ нашествіе на сосѣднюю Сегесту (416), которая также находилась въ союзѣ съ Аѳинами [3]). Не будучи въ состояніи собственными силами отразить нападеніе, Сегеста обратилась за помощью къ Аѳинамъ [4]).

Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что формально Аѳины обязаны были оказать просимую поддержку. Ясно было также, что если онѣ и на этотъ разъ останутся безучастными зрителями, то потеряютъ все свое политическое вліяніе на западѣ. И все-таки многіе были готовы принести эту жертву, въ томъ убѣжденіи, что

---

1) Thuc. V 4; выше стр. 21.

2) Thuc. l. c.

3) Выше, т. I, стр. 400 прим. 3. Изъ Thuc. VI 6, 2 (*τοὺς λοιποὺς ἔτι ξυμμάχους*) также явствуетъ, что Сегеста была въ союзѣ съ Аѳинами.

4) Thuc. VI 6.

опасность, грозящая Аѳинамъ въ самой Греціи, требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ. Раньше, чѣмъ думать о новомъ походѣ противъ Сициліи, говорили они, нужно вернуть Халкидику. Выразителемъ этихъ взглядовъ въ народномъ собраніи выступилъ самъ Никій. Но на этотъ разъ его собственная партія не поддержала его; Аѳины были связаны съ Западомъ слишкомъ важными торговыми интересами, чтобы состоятельные классы могли допустить паденіе аѳинскаго вліянія въ Сициліи. Съ другой стороны, крайняя демократія еще при Клеонѣ стремилась къ покоренію Сициліи, и теперь отнюдь не была склонна измѣнять своимъ традиціямъ. Наконецъ, Алкивіадъ выступилъ со всей силою своего вліянія на защиту этого предпріятія, руководство которымъ должно было достаться ему же, и которое, какъ онъ надѣялся, должно было наконецъ открыть ему широкое поле дѣятельности, гдѣ онъ могъ бы развернуть свои таланты. Итакъ, подавляющимъ большинствомъ было рѣшено прійти на помощь Сегестѣ и возстановить независимость Леонтинъ. Теперь и Никій уступилъ; мало того, онъ допустилъ, чтобы его избрали однимъ изъ начальниковъ экспедиціи; вмѣстѣ съ нимъ были избраны Алкивіадъ и Ламахъ, отличный офицеръ еще изъ школы Перикла. Разъ уже нельзя было предотвратить войну съ Сициліей, слѣдовало по крайней мѣрѣ позаботиться, чтобы Алкивіаду не была предоставлена въ этомъ дѣлѣ неограниченная власть [1]).

Съ военной точки зрѣнія экспедиція повидимому не могла внушать никакихъ опасеній. Во время послѣдней войны Аѳины отправили въ Сицилію значительный флотъ, нисколько не ослабивъ этимъ перевѣса своихъ морскихъ силъ надъ пелопоннесскими; тѣмъ легче могли они сдѣлать это теперь, когда въ Греціи господствовалъ миръ. И даже въ томъ случаѣ, если бы экспедиція не удалась, или если бы въ Греціи внезапно возникли новыя осложненія, которыя потребовали бы возвращенія флота,—могущество Аѳинъ на морѣ, казалось, вполнѣ обезпечивало безопасность отступленія [2]).

Необходимыя приготовленія были поспѣшно сдѣланы, и флотъ стоялъ уже готовый къ отплытію въ Пиреѣ, когда одно загадочное происшествіе повергло городъ въ сильнѣйшее волненіе. Однажды

---

1) Thuc. VI 8—26. Plut. *Nic.* 12, *Alc.* 17. О Ламахѣ см. выше, т. I стр. 399 прим. 1. Аристофанъ, рѣзко нападавшій на него въ *Ахарнянахъ* и *Мирѣ* (473. 1290), какъ на одного изъ вождей военной партіи, позднѣе воздаетъ ему полную справедливость: *Лягушки* 1039, сравн. *Θεσμοφ.* 841.

2) Ѳукидидъ (II 65, 11) также не считаетъ самое предпріятіе ошибкой, а осуждаетъ лишь способъ его исполненія.

утромъ почти всѣ гермы, которыми были украшены улицы и площади Аѳинъ, оказались съ разбитыми головами. Суевѣрная толпа увидѣла въ этомъ неслыханномъ святотатствѣ дурное предзнаменованіе для сицилійской экспедиціи; въ то же время возникло подозрѣніе о существованіи заговора, направленнаго къ ниспроверженію господствующаго строя. Неосновательность этого подозрѣнія была совершенно очевидна: не говоря уже о томъ, что всякая попытка сокрушить главный оплотъ демократіи при данныхъ условіяхъ была неминуемо обречена на неудачу, — какой заговорщикъ былъ-бы настолько безразсуденъ, чтобы самому привлечь всеобщее вниманіе на свои козни? Во всякомъ случаѣ, одно было ясно—что это святотатство было не просто шалостью компаніи пьяныхъ кутилъ; для такого злодѣйскаго предпріятія требовалось соглашеніе между многими соучастниками. Въ виду этого совѣту даны были неограниченныя полномочія для разслѣдованія дѣла, назначена слѣдственная коммиссія и обѣщана награда тому, кто укажетъ виновныхъ. Посыпались доносы, которые, правда, ничего не выяснили относительно оскорбленія гермъ, но за то разоблачили цѣлый рядъ другихъ преступленій противъ вѣры. Между прочимъ, Алкивіадъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ представилъ въ своемъ домѣ пародію на элевсинскія таинства. Алкивіадъ, конечно, тотчасъ потребовалъ суда надъ собою, такъ какъ преданность къ нему войска, во главѣ котораго онъ стоялъ, казалось, вполнѣ обезпечивала ему блестящее оправданіе. Но именно въ виду этого его враги старались затянуть дѣло; притомъ, эскадра была уже готова къ отплытію, и ее невозможно было задерживать до тѣхъ поръ, пока процессъ будетъ оконченъ. Поэтому народъ постановилъ, чтобы Алкивіадъ отправился въ Сицилію и лишь по возвращеніи оправдалъ себя во взведенномъ на него обвиненіи [1]). Въ сущности это было равносильно прекращенію слѣдствія; въ самомъ дѣлѣ, если Алкивіада считали виновнымъ, то нельзя было оставлять въ его рукахъ командованія войскомъ, а съ другой стороны, кто рѣшился бы привлечь его къ отвѣтственности, если бы онъ вернулся изъ похода побѣдителемъ?

Итакъ, около середины лѣта 415 года флотъ вышелъ въ море. Онъ состоялъ изъ 60 аѳинскихъ военныхъ кораблей, 40 аѳинскихъ тріэръ для перевозки войска и 34 тріэръ, снаряженныхъ союзными государствами. Около 4000 гоплитовъ и 1300 легковооруженныхъ составляли десантъ. Для рѣшенія той трудной задачи, которая пред-

---

1) Thuc. VI 27—29, Andoc. *de myst.* 11 слл., Plut. *Alc.* 18 сл.

стояла аѳинянамъ, эти силы были, конечно, недостаточны, но отличныя качества флота отчасти возмѣщали его малочисленность. Притомъ, аѳиняне разсчитывали найти въ Сициліи союзниковъ [1]).

Флотъ благополучно прибылъ въ Корциру и затѣмъ, переплывъ Эгейское море, достигъ береговъ Италіи. Но здѣсь онъ встрѣтилъ холодный пріемъ; даже Регіонъ, старый союзникъ Аѳинъ, отказался на этотъ разъ поддержать ихъ. Въ Сициліи также были крайне озабочены аѳинскою экспедиціей; ясно было, что цѣлью столь обширныхъ приготовленій было ничто иное, какъ подчиненіе острова владычеству Аѳинъ. Поэтому вначалѣ на сторону аѳинянъ сталъ только халкидскій Наксосъ; родственная ему Катана послѣдовала его примѣру лишь тогда, когда аѳиняне проникли въ городъ, взломавъ ворота; Мессена оставалась нейтральною, равно какъ и Камарина, которая во время послѣдней войны стояла на сторонѣ Аѳинъ [2]).

Между тѣмъ въ Аѳинахъ продолжалось слѣдствіе объ оскорбленіи святыни. Многіе изъ знатнѣйшихъ гражданъ были заключены въ тюрьму, нѣкоторые казнены; городъ былъ охваченъ лихорадочнымъ возбужденіемъ. Всюду чуяли заговорщиковъ; никто не былъ увѣренъ, что по извѣту какого-нибудь безсовѣстнаго доносчика онъ не будетъ въ ближайшую минуту арестованъ и казненъ. Въ это время одинъ изъ обвиненныхъ, Андокидъ изъ Кидаѳенея, молодой человѣкъ изъ очень знатнаго дома, рѣшилъ принести повинную: онъ признался, что самъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями изуродовалъ гермы. Вѣрно ли это показаніе, — вопросъ до сихъ поръ нерѣшенный; но при данномъ положеніи вещей оно являлось спасительнымъ выходомъ, и совѣтъ и народъ поспѣшили воспользоваться представившимся средствомъ, чтобы выйти изъ невыносимаго положенія. Тѣ изъ оговоренныхъ Андокидомъ, кого удалось захватить, были казнены; за головы бѣжавшихъ назначено было вознагражденіе; остальные обвиненные были немедлено выпущены изъ тюрьмы. Доносчикъ былъ освобожденъ отъ наказанія, но все-таки счелъ нужнымъ покинуть отечество, куда вернулся лишь много лѣтъ спустя [3]).

---

[1]) Thuc. VI 30—32. 43—44. Всѣхъ гоплитовъ было 5100, но изъ нихъ около 1000 находились на военныхъ корабляхъ въ качествѣ морскихъ солдатъ. Эскадра отплыла еще въ архонтство Аримнеста (416/5, Исей VI 14, сравн. *II Hypoth.* къ *Птицамъ* Аристоѳана), къ концу года, *ϑέρους μεσοῦντος ἤδη* (Thuc. VI 30, 1).

[2]) Thuc. VI 44—52.

[3]) Главнымъ источникомъ является, наряду съ Thuc. VI 53. 60, рѣчь Андокида о мистеріяхъ, въ которой ораторъ конечно задается цѣлью на-

Итакъ, оскорбленіе гермъ было повидимому отомщено; оставалось оскорбленіе мистерій. Между тѣмъ и по этому дѣлу явились новыя разоблаченія; и опять въ кощунствѣ обвиняли Алкивіада [1]). Правда, вполнѣ вѣроятно, что въ основѣ этихъ обвиненій лежала нѣкоторая доля правды, и что Алкивіадъ во время какой-нибудь попойки устроилъ у себя пародію на маскарадъ, который ставился въ Элевсинѣ для поученія вѣрующихъ. Какъ бы то ни было, его враги поспѣшили воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы свергнуть его съ того высокаго положенія, которое онъ занималъ; особенно усердствовалъ Андроклъ изъ Питеа, одинъ изъ вождей радикальной партіи, бывшій въ это время членомъ совѣта и пользовавшійся въ немъ большимъ вліяніемъ [2]). Дѣло въ томъ, что крайняя народная партія не могла простить Алкивіаду его измѣны общему дѣлу, которая два года назадъ повела къ остракизму Гипербола и тѣмъ открыла Никію путь къ власти. Умѣренные также не имѣли основанія особенно симпатизировать человѣку, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ только свои личныя выгоды и всегда былъ готовъ вовлечь государство въ какую-нибудь новую войну. Такимъ образомъ, противъ Алкивіада соединились люди, принадлежавшіе къ обѣимъ партіямъ; обвиненіе внесъ сынъ Кимона Ѳессалъ. Постановленіемъ народнаго собранія Алкивіадъ призывался домой, чтобы немедленно дать отвѣтъ на судѣ.

Алкивіадъ могъ бы не подчиниться этому требованію, опираясь на свою популярность въ войскѣ; удобнымъ предлогомъ для этого могло бы послужить предшествовавшее постановленіе народа объ отсрочкѣ процесса до окончанія войны. Къ тому же аттическое правительство было такъ мало увѣрено въ успѣхѣ, что категорически приказало своимъ посламъ избѣгать открытаго насилія. Но въ

сколько возможно оправдать себя. Что ею надо пользоваться съ осторожностью, доказываютъ и ея разногласія съ Ѳукидидомъ, приписываемая Лисію обвинительная рѣчь противъ Андокида и рѣчь самого Андокида *περὶ τῆς ἑαυτοῦ καθόδου*. Комедія почти ничего не даетъ, несмотря на то, что *Птицы* Аристофана были поставлены на сцену въ зиму, слѣдовавшую за процессомъ; Plut. *Alc.* 18—21, Diod. XIII 2, Nep. *Alc.* 3 имѣютъ ничтожное значеніе. *Τὸ δὲ σαφὲς οὐδεὶς οὔτε τότε οὔτε ὕστερον ἔχει εἰπεῖν περὶ τῶν δρασάντων τὸ ἔργον*, говоритъ Ѳукидидъ (VI 60, 2), и я не дерзаю добиваться болѣе точныхъ свѣдѣній. Изъ новѣйшихъ монографій слѣдуетъ указать Götz *Der Hermokopidenprozess*, *Jahrb. f. Phil.* Suppl. VIII (1876). Лучшей обработкой вопроса до сихъ поръ остаются соотвѣтствующія страницы Грота.

[1]) Andoc. *de myst.* 16.

[2]) Thuc. VIII 65, Plut. *Alc.* 19, Andoc. *de myst.* 27.

рѣшительную минуту у Алкивіада все-таки не хватило духа переступить границы законности; можетъ быть, онъ разсчитывалъ на то, что его появленія въ Аѳинахъ будетъ достаточно, чтобы устранить всякую опасность. Однако, едва лишь онъ пустился въ обратный путь, какъ положеніе вещей представилось ему въ иномъ свѣтѣ; поэтому онъ въ Ѳуріяхъ скрылся со своего корабля и отправился въ добровольное изгнаніе. Этимъ онъ самъ произнесъ приговоръ надъ собою, и состоявшійся теперь заочно процессъ окончился, естественно, его осужденіемъ. Алкивіадъ и обвиненные вмѣстѣ съ нимъ дядя его Аксіохъ изъ Скамбонидъ, двоюродный братъ Алкивіадъ изъ Фега и землякъ Адеймантъ были приговорены къ смерти, память ихъ предана проклятію, имущество конфисковано [1]).

Теперь Никій и Ламахъ были единственными начальниками аѳинскаго флота. Они употребили конецъ лѣта на поѣздку въ Сегесту, при чемъ убѣдились, что съ этой стороны нельзя разсчитывать на сколько-нибудь значительную поддержку. Наконецъ, позднею осенью они высадились у Сиракузъ. На равнинѣ, прилегающей къ большой гавани, возлѣ храма олимпійскаго Зевса, они дали битву всему сиракузскому ополченію, которое, несмотря на численный перевѣсъ, потерпѣло полное пораженіе. Впрочемъ, эта побѣда осталась безплодною, такъ какъ, въ виду поздняго времени года, Никій рѣшилъ отложить начало осады до слѣдующей весны. Войско вернулось въ Наксосъ и Катану и расположилось тамъ на зимнія квартиры [2]).

Такимъ образомъ аѳиняне безъ пользы потеряли половину лѣта. Въ теченіе наступившей зимы они тщетно старались привлечь на свою сторону Мессену. Больше успѣха имѣли они у сикеловъ, которые въ Сиракузахъ видѣли своего естественнаго врага и поэтому охотно помогали аѳинянамъ, поскольку ихъ не сдерживали сиракузскіе гарнизоны. По той же причинѣ на сторону аѳинянъ перешли и нѣкоторые тирренскіе города. Камарина, которую обѣ стороны старались привлечь къ себѣ, выразила желаніе сохранить нейтралитетъ, но затѣмъ тайно послала вспомогательный отрядъ сиракузянамъ. Акра-

---

[1]) Thuc. VI 61, Plut. *Alc.* 21 сл.; гдѣ дословно приведена *εἰσαγγελία* Ѳессала, Andoc. *de myst.* 16. 65, Xen. *Hell.* I 2, 13. Счеты суммъ, которыя были выручены изъ продажи конфискованнаго имущества лицъ, осужденныхъ по этому процессу,— *CIA.* I 274—76, IV p. 35. 177 сл., Koehler *Hermes* XXIII 395. О родствѣ Алкивіада съ Аксіохомъ — Plat. *Euthyd.* 275 a и Töpffer *Att. Geneal.* стр. 179 сл. Очень вѣроятно, что и Адеймантъ былъ родственникомъ Алкивіада.

[2]) Thuc. VI 62—72.

гантъ тоже оставался нейтральнымъ; точно также и Кареагенъ отклонилъ попытки аеинянъ къ сближенію. Однако Аеины добились по крайней мѣрѣ того, что кромѣ Селинунта и Гелы ни одинъ городъ Сициліи не вступилъ въ открытый союзъ съ Сиракузами [1]).

Весною аеиняне наконецъ открыли рѣшительныя военныя дѣйствія противъ Сиракузъ (414). Хотя сиракузяне имѣли цѣлую зиму, чтобы приготовиться къ осадѣ, однако они и на этотъ разъ были застигнуты врасплохъ. Аеинянамъ удалось безъ сопротивленія овладѣть холмомъ Эпиполы, возвышающимся въ западной части города и господствующимъ въ стратегическомъ отношеніи надъ всею окрестностью; попытка сиракузянъ отнять у нихъ эту позицію была отбита съ урономъ. Теперь аеинянамъ нужно было еще построить валъ длиною около 5 килом. отъ гавани Трогилъ на сѣверѣ до большой гавани на югѣ, чтобы отрѣзать городу сообщеніе съ внутреннею частью острова. Напрасно осажденные старались помѣшать ходу этихъ работъ вылазками и возведеніемъ окоповъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ одерживали верхъ аеиняне; правда, въ одномъ изъ этихъ сраженій палъ стратегъ Ламахъ, энергіи котораго они главнымъ образомъ были обязаны своими успѣхами. Но мужество осажденныхъ было сломлено; аеиняне провели свою осадную линію отъ холма въ западной части города до большой гавани, въ которую теперь пришелъ и флотъ, стоявшій до тѣхъ поръ къ сѣверу отъ Сиракузъ, у Эапса. Хотя сѣверная половина осадныхъ сооруженій еще не была готова, но окончаніе ихъ было, повидимому, лишь вопросомъ короткаго времени, и въ Сиракузахъ уже начали думать о капитуляціи [2]).

---

[1]) Thuc. VI 72—88.

[2]) Thuc. VI 96—103. Намъ трудно понять это описаніе, такъ какъ мы не знаемъ точно, до какого пункта простирался городъ въ эту эпоху; такъ наз. *Muro di Gelone* представляетъ собою просто откосъ скалы безъ всякихъ признаковъ каменной кладки, хотя довольно вѣроятно, что онъ обозначаетъ западную границу Ахрадины. Но Тихе навѣрное не простиралась въ то время такъ далеко на сѣверо-западъ, какъ указано на планѣ Гольма (Lupus *Syracus* табл. II A), потому что сиракузяне укрѣпляютъ Теменитъ (у театра) *ἵνα μὴ δι ἐλάσσονος εὐαποτείχιστοι ὦσιν* (Thuc. VI 75, 1), сравн. ниже, гл. VIII. Изъ Liv. 25, 23 мы знаемъ, что гавань Трогилъ, которая должна была составлять сѣверный конечный пунктъ аеинской осадной линіи (Thuc. VI 99, 1), лежала вблизи позднѣйшаго Гексапилона, чѣмъ въ общемъ опредѣляется направленіе этой линіи. Но я думаю, что она пролегала нѣсколько далѣе къ востоку, чѣмъ указано Гольмомъ, такъ какъ свободное пространство между аеинскими и сиракузскими укрѣпленіями было сравнительно невелико (Thuc. VII 5, 2, сравн. 3, 3), да и сиракузская стѣна отодвинута Гольмомъ слишкомъ далеко на западъ. Дѣло въ томъ, что *ἄκρα Τεμενῖτις*, т.-е. холмъ, воз-

Но въ послѣднюю минуту осажденный городъ былъ спасенъ. Еще зимою сиракузяне отправили пословъ въ Коринѳъ и Спарту, и имъ была обѣщана помощь; для самихъ пелопоннесцевъ было чрезвычайно важно предотвратить подчиненіе Сициліи Аѳинамъ [1]). Начальникомъ вспомогательнаго отряда былъ назначенъ человѣкъ, съ которымъ никто въ Спартѣ не могъ сравниться по знанію Запада,—Гилиппъ, сынъ того Клеандрида, который, будучи осужденъ на изгнаніе въ 444 г., поселился въ Ѳуріяхъ и скоро пріобрѣлъ тамъ большое вліяніе на общественныя дѣла [2]). Гилиппъ понималъ, что нужна, прежде всего, скорая помощь; и такъ какъ снаряженіе предназначенной для Сициліи эскадры производилось съ обычною въ Пелопоннесѣ медлительностью, то онъ отплылъ пока только съ 4 тріэрами, благополучно прошелъ Мессинскій проливъ, который Никій упустилъ изъ виду запереть, и высадился на сѣверномъ берегу острова, въ Гимерѣ. Гимерійцы согласились предоставить въ его распоряженіе отрядъ изъ 1000 пѣхотинцевъ и 100 всадниковъ; изъ Селинунта, Гелы и отъ окрестныхъ сикеловъ также пришли подкрѣпленія, такъ что вскорѣ подъ начальствомъ Гилиппа собралось около 3000 человѣкъ, съ которыми онъ двинулся поперекъ острова къ Сиракузамъ. Онъ поспѣлъ сюда какъ разъ во время, такъ что ему удалось пройти въ городъ чрезъ интервалъ въ осадной линіи аѳинянъ. Если и матеріальная поддержка, оказанная городу Гилиппомъ, была довольно велика, то еще гораздо важнѣе было нравственное вліяніе его прихода. Сознаніе, что они не покинуты своими пелопоннесскими соплеменниками, что во главѣ ихъ стоитъ спартанецъ и что они могутъ разсчитывать на дальнѣйшія подкрѣпленія, подняло духъ сиракузянъ. Гилиппъ немедленно началъ наступленіе; въ то время какъ онъ самъ при помощи ловкаго маневра задержалъ главныя силы аѳинянъ въ ихъ укрѣпленіяхъ, одному отряду его войска удалось стремительною атакою отбить холмъ Эпиполы. Теперь оставалось соединить эту важную позицію съ городомъ посредствомъ укрѣпленной линіи. Послѣдняя пересѣкла бы подъ прямымъ угломъ направленіе аѳинскихъ око-

---

вышавшійся позади театра, лежалъ, повидимому, внѣ стѣны (Thuc. VII 3, 3). Слѣдовательно, самый Теменитъ очевидно лежалъ ниже, какъ и позднѣйшая *Νέα πόλις,* выросшая изъ предмѣстья Теменита (ниже, гл. VIII), и, значитъ, первый контр-эскарпъ сиракузянъ помѣщался на днѣ котловины (поэтому Ѳукидидъ говоритъ: *κάτωθεν τοῦ κύκλου τῶν Ἀθηναίων,* VI 99, 3), приблизительно отъ подошвы театра по направленію къ новому кладбищу.

[1]) Thuc. VI 73. 88.

[2]) Thuc. VI 93, сравн. выше, т. I стр. 397.

повъ и сдѣлала бы невозможнымъ ихъ окончаніе; поэтому Никій долженъ былъ во что-бы то ни стало помѣшать возведенію сиракузскихъ укрѣпленій. Онъ вывелъ свое войско изъ-за окоповъ и принялъ вызовъ противника. Въ первомъ сраженіи побѣду одержали аѳиняне, но они все-таки не были въ состояніи помѣшать ходу непріятельскихъ работъ, и когда черезъ нѣкоторое время произошла вторая битва, Гилиппъ сумѣлъ лучше воспользоваться своимъ численнымъ перевѣсомъ, и аѳиняне были отброшены за линію своихъ укрѣпленій. Теперь сиракузяне могли совершенно спокойно кончать свою стѣну; опасность полнаго обложенія города непріятелемъ была устранена [1]).

Никію приходилось ограничиваться оборонительными дѣйствіями на сушѣ. Чтобы обезпечить себѣ на всякій случай по крайней мѣрѣ сообщеніе съ открытымъ моремъ, онъ тотчасъ по прибытіи Гилиппа укрѣпилъ мысъ Племмирій, который, выдаваясь въ море съ юга насупротивъ города, господствуетъ надъ входомъ въ большую гавань [2]). Между тѣмъ положеніе аѳинскаго войска становилось съ каждымъ днемъ болѣе серьезнымъ. Непріятель безпрестанно получалъ новыя подкрѣпленія. Еще осенью пришло 12 коринѳскихъ кораблей; слѣдующею весною (413) Гилиппъ привелъ новые вспомогательные отряды изъ сицилійскихъ городовъ; пелопоннесцы и беотяне прислали 1600 гоплитовъ [3]). Теперь сиракузяне и ихъ союзники рѣшились помѣряться съ непріятелемъ и на морѣ; аѳинскій флотъ находился въ плачевномъ состояніи, корабли, которымъ приходилось постоянно быть въ дѣйствіи, бо̀льшею частью пришли въ негодность, экипажи порѣдѣли вслѣдствіе болѣзней и побѣговъ. Тѣмъ не менѣе первое столкновеніе на морѣ окончилось неблагопріятно для сиракузянъ; но во время морской битвы Гилиппъ съ сухопутнымъ войскомъ завладѣлъ укрѣпленіями на Племмиріи. Это въ высшей степени затруднило аѳинянамъ входъ въ большую гавань. Вскорѣ сиракузяне возобновили также морскую битву, и на этотъ разъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ; аѳиняне потерпѣли пораженіе на своей родной стихіи и были отброшены въ свой лагерь. Теперь Никій былъ запертъ со всѣхъ сторонъ и обреченъ на гибель, не явись тотчасъ подкрѣпленіе [4]).

Въ то время какъ въ Сициліи происходила описанная выше борьба между аѳинянами и пелопоннесцами, въ Греціи также вспых-

1) Thuc. VI 104, VII 1—6.
2) Thuc. VII 4.
3) Thuc. VII 7. 19. 21. 32 сл.
4) Thuc. VII 21—25. 36-41.

нула открытая война между обѣими державами. До сихъ поръ противники хотя и вредили другъ другу на сторонѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, но воздерживались отъ прямого нашествія на непріятельскую территорію. Но когда лѣтомъ 414 г. лакедемонская армія вступила въ Арголиду и опустошила эту область на большомъ пространствѣ, аѳиняне не могли долѣе оставаться безучастными зрителями. Для того, чтобы отвлечь врага отъ союзнаго города, къ берегу Лаконіи пристала аттическая эскадра [1]).

Если до сихъ поръ спартанцы не рѣшались вторженіемъ въ Аттику нарушить священный миръ, то теперь они получили свободу дѣйствій. Весною 413 г. союзное пелопоннесское войско, подъ предводительствомъ царя Агиса, опять перешло границу Аттики — въ первый разъ послѣ 12-лѣтняго промежутка. На этотъ разъ спартанцы не ограничились, какъ бывало прежде, кратковременнымъ вторженіемъ. Они доказали, что уроки, данные имъ непріятелемъ, не пропали даромъ. Опустошивъ равнину вокругъ Аѳинъ, Агисъ построилъ укрѣпленный лагерь на высотахъ Декелеи, приблизительно въ 20 килом. отъ столицы и въ такомъ же разстояніи отъ беотійской границы; это была необыкновенно удобная позиція, такъ какъ она обезпечивала спартанцамъ стратегическое господство надъ всею сѣверною частью Аттики. Здѣсь остался самъ Агисъ съ сильнымъ гарнизономъ, который держалъ Аѳины въ постоянномъ страхѣ и заставлялъ гражданъ безпрерывно отправлять изнурительную сторожевую службу на стѣнахъ. Объ обработкѣ земли теперь конечно не могло быть и рѣчи; скотоводство пришло въ упадокъ вслѣдствіе недостатка въ кормѣ, и рабы начали тысячами убѣгать изъ города къ непріятелю [2]).

Но несмотря на то, что непріятель стоялъ у самыхъ воротъ города, въ Аѳинахъ не хотѣли и слышать о прекращеніи сицилійской экспедиціи. Еще зимою Никію послали въ помощь по его просьбѣ 10 кораблей [3]); теперь снарядили вторую экспедицію, по размѣрамъ почти не уступавшую той, которая 2 года назадъ была отправлена на западъ, Начальникомъ ея былъ назначенъ Демосѳенъ, побѣдитель при Сфактеріи, наиболѣе прославленный изъ аѳинскихъ полководцевъ этого времени; вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ Эвримедонтъ, который уже въ предыдущей войнѣ командовалъ войсками въ Сициліи. Въ Италіи аѳиняне на этотъ разъ встрѣтили лучшій пріемъ; Метапонтъ

1) Thuc. VI 105.
2) Thuc. VII 18—19. 27—28.
3) Thuc. VII 8. 10—16.

выставилъ двѣ тріеры и 300 копейщиковъ, Ѳуріи, гдѣ революція незадолго передъ тѣмъ поставила у кормила правленія аѳинскую партію,— 700 гоплитовъ и тоже 300 легковооруженныхъ. Около середины лѣта флотъ прибылъ къ Сиракузамъ — какъ разъ во-время, чтобы спасти Никія отъ вѣрной гибели [1]).

Демосѳенъ и Эвримедонтъ привели съ собою 73 тріеры съ 5000 гоплитовъ и большимъ количествомъ легковооруженныхъ. Это сразу измѣнило положеніе дѣлъ, аѳиняне снова стали болѣе сильной стороною, и Демосѳенъ на этомъ основаніи требовалъ немедленнаго перехода къ энергическому наступленію. Все зависѣло отъ обладанія Эпиполами, и такъ какъ открытыя нападенія на сиракузскія укрѣпленія не увѣнчались успѣхомъ, то рѣшено было штурмовать ихъ ночью. Сначала все шло отлично; при свѣтѣ луны аѳиняне взобрались на гору, напали съ тыла на непріятельскія сооруженія и обратили въ бѣгство гарнизонъ. Но во время дальнѣйшаго передвиженія по направленію къ городу аѳинское войско пришло въ разстройство, непріятель, оправившись отъ перваго испуга, снова выстроился въ боевомъ порядкѣ, и аѳиняне въ свою очередь были отбиты. Среди суматохи ночной битвы все войско тотчасъ разсыпалось въ безпорядочномъ бѣгствѣ; наконецъ, аѳиняне съ большимъ урономъ спустились съ крутыхъ высотъ въ свой лагерь (начало августа 413 г. [2]).

Теперь Демосѳенъ справедливо считалъ дальнѣйшее продолженіе осады безполезнымъ. Никій сначала противился этому; онъ боялся отвѣтственности за неудачу экспедиціи и все еще питалъ нелѣпую надежду съ помощью своихъ связей въ Сиракузахъ овладѣть городомъ. Наконецъ, потерявъ напрасно нѣсколько недѣль, онъ также далъ свое согласіе. Вечеромъ 27-го августа флотъ былъ готовъ отплыть съ войскомъ, какъ вдругъ наступило лунное затменіе. Войска сочли это за дурное предзнаменованіе, и Никій, который самъ былъ не менѣе суевѣренъ, чѣмъ его матросы, и которому кромѣ того отсрочка была очень на-руку, воспротивился отплытію и заявилъ, что остается до новолунія. Это замедленіе рѣшило участь войска, такъ какъ сиракузяне поставили себѣ теперь цѣлью отрѣзать осаждающимъ отступленіе и уничтожить ихъ передъ стѣнами своего города. Они снова предложили непріятелю морское сраженіе, отъ котораго тотъ не могъ отказаться, если не хотѣлъ быть отрѣзаннымъ отъ моря. Но при малыхъ размѣрахъ гавани аѳиняне не могли воспользоваться своею

[1]) Thuc. VII 16. 20. 26. 31. 35.

[2]) Thuc. VII 42—45. Дата опредѣляется затменіемъ луны 27 августа, см. ниже.

ловкостью въ маневрированіи; притомъ ихъ корабли въ прочности постройки далеко уступали пелопоннесскимъ и сиракузскимъ тріерамъ. Такимъ образомъ, несмотря на численное превосходство аѳинянъ, день окончился ихъ полнымъ пораженіемъ; стратегъ Эвримедонтъ палъ, 18 кораблей изъ находившихся на берегу были взяты въ плѣнъ. Теперь гавань была въ рукахъ сиракузянъ, и они поспѣшили закрыть входъ въ нее. Правда, аѳиняне сдѣлали еще послѣднюю отчаянную попытку прорвать блокаду. Они спустили на воду всѣ сколько-нибудь годныя къ плаванію суда своего флота, числомъ 110, и повели ихъ противъ непріятеля, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 76 тріеръ. Но и теперь всѣ ихъ усилія были напрасны; потерявъ 50 кораблей, аѳиняне принуждены были возвратиться въ свой лагерь [1]).

Армія была совершенно деморализована; о новой морской битвѣ нечего было думать. Оставаться дольше въ лагерѣ тоже было невозможно, такъ какъ припасы приходили къ концу; не оставалось ничего другого, какъ вернуться сухимъ путемъ. Весь багажъ, всѣхъ больныхъ и раненыхъ пришлось бросить, флотъ сдѣлался добычею непріятеля. Ближайшимъ дружественнымъ городомъ была Катана; но прямой путь къ ней былъ прегражденъ непріятельскими укрѣпленіями на Эпиполахъ, и попытка аѳинянъ проложить себѣ дорогу вдоль Анапа вверхъ по направленію къ Акрамъ была отбита сиракузянами. Такимъ образомъ, оставалась только побережная дорога, которая вела отъ Сиракузъ въ юго-западномъ направленіи черезъ Гелоръ въ Камарину. Аѳиняне все еще располагали арміею тысячъ въ 20—25 [2]),

---

[1]) Thuc. VII 47—71. Diod. XIII 12—17.

[2]) По Thuc. VII 75, 4 оставалось еще 40,000 человѣкъ, но очевидно, что онъ или его источникъ смѣшиваетъ общее число солдатъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи, съ тѣмъ количествомъ, которое уцѣлѣло къ началу отступленія. По словамъ самого Ѳукидида (VII 80, 4), корпусъ Демосѳена составлялъ болѣе половины всего войска, между тѣмъ при сдачѣ въ немъ насчитывалось не болѣе 6,000 чел. (VII 82, 3), и совершенно невѣроятно, чтобы въ немногіе дни отступленія онъ потерялъ болѣе $^2/_3$ своего состава. Вычисленная Бёкомъ цифра отправившихся въ Сицилію воиновъ (60,000 чел., *Staatsh.* I² 370 сл.) слишкомъ велика, такъ какъ онъ на каждую изъ тріэръ, предназначенныхъ для перевозки войскъ, считаетъ то же число гребцовъ, какое имѣли боевые корабли, и безъ всякаго основанія принимаетъ, что каждый гоплитъ (исключая эпибатовъ) имѣлъ при себѣ слугу. По моему разсчету экспедиціонный отрядъ состоялъ приблизительно изъ 40,000 чел. Ту же цифру даетъ Исократъ (*π. εἰρ.* 86), но онъ вѣроятно просто повторяетъ цифру Ѳукидида. Послѣ большихъ потерь, обусловленныхъ битвами, болѣзнями и дезертирствомъ, изъ этого числа къ началу отступленія едва ли уцѣлѣло болѣе

состоявшей, впрочемъ, большею частью изъ негодныхъ для сухопутной войны матросовъ. При разумномъ руководствѣ такое войско все-таки, вѣроятно, могло бы быть спасено; но его-то именно недоставало арміи, какъ не доставало ей и необходимой дисциплины. Вожди не позаботились даже о томъ, чтобы войско не разбилось на части. Никій, командовавшій авангардомъ, шелъ впередъ, не обращая вниманія на Демосөена, который велъ арріергардъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападеній преслѣдовавшихъ его сиракузянъ принужденъ былъ подвигаться медленнѣе. Поэтому между обѣими частями аөинской арміи оказалось большое разстояніе, и непріятель могъ со всей своей силою ударить на Демосөена, который послѣ мужественнаго сопротивленія долженъ былъ сдаться. 6000 человѣкъ сложили оружіе [1]).

Теперь очередь дошла до Никія. Неотступно преслѣдуемый непріятельскими всадниками и легковооруженными отрядами, онъ дошелъ до Ассинара, одной изъ мелкихъ рѣчекъ, стекающихъ съ Герейскихъ горъ въ Іонійское море. Здѣсь его войско пришло въ полное разстройство, и послѣ страшнаго кровопролитія Никій съ остаткомъ своей арміи сдался побѣдителю (середина сентября). Такъ какъ не произошло формальной капитуляціи, то большинство плѣнниковъ досталось въ добычу солдатамъ побѣдившаго войска; «вся Сицилія наполнилась ими», говоритъ историкъ, описавшій эту войну. Впрочемъ, немалая часть аөинской арміи спаслась въ Катану [2]).

25,000 чел. Согласно съ этимъ разчетомъ надо исправить показаніе, приведенное выше, т. I стр. 343.

1) Thuc. VII 72—82.

2) Thuc. VII 82—85, [Lys.] *за Полистр.* 23—26. Объ отступленіи—Holm въ *Syrakus* Lupus'a, стр. 146 слл., Pais *Atucta*, стр. 75 слл. *(Annali delle Università Toscane* vol. XIX, Pisa 1891, Ciaceri въ *Studi Storici* Pais'a, III 353 слл., Pisa 1894). Өукидидъ называетъ три рѣки, черезъ которыя должны были перейти аөиняне: Какипарисъ, Эриней и Ассинаръ. Въ настоящее время къ югу отъ Анапа текутъ всего только три рѣки, полноводныя въ теченіе всего года, а слѣдовательно и въ сентябрѣ: Кассибиле, Фіуме ди-Ното и Телларо или, по простонародному, Атиддару. Такимъ образомъ, послѣдняя рѣка должна быть тождествена съ Ассинаромъ, потому что тождество Кассибиле съ Какипарисомъ внѣ сомнѣнія устанавливается сходствомъ ихъ названій. Далѣе, Атиддару несомнѣнно есть упоминаемый уже Пиндаромъ Гелоръ (*Nem.* IX 40). Слѣдовательно, приходится выбирать одно изъ двухъ: или Эриней былъ въ древности полноводнѣе, чѣмъ теперь, и его слѣдуетъ искать въ одномъ изъ тѣхъ, теперь бо̀льшею частью высохшихъ, рѣчныхъ руслъ, какихъ немало между Кассибиле и Фіуме ди-Ното (Гольмъ), или-же Гелоръ и Ассинаръ—одна и та же рѣка (Паисъ). Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ упоминаемый Гесихіемъ *Ἑλώριος ἀγών, τελούμενος ἐπὶ Ἑλώρου πο-*

Такимъ образомъ, сиракузяне одержали полную побѣду—побѣду, какой до тѣхъ поръ ни разу не одерживали эллины надъ эллинскимъ войскомъ. Но они запятнали свой успѣхъ варварскою местью безоружному непріятелю. Оба полководца, Никій и Демосѳенъ, были, вопреки греческому военному праву, казнены; тщетно Гилиппъ старался спасти ихъ. Изъ остальныхъ плѣнниковъ тѣ, которые попали въ руки правительства, были заключены въ каменоломни, въ тѣ обширныя, глубоко врѣзывающіяся въ скалы, *латоміи*, которыя теперь покрыты роскошною растительностью и являются для посѣтителя Сиракузъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ уголковъ, а въ то время, еще совершенно голыя, представляли видъ безотрадной пустыни. Здѣсь плѣнники провели болѣе двухъ мѣсяцевъ, подвергаясь всѣмъ неистовствамъ погоды и обреченные на самое скудное питаніе; затѣмъ они были проданы въ рабство, за исключеніемъ собственно-аѳинянъ и ихъ союзниковъ изъ Италіи и Сициліи. Послѣдніе оставались въ заточеніи еще до слѣдующей весны; о дальнѣйшей участи несчастныхъ, переживших эту страшную зиму, Ѳукидидъ не счелъ нужнымъ упомянуть [1]).

Извѣстіе объ этой катастрофѣ какъ громомъ поразило всю Элладу; ореолъ непобѣдимости, окружавшій аѳинскій флотъ со дня Саламинской битвы, исчезъ. Пелопоннесъ вооружался, готовясь помѣряться силою съ аѳинянами уже и на морѣ; Сиракузы обѣщали помощь, множество городовъ, входившихъ въ составъ аѳинской державы, собирались отложиться отъ нея. Никто въ Греціи не вѣрилъ, чтобы

ταμοῦ, который едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ не *Ἀσσιναρία ἑορτή,* учрежденной сиракузянами въ память побѣды (Plut. *Nic.* 28). Къ сожалѣнію, на основаніи неяснаго разсказа Ѳукидида невозможно опредѣлить съ увѣренностью, капитулировалъ ли Демосѳенъ къ сѣверу или къ югу отъ Какипариса; если къ югу, что̀ теперь признаетъ вѣроятнымъ и Гольмъ (у Lupus'a, стр. 156), то Ассинаръ тождественъ съ Атиддару; сказанное Ѳукидидомъ о разстояніи (VII 81, 3, сравн. 81, 1; 82, 3) устраняетъ всякое сомнѣніе насчетъ вѣрности этого соображенія (вопреки мнѣнію Гольма). Неподалеку къ сѣверу отъ устья Атиддару возвышается *Colonna della Pizzuta*, огромная сложенная изъ большихъ каменныхъ плитъ колонна, вѣроятно греческаго происхожденія, которую считали памятникомъ побѣды. Но остатки другой такой же колонны были найдены къ сѣверу отъ Ното, по верхнему теченію рѣки (Ciaceri l. c. 360), а по сообщенію Fazello (кн. IV гл. 2) близъ развалинъ стараго Ното повидимому находилась третья подобная колонна, теперь исчезнувшая. Слѣдовательно Colonna della Pizzuta не имѣетъ никакого отношенія къ побѣдѣ сиракузянъ.

[1]) Thuc. VII 86. 87.

Аѳины послѣ стольких потерь оказались въ состояніи выдержать хотя-бы еще одну кампанію [1]).

Но въ Аѳинахъ и теперь не падали духомъ. Государство еще держалось; аѳинскій флотъ все еще превосходилъ всѣ остальные флоты въ Греціи какъ по численности, такъ и по качествамъ. Казна также еще далеко не была вполнѣ исчерпана,—еще совершенно цѣлъ былъ запасный фондъ въ 1000 талантовъ, отложенный въ самомъ началѣ войны на случай крайней необходимости. Другимъ счастливымъ обстоятельствомъ было то, что сицилійская катастрофа произошла въ концѣ лѣта и слѣдовательно въ этомъ году уже нечего было опасаться непріятельскаго нашествія. Въ распоряженіи аѳинянъ была цѣлая зима, чтобы приготовиться къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ [2]).

Тѣ крайніе демагоги, которые были виновниками сицилійской экспедиціи,—Пейсандръ, Андроклъ, Демостратъ и ихъ товарищи—потеряли теперь, конечно, всякое вліяніе [3]). Мало того, общество начало приходить къ убѣжденію, что неограниченная демократія, какую установили Эфіальтъ и Периклъ, вообще не въ состояніи вывести государство изъ предстоявшаго ему кризиса; оно сознало необходимость укрѣпить правительственную власть въ противовѣсъ измѣнчивому большинству народнаго собранія. Результатомъ этого переворота въ общественномъ мнѣніи была реформа государственнаго устройства. Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ была сдѣлана коллегія десяти пробуловъ, которые были избраны народнымъ собраніемъ изъ среды пожилыхъ испытанныхъ людей, и на которыхъ возложена была бóльшая часть обязанностей, лежавшихъ со временъ Клисѳена на совѣтѣ [4]). Высшее управленіе финансами также было отнято у совѣта и передано новому учрежденію, коллегіи пористовъ. Во внутреннемъ управленіи рѣшено было соблюдать крайнюю бережливость; однако, главной язвы бюджета, жалованья гражданамъ за

1) Thuc. VIII 2.

2) Thuc. VIII 1. Относительно запаснаго фонда, къ которому прибѣгли лишь въ слѣдующемъ году, см. Thuc. VIII 15 (сравн. II 24) и Philoch. fr. 116.

3) Thuc. VIII 1, 1 *χαλεποὶ μὲν ἦσαν τοῖς ξυμπροθυμηθεῖσι τῶν ῥητόρων τὸν ἔκπλουν—ὥσπερ οὐκ αὐτοὶ ψηφισάμενοι*, какъ ѣдко добавляетъ Ѳукидидъ.

4) Thuc. VIII 1, 3 и Aristoph. *Lysistr.* (поставлена на сцену въ началѣ 411 г.) Такъ какъ пробулы были устранены переворотомъ 411 года, то мы, разумѣется, знаемъ объ ихъ компетенціи очень мало. Что ихъ было десять—это удостовѣряетъ Arist. *Ἀθην. πολ.* 29, 2; что учрежденіе коллегіи пробуловъ въ общемъ обезсилило совѣтъ — видно изъ намека въ *Θεσμοφ.* Аристофана 808, сравн. Wilamowitz *Aristot. u. Athen* II 344.

исполненіе политическихъ и судебныхъ обязанностей, еще не рѣшились коснуться [1]).

Одновременно съ этой реформою предпринято было преобразованіе податной системы. Подати союзниковъ уже въ 424 г. были увеличены до такой мѣры, что о дальнѣйшемъ повышеніи ихъ нельзя было думать, особенно въ данный моментъ, когда держава колебалась въ своихъ основахъ. Поэтому рѣшено было совершенно уничтожить ихъ и замѣнить пятипроцентною пошлиной со всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ изъ гаваней союзнаго государства. Отъ этой мѣры ожидали, прежде всего, увеличенія государственныхъ доходовъ; другое преимущество новой системы заключалось въ томъ, что она устраняла насильственное взысканіе недоимокъ, которое болѣе всего другого возбуждало ненависть союзниковъ противъ аѳинскаго владычества. Такъ какъ взиманіе пошлинъ всюду отдавалось на откупъ подрядчикамъ, то реформу удалось провести безъ большого труда; единственное отличіе новаго порядка отъ стараго состояло въ томъ, что сборъ отдавался теперь на откупъ отъ лица государства. Это былъ, конечно, важный шагъ со стороны Аѳинъ по пути къ объединенію государства; но при данномъ положеніи дѣлъ были бы умѣстны еще гораздо болѣе рѣшительныя мѣры. Во всякомъ случаѣ эта система оказалась удобною, потому что, когда во время Коринѳской войны Аѳины принялись возстановлять распавшуюся державу, они вернулись не къ системѣ податей, а къ системѣ портовыхъ пошлинъ [2]).

Между тѣмъ аѳинское государство начало распадаться. Важнѣйшіе острова—Эвбея, Лесбосъ и Хіосъ—тайно отправили пословъ къ Агису въ Декелею или прямо въ Спарту и заявили о своей готовности отпасть, какъ только у ихъ береговъ покажется пелопоннесскій флотъ. Въ Спартѣ рѣшено было прежде всего протянуть руку Хіосу, присоединеніе котораго, въ виду значительности его флота и богатства финансовыхъ средствъ, представлялось особенно важнымъ. Въ Коринѳѣ снаряжена была эскадра въ 21 тріеру, предназначенная для отправки къ Хіосу; но коринѳяне на отрѣзъ отказались выйти въ

---

[1]) Thuc. VIII 1, 3. Пористы впервые упоминаются въ рѣчи Антифона *о хоревтѣ* (49), произнесенной не позднѣе 412 года. Подробнѣе — *Rh. Mus.* 39 (1884) 249 слл.

[2]) Thuc. VII 28, 4 излагаетъ податную реформу послѣ занятія Декелеи пелопоннесцами;, понятно, что она не могла быть проведена сразу и была осуществлена вѣроятно лишь зимою 413/2 года. Сравн. *Rh. Mus.* 39 (1884) 43 слл.

море до окончанія предстоявшихъ исөмійскихъ празднествъ. Благодаря этому въ Аөинахъ узнали о замыслахъ враговъ; и когда пелопоннесцы, наконецъ, отплыли, они были встрѣчены не менѣе сильнымъ аөинскимъ флотомъ и принуждены искать убѣжища въ Пиреѣ, уединенной гавани на границѣ между Коринөомъ и Эпидавромъ. Здѣсь они подверглись блокадѣ со стороны аөинянъ [1]).

Тѣмъ временемъ изъ Лаконіи отправилась прямо къ Хіосу эскадра въ 5 кораблей подъ начальствомъ спартанца Халкидея. Его появленія въ гавани было достаточно, чтобы городъ перешелъ на сторону пелопоннесцевъ (около средины лѣта 412 г.); Эриөры, Клазомены, Теосъ тотчасъ послѣдовали примѣру могущественнаго сосѣда. Экипажъ пелопоннесскихъ кораблей остался на Хіосѣ въ качествѣ гарнизона; самъ Халкидей съ 25 хіосскими кораблями отплылъ дальше, къ Милету, и склонилъ его также къ отложенію, между тѣмъ какъ другая хіосская эскадра, поддерживаемая сухопутнымъ войскомъ, заставила примкнуть къ возстанію сосѣдніе съ Теосомъ города Эры и Лебедосъ. Затѣмъ 13 хіосскихъ кораблей отправились къ Лесбосу, гдѣ оба главныхъ города, Меөимна и Митилена, тотчасъ же перешли на ихъ сторону; то же самое сдѣлали и Кима и Фокея на противолежащемъ Лесбосу материкѣ [2]).

Наконецъ, къ союзу противъ Аөинъ примкнула теперь и Персія. Отношенія между обѣими державами никогда не были хороши, а въ послѣдніе годы еще значительно ухудшились. Дѣло въ томъ, что мало-азіатскіе сатрапы воспользовались войною Аөинъ съ Пелопоннесомъ для расширенія предѣловъ своего господства въ Іоніи; еще въ 430 г. Колофонъ былъ взятъ персами [3]), а во время сицилійской войны къ нимъ перешелъ, повидимому, Эфесъ [4]). Персія вступила въ переговоры и со Спартою, однако безуспѣшно [5]). Съ другой стороны, аөинское правительство оказало поддержку возстанію сатрапа Писсуөна противъ персидскаго царя, а затѣмъ, послѣ подавленія мятежа, взяло подъ свою защиту сына Писсуөна, Аморга, который бѣ-

[1]) Thuc. VIII 5—11.

[2]) Thuc. VIII 11—19, относительно Фокеи и Кимы сравн. Thuc. VIII 31. Дата отпаденія Хіоса опредѣляется порядкомъ событій въ разсказѣ Өукидида при сравненіи его съ Philoch. fr. 116.

[3]) Thuc. III 34, 1.

[4]) Өукидидъ не сообщаетъ объ отпаденіи города; тотчасъ послѣ заключенія союза между пелопоннесцами и Персіей Эфесъ оказывается на сторонѣ пелопоннесцевъ (VIII 19). Еще наканунѣ сицилійской экспедиціи онъ былъ въ союзѣ съ Аөинами: Satyr. fr. 1 у Athen. XII 534 b (отсюда Plut. *Alc.* 12).

[5]) Thuc. II 67, Herod. VII 137.

жалъ въ Ясосъ вблизи Милета [1]). Теперь сицилійская катастрофа, казалось, давала Персіи возможность осуществить ея старыя притязанія на греческіе прибрежные города въ Малой Азіи. Немедленно, еще зимою 413/2 г., Фарнабазъ, сатрапъ Фригіи при Геллеспонтѣ, и Тиссафернъ, новый сардскій сатрапъ, завязали переговоры со Спартою и, какъ только Милетъ перешелъ къ пелопоннесцамъ, Тиссафернъ именемъ царя заключилъ съ ними союзъ. Пелопоннесцы признали право царя на всѣ области, принадлежавшія раньше ему самому и его предкамъ; царь съ своей стороны обязался платить жалованье дѣйствовавшему въ азіатскихъ водахъ пелопоннесскому флоту впредь до окончанія войны съ Аѳинами [2]). Такимъ образомъ пелопоннесцы сразу избавились отъ всякихъ финансовыхъ заботъ—правда, цѣною выдачи азіатскихъ грековъ варварамъ. Но объ этомъ пелопоннесцы мало безпокоились; напротивъ, они заключали договоръ съ заднею мыслью отнять у персовъ ихъ добычу, какъ только покончатъ съ Аѳинами [3]). Однако, и Спартѣ пришлось убѣдиться, что, вызвавъ духовъ, ихъ не всегда бываетъ легко прогнать обратно. Примѣръ, поданный Спартою, нашелъ среди ея враговъ немало подражателей; такимъ образомъ милетскій договоръ оказался первымъ звеномъ въ той роковой цѣпи событій, которая въ теченіе немногихъ десятилѣтій должна была сдѣлать царя Персіи верховнымъ судьею во всѣхъ греческихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ аѳиняне усердно готовились къ предстоявшей войнѣ, понимая, что она будетъ борьбою на жизнь и смерть. Получивъ извѣстіе объ отложеніи Хіоса, они рѣшили тронуть ту тысячу талантовъ, которая раньше была отложена какъ послѣдній запасъ на случай крайней нужды. Эскадра изъ 8 тріеръ, тотчасъ отплывшая въ Самосъ подъ командою Стромбихида, была, конечно, слишкомъ слаба сравнительно съ превосходными морскими силами Хіоса, чтобы удержать другіе города отъ отложенія [4]). Но скоро стали приходить подкрѣпленія за подкрѣпленіями: сначала 12 кораблей подъ начальствомъ Ѳрасикла, затѣмъ 16 подъ командою Діомедонта и наконецъ 10 подъ командою Леонта; теперь Лесбосъ и Клазомены были снова покорены, Милетъ обложенъ блокадою, на Хіосъ были высажены войска, граждане его разбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и бога-

---

1) Ctes. *Pers.* 52, Andoc. *о мирѣ* 29, сравн. Thuc. VIII 5, 5.
2) О переговорахъ—Thuc. VIII 5. 6. 8; текстъ договора—VIII 18. 37.
3) Thuc. VIII 84.
4) Thuc. VIII 15. 16, Philoch. fr. 116.

тый островъ сильно опустошенъ [1]). Между тѣмъ запертымъ въ Пиреѣ пелопоннесскимъ кораблямъ удалось прорвать аѳинскую блокаду и найти убѣжище въ Кенхреяхъ, коринѳской гавани у Сароническаго залива. Сюда прибылъ къ флоту лакедемонскій адмиралъ Астіохъ и тотчасъ съ 4 кораблями отплылъ въ Хіосъ [2]).

Къ концу лѣта въ Іонію отправился еще одинъ аѳинскій флотъ: 48 тріеръ подъ командою Фриниха, Ономакла и Скиронида, съ десантомъ въ 3,500 гоплитовъ, изъ которыхъ 1,500 были аргивяне. Войско высадилось близъ Милета; граждане и ихъ пелопоннесскіе и персидскіе союзники были разбиты въ открытомъ сраженіи передъ городомъ, и аѳиняне уже готовились начать осаду, когда пришло извѣстіе о приближеніи сильнаго непріятельскаго флота. Онъ состоялъ изъ 55 тріеръ, въ числѣ которыхъ были 22 присланныя Сиракузами и Селинунтомъ на помощь ихъ пелопоннесскимъ союзникамъ. Аѳиняне не рискнули вступить въ морское сраженіе съ такимъ флотомъ въ виду Милета, потому что въ случаѣ пораженія ихъ сухопутное войско неминуемо погибло бы; поэтому они посадили войско на корабли и возвратились въ Самосъ. Аргивяне, понесшіе въ битвѣ при Милетѣ очень тяжелыя потери, отправились домой; повидимому, Аргосъ вскорѣ затѣмъ заключилъ миръ со Спартой; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о его дальнѣйшемъ участіи въ войнѣ [3]). Пелопоннесцы соединились съ тѣми 25 хіосскими кораблями, которыхъ аѳинская блокада до сихъ поръ держала въ милетской гавани. Неожиданнымъ нападеніемъ они взяли Ясосъ, столицу Аморга, а его самаго захватили въ плѣнъ и выдали Тиссаферну, которому они отдали также и городъ. Пелопоннесскіе наемники Аморга перешли на службу къ своимъ землякамъ и были отправлены въ Хіосъ подъ начальствомъ спартанца Педарита [4]). Лакедемонскій адмиралъ Астіохъ отправился въ Милетъ и принялъ начальство надъ главнымъ пелопоннесскимъ флотомъ [5]).

Между тѣмъ аѳиняне перевели въ Самосъ стоявшую у Хіоса эскадру, чтобы сравняться въ силахъ съ 80 пелопоннесскими кораблями, собравшимися у Милета. Осенью они получили новое подкрѣпленіе въ 35 тріеръ, и это дало имъ возможность возобновить нападеніе на Хіосъ. Главныя силы, именно 74 корабля, остались у

[1]) Thuc. VIII 17. 19. 23. 24.
[2]) Thuc. VIII 20. 23.
[3]) Thuc. VIII 25—27.
[4]) Thuc. VIII 28.
[5]) Thuc. VIII 33. 36.

Самоса, а 30 кораблей съ десантомъ отправились въ Хіосъ, гдѣ они заняли сильную позицію около храма Аполлона Дельфинія, къ сѣверу отъ города. Теперь Хіосъ былъ запертъ и съ моря, и съ суши; скоро въ городѣ началъ обнаруживаться голодъ, рабы массами перебѣгали къ осаждающимъ, въ средѣ гражданъ снова подняла голову аттическая партія, и только при помощи безпощадной строгости Педаритъ могъ поддерживать порядокъ. Наконецъ, потерявъ надежду получить помощь отъ соединеннаго пелопоннесскаго флота, онъ попытался спасти городъ вылазкой, но потерпѣлъ полное пораженіе и самъ палъ въ битвѣ [1]).

Между тѣмъ Книдъ также отложился и перешелъ на сторону Тиссаферна и пелопоннесцевъ; попытка аѳинянъ взять открытый городъ штурмомъ не имѣла успѣха [2]). Въ срединѣ зимы изъ Пелопоннеса отправилось въ Азію новое подкрѣпленіе — эскадра въ 27 кораблей, но изъ страха передъ болѣе сильнымъ аѳинскимъ флотомъ она не рѣшилась идти прямо къ Милету и въ концѣ концовъ попала въ Кавнъ на южномъ берегу Каріи. Чтобы воспрепятствовать соединенію этой эскадры съ главными силами пелопоннесцевъ, аѳиняне послали изъ Самоса въ родосскія воды 20 тріеръ подъ начальствомъ Хармина; но у небольшого острова Симы они неожиданно подверглись нападенію соединеннаго пелопоннесскаго флота подъ командой Астіоха и потерпѣли пораженіе, потерявъ 6 кораблей. Затѣмъ лакедемонскій адмиралъ призвалъ къ себѣ стоявшую въ Кавнѣ эскадру и съ 94 тріерами направился къ Родосу, который тотчасъ передался ему; экипажъ флота остался на этомъ богатомъ островѣ до наступленія весны [3]).

Такимъ образомъ, аѳиняне теперь, въ началѣ 411 года, владѣли въ Іоніи и Каріи почти только островами Лесбосомъ, Самосомъ и Косомъ, и прибрежными городами Галикарнассомъ и Нотіономъ. Правда, на Геллеспонтѣ, во Ѳракіи и на Цикладскихъ островахъ ихъ господство еще не было поколеблено; но никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь начнутся отпаденія, какъ только покажется пелопоннесскій флотъ. Да и вообще было невѣроятно, чтобы Аѳины могли выдержать продолжительную борьбу съ коалиціей между пелопоннесцами, Сиракузами и Персіей; уже одно истощеніе финансовыхъ

---

1) Thuc. VIII 30—34. 38—40. 55.

2) Thuc. VIII 35.

3) Thuc. VIII 39. 41 — 44. Намекъ на пораженіе при Симе — Aristoph. *Θεσμοφ.* 804 (поставлены на сцену нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, во время Діонисій 411 г., сравн. Wilamowitz *Arist.* и. *Athen* II 343 слл.).

средствъ должно было привести къ крушенію государства. Дѣйствительно, казна почти изсякла, а доходы значительно уменьшились вслѣдствіе занятія непріятелемъ Декелеи и отпаденія Іоніи; между тѣмъ морская война требовала все большихъ расходовъ [1]).

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ въ Аѳинахъ усилилось олигархическое движеніе; казалось, пришло время окончить то, что было начато послѣ сицилійской катастрофы. Большая часть умственной и родовой аристократіи Аѳинъ соединилась съ цѣлью произвести переворотъ. Во главѣ движенія сталъ Антифонъ изъ Рамна, одинъ изъ первыхъ ораторовъ и первый адвокатъ своего времени, человѣкъ, который никогда не скрывалъ своего олигархическаго образа мыслей и именно по этой причинѣ держался до сихъ поръ по возможности въ сторонѣ отъ общественной жизни. Его сотрудниками былъ цѣлый рядъ философски и риторически образованныхъ людей, какъ Архептолемъ изъ Агрилы, сынъ знаменитаго архитектора и политика Гипподама милетскаго, которому въ награду за заслуги было даровано право аѳинскаго гражданства, софистъ Андронъ, трагикъ Меланѳій, и въ особенности Ѳераменъ изъ Стиріи, отецъ котораго, Гагнонъ, когда-то былъ близкимъ другомъ Перикла, а теперь, находясь въ преклонномъ возрастѣ, занималъ должность пробула и такимъ образомъ стоялъ у кормила власти. Далѣе, къ этой же партіи принадлежало множество другихъ лицъ изъ лучшихъ фамилій города, какъ Мелесій изъ Алопеки,—сынъ того Ѳукидида, который, поколѣніе назадъ, боролся съ Перикломъ за первенство въ государствѣ, — бывшіе стратеги, какъ Аристархъ, Аристократъ, Лесподій, практическіе политики, какъ Пейсандръ, старый демократъ и приверженецъ Клеона, превратившійся теперь въ олигарха [2]). Кромѣ того, можно было разсчитывать на поддержку правительства, потому что пробулы въ Аѳинахъ, какъ и большинство флотскихъ офицеровъ на Самосѣ, сочувствовали плану государственнаго переворота [3]).

Алкивіадъ также былъ готовъ оказать поддержку движенію. Со дня изгнанія имъ нераздѣльно владѣла одна мысль—о возвращеніи въ отечество, и онъ хорошо понималъ, что осуществленіе ея будетъ

---

[1]) Сравн. Thuc. VII 28, 4.

[2]) Thuc. VIII 68. Остальныя указанія — у Wattenbach'а, *De Quadring. Athenis factione* (диссерт., Berlin 1842) стр. 42—46, и Gilbert'а, *Beiträge* стр. 307—313.

[3]) О поведеніи пробуловъ — Lys. 12 *(пр. Эратосѳ.)* 65, Aristot. *Rhet.* III 1419 а, объ офицерахъ флота, стоявшаго въ Самосѣ,—главнымъ образомъ Thuc. VIII 76, 2, сравн. 47, 2 и passim.

возможно лишь тогда, когда тяжелыя пораженія смирять гордость Аѳинъ. Поэтому онъ не задумался употребить все свое вліяніе въ Спартѣ, чтобы побудить ее къ войнѣ съ Аѳинами, и когда война наконецъ вспыхнула,—всѣми силами содѣйствовать іонійскому возстанію [1]). Затѣмъ онъ въ Милетѣ тѣсно сблизился съ Тиссафериомъ и этимъ навлекъ на себя подозрѣніе лакедемонянъ, такъ какъ дружественныя отношенія, существовавшія между Спартою и сатрапами, какъ разъ въ это время стали замѣтно охладѣвать: Тиссафернъ отлично понималъ, что пелопоннесцамъ нужны только персидскія деньги, но что они вовсе не намѣрены выдавать царю азіатскихъ грековъ. При такихъ условіяхъ Алкивіадъ не могъ долѣе оставаться въ Милетѣ; онъ отправился ко двору сатрапа и приложилъ здѣсь всѣ старанія, чтобы усилить разрывъ между союзниками. Дѣйствительно, Тиссафернъ сталъ платить жалованье пелопоннесскому флоту неаккуратно и лишь въ уменьшенномъ размѣрѣ [2]).

Теперь Алкивіадъ завязалъ переговоры съ аѳинскими офицерами на Самосѣ. Онъ обѣщалъ устроить союзъ между Аѳинами и царемъ, но ставилъ условіемъ своего посредничества сверженіе той демократіи, которая четыре года назадъ заставила его уйти въ изгнаніе. Съ этимъ предложеніемъ отправился изъ Самоса въ Аѳины Пейсандръ, находившійся при флотѣ въ должности тріерарха. Такъ требованіе Алкивіада сначала вызвало, конечно, бурю негодованія, но въ концѣ концовъ одержало верхъ сознаніе, что для Аѳинъ не можетъ быть спасенія, пока имъ приходится бороться съ союзомъ пелопоннесцевъ и персидскаго царя. Поэтому народъ рѣшилъ отправить посольство къ Тиссаферну для переговоровъ въ смыслѣ сдѣланнаго Алкивіадомъ предложенія [3]).

Однако оказалось, что Алкивіадъ обѣщалъ больше, чѣмъ былъ въ состояніи исполнить; Тиссафернъ вовсе не былъ склоненъ доводить дѣло до открытаго разрыва съ пелопоннесцами, которые владѣли всѣмъ побережьемъ его сатрапіи и противъ флота которыхъ онъ былъ совершенно безсиленъ. Онъ поставилъ аѳинскимъ посламъ требованія, на которыя они не могли согласиться, и затѣмъ немедленно заключилъ новый договоръ съ пелопоннесцами, принявъ всѣ ихъ условія. Этотъ договоръ призналъ «земли царя, лежащія въ Азіи»,

---

[1]) Thuc. VI 88—92, VII 18, 1. Ѳукидидъ разсматриваетъ эти событія съ предвзятой точки зрѣнія аѳинскаго изгнанника и потому склоненъ преувеличивать роль, которую игралъ въ нихъ Алкивіадъ.

[2]) Thuc. VIII 45. 46.

[3]) Thuc. VIII 53. 54.

подвластными персамъ, но обошелъ молчаніемъ вопросъ, относятся ли къ этимъ землямъ и прибрежные греческіе города; Тиссафернъ обязался взамѣнъ продолжать уплату жалованья находившемуся теперь въ азіатскихъ водахъ пелопоннесскому флоту, пока царь самъ не пошлетъ флота въ Эгейское море; миръ съ Аѳинами могъ быть заключенъ только съ согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ [1]).

Такимъ образомъ, Аѳины менѣе, чѣмъ когда-либо, могли теперь разсчитывать на соглашеніе съ Персіей; но дѣло было уже настолько подготовлено, что олигархи могли надѣяться осуществить свои планы и безъ этого соглашенія. Дѣйствительно, въ Аѳинахъ все шло какъ нельзя лучше. Еще во время переговоровъ были убиты Андроклъ и другіе вожаки радикальной демократіи; чернь была совершенно терроризована, и, когда послы вернулись отъ Тиссаферна, почва была уже вполнѣ подготовлена для политическаго переворота. Военная помощь, которую обезпечила себѣ олигархическая партія, отозвавъ часть гоплитовъ съ Цикладскихъ острововъ и изъ Эгины, оказалась излишнею. Благодаря содѣйствію правительства, все совершилось въ законной формѣ; постановленіемъ народнаго собранія демократическое устройство было отмѣнено и политическія права признаны лишь за 5000 наиболѣе достаточныхъ гражданъ. Избираемый по жребію совѣтъ 500, потерявшій значительную часть своей компетенціи еще 2 года назадъ, при учрежденіи коллегіи пробуловъ, теперь былъ совершенно устраненъ; членамъ уплатили жалованье до конца года и попросту попросили ихъ разойтись по домамъ (14-го Ѳаргеліона, май 411 г.). Мѣсто распущеннаго совѣта занялъ новый совѣтъ изъ 400 членовъ, которые на первый разъ были избраны вождями движенія, а въ будущемъ должны были избираться изъ числа 5000. Этотъ совѣтъ, получившій неограниченныя полномочія, избралъ изъ своей среды стратеговъ и остальныхъ должностныхъ лицъ, и на его усмотрѣніе было предоставлено, созвать ли и когда созвать собраніе 5000. Кромѣ того, принято было за правило, что впредь никто не долженъ получать вознагражденія за отправленіе государственныхъ должностей; при стѣсненномъ финансовомъ положеніи государства это была очень благодѣтельная мѣра [2]).

Между тѣмъ на Самосѣ также началось движеніе. Предшествовавшимъ лѣтомъ здѣсь произошло возстаніе демоса противъ землевла-

1) Thuc. VIII 56—58.

2) Thuc. VIII 65—70, Aristot. Ἀθην. πολ. 29. 32 (глл. 30—31 относятся къ конституціи, введенной Ѳераменомъ послѣ паденія 400; см. ниже, стр. 56 прим. 1).

дѣльцевъ, изъ которыхъ 200 были убиты, а 400 подверглись изгнанію; остальные землевладѣльцы, которыхъ народъ пощадилъ, были лишены всѣхъ политическихъ правъ. Вслѣдствіе этого Аѳины вернули самосцамъ автономію, которую отняли у нихъ послѣ возстанія 440 г. [1]). Теперь состоятельный классъ на Самосѣ рѣшилъ воспользоваться благопріятной минутой, чтобы вернуть себѣ господствующее положеніе на островѣ; съ этой цѣлью онъ вошелъ въ соглашеніе съ офицерами аѳинскаго флота, принадлежавшими къ олигархической партіи. И здѣсь, какъ въ Аѳинахъ, заговорщики начали съ того, что посредствомъ убійства избавились отъ самаго рѣшительнаго своего противника—демагога Гипербола, который, шесть лѣтъ назадъ изгнанный изъ Аѳинъ остракизмомъ, жилъ на Самосѣ въ ожиданіи своего возвращенія (выше I, стр. 447). Но громадное большинство солдатъ аѳинскаго флота состояло изъ приверженцевъ демократіи и потому отказало офицерамъ въ повиновеніи. Благодаря этому олигархическое возстаніе было легко подавлено; стратеги и часть младшихъ офицеровъ флота были отрѣшены отъ должности, и избраны новые стратеги; въ числѣ послѣднихъ были состоявшіе до тѣхъ поръ въ должности тріерарховъ Ѳрасибулъ и Ѳрасиллъ, которые стали во главѣ демократическаго движенія. Вся армія и всѣ граждане Самоса торжественной клятвою обязались оставаться вѣрными демократіи [2]).

Спрашивалось, какъ быть дальше. Положеніе самосскихъ демократовъ между пелопоннесскимъ флотомъ съ одной стороны и аѳинскими олигархами съ другой было невыносимо. Спасенія можно было ждать только отъ одного человѣка—отъ Алкивіада. Поэтому его призвали въ Самосъ и избрали въ стратеги, что при выдающихся способностяхъ Алкивіада было равносильно назначенію его главнокомандующимъ надъ флотомъ. Хотя союзъ съ Тиссаферномъ, на который разсчитывали аѳиняне, и теперь не осуществился, однако сатрапъ снова сталъ менѣе усердно помогать пелопоннесцамъ и — что было важнѣе—отправилъ назадъ финикійскій флотъ въ 147 тріеръ, который уже дошелъ до Аспенда въ Памфиліи и появленіе котораго въ Эгейскомъ морѣ вѣроятно неминуемо повлекло бы за собою гибель Аѳинъ [3]).

[1]) Thuc. VIII 21; постановленіе аѳинскаго народнаго собранія въ пользу самосцевъ—*CIA*. I 56.

[2]) Thuc. VIII 72—76. По сообщенію Ѳукидида, олигархическая реакція на Самосѣ была произведена тѣми же лицами, которыя полгода назадъ вызвали демократическое движеніе. Это крайне невѣроятно; зачинщиками переворота были очевидно лишенные правъ геоморы (сравн. Thuc. VIII 63, 3). Впрочемъ, и на Самосѣ иной демократъ могъ оказаться ренегатомъ.

[3]) Thuc. VIII 81—85. 87.

Теперь аѳинское правительство рѣшило войти въ соглашеніе съ флотомъ, и Алкивіадъ не отвергъ протянутой руки. Благодаря его вліянію экипажъ отказался отъ намѣренія идти на Пирей, что повело бы къ потерѣ всѣхъ аѳинскихъ владѣній въ Іоніи и на Геллеспонтѣ. Онъ даже изъявилъ готовность признать олигархію 5000, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы былъ возстановленъ совѣтъ 500 избираемыхъ по жребію и устранено правительство 400 [1]).

Это предложеніе возымѣло свое дѣйствіе въ Аѳинахъ. Умѣренные члены правительственной коллегіи были готовы принять условія Алкивіада; Антифонъ-же и его ультра-олигархическіе друзья зашли такъ далеко, что для нихъ уже не было возврата. Но они понимали, какъ шатко ихъ положеніе, и обратились къ послѣднему средству, которое еще могло спасти ихъ,—къ соглашенію со Спартою во что бы то ни стало. Мирные переговоры были начаты еще тотчасъ послѣ водворенія олигархіи, но они потерпѣли неудачу вслѣдствіе тяжести условій, которыя сочла возможнымъ поставить Спарта, пользуясь благопріятнымъ политическимъ положеніемъ; теперь Антифонъ готовъ былъ на все согласиться и даже пожертвовать независимостью государства, лишь бы сохранить олигархію. Конечно, не было никакой надежды добиться согласія на эти условія со стороны гражданъ или по крайней мѣрѣ большинства членовъ совѣта; поэтому нужно было принять мѣры, чтобы въ случаѣ надобности осуществить этотъ планъ наперекоръ волѣ народа. Съ этой цѣлью правительство приступило къ укрѣпленію косы Ээтіонеи, которая господствуетъ надъ входомъ въ Пирей и обладаніе которой давало олигархамъ возможность во всякое время впустить въ гавань пелопоннесскій флотъ и, такимъ образомъ, безъ сопротивленія предать Аѳины во власть непріятеля [2]).

Но этимъ олигархія только ускорила свое собственное паденіе. Укрѣпленіе Ээтіонеи возбудило всеобщее подозрѣніе, и одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ правительства, стратегъ Ѳераменъ, сталъ во главѣ оппозиціи. Фринихъ, одинъ изъ крайнихъ олигарховъ, былъ убитъ на рынкѣ, и убійца не былъ разысканъ. Когда вслѣдъ затѣмъ у Эгины появился пелопоннесскій флотъ, среди гоплитовъ въ Пиреѣ вспыхнулъ открытый мятежъ. Разрушивъ ээті-

---

1) Thuc. VIII 86.

2) Thuc. VIII 89. 90. Разсказъ Аристотеля (Ἀϑην. πολ. 32) и здѣсь оказывается совершенно недостаточнымъ; мы узнаёмъ изъ него лишь то, что 400 первоначально пытались завязать переговоры со Спартою на основаніи statu quo, о чемъ Ѳукидидъ, какъ о несущественной подробности, справедливо упоминаетъ лишь мимоходомъ (VIII 91, 3).

онейское укрѣпленіе, гоплиты двинулись къ городу. Однако ни одна изъ сторонъ не рѣшилась довести дѣло до крайности; заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго правительство обязывалось составить наконецъ списокъ 5000 гражданъ, облекавшихся отнынѣ политическими правами. Собраніе этихъ 5000 должно было изъ своей среды избрать новый совѣтъ, дабы государство вернулось къ законнымъ порядкамъ [1]).

Всѣ эти событія, конечно, сильно тормозили военныя операціи Аѳинъ, и противники не замедлили извлечь изъ этого свои выгоды. Еще зимою, во время приготовленій къ олигархическому перевороту, подвластный Аѳинамъ городъ Оропъ, на сѣверной границѣ Аттики, вслѣдствіе измѣны перешелъ въ руки беотянъ [2]). Съ наступленіемъ весны (411) спартанецъ Деркилидъ съ небольшимъ отрядомъ двинулся сухимъ путемъ изъ Милета къ Геллеспонту, гдѣ Абидосъ и Лампсакъ тотчасъ передались ему. Правда, послѣдній городъ былъ скоро снова покоренъ аѳинянами, которые, получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, пришли съ Хіоса съ 24 кораблями. Но ради этого пришлось снять блокаду Хіоса; только Дельфиній былъ по прежнему занятъ аѳинянами [3]). Когда затѣмъ лѣтомъ въ Геллеспонтѣ появилась пелопоннесская эскадра изъ 10 тріеръ, отъ Аѳинъ отложилась и Византія, имѣвшая важное значеніе, и ея примѣру тотчасъ послѣдовали сосѣдніе города Калхедонъ, Селимбрія, Перинѳъ и Кизикъ [4]).

Такимъ образомъ, аѳиняне потеряли и бо́льшую часть геллеспонтской провинціи; въ ихъ рукахъ оставались теперь здѣсь почти только ѳракійскій Херсонесъ, населенный аѳинскими клерухами (выше, т. I стр. 398), и Лампсакъ на азіатскомъ берегу. Во ѳракійской провинціи также подготовлялись отпаденія. Важнѣйшимъ союзнымъ городомъ въ этой части государства былъ Ѳасосъ, который до повышенія податей въ 424 г. платилъ Аѳинамъ ежегодно 30 талантовъ, а теперь, вѣро-

---

[1]) Thuc. VIII 91—93. Объ убіеніи Фриниха сравн. Lys. *пр. Агората* 70 сл. и *CIA.* I 59.

[2]) Thuc. VIII 60.

[3]) Thuc. VIII 61—63. Послѣ этого Ѳукидидъ не сообщаетъ болѣе ни о какихъ сраженіяхъ у Хіоса. Дельфиній былъ взятъ пелопоннесцами лишь въ 406 году, сравн. ниже, стр. 76.

[4]) Thuc. VIII 80. Насчетъ Кизика см. Thuc. VIII 107, Diod. XIII 40; отпаденіе Калхедона, Селимбріи и Перинѳа не упоминается въ нашихъ источникахъ, но въ началѣ слѣдующаго года мы находимъ эти города на сторонѣ пелопоннесцевъ, см. ниже, стр. 59.

ятно,—болѣе чѣмъ вдвое противъ этой суммы. Здѣсь аѳинскіе олигархи весною свергли демократическое правленіе и поставили у кормила власти своихъ единомышленниковъ; а новое правительство принялось за возстановленіе городскихъ укрѣпленій, разрушенныхъ пол-столѣтія назадъ Кимономъ, и вступило въ переговоры съ пелопоннесцами [1]).

Позднимъ лѣтомъ, приблизительно въ началѣ сентября, въ эвбейскихъ водахъ появился пелопоннесскій флотъ, состоявшій изъ 42 кораблей, подъ командой спартанца Агесандрида: это былъ тотъ самый флотъ, который только что угрожалъ Эгинѣ и Пирею (см. выше стр. 53). Въ Аѳинахъ поспѣшно вооружили всѣ наличные корабли и отправили эту эскадру навстрѣчу непріятелю, чтобы защитить островъ; всего набралось, вмѣстѣ съ стоявшими уже у Эвбеи судами, 36 тріеръ. У Эретріи произошло сраженіе, въ которомъ Агесандридъ безъ большого труда одержалъ побѣду надъ плохо вооруженной и снабженной неопытнымъ экипажемъ непріятельской эскадрою; 22 тріеры попали въ его руки. Теперь противъ аѳинскаго господства возстала Эретрія, а вскорѣ затѣмъ и остальные города острова, за исключеніемъ, разумѣется, аѳинской клерухіи Ореоса [2]). Важнѣйшее изъ внѣшнихъ владѣній Аѳинъ было потеряно для нихъ.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ произвело въ Аѳинахъ панику болѣе сильную, чѣмъ та, которая два года назадъ была вызвана вѣстью о сицилійской катастрофѣ. Съ минуты на минуту ждали появленія непріятельскаго флота передъ Пиреемъ, что̀ при внутреннемъ раздорѣ, господствовавшемъ въ городѣ, могло бы имѣть роковыя послѣдствія. Во власти побѣдителей было, по меньшей мѣрѣ,—отрѣзать Аѳины отъ сообщенія съ моремъ и этимъ заставить стоявшій у Самоса флотъ прійти въ Грецію на выручку города. Однако пелопоннесцы не отважились на такой энергическій шагъ, и на этотъ разъ бѣда миновала [3]).

Теперь, подъ впечатлѣніемъ пораженія, олигархія въ Аѳинахъ безъ сопротивленія пала, и Ѳераменъ взялъ въ свои руки управленіе го-

[1]) Thuc. VIII 64.

[2]) Thuc. VIII 95. Даты этихъ событій опредѣляются Arist. Ἀθην. πολ. 33, 1, согласно которому паденіе 400 совершилось въ концѣ Метагейтніона или въ началѣ Боэдроміона 411/0 года.—Острова къ сѣверу отъ Эвбеи остались вѣрны Аѳинамъ, по крайней мѣрѣ о Скіаѳѣ мы знаемъ это навѣрное (*CIA.* IV 1 p. 166 сл.). Напротивъ, Андросъ вскорѣ послѣдовалъ примѣру Эвбеи, во всякомъ случаѣ до 407 г., когда мы находимъ его уже на пелопоннесской сторонѣ.

[3]) Thuc. VIII 96.

сударствомъ. Совѣтъ четырехсотъ былъ распущенъ, рѣшеніе всѣхъ государственныхъ дѣлъ возложено на собраніе «пяти тысячъ»; сюда должны были войти всѣ тѣ, кто въ состояніи былъ на собственныя средства служить въ гоплитахъ, слѣдовательно граждане трехъ высшихъ солоновскихъ классовъ. Изъ среды этихъ «пяти тысячъ» былъ выбранъ новый совѣтъ, опять въ составѣ 400 членовъ, затѣмъ стратеги и остальныя должностныя лица. Принципъ, согласно которому никто не долженъ былъ получать вознагражденія за отправленіе государственныхъ должностей, остался въ силѣ. Для выработки новой конституціи была назначена коммиссія изъ 100 членовъ. Чтобы открыть путь къ примиренію съ флотомъ, отмѣненъ былъ указъ объ изгнаніи Алкивіада [1]).

Изъ вожаковъ павшей олигархіи большинство заблаговременно бѣжало въ Декелею; теперь они были заочно приговорены къ смерти, а имущество ихъ конфисковано. Только Антифонъ и Архентолемъ были схвачены и казнены, несмотря на мастерскую рѣчь, которую произнесъ Антифонъ передъ судомъ въ свою защиту. Въ общемъ же перемѣна правленія совершилась безъ всякаго кровопролитія. Главная заслуга во всемъ этомъ дѣлѣ принадлежала Ѳерамену; безъ его энергическаго противодѣйствія измѣнническимъ замысламъ его товарищей Аѳины уже тогда сдѣлались бы добычею спартанцевъ, да и новая конституція была въ своихъ главныхъ частяхъ создана имъ. Къ нему и перешло теперь управленіе государствомъ. Его прежніе друзья, крайніе олигархи, разумѣется никогда не могли простить ему, что онъ въ рѣшительный моментъ отрекся отъ нихъ и интересами партіи пожертвовалъ интересамъ Аѳинъ. Они называли его съ этихъ поръ «котурномъ»: подобно тому какъ котурнъ приходится на обѣ ноги, такъ и Ѳераменъ съумѣлъ служить обѣимъ партіямъ, олигархамъ и демократамъ. Между тѣмъ это обвиненіе было вполнѣ неспра-

---

[1]) Thuc. VIII 97. Извѣстія, сообщаемыя Аристотелемъ въ *Ἀθην. πολ.* 30. 31, относятся къ конституціи Ѳерамена, а не къ олигархіи 400, какъ думаетъ Аристотель, потому что „пять тысячъ" вообще ни разу не функціонировали въ правленіе 400, и совѣтъ 400, о которомъ сообщаетъ Аристотель въ гл. 31, былъ составленъ совершенно иначе, чѣмъ та коллегія, къ которой принадлежалъ Антифонъ. Съ этими выводами можетъ не согласиться только тотъ, кто рѣшится игнорировать свидѣтельство Ѳукидида. Притомъ, если конституція Четырехсотъ дѣйствительно была такова, какою ее описываетъ Аристотель въ гл. 30 и 31, то что̀ остается для конституціи Ѳерамена? Способъ, которымъ Köhler (*Berl. Sitzungs-Berichte* 1895 стр. 451 слл.) устраняетъ противорѣчіе между Аристотелемъ и Ѳукидидомъ,—крайне искусственъ, и его рѣшеніе вопроса на мой взглядъ несовершенно несостоятельно.

ведливо; ибо то, что создалъ Θераменъ послѣ паденія четырехсотъ, было отнюдь не демократія, а господство средняго класса. Поэтому крайніе демократы преслѣдовали Θерамена не меньшею ненавистью, чѣмъ крайніе олигархи. Къ сожалѣнію, ему слишкомъ скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что аѳинское среднее сословіе не было достаточно сильно, чтобы удержать въ своихъ рукахъ довѣренную ему власть; и когда позднѣе Θераменъ, не обезкураженный неудачей, еще разъ попытался осуществить свой идеалъ, ему пришлось поплатиться за это жизнью. Лишь потомство оцѣнило его по заслугамъ; Аристотель называетъ его однимъ изъ лучшихъ трехъ гражданъ, которыхъ произвели Аѳины со времени Персидскихъ войнъ, и таково же было мнѣніе всей позднѣйшей древности [1]).

Между тѣмъ союзный пелопоннесскій флотъ провелъ все лѣто въ бездѣйствіи. Весною, правда, Астіохъ отправился съ Родоса въ Милетъ, принялъ тамъ подъ свою команду корабли съ Хіоса, вслѣдствіе чего его эскадра возросла до 112 тріеръ, но затѣмъ ограничился наблюденіемъ за аѳинянами въ Самосѣ и не согласился на сраженіе, которое послѣдніе предлагали ему [2]). Виною тому были отчасти разладъ съ Тиссаферномъ, отчасти неспособность лакедемонскаго адмирала. Въ срединѣ лѣта Астіоха смѣнилъ въ начальствованіи надъ флотомъ Миндаръ [3]); послѣдній наконецъ рѣшился—приблизительно въ концѣ августа—перенести театръ военныхъ дѣйствій на Геллеспонтъ, гдѣ онъ надѣялся найти лучшую опору въ лицѣ сатрапа Фарнабаза. Пелопоннесцы благополучно прошли мимо аѳинскаго флота къ Хіосу и оттуда въ Абидосъ. Аѳиняне послѣдовали за ними, и въ проливѣ между Сестомъ и Абидосомъ произошло морское сраженіе, въ которомъ аѳиняне, несмотря на численный перевѣсъ непріятеля — 88 тріеръ противъ 76, — одержали побѣду; этотъ успѣхъ имѣлъ, впрочемъ, скорѣе нравственное, чѣмъ матеріальное значеніе, такъ какъ потери были почти равны на обѣихъ сторонахъ [4]). Во всякомъ случаѣ, аѳиняне вернули себѣ теперь важный пунктъ Ки-

---

[1]) Thuc. VIII 97. 98, Lys. 7 *(περὶ τοῦ σηκοῦ)*, 4. О процессѣ Антифона—(Plutarch.) *Жизнь Антифона*, Thuc. VIII 68, 2 и фрагменты защитительной рѣчи Антифона. О руководящей роли Θерамена—Aristot. *Ἀθην. πολ.* 28, 3, Diod. XIII 42, 2; объ его политическихъ идеалахъ — Xen. *Hell.* II 3, 48. Aristot. *Ἀθην. πολ.* 28, 5. Сравн. *Attische Politik* автора стр. 76 прим. и Pöhlig *Der Athener Theramenes*, Fleckeisens *Jahrb.* Suppl. IX стр. 224—320, Leipzig 1877.

[2]) Thuc. VIII 60. 63. 79.

[3]) Thuc. VIII 83. 85. 87.

[4]) Thuc. VIII 99 - 106.

зикъ [1]). Послѣ этого Миндаръ вызвалъ изъ эвбейскихъ водъ флотъ Агесандрида, около 50 тріеръ, изъ которыхъ, впрочемъ, большинство было разбито бурей около Аѳона [2]). Другая пелопоннесская эскадра въ 14 кораблей, шедшая изъ Родоса, благополучно прибыла въ Геллеспонтъ, но у входа въ него подверглась нападенію болѣе многочисленнаго аѳинскаго флота. Миндаръ тотчасъ явился на помощь изъ Абидоса со всѣмъ своимъ флотомъ, и здѣсь произошла вторая большая морская битва. Исходъ ея рѣшилъ Алкивіадъ, который во время сраженія прибылъ въ Геллеспонтъ изъ Самоса съ 20 кораблями. Пелопоннесцы принуждены были отступить къ берегу, гдѣ имѣли надежную опору въ войскѣ Фарнабаза; но 30 пелопоннесскихъ кораблей, покинутыхъ экипажемъ, сдѣлались добычей аѳинянъ [3]).

Зима на время положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Весною аѳиняне получили подкрѣпленіе въ 20 кораблей, приведенныхъ Ѳераменомъ изъ Пирея, и Алкивіадъ задумалъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю. Между тѣмъ Миндаръ приплылъ изъ Абидоса въ Кизикъ и снова привлекъ этотъ городъ на сторону пелопоннесцевъ. Въ то время какъ онъ маневрировалъ здѣсь съ флотомъ передъ гаванью, Алкивіадъ неожиданно напалъ на него, отрѣзалъ его отъ Кизика и отбросилъ на открытый берегъ. Тщетно Фарнабазъ, явившійся и въ этотъ разъ на помощь, старался прикрыть флотъ своимъ войскомъ; аѳиняне высадились на берегъ и одержали полную побѣду, Миндаръ палъ, всѣ пелопоннесскія суда были захвачены, только сиракузяне успѣли сжечь свои корабли. Однако бо̀льшей части экипажа удалось спастись (май 410) [4]).

---

[1]) Thuc. VIII 107.

[2]) Thuc. VIII 107, 2, Diod. XIII 41, по Эфору, который преувеличилъ размѣры урона, будучи введенъ въ заблужденіе одной вотивной надписью, находившейся въ храмѣ Аѳины въ Коронеѣ. Одного изъ вождей флота, Гиппократа (Thuc. l. c.) мы находимъ потомъ въ войскѣ Миндара у Кизика (Xen. *Hell.* I 1, 23), а самъ Агесандридъ еще лѣтомъ 408 года командовалъ одной эскадрой, стоявшей у ѳракійскаго берега (Xen. *Hell.* I 3, 17). Сравн. Grote VII 353. Тѣмъ не менѣе, потеря была, вѣроятно, очень значительна, потому что въ противномъ случаѣ пелопоннесскій флотъ не оказался бы столь слабымъ по прибытіи къ Кизику.

[3]) Xen. *Hell.* I 1, 2—8, Diod. XIII 45. 46, Plut. *Alc.* 27.

[4]) Xen. *Hell.* I 1, 11—18, Diod. XIII 49—51, Plut. *Alc.* 28. Polyaen. I 40, 9. Правленіе Четырехсотъ было свергнуто въ сентябрѣ (выше, стр. 55 прим. 2); такъ такъ въ ближайшее время Ѳераменъ былъ всецѣло поглощенъ проведеніемъ реформы въ Аѳинахъ, то онъ едва ли могъ отплыть раньше

Такимъ образомъ, великій пелопоннесскій флотъ былъ уничтоженъ, и морское владычество аѳинянъ возстановлено, — правда, лишь до тѣхъ поръ, пока пелопоннесцы построятъ новый флотъ. Этимъ промежуткомъ времени нужно было воспользоваться по мѣрѣ силъ. Кизикъ и Перинѳъ были тотчасъ снова приведены въ покорность; затѣмъ Алкивіадъ отправился въ Босфоръ, гдѣ заложилъ крѣпость на мысѣ Хрисополисѣ *(Скутари)*, насупротивъ Византіи. Онъ оставилъ здѣсь эскадру въ 30 тріеръ подъ начальствомъ Ѳерамена для наблюденія за Византіей и Калхедономъ и охраны морского пути къ Понту. Пошлиною, которая взималась здѣсь съ торговыхъ кораблей, Аѳины покрывали значительную часть военныхъ издержекъ [1]).

Пораженіе при Кизикѣ опять доставило руководящее вліяніе въ Спартѣ партіи мира. Надъ морской войною какъ-будто тяготѣлъ злой рокъ, и даже тѣ, кто смотрѣлъ на вещи наиболѣе оптимистически, должны были признать, что ниспроверженіе Аѳинъ, если оно вообще удастся, требуетъ еще многихъ лѣтъ. Поэтому рѣшено было предложить миръ на условіяхъ сохраненія каждымъ государствомъ принадлежащихъ ему въ данный моментъ владѣній; при этомъ Декелея должна была служить возмѣщеніемъ за Пилосъ [2]). На бóльшія уступки Спарта не могла согласиться безъ ущерба для своей чести; она не могла выдать аѳинскіе союзные города, которые примкнули къ ней въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Но и въ этомъ случаѣ Аѳины сохранили бы очень значительную часть своихъ владѣній,—больше, чѣмъ имъ когда-либо удалось вернуть себѣ послѣ битвы при Эгоспотамосѣ: всѣ клерухіи, Самосъ, Лесбосъ, Цикладскіе острова, ѳракійскій Херсонесъ и цѣлый рядъ другихъ важныхъ пунктовъ. При тогдашнемъ положеніи вещей эти условія были во всякомъ случаѣ очень выгодны, такъ какъ всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ былъ понимать, что Аѳины не въ силахъ выдержать продолжительную борьбу съ пелопоннесцами и персидскимъ царемъ.

Но и въ Аѳинахъ оказали свое дѣйствіе геллеспонтскія побѣды. Пораженіе при Сиракузахъ, а затѣмъ отложеніе Іоніи повлекли за

весны 410 года. При этомъ онъ направился сначала къ Халкидѣ, оттуда къ Паросу, затѣмъ къ Пиднѣ, которую нѣкоторое время осаждалъ, и лишь послѣ этого двинулся къ Геллеспонту (Diod. XIII 47. 49); такимъ образомъ, онъ едва ли могъ прибыть туда раньше мая. Съ другой стороны, битва при Кизикѣ произошла еще до истеченія аттическаго года 411/0 (архонтъ Ѳеопомпъ), см. Philoch. fr. 117.

1) Xen. *Hell.* I 1, 19—22. Diod. XIII 64.

2) Diod. XIII 52, Philoch. fr. 117 (въ архонтство Ѳеопомпа, значитъ еще о середины лѣта 410 года).

собою паденіе демократіи; теперь, когда морское господство Аѳинъ, казалось, вновь было упрочено, демократическая партія снова начала поднимать голову. Конституція Ѳерамена была уничтожена безъ сопротивленія, и возстановлено въ главныхъ чертахъ демократическое устройство, какъ оно существовало до 413 года. Въ проведеніи этихъ реформъ, повидимому, принялъ участіе и Ѳрасиллъ, который прошедшимъ лѣтомъ, вмѣстѣ съ Ѳрасибуломъ, руководилъ демократическимъ движеніемъ на Самосѣ и осенью, послѣ битвъ въ Геллеспонтѣ, прибылъ въ Аѳины, чтобы хлопотать объ отправкѣ подкрѣпленій для флота. Весною онъ былъ избранъ народомъ въ стратеги, и это былъ дальнѣйшій шагъ къ сліянію обѣихъ половинъ, на которыя распалось государство вслѣдствіе событій, совершившихся лѣтомъ 411 г. [1]). Но настоящимъ руководителемъ демократическаго движенія былъ Клеофонъ, человѣкъ, принадлежавшій къ промышленному классу, преемникъ Клеона и Гипербола. Онъ возстановилъ выдачу платы за исполненіе судейскихъ обязанностей и за отправленіе остальныхъ государственныхъ должностей; и надо признать, что, управляя финансами государства въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, онъ сумѣлъ добывать необходимыя для этого денежныя средства, не ослабляя энергичности военныхъ дѣйствій и не обременяя гражданъ чрезмѣрными прямыми налогами. Самъ Ѳераменъ долженъ былъ понять, что съ такой оппозиціей невозможно справиться; и, безъ сомнѣнія, именно это обстоятельство заставило его покинуть Аѳины и отправиться во главѣ эскадры на мѣсто военныхъ дѣйствій [2]).

---

[1]) Xen. *Hell.* I 1, 8. Объ избраніи Ѳрасилла въ стратеги см. *Attische Politik* автора, стр. 311 сл. Фактъ его избранія удостовѣряется тѣмъ, что онъ командовалъ аѳинскимъ ополченіемъ противъ Агиса и затѣмъ повелъ въ Іонію снаряженный въ Пиреѣ флотъ; потому что до своего пріѣзда въ Аѳины Ѳрасиллъ былъ стратегомъ только по выбору флотскаго экипажа.

[2]) Что конституція Ѳерамена очень скоро *(διὰ τάχους)* уступила мѣсто неограниченной демократіи, это удостовѣряетъ Аристотель (*Ἀθην. πολ.* 34, 1). Въ началѣ 410/9 года (архонтъ Главкиппъ) уже снова функціонируетъ совѣтъ 500 избранныхъ по жребію (псефисма Демофанта у Андокида *de myst.* 96, сравн. *CIA.* I 188). Изъ отчета казначейства за этотъ годъ (*CIA.* I 188) видно, что тогда же была возобновлена и выдача жалованій. Въ *Rhein. Mus.* 39 (1884) стр. 239 сл. я показалъ, что діобелія, занимающая такое видное мѣсто среди расходовъ этого года, была отнюдь не *θεωρικόν*, а главнымъ образомъ платою за участіе въ судѣ (Aristoph. *Лягушки* 1466, сравн. 140 сл.); впрочемъ, въ нее включены вѣроятно и другіе виды жалованья. Совершенно ошибочнымъ кажется мнѣ предположеніе, заимствованное Виламовицемъ (*Aristot. und Athen* II 212 сл.) у одного «ученика»,—будто діобелія была «государственною пенсіей», которая выдавалась всѣмъ гражданамъ. Принявъ число гражданъ

Итакъ, Клеофонъ былъ теперь первымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ; онъ смотрѣлъ на положеніе военныхъ дѣлъ съ тѣмъ оптимизмомъ, который всегда обнаруживали аѳинскіе радикалы. Подъ его вліяніемъ были отвергнуты мирныя предложенія лакедемонянъ; не менѣе, впрочемъ, этому способствовало и то соображеніе, что совершенно безразлично, какъ выскажется по этому вопросу аѳинское народное собраніе, и что настоящее рѣшеніе зависитъ отъ воли флота, или, вѣрнѣе, его начальника, Алкивіада. А Алкивіаду нужна была война, какъ вѣрнѣйшее средство возвыситься до того положенія въ государствѣ, котораго жаждало его честолюбіе; что ему было до того, въ интересахъ ли Аѳинъ продолжать войну?

Такимъ образомъ, война продолжалась по прежнему. Тотчасъ послѣ прекращенія переговоровъ царь Агисъ передвинулся со своей позиціи при Декелеѣ внизъ, по направленію къ Аѳинамъ. Однако онъ не рѣшился принять сраженіе, которое Ѳрасиллъ предложилъ ему подъ стѣнами города; этотъ успѣхъ, конечно, возбудилъ въ Аѳинахъ большое ликованіе [1]). Слѣдующей весною (409) Ѳрасиллъ, во главѣ флота изъ 30 кораблей, съ многочисленнымъ десантомъ, отплылъ для покоренія Іоніи. Войско высадилось въ Нотіонѣ, и сосѣдній Колофонъ тотчасъ перешелъ на сторону аѳинянъ; затѣмъ Ѳрасиллъ обратилъ свое оружіе противъ Эфеса. Но здѣсь его встрѣтили сиракузяне и селинунтцы, которые послѣ битвы при Кизикѣ построили себѣ новые корабли и получили съ родины подкрѣпленіе въ 5 тріеръ.

для этого времени въ 18000, мы получимъ ежедневно 1 талантъ, въ годъ— 360; даже принявъ число гражданъ только въ 12000, получимъ все-таки 240 талантовъ. Откуда могли взяться такія суммы и что̀ значатъ въ сравненіи съ ними тѣ 16—17 талантовъ, которые были выданы на діобелію изъ доходовъ казначейства въ 4 пританіи 410/9 года (*CIA.* I 188)? Не говорю уже о томъ, что въ пользу этой гипотезы не приведено ни малѣйшаго доказательства и что Аристофанъ l. c. называетъ финансовою язвой Аѳинъ не мнимую «государственную пенсію», а судейское жалованье. Это легко было бы доказать подробнѣе. Что діобелія была введена Клеофономъ, удостовѣряетъ Aristot. *Αθηv. πολ.* 28, 3. Сравн. Aesch. *περὶ πρεσβ.* 76; онъ былъ правъ, потому что 400 отмѣнили всѣ оклады. О руководящей роли Клеофона—Aristot. l. c., Diod. XIII 53, Lys. 19 (*объ им. Аристоф*). 48, сравн. *Attische Politik* автора стр. 78 сл., Gilbert *Beiträge* стр. 337 слл. – Новая конституція вошла въ силу вѣроятно въ началѣ 410/9 года, такъ какъ реформа совершилась законнымъ путемъ и слѣдовательно не было никакого основанія устранить до истеченія законнаго срока совѣтъ, избранный послѣ паденія 400. Потому въ псефисмѣ Демофанта съ умысломъ подчеркнуто: *βουλὴ οἱ πεντακόσιοι οἱ λαχόντες τῳ κυάμῳ.*

[1]) Xen. *Hell.* I 1, 33 сл.

Сатрапъ Тиссафернъ также поспѣшилъ со своимъ войскомъ на защиту находившагося въ опасности города. Өрасиллъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе, которое стоило ему 400 человѣкъ и заставило его отказаться отъ экспедиціи противъ Іоніи. Послѣ этого онъ направился къ Геллеспонту и соединился тамъ съ Алкивіадомъ [1]).

Послѣдній до сихъ поръ долженъ былъ ограничиваться незначительной борьбою съ Фарнабазомъ; прибытіе Өрасилла дало ему возможность перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Весною 408 года началась осада Калхедона; вылазка пелопоннесскаго гарнизона была отбита, и Фарнабазу, сдѣлавшему въ это самое время попытку подать помощь осажденнымъ, не удалось прорвать линіи аттическихъ войскъ. Въ виду этого пораженія сатрапъ согласился заключить договоръ, которымъ онъ обязался пріостановить враждебныя дѣйствія противъ Аөинъ, проводить къ царю аөинское посольство и уплатить 20 талантовъ; аөиняне съ своей стороны признали независимость Калхедона, который, однако, долженъ былъ впредь платить свою

---

[1]) Xen. *Hell.* I 2, 1—15. Diod. XIII 64. О хронологіи событій отъ битвы при Кизикѣ до битвы при Аргинусахъ много спорили. По мнѣнію однихъ историковъ (Haacke) походъ Өрасилла относится къ лѣту 410 года, слѣдовательно возвращеніе Алкивіада—къ лѣту 409-го; по мнѣнію другихъ (Dodwell) походъ Өрасилла относится къ 409, возвращеніе Алкивіада—къ 407 году. Въ *Philologus* 43 (1884) стр. 261—296 я пытался доказать правильность послѣдняго взгляда. Рѣшающее значеніе имѣетъ слѣдующее обстоятельство. Послѣ битвы при Кизикѣ сиракузяне отправились къ Антандру и построили тамъ новые корабли; Гермократъ повелъ эти корабли въ Милетъ, гдѣ начальство надъ ними приняли новые стратеги, присланные изъ Сиракузъ, — Потамидъ, Мисконъ и Дамархъ (Thuc. VIII 85, 3); затѣмъ прибыло еще пять сиракузскихъ кораблей подъ начальствомъ Эвкла и Гераклида (Xen. *Hell.* I 2, 8), послѣ чего весь флотъ принялъ участіе въ защитѣ Эфеса. Между тѣмъ Өрасиллъ находился въ Колофонѣ *ἀκμάζοντος τοῦ σίτου*, т.-е. около конца мая или начала іюня (Xen. *Hell.* I 2, 4), а битва при Кизикѣ произошла спустя нѣкоторое время послѣ окончанія зимы (Diod. XIII 49), не ранѣе апрѣля и вѣроятно лишь въ маѣ (выше, стр. 58 прим. 4). Я считаю совершенно невѣроятнымъ, чтобы постройка кораблей въ Антандрѣ и слѣдовавшія затѣмъ передвиженія сиракузской эскадры заняли только 1—2 мѣсяца. Сюда присоединяется прямое свидѣтельство Діонисія (Hypoth. къ рѣчи Лисія *противъ Діогейтона*), согласно которому Өрасиллъ покинулъ Аөины въ архонтство Главкиппа, т.-е. въ первую половину лѣта 409 года. Вообще, въ пользу хронологіи Гааке нельзя привести ни одного вѣскаго довода. Это обнаружилось и въ новѣйшей работѣ, посвященной нашему вопросу (A. Boerner *De rebus a Graecis inde ab anno 410 usque ad annum 403 a. Chr. n. gestis quaestiones historicae.* Dissert. Göttingen 1894); характерно, напримѣръ, съ какою легкостью авторъ устраняетъ главную трудность вопроса (стр. 28).

прежнюю дань и внести недоимку, накопившуюся со времени его отложенія. Затѣмъ Алкивіадъ перешелъ въ Европу, завоевалъ Селимбрію и, послѣ продолжительной осады, Византію [1]). Теперь почти всѣ прилегавшія къ Геллеспонту области, за исключеніемъ Абидоса, опять были во власти аѳинянъ. Въ слѣдующемъ году (407) Ѳрасибулъ вернулъ къ покорности также Ѳасосъ и отложившіяся области на южномъ побережьѣ Ѳракіи [2]), такъ что изъ областей, составлявшихъ аѳинскую державу въ 413 году, въ рукахъ врага оставались еще только материковая часть Іоніи, Хіосъ, Родосъ и Эвбея. Если Пилосъ перешелъ къ лакедемонянамъ [3]), а Нисея къ мегарянамъ [4]), то съ этимъ можно было примириться въ виду упомянутыхъ успѣховъ.

Пока Алкивіадъ покорялъ прилегающія къ Геллеспонту области, въ Сициліи наступили событія, заставившія сиракузянъ отозвать свои корабли изъ Эгейскаго моря. Самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Сиракузахъ послѣ побѣды надъ аѳинянами былъ Гермократъ. Еще гелійскій миръ (424), положившій конецъ первой попыткѣ аѳинянъ упрочиться въ Сициліи, былъ въ значительной степени дѣломъ его рукъ; спустя десять лѣтъ онъ, до прибытія Гилиппа одинъ, а затѣмъ — вмѣстѣ съ нимъ, руководилъ обороной Сиракузъ, и ему, главнымъ образомъ, принадлежала заслуга въ томъ, что сиракузяне рѣшились вступить въ борьбу съ непріятелемъ также и на морѣ. Когда осадное войско аѳинянъ было уничтожено, онъ усердно хлопоталъ объ отправленіи сиракузской эскадры на греческій востокъ и самъ сталъ во главѣ ея [5]).

Но именно это удаленіе изъ Сиракузъ оказалось для него роковымъ. Побѣда надъ аѳинянами, которою Сиракузы были обязаны главнымъ образомъ флоту, способствовала сильному подъему самосознанія въ низшихъ классахъ; они стали требовать расширенія своихъ политическихъ правъ. Поэтому демагогъ Діоклъ преобразовалъ сиракузскую конституцію въ духѣ радикальной демократіи и ввелъ,

---

1) Xen. *Hell.* I 3, Diod. XIII 66 сл., Plut. *Alc.* 29—31. Договоръ съ Селимбріей *CIA.* IV стр. 18 сл.

2) Xen. *Hell.* I 4, 9, Diod. XIII 72.

3) Diod. XIII 64, сравн. Xen. *Hell.* I 2, 18. Осенью 410 года эта крѣпость находилась еще въ рукахъ аѳинянъ (*CIA.* I 188); спартанцами она была взята вѣроятно слѣдующимъ лѣтомъ или осенью (*Philologus* 43, 1884, стр. 281 сл.).

4) Diod. XIII 65.

5) Thuc. IV 58, VI 72 сл., 99, VII 21, 3, VIII 26, 1.

по аѳинскому образцу, выборы по жребію для замѣщенія цѣлаго ряда государственныхъ должностей [1]). Новые правители видѣли въ Гермократѣ своего опаснѣйшаго противника [2]), а уничтоженіе сиракузскаго флота при Кизикѣ дало имъ желанный поводъ, чтобы устранить врага. Постановленіемъ народнаго собранія Гермократъ былъ отставленъ отъ должности и изгнанъ изъ Сиракузъ, а во флотъ посланы новые стратеги. Смѣщенный военачальникъ не рѣшился оказать сопротивленіе, потому что, если онъ и былъ увѣренъ въ своихъ офицерахъ, за то солдаты были, въ громадномъ большинствѣ, убѣжденные демократы. Онъ отправился къ Фарнабазу, съ которымъ во время борьбы на Геллеспонтѣ вступилъ въ тѣсную дружбу; вскорѣ затѣмъ онъ присоединился къ спартанскому посольству, которое лѣтомъ 408 г. отправилось къ персидскому царю [3]).

Тѣмъ временемъ борьба между Сиракузами и западными союзниками Аѳинъ шла своимъ чередомъ. Въ Ѳуріяхъ вскорѣ послѣ катастрофы при Ассинарѣ вспыхнула революція, слѣдствіемъ которой было изгнаніе приверженцевъ Аѳинъ и отправленіе городомъ эскадры на помощь пелопоннесцамъ [4]). Напротивъ, Катана успѣшно сопротивлялась непріятелю, поддерживаемая остатками аѳинской арміи [5]), тѣмъ болѣе, что Сиракузы были истощены продолжительною осадою и значительную часть своего флота отправили въ Эгейское море. Труднѣе приходилось элимійцамъ, населявшимъ Сегесту и Эриксъ, въ ихъ борьбѣ съ могущественнымъ сосѣднимъ городомъ Селинунтомъ.

---

[1]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1304 a, Diod. XIII 33 — 35 (введеніе жребія 34, 6). Само собою разумѣется (см. Holm *Gesch. Sic.* II 78. 417 сл.), что этотъ демагогъ Діоклъ, вопреки мнѣнію Діодора, не можетъ быть тождественъ съ древнимъ законодателемъ Діокломъ (выше, т. I стр. 245 прим. 3), которому сиракузяне послѣ его смерти стали воздавать геройскія почести и воздвигли храмъ (Diod. XIII 35, 2). О политическихъ реформахъ Діокла см. Holm l. c. и Freeman *Hist. of Sicily* III 722 слл.

[2]) Объ оппозиціи Гермократа противъ радикальной демократіи—Thuc. VI 33—40, сравн. Xen. *Hell.* I 1, 27 слл.

[3]) Xen. *Hell.* I 1, 27—31; 3, 13. По свидѣтельству Ксенофонта, Гермократъ былъ изгнанъ въ промежутокъ между сраженіями при Кизикѣ и Эфесѣ; отсюда съ большою вѣроятностью слѣдуетъ, что внѣшнимъ поводомъ къ его изгнанію послужило пораженіе при Кизикѣ. Экипажъ сиракузскихъ кораблей состоялъ преимущественно изъ свободныхъ людей (Thuc. VIII 84, 2).

[4]) [Plut.] *Жизнь Лисія* p. 835 d,– въ архонтство Каллія (412/1) и именно въ началѣ года, такъ какъ позднею осенью 412 года 10 ѳурійскихъ кораблей уже присоединились къ пелопоннесскому флоту у мало-азіатскаго берега (Thuc. VIII 35, сравн. 61, 2).

[5]) [Lys.] рѣчь *за Полистрата* 24 слл., сравн. Diod. XIII 56, 2.

Доведенные до крайности своими противниками, они въ концѣ концовъ принуждены были броситься въ объятія кареагенянъ [1]).

Кореагенъ послѣ гимерійской катастрофы воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ сицилійскія дѣла. Даже во время аттической войны онъ оставался нейтральнымъ, несмотря на то, что аеиняне предлагали ему заключить союзъ [2]); а гибель аеинскаго флота въ сиракузской гавани, конечно, не могла побудить Кареагенъ къ тому, чтобы онъ измѣнилъ политику, которой держался до тѣхъ поръ. Но теперь болѣе не оставалось выбора. Если бы Селинунту удалось покорить элимійцевъ, — финикійскимъ городамъ въ сѣверо-западной части острова грозила бы близкая опасность, и тогда Кареагену все-таки пришлось бы вступить въ борьбу съ сицилійскими эллинами, да еще при болѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Поэтому лѣтомъ 409 года кареагеняне отправили на помощь Сегестѣ отрядъ войска, который нанесъ селинунтцамъ серьезное пораженіе; ближайшей весною двинулась главная армія, состоявшая изъ кареагенскихъ гражданъ, ливійскихъ подданныхъ и иберійскихъ наемниковъ, подъ предводительствомъ „царя“ Ганнибала, внука того самаго Гамилькара, который нѣкогда въ борьбѣ съ Гелономъ при Гимерѣ проигралъ сраженіе и былъ убитъ. Кареагеняне высадились у мыса Лилибей, немедленно двинулись на Селинунтъ и приступили къ осадѣ его. Стѣны города въ теченіе продолжительнаго мира пришли въ ветхость и скоро пали подъ ударами непріятельскихъ орудій; атака безпрерывно продолжалась, пока, наконецъ, на девятый день иберійцы не прорвались черезъ брешь. Затѣмъ въ городѣ началась страшная рѣзня; варвары не щадили ни возраста, ни пола, и, по преданію, жертвой ихъ ярости сдѣлались 16,000 человѣкъ. Въ плѣнъ было взято только 5000, которыхъ побѣдители отвезли въ Африку и обратили въ рабство; еще меньше было число тѣхъ, которымъ удалось спастись въ сосѣдній Акрагантъ. Городъ былъ разграбленъ, а стѣны его разрушены [3]).

---

[1]) Diod. XIII 43.

[2]) Thuc. VI 88, 6.

[3]) Diod. XIII 44. 54— 59. Селинунтъ былъ разрушенъ, по Діодору и [Xen.] *Hell.* I 1, 37, въ архонтство Діокла, $409/_8$, притомъ весною (Diod. XIII 44, 6), значитъ въ 408 году. Съ этимъ выводомъ согласуется то обстоятельство, что въ концѣ лѣта 409 года сиракузскіе и селинунтскіе корабли еще крейсировали въ мало-азіатскихъ водахъ (Xen. *Hell.* I 2, 12); слѣдовательно, кареагенская экспедиція должна быть отнесена уже къ слѣдующему году. Правда, тотъ, кто пріурочиваетъ битву при Эфесѣ къ 410 году, долженъ отнести разрушеніе Селинунта къ 409-му.—Показанія нашихъ источни-

Катастрофа совершилась съ такою ужасающей быстротою, что сиракузяне не успѣли своевременно явиться на выручку города. Въ ожиданіи войны съ Кареагеномъ они заключили миръ съ Катаной и Наксосомъ [1]) и отозвали свой флотъ изъ Эгейскаго моря; при извѣстіи о высадкѣ непріятеля они тотчасъ отправили подъ начальствомъ Діокла 3,000 гоплитовъ, которые дошли уже до Акраганта, когда Селинунтъ палъ. Случай помѣряться съ кареагенянами не заставилъ себя ждать [2]).

Дѣло въ томъ, что Ганнибалъ двинулся теперь къ сѣверному побережью острова, противъ Гимеры. На защиту осажденнаго города поспѣшилъ Діоклъ со своимъ войскомъ, увеличившимся къ этому времени до 4,000 человѣкъ, и одновременно на рейдѣ появился флотъ, который до сихъ поръ сражался въ Эгейскомъ морѣ съ аеинянами. Но въ виду численнаго перевѣса варваровъ всѣ усилія оказались напрасными. Вылазка осажденныхъ была отбита съ тяжелымъ урономъ; спасти городъ не было возможности, и пришлось ограничиться тѣмъ, чтобы перевести населеніе въ безопасное мѣсто. Да и это удалось лишь отчасти; въ то время какъ очищеніе города еще продолжалось, кареагеняне пробили бреши въ стѣнѣ, и всѣ, кто еще не успѣлъ уйти изъ города, пали подъ мечомъ побѣдителей или были взяты въ плѣнъ. Плѣнниковъ Ганнибалъ принесъ въ жертву манамъ своего дѣда; городъ былъ сравненъ съ землей, и мѣсто его съ тѣхъ поръ осталось пустыннымъ. Послѣ этого побѣдоносный полководецъ перевезъ на корабляхъ свое войско въ Ливію и съ тріумфомъ вступилъ въ Кареагенъ [3]).

Гибель двухъ столь крупныхъ городовъ, катастрофа, небывалая въ исторіи сицилійскихъ грековъ, должна была произвести потрясающее впечатлѣніе. А вина въ этихъ несчастіяхъ падала главнымъ образомъ на правительство Сиракузъ. Несмотря на то, что войны съ Кареагеномъ съ увѣренностью ждали уже цѣлый годъ, сиракузяне слишкомъ поздно пришли въ Селинунтъ и прислали слишкомъ малочисленное войско на помощь Гимерѣ. Это имѣло роковыя послѣдствія для господствовавшей теперь въ Сиракузахъ партіи, тѣмъ

ковъ о величинѣ кареагенскаго войска (по Ееору 200000 чел. и 4000 всадниковъ, по Тимею нѣсколько больше 100000 [Diod. XIII 54, 5], столько же и по [Xen.] *Hell.* I 1,37) по обыкновенію очень преувеличены, сравн. *Bevölkerung* автора стр. 467 сл.

[1]) Diod. XIII 56, 2.

[2]) Diod. XIII 59, 1.

[3]) Diod. XIII 59—62.

болѣе, что глава ея, Діоклъ, былъ военачальникомъ при Гимерѣ и, слѣдовательно, несъ не только политическую, но и военную отвѣтственность за несчастный исходъ войны.

Этотъ моментъ Гермократъ счелъ удобнымъ для того, чтобы добиться возращенія въ отечество. Поэтому, при извѣстіи о событіяхъ въ Сициліи, онъ отказался отъ своего намѣренія ѣхать къ персидскому царю; его другъ Фарнабазъ снабдилъ его необходимыми средствами, чтобы снарядить нѣсколько кораблей и нанять небольшой отрядъ наемниковъ [1]). Съ этимъ войскомъ онъ высадился въ Мессенѣ; здѣсь онъ привлекъ къ себѣ 1000 гимерійскихъ бѣглецовъ и сдѣлалъ попытку напасть на Сиракузы, окончившуюся впрочемъ неудачей. Послѣ этого онъ отправился въ западную часть острова, гдѣ снова укрѣпилъ Селинунтъ, призвалъ обратно прежнихъ его жителей и такимъ образомъ пріобрѣлъ опору для осуществленія своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Затѣмъ онъ двинулся къ финикійскимъ городамъ Мотіи и Панорму, награбилъ въ ихъ окрестностяхъ богатую добычу и прогналъ выступившихъ противъ него гражданъ обратно за стѣны. Послѣ этихъ успѣховъ начали дѣйствовать и его приверженцы въ Сиракузахъ; Діоклъ былъ низвергнутъ и изгнанъ, однако добиться у народа возвращенія Гермократа не удалось. Тогда онъ снова сдѣлалъ попытку вернуться силою. На этотъ разъ ему отперли ворота, и онъ дошелъ до рынка. Но огромное большинство гражданъ не хотѣло и слышать о насильственномъ ниспроверженіи существующаго порядка; со всѣхъ сторонъ собрались они съ оружіемъ въ рукахъ, и въ происшедшей на улицахъ битвѣ Гермократъ погибъ безславной смертью (407) [2]).

Между тѣмъ въ Карѳагенѣ шли приготовленія къ новой экспедиціи въ Сицилію; легкіе и блестящіе успѣхи, достигнутые въ предыдущую кампанію, казалось, давали право надѣяться на покореніе всего острова. Тщетно сиракузяне пытались помѣшать переѣзду непріятельской арміи; хотя ихъ флотъ вблизи Дрепанума одержалъ

---

[1]) Xen. *Hell.* I 1, 31.

[2]) Diod. XIII 63. 75. По показанію этого писателя Гермократъ построилъ свои корабли уже въ Мессенѣ и тамъ же набралъ отрядъ наемниковъ. Неправдоподобность этого извѣстія очевидна; разъ прибывъ въ Сицилію, Гермократъ вообще болѣе не нуждался въ корабляхъ, а отрядъ наемниковъ онъ съ гораздо большимъ удобствомъ могъ набрать въ Пелопоннесѣ. Повидимому онъ вернулся въ Сицилію еще осенью 408 года, такъ какъ Діодоръ разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ непосредственно вслѣдъ за сообщеніемъ о паденіи Гимеры. Подробнѣе *Philol.* 43 (1884) стр. 291 сл.

побѣду надъ одной кареагенской эскадрой въ 40 кораблей, но онъ принужденъ былъ отступить, когда прибылъ Ганнибалъ съ 50 свѣжими тріерами. Кареагенскій полководецъ высадилъ свои войска на берегъ и тотчасъ двинулся къ Акраганту, который теперь, послѣ паденія Селинунта и Гимеры, былъ самымъ крайнимъ греческимъ городомъ на западѣ (весною 406 г.). Но укрѣпленныя природою и искусствомъ твердыни оказали мощное сопротивленіе атакамъ осаждающихъ; а вскорѣ явилась помощь на выручку города. Греки Сициліи и Италіи наконецъ поняли, какъ велика опасность, которою грозитъ имъ усиленіе Кареагена; изъ всѣхъ городовъ устремились отряды въ Сиракузы. Такимъ образомъ составилась армія, какой западные эллины ни разу не выставляли со времени Гелона. Во главѣ 30,000 человѣкъ сиракузскій главнокомандующій Дафней перешелъ рѣку Гимеру, разбилъ на голову кареагенскій отрядъ, который хотѣлъ преградить ему дорогу, и вступилъ въ освобожденный Акрагантъ. Однако ему не удалось выбить кареагенянъ изъ ихъ сильно-укрѣпленной позиціи въ западной части города. Война затянулась, и въ густо населенномъ городѣ стали истощаться припасы. Транспортъ, посланный изъ Сиракузъ моремъ, попалъ въ руки непріятеля. Тогда не сочли возможнымъ долѣе отстаивать городъ и рѣшили очистить его (въ срединѣ зимы 406/5 г.). Подъ прикрытіемъ вспомогательнаго войска жители были отведены въ Гелу; кареагеняне безъ боя овладѣли Акрагантомъ и расположились здѣсь до конца зимы [1]).

Въ Сиракузахъ вѣсть объ этихъ событіяхъ вызвала бурю негодованія. Одно изъ двухъ: или Дафней и его товарищи по должности были предатели, или они были лишены всякихъ военныхъ способностей; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было перемѣнить главнокомандующихъ. Теперь снова выступила на сцену партія Гермократа; во главѣ ея стали двое изъ наиболѣе знатныхъ гражданъ, Гиппаринъ и Филистъ, и молодой офицеръ Діонисій, который блестяще отличился въ сраженіяхъ при Акрагантѣ и благодаря этому пользовался большой популярностью. Послѣднюю усиливало еще то, что онъ по происхожденію принадлежалъ къ среднему сословію; потому что въ Сиракузахъ, какъ и въ Аѳинахъ, несмотря на демократическое устройство, должности высшихъ военачальниковъ

---

[1]) Diod. XIII 80—90, Xen. *Hell.* I 5, 21. Для топографіи см. Schubring *Akragas* (Leipzig 1870) и итал. переводъ этой работы— Toniazzo (Torino 1888), который въ одномъ существенномъ пунктѣ исправилъ предположенія Шубринга относительно направленія стѣнъ (стр. 67 слл., сравн. планъ города).

фактически составляли монополію богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ. Поэтому Діонисій имѣлъ полный успѣхъ, когда выступилъ въ народномъ собраніи и обвинилъ стратеговъ въ измѣнѣ; по его предложенію они были отрѣшены отъ должности и на ихъ мѣсто избраны новые командиры, въ томъ числѣ и самъ Діонисій. Далѣе, онъ добился того, что въ виду страшной опасности, грозившей государству, изгнанники были возвращены; эта мѣра прежде всего пришлась на руку бѣжавшимъ единомышленникамъ Гермократа и доставила Діонисію большое количество преданныхъ приверженцевъ. Затѣмъ онъ отправился въ Гелу, гдѣ вмѣшался во внутреннюю распрю, ставъ на сторону демоса противъ достаточныхъ классовъ; по его настоянію много знатныхъ гражданъ было приговорено къ смерти, а имущество ихъ конфисковано. Этотъ поступокъ, конечно, возвысилъ авторитетъ Діонисія въ глазахъ сиракузской толпы; казалось, она нашла наконецъ человѣка, который въ состояніи спасти государство. Діонисій не замедлилъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ для него настроеніемъ; онъ затѣялъ противъ своихъ товарищей по командованію ту же самую игру, которая ему только-что такъ хорошо удалась противъ его начальниковъ, и обвинилъ также ихъ въ томъ, что они подкуплены карѳагенянами. Подобному обвиненію, высказанному такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, былъ теперь въ Сиракузахъ обезпеченъ успѣхъ; и даже тѣ, кто не присоединялъ своего голоса къ крикамъ объ измѣнѣ, не могли не согласиться съ тѣмъ, что для спасенія государства необходимо поручить главное начальство *одному* человѣку. Еще не забыли, какъ нѣкогда, во времена предковъ, Гелонъ въ качествѣ неограниченнаго военачальника спасъ Сицилію отъ карѳагенянъ. Такимъ образомъ, стратеги были отрѣшены отъ должности и Діонисію ввѣрено единоличное командованіе арміей.

Во время карѳагенской осады акрагантинцы набрали отрядъ наемниковъ въ 1500 человѣкъ, который затѣмъ, послѣ паденія Акраганта, вступилъ въ сиракузскую службу и въ описываемое время стоялъ гарнизономъ въ Гелѣ. Теперь Діонисій призвалъ этотъ отрядъ въ Сиракузы и привлекъ его на свою сторону обѣщаніемъ двойного жалованья; кромѣ того, онъ составилъ себѣ изъ надежныхъ людей отрядъ тѣлохранителей въ 1,000 человѣкъ. Опираясь на эти силы, онъ сбросилъ наконецъ маску, овладѣлъ арсеналомъ и захватилъ въ свои руки всю правительственную власть. Городъ оставался спокойнымъ, потому что всякое сопротивленіе было бы безплодно, и, кромѣ того, въ виду страха передъ карѳагенянами

все остальное казалось неважнымъ, только бы Сиракузы были спасены—все равно, кѣмъ и какимъ образомъ. Діонисій добился того, что оба его вліятельнѣйшихъ противника, Дафней и Дамархъ, были осуждены народнымъ собраніемъ на смерть и казнены; самъ онъ женился на дочери Гермократа и выдалъ свою сестру замужъ за шурина Гермократа, Поликсена [1]).

Карѳагеняне выжидали въ Акрагантѣ исхода сиракузскихъ волненій, потому что всякое наступательное движеніе съ ихъ стороны было бы только выгодно сиракузской военной партіи. Лишь когда Діонисій былъ избранъ главнокомандующимъ, они тронулись съ мѣста и приступили, около середины лѣта 405 г., къ осадѣ Гелы. Какъ и въ предшествовавшемъ году, въ Сиракузы собралась союзная армія сицилійскихъ и италійскихъ грековъ, командованіе которою на этотъ разъ принялъ, разумѣется, Діонисій. Однако исходъ дѣла оказался такимъ же, какъ при Акрагантѣ; правда, и оборонительная позиція грековъ была гораздо хуже, чѣмъ тамъ. Нападеніе Діонисія на карѳагенскій лагерь окончилось полной неудачей; долѣе невозможно было отстаивать Гелу, и не оставалось ничего другого, какъ очистить и этотъ городъ, и сосѣднюю Камарину, а жителей перевести въ Сиракузы. Теперь въ рукахъ непріятеля было все южное побережье острова, и со дня на день можно было ждать осады самихъ Сиракузъ [2]).

Такимъ образомъ, и военная диктатура оказалась безсильной по-

---

[1]) Diod. XIII 91—96, сравн. Aristot. *Polit.* VIII (V) 1305a 26. Хорошо описано положеніе дѣлъ въ VIII письмѣ [Платона], p. 353. О Гиппаринѣ Aristot. *Polit.* VIII (V) 1306 a 1; по [Plat.] ep. VIII p. 353 b (отсюда Plut. *Dion.* 3) онъ былъ избранъ народомъ въ *σύμβουλος* стратега Діонисія, что въ этой формѣ безъ сомнѣнія ложно, но по существу вѣрно, такъ какъ Гиппаринъ несомнѣнно занималъ одну изъ самыхъ вліятельныхъ должностей въ новомъ правительствѣ. Позднѣе Діонисій женился на его дочери.—Послѣ изгнанія Гермократа его замѣнилъ въ качествѣ начальника надъ флотомъ, дѣйствовавшимъ у мало-азіатскаго побережья, Дамархъ (Thuc. VIII 85, 3, Xen. *Hell.* I 1, 29), который, очевидно, былъ его противникомъ; позднѣе онъ вѣроятно командовалъ вмѣстѣ съ Дафнеемъ арміей, занявшей Акрагантъ. — Когда Діонисій достигъ власти (405), ему было 25 лѣтъ (Cic. *Tusc.* V 20, 57, сравн. Ephor. y Polyb. XII 4 a), слѣдовательно онъ родился въ 430 году. Объ его происхожденіи—Isocr. *Phil.* 65, Cic. l. c., Polyb. XV 35, 2.

[2]) Diod. XIII 108—111. Schubring *Rhein. Mus.* XVIII 65. При началѣ осады карѳагеняне ограбили храмъ Аполлона, находившійся вблизи города, и отослали колоссальную статую бога въ Тиръ; по словамъ Тимея (Diod. XIII 108, 4) Тиръ былъ взятъ Александромъ въ годовщину разграбленія этого храма. Въ такомъ случаѣ осада Гелы приходится на Гекатомбеонъ.

вернуть военное счастіе. И это было вполнѣ естественно; деморализація сиракузскаго войска достигла за время демократическаго правленія такихъ размѣровъ, что ее невозможно было искоренить сразу. Но эти событія должны были тѣмъ сильнѣе поколебать положеніе Діонисія, чѣмъ больше надеждъ народъ возлагалъ на его диктатуру. Во время отступленія изъ Камарины въ арміи вспыхнулъ мятежъ; сиракузскіе всадники, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ города, поскакали въ Сиракузы, гдѣ безъ сопротивленія овладѣли арсеналомъ; домъ правителя былъ разграбленъ, а его молодая жена подверглась такимъ жестокимъ насиліямъ, что послѣдствіемъ ихъ была ея смерть. Затѣмъ всадники разошлись по своимъ домамъ, считая дѣло конченнымъ. Но Діонисій бросился вслѣдъ за ними во главѣ своихъ вѣрныхъ наемниковъ; въ полночь онъ явился передъ городомъ, выломалъ ворота и занялъ рынокъ; всадники оборонялись безпорядочно и въ одиночку, и часть ихъ была убита, часть изгнана изъ города. Теперь власть тирана была болѣе упрочена, чѣмъ когда-либо [1]).

Кареагеняне также не рѣшались напасть на Сиракузы. Еще во время осады Акраганта въ ихъ войскѣ появилась чумная эпидемія, жертвою которой палъ самъ главнокомандующій Ганнибалъ; теперь чума возобновилась съ удвоенной силой. При этихъ условіяхъ Гимильконъ, принявшій послѣ смерти Ганнибала начальство надъ войскомъ, не могъ и думать объ осадѣ такой сильной крѣпости, какъ Сиракузы, — тѣмъ болѣе, что приближалась зима. Поэтому онъ началъ переговоры, и Діонисій пошелъ навстрѣчу его предложеніямъ. Былъ заключенъ договоръ на условіяхъ сохраненія каждой стороной ея территоріальныхъ пріобрѣтеній. Завоеванные греческіе города должны были остаться во владѣніи Кареагена, а изгнанные граждане—вернуться на свои мѣста и платить дань въ качествѣ подданныхъ; элимійцы и сиканы также должны были признать надъ собою власть Кареагена. Діонисій былъ признанъ сиракузскимъ тираномъ; сикеламъ обезпечена была независимость, точно также и греческимъ городамъ въ восточной части острова, Мессенѣ, Наксосу, Катанѣ; Леонтины, соединенныя съ 423 г. съ Сиракузами, снова были возстановлены въ правахъ самостоятельной общины [2]). Камарина, Гела и Акрагантъ были, насколько возможно, вновь отстроены; въ об-

---

1) Diod. XIII 112 сл.; о смерти жены Діонисія — Diod. XIV 44, Plut. *Dion*. 3.

2) Diod. XIII 114. Относительно Леонтинъ—Diod. XIV 14 сл.

ласти разрушенной Гимеры кареагеняне еще два года назадъ основали военную колонію Өермы, въ которую теперь были приняты всѣ уцѣлѣвшіе гимерійцы [1]).

Въ то время какъ великая западная демократія превратилась такимъ образомъ въ военную монархію, великая восточная демократія также быстро приближалась къ паденію. Одно время казалось, что и здѣсь восторжествуетъ монархическій строй. Если Аөины справились съ послѣдствіями сицилійской катастрофы и съ отложеніемъ своихъ союзниковъ, если онѣ вернули себѣ господство на Эгейскомъ морѣ, то этими успѣхами онѣ въ значительной степени были обязаны военнымъ талантамъ Алкивіада. Онъ съ 411 г. стоялъ во главѣ флота, избранный на этотъ постъ не аөинскимъ народомъ, а экипажами самого флота, и поэтому свободный отъ всякой отвѣтственности передъ отечественными властями; фактически онъ въ теченіе всего этого періода былъ диктаторомъ большей части аөинскаго государства. Теперь, когда покореніе Геллеспонта было закончено, — ему былъ открытъ, казалось, и путь къ господству надъ самими Аөинами. Весною 407 г. онъ заставилъ народъ избрать себя въ стратеги, и, получивъ извѣстіе о своемъ избраніи, совершилъ при ликованіи толпы свой въѣздъ въ родной городъ, который онъ покинулъ восемь лѣтъ назадъ во главѣ снаряженнаго въ Сицилію флота (конецъ Өаргеліона, май 407 г.). Съ его прибытіемъ всякая оппозиція умолкла; съ него торжественно было снято религіозное проклятіе, тяготѣвшее надъ нимъ со времени процесса объ оскорбленіи мистерій, и постановленіемъ народнаго собранія ему даны были неограниченныя полномочія для веденія войны [2]).

Казалось, цѣль была достигнута; оставалось сдѣлать еще послѣдній шагъ, и друзья, какъ и враги, ожидали, что этотъ шагъ будетъ сдѣланъ. Избраніе въ стратеги и возвращеніе въ Аөины имѣли смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если Алкивіадъ рѣшилъ ниспровергнуть существующій порядокъ, чтобы занять въ Аөинахъ такое же положеніе, какое онъ занималъ до сихъ поръ во флотѣ. Иначе возвращеніе въ Аөины было серьезной политической ошибкой, такъ какъ этимъ шагомъ Алкивіадъ только лишалъ себя принадлежавшихъ

---

[1]) Diod. XIII 79, Cic. *Verr.* II 35, 86, сравн. Freeman *Hist. of Sic.* III 510 сл. Какъ мѣстечко въ гимерской области, Өермы существовали уже раньше (Philist. fr. 20, изъ III книги, у Steph. Byz. *Θέρμα).*

[2]) Xen. *Hell.* I 4, 8—20, Diod. XIII 68 сл. Plut. *Alc.* 32—34. Алкивіадъ вернулся въ праздникъ Плинтерій (относительно времени ихъ празднованія см. A. Mommsen *Heortologie* стр. 427).

ему до тѣхъ поръ полномочій, не получая взамѣнъ ихъ никакого существеннаго вознагражденія. Въ самомъ дѣлѣ, та же самая народная воля, которая сегодня возвысила его до величайшихъ почестей, могла завтра свергнуть его, пока онъ опирался только на измѣнчивое большинство народнаго собранія. И весьма вѣроятно, что онъ добился бы власти, если бы у него хватило смѣлости протянуть руку за ней. Дѣйствительно, въ Аѳинахъ всѣ были убѣждены въ томъ, что успѣшное окончаніе войны возможно только подъ управленіемъ Алкивіада, а достаточные классы, и особенно всѣ тѣ, кто былъ замѣшанъ въ олигархическомъ движеніи, привѣтствовали бы тиранію, какъ избавительницу отъ господства черни, которое все болѣе утверждалось въ Аѳинахъ при управленіи Клеофона [1]).

Но какъ нѣкогда въ Сициліи, такъ и теперь въ рѣшительную минуту у Алкивіада не хватило духа выйти изъ границъ законности и, очертивъ голову, идти на проломъ. Онъ упустилъ благопріятный случай,—на свое несчастіе и на гибель Аѳинъ. Проживъ безъ дѣла въ Аѳинахъ цѣлое лѣто, онъ наконецъ осенью вышелъ въ море для покоренія Іоніи во главѣ 100 тріеръ, 1500 гоплитовъ и 150 всадниковъ, провожаемый нетерпѣливыми ожиданіями своихъ согражданъ. Болѣе ему уже не суждено было увидѣть родину [2]).

Между тѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій дѣла приняли очень неблагопріятный оборотъ для Аѳинъ. Со дня сраженія при Кизикѣ пелопоннесцы неутомимо работали надъ созданіемъ новаго флота; и хотя отозваніе сицилійскихъ контингентовъ очень затруднило эти старанія, однако въ концѣ концовъ цѣль была достигнута. Лѣтомъ 407 г. у Эфеса стоялъ флотъ въ 90 кораблей, который хотя ни по численности, ни по достоинствамъ не могъ сравниться съ аѳинскимъ, но все же былъ достаточенъ для того, чтобы тревожить послѣдній и до извѣстной степени тормозить его дѣйствія [3]).

А главное, спартанцы наконецъ нашли подходящаго человѣка для командованія флотомъ. Новый наварх Лисандръ, сынъ Аристокрита,

---

[1]) О настроеніи въ Аѳинахъ—Xen. *Hell.* I 4, 16—17, Diod. XIII 68, 4—6, Plut. *Alc.* 34. Сравн. также написанныя годомъ позднѣе *Лягушки* Аристофана. О преслѣдованіи членовъ свергнутой олигархіи—Lys. 25 (*δήμου καταλ.*) 25 и особенно рѣчь *пр. Помистр.*, сравн. Aristoph. *Лягушки* 686 слл.

[2]) Xen. *Hell.* I 4, 21, Diod. XIII 69, 4, Plut. *Alc.* 35.

[3]) Xen. *Hell.* I 1, 32; 5, 1. Упоминаемый 1, 32 Пасиппидъ былъ навархомъ на 409/8, Кратесиппидъ—на 408/7 г., сравн. *Rhein. Mus.* 34, 1879, 117 слл., гдѣ однако срокъ вступленія навархов въ должность ошибочно отнесенъ на осень вмѣсто середины лѣта, что я исправилъ въ *Philol.* 43, 1884, 268 и 272 слл.

принявшій начальство лѣтомъ этого года, происходилъ изъ небогатаго дома, который, впрочемъ, подобно царямъ, велъ свое происхожденіе отъ Геркулеса. Храбрый солдатъ и одинъ изъ лучшихъ полководцевъ того времени, онъ однако своими успѣхами былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ дипломатическимъ способностямъ и умѣнью подчинять людей своимъ цѣлямъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ не имѣлъ другихъ честолюбивыхъ желаній, кромѣ желанія быть полезнымъ своему отечеству. Онъ стоялъ неизмѣримо выше всякихъ низменныхъ страстей; черезъ его руки прошли милліоны, и онъ не присвоилъ себѣ изъ нихъ ни одной драхмы. Человѣкъ, повелѣвавшій почти съ неограниченными полномочіями надъ половиной Эллады, умеръ въ бѣдности [1]).

Въ то же время отношенія къ Персіи приняли болѣе дружественный характеръ, чѣмъ когда-либо. Весною 407 г. въ управленіи Малой Азіей произошла важная перемѣна; Тиссафернъ былъ отрѣшенъ отъ должности сардскаго сатрапа и власть его ограничена Каріей къ югу отъ Меандра, а сатрапомъ Сардъ назначенъ былъ Киръ, второй сынъ царя Дарія, только что вышедшій изъ отроческаго возраста юноша съ возвышенными стремленіями, мечтою котораго было носить со временемъ корону Ахеменидовъ вмѣсто своего старшаго брата Артаксеркса. Отецъ поручилъ ему оказывать пелопоннесцамъ дѣятельную поддержку, и онъ скоро понялъ, что и ради собственныхъ цѣлей ему чрезвычайно важно пріобрѣсти надежный оплотъ въ лицѣ Спарты. Дипломатическая уступчивость Лисандра въ значительной степени облегчила это сближеніе; и вотъ посыпались персидскія субсидіи для пелопоннесскаго флота въ такомъ изобиліи, какъ никогда раньше [2]).

---

[1]) Plut. *Lys.* 2, Theopomp. fr. 21. 22. По Филарху, fr. 44 у Athen. VI 271 e, и Эліану, *Var. Hist.* XII 43, Лисандръ будто бы былъ моѳакомъ (т. е. сыномъ спартіата и илотки)—басня, не нуждающаяся въ опроверженіи.

[2]) Xen. *Hell.* I 5, 1—10, Diod. XIII 70, Plut. *Lys.* 4. 5, *Alc.* 35. По Plut. *Artox.* 2 Киръ родился послѣ воцаренія своего отца Дарія (424/$_3$), и слѣдовательно въ 407 году ему было не болѣе 17 лѣтъ. Сообразно съ этимъ онъ названъ Plut. *Lys.* 4 *μειράκιον* (сравн. *Lys.* 9). Сомнѣнія Bünger'a (*Fleckeisens Jahrb.* 151, 1895, 375 слл.) кажутся мнѣ неосновательными. Правда, братъ Кира, Артаксерксъ, умеръ, по преданію, 86-и (Дейнонъ у Plut. *Artox.* 30) или 94-хъ (Lycian. *μακρόβ.* 15) лѣтъ отъ роду; онъ умеръ въ 358 году и слѣдовательно родился въ 444 или 452 г. Такая большая разница въ возрастѣ обоихъ братьевъ дѣйствительно мало вѣроятна; но достовѣрность этихъ цифръ очень сомнительна. Какъ бы то ни было, Бюнгеръ напрасно вычиталъ въ Plut. *Artox.* 3 «дѣти Кира».—Идеализированная характеристика

При такихъ обстоятельствахъ надежды, которыя связывались въ Аѳинахъ съ отплытіемъ многочисленнаго флота подъ командою Алкивіада, остались неосуществленными. Для крупныхъ экспедицій зима вообще была неблагопріятной порой; скоро Алкивіаду пришлось бороться съ финансовыми затрудненіями, при чемъ не обошлось безъ тяжелаго притѣсненія союзниковъ. Наконецъ, однажды, когда Алкивіадъ отправился въ какую-то экспедицію, Лисандру удалось нанести пораженіе аѳинскому флоту, стоявшему у Нотіона для охраненія Эфеса, при чемъ въ его руки попало 15 тріеръ; это была первая неудача на морѣ, которую Аѳины потерпѣли за 5 лѣтъ (весною 406 г.) [1]).

Это было сравнительно ничтожное пораженіе, нисколько не измѣнившее положенія военныхъ дѣлъ; но въ Аѳинахъ оно произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что тамъ съ увѣренностью ждали великихъ побѣдъ подъ предводительствомъ Алкивіада. Этимъ настроеніемъ не замедлили воспользоваться многочисленные враги послѣдняго; и они дѣйствительно достигли того, что на происшедшихъ непосредственно послѣ пораженія выборахъ стратеговъ Алкивіадъ не былъ вновь избранъ. Гордость не позволяла ему вернуться въ Аѳины, а такъ какъ и во флотѣ его вліяніе было поколеблено, то онъ тотчасъ сложилъ съ себя начальство; онъ слишкомъ высоко поднялся, чтобы подобно обыкновенному полководцу явиться для представленія отчета въ правильности своихъ дѣйствій. Поэтому онъ отправился въ добровольное изгнаніе въ свои укрѣпленные замки на Геллеспонтѣ, которые онъ пріобрѣлъ въ періодъ своего могущества, какъ убѣжище на случай крайней нужды. Начальство надъ флотомъ принялъ Кононъ изъ Анафлиста, одинъ изъ товарищей Алкивіада по стратегіи, утвержденный въ должности при выборахъ на слѣдующій годъ [2]).

Въ пелопоннесскомъ флотѣ также произошла смѣна военачальниковъ; мѣсто Лисандра въ началѣ новаго служебнаго года занялъ Калликратидъ (средина лѣта 406 г.). Въ то же время флотъ былъ увеличенъ до 140 тріеръ, и явилась наконецъ возможность перейти

Кира—Xen. *Anab.* I 9; при внимательномъ разсмотрѣніи она сводится къ тому, что онъ щедро платилъ и вообще хорошо обращался со своими людьми.

[1]) Xen. *Hell.* I 5, 11—14, Diod. XIII 71, Plut. *Lys.* 5, *Alc.* 35.

[2]) Xen. *Hell.* I 5, 15—18, Diod. XIII 73 сл., Plut. *Alc.* 36, *Lys.* 5, сравн. Lys. *пр. Алк.* I 36 сл. Рѣчь идетъ о регулярныхъ выборахъ въ стратеги, а не объ апохейротоніи, такъ какъ переизбираются всѣ десять стратеговъ, въ томъ числѣ и Кононъ, одинъ изъ находившихся тогда въ должности стратеговъ. Слѣдовательно битва при Нотіонѣ произошла приблизительно въ мартѣ.

къ энергическому наступленію. Пелопоннесцы взяли приступомъ аѳинскую крѣпость близъ Дельфинія на Хіосѣ, затѣмъ овладѣли Меѳимной на Лесбосѣ. Кононъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы воспрепятствовать этимъ успѣхамъ, потому что его матросы, которымъ онъ, вслѣдствіе нужды въ деньгахъ, платилъ жалованье неаккуратно, дезертировали массами и его флотъ уменьшился благодаря этому до 70 тріеръ. Наконецъ Калликратидъ принудилъ его къ сраженію передъ митиленской гаванью; 30 аттическихъ тріеръ было взято, остальныя заперты въ Митиленѣ. Большого флота, который такъ долго господствовалъ на Эгейскомъ морѣ, болѣе не существовало: съ минуты на минуту можно было ожидать паденія осажденнаго города, а отъ этого, повидимому, зависѣлъ исходъ войны [1]).

Такъ измѣнилось положеніе дѣлъ, съ тѣхъ поръ какъ Алкивіадъ, менѣе чѣмъ годъ назадъ, отплылъ для покоренія Іоніи. Но въ Аѳинахъ понимали, что необходимо употребить всѣ средства, чтобы предотвратить грозящій ударъ. Всѣ суда, какія нашлись въ арсеналѣ, были приведены въ исправность, и созваны всѣ годные къ военной службѣ жители Аттики; метэкамъ были обѣщаны права гражданства, рабамъ — свобода [2]). Для покрытія расходовъ расплавили почти всѣ золотые и серебряные жертвенные дары, какіе еще оставались въ храмахъ на Акрополѣ [3]). Такимъ образомъ снарядили 110 тріеръ; Самосъ выставилъ 10 кораблей, изъ всѣхъ частей Эгейскаго моря созваны были разсѣянныя тамъ эскадры. По истеченіи мѣсяца оказалось возможнымъ отправить 150 тріеръ для освобожденія Митилены. Узнавъ объ этомъ, Калликратидъ раздѣлилъ свой флотъ, который между тѣмъ возросъ до 170 тріеръ; 50 кораблей онъ оставилъ у Митилены, а самъ съ 120 кораблями двинулся на встрѣчу непріятелю. При Аргинузскихъ островахъ, у южнаго входа въ Лесбосскій проливъ, произошло морское сраженіе, величайшее изъ всѣхъ, бывшихъ ранѣе въ теченіе этой войны, и аѳиняне еще разъ одержали побѣду. Калликратидъ палъ, 70 его кораблей были потоплены или взяты въ плѣнъ, остальные спаслись въ Хіосъ и Фокею. Если бы аѳинскіе полководцы энергично воспользовались своей побѣдой, они могли бы уничтожить и ту эскадру, которая блокировала Митилену. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, они

[1]) Xen. *Hell.* I 5, 20—6, 19, Diod. XIII 76—78.

[2]) Xen. *Hell.* I 6, 24, Diod. XIII 97, 1, Aristoph. *Лягушки* 33, 693 сл. и Гелланикъ въ схоліяхъ къ послѣднему мѣсту.

[3]) *CIA.* I 140 p. 69, сравн. p. 77, Schol. Aristoph. *Лягушки* 720.

держали военный совѣтъ; между тѣмъ поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, который не только сдѣлалъ невозможнымъ переѣздъ въ Митилену, но помѣшалъ аѳинянамъ даже спасти экипажи своихъ собственныхъ разбитыхъ бурею кораблей. Благодаря этому пелопоннесцамъ удалось посадить на корабли свои сухопутныя войска, погрузить припасы, и перевести свою эскадру въ Хіосъ (осень 406 г.) [1]).

Но успѣхи, достигнутые аѳинянами, все-таки были очень значительны; Кононъ былъ спасенъ, перевѣсъ Аѳинъ на морѣ возстановленъ. Правда, побѣда была куплена дорогою цѣной; погибло 25 тріеръ почти со всѣмъ экипажемъ, и эти потери были тѣмъ болѣе чувствительны, что экипажъ на этотъ разъ состоялъ не изъ наемныхъ матросовъ, какъ бывало прежде, а большею частью изъ аѳинскихъ гражданъ. Скоро распространился слухъ, что матросы, удержавшіеся на обломкахъ потерпѣвшихъ крушеніе кораблей, могли бы быть спасены, если бы стратеги не бросили ихъ на произволъ судьбы. Вслѣдствіе этого военачальники были отрѣшены отъ должности и вызваны въ Аѳины для объясненій. Они попытались свалить отвѣтственность на тріерарховъ, которымъ они поручили спасеніе потерпѣвшихъ кораблекрушеніе,—между прочимъ на Ѳрасибула и Ѳерамена; но этимъ они только ухудшили свое положеніе, потому что теперь Ѳераменъ и его товарищи ради собственнаго спасенія принуждены были выступить съ обвиненіемъ противъ стратеговъ. Они безъ труда сумѣли доказать, что приказъ о спасеніи потерпѣвшихъ кораблекрушеніе былъ полученъ ими лишь тогда, когда разыгравшаяся буря сдѣлала невозможной какую бы то ни было попытку къ спасенію, и такимъ образомъ въ свою очередь свалить отвѣтственность съ себя на стратеговъ. Озлобленіе народа противъ послѣднихъ росло съ каждымъ часомъ; рѣшено было не передавать ихъ дѣла суду, а разсмотрѣть его въ самомъ народномъ собраніи. Послѣ двухъ бурныхъ засѣданій произнесенъ былъ приговоръ, противъ обыкновенія— не о каждомъ обвиняемомъ въ отдѣльности, а обо всѣхъ вмѣстѣ; они были приговорены къ смерти и конфискаціи имущества. Изъ 8 стра-

[1]) Xen. *Hell.* I 6, 19–38, Diod. XIII 97—100. Годъ сраженія (архонтъ Каллій 406/5) теперь прочно установленъ благодаря свидѣтельству Аристотеля (*Ἀϑην. πολ.* 34, 1); изъ Xen. *Hell.* I 7, 8 мы знаемъ, что судъ надъ полководцами состоялся тотчасъ послѣ Апатурій (конецъ Піанопсіона), т.-е. приблизительно въ началѣ ноября. Но весь разсказъ Ксенофонта показываетъ, что процессъ произошелъ очень скоро послѣ сраженія, да и происшествія, которыми онъ сопровождался, психологически понятны только при этомъ условіи.

теговъ, командовавшихъ флотомъ при Аргинузскихъ островахъ, двое, Протомахъ и Аристогенъ, сознавая грозящую имъ опасность, не рѣшились даже явиться на судъ народный; остальные шесть были казнены. Это были: Периклъ, сынъ великаго Перикла и Аспасіи, Ѳрасиллъ, одинъ изъ вождей демократическаго возстанія на Самосѣ, затѣмъ Діомедонтъ, Лисій, Эрасинидъ и Аристократъ, — все убѣжденные демократы и заслуженные офицеры, которые послѣ блестящей побѣды, только что спасшей владычество Аѳинъ, могли, конечно, разсчитывать на болѣе мягкій приговоръ, даже если они дѣйствительно не сдѣлали всего возможнаго для спасенія своихъ погибавшихъ солдатъ. Такъ взглянулъ на дѣло Сократъ, засѣдавшій въ рядахъ пританов во время рокового голосованія; къ тому же убѣжденію скоро пришло и общественное мнѣніе Аѳинъ. Осужденіе полководцевъ возбужденной чернью психологически можно понять, а слѣдовательно и простить; но оно остается позоромъ для Аѳинъ, или вѣрнѣе для того государственнаго строя, при которомъ были возможны такія явленія [1]).

Политическіе мотивы, повидимому, не играли никакой роли при осужденіи полководцевъ. Но партія Алкивіада, конечно, не преминула воспользоваться гибелью стратеговъ, которые предыдущей весною

[1]) Xen. *Hell.* I 7, II 3, 32. 35, Diod. XIII 101 - 103. Лучшимъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу все еще остается изложеніе Грота (гл. 64, VII стр. 417 слл.). Доказано (Fränkel *Att. Geschworenenger.*, Berlin 1877, стр 75 слл.), что формальное право при этомъ процессѣ не было нарушено, но лишь потому, что защитники стратеговъ, въ виду раздраженія народной массы, не рѣшились настаивать на *γραφὴ παρανόμων*, предъявленной ими противъ обвинителя Калликсена. О поведеніи Ѳерамена сравн. Gilbert *Beiträge* стр. 368 слл. Совершенно ошибочно думать, будто стратеги были осуждены за то, что не похоронили мертвыхъ (такъ изображалъ дѣло уже Діодоръ, XIII 100 сл.); дѣло касалось, главнымъ образомъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе (Ксенофонтъ постоянно говоритъ о *ναυαγοί*, сравн. особенно *Hell.* I 7, 11).— Ксенофонтъ категорически утверждаетъ, что стратеги были смѣщены. Несмотря на это, Boerner (l. c. стр. 36 сл.) полагаетъ, что только окончился ихъ должностной годъ, и потому относитъ сраженіе къ началу года Каллія, а битву при Нотіонѣ—къ веснѣ 407 года. Онъ самъ справедливо считаетъ невѣроятнымъ, чтобы избранная послѣ паденія Алкивіада коллегія стратеговъ была цѣликомъ утверждена въ должности при слѣдующихъ выборахъ, но упускаетъ изъ виду, что такъ же мало вѣроятно и неутвержденіе всей коллегіи за исключеніемъ Конона. Отсюда слѣдуетъ, что сраженіе при Нотіонѣ произошло весною 406 г., сраженіе при Аргинусахъ — осенью этого года.—Аристократъ тождественъ вѣроятно не съ одноименнымъ таксіархомъ, который помогъ Ѳерамену свергнуть 400, а съ упомянутымъ *CIA.* I 188 стратегомъ самосской эскадры, сравн. *Attische Politik* автора стр. 327.

вытѣснили Алкивіада и его друзей изъ ихъ руководящаго положенія. Въ Аѳинахъ оживленно обсуждали вопросъ о возвращеніи Алкивіада [1]), и если эта агитація вслѣдствіе страха толпы передъ тираніей оказалась безуспѣшной, то по крайней мѣрѣ другъ Алкивіада Адеймантъ попалъ въ число новыхъ стратеговъ, которые были избраны для замѣщенія казненныхъ полководцевъ. Избранъ былъ также Ѳерамень, но его избраніе при повѣркѣ въ геліеѣ признано недѣйствительнымъ [2]). Руководящее вліяніе въ Аѳинахъ по прежнему принадлежало Клеофону. Во главѣ флота стали Кононъ, Адеймантъ и Филоклъ; весною имъ въ помощь избрали еще новыхъ трехъ стратеговъ, Менандра и Тидея, которые уже раньше командовали въ Сициліи, и Кефисодота, который теперь выступаетъ на сцену впервые. Полководцы должны были ежедневно чередоваться во власти, благодаря чему, разумѣется, исчезало всякое единство въ командованіи [3]).

Въ Спартѣ аргинузская катастрофа должна была произвести еще болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ нѣкогда пораженіе при Кизикѣ. Тогда пелопоннесцы потеряли только пустые корабли; теперь уронъ составлялъ слишкомъ 70 тріеръ со всѣмъ экипажемъ—около 14000 человѣкъ: еще ни одно сраженіе въ теченіе этой войны не стоило даже приблизительно такого количества жертвъ. И особенно тяжело пострадала сама Спарта, потому что изъ выставленныхъ ею 10 судовъ только одному удалось спастись. Между тѣмъ силы Аѳинъ казались неистощимыми, и конецъ войны — болѣе далекимъ, чѣмъ когда-либо. Поэтому рѣшено было снова предложить миръ,—разумѣется, опять подъ единственно возможнымъ условіемъ сохраненія statu quo. Но теперь, послѣ новой блестящей побѣды, Клеофонъ былъ менѣе, чѣмъ когда-либо, склоненъ согласиться на миръ, который возстановлялъ владѣнія Аѳинъ не въ полномъ объемѣ; по его настоянію предложенія спартанцевъ были отвергнуты [4]).

---

[1]) Aristoph. *Лягушки* 1422 слл.

[2]) Lys. 13 *(пр. Агор.)* 10, сравн. *Attische Politik* автора стр. 90.

[3]) Xen. *Hell.* I 7, 1; о смѣнѣ стратеговъ въ начальствѣ надъ флотомъ — Diod. XIII 106. Тидей (это имя рѣдко встрѣчалось въ Аѳинахъ) — безъ сомнѣнія тождественъ съ упоминаемымъ въ рѣчи *за Полистрата* 26 аѳинскимъ военачальникомъ въ Катанѣ; Менандръ — вѣроятно тотъ самый стратегъ, который весною 413 года былъ прикомандированъ къ Никію для начальства надъ военными силами, сосредоточенными у Сиракузъ (Thuc. VII 16).

[4]) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 34, 1, сравн. конецъ *Лягушекъ* Аристофана. Гротъ (VIII стр. 1 прим.) едва ли сталъ бы оспаривать правильность этого показанія, если бы вмѣсто схолій къ Аристофану имѣлъ передъ глазами самый текстъ *Аѳинской Политіи*.

Киръ и іонійскіе союзники пелопоннесцевъ потребовали теперь, чтобы во главѣ флота снова былъ поставленъ Лисандръ, единственный человѣкъ, который до сихъ поръ оказался способнымъ руководить морской войною; и Спарта не могла отказать въ исполненіи этого требованія. Правда, существовалъ законъ, въ силу котораго никто не имѣлъ права быть навархомъ болѣе, чѣмъ одинъ разъ въ жизни; но этотъ законъ обошли, давъ Лисандру только полномочія, но не титулъ наварха [1]). Щедрыя субсидіи, которыя Лисандръ получалъ отъ Кира, дали ему возможность возмѣстить потери, понесенныя флотомъ при Аргинузскихъ островахъ; однако приготовленія потребовали немало времени, и только позднимъ лѣтомъ 405 г. пелопоннесскій флотъ былъ снова въ состояніи перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ [2]). Онъ направился къ Геллеспонту и здѣсь приступомъ взялъ Лампсакъ. Аѳиняне тотчасъ послѣдовали за Лисандромъ и остановились насупротивъ Лампсака, у берега ѳракійскаго Херсонеса, на открытомъ рейдѣ Эгоспотамоса; полагаясь на свою бо̀льшую опытность въ морскомъ дѣлѣ, они не сочли нужнымъ опереться на какой-нибудь укрѣпленный пунктъ. По силѣ оба противника были приблизительно равны; у аѳинянъ было 180, у пелопоннесцевъ— около 200 тріеръ; тѣмъ не менѣе Лисандръ не рѣшился принять битву, которую предлагалъ ему непріятель, и остался со своими кораблями подъ стѣнами Лампсака. Лишь на пятый день онъ неожиданно перешелъ въ наступленіе, какъ разъ въ то время, когда аѳиняне, обманутые его медлительностью, разсѣялись по берегу. Пело-

---

[1]) Xen. *Hell.* I 2, 6 сл., Plut. *Lys.* 7. Относительно спартанской навархіи сравн. *Rhein. Mus.* 34 (1879) стр. 117 слл. съ добавленіями въ *Philol.* 43 (1884) стр. 272 слл.; я показалъ тамъ, что навархія была регулярной годовой должностью, что никогда не было болѣе одного наварха и что онъ вступалъ въ должность въ серединѣ лѣта. Возраженія Юдейха *(Kleinasiatische Studien* стр. 107 слл). доказываютъ только то, что этотъ изслѣдователь недостаточно вникъ въ политическую сторону вопроса; они опровергнуты уже A. Boerner'омъ *(De rebus a Graecis 410—403 gestis* стр. 7 слл., диссертація, Göttingen 1894). Напрасно только Бёрнеръ вернулся къ моему первому предположенію, будто наварxи вступали въ должность осенью.

[2]) Xen. *Hell.* II 2, 5 опредѣляетъ величину пелопоннесскаго ѳлота послѣ сраженія въ 200 кораблей; по Plut. *Lys.* 9 онъ былъ по числу кораблей приблизительно равенъ аѳинскому, что̀ вполнѣ согласуется съ показаніемъ Ксеноѳонта. Затѣмъ Лисандръ разослалъ нѣсколько кораблей и къ Аѳинамъ подступилъ съ 150 тріэрами (Xen. *Hell.* II 2, 9). Отдѣльные контингенты и ихъ вожди перечислены у Paus. X 9, 7—10 на основаніи надписей на дельѳійскомъ памятникѣ побѣды; эти надписи недавно найдены ѳранцузами при ихъ раскопкахъ въ Дельѳахъ, но пока еще не изданы.

поннесскій флотъ быстро прошелъ узкій проливъ; аѳиняне не успѣли посадить войско на корабли, или даже выстроиться въ боевомъ порядкѣ. Такимъ образомъ аѳинскій флотъ почти безъ сопротивленія сдѣлался добычей непріятеля; спаслось только 20 кораблей со стратегомъ Конономъ. Большая часть экипажа остальныхъ судовъ нашла убѣжище въ Сестѣ и другихъ городахъ Херсонеса; и все-таки побѣдитель взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Оказавшихся между ними аѳинянъ, числомъ 3000 человѣкъ, Лисандръ казнилъ въ Лампсакѣ въ отместку за жестокости, совершенныя аѳинянами надъ пелопоннесскими плѣнными. Пощаженъ былъ одинъ Адеймантъ, — какъ думали, за то, что онъ выдалъ флотъ Лисандру [1]).

Никогда еще не была одержана такая блестящая побѣда при столь ничтожныхъ жертвахъ; не потерявъ ни одного корабля, почти ни одного человѣка, Лисандръ уничтожилъ великій аѳинскій флотъ. Участь войны была рѣшена; Аѳины теперь уже не имѣли средствъ, чтобы соорудить новый флотъ. Даже изъ тѣхъ немногихъ кораблей, которые спаслись отъ пораженія, Аѳины нѣсколькихъ лишились, потому что Кононъ, не рѣшаясь показаться на глаза своимъ согражданамъ, бѣжалъ съ 8 тріерами къ дружественному Аѳинамъ царю Саламина на Кипрѣ, Эвагору [2]). Теперь аѳинское владычество рушилось всюду; укрѣпленные пункты союза сдавались безъ сопротивленія, тѣмъ болѣе, что Лисандръ предоставлялъ гарнизонамъ свободное отступленіе. Такъ пали сначала Сестъ, затѣмъ Византія и Митилена; десяти кораблей было достаточно, чтобы подчинить Спартѣ всю аѳинскую Ѳракію. Изъ всѣхъ союзныхъ городовъ остался вѣренъ Аѳинамъ одинъ только Самосъ [3]).

Одна изъ спасшихся тріеръ привезла въ Пирей извѣстіе объ уничтоженіи флота. Было уже темно, когда корабль вошелъ въ гавань;

---

[1]) Xen. *Hell.* II 1. Plut. *Lys.* 7—13, *Alc.* 36 сл., Polyaen. I 45, 2, Diod. XIII 104—106. Разсказъ Діодора о сраженіи въ существенныхъ пунктахъ расходится съ показаніями Ксенофонта и въ общемъ непригоденъ. Объ измѣнѣ Адейманта говоритъ и Лисій 14 (*пр. Алк.* I) 38, сравн. Demosth. *περὶ παραπρ.* 19. Что битва при Эгоспотамосѣ произошла въ архонтство Алексія, т.-е. въ концѣ лѣта 405 года, уже давно установлено (сравн. *Philol.* 43, 1884, стр. 283 сл.) и теперь подтверждается Аристотелемъ, *Ἀθην. πολ.* 34, 2. Въ число 12 спасшихся кораблей, о которыхъ говоритъ Лисій 21 *(ἀπολ. δωροδ.)* 11, очевидно не включены тѣ 8 тріэръ, съ которыми Кононъ отправился къ Кипру, сравн. Isocr. *пр. Каллим.* 59.

[2]) Xen. *Hell.* II 1, 29, Diod. XIII 106, 6. Постановленіе аѳинскаго народнаго собранія въ честь Эвагора изъ времени между 407 и 405 гг.—*CIA.* I 64.

[3]) Xen. *Hell.* II 2, 1—6, Plut. *Lys.* 13, Diod. XIII 106.

но печальная вѣсть въ тотъ же вечеръ съ быстротою молніи облетѣла весь городъ, и, по словамъ современника, въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ. Теперь вспомнили о всѣхъ насиліяхъ, совершенныхъ Аѳинами въ періодъ ихъ могущества надъ другими греческими городами; вспомнили о гражданахъ Мелоса, Скіоны, Тороны, которые были перерѣзаны, жены и дѣти которыхъ были проданы въ рабство, о жителяхъ Эгины и Гистіеи, которыхъ Аѳины лишили всего имущества и обрекли на изгнаніе. Что́ если побѣдители отплатятъ имъ теперь тѣмъ же? Однако рѣшено было, что́ бы ни случилось, пасть по крайней мѣрѣ съ честью. Итакъ, городъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, всѣмъ тѣмъ, которые потеряли политическія права за участіе въ олигархическомъ движеніи 411 года или какъ несостоятельные государственные должники, были возвращены всѣ ихъ права, вѣрнымъ самосцамъ дарованы права аѳинскаго гражданства. Только на возвращеніе изгнанниковъ даже теперь не могли рѣшиться [1]).

Вскорѣ Лисандръ съ 150 кораблями появился въ Сароническомъ заливѣ; онъ овладѣлъ Эгиной и затѣмъ сталъ на якорь въ виду Пирея. Въ то же время царь Павсаній, четыре года назадъ (409/8) унаслѣдовавшій послѣ своего отца Плейстоанакса тронъ Агіадовъ, повелъ соединенную пелопоннесскую армію въ Аттику, гдѣ соединился съ войскомъ, которое подъ начальствомъ Агиса охраняло Декелею. Оба царя подошли къ Аѳинамъ и стали лагеремъ у Академіи, непосредственно подъ городскими стѣнами. Однако они скоро убѣдились въ томъ, что силою взять Аѳины невозможно; поэтому пелопоннесская армія съ наступленіемъ зимы вернулась на родину, и остался только флотъ, чтобы отрѣзать Аѳинамъ подвозъ съ моря. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, приблизительно въ январѣ, стали истощаться запасы въ густонаселенномъ городѣ, и осажденные рѣшили наконецъ вступить въ переговоры [2]). Аѳины изъявили готовность отказаться отъ подвластныхъ имъ областей, за исключеніемъ Самоса и клерухій, и заключить союзъ со Спартою. На такія условія побѣдители, конечно, не могли согласиться; они требовали разрушенія длинныхъ стѣнъ на протяженіи 10 стадій (около 2 километр.) и уступки всѣхъ

---

[1]) Xen. *Hell.* II 2, 3 сл. Рѣшеніе народнаго собранія о возстановленіи въ правахъ *ἄτιμοι*—Andoc. *de myst.* 77—79, сравн. Xen. *Hell.* II 2, 11, Lys. 25, 27; постановленіе о дарованіи правъ гражданства самосцамъ — *CIA.* IV 2, 1 b. Предусмотрительные политики уже давно рекомендовали оба послѣднихъ мѣропріятія; сравн. Aristoph. *Лисистр.* 582 слл., *Лягушки* 689 слл.

[2]) Xen. *Hell.* II 2, 5—11, Diod. XIII 107, Isocr. *пр. Каллим.* 60 сл.

внѣшнихъ владѣній исключая Лемноса, Имброса и Скироса, гдѣ со времени Персидскихъ войнъ обитали аѳинскіе выходцы и уже не было прежнихъ жителей, которыхъ можно было бы водворить обратно. При данномъ положеніи вещей это были очень умѣренныя требованія. Но Клеофонъ все еще не хотѣлъ примириться съ обстоятельствами; по его предложенію народъ рѣшилъ не слушать никого, кто дерзнетъ выступить въ защиту такого мира [1]).

Это было, конечно, явное безуміе, потому что Аѳинамъ не отъ кого было ждать помощи и только чудо могло спасти городъ; дальнѣйшее сопротивленіе могло повести только къ увеличенію требованій, предъявляемыхъ побѣдителями. Мало того, можно было опасаться, что, разъ переговоры будутъ прерваны, Спарта откажется возобновить ихъ и потребуетъ безусловнаго подчиненія. Чтобы предотвратить эту опасность, Ѳераменъ вызвался отправиться къ Лисандру въ качествѣ посла съ цѣлью добиться болѣе выгодныхъ условій; онъ, разумѣется, очень хорошо зналъ, что ничего не добьется, но важно было затянуть переговоры, пока народъ образумится. Поэтому Ѳераменъ провелъ въ главной квартирѣ Лисандра три мѣсяца, а въ это время голодъ въ Аѳинахъ все болѣе усиливался и уносилъ много жертвъ. Между тѣмъ друзья Ѳерамена не сидѣли сложа руки; партія мира получила перевѣсъ въ совѣтѣ; Клеофонъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ томъ, что не исполнилъ своихъ обязанностей въ качествѣ офицера, и, благодаря господствовавшему теперь въ Аѳинахъ настроенію, олигархамъ удалось добиться его осужденія и казни [2]).

Такимъ образомъ, главный противникъ мира былъ устраненъ.

---

[1]) Xen. *Hell.* II 2, 12—15, Lys. 13 *(пр. Агор.)* 8, Aesch. *о посольствѣ* 76, Plut. *Αποφθ. Λακόν.* 22 p. 233. Принимая самосцевъ въ составъ своихъ гражданъ, Аѳины разумѣется обязались не заключать мира, въ который не былъ бы включенъ и Самосъ *(CIA.* IV 2, 1 b.).

[2]) Xen. *Hell.* II 2, 16, Lys. *пр. Агор.* 9—12. 20, *пр. Ником.* 10—13. Лисій говоритъ, что Клеофонъ былъ казненъ до возвращенія Ѳерамена изъ Спарты *(пр. Агор.* 12); но такъ какъ онъ смѣшиваетъ оба посланничества Ѳерамена — къ Лисандру и въ Спарту, то ничто не мѣшаетъ намъ отнести казнь Клеофона ко времени до возвращенія Ѳерамена отъ Лисандра, чтò по существу очень вѣроятно. По Schol. Aristoph. *Лягушки* 679, Клеофонъ былъ стратегомъ; надо думать, что онъ былъ по крайней мѣрѣ офицеромъ, такъ какъ онъ былъ осужденъ на смерть за проступокъ *(λειποστρατίου)*, который для простого солдата повлекъ бы за собою лишь частичную атимію (сравн. *Rhein. Mus.* 39, 1884, стр. 255 сл.); притомъ, невѣроятно, чтобы человѣкъ, занимавшій такое положеніе какъ Клеофонъ, служилъ простымъ солдатомъ.

Ѳераменъ вернулся въ Аѳины и тотчасъ былъ отправленъ во главѣ посольства въ Спарту съ неограниченными полномочіями для заключенія мира. Разумѣется, теперь уже не могло быть рѣчи о такихъ условіяхъ, какія были предложены четыре мѣсяца назадъ. Коринѳяне, ѳивяне и другіе спартанскіе союзники потребовали даже, чтобы Аѳины были разрушены, а граждане проданы въ рабство [1]). Но такое варварство было совсѣмъ не въ духѣ Спарты, которая со времени покоренія Мессеніи не уничтожила ни одной эллинской общины [2]). Итакъ, Аѳинамъ былъ дарованъ миръ; онѣ сохранили свою независимость и удержали за собою всю территорію Аттики со включеніемъ Саламина. За-то онѣ должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ внѣшнихъ владѣній, разрушить укрѣпленія Пирея и длинныя стѣны, соединявшія гавань съ городомъ, выдать свои военные корабли за исключеніемъ 12, вернуть изгнанныхъ и обязаться помогать Спартѣ войскомъ въ случаѣ войны [3]).

На слѣдующій день по возвращеніи Ѳерамена народное собраніе утвердило эти условія, и Лисандръ вступилъ съ пелопоннесскимъ флотомъ въ Пирей, 16-го мунихіона (въ апрѣлѣ) 404 г. Лисандръ тотчасъ принялся разрушать длинныя стѣны при ликованіи своихъ союзниковъ; они думали, что теперь свобода эллиновъ наконецъ обезпечена. Имъ очень скоро пришлось убѣдиться, что они только перемѣнили господина [4]).

Оставалось еще подчинить Самосъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Аѳинахъ Лисандръ отправился туда съ флотомъ и приступилъ къ осадѣ. Населеніе защищалось съ мужествомъ отчаянія, понимая, что

---

1) Xen. *Hell.* II 2, 19; 3, 8, VI 5, 35. 46, Plut. *Lys.* 15, Isocr. *Plat.* 31 сл.

2) Сравн. Isocr. *Panath.* 70 слл. Платея составляетъ лишь кажущееся исключеніе, что̀ конечно нѣтъ надобности доказывать здѣсь подробно. Слѣдовательно, предположеніе, будто Спарта пощадила Аѳины, чтобы сдѣлать изъ нихъ опорный пунктъ для своей борьбы съ Ѳивами,—совершенно неосновательно. Напротивъ, въ политическомъ отношеніи разрушеніе Аѳинъ было-бы въ высшей степени выгодно для Спарты.

3) Xen. *Hell.* II 2, 20, Plut. *Lys.* 14 (гдѣ приведенъ текстъ постановленія эѳоровъ). Andoc. *о мирѣ* 12, Diod. XIII 107, XIV 3. По Діодору и Arist. *Ἀϑην. πολ.* 34, 3 въ договорѣ между прочимъ постановлялось, что въ Аѳинахъ должна быть возстановлена *πάτριος πολιτεία*; изложеніе договора у Плутарха не содержитъ такого пункта, а изъ Lys. *пр. Эратосѳ.* 70 слл. ясно видно, что вопросъ о политической организаціи былъ поднятъ лишь по возвращеніи Лисандра съ Самоса.

4) Xen. *Hell.* II 2, 21 сл., Plut. *Lys.* 14 сл. (здѣсь дана и дата, сравн. Thuc. V 26, 3).

послѣ кровавой революціи 412 г. оно не можетъ разсчитывать на пощаду. Разумѣется, и здѣсь всякое сопротивленіе оказалось безполезнымъ; спустя нѣсколько мѣсяцевъ городъ принужденъ былъ сдаться. Жителямъ предоставлено было право свободнаго отступленія; изгнанные 8 лѣтъ назадъ землевладѣльцы вернулись на родину и снова вступили во владѣніе своими помѣстьями [1]).

Между тѣмъ въ Аѳинахъ кипѣла партійная борьба. Вернувшіеся изгнанники требовали сверженія демократіи и встрѣтили поддержку со стороны вліятельныхъ членовъ совѣта. Ѳераменъ также надѣялся теперь еще разъ осуществить свой старый идеалъ умѣренной олигархіи. Демократы, во главѣ съ стратегами Стромбихидомъ изъ Эвониміи и Эвкратомъ изъ Кидантидъ, братомъ Никія, рѣшили отразить опасность; повидимому, они задались цѣлью избавиться отъ вождей олигархической партіи путемъ убійства. Но объ этомъ планѣ было заблаговременно сообщено совѣту, который тотчасъ приказалъ арестовать главныхъ заговорщиковъ. Однако олигархи все-таки не считали возможнымъ достигнуть цѣли безъ военной помощи. Поэтому они отправили пословъ къ Лисандру въ Самосъ, и онъ во второй разъ прибылъ со своимъ флотомъ въ Пирей. Теперь созвано было народное собраніе, въ которомъ Ѳераменъ предложилъ отмѣнить демократическое устройство и вернуться къ той конституціи, которая существовала «во времена отцовъ». Это предложеніе, конечно, встрѣтило сильную оппозицію; но тутъ выступилъ Лисандръ и объяснилъ, что Аѳины нарушили миръ, такъ какъ длинныя стѣны еще стоятъ, хотя срокъ, назначенный для ихъ разрушенія, уже истекъ, и что онъ готовъ простить нарушеніе договора только въ томъ случаѣ, если предложенія Ѳерамена будутъ приняты. Эта угроза заставила оппозицію умолкнуть, и назначено было временное правительство изъ 30 человѣкъ, которому поручено было выработать новую конституцію (въ срединѣ лѣта 404 г.). Выборъ палъ, конечно, на кандидатовъ, намѣченныхъ Ѳераменомъ и олигархическимъ исполнительнымъ комитетомъ. Укрѣпленія Пирея и длинныя стѣны были срыты и военные корабли выданы Лисандру; послѣдній отпустилъ на родину эскадры союзниковъ, а самъ съ отнятыми у Аѳинъ кораблями и трофеями отправился въ Гиѳеіонъ, морскую гавань Спарты. Многолѣтняя война была окончена [2]).

---

[1]) Xen. *Hell.* II 3, 6 сл., Diod. XIV 3, 4 (онъ разсказываетъ объ осадѣ, забѣгая впередъ, уже XIII 106, 8), Plut. *Lys.* 14. Изгнанные нашли убѣжище отчасти въ Эфесѣ и Нотіонѣ (*CIA.* II 1 b. p. 393).

[2]) Ксенофонтъ ничего не собщаетъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Аѳи-

Водвореніе олигархіи въ Аѳинахъ было послѣднимъ звеномъ въ ряду политическихъ переворотовъ, которые повлекли за собою паденіе демократіи почти на всемъ протяженіи прежняго аттическаго государства. Повсюду переходъ общинъ на пелопоннесскую сторону совершался подъ вліяніемъ достаточныхъ классовъ [1]); съ этой минуты власть естественно все болѣе и болѣе переходила въ ихъ руки. Такъ случилось въ Хіосѣ во время осады его аѳинянами [2]). Аѳинскіе олигархи во время революціи 411 года тоже съ успѣхомъ старались доставить власть въ союзныхъ городахъ по возможности своимъ политическимъ друзьямъ; въ нѣкоторыхъ городахъ эти правительства съ помощью пелопоннесцевъ удержались и послѣ паденія Четырехсотъ въ Аѳинахъ [3]). Но гдѣ нельзя было устранить демократію законнымъ путемъ, тамъ олигархи не останавливались и передъ насильственнымъ ниспроверженіемъ существующаго порядка, увѣренные въ томъ, что найдутъ надежную опору въ пелопоннес-

---

нахъ въ промежутокъ времени между капитуляціей и назначеніемъ Тридцати. Этотъ пробѣлъ заполняютъ Diod. XIV 3, Aristot. *Ἀθην. πολ.* 34, 3 и особенно Lys. *пр. Эратосѳ.* 71—78 и *пр. Агор.* 15—35. Само собою разумѣется, что демократическій заговоръ произошелъ уже послѣ капитуляціи, ибо, когда Ѳераменъ вернулся изъ Спарты, голодъ былъ такъ великъ, что только безумецъ могъ мечтать о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Далѣе, къ тому времени, когда Агоратъ выдалъ заговорщиковъ, блокада Пирея была уже снята (Lys. *пр. Агор.* 25), и арестъ заговорщиковъ произошелъ незадолго до назначенія Тридцати, такъ какъ приговоръ былъ произнесенъ уже тѣмъ совѣтомъ, который созвало это новое правительство. Это замѣтилъ уже Гротъ. Да и кажущееся противорѣчіе у Лисія легко устраняется, такъ какъ *ἐκκλησία περὶ τῆς εἰρήνης пр. Агор.* 17 тождествена съ упоминаемой *пр. Эратосѳ.* 71 *ἐκκλησία*, въ которой были назначены тридцать тирановъ. Для срытія длинныхъ стѣнъ и укрѣпленій Пирея аѳинянамъ вѣроятно былъ данъ срокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; къ тому времени, когда Лисандръ вернулся съ Самоса и были назначены тираны, этотъ срокъ уже окончился. Но извѣстіе Аристотеля (*Ἀθην. πολ.* 35, 1), что олигархическое правленіе было установлено лишь при Пиѳодорѣ, не совсѣмъ вѣрно, по той простой причинѣ, что никто не можетъ быть своимъ отцомъ, а Пиѳодоръ былъ избранъ уже 30 тиранами; то, что̀ я говорилъ объ этомъ въ *Philol.* 43 (1884) стр. 264, до сихъ поръ сохраняетъ свою силу. Во всякомъ случаѣ, политическій переворотъ произошелъ въ концѣ года Алексія, и Пиѳодоръ тогда же немедленно вступилъ въ должность. Послѣ всего сказаннаго я не могу согласиться съ выводами Шварца, *Rhein. Mus.* 44 (1889) 104 сл.; противъ нихъ справедливо полемизируетъ Boerner (l. c. стр. 49 сл.), мнѣніе котораго относительно датировки заговора, правда, столь же несостоятельно.

[1]) Такъ было на Хіосѣ (Thuc. VIII 9, 3) и Родосѣ (VIII 44, 1).

[2]) Thuc. VIII 38, 3.

[3]) Thuc. VII 64 сл.

скихъ гарнизонахъ. Такимъ образомъ въ 408 г. хіосскіе изгнанники съ помощью лакедемонскаго адмирала Кратесиппида вернулись въ Хіосъ и въ свою очередь изгнали демократовъ [1]). Но лишь Лисандръ послѣдовательно провелъ реформу конституцій въ олигархическомъ духѣ. Еще въ 407/6 г., будучи въ первый разъ наварxомъ, онъ тѣсно сблизился съ олигархическими клубами въ мало-азіатскихъ городахъ [2]); а какъ только онъ весною 405 г. вторично сталъ во главѣ пелопоннесскаго флота, онъ приступилъ къ дѣлу. Въ Милетѣ онъ вызвалъ возстаніе олигарховъ, во время котораго многіе видные демократы были умерщвлены или изгнаны [3]). Послѣ побѣды при Эгоспотамосѣ повсемѣстно въ завоеванныхъ городахъ были назначены правительственныя коллегіи изъ 10 человѣкъ — такъ наз. декархіи, — и та же реформа проведена по возможности въ старыхъ союзныхъ государствахъ. Члены этихъ коллегій избирались изъ числа надежнѣйшихъ приверженцевъ олигархической партіи, при чемъ не обращали вниманія ни на знатность происхожденія, ни на богатство [4]); само собою разумѣется, что они повсюду принадлежали къ достаточному и образованному классу.

Такимъ образомъ, почти на всемъ протяженіи эллинскаго міра господство неимущей массы было устранено. Демократія держалась еще только въ немногихъ пунктахъ, въ Аргосѣ, Мантинеѣ и Элидѣ, въ Киренѣ, на Корцирѣ и въ Нижней Италіи. Въ Сиракузахъ господствовала военная диктатура, на греческомъ востокѣ власть почти вездѣ находилась въ рукахъ состоятельныхъ людей, «благородныхъ и хорошихъ» *(καλοὶ κἀγαθοί)*, какъ они сами называли себя. Теперь имъ предстояло доказать свои права на это названіе.

---

1) Diod. XIII 65, Xen. *Hell.* III 2, 11.

2) Diod. XIII 70, Plut. *Lys.* 5.

3) Diod. XIII 104, Plut. *Lys.* 8. Это случилось во время Діонисій, т.-е. вѣроятно весною 405 года.

4) Plut. *Lys.* 13, Xen. *Hell.* II 3, 7, III 4, 7, Diod. XIV 13.

ГЛАВА III.

Олигархія на греческомъ Востокѣ.

Аттическая держава лежала въ развалинахъ; принадлежавшіе ей города безпрекословно признали гегемонію Спарты [1]). Впервые за время своего существованія Эллада сплотилась въ одно цѣлое [2]). Правда, это объединеніе было куплено дорогой цѣной. Большая часть греческихъ городовъ Малой Азіи была отдана во власть персовъ, а въ Сициліи Кареагенъ отодвинулъ границу своихъ владѣній почти до воротъ Сиракузъ. Спартѣ предстояла громадная задача, если она хотѣла осуществить тотъ планъ, который она намѣтила себѣ въ началѣ войны,—планъ освобожденія всѣхъ эллиновъ.

Не менѣе важныя задачи ждали разрѣшенія и въ области внутренней политики. Нужно было загладить всѣ обиды, причиненныя Аѳинами въ теченіе послѣдняго полувѣка эллинскимъ общинамъ, насколько вообще можно загладить совершенную несправедливость; нужно было утвердить гегемонію Спарты и въ тѣхъ городахъ, которые еще отказывались признать ее, упорствуя въ своемъ партикуляризмѣ; наконецъ—и это стояло на первомъ планѣ—нужно было дать эллинамъ прочную политическую организацію, которая, щадя по возможности свободу отдѣльныхъ государствъ, отдавала-бы однако въ случаѣ надобности ихъ военныя и финансовыя силы въ распоряженіе Спарты.

Естественно, что рѣшеніе этой задачи на первыхъ порахъ было поручено человѣку, которому Спарта болѣе, чѣмъ кому-либо, была обя-

---

[1]) Сравн. Xen. *Anab.* VI 6, 12—15, *Hell.* III 1, 5.

[2]) Потому что, хотя въ 480—478 гг. Спарта и руководила войною противъ персовъ, но къ государственно-правовому объединенію націи не былъ сдѣланъ даже первый шагъ.

зана своимъ настоящимъ могуществомъ. Окруженный ореоломъ своихъ побѣдъ, Лисандръ достигъ теперь наибольшей популярности. Такъ какъ вторичное избраніе въ навархи было запрещено закономъ (выше стр. 80), то этимъ званіемъ облеченъ былъ его братъ Либисъ, и такимъ образомъ командованіе флотомъ и управленіе заморскими владѣніями фактически оставлено въ рукахъ Лисандра еще на одинъ годъ (404/3)[1]. Да и вообще заслуженныя почести были возданы ему щедрой рукой. Въ скульптурной группѣ, которую Спарта воздвигла въ Дельфахъ въ память побѣды, рядомъ съ Діоскурами, Зевсомъ, Аполлономъ и Артемидой стоялъ и Лисандръ, вѣнчаемый Посейдономъ, въ кругу своихъ офицеровъ[2]. Эфесцы поставили его статую въ храмѣ Артемиды, покровительницы города, а въ Самосѣ, который, правда, имѣлъ основаніе быть особенно благодарнымъ ему, дошли до того, что главное празднество города, посвященное до сихъ поръ Герѣ, отнынѣ стали справлять въ честь Лисандра[3]. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ освобожденныхъ городахъ были воздвигнуты въ его честь алтари, ему, какъ герою, приносили жертвы и пѣли гимны[4]. Еще никогда ни одинъ человѣкъ не пользовался въ Греціи такимъ почетомъ и не обладалъ такимъ могуществомъ.

Прежде всего изгнанные нѣкогда аѳинянами жители Эгины, Мелоса, Ореоса, Потидеи и Скіоны возвращены были на свои мѣста[5]. Общественное мнѣніе Греціи восторженно привѣтствовало эту мѣру; но Лисандръ хорошо зналъ, что при помощи однихъ моральныхъ средствъ невозможно удержать въ рукахъ обширную державу. Онъ научился у врага; уничтожая аѳинскія клерухіи, онъ самъ вступилъ на тотъ путь, который указали Аѳины. Когда послѣ битвы при Эгоспотамосѣ Сестъ сдался пелопоннесцамъ, вмѣстѣ съ аѳинскими колонистами было изгнано и туземное населеніе города; теперь Лисандръ поселилъ въ этомъ пунктѣ, имѣвшемъ огромное стратегическое значеніе, отставныхъ матросовъ своего флота. Такъ заложенъ былъ первый камень лакедемонской колоніальной системы[6].

---

1) Xen. *Hell.* II 4, 28.

2) Paus. X 9, 7—10.

3) Paus. VI 3, 14. 15.

4) Дурисъ у Plut. *Lys.* 18 и Athen. XV 696 e (*F. H. G.* II 484 сл.).

5) Xen. *Hell.* II 2, 9, Plut. *Lys.* 14. Эгинеты были возвращены на родину вѣроятно еще во время осады Аѳинъ (см. выше, стр. 82), остальныя же аѳинскія клерухіи могли перейти во власть Спарты, разумѣется, лишь въ силу мирнаго договора.

6) Plut. *Lys.* 14.

Пелопоннесскіе гарнизоны, поставленные во время войны въ важнѣйшіе союзные города для защиты ихъ противъ аѳинянъ, Лисандръ оставилъ на мѣстѣ и даже увеличилъ теперь ихъ сѣть новыми гарнизонами. Это было необходимо столько же для охраненія спартанской гегемоніи, сколько и для поддержки временныхъ правительствъ, которыя благодаря вліянію Лисандра учреждены были въ городахъ прежняго аѳинскаго государства; притомъ сами эти правительства призывали къ себѣ на помощь гарнизоны или требовали ихъ оставленія въ городахъ. Поэтому они должны были содержать ихъ на свой счетъ [1]). Даже подати, сдѣлавшія столь ненавистнымъ господство Аѳинъ, были сохранены, хотя, повидимому, въ менѣе обременительныхъ размѣрахъ и только на случай дѣйствительной нужды въ военное время. Дѣйствительно, не было другого средства, чтобы дать Спартѣ возможность содержать такой флотъ, какой былъ ей необходимъ для поддержанія ея гегемоніи въ Элладѣ [2]). Конечно, новые союзники, какъ и пелопоннесскія государства, обязаны были въ случаѣ войны посылать свои войска на помощь Спартѣ.

Разумѣется, такое коренное преобразованіе всѣхъ политическихъ порядковъ не могло совершиться безъ вспышекъ и насилій. Революція, какъ и реакція, рѣдко обходится безъ кровопролитія; какъ же можно было избѣгнуть его теперь, когда страсти были такъ возбуждены многолѣтней партійной борьбой? Новыя правительства были составлены бо̀льшею частью изъ прежнихъ изгнанниковъ, и «политической необходимостью» конечно часто пользовались для прикрытія личной мести. Вдобавокъ въ большинствѣ общинъ финансы пришли въ крайнее разстройство вслѣдствіе продолжительной войны и притязаній возвращенныхъ изгнанниковъ на ихъ конфискованныя имѣнія. Удивительно ли, что олигархія прибѣгла къ тому средству, которому научила ее демократія, и теперь въ свою очередь приступила къ конфискаціи имущества своихъ политическихъ противниковъ? Начальники («гармосты») лакедемонскихъ гарнизоновъ также очень

---

1) Xen. *Hell.* II 3, 13.

2) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 39, 2, Isocr. *Paneg.* 132, Polyb. VI 49, 10. По Diod. XIV 10 сумма этихъ взносовъ достигала ежегодно 1000 талантовъ, что̀, вѣроятно, очень преувеличено, такъ какъ именно на этотъ счетъ мы не слышимъ въ періодъ спартанской гегемоніи ни одной жалобы (сравн., напримѣръ, Isocr. *Panath.* 67—69, гдѣ ораторъ, въ противоположность Спартѣ, защищаетъ Аѳины въ отношеніи сбора союзнической дани). Это называли *συντελεῖν εἰς τὸ συμμαχικὸν* (Aristot. l. c). Притомъ, Спарта взимала такую дань уже во времена Персидскихъ войнъ (Plut. *Arist.* 24).

часто оказывались недостаточно подготовленными для своей отвѣтственной должности. Теперь давала себя чувствовать односторонность исключительно физическаго воспитанія, узаконеннаго конституціей Ликурга. Въ самомъ дѣлѣ, средній спартіатъ былъ храбръ и неустрашимъ въ битвѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне ограниченъ въ умственномъ отношеніи, грубъ и лишенъ той нравственной стойкости, которая дается не военной выправкой, а только настоящимъ образованіемъ. Поэтому многіе спартанскіе гармосты обращались съ союзниками такъ, какъ они на родинѣ привыкли обращаться со своими гелотами; или же они попросту становились орудіями мѣстныхъ правителей и заботились еще только о собственномъ обогащеніи. Природный недостатокъ спартанцевъ, корыстолюбіе, о которомъ еще старая поговорка гласила, что онъ когда-нибудь погубитъ Спарту, проявлялся теперь въ самой отталкивающей формѣ [1]). Если Лисандръ и не одобрялъ этихъ злоупотребленій и старался время отъ времени останавливать ихъ [2]), то въ общемъ онъ все-таки былъ безсиленъ; ему не изъ кого было выбирать себѣ помощниковъ. Кромѣ того, онъ, кажется, слишкомъ многое прощалъ своимъ друзьямъ. Скоро ему самому пришлось поплатиться за это.

Наиболѣе насильственный и разрушительный характеръ носила реакція, конечно, въ Аѳинахъ, центрѣ демократіи и величайшемъ городѣ Эллады [3]). Временное правительство Тридцати, учрежденное здѣсь Лисандромъ, начало съ того, что организовало изъ надежныхъ единомышленниковъ новый совѣтъ пятисотъ, которому ввѣрено было въ особенности судопроизводство. Первымъ разбиралось дѣло по обвиненію участниковъ демократическаго заговора; вина обвиняемыхъ была очевидна, и совѣтъ вынесъ имъ смертный приговоръ. Однако новые правители чувствовали себя еще далеко не безопасными въ своемъ положеніи; чтобы на всякій случай имѣть на-

---

1) Plut. *Lys.* 19, Isocr. *Paneg.* 110—114, Diod. XIV 10.

2) Plut. *Lys.* 15.

3) Главные источники—Xen. *Hell.* II 3—4, рѣчи Лисія (особенно *пр. Эратосѳена* и *пр. Агората)*, Aristot. *'Αθην. πολ.* 35—40, Diod. XIV 4 — 6; 32—33, Justin. V 8 — 10. — Сравн. Scheibe *Die oligarchische Umwälzung zu Athen am Ende des peloponnesischen Krieges*, Лейпцигъ 1841, и упомянутую выше диссертацію Boerner'а. Показаніямъ очевидца Ксеноѳонта должно быть, конечно, отдано предпочтеніе передъ всѣми другими свидѣтельствами, не исключая и показаній Лисія, который, хотя также былъ свидѣтелемъ этихъ событій, но пишетъ какъ адвокатъ и притомъ въ защиту собственнаго дѣла.

дежную опору, они впустили въ Акрополь лакедемонскій гарнизонъ изъ 700 человѣкъ. Теперь можно было приняться за реформы.

Между тѣмъ въ самой правительственной коллегіи существовало разногласіе относительно цѣлей, къ которымъ слѣдовало стремиться. Ѳераменъ желалъ умѣренной олигархіи, подобно той, которая существовала короткое время послѣ сверженія Четырехсотъ, гдѣ руководящее вліяніе на государственныя дѣла принадлежало бы среднему сословію. Съ другой стороны, вернувшіеся изгнанники были убѣждены въ томъ, что такой режимъ не можетъ разсчитывать на долговѣчность въ Аѳинахъ и что при первомъ случаѣ онъ выродится снова въ радикальную демократію; по ихъ мнѣнію, чтобы упрочить господство «лучшихъ» и удержать въ повиновеніи чернь, нужны были гораздо болѣе рѣшительныя мѣры. Во главѣ этой партіи стоялъ Критій, сынъ Каллесхра, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ аѳинскихъ фамилій, человѣкъ богато одаренный отъ природы и одинаково замѣчательный какъ философъ, поэтъ и ораторъ. Не будучи вовсе крайнимъ реакціонеромъ по принципу, какъ и его друзья Ѳераменъ и Алкивіадъ, онъ сталъ непримиримымъ врагомъ демоса съ тѣхъ поръ, какъ послѣ паденія Алкивіада былъ изгнанъ Клеофономъ; теперь онъ рѣшилъ самымъ безпощаднымъ образомъ воспользоваться властью, которою былъ облеченъ [1]).

Въ эпохи политическихъ смутъ крайнее направленіе обыкновенно одерживаетъ верхъ надъ болѣе умѣреннымъ. Такъ случилось и здѣсь; Ѳераменъ былъ мало-по-малу устраненъ, и Критій взялъ въ свои руки управленіе государствомъ. Въ Аѳинахъ воцарился терроръ. Всѣ выдающіеся люди, принадлежавшіе къ демократическому лагерю, были казнены, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ за границу; даже такой умѣренный человѣкъ, какъ Никератъ, сынъ полководца Никія, не избѣгъ смерти, потому что не согласился примкнуть къ господствующей олигархіи. Имущество осужденныхъ и бѣжавшихъ было, разумѣется, конфисковано; нѣкоторые попали въ проскрипціонные списки, по преданію, даже только ради своего богатства. Это гоненіе не ограничилось одними гражданами; казнено было также много богатыхъ метэковъ, и имущество ихъ конфисковано, чтобы наполнить пустыя кассы [2]).

---

[1]) О Критіи см. Blass *Att. Bereds.* I^2 263 слл.; объ его изгнаніи—Xen. *Hell.* II 3, 15. 36, Aristot. *Rhet.* I 1375. Элегія, откуда взятъ fr. 4 (у Plut. *Alc.* 33), написана, очевидно, при возвращеніи Алкивіада, какъ привѣтъ послѣднему; значитъ, Критій былъ изгнанъ уже послѣ этого событія.

[2]) Количество гражданъ, казненныхъ тридцатью тиранами, равнялось, по

Θераменъ тщетно пытался воспрепятствовать всему этому. Такъ-же безуспѣшны были его старанія провести свою программу реформъ; вмѣсто того, чтобы дать полныя права гражданства всѣмъ, кто былъ въ состояніи служить въ гоплитахъ, какъ предлагалъ Θераменъ, — ихъ предоставили только 3000 наиболѣе надежныхъ гражданъ. И когда Θераменъ и послѣ этого продолжалъ свою оппозицію, полагаясь на свою популярность въ средѣ зажиточныхъ классовъ, Критій не задумался обвинить его предъ совѣтомъ въ измѣнѣ олигархическому строю и потребовать смертнаго приговора. Правда, при этомъ обнаружилось, что большинство членовъ совѣта все еще было на сторонѣ Θерамена. Но Критій не остановился и передъ крайнимъ средствомъ. Самовольно, съ явнымъ нарушеніемъ всѣхъ законныхъ формъ, онъ приказалъ своимъ клевретамъ схватить Θерамена и вести на казнь; и ни одна рука не поднялась противъ неслыханнаго пасилія.

Внутри страны теперь, казалось, уже ничто не угрожало существованію олигархіи; въ Аѳинахъ царило гробовое спокойствіе. Тѣмъ серьезнѣе была опасность со стороны многочисленныхъ изгнанниковъ. Важнѣйшимъ между ними въ политическомъ отношеніи былъ Алкивіадъ, который послѣ паденія Аѳинъ болѣе не чувствовалъ себя безопаснымъ въ своихъ замкахъ на Геллеспонтѣ и бѣжалъ къ Фарнабазу. Какъ ни близокъ былъ ему въ прежнее время Критій, теперь онъ въ возвращеніи своего стараго друга видѣлъ — и совершенно справедливо — опасность для существованія олигархіи; поэтому онъ издалъ декретъ объ изгнаніи Алкивіада и чрезъ Лисандра добился того, что Фарнабазъ приказалъ умертвить своего гостя (осень 404 г.) [1]).

Что касается остальныхъ изгнанниковъ, то правительство добилось отъ эфоровъ декрета, въ силу котораго они на всемъ протяженіи спартанскаго государства должны были быть передаваемы въ руки аѳинскаго правительства; для враждебныхъ Спартѣ государствъ, какъ Аргосъ, этотъ указъ послужилъ, разумѣется, только лишнимъ сти-

---

преданію, 1500 (Isocr. *Areop.* 67, *κατὰ Λοχίτου* 11, Aesch. *κατὰ Κτησιφ.* 235, Schol. Aesch. *κατὰ Τιμ.* 39, Aristot. *'Αθην. πολ.* 35, 4), что безъ сомнѣнія сильно преувеличено; эта цифра можетъ быть вѣрна развѣ только какъ обозначеніе всего количества жертвъ революціи.

[1]) Plut. *Alc.* 38 сл., Isocr. 16 *(περὶ τοῦ ζεύγους)* 40, Diod. XIV 11, 1, сравн. Xen. *Hell.* II 3, 42. Напротивъ, по свидѣтельству Эфора (у Діодора l. c.) Критій и Лисандръ не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія, и Фарнабазъ дѣйствовалъ по собственному почину. Третья версія — у Plut. *Alc.*, въ концѣ.

муломъ принять изгнанниковъ съ распростертыми объятіями. Беотія, которую начинало безпокоить грозное могущество Спарты, также давала у себя вѣрное убѣжище бѣжавшимъ демократамъ, а находившіяся подъ беотійскимъ вліяніемъ общины Мегара и Халкида слѣдовали ея примѣру. Ѳивы сдѣлались даже какъ бы главной квартирой аттическихъ эмигрантовъ; ѳиванское правительство втайнѣ оказывало всяческое содѣйствіе ихъ приготовленіямъ къ вооруженному возвращенію на родину [1]).

Раздоръ въ средѣ олигархическихъ правителей долженъ былъ оживить надежды эмигрантовъ. Своимъ поступкомъ по отношенію къ Ѳерамену Критій оттолкнулъ отъ себя умѣренные элементы своей собственной партіи; и чѣмъ болѣе усиливался терроръ въ Аѳинахъ, тѣмъ больше успѣха обѣщала попытка возстановить демократію силою оружія. Итакъ, рѣшено было рискнуть. Во главѣ заговора сталъ Ѳрасибулъ изъ Стеиріи, самый вліятельный изъ бѣжавшихъ демократовъ, который когда-то руководилъ въ Самосѣ движеніемъ противъ олигархіи Четырехсотъ и затѣмъ, вмѣстѣ съ Алкивіадомъ, въ теченіе пяти лѣтъ командовалъ аѳинскимъ флотомъ. Еще поздней осенью 404 года онъ съ 70 спутниками перешелъ границу Аттики и занялъ заброшенную горную крѣпость Филу, на лѣсистыхъ предгорьяхъ Парнаса. Атака, произведенная олигархами на эту укрѣпленную позицію, была отбита безъ большого труда, и теперь къ Ѳрасибулу быстро стали стекаться добровольцы. Вскорѣ онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы въ свою очередь перейти въ наступленіе; неожиданнымъ нападеніемъ онъ обратилъ въ бѣгство спартанскій гарнизонъ Аѳинъ, выступившій противъ него, причемъ спартанцы понесли значительный уронъ. Затѣмъ Ѳрасибулъ со своимъ отрядомъ, возросшимъ уже до 1000 человѣкъ, смѣло подошелъ ночью къ Пирею и укрѣпился на холмѣ Мунихіи, который въ стратегическомъ отношеніи господствовалъ надъ портомъ. Нападеніе, которое со всѣми своими силами произвели тираны на позицію демократовъ, повело только къ новому пораженію; самъ Критій, мужественно сражаясь, палъ въ этой битвѣ.

Теперь правительство Тридцати очистило Пирей, который тотчасъ же былъ занятъ Ѳрасибуломъ. Еще важнѣе были нравственныя послѣдствія побѣды. Господство Тридцати само собою рушилось со

---

[1]) Plut. *Lys.* 27, *Pelop.* 6, Diod. XIV 6, Dinarch. *κατὰ Δημοσθ.* 25 (Беотія), Demosth. *ὑπὲρ τῆς 'Ροδίων πολιτείας* 22 (Аргосъ), Lys. 25 *(ὑπὲρ ἀδυνάτου)* 25 (Халкида), Xen. *Hell.* IV 1, 1 (Мегара).

смертью ихъ вождя. Зданіе совѣта опустѣло, собраніе трехъ тысячъ объявило правительство Тридцати смѣщеннымъ и избрало вмѣсто нихъ новую правительственную коллегію въ 10 человѣкъ изъ числа приверженцевъ Ѳерамена; въ эту коллегію вошелъ, между прочимъ, и Фейдонъ, одинъ изъ Тридцати [1]); другой членъ павшаго правительства, Эратосѳенъ, остался въ городѣ какъ частный человѣкъ. Остальные изъ тридцати покинули Аѳины въ сопровожденіи немногихъ приверженцевъ, которые остались вѣрны имъ въ несчастіи, и отправились въ Элевсинъ, гдѣ они еще раньше предусмотрительно позаботились казнить всѣхъ неблагонадежныхъ гражданъ.

Однако соглашенія съ демократами, занявшими Пирей, и теперь не удалось достигнуть, и они начали подвигаться къ Аѳинамъ. Взять хорошо укрѣпленный городъ они, конечно, не были въ состояніи; но положеніе олигарховъ мало-по-малу стало до того затруднительнымъ, что имъ ничего другого не оставалось, какъ обратиться за помощью къ Спартѣ (лѣто 403) [2]). Олигархи, бѣжавшіе въ Элевсинъ, сдѣлали то же самое; дѣло приняло такой оборотъ, какъ будто предпріятіе Ѳрасибула направлено противъ самой Спарты. Здѣсь не замедлили признать коллегію десяти законнымъ правительствомъ Аѳинъ и оказать имъ просимую помощь. При содѣйствіи Лисандра имъ разрѣшенъ былъ заемъ въ 100 талантовъ изъ государственной казны, наварх Либисъ былъ командированъ съ 40 кораблями для блокады Пирея, а самъ Лисандръ въ то же время собралъ отрядъ пелопоннесскихъ гоплитовъ при Элевсинѣ. Участь возстанія демократовъ, казалось, была рѣшена, потому что уже одно преграждение подвоза съ моря должно было въ самое короткое время принудить Пирей къ сдачѣ.

Однако въ Спартѣ была большая партія, съ опасеніемъ взиравшая на побѣдителя при Эгоспотамосѣ, передъ славой котораго сталъ меркнуть даже авторитетъ царской власти. А тутъ, повидимому, представлялся удобный случай нанести ударъ всемогущему полководцу. Кровавыя насилія, совершаемыя въ Аѳинахъ и на всемъ протяженіи прежняго аѳинскаго государства учрежденными Лисандромъ правительствами, должны были вызвать въ самой Спартѣ не меньшее негодованіе, чѣмъ въ остальной Греціи. Не для того велась двадцатисемилѣтняя война, чтобы тиранію аѳинскаго народа замѣнить

---

1) Lys. *пр. Эратосѳ.* 54 сл.

2) Xen. *Memor.* II 7, Isocr. 16 *(περὶ τοῦ ζεύγους)* 13. Изъ словъ Исократа, l. c. *(τὸν σῖτον τὸν ἐν τῇ χώρᾳ διεφθείρατε)* явствуетъ, что гражданская война затянулась по меньшей мѣрѣ до начала лѣта, пока вмѣшался Лисандръ.

еще более жестокой тиранией [1]). Воспользовавшись этимъ настроеніемъ, царь Павсаній сумѣлъ добиться изданія эфорами декрета, въ силу котораго усмиреніе смуты въ Аѳинахъ поручалось ему самому. Собрана была пелопоннесская союзная армія; во главѣ ея царь перешелъ границу Аттики и принялъ вмѣсто Лисандра руководство военными дѣйствіями противъ пирейскихъ инсургентовъ. Во время одной рекогносцировки произошло сраженіе, въ которомъ, какъ и слѣдовало ожидать, демократы понесли полное пораженіе. Теперь Ѳрасибулъ изъявилъ готовность вступить въ переговоры, а въ городѣ благодаря вліянію Павсанія свергнуто было правительство десяти, отвергавшее всякую мысль о примиреніи съ демократами, и замѣщено новымъ правительствомъ [2]). Обѣ партіи подчинились спартанскому посредничеству.

Затѣмъ изъ Спарты прибыла коммиссія въ 15 членовъ, чтобы совмѣстно съ царемъ Павсаніемъ положить конецъ междоусобицѣ въ Аѳинахъ. Она исполнила свою задачу съ величайшимъ безпристрастіемъ. Все прошлое должно было быть прощено и забыто, никто не могъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за проступокъ, совершенный во время или до революціи. Исключены были изъ амнистіи только члены олигархическихъ правительствъ: тридцати, — десяти, управлявшихъ Пиреемъ во время господства тридцати,— и десяти, смѣнившихъ въ Аѳинахъ правительство тридцати; кромѣ того, члены коллегіи одиннадцати, завѣдывавшей исполненіемъ приговоровъ при правительствѣ тридцати. Но и они всѣ могли остаться въ Аѳинахъ, если согласятся представить на судъ отчетъ о своемъ управленіи. Элевсинъ долженъ былъ образовать наряду съ Аѳинами самостоятельное государство, какъ это уже и было фактически, и каждый аѳинянинъ въ теченіе опредѣленнаго срока имѣлъ право переселиться туда. Послѣ того какъ всѣ партіи клятвенно обязались соблюдать этотъ договоръ, Павсаній распустилъ пелопоннесскую союзную армію, лакедемонскій гарнизонъ покинулъ Акрополь и демократы

---

[1]) Diod. XIV 33, сравн. Lys. 18 (*ὑπὲρ δημεύσεως τῶν τοῦ Νικίου ἀδελφοῦ*) 11.

[2]) Объ учрежденіи этой новой коллегіи десяти см. Aristot. *Ἀθην. πολ.* 38, 3, Androt. fr. 10. У Ксенофонта объ этомъ нѣтъ ни слова; но такъ какъ тѣ «децемвиры», которые были облечены властью по низложеніи тридцати тирановъ, позднѣе были исключены изъ амнистіи (Aristot. *Ἀθην πολ.* 39, 6, Nep. *Thrasyb.* 3), то ясно, что въ моментъ примиренія съ демосомъ они уже не могли состоять въ должности.

вступили въ городъ, 12-го боэдроміона, въ сентябрѣ 403 года. Революція кончилась [1]).

Оставалось еще упорядочить государственный строй [2]). Лакедемонская коммиссія не приняла никакого рѣшенія относительно этого вопроса, но, повидимому, выразила желаніе, чтобы не была возстановлена неограниченная демократія. Того же желали, конечно, и приверженцы свергнутой олигархіи, «граждане города», какъ ихъ называли отнынѣ; даже изъ соратниковъ Өрасибула нѣкоторые были такого же мнѣнія. Одинъ изъ нихъ, Формисій, внесъ предложеніе, чтобы активное право гражданства было предоставлено только землевладѣльцамъ, чѣмъ былъ бы осуществленъ въ главныхъ чертахъ политическій идеалъ Өерамена. Но демосъ - побѣдитель отнюдь не былъ склоненъ уступить то, что онъ купилъ цѣною тяжелой борьбы; и такъ какъ Спарта не вмѣшалась въ рѣшеніе этого вопроса, то всеобщее право голоса было возстановлено [3]). Мало того, Өрасибулъ сдѣлалъ даже попытку предоставить право гражданства всѣмъ чужестранцамъ и союзникамъ, которые боролись за свободу; въ пылу энтузіазма это предложеніе было принято, но затѣмъ, по настоянію Архина, кассировано судомъ, такъ какъ доблестные демократы тѣмъ временемъ успѣли сообразить, что матеріальныя выгоды, предоставляемыя правомъ гражданства, гораздо удобнѣе дѣлить съ возможно меньшимъ числомъ конкуррентовъ [4]). По той же причинѣ былъ возобновленъ отмѣненный во время чумы законъ Перикла, въ силу котораго никто не могъ пользоваться правами гражданства, если онъ не былъ гражданскаго происхожденія со стороны отца и матери; однако дать этому закону обратную силу не рѣшились.

Ограниченіе абсолютной демократіи было теперь возможно еще только во второстепенныхъ пунктахъ. Кое-какія формы были измѣнены, но сущность осталась та-же. Тѣмъ усерднѣе правительство старалось доказать, что и демократическій строй совмѣстимъ съ внутреннимъ порядкомъ, и особенно сдѣлать невозможнымъ всякое наруше-

---

1) Условія примиренія наилучше изложены у Аристотеля (*Ἀθην. πολ.* 39), сравн., кромѣ того, особенно Andoc. *de myst.* 81 сл. Дата возвращенія демоса — у Plut. *πότερον Ἀθηναῖοι... ἐνδοξότεροι* 7 p. 349. Рѣчь Лисія противъ Эратосөена была произнесена при разсмотрѣніи на судѣ отчета одного изъ тридцати тирановъ.

2) Сравн. *Attische Politik* автора, стр. 342 сл.

3) Сравн. рѣчь Лисія *περὶ τοῦ μὴ καταλῦσαι τὴν πάτριον πολιτείαν Ἀθήνησι* и Hypothesis Діонисія къ ней. О Формисіи: Aristot. *Ἀθην. πολ.* 34, 3. и *Attische Politik* автора, стр. 110, 2.

4) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 40, 2.

ніе амнистіи. Предложенный Архиномъ законъ предоставлялъ всѣмъ тѣмъ, кто былъ скомпромитированъ во время событій послѣдняго года, новыя и дѣйствительныя гарантіи противъ судебныхъ преслѣдованій [1]). Отношенія къ элевсинскимъ олигархамъ оставались, разумѣется, въ высшей степени натянутыми. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до войны; аѳинское ополченіе двинулось противъ сосѣдняго города, олигархическіе стратеги были измѣннически захвачены въ плѣнъ и тотчасъ казнены; послѣ этого переселившіеся въ Элевсинъ граждане согласились, при условіи полной амнистіи, снова вступить въ аѳинскій государственный союзъ. Спарта не возражала, и такимъ образомъ Аттика снова была объединена (401/0) [2]).

Но Лисандръ не намѣренъ былъ покорно снести пораженіе, которое онъ потерпѣлъ въ дѣлѣ умиротворенія Аѳинъ,—тѣмъ болѣе, что обѣ борющіяся партіи въ Спартѣ были приблизительно одинаково сильны и царь Агисъ также не одобрялъ образа дѣйствій Павсанія [3]). Передъ совѣтомъ старѣйшинъ возбужденъ былъ процессъ по обвиненію Павсанія въ государственной измѣнѣ; однако обвинителямъ не удалось доказать его вину, и Павсаній былъ оправданъ, хотя лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ [4]). Результатомъ этой неудачи было паденіе основанной Лисандромъ правительственной системы. Военная колонія въ Сестѣ была уничтожена и городъ возвращенъ его прежнимъ обитателямъ; декархіи въ союзныхъ городахъ были упразднены и снова введены «старинные порядки». Самъ Лисандръ былъ отозванъ изъ Геллеспонта, куда онъ отправился во главѣ флота, чтобы положить конецъ царившимъ тамъ безпорядкамъ. Однако привлечь къ суду человѣка, который оказалъ своей родинѣ такія громадныя услуги, не рѣшились; зато его другъ и сподвижникъ Ѳораксъ, занимавшій важный постъ начальника спартанскаго гарнизона на Самосѣ, былъ отрѣшенъ отъ должности и по обвиненію въ томъ, что онъ вопреки старому закону Ликурга держитъ у себя драгоцѣнные металлы, приговоренъ къ смерти [5]).

---

[1]) Isocr. *пр. Каллим.* 2. Aristot. l. c.

[2]) Xen. *Hell.* II 4, 43. Aristot. l. c. 40, 4.

[3]) Xen. *Hell.* II 4, 29. Paus. III 5, 2.

[4]) Paus. l. c. Обстоятельства дѣла были совершенно сходны съ тѣми, какія имѣли мѣсто въ процессѣ, возбужденномъ противъ отца Павсанія, Плейстоанакса, послѣ заключенія тридцатилѣтняго мира; этотъ договоръ также былъ принятъ спартанскимъ народнымъ собраніемъ, и тѣмъ не менѣе его иниціаторовъ позднѣе привлекли къ отвѣтственности.

[5]) Plut. *Lys.* 14. 19. 21. Ѳораксъ, гармостъ Самоса: Diod. XIV 3. Объ уничтоженіи декархій см. также Xen. *Hell.* III 4, 2. 7, сравн. Plut. *Ages.* 6,

При такихъ обстоятельствахъ Лисандръ не могъ долѣе оставаться въ Спартѣ. Обѣтъ, данный имъ Аммону, послужилъ для него предлогомъ къ поѣздкѣ въ Ливію. Побѣдитель при Эгоспотамосѣ отправился въ добровольное изгнаніе; настанетъ время, когда Спартѣ снова понадобятся услуги способнѣйшаго изъ ея сыновей [1]).

Но если паденіе Лисандра имѣло послѣдствіемъ полный переворотъ во внутренней политикѣ Спарты, то внѣшняя политика продолжала вестись въ его духѣ. Здѣсь задачи Спарты были такъ ясно предначертаны, что невозможно было уклониться съ правильнаго пути. Важнѣе всего было для нея теперь — стать господиномъ въ собственномъ домѣ, въ Пелопоннесѣ. И это, казалось, было не трудно, потому что внѣ пелопоннесскаго союза оставались здѣсь только два государства, правда, важнѣйшія—Аргосъ и Элида.

Спартанцы начали съ болѣе легкой задачи, съ подчиненія Элиды. Въ поводахъ къ войнѣ не было недостатка; Элида, какъ мы знаемъ, послѣ Никіева мира выступила изъ пелопоннесской симмахіи, заключила союзъ съ Аргосомъ и Аѳинами и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ воевала противъ Спарты; даже по заключеніи мира со Спартой, она отказалась принять участіе въ союзной войнѣ пелопоннесскихъ государствъ противъ Аѳинъ. Но болѣе всего Спарта была оскорблена тѣмъ, что элейцы въ 420 г. устранили лакедемонянъ отъ участія въ олимпійскомъ празднествѣ и что позднѣе, во время декелейской войны, они не позволили царю Агису принести жертву въ Олимпіи, на томъ основаніи, что просить у бога помощи въ войнѣ противъ эллиновъ—противно священнымъ обычаямъ. Итакъ, Спарта потребовала теперь отъ элейцевъ освобожденія подвластныхъ имъ городовъ; и когда элейцы, полагаясь на свое несомнѣнное право и на святость своей страны, отказались исполнить это требованіе, царь Агисъ выступилъ въ походъ противъ нихъ. Но едва онъ пере-

Nep. *Lys.* 3, 1. Для установленія хронологіи показанія Плутарха не имѣютъ никакой цѣны, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ основанный на нихъ разсказъ Judeich'а въ *Kleinas. Studien*. До вмѣшательства Павсанія въ аѳинскія дѣла руководящимъ вліяніемъ въ Спартѣ пользовался еще Лисандръ; слѣдовательно, декархіи могли быть упразднены лишь послѣ этого времени. Это и вообще кажется мнѣ очевиднымъ. Такимъ образомъ, экспедиція Лисандра въ Геллеспонтъ, изъ которой онъ былъ отозванъ эфорами по жалобѣ Фарнабаза, должна быть отнесена къ осени 403 или лѣту 402 года. Вѣроятно во время этой поѣздки Лисандръ водворилъ порядокъ и на ѳракійскомъ побережьѣ (Plut. *Lys.* 20, Paus. III 18, 3, Nep. *Lys.* 2); по крайней мѣрѣ, другого момента, къ которому можно было бы пріурочить это событіе, я не знаю.

[1]) Plut. *Lys.* 20 сл.

шагнулъ границу Элиды, какъ произошло землетрясеніе, и въ виду такого явнаго проявленія гнѣва божества, царь предпочелъ очистить страну и распустить свое войско (весною 401 г.). Разумѣется, элейцы теперь меньше чѣмъ когда-нибудь думали о подчиненіи, и Агисъ все-таки долженъ былъ рѣшиться повторить нападеніе лѣтомъ. Между тѣмъ Элида напрасно старалась возбудить въ Греціи возстаніе противъ Спарты; одни только этоляне прислали небольшой отрядъ, вообще же Элида осталась совершенно изолированной. За-то произошло отпаденіе всѣхъ періэкскихъ городовъ; Агисъ, не встрѣчая сопротивленія, прошелъ въ Олимпію и дальше въ собственную область Элиды, богатую равнину Пенея, куда уже много вѣковъ не ступала нога непріятеля. Здѣсь ему досталась несмѣтная добыча; ему стоило только пожелать, и неукрѣпленный главный городъ страны былъ бы взятъ штурмомъ. Но онъ не хотѣлъ доводить дѣло до крайности, и когда возстаніе олигарховъ въ городѣ потерпѣло неудачу, онъ приказалъ отступать. Для защиты отложившихся періэкскихъ городовъ въ Эпиталіѣ, при устьѣ Алфея, оставлена была часть войска, которой въ то же время поручено было причинять непріятелю какъ можно больше ущерба опустошительными набѣгами. Эта мѣра дѣйствительно привела къ желанному результату; ближайшей весною (400) Элида запросила мира. Она принуждена была снова вступить въ пелопоннесскій союзъ, выдать свои военные корабли и признать свободу періэкскихъ городовъ. Такимъ образомъ, Элида лишилась доброй половины своихъ владѣній, областей Трифиліи, Писатиды и Акрореи, и была низведена на степень мелкаго государства, которое не могло уже думать о самостоятельной политикѣ. Впрочемъ, она сохранила свое древнее право руководства олимпійскими играми; самая Олимпія находилась теперь уже не въ ея владѣніяхъ, но мелкія общины Писатиды не сумѣли бы достойнымъ образомъ справиться съ этой почетной обязанностью. Кромѣ того, отъ элейцевъ не потребовали измѣненія существовавшаго у нихъ демократическаго строя [1]).

---

[1]) Xen. *Hell.* 2, 21—31, Diod. XIV 17. 34, Paus. III 8, 3–5. Агисъ, вступившій на престолъ въ 427 г. и умершій тотчасъ по окончаніи элейской войны, царствовалъ 27 лѣтъ (Diod. XII 35, 4), т.-е. съ 427 по 400 г. Элейская война продолжалась только одинъ годъ, отъ весны до весны (Xen. *Hell.* III 2, 25 и 30), съ 401 по 400; Діодоръ совершенно правильно относитъ войну къ 402/1 и 401/0 годамъ. Видѣть синхронизмъ въ Xen. *Hell.* III 2, 21 ошибочно; Ксенофонтъ излагаетъ азіатскія событія до вмѣшательства Агесилая, и затѣмъ, возвращаясь, описываетъ событія, происшедшія въ Греціи до этой же минуты,—вотъ и все. О неприкосновенности элейской области—Ephor.

Теперь Спарта могла сосредоточить свое вниманіе на сѣверно-греческихъ дѣлахъ. Мессеняне, старые, непримиримые враги Спарты, поселенные аѳинянами въ Навпактѣ и на о. Кефалленіи, были изгнаны изъ своихъ городовъ; они нашли убѣжище въ Киренѣ и отчасти въ Сициліи [1]). Но прежде всего нужно было водворить порядокъ въ Ѳессаліи. Здѣсь спартанцы уже болѣе четверти вѣка назадъ создали себѣ твердую точку опоры основаніемъ колоніи Гераклеи на Этѣ и захватили въ свои руки Ѳермопильское ущелье; затѣмъ зимою 413/2 г. царь Агисъ предпринялъ походъ изъ Декелеи въ подвластную ѳессалійцамъ ѳѳіотійскую Ахею и принудилъ ея города уплатить контрибуцію и дать заложниковъ [2]). Но затѣмъ война съ Аѳинами помѣшала Спартѣ довести до конца покореніе Ѳессаліи.

Ѳессалія какъ разъ въ это время начала пробуждаться изъ своей долгой летаргіи. Дворянство съ увлеченіемъ принялось изучать новыя софистическія системы, самъ Горгій осѣдло поселился въ Ларисѣ и нашелъ здѣсь многочисленныхъ учениковъ. Другіе корифеи софистическаго движенія, какъ напримѣръ Ѳрасимахъ, также поддерживали тѣсныя отношенія съ Ѳессаліей, и когда Сократъ былъ обвиненъ въ Аѳинахъ, ему предложили убѣжище въ Ѳессаліи [3]). Все это не могло не повліять благотворнымъ образомъ на политическое и соціальное положеніе страны. Какъ и слѣдовало ожидать, движеніе въ пользу реформъ началось въ Ферахъ, которыя чрезъ посредство своего портоваго города Пагасъ связывали ѳессалійскую равнину съ остальнымъ греческимъ міромъ; вслѣдствіе этого здѣсь должно было образоваться сильное среднее сословіе, и идеи новаго времени должны были распространиться легче, чѣмъ гдѣ-либо. Въ концѣ Пелопоннесской войны Прометей и Ликофронъ свергли въ Фе-

---

fr. 15, Diod. VIII 1, XIV 17, 2 (вѣроятно также по Эфору), Polyb. IV 73, Phleg. *F. H. G.* III 604, и Busolt *Lakedaemonier* I 189 сл. Правда, формальныхъ договоровъ, которые обезпечивали-бы элеянамъ право убѣжища, не существовало; но свидѣтельство Эфора доказываетъ, что общественное мнѣніе въ IV вѣкѣ признавало за ними это право.

[1]) Diod. XIV 34 (подъ 401/0 годомъ), сравн. XIV 78; Paus. IV 26. 2. Я не вижу причины сомнѣваться въ правильности датировки, которую даетъ Діодоръ. Мессеняне изъ Пилоса были поселены аѳинянами въ Краніяхъ на Кефалленіи послѣ Никіева мира (Thuc. V 35); у Diod. XIV 78 вмѣсто Кефалленіи по ошибкѣ названъ Закинѳъ.

[2]) Thuc. VIII 3, 1; относительно Гераклеи см. выше, т. I стр. 428.

[3]) Plat. въ началѣ *Менона,* Isocr. Ἀντιδ. 155. Ѳрасимахъ написалъ рѣчь въ защиту жителей Ларисы, см. ниже стр. 104 прим. Относительно Сократа см. Платона *Критонъ* р. 45 с.

рахъ владычество знати и затѣмъ обратились съ воззваніемъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ сосѣднихъ общинъ, приглашая ихъ къ освобожденію и борьбѣ противъ ихъ господъ, которые такъ долго властвовали въ странѣ и грабили ее [1]). Для демократіи Феры однако еще не созрѣли; кромѣ того борьба съ дворянствомъ требовала сосредоточенія власти, и вотъ Ликофронъ объявилъ себя диктаторомъ. Осенью 404 г. онъ въ кровопролитномъ сраженіи побѣдилъ армію Алевада Медія, который господствовалъ въ Ларисѣ, и его союзниковъ, ѳессалійскихъ аристократовъ [2]). Послѣ этого въ самой Ларисѣ вспыхнуло междоусобіе: Аристиппъ, членъ господствующей знатной фамиліи Алевадовъ, возсталъ противъ Медія [3]) и нашелъ поддержку въ Фарсалѣ, самомъ значительномъ послѣ Ларисы городѣ внутри Ѳессаліи. Медій оказался въ очень затруднительномъ положеніи, и ему ничего другого не оставалось, какъ броситься въ объятія своего могущественнаго сѣвернаго сосѣда.

Въ Македоніи въ 413 г. умеръ царь Пердикка, оставивъ несовершеннолѣтняго сына; опекуномъ послѣдняго сдѣлался его старшій сводный братъ Архелай, сынъ Пердикки отъ незаконной связи. Законный наслѣдникъ престола вскорѣ затѣмъ умеръ,— говорили, что его устранилъ съ пути Архелай, — а послѣдній самъ въ качествѣ царя вступилъ на македонскій тронъ. Братъ Пердикки Алкетъ и его сынъ Александръ, которыхъ узурпаторъ могъ опасаться какъ претендентовъ, также были убиты [4]); отложившаяся Пидна, важнѣйшій

---

[1]) Xen. *Hell.* II 3, 36, *Memor.* I 2, 24. Характерно, что одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ «софистовъ» этого времени, аѳинскій эмигрантъ Критій, принималъ дѣятельное участіе въ этомъ движеніи. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ совершенно послѣдовательно; неподвижная ѳессалійская олигархія такъ же мало согласовалась съ его политическими идеалами, какъ и неограниченное народовластіе Аѳинъ. Правда, тѣ, кто все еще считаетъ Критія «аристократомъ» (въ политическомъ смыслѣ), никогда не поймутъ этого.

[2]) [Xen.] *Hell.* II 3, 4. Дата удостовѣряется солнечнымъ затменіемъ 2 сент. 404 г. По всей вѣроятности, указаніе Аристотеля въ *Αἱ περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι* IX 21 (откуда Plin. *Nat. Hist.* X 33) относится именно къ этой битвѣ.

[3]) Xen. *Anab.* I 1, 10. Относительно Аристиппа сравн. Plat. *Менонъ* p. 70 b. Фарсаліецъ Менонъ привелъ въ 401 г. наемниковъ Аристиппа въ Азію, затѣмъ въ 395 г. спартанскій гарнизонъ защищаетъ Фарсалъ противъ Медія; все это заставляетъ думать, что городъ съ самаго начала стоялъ на сторонѣ Аристиппа.

[4]) Plat. *Gorg.* 471. Koehler *Makedonien unter König Archelaos*, *Sitzungsber. d. Berl. Akad.* 1893, стр. 489 слл. Относительно хронологіи—Gutschmid *Kl. Schr.* IV 38.

портовой городъ государства, была покорена съ помощью аѳинянъ (410) [1]). Архелай и позднѣе поддерживалъ дружественныя отношенія съ Аѳинами, не принимая, однако, никакого участія въ войнѣ съ пелопоннесцами [2]). Архелай обратилъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на развитіе внутреннихъ силъ своего государства; въ этомъ отношеніи онъ, по мнѣнію Ѳукидида, сдѣлалъ больше, чѣмъ всѣ его предшественники вмѣстѣ взятые. Онъ построилъ шоссейныя дороги, основалъ цѣлый рядъ крѣпостей, преобразовалъ армію, создавъ регулярную тяжеловооруженную пѣхоту [3]). Духовные интересы также составляли предметъ его усердныхъ заботъ. Уже Пердикка привлекалъ къ своему двору поэтовъ и ученыхъ, какъ напримѣръ знаменитаго сочинителя диѳирамбовъ Меланиппида и великаго врача Гиппократа Косскаго [4]). Архелай пошелъ дальше по этому пути; въ его царствованіе Македонія сдѣлалась однимъ изъ центровъ умственной жизни націи. Въ священной области Діона въ Піеріи, у подошвы Олимпа, въ любимомъ мѣстопребываніи музъ и мѣстѣ погребенія Орфея, были организованы гимнастическія и музыкальныя состязанія по образцу великихъ эллинскихъ національныхъ праздниствъ [5]). Реформаторъ музыки, Тимоѳей милетскій, эпическій поэтъ Херилъ самосскій, трагикъ Агаѳонъ аѳинскій согласились переселиться въ Пеллу на продолжительный срокъ [6]). Даже престарѣлый царь поэтовъ Эврипидъ провелъ послѣдніе годы своей жизни при дворѣ Архелая; здѣсь онъ въ честь своего царственнаго хозяина написалъ «Архелая»; «Вакханки» также написаны для театра Пеллы или Діона. Точно такъ же поощрялись и образовательныя искусства; фрески, которыми Зевксисъ украсилъ царскій дворецъ, составляли одну изъ наиболѣе прославленныхъ достопримѣчательностей македонской столицы [7]).

Такъ Македонія начала вступать въ кругъ греческихъ культурныхъ государствъ; этого было достаточно, чтобы и въ политическомъ

---

1) Diod. XIII 49, сравн. выше, стр. 59 прим. 1.

2) Herodes *περὶ πολιτείας* 4.

3) Thuc. II 100, 2. Взглядъ Köhler'а (l. c. стр. 494 сл.) на преобразованія, произведенныя Архелаемъ въ организаціи войска, я считаю неисторическимъ.

4) Suid. *Μελανιππίδης* (по Plut. *κατὰ 'Επίκ.* 1095 d.) онъ жилъ при дворѣ Архелая) и *'Ιπποκράτης*.

5) Diod. XVII 16, Steph. Byz. *Δίον*, Dio Chrysost. *Orat.* II, Arr. *Anab.* I, 11, 1.

6) Plutarch. *Apophth. Archel.* p. 177, Ael. *Var. Hist.* XIII 4, Schol. Aristoph. *Лягушки* 83, Suid. *Χοίριλος*, Истръ у Athen. VIII 345 d.

7) Ael. *Var. Hist.* XIV 17.

отношеніи страна могла занять то положеніе, на которое она имѣла право въ виду своей обширности, своего сильнаго и воинственнаго народонаселенія, своихъ громадныхъ естественныхъ богатствъ. Если царь Пердикка направлялъ еще всѣ свои усилія на то, чтобы сохранить своему государству независимость и освободиться отъ гнета аѳинской державы, сжимавшей его какъ тисками со стороны моря, то Архелай подъ конецъ своего царствованія могъ уже думать о проявленіи своего вліянія во-внѣ. Поводомъ къ этому послужила смута въ Ѳессаліи; македонское войско двинулось въ Ѳессалію, завладѣло нѣкоторыми укрѣпленными пунктами страны, и даже Лариса должна была признать верховную власть царя. Этимъ македонской политикѣ указанъ былъ путь, который спустя полвѣка долженъ былъ привести Македонію къ главенству надъ Элладой [1]).

Пока, конечно, время еще не назрѣло для этого. Противники Медія обратились за помощью къ Спартѣ, и она не замедлила вмѣшаться въ ѳессалійскія дѣла, тѣмъ болѣе, что ей надо было расплатиться съ Архелаемъ еще за его двусмысленное поведеніе во

---

[1]) Сравн. сохранившуюся подъ именемъ Ирода (И. Аттика, какъ его обыкновенно называютъ безъ всякаго основанія) рѣчь περὶ πολιτείας (Naas. *De Herodis Attici oratione περὶ πολιτείας*, Лейпцигъ 1880). Авторъ обнаруживаетъ очень близкое знакомство съ состояніемъ Ѳессаліи въ эту эпоху; во всей рѣчи нѣтъ ни строки, которой не могъ бы написать ѳессаліецъ или поселившійся въ Ѳессаліи софистъ около 400 года. Мысли, выраженныя въ этой рѣчи, ея языкъ и стиль также кажутся мнѣ вполнѣ соотвѣтствующими эпохѣ около 400 г. Риторъ II вѣка императорскаго періода, который съумѣлъ бы написать такую рѣчь, долженъ былъ бы обладать необыкновеннымъ талантомъ; и я думаю, что если бы эта рѣчь дошла до насъ подъ именемъ хотя бы Ѳрасимаха, то никому не пришло бы на мысль сомнѣваться въ ея подлинности. Разумѣется, я хорошо знаю, какъ опасно произносить сужденіе о времени появленія подобной рѣчи; но я очень склоненъ признать Ирода или вообще того, кто былъ авторомъ рѣчи περὶ πολιτείας, софистомъ или получившимъ софистическое образованіе ѳессалійцемъ (сравн. Plat. *Men.*) конца V и начала IV вѣка. Во всякомъ случаѣ, онъ пользовался отличными источниками.—Что Архелай занялъ часть Ѳессаліи, объ этомъ говорится въ 2 и 5 (къ концу) частяхъ рѣчи; въ послѣднемъ мѣстѣ очевидно надо читать: *ἔνθ' οὐδεὶς εὕρηκέ πω Λακεδαιμόνιον ἄρχοντα* (т.-е. въ Пелопоннесѣ), *ὥσπερ ἐνθάδε Μακεδόνα*, вмѣсто рукописнаго *ὥσπερ οὐδ' ἐνθάδε*. Сравн. слова Ѳрасимаха въ его рѣчи въ защиту гражданъ Ларисы: *Ἀρχελάῳ δουλεύσομεν, Ἕλληνες ὄντες βαρβάρῳ*, а также показаніе Aristot. *Polit.* VIII (V) 1311 b, что гражданинъ Ларисы Гелланократъ принялъ участіе въ заговорѣ, направленномъ къ умерщвленію Архелая, потому что царь не вернулъ его въ его родной городъ; чтобы имѣть возможность сдѣлать это, Архелай долженъ былъ властвовать въ Ларисѣ.

время декелейской войны [1]). Ликофронъ изъ Феръ тотчасъ примкнулъ къ Спартѣ, точно такъ же и важный городъ Фарсалъ [2]); въ Гераклеѣ у Θермопилъ, гдѣ вспыхнулъ мятежъ, порядокъ былъ возстановленъ, и большая часть разбойническаго населенія Эты, грабившаго территорію колоніи, изгнана изъ страны (399) [3]). Однако до войны съ Македоніей дѣло не дошло, потому что Архелай какъ разъ въ это время погибъ на охотѣ; говорили, что онъ палъ отъ руки своего любимца Кратэва, которому онъ отказалъ въ рукѣ своей дочери. На македонскій тронъ вступилъ теперь молодой сынъ Архелая, Орестъ, подъ регентствомъ Аэропа [4]). Новый регентъ имѣлъ достаточно хлопотъ съ упроченіемъ собственнаго положенія и потому отозвалъ свои войска изъ Θессаліи. Спартанцы, съ своей стороны, удовольствовались занятіемъ Фарсала и не дѣлали серьезной попытки отнять у Медія господство надъ Ларисой [5]); вниманіе Спарты въ ближайшіе годы было поглощено болѣе настоятельными заботами.

Царь Агисъ умеръ, достигнувъ глубокой старости, вскорѣ по окончаніи элейской войны (400). Послѣ его смерти возникъ споръ о престолонаслѣдіи, потому что единственнаго сына Агиса, Леотихида, общественное мнѣніе считало незаконорожденнымъ, хотя царь передъ смертью прямо призналъ его своимъ наслѣдникомъ. Претендентомъ на престолъ выступилъ сводный братъ Агиса, Агесилай; вернувшійся въ это время изъ Ливіи Лисандръ принялъ его сторону, и благодаря этой поддержкѣ Агесилай былъ провозглашенъ царемъ [6]).

Этимъ Лисандръ отчасти вернулъ себѣ свое утраченное положеніе въ государствѣ. По преданію, онъ замышлялъ коренное преобразованіе государственнаго строя; и въ самомъ дѣлѣ, для государственнаго дѣятеля столь проницательнаго, какъ Лисандръ, не могло подлежать сомнѣнію, что политическое устройство Спарты на-

---

[1]) Thrasym. l. c., Herod. περὶ πολιτείας 4.

[2]) Diod. XIV 82, 6. О дружественныхъ отношеніяхъ Ликофрона къ Спартѣ см. Xen. *Hell.* VI 4, 24, сравн. Diod. XIV 82, 5.

[3]) Diod. XIV 38, 4—5 (подъ 399/8 годомъ); Polyaen. II 21. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти мѣропріятія въ Гераклеѣ стояли въ связи съ вмѣшательствомъ спартанцевъ въ θессалійскія дѣла.

[4]) Diod. XIV 37, 6, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1311 b, [Plat.] *Alc.* II 141 d.

[5]) Это слѣдуетъ изъ Diod. XIV 82, 5—6. Впрочемъ, область перребовъ съ этихъ поръ, повидимому, остается независимой отъ Ларисы, сравн. Diod. XV 57, 2.

[6]) Xen. *Hell.* III 3. 1—4, Plut. *Lys.* 22, *Ages.* 3, сравн. *Alc.* 23, Paus. III 8, 7 сл.

стойчиво нуждается въ реформѣ. Дѣло въ томъ, что гражданское населеніе Спарты само по себѣ составляло лишь ничтожное меньшинство среди общаго населенія Лаконіи; кромѣ того, изъ самихъ гражданъ приблизительно половина настолько обѣднѣла, что не была въ состояніи вносить свою долю на общественные обѣды и поэтому была исключена изъ числа полноправныхъ гражданъ [1]). Это униженіе было тѣмъ обиднѣе [2]), что именно непривилегированнымъ сословіямъ государство было обязано своимъ настоящимъ могуществомъ, потому что, съ тѣхъ поръ какъ Спарта сдѣлалась морскою державою и пріобрѣла заморскія колоніи, она принуждена была привлекать на военную службу все больше и больше илотовъ. Иностранные гарнизоны и экипажи флота состояли бо̀льшею частью изъ такихъ вольноотпущенныхъ крѣпостныхъ, «неодамодовъ», какъ ихъ называли; полноправныхъ гражданъ едва хватало на пополненіе корпуса офицеровъ. Какою опасностью грозило Спартѣ такое положеніе дѣлъ, въ этомъ убѣдилась вся Эллада послѣ битвы при Левктрахъ. Конституція также далеко не соотвѣтствовала тѣмъ требованіямъ, какія предъявляла къ государству его гегемонія въ Греціи. Наслѣдственное, ограниченное эфоратомъ двоевластіе представляло всѣ невыгоды монархіи, не возмѣщая ихъ единствомъ правленія и постоянствомъ политики. Неспособный царь былъ и въ Спартѣ того времени еще достаточно силенъ, чтобы не допускать полезныхъ мѣропріятій или искажать ихъ въ примѣненіи; а если на тронъ всходилъ способный человѣкъ, онъ оказывался связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Великую услугу оказалъ бы Спартѣ тотъ, кто измѣнилъ бы эти условія и уничтожилъ бы отжившіе порядки. Но эта задача была не по силамъ даже такому человѣку, какъ Лисандръ; и если онъ дѣйствительно носился съ такими планами, то онъ не сдѣлалъ ни одного шага для ихъ осуществленія. Должно было пройти еще почти два вѣка, неурядица должна была сдѣлаться невыносимою, прежде чѣмъ удалось преобразовать спартанскую конституцію. Но тогда реформа не спасла уже ни Спарты, ни Эллады [3]).

---

[1]) Объ этихъ обстоятельствахъ см. *Bevölkerung* автора, стр. 136 сдл.

[2]) Xen. *Hell.* III 3, 5 *καὶ εἵλωσι καὶ νεοδαμώδεσι καὶ τοῖς ὑπομείοσι καὶ τοῖς περιοίκοις. ὅπου γὰρ ἐν τούτοις τις λόγος γένοιτο περὶ Σπαρτιατῶν, οὐδένα δύνασθαι κρύπτειν τὸ μὴ οὐχ ἡδέως ἂν καὶ ὠμῶν ἐσθίειν αὐτῶν.*

[3]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1301 b 19 (сравн. 1306 b 33), который предпосылаетъ этому извѣстію *φασί τινες*, затѣмъ подробно Эфоръ, fr. 127 у Plut. *Lys.* 25 и 30, Diod. XIV 13, Nep. *Lys.* 3; сравн. Plut. *Lys.* 24. 26. Такъ какъ Лисандръ не выступалъ открыто со своими планами, то на этотъ счетъ

Но если Лисандръ не рѣшился произвести реформу, за-то въ низшихъ слояхъ общества не было недостатка въ людяхъ, которые готовы были произвести переворотъ насильственнымъ путемъ. Во главѣ ихъ сталъ Кинадонъ, молодой спартіатъ изъ бѣднаго класса, который, сознавая свои военныя способности, съ раздраженіемъ переносилъ свое подчиненное положеніе. Но заговоръ былъ открытъ эфорамъ, и Кинадонъ со многими изъ его главныхъ приверженцевъ были казнены (399). Строго-военная организація спартанскаго государства и въ этотъ разъ справилась съ грозившею ей опасностью [1]).

Между тѣмъ, еще во время элейской войны отношенія Спарты къ Персіи приняли такой оборотъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ другіе интересы отошли на задній планъ. Договоръ, заключенный зимою 412/1 года между пелопоннесцами съ одной стороны, Тиссаферномъ и Фарнабазомъ съ другой, заключалъ въ себѣ, по вопросу о разграниченіи владѣній обѣихъ сторонъ, лишь совершенно общія опредѣленія, которыя допускали самыя произвольныя толкованія и давали поводъ къ безконечнымъ спорамъ (выше стр. 50 сл.). Когда лѣтомъ 407 года сардская сатрапія перешла къ Киру, заключенъ былъ, повидимому, новый договоръ, которымъ категорически признавалось персидское господство надъ городами іоническаго материка; впрочемъ, фактически города и теперь оставались во власти лакедемонскихъ навархов.

Спустя два года, лѣтомъ 405 г., Киръ за самовластный образъ дѣйствій былъ отозванъ къ царскому двору; передъ отъѣздомъ онъ санкціонировалъ установившееся положеніе вещей и поручилъ Лисандру управленіе іонійскими городами [2]). Въ слѣдующемъ году умеръ царь Дарій, оставивъ тронъ своему старшему сыну Артаксерксу. Тщетно пыталась царица Парисатида доставить престолъ своему любимцу Киру; Артаксерксъ даже намѣревался казнить брата, какъ это было въ обыкновеніи у персовъ при спорахъ о

ничего не было достовѣрно извѣстно. Ксенофонтъ молчитъ; но можетъ быть онъ имѣлъ къ тому свои основанія (сравн. Plut. *Lys.* 30).

[1]) Xen. *Hell.* III 3, 4–11, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1306 b. 34, Polyaen. II 14, 1.

[2]) Plut. *Lys.* 9 *τέλος δὲ εἰς Μηδίαν ἀναβαίνων πρὸς τὸν πατέρα τούς τε φόρους ἀπέδειξε τῶν πόλεων λαμβάνειν ἐκεῖνον (Λύσανδρον) καὶ τὴν αὑτοῦ διεπίστευσεν ἀρχήν*, что́ можетъ относиться, конечно, только къ греческимъ прибрежнымъ городамъ и въ то же время заставляетъ предполагать, что Спарта признала власть Кира надъ этими городами.—О мотивахъ отозванія Кира—[Xen.] *Hell.* II 1, 8. Въ *Анабасисѣ* Ксенофонтъ съ умысломъ умалчиваетъ объ этомъ.

престолонаслѣдіи. Но мольбы матери спасли Кира отъ смерти; мало того, Артаксерксъ даже согласился снова вернуть брату его малоазіатскую сатрапію. Ему скоро пришлось раскаяться въ своей уступчивости [1]).

Ибо чувство благодарности было такъ же чуждо Киру, какъ и чувство вѣрности по отношенію къ главѣ своего дома. Тотчасъ по возвращеніи въ свою сатрапію, онъ началъ готовиться къ походу противъ брата; при этомъ онъ могъ разсчитывать на поддержку Спарты, которой онъ оказалъ такія важныя услуги въ ея войнѣ съ Аѳинами. Дѣйствительно, спартанцы немедленно отозвали свои гарнизоны изъ городовъ іонійскаго побережья и передали эти пункты Киру, хотя царь распорядился причислить Іонію къ сатрапіи Тиссаферна; предлогомъ къ этой мѣрѣ послужило желаніе населенія подчиняться лучше Киру, чѣмъ Тиссаферну. Только Милетъ былъ съ помощью демократической партіи взятъ Тиссаферномъ, который затѣмъ изгналъ изъ города вожаковъ олигархической партіи. Изгнанники бѣжали къ Киру; онъ отправилъ войско и эскадру противъ Милета, приказавъ обложить городъ съ суши и съ моря (402) [2]). Война съ Тиссаферномъ давала Киру желанный предлогъ вербовать многочисленныхъ наемниковъ по всей Греціи. При дворахъ малоазіатскихъ сатраповъ давно были убѣждены въ безусловномъ превосходствѣ греческихъ гоплитовъ надъ азіатской пѣхотой; поэтому Киръ рѣшилъ собрать возможно болѣе многочисленное греческое наемное войско, чтобы при его помощи свергнуть своего брата Артаксеркса. Людей, готовыхъ вступить къ нему въ службу, было теперь, когда въ Греціи царилъ миръ, болѣе чѣмъ достаточно; а Киръ былъ настолько богатъ, что могъ платить щедро. Такимъ образомъ, собрано было наемное войско, равнаго которому по численности міръ еще не видѣлъ. Весною 401 года Киръ имѣлъ возможность выступить въ походъ противъ Артаксеркса во главѣ 9—10,000 гоплитовъ и свыше 2,000 пельтастовъ [3]).

---

1) Xen. *Anab.* I 1, 3. Ctes. 57, Plut. *Artox.* 2. 3, Diod. XIII 108, Justin. V 11, 2.

2) Xen. *Anab.* I 1, 6—7, Polyaen. VII 18, 2.

3) Согласно показаніямъ Ксенофонта относительно величины отдѣльныхъ частей арміи, послѣдняя при выходѣ изъ Келэнъ заключала въ себѣ 10.600 гоплитовъ и 2300 пельтастовъ и стрѣлковъ изъ лука (*Anab.* I 2, 3. 6. 9) или, круглымъ счетомъ, 11.000 гоплитовъ и 2000 пельстастовъ (*Anab.* I 2, 9). Въ Киликіи къ ней присоединилось еще 1100 гоплитовъ (I 4, 3); несмотря на это Ксенофонтъ опредѣляетъ численность арміи при Кунаксѣ всего только

Если до сихъ поръ Спарта тайно оказывала Киру всяческое содѣйствіе и, главное, не препятствовала вербовкѣ наемниковъ, то теперь она открыто стала на сторону претендента. Наварху Самію [1]) было приказано отдаться со своей эскадрой изъ 35 тріеръ въ распоряженіе Кира; отрядъ въ 700 гоплитовъ подъ начальствомъ Хейрисофа былъ посланъ въ Киликію и здѣсь соединился съ Киромъ, который между тѣмъ, не встрѣчая сопротивленія, прошелъ черезъ тѣснины Тавра. Въ дальнѣйшемъ движеніи черезъ Сирію и Месопотамію армія также не встрѣтила сопротивленія со стороны непріятеля; единственнымъ осложненіемъ оказался отказъ наемниковъ перейти черезъ Эвфратъ, когда они тамъ наконецъ узнали, что походъ направленъ противъ царя. Но и это препятствіе, грозившее разстроить все предпріятіе, было благополучно устранено благодаря усердію офицеровъ и обѣщанному Киромъ увеличенію жалованья; такимъ образомъ, спускаясь внизъ по Эвфрату, армія осенью пришла въ Вавилонію. Только здѣсь, почти подъ воротами Вавилона, при деревнѣ

въ 10.400 гоплитовъ и 2500 пельтастовъ (I 7, 10). Въ пути армія не понесла большихъ потерь: только однажды въ стычкѣ пало 100 гоплитовъ (I 2, 25); притомъ, число пельтастовъ при Кунаксѣ то же или даже нѣсколько больше, чѣмъ при выходѣ изъ Келэнъ. Очевидно, что число гоплитовъ не могло уменьшиться на 1300, тѣмъ болѣе на 1700 (если считать при выходѣ изъ Келэнъ 11.000 гоплитовъ). Разница объясняется тѣмъ, что въ *Анабасисѣ* прибытіе къ войску Соѳэнета съ 1000 гоплитовъ разсказано дважды (I 2, 3 и 9), вслѣдствіе чего эта тысяча при сложеніи взята дважды. Кто виновенъ въ этой ошибкѣ—самъ-ли Ксенофонтъ, или какой-нибудь интерполяторъ, — для насъ здѣсь безразлично. Сравн. Neubert *De Xenophontis Anabasi*, диссерт., Лейпцигъ 1881.—Походъ десяти тысячъ описанъ въ *Анабасисѣ* Ксенофонта. Ктесій, который, въ качествѣ лейбъ-медика Артаксеркса, участвовалъ въ битвѣ при Кунаксѣ, также въ своей персидской исторіи подробно разсказалъ о возстаніи Кира; преимущественно отсюда почерпнулъ Плутархъ матеріалъ для *Artox.* 1—19. Показанія Діодора о походѣ десяти тысячъ (XIV 19—31) заимствованы чрезъ вторыя руки отчасти также изъ сочиненія Ктесія, далѣе изъ ксенофонтова Анабасиса и, повидимому, изъ разсказа еще какого-то другого участника этого похода, можетъ быть аркадянина Соѳэнета. Сравн. Volquardsen *Unters. über Diodor* стр. 131 сл., Kämmel *Schlacht bei Kunaxa* (*Philol.* 34, 1876, 516 слл. 665 слл., Friedrich *Jahrb. f. Philol.* 1895 стр. 19—40).

[1]) Такъ называетъ его Ксенофонтъ въ *Hell.*, III 1, 1 (отсюда косвенно Diod. XIV 19), тогда какъ въ *Анабасисѣ* (I 4, 2) онъ названъ Пиѳагоромъ. Каково было его настоящее имя, мы не можемъ знать; но совершенно ошибочно допускать, что лакедемоняне послали на помощь Киру два флота подъ начальствомъ Пиѳагора и Самія (Judeich l. c. стр. 109 и опроверженіе Boerner'а, *De rebus a Graecis inde ab anno 410 usque ad annum 403 a. Chr. n. gestis quaestiones historicae*, диссерт., Геттингенъ 1894, стр. 12).

Кунакса, Артаксерксъ выступилъ навстрѣчу непріятелю. Лѣвое крыло царской арміи, подъ предводительствомъ Тиссаферна, было почти безъ боя обращено въ бѣгство атакой эллиновъ. На противоположномъ же крылѣ Киръ, сражавшійся во главѣ своей конницы противъ гораздо болѣе многочисленнаго войска своего брата, палъ въ рукопашномъ бою; его азіатскія полчища разстроились, его лагерь сдѣлался добычей царя. Затѣмъ послѣдній ударилъ на побѣдоносныхъ эллиновъ; но персы и въ этотъ разъ не устояли, и съ наступленіемъ ночи эллины торжествовали побѣду (позднимъ лѣтомъ 401 года).

Но эта побѣда была безплодна, потому что со смертью Кира все предпріятіе потеряло свой смыслъ. Персидскіе офицеры Кира и ихъ отряды подчинились царю, и эллины оказались изолированными въ непріятельской странѣ. Ихъ положеніе сдѣлалось почти безнадежнымъ, когда вскорѣ послѣ сраженія Тиссаферну удалось измѣннически захватить большинство начальниковъ греческой арміи. Однако эллины и теперь не потеряли присутствія духа; тотчасъ были избраны новые полководцы, въ томъ числѣ аѳинянинъ Ксенофонтъ, дѣльный офицеръ, получившій также философское образованіе въ школѣ Сократа. Главнымъ образомъ благодаря его благоразумному образу дѣйствій армія послѣ четырехмѣсячнаго перехода черезъ Ассирію и суровыя плоскогорья Арменіи достигла наконецъ при Трапезунтѣ берега Чернаго моря (приблизительно въ февралѣ 400 года); правда, численность ея понизилась съ 13000 до 8600 человѣкъ [1]). Отсюда войска пошли вдоль берега къ Котіорѣ, здѣсь были посажены на корабли и осенью прибыли наконецъ въ Византію.

Здѣсь армія встрѣтила очень холодный пріемъ со стороны спартанскихъ военачальниковъ; Спарта все еще надѣялась на возможность избѣгнуть разрыва съ Персіей, и тѣмъ менѣе была склонна протянуть руку войскамъ Кира, что сознавала, какую существенную поддержку она оказала предпріятію, направленному къ низложенію Артаксеркса. Однако вліяніе событій и въ этотъ разъ оказалось сильнѣе, чѣмъ воля правителей. Тиссафернъ первый сообщилъ царю точныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Кира и ихъ цѣли; затѣмъ онъ храбро сражался при Кунаксѣ и въ награду за вѣрность снова получилъ свою старую сатрапію Лидію. Сарды и остальные города центральной части страны подчинились ему безъ сопротивленія; адмиралъ Кира Тамосъ бѣжалъ съ флотомъ на свою родину, въ Египетъ. Такимъ образомъ, греческіе города побережья были предоставлены

---

[1]) Xen. *Anab.* V 3, 3, сравн. VI 2, 16.

самимъ себѣ; но и теперь, какъ четыре года назадъ, они не имѣли охоты признать надъ собою власть Тиссаферна. Поэтому они обратились за помощью въ Спарту, гдѣ ихъ просьба не встрѣтила отказа. Сначала спартанское правительство думало выступить посредникомъ между враждующими сторонами; но когда Тиссафернъ, несмотря на протестъ Спарты, перешелъ въ наступленіе и началъ осаждать Куму, Спарта долѣе не могла оставаться безучастной зрительницей. Еще лѣтомъ 400 г. спартанскій полководецъ Ѳиброн съ 5000 пелопоннесскихъ гоплитовъ и 300 аѳинскихъ всадниковъ отправился въ Эфесъ, присоединилъ къ себѣ здѣсь еще 2000 человѣкъ изъ іонійскихъ городовъ и завладѣлъ Магнесіей на Меандрѣ. Такъ какъ открытый городъ трудно было защищать, то Ѳибронъ переселилъ жителей на предгорья сосѣдней горы Ѳоракса и здѣсь, въ крѣпкой позиціи, основалъ новую Магнесію. Но когда вслѣдъ затѣмъ явился Тиссафернъ во главѣ многочисленной конницы, Ѳибронъ не могъ устоять противъ него въ открытомъ полѣ и принужденъ былъ ограничиться обороной укрѣпленій. Поэтому онъ весною принялъ на службу наемное войско Кира, заключавшее въ себѣ еще около 6000 человѣкъ, которое въ теченіе зимы находилось на службѣ у ѳракійскаго царя Севѳа. Теперь Ѳибронъ снова могъ перейти въ наступленіе; Пергамъ и сосѣдніе города Теѳранія, Галисарна, Гамбрейонъ, Мирина перешли на его сторону, но эолійская Лариса оказала энергичное сопротивленіе, такъ что въ концѣ-концовъ онъ принужденъ былъ прекратить осаду города [1]).

Между тѣмъ окончился служебный годъ Ѳиброна и начальство надъ войскомъ въ Азіи принялъ Деркилидъ. Онъ считался однимъ изъ способнѣйшихъ спартанскихъ офицеровъ и былъ знакомъ съ азіатскими дѣлами еще со времени Пелопоннесской войны. Новый главнокомандующій немедленно заключилъ перемиріе съ Тиссаферномъ и обратилъ свое оружіе противъ Фарнабаза, который былъ совершенно ошеломленъ неожиданнымъ нападеніемъ. Восьми дней оказалось достаточно, чтобы освободить всю Троаду отъ персидскаго владычества и принудить Фарнабаза къ заключенію перемирія до весны. На зимнія квартиры Деркилидъ расположился въ виѳинской области, чтобы не обременять союзниковъ содержаніемъ своей арміи [2]).

---

[1]) Xen. *Hell.* III 1, 3—7, *Anab.* VII 6—8, Diod. XIV 35—37. Что Ѳибронъ отправился въ Азію лѣтомъ или, самое позднее, осенью 400 года, явствуетъ изъ Xen. *Hell.* III 2, 1, *Anab.* VII 6, 1.

[2]) Xen. *Hell.* III 1, 8—2, 5, Ephor. fr. 130 (у Athen. XI 500 b), Diod. XIV 38, 2—3.

Такимъ образомъ, освобожденіе греческихъ городовъ Малой Азіи было въ главныхъ чертахъ закончено, потому что важнѣйшіе пункты на Пропонтидѣ и на Геллеспонтѣ — Калхедонъ, Кизикъ, Лампсакъ, Абидосъ—вообще никогда не подпадали подъ владычество Фарнабаза, и Книдъ также, повидимому, отстоялъ свою независимость противъ покушеній Тиссаферна [1]). Теперь необходимо было упрочить эти успѣхи посредствомъ договора съ персидскимъ царемъ; поэтому весною 398 г. было возобновлено перемиріе съ Фарнабазомъ и Тиссаферномъ и отправлено спартанское посольство къ великому царю [2]). Между тѣмъ Деркилидъ перешелъ на ѳракійскій Херсонесъ и фортификаціонною линіей, проведенной отъ моря до моря, обезпечилъ полуостровъ противъ вторженій хищныхъ обитателей материковой Ѳракіи. Осенью, по окончаніи этихъ работъ, спартанскій полководецъ двинулся къ Атарнею, на противолежащемъ Митиленѣ берегу, гдѣ все еще держались хіосскіе эмигранты, изгнанные нѣкогда Кратесиппидомъ; городъ оказалъ упорное сопротивленіе и сдался лишь послѣ восьмимѣсячной осады (весною 397 г.) [3]).

Однако персидскій дворъ былъ далекъ отъ мысли объ уступкахъ. Правда, и здѣсь, вслѣдствіе урока, полученнаго при Кунаксѣ, начали сознавать, что на сушѣ персамъ не сломить эллиновъ. Тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ представляла морская война, такъ какъ финикійскія военныя суда нисколько не уступали эллинскимъ, и при большихъ финансовыхъ средствахъ, какими располагалъ царь, ему не трудно было построить флотъ, который по численности превосходилъ бы спартанскій. Все зависѣло отъ того, удастся ли найти человѣка, который былъ бы способенъ командовать этимъ флотомъ, потому что персидскіе сановники совершенно не годились для такого дѣла.

Изъ этого затрудненія вывелъ персовъ Эвагоръ, царь Саламина на Кипрѣ. Послѣ того какъ аѳиняне, въ силу такъ называемаго Кимонова мира, отказались отъ Кипра, тамъ произошла реакція семи-

---

[1]) Калхедонъ: Xen. *Anab.* VI 7, 38, VII 1, 1 сл., Кизикъ: *Anab.* VII 2, 5, *Hell.* III 4, 10, Лампсакъ: *Anab.* VII 8, 1; для Абидоса это доказывается молчаніемъ Ксенофонта въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разсказываетъ о походахъ Деркилида. Книдъ въ 411 году изгналъ гарнизонъ Тиссаферна (Thuc. VIII 109) и въ 394 г. стоитъ на сторонѣ Спарты; впрочемъ, возможно и то, что городъ въ промежуткѣ былъ взятъ Тиссаферномъ и затѣмъ снова отнятъ у него, хотя бы Фараксомъ въ 397 году.

[2]) Ctes. 63, сравн. Judeich *Kleinas. Studien* стр. 49.

[3]) Xen. *Hell.* III 2, 6—11, Diod. XIV 38, 6—7, сравн. Isocr. *Paneg.* 144.

тическаго элемента противъ эллинизма; въ Саламинѣ, самомъ большомъ городѣ острова, свергнута была съ престола древняя эллинская династія, которая вела свое происхожденіе отъ Тевкра и Эака, и верховная власть перешла къ одному финикійскому роду [1]). Въ такомъ положеніи дѣла оставались слишкомъ тридцать лѣтъ, пока финикійская династія въ Саламинѣ была свергнута Абдемономъ, княземъ сосѣдняго Китіона. Этимъ моментомъ рѣшилъ воспользоваться потомокъ древняго дома Тевкридовъ, Эвагоръ, чтобы освободить родной городъ отъ варваровъ. Съ пятьюдесятью спутниками онъ ночью проникъ въ городъ; Абдемонъ былъ убитъ, и Эвагоръ вступилъ на престолъ своихъ предковъ (около 410 г.). Теперь Саламинъ былъ снова открытъ для греческой торговли и греческой образованности, и изъ метрополіи устремилось сюда множество грековъ—купцы, софисты и люди, принужденные покинуть родину вслѣдствіе политическихъ переворотовъ. Съ Аѳинами, экономическимъ и умственнымъ центромъ греческаго міра, Эвагоръ вступилъ въ тѣсныя отношенія [2]).

Персидскій царь не мѣшалъ Эвагору, пока дѣло касалось Саламина; но когда Эвагоръ вздумалъ распространять свою власть и на другіе города острова, персидскій дворъ отнюдь не былъ склоненъ терпѣть это. Какъ-разъ въ это время началась война за освобожденіе Малой Азіи, и въ интересахъ Эвагора было, повидимому, стать на сторону эллиновъ, чтобы такимъ образомъ создать себѣ нужный оплотъ противъ царя. Но не говоря уже о томъ, что исходъ войны былъ крайне сомнителенъ,—перспектива обратиться изъ вассала персидскаго царя въ вассала Спарты должна была казаться Эвагору мало привлекательной. Былъ другой, казалось болѣе выгодный путь; Эвагоръ рѣшилъ оказать персидскому царю столь важныя услуги, чтобы послѣдній въ награду предоставилъ ему власть сатрапа надъ всѣмъ Кипромъ. Съ этой цѣлью онъ, чрезъ лейбъ-медика Артаксеркса Ктесія, завязалъ сношенія съ персидскимъ дворомъ, засвидѣтельствовалъ свои вѣрноподданническія чувства уплатою богатой дани и затѣмъ предложилъ въ начальники надъ флотомъ аѳинянина Конона, который

---

[1]) Isocr. *Euag.* 19 слл., *Nicocl.* 28, Theop. fr. 111, Diod. XIV 98, 1. Сравн. (также для дальнѣйшаго) Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 113 слл.

[2]) Isocr. *Euag.* 47 слл., *CIA.* I 64. Эвагоръ вступилъ на престолъ вѣроятно за нѣсколько лѣтъ до 405 г.; болѣе точная датировка невозможна. Пребываніе Андокида на Кипрѣ относится, вѣроятно, уже ко времени послѣ 411 г.; что онъ былъ друженъ съ Эвагоромъ уже въ то время, когда произнесъ свою рѣчь *περὶ τῆς ἑαυτοῦ καθόδου*, — это возможно, но доказать этого нельзя; притомъ, мы не знаемъ, въ которомъ году была сказана эта рѣчь.

со времени пораженія при Эгоспотамосѣ жилъ въ Саламинѣ и вступилъ съ Эвагоромъ въ тѣсную дружбу; самъ Эвагоръ обѣщалъ выставить въ этотъ флотъ большую эскадру [1]).

Никогда еще грекъ не занималъ такого высокаго поста на персидской службѣ; но неотложная необходимость заставила персидскій дворъ принять предложенія Эвагора. Немедленно, еще во время перемирія, на Кипрѣ снаряжена была эскадра въ 40 тріеръ, съ которой Кононъ весною 397 года отплылъ къ Кавну въ Каріи; финикійскимъ городамъ было приказано снарядить большой флотъ [2]).

Такимъ образомъ, спартанскіе послы вернулись ничего не добившись, и война должна была возобновиться. Пелопоннесскій флотъ въ 120 кораблей подъ начальствомъ наварха Фаракса вышелъ въ море и приступилъ къ осадѣ Кавна, а Деркилидъ съ 7000 человѣкъ въ то же самое время вторгся въ Карію съ суши. На персидской сторонѣ Тиссафернъ и Фарнабазъ соединили свои боевыя силы. Освободивъ Кавнъ, оба сатрапа двинулись противъ Деркилида. Въ долинѣ Меандра, между Траллеидой и Магнесіей, непріятельскія арміи встрѣтились (раннимъ лѣтомъ 397 г.); но у обѣихъ сторонъ не хватило мужества начать сраженіе, и снова заключено было перемиріе. Персамъ нужно было время, чтобы закончить снаряженіе флота, а Деркилидъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ. Еще разъ начаты были переговоры, но при данныхъ условіяхъ они, конечно, ни къ чему не могли привести [3]).

---

[1]) Ctes. 63 сл. и у Plut. *Artox.* 21, Isocr. *Phil.* 63, *Euag.* 53 слл. Такъ какъ сочиненіе Ктесія заканчивалось 398/7 годомъ (Diod. XIV 46, 6) и однимъ изъ послѣднихъ событій, о какихъ оно упоминало, было назначеніе Конона персидскимъ адмираломъ, то это назначеніе должно быть отнесено къ 398 или началу 397 года. Это слѣдуетъ также изъ того обстоятельства, что Кононъ былъ назначенъ адмираломъ по ходатайству Фарнабаза (Ctes. l. c., Diod. XIV 39, 1), Фарнабазъ же отправился къ царю весною 398 г. послѣ возобновленія перемирія съ Деркилидомъ (Diod. l. c.) и слѣдующей весною уже снова былъ въ Малой Азіи (см. слѣд. прим.).

[2]) Diod. XIV 39, Xen. *Hell.* III 4, 1. Участіе Фарнабаза въ снаряженіи флота, о чемъ Діодоръ, забѣгая впередъ, разсказываетъ уже теперь, имѣло мѣсто лишь нѣсколько лѣтъ позднѣе, см. ниже, гл. V.

[3]) Xen. *Hell.* III 2, 12—20, Diod. XIV 39. 79, 4—5. Источникъ Діодора сначала излагалъ ходъ сухопутной войны до конца перваго похода Агесилая 396 г. и затѣмъ, возвращаясь, доводилъ до этого же времени исторію морской войны; вотъ почему у Діодора извѣстіе о прибытіи Агесилая предшествуетъ разсказу объ осадѣ Кавна. Между тѣмъ эта осада относится еще къ предыдущему, 397 году, такъ какъ ею руководилъ лакедемонскій навархъ на 398/7 г., Фараксъ, и городъ былъ освобожденъ отъ осады Фарнабазомъ, ко-

Въ Спартѣ наконецъ поняли, что такъ дальше продолжаться не можетъ, и по настоянію Лисандра рѣшили вести войну съ большею настойчивостью. Весной 396 г. царь Агесилай во главѣ 8000 гоплитовъ выступилъ въ Эфесъ. Однако вскорѣ обнаружилось, что и этихъ военныхъ силъ совершенно недостаточно; особенно ощутителенъ былъ недостатокъ въ конницѣ. Въ виду этого Агесилай не могъ придумать ничего лучшаго, какъ продолжить перемиріе съ Тиссаферномъ. Сатрапъ воспользовался отсрочкой, чтобы стянуть подкрѣпленія изъ глубины страны, и затѣмъ объявилъ о прекращеніи заключеннаго договора; такимъ образомъ Агесилай все-таки принужденъ былъ начать войну. Уже осенью двинулся онъ въ сатрапію Фарнабаза, Фригію, гдѣ никто не ожидалъ его нападенія; пройдя безпрепятственно до самой столицы, Даскилейона, онъ долженъ былъ однако отступить передъ болѣе многочисленной непріятельской конницей. Въ теченіе зимы спартанскій царь составилъ, путемъ набора въ малоазіатскихъ городахъ, отрядъ всадниковъ и весною (395 г.) снова открылъ наступательныя дѣйствія, на этотъ разъ—противъ Лидіи. На сардской равнинѣ, у береговъ золотоноснаго Пактола, Агесилай встрѣтилъ конныя полчища Тиссаферна; послѣднія справились съ только-что сформированной греческой конницей, но не устояли противъ атаки гоплитовъ; персидскій лагерь съ богатой добычей попалъ въ руки побѣдителя. Однако персидская конница и теперь еще значительно превосходила греческую; при такихъ условіяхъ Агесилай не могъ думать объ осадѣ укрѣпленныхъ Сардъ—тѣмъ болѣе, что персидская пѣхота не принимала участія въ сраженіи и была еще совершенно цѣла. Такимъ образомъ, ему не оставалось ничего другого, какъ вернуться къ морю [1]).

торый въ 397 г. дѣйствительно былъ въ Каріи, а въ ближайшіе два года, насколько намъ извѣстно, болѣе ни разу не ѣздилъ туда. По Isocr. *Paneg.* 142 блокада Кавна персидскимъ флотомъ продолжалась три года, причемъ Исократъ считаетъ отъ прибытія Конона въ Кавнъ до взятія Родоса; это—три лѣта 397, 396 и 395 г.

[1]) Xen. *Hell.* III 4, 1—24, откуда [Xen.] *Ages.* 1 6—34 и съ несущественными добавленіями Plut. *Ages.* 6—10. Другую версію, вѣроятно по Эфору, даетъ Diod. XIV 79—80 (сравн. Paus. III 9, 6). Здѣсь сообщается о большой побѣдѣ, которую будто-бы одержалъ Агесилай надъ всей персидской арміей во время своего отступленія, между Сардами и Ѳибарной. Ксенофонтъ вообще ничего не сообщаетъ объ этомъ отступленіи, но само собой разумѣется, не преминулъ бы сообщить о большой побѣдѣ своего друга Агесилая. Діодоръ или его источникъ вѣроятно смѣшали битву у Пактола съ незначительной стычкой, посредствомъ которой Агесилай во время отступленія хотѣлъ на

Между тѣмъ при персидскомъ дворѣ были крайне недовольны вялостью военныхъ дѣйствій Тиссаферна. Кононъ, солдатамъ котораго Тиссафернъ не платилъ жалованья и который вслѣдствіе этого принужденъ былъ сидѣть сложа руки, отправился къ царю, чтобы представить ему положеніе дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ. Фарнабазъ хлопоталъ о томъ же, а царица-мать Парисатида употребляла все свое вліяніе, чтобы свергнуть того, кто былъ главнымъ виновникомъ неудачи, постигшей предпріятіе ея любимца Кира. Въ виду этого Артаксерксъ рѣшилъ поручить власть въ Сардахъ своему первому министру—хиліарху, какъ называли его греки,—Тиѳраусту. Новый намѣстникъ прибылъ въ Малую Азію какъ разъ послѣ битвы при Пактолѣ, которая сильно поколебала авторитетъ Тиссаферна въ глазахъ его собственнаго войска. Поэтому Тиѳраусту нетрудно было посредствомъ измѣны захватить сатрапа; онъ тотчасъ приказалъ казнить его и послалъ его голову царю [1]).

Затѣмъ Тиѳраустъ началъ переговоры. Отъ имени царя онъ изъявилъ готовность признать независимость греческихъ прибрежныхъ городовъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они платили Персіи прежнюю дань, и чтобы спартанцы удалились изъ Малой Азіи. Агесилай не былъ склоненъ принять такое предложеніе; но, не желая брать на себя рискъ отказа, онъ представилъ дѣло на усмотрѣніе своего правительства. Между тѣмъ опять было заключено перемиріе; Тиѳраустъ выдалъ 30 талантовъ на содержаніе пелопоннесской арміи и предоставилъ Агесилаю свободу дѣйствій противъ Фарнабаза. Съ наступленіемъ осени спартанскій царь выступилъ во Фригію.

Фарнабазъ не рѣшился оказать сопротивленіе; его резиденція

время избавиться отъ нападеній преслѣдовавшей его персидской конницы.— Что этотъ походъ относится къ 395 году, явствуетъ изъ Xen. *Hell.* III 4, 16. 20.

[1]) Xen. *Hell.* III 4, 25, Diod. XIV 80, 6—8, Polyaen. VII 16, 1. Ксенофонтъ не говоритъ, чтобы Тиссафернъ былъ смѣщенъ вслѣдствіе пораженія при Пактолѣ, да это невѣроятно и по хронологическимъ соображеніямъ. Поѣздка Конона къ персидскому царю относится по Diod. XIV 81, 4—6 ко времени между завоеваніемъ Родоса и битвой при Книдѣ, т.-е. къ 395/4 г., а по Nep. *Con.* 3, сравн. Paus. III 9, 2, — ко времени передъ паденіемъ Тиссаферна, т.-е. къ зимѣ 396/5 г. Что онъ не дважды ѣздилъ къ царю, кажется мнѣ очевиднымъ, равно какъ и то, что правъ не Діодоръ, а Непотъ, такъ какъ цѣлью поѣздки было, какъ извѣстно, испрошеніе денегъ для уплаты жалованья матросамъ и новыхъ кораблей для усиленія флота; между тѣмъ, только это подкрѣпленіе и дало возможность Конону выступить противъ Родоса. Притомъ, разъ перейдя въ наступленіе, Кононъ уже едва ли могъ бы покинуть свой флотъ на такое долгое время.

Даскилейонъ была взята, и Агесилай расположился здѣсь на зимнія квартиры. Пафлагонскій царь Отисъ перешелъ на сторону спартанцевъ и выставилъ вспомогательный отрядъ; однако попытка склонить и Фарнабаза къ отложенію отъ персидскаго царя оказалась неудачной, да и пафлагонцы скоро снова покинули своихъ греческихъ союзниковъ. Весною (394 г.) Агесилай вернулся на берегъ Эгейскаго моря и сталъ готовиться къ походу вглубь Малой Азіи [1]).

Но теперь было уже слишкомъ поздно. Война съ Персіей продолжалась уже седьмой годъ, и единственнымъ результатомъ ея все еще было пока освобожденіе приморскихъ греческихъ городовъ. Виною тому была, главнымъ образомъ, скудость средствъ, какія спартанское правительство отпускало своимъ полководцамъ на веденіе войны; отчасти, впрочемъ, малоуспѣшность военныхъ дѣйствій объяснялась и тѣмъ, что Агесилай, несмотря на всѣ усилія, не былъ въ состояніи сформировать конницу, равную персидской. Даже флотъ значительно уменьшили вслѣдствіе нужды въ деньгахъ и потому, что персы также не держали флота на морѣ. Поэтому Спарта была совершенно ошеломлена, когда персидскій царь, по настоянію Конона, выдалъ ему наконецъ нужныя суммы и увеличилъ флотъ, стоявшій у Кавна, до 80 кораблей. Кононъ воспользовался благопріятной минутой, когда непріятель располагалъ лишь ничтожнымъ флотомъ, и открылъ наступательныя дѣйствія, прежде всего противъ Родоса. Здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ (около 408 г.) всѣ три общины, находившіяся на островѣ, Ялисъ, Линдъ и Камейръ, соединились въ одно государство и основали новую столицу Родосъ, которая благодаря своему выгодному положенію скоро пріобрѣла значеніе важнаго торговаго пункта [2]). Большинство родосцевъ были сторонниками демократіи; когда явился Кононъ, населеніе возстало противъ олигархическаго правительства, изгнало пелопоннесскій гарнизонъ и впустило въ свою гавань персидскій флотъ (лѣтомъ 395 г.) [3]). А главное, въ самой Греціи противъ Спарты образовалась коалиція изъ государствъ средней полосы,

---

[1]) Xen. *Hell.* III 4, 25—26, IV 1, Plut. *Ages.* 10—14.

[2]) Diod. XIII 75, 1, Strab. XIV 655, сравн. Kuhn *Städte der Alten* стр. 209 слл., Szanto *Griechisches Bürgerrecht* стр. 140 слл.

[3]) Diod. XIV 79, 6, Androt. у Paus. VI 7, 6, сравн. Isocr. *Philipp.* 63. Относительно времени завоеванія Родоса мы имѣемъ только показаніе Діодора, который сообщаетъ объ этомъ событіи между первымъ и вторымъ походомъ Агесилая, подъ годомъ архонтества Форміона (396/5). Преобразованіе пелопоннесскаго флота Агесилаемъ, лѣтомъ 395 года (Xen. *Hell.* III 4, 27—29), было вызвано, повидимому, именно потерей Родоса.

заставившая Спарту употребить всѣ свои силы на защиту собственнаго положенія.

Такъ расплачивались спартанцы за свои политическія ошибки. Внутри государства Спарта — вмѣсто того, чтобы устранить лишь радикальные элементы демократіи,—оказала поддержку олигархическому террору и благодаря этому лишилась значительной доли симпатій, которыя нація до тѣхъ поръ питала къ ней. Что же касается внѣшней политики, то хотя спартанцы и поняли, что государство, которому принадлежитъ гегемонія надъ эллинскимъ міромъ, обязано освободить братьевъ, живущихъ по ту сторону моря, отъ персидскаго ига, но они ошиблись въ оцѣнкѣ силъ врага и предприняли освободительную войну съ совершенно недостаточными средствами. Результатомъ этихъ ошибокъ было крушеніе спартанской державы и полувѣковая смута въ Элладѣ.

ГЛАВА IV.

Военная монархія въ Сициліи и на Понтѣ.

Въ то время, какъ Спарта воевала съ Персіей изъ-за независимости мало-азіатскихъ грековъ, въ Сициліи также началась освободительная война противъ варваровъ. Со времени мирнаго договора 405 года Діонисій ни на минуту не упускалъ изъ виду эту цѣль и неустанно готовился къ предстоящей рѣшительной борьбѣ. Для этого онъ прежде всего долженъ былъ позаботиться объ упроченіи своего положенія во главѣ сиракузскаго государства, потому что походъ 406 года ясно показалъ, что демократія совершенно неспособна разрѣшить ту задачу, которая предстояла сицилійскимъ грекамъ [1]).

Діонисій обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ главнымъ образомъ неимущей массѣ, и ему надлежало прежде всего позаботиться о вознагражденіи этихъ своихъ приверженцевъ. Средства къ тому доставило ему возстаніе сиракузскаго дворянства. Эти господа, возставшіе противъ своего полководца въ то самое время, когда къ городу приближался непріятель, и въ немногіе часы своего господства въ Сиракузахъ сумѣвшіе только съ животною грубостью оскорбить без-

1) Единственное связное и до нѣкоторой степени подробное изложеніе исторіи Діонисія мы находимъ у Діодора (книги XIV и XV). Этотъ разсказъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ несущественныхъ и легко отличимыхъ добавленій (наприм. рѣчи XIV 65—69), есть не что иное, какъ эксцерптъ изъ Тимея (Volquardsen *Unters. über Diodor*, Киль 1868, сравн. выше т. I стр. 16). Тимей въ свою очередь пользовался разсказомъ Филиста, но, разумѣется, не списывалъ его рабски, какъ поступаетъ со своими источниками Діодоръ; особенно онъ систематически перекрасилъ въ черный цвѣтъ очень выгодныя для Діонисія показанія своего источника. Отъ настоящаго искаженія фактовъ Тимей, повидимому, въ общемъ воздерживался; онъ ограничивался тѣмъ, что повсюду приписывалъ Діонисію самыя дурныя побужденія.

защитную женщину (см. выше стр. 71), потеряли всякое право на пощаду. Теперь ихъ земли были конфискованы и розданы по жребію равными участниками бѣднымъ гражданамъ, выслужившимся наемникамъ и отпущеннымъ на волю рабамъ, которые приняты были въ число гражданъ [1]).

Но Діонисій хорошо понималъ, что на такіе элементы его власть долго не можетъ опираться. Поэтому, чтобы на всякій случай создать себѣ надежный оплотъ, онъ отгородилъ старую часть Сиракузъ, островъ Ортигію, отъ остального города стѣной; отнынѣ здѣсь могли жить только друзья и наемники тирана. На перешейкѣ, соединяющемъ островъ съ самымъ городомъ, построенъ былъ крѣпкій замокъ, укрѣпленія котораго охватывали также арсеналъ у малой гавани; здѣсь-то поселился тиранъ [2]).

Какъ только дѣла въ Сиракузахъ были до нѣкоторой степени приведены въ порядокъ, Діонисій обратилъ свое оружіе противъ сикеловъ, которые во время послѣдней войны свергли съ себя сиракузское владычество. Прежде всего онъ осадилъ городъ Гербессъ, расположенный въ горахъ къ сѣверу отъ Сиракузъ [3]). Но здѣсь вспыхнулъ бунтъ среди сиракузскихъ ополченцевъ; они убили своего начальника, назначеннаго Діонисіемъ, избрали себѣ сами новыхъ стратеговъ и призвали на помощь бѣжавшихъ въ Этну всадниковъ. Тирану ничего другого не оставалось, какъ поспѣшно возвратиться со своими наемниками въ Сиракузы. Мятежники погнались за ними; они заняли возвышенность Эпиполъ и приступили къ осадѣ города. Регій и Мессена прислали имъ на помошь весь свой флотъ; метрополія, Коринѳъ, также поддерживала возставшихъ, а коринѳянинъ Никотелъ принялъ главное начальство надъ ними. Положеніе Діонисія сдѣлалось настолько критическимъ, что онъ серьезно сталъ подумывать о капитуляціи и завязалъ переговоры съ мятежниками. Но въ эту минуту, когда побѣда была, казалось, обезпечена, пылъ осаждающихъ началъ ослабѣвать, и многіе изъ нихъ разъѣхались

[1]) Diod. XIV 7. По существу очевидно, что дѣло можетъ касаться только имѣній этихъ всадниковъ, ибо какъ могъ бы Діонисій конфисковать помѣстья гражданъ, которые не возставали противъ него? А гоплиты, возмутившіеся противъ него при Гербессѣ, были обязаны своими земельными владѣніями конечно не Діонисію.

[2]) Diod. XIV 7.

[3]) Относительно топографіи Гербесса (неподалеку отъ Мегары) — Liv. 24, 30; онъ лежалъ вѣроятно на мѣстѣ нынѣшней Панталики (Orsi *Bull. Paletn. Ital.* 1889 стр. 167 сл.). Испорченная замѣтка Вибія Секвестра *Herbesos* не заслуживаетъ никакого вниманія.

по своимъ помѣстьямъ. Между тѣмъ Діонисію удалось привлечь къ себѣ подкрѣпленія, въ томъ числѣ отрядъ изъ 1200 кампанскихъ всадниковъ, состоявшій до тѣхъ поръ на службѣ у Кароагена. Съ этимъ войскомъ Діонисій предпринялъ атаку на позицію осаждающихъ въ предмѣстьѣ Теменитѣ; мятежники потерпѣли полное пораженіе, но число убитыхъ было невелико, потому что, какъ только побѣда была рѣшена, тиранъ прекратилъ дальнѣйшее кровопролитіе. Онъ позаботился также о почетномъ погребеніи павшихъ и этимъ подготовилъ себѣ путь къ соглашенію съ противниками. Республиканская армія послѣ этого пораженія распалась; однако значительная часть ея, по преданію 7000 человѣкъ, снова собралась въ Этнѣ. Наконецъ, при посредничествѣ спартанцевъ заключенъ былъ договоръ, по которому Діонисій даровалъ всѣмъ участникамъ возстанія полную амнистію. Большинство мятежниковъ вернулось на родину; тѣ немногіе, которые не желали принести повинную и оставались еще въ Этнѣ, были въ слѣдующемъ году безъ труда изгнаны оттуда тираномъ [1]).

Государственное устройство Сиракузъ было упорядочено теперь такимъ образомъ, что Діонисій сохранилъ военную власть, которую ввѣрило ему народное собраніе лѣтомъ 405 г. Въ силу этого полномочія ему предоставлялось верховное начальство надъ арміей и флотомъ государства; онъ назначалъ офицеровъ, адмирала (*ναύαρχος*), комендантовъ крѣпостей (*φρούραχοι*) и начальниковъ отдѣльныхъ частей войска. Кромѣ того, ему были предоставлены и гражданскія полномочія, какими въ республиканское время пользовались стратеги: представительство въ сношеніяхъ государства съ иностранными правительствами, предсѣдательство въ народномъ собраніи, взиманіе экстраординарныхъ прямыхъ налоговъ, предназначенныхъ на военныя нужды. Безъ сомнѣнія, въ его кассу притекала также часть постоянныхъ государственныхъ доходовъ. Но совѣтъ и народное собраніе были сохранены; безъ ихъ согласія тиранъ не могъ ни объявлять войны, ни взимать прямыхъ налоговъ съ имущества гражданъ. Вѣроятно и большинство гражданскихъ чиновниковъ избирались народнымъ собраніемъ. Вообще Діонисій смотрѣлъ на себя, какъ на представителя сиракузскаго народа; подобно древнимъ тиранамъ, онъ не принялъ царскаго титула, и на его монетахъ написано имя Сиракузъ [2]).

---

[1]) Diod. XIV 7—10 (подъ 404/3 г.), взятіе Этны XIV 14 (403/2); относительно посредничества спартанцевъ см. также XIV 70. Характеренъ точный параллелизмъ этихъ событій съ одновременными происшествіями въ Аѳинахъ.

[2]) Сравн. статью автора *L'Impero Siciliano di Dionisio* въ *Atti dell'Acca-*

Теперь Діонисій могъ снова приняться за осуществленіе своихъ завоевательныхъ плановъ, и въ этотъ разъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Онъ покорилъ одинъ за другимъ халдкидскіе города Наксосъ, Катану и Леонтины; бо̀льшая часть ихъ жителей должна была переселиться въ Сиракузы. Наксосъ былъ разрушенъ и область его отдана сосѣднимъ сикеламъ; въ Катанѣ поселены были кампанскіе наемники (403). Сикелы также должны были признать надъ собою верховную власть Діонисія; чтобы держать ихъ въ подчиненіи, на западномъ склонѣ Этны основана была военная колонія Гадранонъ, названная такъ по имени сикельскаго божества, знаменитый храмъ котораго находился въ этомъ мѣстѣ (400)[1]). Съ Мессеной Діонисій заключилъ союзъ, тогда какъ Регій отвергъ всѣ дружественныя предложенія тирана; тѣмъ охотнѣе вошли съ нимъ въ соглашеніе италійскіе локры, издавна враждовавшіе съ регинцами[2]). Со временъ Гіерона Сиракузы еще ни разу не достигали такого могущества, какъ теперь.

Діонисій могъ наконецъ приступить къ осуществленію великой задачи своей жизни, къ освобожденію Сициліи отъ кареагенскаго ига. Приготовленія начаты были въ грандіозныхъ размѣрахъ. Сиракузы точно превратились въ большой арсеналъ; всюду — въ галлереяхъ на базарѣ, во дворцахъ, даже въ храмахъ — ковали оружіе и строили военныя машины. Въ гавани приступили къ постройкѣ 200 новыхъ военныхъ кораблей, въ томъ числѣ четырехъ- и пятивесельныхъ, которые теперь строились впервые; это нововведеніе кореннымъ образомъ измѣнило характеръ морской войны. Но

---

demia de Lincei 1881, гдѣ указаны и источники. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія очень неполны; мы ничего не знаемъ о способахъ осуществленія законодательной власти и объ организаціи судовъ.—Въ существенныхъ чертахъ эта конституція была введена, вѣроятно, еще зимою 405/4 года, но свой окончательный видъ она могла получить, разумѣется, лишь послѣ подавленія революціи.

¹) Diod. XIV 14—15, Polyaen. V 5; покореніе сикеловъ Diod. XIV 58; основаніе Гадранона XIV 37,4. Такъ какъ, по словамъ Поліэна, Наксосъ добровольно подчинился Діонисію, то населеніе не могло быть продано въ рабство, какъ сообщаетъ, слѣдуя Тимею, Діодоръ. Часть населенія Катаны, повидимому, осталась жить въ городѣ, сравн. Diod. XIV 58, 2 съ 60, 7, гдѣ вслѣдъ за Диндорфомъ должно читать *Καταναίοις*. Само собою разумѣется, что изъ Наксоса, какъ и изъ Катаны, было изгнано или добровольно ушло въ изгнаніе множество гражданъ (Diod. XIV 87).

²) Diod. XIV 40. 44 (другая версія у Polyaen. V 2, 17). Сообразно съ этимъ мы въ 396 г. видимъ мессенскую конницу при сиракузскомъ войскѣ (Diod. XIV 56, 4).

главное—на возвышенности Эпиполъ, господствующей надъ городомъ, возведено было укрѣпленіе Эвріалъ и соединено съ городомъ посредствомъ двухъ длинныхъ параллельныхъ стѣнъ [1]). Такимъ образомъ блокада съ суши, въ родѣ той, которая грозила Сиракузамъ во время войны съ Аѳинами, стала теперь невозможной; а такъ какъ благодаря прочности стѣнъ и характеру мѣстности штурмъ представлялъ очень мало шансовъ на успѣхъ, то Сиракузы сдѣлались теперь почти неприступной крѣпостью. И дѣйствительно, въ теченіе двухъ столѣтій всѣ непріятельскія атаки разбивались объ эти стѣны. Правда, опасность заключалась въ самой обширности укрѣпленій, которая требовала очень многочисленнаго гарнизона, да и тогда крайне затрудняла оборону противъ внезапнаго нападенія; только благодаря этому Сиракузы и были въ концѣ концовъ покорены римлянами [2]).

Весною 397 года всѣ приготовленія были окончены. Діонисій созвалъ народное собраніе, и по его предложенію рѣшено было объявить войну Карѳагену, если онъ добровольно не откажется отъ владычества надъ греческими городами южной и западной части острова. Накопившаяся въ Сициліи со времени послѣдней войны ненависть къ финикіянамъ разразилась теперь страшнымъ взрывомъ. По всему острову началось преслѣдованіе семитовъ. Имущество карѳагенскихъ купцовъ всюду подверглось разграбленію, въ подвластныхъ Карѳагену городахъ всѣ финикіяне, попавшіе въ руки народа, были убиты послѣ варварскихъ истязаній; это было законное возмездіе за тѣ жестокости, какія совершили сами карѳагеняне десять лѣтъ назадъ [3]).

Діонисій принужденъ былъ дѣлать свои приготовленія вполнѣ открыто, и всякому было ясно, противъ кого они направлены. Но силы Карѳагена были парализованы чумою, которая уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала въ Ливіи, и республика оказалась совершенно неподготовленной. Однако теперь, послѣ сицилійскихъ событій, она ни въ какомъ случаѣ не могла уклониться отъ войны. Въ Иверію и въ страну кельтовъ были посланы офицеры для набора войска; но послѣдній долженъ былъ занять нѣсколько мѣсяцевъ, и въ теченіе этого времени Діонисій былъ совершенно свободенъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Сициліи [4]).

---

[1]) Правда, Діодоръ говоритъ только о сѣверной стѣнѣ, но несомнѣнно, что южная стѣна была построена уже въ это время; это явствуетъ изъ исторіи карѳагенской осады 396 г. и очевидно по существу, такъ какъ одна сѣверная стѣна была бы, конечно, безполезна.

[2]) Diod. XIV 41—44.

[3]) Diod. XIV 45—46.

[4]) Diod. XIV 47.

Онъ поспѣшилъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Во главѣ всего ополченія своего государства онъ перешелъ кароагенскую границу, привѣтствуемый всюду въ греческихъ городахъ, какъ освободитель, и подкрѣпляемый всѣми имѣвшимися въ ихъ распоряженіи военными силами. Сиканы и элимійцы съ горы Эриксъ также подчинились безъ сопротивленія. Только три финикійскія колоніи, Мотія, Панормъ и Солунтъ, и города элимійцевъ, Сегеста и Галикіи, сохраняли еще вѣрность Кароагену [1]), равно какъ и Энтелла, которою за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ овладѣли кампанцы, отпущенные со службы Діонисіемъ [2]).

Прежде всего Діонисій двинулся на Мотію, бывшую въ то время главнымъ оплотомъ кароагенянъ въ Сициліи. Городъ былъ расположенъ на небольшомъ островѣ (теперь С.-Панталео), посреди береговой лагуны, къ сѣверу отъ мыса Лилибей, приблизительно въ разстояніи одного километра отъ берега. Сиракузскій флотъ, около 200 военныхъ кораблей, вошелъ въ лагуну, и осаждающіе принялись насыпать дамбу до острова, чтó при незначительной глубинѣ воды не представляло затрудненій. Въ короткое время они дошли до стѣны и сквозь проломы, пробитые въ ней машинами, проникли въ городъ. Но граждане и послѣ этого продолжали сраженіе на улицахъ, причемъ высокіе, построенные по финикійскому образцу, дома сильно мѣшали нападающимъ. Однако, несмотря на отчаянное сопротивленіе семитовъ, они были наконецъ побѣждены благодаря численному перевѣсу непріятеля; богатый городъ отданъ былъ на разграбленіе войску, а изъ жителей тѣ, которые спаслись отъ меча, были проданы въ рабство. Такъ какъ уже наступила осень, то Діонисій, оставивъ своего брата Лептина съ 120 кораблями на западной оконечности Сициліи для наблюденія за непріятелемъ, самъ съ главною арміей вернулся на зимнія квартиры въ Сиракузы [3]).

Кароагеняне принуждены были оставаться почти безучастными зрителями осады Мотіи; морская демонстрація, предпринятая для спасенія города, не имѣла успѣха. Лишь слѣдующею весною (396) они окончили свои приготовленія; ихъ полководецъ Гимильконъ, тотъ самый, который въ предшествовавшую войну взялъ Акрагантъ и Гелу, высадился съ сильнымъ войскомъ въ гавани Панорма. Между тѣмъ

---

[1]) Diod. XIV 47. 48.

[2]) Diod. XIV 9. 9.

[3]) Diod. XIV 48—53, Polyaen. V 2. 6, Schubring *Motye-Lilybaeon*, *Philol.* 24, стр. 49 слл.

Діонисій снова перешелъ въ наступленіе, привлекъ на свою сторону Галикіи и приступилъ къ осадѣ Сегесты. Но когда передъ нимъ явился Гимильконъ, онъ не рѣшился сразиться съ болѣе сильнымъ непріятелемъ и поспѣшно вернулся въ восточную часть острова, чтобы на всякій случай обезпечить себѣ сообщеніе съ Сиракузами. Эриксъ, Галикіи и сиканы снова перешли на сторону кароагенянъ; Мотію Гимильконъ также покорилъ снова [1]). Спустя короткое время кароагеняне срыли Мотію вслѣдствіе ея неудобнаго стратегическаго положенія и вмѣсто нея основали по близости новый городъ Лилибей, на мысѣ того же имени, составляющемъ крайнюю западную оконечность Сициліи. Съ тѣхъ поръ Лилибей оставался главнымъ арсеналомъ кароагенянъ на островѣ [2]).

Послѣ этихъ успѣховъ кароагенскій полководецъ повелъ свое войско вдоль сѣвернаго побережья острова на востокъ. Өермы подчинились ему безъ кровопролитія, Мессена послѣ слабаго сопротивленія была взята штурмомъ и разрушена до основанія. Затѣмъ и сикелы отложились отъ Діонисія и выставили свой контингентъ въ кароагенскую армію. Такъ какъ изверженіе Этны сдѣлало непроходимой прямую дорогу вдоль берега, то Гимильконъ направился черезъ страну своихъ новыхъ союзниковъ въ Катану, оставляя вулканъ по лѣвую руку; въ Катанѣ флотъ снова долженъ былъ соединиться съ арміей [3]).

Чтобы прикрыть Сиракузы, Діонисій занялъ оборонительную позицію у горы Тавра, вблизи нынѣшней Августы [4]); онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ, когда армія и флотъ непріятеля были разъединены, для того, чтобы нанести ему рѣшительный ударъ. Онъ прошелъ впередъ до Катаны и приказалъ своему брату Лептину, командовавшему флотомъ, напасть на отрѣзанный отъ своего сухопутнаго войска кароагенскій флотъ. Хотя кароагеняне имѣли слишкомъ 200 военныхъ кораблей, а сиракузяне только 180, но это небольшое количественное различіе съ избыткомъ возмѣщалось тѣмъ, что греческій флотъ состоялъ частью изъ четы-

---

1) Diod. XIV 54—55.

2) Diod. XXII 10, 4, сравн. XIII 54, 4.

3) Diod. XIV 56—59.

4) Онъ сталъ въ 160 стадіяхъ (около 30 килом.) къ сѣверу отъ Сиракузъ περὶ τὸν Ταῦρον καλούμενον. Тавръ соотвѣтствуетъ высотамъ, лежащимъ за Августой, которыя кончаются мысомъ S. Croce (Ptol. I p. 399 Müller). Въ гавани этого города, одной изъ лучшихъ гаваней Сициліи, вѣроятно стоялъ сиракузскій флотъ.

рехъ-и пятивесельныхъ кораблей. Дѣйствительно, карѳагенскій адмиралъ Магонъ хотѣлъ избѣгнуть сраженія; но Лептинъ скоро настигъ его, далеко опередивъ съ 30 лучшими своими судами остатокъ своего флота. Финикіяне поневолѣ должны были вступить въ битву; въ виду ихъ численнаго перевѣса Лептинъ послѣ мужественнаго сопротивленія принужденъ былъ отступить; остальные сиракузскіе корабли, подошедшіе безъ всякаго порядка, были легко обращены въ бѣгство и, преслѣдуемые финикіянами, бо́льшею частью взяты въ плѣнъ или потоплены. Сиракузяне потеряли болѣе 100 кораблей со всѣмъ экипажемъ, свыше 20,000 человѣкъ; стоявшее на берегу сухопутное войско было безпомощнымъ зрителемъ пораженія [1]).

Теперь Діонисію ничего другого не оставалось, какъ поспѣшно возвратиться въ Сиракузы. Карѳагеняне послѣдовали за нимъ; ихъ флотъ, состоявшій изъ 208 военныхъ кораблей, вошелъ въ большую гавань, тогда какъ Гимильконъ съ сухопутной арміей расположился лагеремъ у храма Зевса Олимпійскаго, къ югу отъ устья Анапа, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 18 лѣтъ назадъ стоялъ лагерь аѳинянъ. Блокада города была невозможна съ времени укрѣпленія Эпиполъ; поэтому карѳагенскій полководецъ ограничился опустошеніемъ окрестностей Сиракузъ. Между тѣмъ наступила осень, и въ войскѣ, скученномъ на небольшомъ пространствѣ въ болотистой низменности, появилась чума, зародыши которой армія принесла съ собою изъ Ливіи; жертвы эпидеміи вскорѣ насчитывались тысячами [2]). Въ то время какъ силы непріятеля были парализованы чумою, къ сиракузянамъ подоспѣла помощь изъ Пелопоннеса. Спарта только-что заключила перемиріе съ Тиссаферномъ (см. выше стр. 114) и потому получила возможность отправить въ Сиракузы эскадру подъ начальствомъ Фаракса; Коринѳъ также прислалъ нѣсколько кораблей на помощь своей колоніи, да и италійскіе греки не отказали Сиракузамъ въ поддержкѣ [3]). Діонисій произвелъ одновременное нападеніе

[1]) Diod. XIV 59—60.

[2]) По описанію Діодора XIV 71, 2, это была не просто малярія, а настоящая чума.

[3]) Diod. XIV 63, 4 сравн. 69, 4 сл. Мнѣніе, будто Фараксъ „былъ не вождь присланнаго Спартою флота, а частный человѣкъ, котораго только уговорили принять начальство надъ предназначеннымъ для Діонисія вспомогательнымъ флотомъ“ (Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 55 прим.), ни на чемъ не основано; Діодоръ, XIV 70, 2, утверждаетъ какъ-разъ обратное. У Діодора (и Поліэна, II 11) онъ названъ Фаракидомъ, у Ѳеопомпа, fr. 218, и Plut. *Timol.* 11 Фараксомъ; относительно его тождества съ наврахомъ, начальствовавшимъ въ 397 году въ карійскихъ водахъ (Xen. *Hell.* III 2, 11, Diod. XIV 79),

на осаждающихъ съ суши и съ моря, увѣнчавшееся полнѣйшимъ успѣхомъ. Значительная часть непріятельскаго флота была сожжена, а сухопутная армія заперта въ своемъ лагерѣ. Гимильконъ счелъ свое дѣло проиграннымъ; бросивъ армію на произволъ судьбы, онъ со своимъ карѳагенскимъ ополченіемъ бѣжалъ въ Африку. Послѣ этого сицилійскіе союзные отряды карѳагенянъ разсѣялись по своимъ городамъ, а главная масса арміи, ливійскіе подданные, иберійскіе и кельтскіе наемники, на слѣдующій день сдалась побѣдителю. Карѳагенская экспедиція окончилась такъ же плачевно, какъ 17 лѣтъ назадъ аѳинская [1]).

Даже послѣдствія, которыя имѣло пораженіе для Карѳагена, оказались сходны съ тѣми, какія нѣкогда имѣло сицилійское пораженіе для Аѳинъ. Въ Ливіи вспыхнуло всеобщее возстаніе, грозившее гибелью карѳагенской республикѣ и подавленное лишь съ большимъ трудомъ [2]). Между тѣмъ Сицилію пришлось предоставить самой себѣ, и Діонисій могъ распоряжаться на островѣ по собственному усмотрѣнію. Большинство сикельскихъ городовъ было покорено, Ѳермы снова завоеваны, финикійскій Солунтъ взятъ при помощи измѣны. Въ Леонтинахъ, граждане которыхъ, какъ мы знаемъ, нѣсколько лѣтъ назадъ были отведены въ Сиракузы, теперь поселены были выслужившіеся наемники. Мессена была возстановлена въ качествѣ сиракузской колоніи, а нѣсколько далѣе къ западу, на сѣверномъ побережьѣ Сициліи, насупротивъ Липары, основанъ былъ новый греческій городъ Тиндарисъ, въ которомъ ядро населенія составили изгнанные спартанцами изъ Навпакта и Кефалленіи мессеняне (см. выше стр. 100) [3]). Такимъ образомъ, Діонисій господствовалъ теперь надъ

и съ офицеромъ Лисандра (Paus. VI 3. 15, *Bull. de Corr. Hell.* VI 153) не можетъ быть сомнѣнія. Впрочемъ, спартанскимъ наварахомъ въ государственно-правовомъ смыслѣ этого слова Фараксъ передъ Сиракузами не былъ, какъ не былъ наварахомъ и Гилиппъ, занимавшій совершенно аналогичное положеніе.

[1]) Diod. XIV 62—76, Justin. 19, 2.

[2]) Diod. XIV 77.

[3]) Diod. XIV 78. Взятіе Гимеры, т.-е. Ѳермъ, которое описываетъ Поліэнъ, V 9 (сравн. Frontin. III 4. 4), можетъ относиться только къ этому ряду событій. То обстоятельство, что о той же хитрости, которую будто бы употребилъ Діонисій здѣсь, сообщаютъ и въ примѣненіи къ Регію, не лишаетъ достовѣрности извѣстіе о завоеваніи Ѳермъ; было бы очень странно, если бы Діонисій взялъ Кефалэдіонъ и Солунтъ, а лежащія между ними Ѳермы остались въ рукахъ карѳагенянъ. Во всякомъ случаѣ, немного лѣтъ спустя мы находимъ городъ во власти Діонисія, потому что происшествіе, о которомъ сообщаетъ тактикъ Эней (10, 21 сл.), относится ко времени незадолго передъ изгнаніемъ Лептина.

бóльшей частью острова и съ полнымъ правомъ могъ принять около этого времени титулъ «архонта Сицилiи» [1]).

Но теперь, когда островъ освободился отъ страха передъ кареагенянами, снова обнаружился тотъ партикуляризмъ, который такъ глубоко коренился въ характерѣ грековъ. Регiй, видѣвшiй для себя опасность въ возстановленiи Мессены, объявилъ войну Сиракузамъ, и его примѣру послѣдовала часть сикеловъ (394). Правда, регинскiй стратегъ Гелорисъ потерпѣлъ кровавое пораженiе при Мессенѣ, а укрѣпленiе Милы въ мессенской области, занятое наксосскими и катанскими изгнанниками съ помощью регинцевъ, также вскорѣ было взято войсками Дiонисiя. Но затѣмъ счастье измѣнило сиракузянамъ. Дiонисiй двинулся на Тавроменiй, городъ, основанный нѣсколько лѣтъ назадъ сикелами на горѣ Таврѣ, недалеко отъ разрушеннаго Наксоса, но не могъ справиться съ хорошо укрѣпленнымъ городомъ. Осада затянулась до поздней зимы; когда Дiонисiй наконецъ рѣшился штурмовать городъ, онъ былъ отбитъ съ урономъ въ 600 человѣкъ и едва самъ не попалъ въ плѣнъ (394/3). Это пораженiе повлекло за собою также отпаденiе отъ Дiонисiя Акраганта, второго по величинѣ греческаго города въ Сицилiи [2]).

Между тѣмъ Кареагенъ подавилъ возстанiе въ Ливiи и могъ снова послать войско въ Сицилiю. Кареагенскiй полководецъ Магонъ направился къ Мессенѣ, чтобы поддержать регинцевъ, но долженъ былъ отступить передъ наступавшими сиракузянами въ союзный сикельскiй городъ Абакенъ и здѣсь потерпѣлъ пораженiе отъ Дiонисiя (393) [3]). Затѣмъ Дiонисiй двинулся противъ Регiя, въ надеждѣ взять городъ неожиданнымъ нападенiемъ. Хотя этотъ планъ и не удался, однако регинцы принуждены были заключить перемирiе на годъ, такъ что Дiонисiй имѣлъ теперь возможность выдвинуть противъ кареагенянъ всѣ свои боевыя силы.

---

[1]) Впервые онъ названъ такъ въ одномъ постановленiи аеинскаго народнаго собранiя $394/_3$ года (*CIA.* II 8), затѣмъ въ двухъ другихъ почетныхъ указахъ аеинскаго правительства $369/_8$ и $368/_7$ гг. (*CIA* II 51. 52). Сравн. Plut. *Dion.* 12.

[2]) Diod. XIV 87. 88. Объ основанiи Тавроменiя — Diod. XIV 59. Вмѣстѣ съ акрагантинцами, по словамъ Дiодора (XIV 88, 5), отъ Дiонисiя отложились и „мессеняне"; это, конечно, невѣрно, потому что вскорѣ послѣ этого (Diod. XIV 90) мы застаемъ Мессену во враждѣ съ Кареагеномъ, слѣдовательно на сторонѣ Дiонисiя. Я не знаю ни одной достовѣрной поправки; предложенная Гольмомъ (*Gesch. Sic.* II стр. 124) замѣна *Μεσσήνιοι* чрезъ *Καμαριναῖοι* совершенно произвольна.

[3]) Diod. XIV 90.

Тѣмъ временемъ кареагеняне прислали въ Сицилію подкрѣпленія, и Магонъ двинулся на югъ поперекъ острова (392). На берегу рѣки Хрисасъ, въ области Агирія, Діонисій встрѣтилъ его, и нѣкоторое время обѣ арміи стояли лагеремъ другъ противъ друга. Ни греческій полководецъ, ни финикійскій не желали битвы; дѣло въ томъ, что Кареагенъ добивался теперь еще только сноснаго мира, а для Діонисія также важно было окончить войну, чтобы развязать себѣ руки для борьбы съ тѣми общинами, которыя еще отказывались подчиниться его власти. Поэтому обѣ стороны скоро пришли къ соглашенію: Кареагенъ отказался отъ всѣхъ греческихъ городовъ острова и отдалъ на произволъ Діонисія своихъ сикельскихъ союзниковъ; за то онъ сохранилъ власть надъ крайнимъ сѣверо-западомъ Сициліи, надъ финикійской колоніей Панормомъ и страной элимійцевъ и сикановъ. Акрагантъ возобновилъ союзъ съ Сиракузами, Тавроменій сдался, и Діонисій для защиты этого важнаго пункта, основалъ здѣсь военную колонію. Теперь вся Сицилія, исключая небольшой кареагенской области, была объединена подъ его властью [1]).

Теперь пришла пора свести счеты съ Регіемъ. Но этотъ городъ теперь уже не стоялъ особнякомъ, такъ какъ и италійскіе греки наконецъ поняли, что имъ неминуемо грозитъ порабощеніе, если отдѣльныя общины не сплотятся въ одно цѣлое. На сѣверѣ луканцы все болѣе и болѣе расширяли свои владѣнія; Посейдонія, Лаосъ и, вѣроятно, также Пиксъ уже находились въ ихъ рукахъ [2]), и область Өурій была открыта ихъ разбойническимъ набѣгамъ. На югѣ грозно росло могущество сицилійскаго тирана, который благодаря своему со-

[1]) Diod. XIV 95. 96. Діодоръ умалчиваетъ какъ-разъ о важнѣйшемъ условіи мира: объ отказѣ кареагенянъ отъ господства надъ греческими городами, уступленными имъ по договору 405 года. [Потому и Гольмъ ничего не знаетъ объ этомъ, *Gesch. Sic.* II 128]. Что они дѣйствительно отказались отъ этихъ городовъ, – какъ нельзя яснѣе доказываютъ условія ближайшаго мирнаго договора (см. ниже, стр. 136); для Өермъ это явствуетъ изъ цитированнаго выше (стр. 127 прим. 3) мѣста Энея. Впрочемъ, во время заключенія мира кареагеняне не владѣли уже болѣе ни однимъ изъ этихъ городовъ, исключая развѣ Өермъ. Что кареагеняне получили обратно Солунтъ, это возможно, но наши источники ничего не сообщаютъ объ этомъ.

[2]) Какъ италійскій городъ, Посейдонія впервые упоминается Аристоксеномъ (fr. 90 у Athen. XIV 632 a) около конца IV вѣка, притомъ къ этому времени городъ принялъ уже вполнѣ варварскій характеръ. Такъ какъ греческая чеканка въ Посейдоніи прекращается около 400 г., то надо думать, что именно въ это время городъ былъ завоеванъ луканцами. Сравн. Strab. VI 254. Лаосъ въ 390 г. уже принадлежалъ луканцамъ: Diod. XIV 101, Strab. VI 253. Относительно Пикса мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

юзу съ Локрами имѣлъ уже надежную точку опоры въ Италіи. Въ виду этихъ условій греко-италійскіе города заключили между собою союзъ еще въ томъ самомъ году, когда Діонисій предпринялъ походъ на Регій, и безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ этого событія [1]). Ядро новаго союза составляла коалиція трехъ городовъ, Кротона, Кавлоніи и Сибариса на Трендѣ, образовавшаяся вскорѣ послѣ основанія Өурій для защиты отъ опасности, которая угрожала съ этой стороны ахеянамъ [2]); теперь къ ней примкнули всѣ остальныя италійскія общины, кромѣ Локръ, которыя благодаря своему аристократическому строю стояли въ оппозиціи къ другимъ городамъ и даже теперь оставались вѣрны своей традиціонной дружбѣ съ Сиракузами. Впрочемъ, узы, связывавшія италійцевъ, были крайне слабы; союзъ имѣлъ свое святилище, въ которомъ собирались депутаты отдѣльныхъ городовъ для обсужденія общихъ дѣлъ,—но былъ лишенъ центральной власти. Обязанности членовъ ограничивались взаимной поддержкой во время непріятельскихъ нашествій; въ случаѣ войны одному изъ участвующихъ городовъ ввѣрялось верховное начальство [3]). Въ прочихъ отношеніяхъ самостоятельность отдѣльныхъ государствъ нисколько не была ограничена. Какъ бы то ни было, союзъ располагалъ очень значительными военными силами; но Діонисій считалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы начать борьбу, которая должна была доставить ему господство надъ всѣми западными эллинами.

Его первые шаги были направлены, конечно, противъ Регія (осенью 391 г.). На помощь городу поспѣшилъ италійскій флотъ изъ 60 кораблей; когда Діонисій съ 50 судами вышелъ къ нимъ на встрѣчу, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, вдругъ поднялась буря, отъ которой непріятели укрылись у берега близъ Регія, тогда какъ 7 сиракузскихъ кораблей пошло ко дну; самъ тиранъ лишь съ большимъ трудомъ добрался до мессенской гавани. Въ виду неудачи онъ отказался на этотъ годъ отъ задуманнаго предпріятія и ограничился заключеніемъ союза съ луканцами [4]). Послѣдніе не замедлили вторг-

[1]) Diod. XIV 91. Правда, у Thuc. VI 44 регинцы уже въ 415 году заявляютъ, *ὅτι καὶ τοῖς ἄλλοις Ἰταλιώταις ξυνδοκῇ, τοῦτο ποιήσειν*, но это нисколько не доказываетъ, чтобы италійскій союзъ существовалъ уже въ то время. Напротивъ, регинцы воюютъ съ Діонисіемъ въ 404 и затѣмъ въ 394 г. вполнѣ на свой страхъ.

[2]) Polyb. II 39, 6. Названный здѣсь Сибарисъ можетъ быть только тѣмъ городомъ у подошвы Треиса (Diod. XII 22, Strab. VI 264, выше т. I стр. 399), который былъ построенъ лишь послѣ основанія Өурій.

[3]) Polyb. II 39, 6, Diod. XIV 101, 1; 103, 4.

[4]) Diod. XIV 100, сравн. Dionys. XX, 7.

нуться въ ѳурійскую область (390), но скоро были отбиты италійскими греками, которые теперь въ свою очередь напали на Луканію. Здѣсь ждала ихъ гибель; при Лаосѣ они внезапно были окружены болѣе многочисленнымъ непріятельскимъ войскомъ, большая часть греческой арміи была перебита, а остатокъ ея, около 1000 человѣкъ, оттѣсненъ на прибрежную возвышенность. Онъ также погибъ бы, если бы, благодаря посредничеству сиракузскаго адмирала Лептина, присланнаго Діонисіемъ на помощь луканцамъ, не былъ заключенъ миръ. А такъ какъ это шло совершенно въ разрѣзъ съ намѣреніями Діонисія, то Лептинъ былъ лишенъ званія наварха, и вмѣсто него назначенъ былъ командиромъ флота второй братъ тирана Ѳеаридъ [1]).

Въ слѣдующемъ году (389) Діонисій снова выступилъ въ походъ. У Липары его адмиралъ Ѳеаридъ захватилъ десять регинскихъ кораблей; затѣмъ войско перешло въ Италію и приступило къ осадѣ Кавлоніи. Ей на выручку двинулись италійскіе греки со всѣмъ своимъ войскомъ, состоявшимъ, по преданію, изъ 25000 пѣхотинцевъ и 2000 всадниковъ, подъ начальствомъ сиракузскаго изгнанника Гелориса. Діонисій вышелъ навстрѣчу непріятелю и неожиданно напалъ на него у рѣки Элепора; Гелорисъ, находившійся во главѣ авангарда, палъ въ самомъ началѣ сраженія, армія его была безъ труда обращена въ бѣгство, а значительная часть ея, свыше 10000 человѣкъ, заперта на безводной возвышенности и принуждена на слѣдующій день сдаться на полную волю побѣдителя. Послѣдній противъ всякаго ожиданія обошелся съ побѣжденными милостиво; онъ безъ выкупа освободилъ плѣнныхъ и даровалъ италійскимъ грекамъ миръ на сносныхъ условіяхъ, опредѣливъ границей между ихъ и своими владѣніями Катанзарскій перешеекъ. Скиллетій, лежавшій на самомъ перешейкѣ, кротонцы должны были уступить локрамъ; города, находившіеся къ югу отъ перешейка, были освобождены отъ участія въ союзѣ [2]). Чтобы оградить новыя пріобрѣтенія отъ вторженій луканцевъ, Діонисій приступилъ къ постройкѣ фортификаціонной линіи поперекъ перешейка, отъ Тирренскаго къ Іоническому морю [3]).

Теперь Регій оказался изолированнымъ и долженъ былъ во что бы то ни стало искать соглашенія съ побѣдителемъ. Миръ былъ за-

[1]) Diod. XIV 101. 102, Strab. VI 254.

[2]) Diod. XIV 103. 104, сравн. Polyb. I 6, 2, Polyaen. V 3, 2. О Скиллетіи Strab. VI 261. По Dionys. XX 7 тиранъ во время этого похода завоевалъ два греческихъ города въ Италіи; это могутъ быть только Скиллетій и Кавлонія, такъ какъ взятіе Гиппонія упоминается позднѣе.

[3]) Strab. VI 261, Plin. *Nat. Hist.* III 95.

ключенъ подъ условіемъ уплаты Регіемъ 300 талантовъ, выдачи всего его флота и 100 заложниковъ. Кавлонія тоже подчинилась Діонисію; жители ея были переселены въ Сиракузы, гдѣ получили права гражданства, городъ былъ разрушенъ, а область его отдана локрамъ [1]). Та же участь постигла въ слѣдующемъ году Гиппоній, который, будучи локрской колоніей, тѣмъ не менѣе уже давно находился во враждебныхъ отношеніяхъ со своей метрополіей [2]). На обратномъ пути Діонисій довольно долго простоялъ со своимъ войскомъ подъ Регіемъ, и когда регинцы, заподозривъ его во враждебныхъ намѣреніяхъ, прекратили доставку съѣстныхъ припасовъ его войску, онъ возвратилъ имъ ихъ заложниковъ и началъ осаду. Городъ защищался до послѣдней возможности; наконецъ, на 11-омъ мѣсяцѣ голодъ принудилъ его къ безусловной сдачѣ (387). Побѣдитель нашелъ на улицахъ груды труповъ, а тѣ 6,000 жителей, которые уцѣлѣли, походили скорѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей. Діонисій предоставилъ право выкупа всѣмъ, кто могъ уплатить одну мину; остальные были въ Сиракузахъ проданы въ рабство. Регій подпалъ подъ власть сиракузянъ, и Діонисій построилъ себѣ тамъ дворецъ, сады котораго долго славились своими прекрасными платанами [3]).

Итакъ, Сиракузы снова были подняты Діонисіемъ на степень первоклассной державы. Въ греческой метрополіи взирали съ большими надеждами, а иные и съ большимъ безпокойствомъ, на новое западное государство, возникшее съ такой удивительной быстротой въ теченіе немногихъ лѣтъ [4]). Аѳины еще въ 393 году пытались завязать сношенія съ Діонисіемъ [5]); но онъ не забылъ, что Спарта дважды приходила ему на помощь — въ первый разъ противъ революціи внутри государства, во второй — противъ карѳагенянъ, грозившихъ извнѣ. Поэтому тотчасъ послѣ паденія Регія Діонисій вмѣшался въ Коринѳскую войну въ интересахъ Спарты, и главнымъ

[1]) Diod. XIV 106, Paus. VI 3, 11.

[2]) Diod. XIV 107. 2, Dionys. Hal. XX 7; сравн. Thuc. V 5, гдѣ вмѣсто рукописнаго *Ἰτωνέας* теперь читается *Ἰπωνιέας* (см. выше, т. I стр. 142 прим. 1).

[3]) Diod. XIV 108—112. Theophr. *περὶ φυτῶν ἱστορίας* IV 5, 6, отсюда Plin. *Nat. Hist.* XII 7. Что чтеніе *ῥητῷ* вм. *Ῥηγίῳ*, которое отстаиваетъ Matzat (*Röm. Chronol.* I 132), невѣрно,—ясно для всякаго, кто умѣетъ читать по-гречески. Невѣроятно, чтобы Діонисій разрушилъ городъ (Strab. VI 259); кто строитъ себѣ дворецъ среди развалинъ?

[4]) Lys. *Olymp.* fr. 5, Ephor. fr. 141, Isocr. *Phil.* 81, *ep.* 1.

[5]) *CIA.* II 8, см. ниже, гл. V.

образомъ отправленная имъ эскадра въ 20 тріеръ заставила аѳинянъ согласиться на миръ (см. ниже, гл. V). Да и позднѣе Діонисій и его сынъ оказывали поддержку Спартѣ вездѣ, гдѣ она нуждалась въ ихъ помощи [1]).

Но главнымъ образомъ Діонисій воспользовался годами мира для того, чтобы положить основаніе колоніальной державѣ Сиракузъ. Наиболѣе удобными для этой цѣли являлись прибрежныя области Адріатическаго моря, которыми эллинская колонизація до тѣхъ поръ почти совершенно пренебрегала. На иллирійскомъ берегу заселенъ былъ островъ Исса *(Лисса)* и здѣсь устроена стоянка для флота [2]); на сосѣднемъ Фаросѣ *(Лесина)* съ помощью Діонисія основали колонію паросцы (385) [3]). Хищные иллирійцы съ близъ-лежащаго материка были усмирены сиракузскимъ флотомъ; съ иллирійскими племенами, жившими южнѣе, заключенъ былъ союзъ при посредничествѣ эпирскаго царя Алкета, который, будучи изгнанъ изъ своего государства, нашелъ убѣжище въ Сиракузахъ. Послѣ этого сиракузское войско, вмѣстѣ съ ополченіемъ союзныхъ иллирійцевъ, двинулось въ Эпиръ, побѣдило соперника Алкета въ кровопролитной битвѣ и вернуло послѣднему тронъ его предковъ [4]).

Діонисій распространилъ свою власть также и на противолежащій берегъ Италіи. Здѣсь, у одной изъ немногихъ удобныхъ гаваней на западномъ берегу Адріатическаго моря, онъ основалъ колонію Анкону [5]), а дальше къ сѣверу, при устьѣ По, завладѣлъ Адріей; еще въ позднѣйшія времена «каналъ Филиста» свидѣтельствовалъ здѣсь о творческой дѣятельности этого сиракузскаго тирана [6]).

Такимъ образомъ, сикелы подчинили своему вліянію весь бас-

---

[1]) Köhler *Athen. Mitteil.* I (1876) стр. 1 сл.

[2]) Diod. XV 13, основана „за немного лѣтъ до 385/4 г.", значитъ, около времени осады Регіона или тотчасъ послѣ нея. [Scymn.] 413 сл. показываетъ, что у Діодора надо читать вмѣсто *Λίσσον* — *Ἴσσαν* (Müller *Geogr. Gr. Min.* I 30 съ возраженіемъ Bauer'а, *Arch.-epigr. Mitteil. aus Oesterreich.* XVIII 128 слл.).

[3]) Diod. XV 13. 14, [Scylax.] 24, сравн. Bauer l. c.

[4]) Diod. XV 13.

[5]) Strab. V 241, Plin. *Nat. Hist.* III 111, сравн. Juven. IV 30 (*Dorica Ancon*). Очень невѣроятно, чтобы Анкона была основана сиракузскими изгнанниками, какъ сообщаетъ Страбонъ; наоборотъ, Діонисій пользовался адріатическими колоніями, какъ мѣстомъ для ссылки политическихъ преступниковъ: такъ, сюда былъ сосланъ Филистъ.

[6]) Plin. *Nat. Hist.* III 121. *Etym. Magn.* *Ἀδρίας*, Plut. *Dion.* 11. Онъ же ввелъ въ Сицилію венетскихъ скаковыхъ лошадей (Strab. V 212).

сейнъ Адріатическаго моря, и для сиракузской торговли открылся обширнѣйшій рынокъ, который до сихъ поръ находился въ рукахъ, главнымъ образомъ, Тарента и Корциры. Господства на Тирренскомъ морѣ добивался еще Гіеронъ (см. выше т. I, стр. 310 сл.), а послѣ паденія Дейноменидовъ демократія сдѣлала дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи. Ея флотъ опустошилъ побережье Этруріи и этрусскаго Кирна и завоевалъ важную Эѳалію *(Эльба)* съ ея богатыми желѣзными рудниками (около 453 г.) [1]). Но скоро все вниманіе сиракузянъ было поглощено сицилійскою смутою. Они покинули Эльбу и Исхію, и сиракузское вліяніе въ Тирренскомъ морѣ смѣнилось аѳинскимъ. Теперь Діонисій возобновилъ борьбу съ этрусками. Моментъ для этого былъ какъ нельзя болѣе благопріятенъ; на югѣ Этрурію тѣснили римляне, нѣсколько лѣтъ назадъ завладѣвшіе могущественными Вейями, а на сѣверѣ этрусскія владѣнія въ равнинѣ По были завоеваны кельтами, которые съ тѣхъ поръ черезъ Апеннины совершали опустошительные набѣги на самую Этрурію. По преданію, Діонисій еще въ лагерѣ подъ Регіемъ заключилъ союзъ съ этими варварами [2]); спустя три года онъ самъ двинулся на Этрурію во главѣ большого флота (384). Берега Этруріи подверглись разграбленію, въ особенности храмъ «Лейкоѳеи» въ Пиргахъ, гавани Церы, гдѣ ограблены были всѣ храмовыя сокровища; жители Церы, вышедшіе въ поле для защиты своей святыни, были прогнаны обратно въ городъ. Діонисій дошелъ до Кирна, гдѣ невдалекѣ отъ южной оконечности острова основалъ станцію для флота, въ гавани, которая съ тѣхъ поръ называлась «сиракузской»; эта позиція служила отличной точкой опоры для военныхъ дѣйствій противъ этрусковъ, какъ и противъ карѳагенской Сардиніи. Возможно, что и Эльба тогда снова подпала подъ власть Сиракузъ [3]).

Эти блестящіе успѣхи въ области внѣшней политики, благодаря которымъ Сиракузы сдѣлались политическимъ и торговымъ центромъ

---

[1]) Diod. XI 88.

[2]) Justin. XX 5, 4.

[3]) Strab. V 226, Diod. XV 14, сравн. [Aristot.] *Oecon.* II 1349 b, Polyaen. V 2, 20. „Сиракузскую гавань" на Корсикѣ *(Συρακόσιος λιμήν)* упоминаетъ Діодоръ, V 13, 3; она соотвѣтствуетъ, вѣроятно, нынѣшнему Porto Vecchio въ южной части острова. Имя свидѣтельствуетъ, конечно, о существованіи здѣсь сиракузскаго поселенія. О занятіи Эльбы Pais заключаетъ (*Studi Storici* II 347 сл.) на основаніи Aristot. *Polit.* I 1259 a, гдѣ идетъ рѣчь о желѣзныхъ рудникахъ на землѣ Діонисія, подъ которыми могутъ подразумѣваться только эльбскіе рудники.

греческаго Запада, обезпечили спокойствіе внутри страны; даже раздоръ, возникшій въ царствующемъ домѣ, не навлекъ серьезной опасности на тиранію. Братъ Діонисія Лептинъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ началъ вести самочинную политику и былъ за это отставленъ отъ должности главнокомандующаго флотомъ (см. выше стр. 131). Онъ пользовался большой популярностью среди сиракузскаго населенія, и разрывъ, происшедшій между нимъ и Діонисіемъ, конечно еще увеличилъ его популярность. Теперь къ Лептину примкнулъ даже Филистъ, вѣрнѣйшій изъ слугъ Діонисія, которому послѣдній въ значительной степени былъ обязанъ своимъ возведеніемъ на тронъ и который въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ важнѣйшую должность въ государствѣ, должность коменданта сиракузской крѣпости. Лептинъ безъ разрѣшенія главы семьи выдалъ за него свою дочь, и эта явная непокорность вывела Діонисія изъ терпѣнія. Однако онъ не рѣшился прибѣгнуть къ насилію; удаливъ Липтина изъ Сиракузъ съ военнымъ порученіемъ, онъ отправилъ его затѣмъ въ изгнаніе, а жену его и дочь посадилъ подъ арестъ. Филистъ былъ сосланъ въ колоніи на Адріатическомъ морѣ и только послѣ смерти Діонисія получилъ позволеніе вернуться на родину. Множество другихъ лицъ, близко стоявшихъ къ тирану, также были изгнаны или казнены, и даже Поликсенъ, женатый на сестрѣ Діонисія Ѳестѣ, страшась за свою безопасность въ Сиракузахъ, тайкомъ бѣжалъ заграницу. Такимъ образомъ предотвращена была опасность дворцовой революціи, и черезъ нѣсколько лѣтъ Діонисій могъ примириться съ братомъ, которому послѣ его изгнанія оказанъ былъ почетный пріемъ въ Ѳуріяхъ [1]).

Теперь Діонисій считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы окончательно изгнать кареагенянъ изъ Сициліи. Армія и флотъ были въ отличномъ состояніи, постройка сиракузскихъ стѣнъ совершенно окончена, пограничный городъ Селинунтъ превращенъ въ сильную крѣпость [2]). Часть подвластныхъ Кареагену сицилійскихъ городовъ

---

[1]) Diod. XV 7 даетъ подъ $386/_5$ г. очень суммарное и въ частностяхъ не совсѣмъ точное изложеніе этихъ событій. Подробности—у Aeneas 10, 21. 22, Nep. *Dio* 3, 2, Plut. *Dio* 11, Philist. у Plut. *Timol.* 15. Наши источники не сообщаютъ о томъ, когда бѣжалъ Поликсенъ (Plut. *Dio* 21); но, какъ замѣтилъ уже Гротъ (X стр. 311), его бѣгство вѣроятно стоитъ въ связи съ этими событіями.

[2]) Diod. XV 13, 5. Селинунтскія укрѣпленія раскопаны въ послѣдніе годы; по расположенію они обнаруживаютъ большое сходство съ укрѣпленіями Эвріала на Эпиполахъ. Удовлетворительнаго изданія еще нѣтъ; сравн. рефератъ Salinas *Notizie degli Scavi* 1894 стр. 202 сл.

была готова къ отложенію, и Діонисій принялъ ихъ въ свой союзъ. Карѳагенянамъ ничего другого не оставалось, какъ начать войну, и тутъ они нашли союзниковъ въ италійскихъ грекахъ, въ которыхъ страхъ передъ Діонисіемъ превозмогъ ненависть къ варварамъ. Карѳагенъ прислалъ имъ на помощь войско — здѣсь финикійскіе полки впервые вступили на почву Италіи; главная же армія, подъ предводительствомъ «царя» Магона, перешла въ Сицилію. На обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій борьба продолжалась долго и съ перемѣнными успѣхомъ; наконецъ, при Кабалѣ въ западной части Сициліи [1]) произошло большое сраженіе между Магономъ и Діонисіемъ. Карѳагеняне были разбиты на голову, ихъ полководецъ палъ, 5000 человѣкъ были взяты въ плѣнъ побѣдителемъ, остальное войско было окружено непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Карѳагенскіе офицера вступили въ переговоры и приняли предложеніе Діонисія объ уступкѣ всѣхъ карѳагенскихъ владѣній въ Сициліи и уплатѣ контрибуціи, предоставивъ ратификацію этого договора своему правительству. До полученія ея заключено было перемиріе.

Между тѣмъ карѳагенянамъ важно было только выиграть время. Они воспользовались перемиріемъ для того, чтобы преобразовать свою армію и собрать подкрѣпленія; затѣмъ они прекратили переговоры, и военныя дѣйствія возобновились. Противники встрѣтились при Кроніонѣ, недалеко отъ Панорма. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Діонисія; но другое крыло его арміи, которымъ командовалъ его братъ Лептинъ, не устояло противъ непріятеля. Самъ Лептинъ палъ, мужественно сражаясь, а затѣмъ обратились въ бѣгство и полки Діонисія. Остатки разбитой арміи со страшнымъ урономъ достигли наконецъ своего лагеря. Однако и карѳагеняне понесли такія потери, что должны были возвратиться въ Панормъ. Переговоры возобновились, и на этотъ разъ съ бóльшимъ успѣхомъ, такъ какъ Діонисій готовъ былъ купить миръ даже цѣной тяжелыхъ жертвъ. Карѳагену были уступлены Селинунтъ, Гераклея Миноа, Ѳермы и находящаяся вправо отъ Галика часть акрагантской области; кромѣ того Діонисій уплатилъ контрибуцію въ 1000 талантовъ. Карѳагенскія владѣнія занимали теперь около трети всего острова, и опредѣленная этимъ

---

[1]) Pais *Storia della Sicilia* I стр. 133 и 606 полагаетъ, что имя Кабалы — малоазіатскаго происхожденія (сравн. Кабалія) и что оно было занесено въ Сицилію родосцами. Если это вѣрно, то Кабалу слѣдуетъ искать въ области Акраганта. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что она лежала въ западной части острова.

договоромъ граница оставалась безъ измѣненій въ продолженіе цѣлаго столѣтія, пока римляне не завладѣли Сициліей [1]).

За то Кареагенъ отказался отъ своихъ италійскихъ союзниковъ, и Діонисій могъ здѣсь искать возмѣщенія своихъ сицилійскихъ потерь. Онъ взялъ Кротонъ [2]), но попытка завладѣть и Ѳуріями не удалась, такъ какъ отправленный туда флютъ былъ разбитъ бурей [3]). Руководящая роль въ греко-италійскомъ союзѣ, который впрочемъ состоялъ теперь еще только изъ четырехъ городовъ—Ѳурій, Гераклеи, Метапонтія и Тарента, перешла къ послѣднему; но чтобы пощадить самолюбіе другихъ общинъ, Гераклея была назначена мѣстопребываніемъ союзнаго совѣта [4]). При такихъ условіяхъ о соперничествѣ съ Діонисіемъ уже не могло быть рѣчи; напротивъ, чувство самосохраненія заставляло италійцевъ стремиться къ тѣсному единенію съ сицилійскимъ государствомъ, и въ этомъ духѣ тарентинецъ Архитъ направлялъ политику союза [5]).

---

1) Diod. XV 15—17 излагаетъ весь ходъ войны подъ годомъ архонта Фанострата, 383/$_2$, но говоритъ, что въ Италіи и Сициліи долго воевали, прежде чѣмъ сраженія при Кабалѣ и Кроніонѣ рѣшили участь войны. Значитъ война во всякомъ случаѣ продолжалась нѣсколько лѣтъ. Если вѣрно, что кареагеняне въ 379/$_8$ г. возстановили разрушенный Діонисіемъ Гиппоній (Diod. XV 24), то война тогда еще не могла быть окончена, такъ какъ округъ Гиппонія принадлежалъ союзному съ Сиракузами городу Локрамъ. Возможно, что Кротонъ былъ завоеванъ еще до заключенія мира съ Кареагеномъ. Но наличный матеріалъ не даетъ возможности установить хотя бы сколько-нибудь точную хронологію. Несомнѣнно одно—что война началась не раньше 383 года. Ѳермы въ 361 г. находится во власти Кареагена (Diod. XIX 2), Гераклея—въ 357 (Plut. *Dio* 25, Diod. XVI 9); возможно, правда, что оба города были уступлены лишь по слѣдующему договору, но гораздо вѣроятнѣе, что они были уступлены теперь. О мирныхъ переговорахъ послѣ битвы при Кабалѣ см. также Polyaen. VI 16.

2) Liv. XXIV 3. Діонисій (XX 7) относитъ завоеваніе Кротона къ тому же времени, какъ и взятіе Гиппонія и Регія; затѣмъ, по его словамъ, эти города двѣнадцать лѣтъ оставались во власти тирана. По отношенію къ Кротону это невѣрно, потому что послѣ сраженія при Элепорѣ онъ остался независимымъ; а Регіемъ Діонисій владѣлъ до своей смерти, т.-е. болѣе 20 лѣтъ. Итакъ, цифра, которую даетъ Діонисій, можетъ относиться только къ Гиппонію, разрушенному въ 388 г. и снова отстроенному кареагенянами въ 379/$_8$ г.; сравн. Matzat *Röm. Chronol.* I 134.

3) Ael. *Var. Hist.* XII 61, показаніе котораго относительно размѣровъ флота (300 кораблей) безмѣрно преувеличено.

4) Strab. VI 280. Сравн. Polyb. II 39. 6.

5) Относительно политической дѣятельности Архита см. Laert. Diog. VIII 79. 82, Suid. Ἀρχύτας, Ael. *Var. Hist.* VII 14, затѣмъ сообщенія о поѣздкахъ Платона въ Сиракузы.

Теперь на греческомъ Западѣ царилъ глубокій миръ, нарушаемый изрѣдка лишь пограничными войнами съ луканцами. Такимъ образомъ, Діонисій снова могъ посвятить свое вниманіе греческому Востоку. Когда спартанцы зимою 373/2 года осаждали Корциру, онъ отправилъ имъ на помощь эскадру изъ 10 тріеръ, которая впрочемъ прибыла слишкомъ поздно и взята была въ плѣнъ аѳинскимъ стратегомъ Ификратомъ (весною 372 года). Когда затѣмъ ѳиванцы послѣ битвы при Левктрахъ вступили въ Пелопоннесъ, Діонисій снова пришелъ на помощь своимъ старымъ спартанскимъ союзникамъ; тѣ 20 тріеръ и 2000 кельтскихъ и иберійскихъ наемниковъ, которые онъ лѣтомъ 369 года прислалъ въ Коринѳъ, въ значительной степени способствовали неудачѣ второго вторженія Эпаминонда въ Пелопоннесъ. Слѣдующей весною Діонисій оказалъ поддержку фригійскому сатрапу Аріобарзану въ его стараніяхъ возстановить миръ въ Греціи; въ то же время онъ, чтобы придать больше вѣса своему вмѣшательству, послалъ новое вспомогательное войско въ Пелопоннесъ. Этимъ полкамъ и были преимущественно обязаны спартанцы своей «безслезной побѣдой» надъ аркадянами. Въ это время Діонисій заключилъ союзъ и съ Аѳинами; любезность аѳинянъ дошла до того, что на Большихъ Діонисіяхъ ближайшей весною первую награду присудили трагедіи тирана [1]).

Но несмотря на всѣ эти успѣхи, Діонисій не могъ забыть пораженія при Кроніонѣ. Когда затѣмъ въ Карѳагенѣ снова вспыхнула чумная эпидемія, и карѳагенскіе подданные въ Ливіи и Сардиніи, пользуясь этимъ, возстали,—наступилъ, казалось, благопріятный моментъ для отмщенія [2]). Поводъ къ войнѣ былъ легко найденъ, и сиракузская армія снова перешла карѳагенскую границу (368). Селинунтъ и Энтелла тотчасъ примкнули къ Діонисію, Эриксъ былъ взятъ, и приступлено къ осадѣ Лилибея. Но укрѣпленный и защищаемый сильнымъ гарнизономъ городъ отражалъ всѣ приступы; часть сиракузскаго флота была уничтожена въ Дрепанской гавани неожиданнымъ нападеніемъ карѳагенянъ, и такъ какъ уже настала

---

[1]) См. ниже гл. VI, и Köhler *Athen. Mitteil.* I (1876) стр. 1 слл.

[2]) Діодоръ разсказываетъ объ этой чумѣ и слѣдовавшемъ за нею возстаніи уже подъ 379/8 г. (XV 24). Что война началась въ 368 году, это удостовѣряется годомъ смерти Діонисія (367); такимъ образомъ, или Діодоръ помѣстилъ слишкомъ рано начало чумы, или чума вообще не стоитъ ни въ какой связи съ войною, и Діодоръ просто повторяетъ тотъ мотивъ, который въ 397 году побудилъ Діонисія объявить войну карѳагенянамъ.

осень, то Діонисію ничего другого не оставалось, какъ заключить перемиріе съ врагомъ и возвратиться въ Сиракузы [1]).

Однако труды и лишенія похода надорвали здоровье 63-лѣтняго тирана; онъ умеръ еще зимою, не доведя до конца дѣла своей жизни, освобожденія всей Сициліи отъ кареагенскаго ига [2]). Но онъ достигъ важныхъ результатовъ. Если западные греки соединились въ одно государство и тѣмъ остановили успѣхи кареагенянъ и италійскихъ варваровъ, то это была его заслуга, поскольку вообще это могло быть заслугой единичной личности. Діонисій указалъ путь, идя по которому эллинская нація могла не только сохранить свою независимость, но и достигнуть всемірнаго господства, — путь, на который позднѣе вступили Филиппъ и Александръ.

Этими великими успѣхами онъ былъ обязанъ прежде всего своему выдающемуся политическому и военному таланту [3]). Оборона Сиракузъ противъ кареагенянъ, побѣды при Элепорѣ и Кабалѣ принадлежатъ къ самымъ блестящимъ успѣхамъ, какіе отмѣчены военной исторіей древности. Еще болѣе достойно удивленія то, что онъ сумѣлъ изъ сиракузской демократіи создать государство, которое, по выраженію своего основателя, было упрочено стальными цѣпями, внутренній покой котораго въ продолженіе почти полустолѣтія ни разу не былъ нарушенъ смутою. Но Діонисій былъ не только великимъ полководцемъ и замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Какъ показываетъ его имя, «діонисіево искусство» было преемственнымъ въ его домѣ, и уже будучи тираномъ, онъ посвящалъ часы своего досуга сочиненію трагедій. Вѣроятно, ни одинъ изъ его воен-

[1]) Diod. XV 73. Къ этой войнѣ очевидно относится сообщаемая Поліеномъ V 9 хитрость кареагенянина Ганнона; сравн. Justin. XX 5, 11.

[2]) Diod. XV 73. Діонисій царствовалъ 38 лѣтъ (Diod. XIII 96, XV 73, Cic. *Tusc.* V 20, 57, сравн. Ephor. и Tim. у Polyb. XII 4 a, 3 сл.), начало его правленія приходится на лѣто 405 г., въ архонтство Каллія (Diod. XIII 96, Dionys. Hal. VII 1), слѣдовательно его смерть — на годъ архонта Навсигена, 368/7, считая заключительный годъ. Эти цифры и даютъ хронологическій источникъ Діодора и Паросская хроника (*Marm. Par.* 86). Въ теченіе этого года Аѳины заключили союзъ съ Діонисіемъ (*CIA.* II 52), — во время Леней, т.-е. въ январѣ или февралѣ 367 г., одна изъ его пьесъ получила въ Аѳинахъ первую награду, и тотчасъ послѣ этого Діонисій умеръ (Diod. XV 74).

[3]) Сравн. мнѣніе старшаго Сципіона у Polyb. XV 35, 6; на вопросъ, *τίνας ὑπολαμβάνει πραγματικωτάτους ἄνδρας γεγονέναι καὶ σὺν νῷ τολμηροτάτους,* онъ отвѣтилъ: *τοὺς περὶ Ἀγαθοκλέα καὶ Διονύσιον τοὺς Σικελιώτας.*

ныхъ или дипломатическихъ успѣховъ не доставилъ ему столько радости, какъ его побѣда на аѳинской сценѣ [1]).

Путь къ власти шелъ для Діонисія черезъ рѣки крови, да и позднѣе онъ часто бывалъ вынужденъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, даже по отношенію къ людямъ, которые были ему очень близки. Онъ самъ глубоко страдалъ отъ этого; въ одной изъ своихъ трагедій онъ высказалъ мысль, что тиранія—мать несправедливости [2]). Дочерямъ своимъ онъ далъ имена *Ἀρετή* (Добродѣтель), *Δικαιοσύνη* (Справедливость) и *Σωφροσύνη* (Умѣренность). И это не были пустыя слова; Діонисій былъ искренно добродѣтеленъ, его частная жизнь была безупречна, такъ что даже клевета не дерзала касаться ея, и при всей царской роскоши, которою онъ, соотвѣтственно своему положенію, окружилъ себя, лично онъ жилъ чрезвычайно просто [3]). Въ обращеніи съ окружающими онъ былъ одинаково привѣтливъ со всѣми и любилъ удачную шутку даже тогда, когда самъ служилъ для нея мишенью; къ придворнымъ льстецамъ, ползавшимъ у его ногъ, онъ относился съ заслуженнымъ презрѣніемъ [4]). Свою храбрость онъ доказалъ во многихъ сраженіяхъ, но наиболѣе блестящимъ образомъ—при геройскомъ штурмѣ Тавроменія; если онъ во время своего царствованія принималъ мѣры для охраненія себя отъ покушеній, то это было вполнѣ естественно въ эпоху, когда убійство тирана считалось великой заслугою. Правда, съ теченіемъ лѣтъ этотъ страхъ принялъ, повидимому, болѣзненные размѣры; извѣстная легенда о Дамокловомъ мечѣ хорошо характеризуетъ душевное состояніе старѣющаго тирана [5]).

Діонисій вскорѣ послѣ произведеннаго имъ государственнаго переворота женился на дочери Гермократа; когда же она спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы пала жертвой грубыхъ насилій, совершенныхъ надъ нею сиракузскими аристократами (выше стр. 71), Діонисій женился на Аристомахѣ, дочери своего единомышленника Гиппарина, одного изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ Сиракузъ. А такъ какъ этотъ бракъ долго оставался бездѣтнымъ, то Діонисій передъ началомъ войны съ Карѳагеномъ рѣшился взять вторую жену, лок-

---

1) Diod. XV 74.

2) *ἡ γὰρ τυραννὶς ἀδικίας μήτηρ ἔφυ*, у Stob. *Floril.* 49 т. II стр. 285 Mein.

3) Сравн. его характеристику у Cic. *Tusc.* V 20, 57 сля.

4) Eubul. *Dionys.* fr. 25 Kock. (II p. 173).

5) Объ этомъ разсказывали безчисленное множество анекдотовъ; сравн. Holm. *Gesch. Sic.* II стр. 147 сл: Какъ бы ни были они преувеличены, зерно истины должно въ нихъ быть: нѣтъ дыма безъ огня.

рянку Дориду. Она родила ему двухъ сыновей, Діонисія и Гермокрита, и дочь Дикайосину. Тѣмъ не менѣе, Діонисій оставилъ при себѣ и сиракузянку, продолжалъ жить съ нею, и въ концѣ концовъ дождался и отъ нея потомства; она родила ему сыновей Гиппарина и Нисея и дочерей Софросину и Аретэ. Наслѣдникомъ отца по праву являлся Діонисій, какъ старшій сынъ; и несмотря на всѣ интриги родственниковъ Аристомахи, стремившихся возвести на престолъ ея сыновей вмѣсто сына чужестранки, или по крайней мѣрѣ добиться раздѣленія государства,—престарѣлый Діонисій не измѣнилъ своего рѣшенія. Чтобы связать обѣ линіи своего потомства, онъ женилъ своего старшаго сына на его сводной сестрѣ Софросинѣ; впрочемъ, надеждамъ, которыя онъ возлагалъ на этотъ бракъ, не суждено было осуществиться [1]).

Діонисій младшій былъ во многихъ отношеніяхъ прямой противоположностью своему отцу: насколько послѣдній отличался умѣренностью, настолько тотъ былъ распущенъ; притомъ онъ былъ совершенно лишенъ политическихъ и военныхъ способностей, хотя, правда, болѣе мягокъ и миролюбивъ [2]). Тотчасъ по восшествіи на престолъ онъ завязалъ переговоры съ Кареагеномъ объ окончаніи войны, унаслѣдованной имъ отъ отца; обѣ стороны скоро пришли къ соглашенію, въ общемъ на условіи сохраненія каждою изъ нихъ ея прежнихъ владѣній [3]). Вообще же онъ продолжалъ внѣшнюю политику своего отца; онъ посылалъ Спартѣ вспомогательныя войска противъ Өивъ [4]), воевалъ въ интересахъ италійскихъ грековъ съ луканцами и основалъ двѣ колоніи на япигійскомъ побережьѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью прекратить разбойничество на Адріатическомъ морѣ [5]). Внутри госу-

---

[1]) По Diod. XIV 45 и Plut. *Dio* 3, Діонисій одновременно женился на Аристомахѣ и Доридѣ, и у Плутарха это событіе изукрашено еще другими интимными подробностями. Это, конечно, нелѣпо и, прежде всего, совершенно не въ эллинскомъ духѣ; напротивъ, въ томъ видѣ, какъ эти событія изложены нами въ текстѣ, они имѣютъ аналогію въ исторіи спартанскаго царя Анаксандрида (Herod. V 40). Генеалогія семьи Діонисія—у Гольма, *Gesch. Sic.* II 451 (не совсѣмъ правильно). Относительно интригъ изъ-за престолонаслѣдія—Plut. *Dio* 6, Nep. *Dio* 2, сравн. Justin. XXI 1, 3.

[2]) Diod. XVI 5, Plut. *Dio* 7, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1312 a. Относительно его распутной жизни въ Локрахъ см. Strab. VI 259, Justin. XXI 2. 10.

[3]) Diod. XVI 5, Plut. *Dio* 6, сравн. выше стр. 137 прим. 1.

[4]) Xen. *Hell.* VII 4. 12 (336 до Р. Х.) Отсюда слѣдуетъ, конечно, что война съ Кареагеномъ уже была окончена.

[5]) Diod. XVI 5. Источники не сообщаютъ именъ этихъ колоній, но очень вѣроятно, что одною изъ нихъ былъ апулійскій Неаполь. Не относится ли

дарства узда была нѣсколько ослаблена; при вступленіи на престолъ онъ отпустилъ на свободу большое число заключенныхъ, облегчилъ бремя налоговъ [1]), вернулъ на родину изгнанниковъ вродѣ Филиста [2]). Да и вообще Діонисій старался по возможности загладить тѣ несправедливости, которыя его отецъ принужденъ былъ совершить при основаніи государства. Регій былъ возстановленъ какъ самостоятельная община подъ именемъ Фебеи [3]); уцѣлѣвшимъ жителямъ разрушеннаго Наксоса позволено было поселиться на своей старой территоріи, въ Тавроменіи, который такимъ образомъ утратилъ свой прежній характеръ военной колоніи (358/7) [4]).

Самымъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ былъ въ первое время Діонъ, сынъ Гиппарина и, черезъ сестру Аристомаху, шуринъ старшаго Діонисія. Даровитый молодой человѣкъ пользовался большимъ расположеніемъ тирана, и когда братъ послѣдняго, Θеаридъ, умеръ, Діонисій выдалъ его вдову, свою дочь Аретэ, замужъ за Діона и поручилъ ему начальство надъ флотомъ, находившееся до тѣхъ поръ въ рукахъ Θеарида [5]). Діонисій младшій вначалѣ также находился всецѣло подъ вліяніемъ шурина [6]). А Діонъ втайнѣ стремился къ тому, чтобы свергнуть Діонисія съ престола и самому захватить власть или доставить ее одному изъ своихъ племянниковъ. Чтобы подготовить почву для такого переворота, онъ призвалъ Платона въ Сицилію; и философъ дѣйствительно явился туда въ полной увѣренности, что въ Сициліи ему удастся осуществить свою политическую утопію [7]), не догадываясь, что онъ предназначенъ служить орудіемъ политической интриги [8]). Вначалѣ Діонисій со всѣмъ энтузіазмомъ

сюда анекдотъ, сообщаемый Тимеемъ, fr. 127? Впрочемъ, младшій Діонисій находился въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Неаполемъ что́ въ Кампаніи (Diod. XVI 18).

1) Justin. XXI 1, 5.

2) Plut. *Dio* 11, Nep. *Dio* 3, 2. Сравн. выше стр. 135.

3) Strab. VI 258.

4) Diod. XVI 7. Въ инвентарѣ 358/7 г. впервые упоминаются три серебряныя чаши, пожертвованныя тавроменитами въ Делосъ (*CIA*. II 817).

5) Plut. *Dio* 4, Nep. *Dio* 2. Наварxія Діона—Plut. *Dio* 7.

6) Plut. *Dio* 7.

7) Сравн. Plat. *Leg.* IV 709 d сл. Относительно поѣздокъ Платона въ Сицилію см. Zeller *Gesch. d. Phil.* II⁴ 1, 413 сл., 423 сл.

8) Нечего и говорить, что государственный дѣятель въ родѣ Діона ни одной минуты не могъ вѣрить въ осуществимость политическихъ утопій Платона. Онъ и доказалъ это, когда достигъ власти. Но Платонъ не раскусилъ Діона даже въ 357 г., а если эпиграмма на смерть Діона не подложна, то и позднѣе.

своей впечатлительной натуры увлекся новымъ ученіемъ, несмотря на то, что учитель приступилъ къ дѣлу нѣсколько педантично и никакъ не хотѣлъ понять различія между академіей и царскимъ дворцомъ. Нѣкоторое время геометрія была въ модѣ при сиракузскомъ дворѣ; Діонисій началъ даже подумывать о реформѣ государственнаго устройства въ духѣ Платона. Въ концѣ концовъ ему, однако, все стало ясно. Діонъ былъ втихомолку посаженъ на корабль и перевезенъ въ Италію; впрочемъ, его огромныя богатства не были у него отняты, и оффиціально считалось, что Діонъ отправился въ путешествіе за-границу. Спустя короткое время и Платонъ былъ отосланъ обратно въ Грецію. Въ Сиракузахъ руководящее вліяніе перешло къ Филисту; онъ же вскорѣ получилъ и званіе наварха, принадлежавшее передъ тѣмъ Діону. Бразды правленія теперь снова находились въ сильныхъ рукахъ, — главное, въ рукахъ человѣка, который былъ искренно преданъ тирану [1]). Скоро наступило время, когда Діонисій крайне нуждался въ такой опорѣ.

На другомъ концѣ эллинскаго міра, въ понтійскихъ городахъ, дѣла находились въ такомъ же положеніи, какъ въ Сициліи. Правда, тамъ грекамъ не грозилъ такой врагъ, какъ Кареагенъ, потому что на южное побережье Чернаго моря персы обращали мало вниманія, а сѣверный берегъ Понта вообще находился внѣ сферы ихъ вліянія. За то греческіе города при Понтѣ обречены были на безпрерывную борьбу съ варварами, обитавшими внутри материка, которые, сколько бы ихъ ни побѣждали, постоянно снова приходили изъ своихъ степей или горъ; и эта борьба становилась все труднѣе, по мѣрѣ того, какъ греческая культура проникала и къ исконнымъ обитателямъ страны. Въ результатѣ и здѣсь образовалась военная монархія.

Въ Пантикапеѣ, важнѣйшемъ городѣ на киммерійскомъ Босфорѣ, еще во время Персидскихъ войнъ (приблизительно съ 480 года) захватилъ власть родъ Археанактидовъ. Около 438 года эта династія была свергнута Спартокомъ, къ которому и перешла затѣмъ верховная власть [2]). Возможно, что этотъ переворотъ находится въ связи съ экспедиціей Перикла къ Понту (см. выше т. I стр. 399 сл.), послѣдствіемъ которой было обложеніе большинства понтійскихъ городовъ,

---

[1]) Plut. *Dio* 13—16. Diod. XVI 6. Nep. *Dio* 3 сл.

[2]) Diod. XI 31. Эта босфорская монархія отнюдь не представляетъ собою, какъ думали, „древняго греческаго городского царства, которое сохранилось здѣсь въ своеобразной формѣ“, — по той простой причинѣ, что ко времени основанія понтійскихъ колоній форма городского царства уже давно исчезла въ іонійской метрополіи.

вѣроятно также и самой Пантикапеи, данью въ пользу аѳинянъ. Когда затѣмъ могущество Аѳинъ было сокрушено въ Пелопоннесской войнѣ, сыну Спартока, Сатиру, удалось добиться независимости, отнять у аѳинянъ и подчинить своей власти остальные греческіе города у Босфора — Фанагорію, Нимфей и Гермонассу; его верховную власть должны были признать и сосѣднія варварскія племена азіатскаго побережья, какъ напримѣръ синды и дандаріи [1]). Такимъ образомъ это «босфорское царство», какъ оно отнынѣ называется, сдѣлалось одной изъ первыхъ державъ на Понтѣ. Впрочемъ, дружественныя отношенія съ Аѳинами были вскорѣ возстановлены, такъ какъ, съ одной стороны, Аѳины послѣ катастрофы при Эгоспотамосѣ не могли болѣе думать объ осуществленіи своихъ правъ на эту отдаленную область и въ то же время не могли обойтись безъ ввоза понтійскаго хлѣба, а съ другой—босфорскіе князья находили въ Аѳинахъ наилучшій рынокъ для сбыта продуктовъ своей страны. Поэтому они предоставили аѳинскимъ купцамъ драгоцѣнныя привилегіи, какъ напримѣръ право безпошлиннаго вывоза хлѣба и право нагружать свои корабли раньше всѣхъ другихъ; въ награду за эти льготы Аѳины щедро надѣляли дружественныхъ государей почестями [2]).

При осадѣ укрѣпленной Ѳеодосіи *(Каффа)* Сатиръ былъ убитъ (около 390 г.) [3]), и когда его сынъ Левконъ возобновилъ попытку овладѣть этимъ городомъ, ему пришлось вступить въ войну съ могущественной Гераклеей, которая, какъ мы знаемъ, владѣла на Таврическомъ полуостровѣ колоніей Херсонесомъ и для которой поэтому было въ высшей степени важно остановить поступательное движеніе босфорскихъ царей. Левконъ принужденъ былъ снять осаду Ѳеодосіи и лишь съ трудомъ спасъ собственную страну отъ нападенія сильнаго непріятельсккго флота [4]). Въ концѣ концовъ онъ однако до-

[1]) Такъ какъ Нимфей былъ данникомъ Аѳинъ (см. т. I стр. 399 пр. 1), то то-же самое должно относиться и къ сосѣдней Пантикапеѣ и къ остальнымъ босфорскимъ городамъ. О томъ, что Нимфей былъ „преданъ“ дѣдомъ Демосѳена съ материнской стороны Гилономъ, сообщаетъ Aesch. *пр. Ктесиф.* 171 сл. Объ отношеніяхъ Сатира къ варварамъ, обитавшимъ у Мэотиды, — Polyaen. VIII 55, откуда явствуетъ, что по крайней мѣрѣ синды были подчинены уже Сатиромъ; его сынъ Левконъ носитъ уже титулъ *βασιλεύων Σινδῶν Τορετέων Δανδαρίων Ψησσῶν* (Dittenb. 100).

[2]) Объ отношеніяхъ босфорскихъ князей къ Аѳинамъ — Isocr. *Trapezit.*, Demosth. *пр. Лепт.* 29—40, *пр. Форм.* 36 p. 917, Dinarch. *пр. Дем.* 43, Strab. VII 311 и аѳинскій декретъ *CIA.* IV 2, 109 b.

[3]) Schol. Rav. къ Demosth. *пр. Лепт.* 33, Harpocr. *Θευδοσία* (p. 153 Dindorf).

[4]) Polyaen. VI 9, 3 — 4; V 23 также должно относиться къ этой войнѣ, такъ какъ Ѳеодосія позднѣе принадлежала къ босфорскому царству.

стигъ своей цѣли, вѣроятно въ то время, когда внутреннія смуты отвлекли вниманіе Гераклеи отъ внѣшнихъ дѣлъ (около 365 г.); съ тѣхъ поръ Ѳеодосія оставалась соединенной съ босфорскимъ царствомъ [1]). Внутри государства Левкону, какъ уже отцу его Сатиру, приходилось бороться съ разнообразными трудностями, потому что и на берегу Босфора существовала, конечно, сильная республиканская партія, а тяжелый гнетъ налоговъ, который здѣсь, какъ и вездѣ, влекла за собою военная монархія, постоянно разжигалъ и усиливалъ недовольство [2]). Однако Левкону удалось до самой смерти сохранить власть при помощи греческихъ наемниковъ и благодаря вѣрности его скиѳскихъ подданныхъ [3]). Ему наслѣдовали (въ 347 г.) его сыновья Спартокъ и Перисадъ, которые царствовали совмѣстно до тѣхъ поръ, пока спустя пять лѣтъ Спартокъ умеръ и Перисадъ сдѣлался единовластнымъ государемъ. Въ теченіе его долгаго царствованія (до 309 г.) всѣ варварскія племена, обитавшія на восточномъ берегу Мэотиды, отъ Кавказа до Танаиса, были подчинены босфорскому царству [4]). Потомки Перисада царствовали на Босфорѣ еще два столѣтія, пока наконецъ послѣдній Спартокидъ, носившій также имя Перисада, принужденъ былъ уступить государство Митридату Эвпатору, царю Каппадокіи [5]).

---

1) Завоеваніе Ѳеодосіи относится ко времени до 354 г. (Demosth. *пр. Лепт.* 33). Съ тѣхъ поръ Левконъ именуется *ἄρχων Βοσπυρου καὶ Θεοδοσίης* (Dittenb. 100).

2) Восстанія при Сатирѣ—Isocr. *Trapez.* 5, ненадежность гоплитовъ Левкона (очевидно, гражданскія ополченія)—Polyaen. VI 9, 4, его финансовыя затрудненія—Polyaen. VI 9, 1—2, тяжесть налоговъ—Diod. XX 24, 4 (относится ближайшимъ образомъ къ эпохѣ Перисада). Только столица Пантикапея была свободна отъ поборовъ, но, повидимому, позднѣе потеряла эту привилегію (Diod. l. c.).

3) Вѣрность скиѳовъ—Polyaen. VI 9, 4. Отношенія Левкона къ аркадскому союзу (Dittenb. 99) заставляютъ предполагать, что у него находились на службѣ аркадскіе наемники.

4) Перисадъ называется вначалѣ, какъ его отецъ, *βασιλεύων Σινδῶν καὶ Τορετῶν καὶ Δανδαρίων,* затѣмъ *βασιλεύων Σινδῶν καὶ Μαϊτῶν πάντων*, наконецъ *βασιλεύων Σινδῶν καὶ Μαιτῶν πάντων καὶ Θατέων* (Dittenb. 102 до 104).

5) Объ исторіи босфорскаго царства Boeckh *CIG.* II p. 81 слл., Schaefer *Demosth.* I² 261 слл. и *Rhein. Mus.* 33 (1878) 418 слл., Latyschew *Inscr. orae sept. Ponti Euxini* II стр. IX слл. Для хронологіи основою служатъ показанія Діодора; по его свидѣтельству Археанактиды царствовали 42 года, $480/_{79}$—$438/_{7}$ (XII 31), Спартокъ 7 лѣтъ, $438/_{7}$—$433/_{2}$ (*sic*, XII 31. 36), Сатиръ 40 лѣтъ, $433/_{2}$—$393/_{2}$ (XII 36, XIV 93; въ первомъ мѣстѣ его имя искажено въ *Σέλευχος*, а продолжительность царствованія указана по Lex. Patm., который, впрочемъ,

Подобно другимъ греческимъ тиранамъ той эпохи, босфорскіе тираны по отношенію къ своимъ эллинскимъ подданнымъ не принимали царскаго титула; они называютъ себя «архонтами Босфора и Θеодосіи», а царями именуютъ себя только въ отношеніи къ подвластнымъ варварскимъ племенамъ [1]). Даже на монетахъ они чеканили не свое имя, а названіе своей столицы Пантикапеи, которая и въ иныхъ отношеніяхъ занимала первенствующее положеніе среди босфорскихъ городовъ. Да и вообще они, вѣроятно, оставляли своимъ подданнымъ подобіе республиканской свободы; фактически же вся власть находилась въ рукахъ государей, такъ что, напримѣръ, Перисадъ собственною властью раздавалъ проксенію и связанное съ нею освобожденіе отъ пошлинъ, притомъ на протяженіи всего государства [2]). Впрочемъ, босфорскіе тираны въ общемъ не злоупотребляли своею властью и были для своихъ подданнымъ милостивыми и справедливыми правителями [3]).

Важнѣйшими городами на южномъ побережьи Понта были Синопъ и Гераклея. Они съумѣли по крайней мѣрѣ фактически отстоять свою независимость противъ персовъ, или, во всякамъ случаѣ, скоро снова вернуть себѣ свободу. Затѣмъ Синопъ примкнулъ къ Аθинамъ, около того времени, когда Периклъ предпринялъ свою экспедицію въ Понтъ (см. выше I 399 сл.); напротивъ, Гераклея сохранила свою самостоятельность и по отношенію къ Аθинамъ [4]). Послѣ паденія морского владычества Аθинъ, около конца V и начала IV столѣтія, Синопъ становится могущественнымъ городомъ: опираясь на

во второмъ мѣстѣ даетъ 44 года), Левконъ 40 лѣтъ, $393/_2$ — $354/_3$ (XIV 93, XVI 31), Спартокъ II 5 лѣтъ, $354/_3$—$349/_8$ (XVI 31. 52), Перисадъ 38 лѣтъ, $349/_8$—$310/_9$ (XVI 52, XX 22). Что нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ неточны, показываетъ аθинскій декретъ *CIA*. IV 2, 109 b (сравн. Schaefer. *Rhein*. *Mus*. l. c.) отъ весны 346 г., согласно которому Спартокъ и Перисадъ правили тогда совмѣстно и лишь недавно вступили на престолъ. Такимъ образомъ Левконъ умеръ, повидимому, только въ 347 году; значитъ, если онъ царствовалъ 40 лѣтъ, то онъ воцарился въ 387 году. Дѣйствительно, изъ Isocr. *Trapez*. явствуетъ, что Сатиръ царствовалъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ 394 г. А что Сатиръ и Левконъ царствовали каждый ровно по 40 лѣтъ, это и по существу мало вѣроятно.

[1]) Demosth. *пр. Лепт*. 29, Latyschew *Inscr*. II 6—13. 15 (изъ Пантикапеи) 343—349 (изъ Фанагоріи).

[2]) Latyschew II 1—3. Эвмелъ послѣ смерти Перисада возвратилъ пантикапейской общинѣ ея *πάτριος πολιτεία* (Diod. XX 24, 4), которая, значитъ, была отнята у нея при Перисадѣ или его предшественникахъ.

[3]) Chrysipp. у Strab. VII 301, и по другому источнику Strab. VII 310.

[4]) Justin. XVI 3, 9—12, сравн. Thuc. IV 75.

многочисленный флотъ, онъ владычествуетъ надъ своими колоніями Трапезунтомъ, Керасомъ и Котіорой и какъ равный равному даетъ отпоръ князьямъ сосѣдней Пафлагоніи [1]). Но когда Пафлагонія была покорена персидскимъ сатрапомъ Датамомъ, Синопъ также не могъ долѣе сохранить свою независимость и послѣ мужественнаго сопротивленія подчинился Датаму (около 370 г.); съ этихъ поръ до эпохи Александра городъ оставался подъ властью персовъ [2]).

Гераклея была счастливѣе Синопа; ей удалось отстоять свою независимость и противъ персовъ. Городъ владѣлъ обширной территоріей, исконное населеніе которой, ѳракійское племя маріандиновъ, въ качествѣ крѣпостныхъ обрабатывало поля своихъ греческихъ господъ, а въ военное время поставляло отличныя команды для флота. Строй государства былъ, какъ естественно при такихъ условіяхъ, олигархическій, и вся власть находилась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ [3]). Постепенно число гражданъ, облеченныхъ правомъ участвовать въ управленіи, было расширено до 600, и въ концѣ концовъ введено демократическое устройство [4]). Но народъ не былъ удовлетворенъ политическими правами, которыхъ онъ добился, и требовалъ всеобщаго прощенія долговъ и распредѣленія земельной собственности на новыхъ началахъ. Городской совѣтъ въ виду этой опасности не придумалъ ничего лучшаго, какъ броситься въ объятія Клеарха, вліятельнаго гражданина Гераклеи, который нѣсколько лѣтъ назадъ былъ изгнанъ, какъ противникъ господствующей партіи, и теперь служилъ въ Персіи начальникомъ отряда наемниковъ. Клеархъ явился, но самъ сталъ во главѣ движенія, для подавленія котораго онъ былъ призванъ. Онъ оцѣпилъ своимъ войскомъ зданіе совѣта и арестовалъ всѣхъ членовъ совѣта, которые не успѣли спастись бѣгствомъ; имѣнія арестованныхъ и бѣжавшихъ были конфискованы, а рабы ихъ освобождены (364). Тщетно изгнанники съ оружіемъ въ рукахъ пытались

---

[1]) Xen. *Anab.* V 5, 10, синопскій гармостъ въ Котіорѣ *Anab.* V 5, 19; отношенія къ Пафлагоніи *Anab.* V 5, 23.

[2]) О занятіи ея Датамомъ сравн. Polyaen. VII 21, 2. 5, Aeneas 40, 4; Датамъ и другіе персидскіе сатрапы чеканили здѣсь монету. Роль Синопа при крушеніи персидскаго царства—Arr. III 24, 4, Curt. VI 5, 6.

[3]) По Aristot. *Polit.* VIII (V) 1304 b въ Гераклеѣ первоначально существовала демократія, которая *μετὰ τὸν ἀποικισμὸν εὐθύς* была свергнута богатыми. Уже Гротъ (XII 282 прим. 2) указалъ на то, что въ виду тѣхъ соціальныхъ отношеній, какія господствовали въ Гераклеѣ, это извѣстіе въ высшей степени неправдоподобно.

[4]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1304 b, 1305 b, Aeneas 11, 10. Когда была введена демократія, мы не знаемъ,—вѣроятно лишь въ IV вѣкѣ.

добиться возвращенія; побѣда осталась на сторонѣ Клеарха, и онъ жестоко расправился со всѣми, кто еще казался ему подозрительнымъ [1]).

Со стороны персовъ Клеарху нечего было опасаться, потому что какъ-разъ въ это время вспыхнуло великое возстаніе сатраповъ; кромѣ того, Клеархъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы сохранить хорошія отношенія съ персидскимъ царемъ. Противъ окрестныхъ варваровъ онъ велъ счастливыя войны, во время которыхъ онъ дошелъ до Пропонтиды и осаждалъ, правда безъ успѣха, Астакъ, подпавшій подъ власть Виѳиніи [2]). Никогда еще Гераклея не была такъ могущественна. Хотя Клеархъ и не принялъ царскаго титула, тѣмъ не менѣе онъ окружилъ себя истинно-царскою роскошью; въ торжественныхъ случаяхъ онъ появлялся въ пурпурной мантіи, съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, и по преданію дошелъ даже до того, что объявилъ себя сыномъ Зевса и требовалъ, чтобы ему оказывали подобающія почести [3]).

Наконецъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія Клеархъ палъ жертвой заговора, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ его родственниковъ, Хіонъ, сынъ Матрида (352). Однако заговорщики не достигли своей главной цѣли, такъ какъ брату Клеарха Сатиру удалось удержать въ своихъ рукахъ власть надъ Гераклеей. Убійцы тирана были схвачены и казнены, даже ихъ дѣти и остальные родственники не были пощажены, и вообще въ городѣ былъ установленъ режимъ террора. Сатиръ женился на вдовѣ своего брата, но смотрѣлъ на себя

---

1) Кратко упомянуты эти событія у современника Энея, 12, 5, наиболѣе подробно изложены у Justin. XVI 4—5, съ нѣкоторыми уклоненіями у Polyaen. II 30, 1—2, съ легендарными подробностями у Suid. *Κλέαρχος*; сравн. также Diod. XV 81 и Theop. fr. 200. Нашъ главный источникъ по исторіи Гераклеи, выписки Фотія изъ Мемнона (*FHG*. III 526 сл.), начинается лишь со смерти Клеарха и даетъ только характеристику тирана. Основнымъ источникомъ для хронологіи являются показанія Діодора. По его извѣстіямъ Клеархъ царствовалъ 12 лѣтъ, $364/_3$ — $353/_2$ (XV 81, XVI 36), Тимоѳей 15 лѣтъ, до $337/_6$ (XVI 36. 88), Діонисій 32 года, до $306/_5$ (XVI 88. XX 77). Что Клеархъ дѣйствительно достигъ власти въ $364/_3$ г., явствуетъ и изъ Justin. l. c., по словамъ котораго гераклейскій совѣтъ, прежде чѣмъ броситься въ объятія Клеарха, обращался съ просьбою о помощи къ Эпаминонду, который именно лѣтомъ 364 года прибылъ въ Византію (см. ниже, гл. VI). По Мемнону (I 4) Клеархъ правилъ 12 лѣтъ, Сатиръ 7 (II 5), входящіе у Діодора въ 15 лѣтъ царствованія Тимоѳея, Діонисій 30 лѣтъ (IV 9), тогда какъ по сообщенію гераклейскаго историка Нимфиса Діонисій царствовалъ 33 года (fr. 16, *FHG*. III 15).

2) Polyaen. II 30, 3, сравн. Memn. XX 1, Strab. XII 563.

3) Memn. I 1, Justin. XVI 5, 8, Suid. *Κλέαρχος*.

лишь какъ на опекуна его двухъ малолѣтнихъ сыновей Тимоѳея и Діонисія, которымъ и передалъ правленіе, какъ только старшій, Тимоѳей, подросъ (345/4) [1]). Тиранія была теперь достаточно упрочена, и новый государь могъ ослабить поводья. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ были освобождены, частные долги были уплачены изъ государственной казны, политическія преслѣдованія прекратились; однако вернуть изгнанниковъ еще не рѣшились [2]). Во-внѣ Тимоѳей также сумѣлъ сохранить независимость государства, хотя именно въ это время, послѣ покоренія Египта, персидскій царь сталъ сильнѣе затягивать узду въ Малой Азіи. Такимъ образомъ Тимоѳей быстро пріобрѣлъ популярность, и когда онъ послѣ восьмилѣтняго царствованія умеръ (337/6), его смерть вызвала искреннюю и всеобщую печаль. Діонисій правилъ государствомъ въ духѣ своего брата. Вскорѣ побѣда, одержанная Александромъ при Граникѣ, освободила его отъ опасности, которая до тѣхъ поръ грозила ему со стороны персовъ, и дала ему возможность распространить свою власть насчетъ сосѣднихъ варварскихъ племенъ. Александру некогда было думать о Малой Азіи; а когда начались смуты эпохи діадоховъ, Діонисій, благодаря разумной политикѣ, которой онъ держался по отношенію къ новымъ властителямъ, сумѣлъ сохранить власть до самой смерти и передать престолъ своимъ сыновьямъ. Только Лисимахъ свергъ династію Клеарха, которая въ продолженіе 76 лѣтъ правила Гераклеей. И здѣсь, какъ въ Сициліи и на сѣверномъ побережьи Понта, военная монархія исполнила свою задачу — обезпечить существованіе передовыхъ греческихъ постовъ противъ нападеній сосѣднихъ варваровъ.

---

1) Что оба царствовали совмѣстно, это сказано у Memn. III 1 и подтверждается монетами съ надписью *Τιμοθέου Διονυσίου*. Діонисій умеръ 55 лѣтъ (Nymph. fr. 16, Memn. IV 9), слѣдовательно родился около 359 г.; Тимоѳей былъ, вѣроятно, на 2—3 года старше, значитъ онъ принялъ бразды правленія 16—17 лѣтъ, т.-е. тотчасъ по достиженіи совершеннолѣтія.

2) Memn. III, сравн. исократовское письмо къ Тимоѳею. Потомки изгнанныхъ вернулись лишь послѣ смерти Лисимаха (Memn. XI 3).

ГЛАВА V.

Коринѳская война и Анталкидовъ миръ.

Въ то самое время, когда Діонисій собиралъ эллинскій Западъ въ единое государство, на востокѣ началось распаденіе основанной Лисандромъ державы. Нѣкогда нація восторженно привѣтствовала Спарту, когда послѣдняя взялась за оружіе, чтобы сокрушить деспотическое владычество аѳинянъ; но какъ только Спарта одержала побѣду, настроеніе Эллады совершенно измѣнилось. Виною тому было въ значительной степени своеволіе олигархическихъ правителей, назначенныхъ Лисандромъ. Затѣмъ спартанское правительство сдѣлало все, что̀ было возможно, для устраненія этихъ безпорядковъ; и когда періодъ революцій окончился, и въ предѣлахъ прежняго аѳинскаго государства снова водворенъ былъ порядокъ, господство Спарты было далеко не такъ тягостно, какъ прежде господство Аѳинъ. Но каждый союзъ, объединяющій націю, на какихъ бы началахъ онъ ни былъ организованъ, неизбѣжно ограничиваетъ самостоятельность отдѣльныхъ государствъ; а при рѣзкомъ индивидуализмѣ, составлявшемъ основную черту греческаго характера, такія ограниченія переносились, конечно, съ большимъ неудовольствіемъ. Кромѣ того, и въ государствахъ, сохранившихъ до сихъ поръ свою независимость, также стали смотрѣть съ возраставшимъ страхомъ на грозное могущество спартанской державы.

Между этими государствами первое мѣсто въ политическомъ отношеніи занимала Беотія. Она оставалась вѣрной союзницей Спарты во все время ея борьбы съ Аѳинами; но тотчасъ послѣ побѣды беотянамъ стало ясно, какой тяжкой ошибкою было доставить Спартѣ безусловный перевѣсъ въ Элладѣ. Поэтому Беотія дала у себя убѣжище изгнаннымъ изъ Аѳинъ демократамъ и всячески содѣйствовала ихъ возвращенію на родину (см. выше стр. 94);-затѣмъ она отка-

зала Спартѣ въ союзнической помощи противъ пирейскихъ демократовъ, противъ Элиды и Персіи, и когда царь Агесилай передъ отъѣздомъ въ Азію хотѣлъ, подобно Агамемнону, принести жертву въ Авлидѣ—беотархи силою помѣшали ему [1]).

Поведеніе Беотіи естественно должно было повліять и на сосѣднія государства. Локрида и эвбейскія общины и безъ того находились всецѣло подъ беотійскимъ вліяніемъ; но очень серьезнымъ симптомомъ было то обстоятельство, что даже Коринѳъ, бывшій въ теченіе цѣлаго столѣтія вѣрнѣйшимъ изъ союзниковъ Спарты, послѣдовалъ примѣру Беотіи и подъ ничтожными предлогами не выставилъ обычнаго контингента ни во время элейской, ни во время персидской войны [2]).

Аѳины со времени возстановленія демократіи также находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Беотіей. Но здѣсь пока еще не имѣли возможности проявить эти симпатіи на дѣлѣ. Прежде всего нужно было залечить раны, нанесенныя странѣ войной и революціей. Это была, казалось, неисполнимая задача. Бо̀льшая часть Аттики превратилась въ пустыню, промышленность и торговля пришли въ совершенный упадокъ, потеря внѣшнихъ владѣній лишила тысячи гражданъ всякихъ средствъ къ жизни [3]). Притомъ государство было наканунѣ банкротства; доходы изсякли, казна была пуста и обременена непосильными долгами [4]). Если тѣмъ не менѣе удалось въ теченіе немногихъ лѣтъ устранить кризисъ, то этотъ успѣхъ, равносильный любой побѣдѣ, блестяще свидѣтельствуетъ о жизненности аѳинскаго народа.

Политическое возрожденіе государства было сопряжено почти еще съ большими трудностями, чѣмъ экономическое. Хотя амнистія наружно примирила враждующія партіи, но глубокій расколъ, вызванный послѣдними событіями въ средѣ гражданъ, было нелегко уничтожить. Вражда между «городскими гражданами» и «пирейскими гражданами» еще много лѣтъ опредѣляла характеръ политической жизни Аѳинъ, пока подросло новое поколѣніе, не принимавшее участія въ революціи [5]). Толпа недовѣрчиво относилась къ тѣмъ тремъ тысячамъ

---

1) Xen. *Hell.* III 4, 4; 5, 5, Plut. *Ages.* 6, сравн. *Pelop.* 21, Paus. III 9, 3—4.

2) Xen. *Hell.* III 2, 25; 5, 5, Paus. III 9, 2.

3) Thuc. VII 27. 28, Xen. *Memor.* II 7 и II 8, 1. Подробнѣе—Büchsenschütz *Besitz und Erwerb* стр. 600.

4) Сравн. особенно Lys. *пр. Ником.* 22, Demosth. *пр. Лепт.* 11 сл.

5) Въ послѣдній разъ эта вражда ярко выступаетъ въ рѣчи Лисія противъ Эвандра, 382.

лицъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій, которыя въ правленіе Тридцати одни пользовались активными правами гражданства и до послѣдней минуты съ оружіемъ въ рукахъ противились возстановленію демократіи. Это недовѣріе было вполнѣ естественно, хотя, въ сущности, едва ли основательно, потому что террористическое правленіе Тридцати болѣе способствовало торжеству демократической идеи, чѣмъ все великое, что̀ свершила демократія въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Громадное большинство состоятельныхъ гражданъ окончательно излечилось отъ припадковъ увлеченія олигархическимъ идеаломъ [1]); въ теченіе восьмидесяти лѣтъ не сдѣлано было болѣе ни одной попытки совершить государственный переворотъ.

Правители употребили все свое вліяніе, чтобы предупредить открытый взрывъ страстей [2]). Но значительная часть демократовъ не была въ состояніи оцѣнить примирительную политику правительства; кромѣ того, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, оказалось много ренегатовъ изъ побѣжденной партіи, которые старались засвидѣтельствовать искренность своего раскаянія путемъ нападокъ на своихъ бывшихъ единомышленниковъ—олигарховъ [3]). Хотя амнистія уничтожила всякую возможность открытаго преслѣдованія за участіе въ олигархическомъ движеніи, однако было довольно средствъ для достиженія этой цѣли окольными путями; и въ этомъ отношеніи правительство часто оказывалось безсильнымъ противъ общественнаго мнѣнія. Дошло до того, что для такъ называемыхъ «городскихъ гражданъ» участіе въ государственныхъ дѣлахъ фактически было сдѣлано невозможнымъ; а въ судахъ ссылка на то, что обвиняемый нѣкогда принадлежалъ къ «тремъ тысячамъ» періода олигархіи, почти всегда оказывала желаемое дѣйствіе на присяжныхъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, Аѳины въ первые годы послѣ заключенія мира совершенно воздерживались отъ самостоятельной внѣшней политики. Онѣ старались выполнить въ точности принятыя ими на себя по отношенію къ Спартѣ обязательства; во время похода въ Элиду, равно какъ и при началѣ персидской войны, Аѳины выставили свой отрядъ въ союзную пелопоннесскую армію [4]). Но онѣ ждали только благопріятнаго момента, чтобы сбросить съ себя

---

[1]) См. прежде всего изображеніе аѳинской революціи, которое даетъ такой убѣжденный консерваторъ, какъ Ксенофонтъ; другія доказательства см. въ *Attische Politik* автора, стр. 114 прим. 1.

[2]) Isocr. *пр. Каллим.* 23.

[3]) Lys. 18 *(пр. Поліоха)* 19.

[4]) Xen. *Hell.* III 1, 4; 2, 25, Diod. XIV 17.

ненавистное иго,—и уже во время похода Агесилая въ Азію рѣшились отказать Спартѣ въ присылкѣ вспомогательнаго отряда [1]), надѣясь въ случаѣ нужды на помощь со стороны Беотіи. А Спарта простила Аѳинамъ это ослушаніе, чтобы не быть вынужденной вести одновременно двѣ войны—одну въ Азіи, другую въ Греціи.

Но скоро обнаружилось, что война все-таки неизбѣжна. Весною 395 г., приблизительно въ то время, когда Агесилай вторгся въ Лидію, возникъ пограничный споръ между опунтскими локрами и ихъ сосѣдями, фокійцами. Беотяне вмѣшались въ дѣло, принявъ сторону локровъ, и Спарта принуждена была взяться за оружіе для защиты союзныхъ фокійцевъ [2]). Въ виду получавшихся изъ Азіи извѣстій о побѣдахъ спартанцевъ казалось, что съ этой стороны имъ не грозитъ никакой опасности; а съ беотянами они надѣялись справиться безъ большого труда [3]). Поэтому въ Фокиду посланъ былъ Лисандръ, чтобы здѣсь и въ сосѣднихъ областяхъ набрать войско и затѣмъ съ запада вторгнуться въ Беотію, а въ это самое время царь Павсаній со всѣмъ ополченіемъ пелопоннесскаго союза долженъ былъ перейти Исѳмъ. Обѣ арміи должны были соединиться при Галіартѣ, въ центрѣ Беотіи [4]).

Лисандръ съ обычной ловкостью выполнилъ первую часть возложенной на него задачи. Орхоменъ, важнѣйшій послѣ Ѳивъ городъ беотійскаго союза, тотчасъ перешелъ на его сторону, и онъ безпрепятственно дошелъ до Галіарта. Здѣсь также существовала партія, которая была готова отложиться отъ Ѳивъ, и Лисандръ надѣялся при ея помощи врасплохъ завладѣть городомъ раньше, чѣмъ подоспѣетъ помощь изъ Ѳивъ. Поэтому онъ, не дожидаясь прихода Павсанія, двинулся къ городу и началъ штурмъ. Но въ это время подошло форсированнымъ маршемъ ѳиванское ополченіе и тотчасъ бросилось на непріятеля, который не выдержалъ неожиданнаго нападенія. Самъ

---

[1]) Paus. III 9, 2.

[2]) Xen. *Hell.* III 5, 3 сл., Diod. XIV 81, Paus. III 9, 9. По Ксенофонту война была вызвана ѳиванцами, правители которыхъ были будто бы подкуплены Тиѳраустомъ. Но это едва ли возможно съ хронологической точки зрѣнія, такъ какъ вторженіе локровъ въ Фокиду произошло по Paus. l. c. во время *σίτου ἀκμή*, съ чѣмъ согласуется и показаніе Діодора, помѣщающаго начало войны въ годъ архонтства Форміона (396/5); между тѣмъ Тиѳраустъ едва ли могъ прибыть въ Сарды раньше іюня, а затѣмъ должно было, конечно, пройти еще нѣкоторое время, пока онъ завязалъ сношенія съ греческими государствами. Сравн. также Plut., *Lys.* 27.

[3]) Xen. *Hell.* III 5, 5.

[4]) Xen. *Hell.* III 5, 6—7.

Лисандръ палъ въ бою; его войско отступило къ близъ-лежащимъ высотамъ, и ѳиванцамъ не удалось выбить его съ этой позиціи. Но смерть полководца глубоко потрясла его армію, и отряды, изъ которыхъ она была составлена, подъ прикрытіемъ ночи разсѣялись по своимъ роднымъ городамъ [1].

Теперь наконецъ, когда было уже слишкомъ поздно, явился царь Павсаній. Его войско, даже само по себѣ, было гораздо многочисленнѣе ѳиванскаго; но онъ медлилъ нападеніемъ, и уже на слѣдующій день военное положеніе измѣнилось. Дѣло въ томъ, что беотяне, при извѣстіи, что Лисандръ набираетъ въ Фокидѣ войско, обратились къ Аѳинамъ съ просьбою о помощи, и Аѳины, не медля ни минуты, изъявили свое согласіе, какъ ни казалось рискованнымъ начинать войну со Спартой безъ флота и безъ длинныхъ стѣнъ [2]. Аѳинское ополченіе тотчасъ перешло черезъ Киѳеронъ и какъ-разъ во-время соединилось съ ѳиванцами при Галіартѣ. Теперь Павсаній уже не рѣшился дать сраженіе и заключилъ перемиріе, обязавшись оставить Беотію. Походъ спартанцевъ окончился полной неудачею [3].

Послѣдствія этой неудачи не замедлили обнаружиться. Коринѳъ со своими колоніями Левкадой и Амбракіей перешелъ на сторону беотянъ; Аргосъ послѣдовалъ примѣру сосѣда; Мегара, Эвбея, западная Локрида, Акарнанія, ѳракійскіе халкидяне также примкнули къ коалиціи противъ Спарты. Для веденія общихъ дѣлъ учрежденъ былъ союзный совѣтъ въ Коринѳѣ. Союзники немедленно перешли въ наступленіе, прежде всего въ Ѳессаліи, куда ларисскій тиранъ Медій призвалъ ихъ на помощь противъ союзника Спарты, тирана Феръ Ликофрона; они изгнали спартанскій гарнизонъ изъ Фарсала, завоевали спартанскую колонію Гераклею у Эты, изгнали оттуда пелопоннесскихъ поселенцевъ и отдали городъ малійцамъ, на территоріи которыхъ онъ былъ основанъ Спартою поколѣніе назадъ. Горныя племена, жившія на Этѣ, присоединились къ союзу. Подкрѣпленный ихъ отрядами, ѳиванскій полководецъ Исменій разбилъ фокійцевъ при Нариксѣ въ Локридѣ; однако Фокида и послѣ этого оставалась вѣрна

---

[1]) Xen. *Hell.* III 5, 17—22, Plut. *Lys.* 28. 29, Diod. XIV 81, Paus. III 5, 3—5, IX 32, 5, сравн. Lys. 16 *(за Мантиѳея)* 13, Demosth. *о вѣнкѣ* 96, *Phil.* I 17. Время битвы явствуетъ изъ Plut. *Lys.* 29 (въ 30-мъ году послѣ сраженія при Деліѣ ($424/_3$), значитъ въ $395/_4$ г.) и изъ послѣдовательности событій у Ксенофонта.

[2]) Xen. *Hell.* III 5, 7—16, Andoc. *о мирѣ* 25, фрагментъ текста союзнаго договора *CIA.* II 6.

[3]) Xen. *Hell.* III 5, 22—24.

союзу со Спартой. Кромѣ нея по ту сторону Исѳма лакедемонскому союзу не измѣнилъ еще только Орхоменъ; напротивъ, въ Пелопоннесѣ отъ Спарты отложился одинъ только Коринѳъ [1]).

Въ виду такого положенія дѣлъ спартанское правительство рѣшилось отозвать Агесилая изъ Азіи [2]). Совокупное нападеніе на Беотію, неудавшееся вслѣдствіе пораженія при Галіартѣ, рѣшено было возобновить ближайшимъ лѣтомъ съ болѣе значительными силами. Между тѣмъ царь Павсаній былъ привлеченъ къ суду; при его враждебномъ отношеніи къ Лисандру было вполнѣ естественно предполагать, что онъ умышленно опоздалъ и что, слѣдовательно, на него падаетъ вина въ неудачѣ экспедиціи и въ смерти лучшаго полководца Спарты. Точно также и его поведеніе по отношенію къ аѳинскимъ демократамъ въ 403 г. должно было теперь, послѣ отложенія Аѳинъ, представляться измѣнническимъ. Поэтому Павсаній, не дожидаясь приговора суда, отправился въ изгнаніе—въ Тегею, гдѣ провелъ еще много лѣтъ, до самой смерти. Престолъ Агіадовъ занялъ его малолѣтній сынъ Агесиполисъ подъ регентствомъ своего ближайшаго родственника Аристодама [3]).

Агесилай не очень торопился исполнить распоряженіе, заставлявшее его отказаться отъ тѣхъ великихъ плановъ, осуществленіе которыхъ казалось ему столь близкимъ; наконецъ, въ срединѣ лѣта онъ перешелъ черезъ Геллеспонтъ и двинулся—правда, форсированнымъ маршемъ — вдоль ѳракійскаго побережья на западъ [4]). Дѣло въ томъ, что союзники собрали тѣмъ временемъ всѣ свои ополченія подъ Коринѳомъ, чтобы открыть наступательныя дѣйствія противъ Спарты. Но многоголовый союзный совѣтъ не могъ быстро придти

---

[1]) Diod. XIV 82, сравн. Xen. *Hell.* IV 2, 17; 3, 15. На то, что и Мегара примкнула къ союзу, указываютъ ея географическое положеніе и Plat. *Θεαίτητος* p. 142 c. Текстъ договора между Аѳинами и локрами — *CIA.* II 7, сравн. Köhler *Hermes* V 1 слл., договоръ между Аѳинами и Эретріей *CIA.* IV 2, 7 b; объ отношеніяхъ между Аѳинами и Ѳессаліей (Фарсалъ и Гиртонъ) въ этотъ періодъ—*CIA.* IV2, 11 d. e.

[2]) Xen. *Hell.* IV 2, 1 слл.

[3]) Xen. *Hell.* III 5, 25, Plut. *Lys.* 30, Paus. III 5, 6 сл., Diod. XIV 89, XV, 23 Что Павсаній въ 385 г. еще былъ живъ, сказано у Ксеноф., *Hell.* V 2, 3—6.

[4]) Xen. *Hell.* IV 2, 1—8, Diod. XIV 83. 14-го августа Агесилай стоялъ на беотійской границѣ (Xen. *Hell.* IV 3, 10); переходъ отъ Геллеспонта занялъ будто бы мѣсяцъ или еще менѣе ([Xen.] *Ages.* 2, 1, откуда Nep. *Ages.* 4, 4). Правда, это показаніе въ виду его реторическаго характера представляется подозрительнымъ; но едва ли Агесилай могъ двинуться отъ Геллеспонта раньше конца іюня.

къ какому-нибудь рѣшенію, и благодаря этому спартанцы имѣли время приготовиться къ оборонѣ. Войско союзниковъ достигло еще только Немеи, въ разстояніи одного небольшого перехода отъ Коринѳа, а пелопоннесская союзная армія подъ предводительствомъ Аристодама стояла уже подъ Сикіономъ; вслѣдствіе этого союзники принуждены были отступить на сѣверъ. На равнинѣ между Коринѳомъ и Сикіономъ, на берегу ручья, вытекающаго изъ Немеи, разыгралось величайшее изъ сраженій, какое когда-либо происходило между двумя греческими арміями (іюль 394 г.). На обѣихъ сторонахъ было по 20,000 гоплитовъ; конницы и легковооруженнаго войска у союзниковъ было гораздо больше, чѣмъ у пелопоннесцевъ. Но они не сумѣли воспользоваться этимъ преимуществомъ; по старой привычкѣ они придавали рѣшающее значеніе атакѣ тяжеловооруженной пѣхоты. Дѣйствительно, союзники лакедемонянъ послѣ непродолжительной битвы обратились въ бѣгство; сами же лакедемоняне, находившіеся на правомъ крылѣ, одержали побѣду надъ сражавшимися противъ нихъ аѳинянами, послѣ чего вся армія союзниковъ была опрокинута отъ своего лѣваго фланга и съ большимъ урономъ отброшена къ Коринѳу. По преданію, союзники потеряли 2,800 человѣкъ, побѣдители — 1,100. О наступательныхъ дѣйствіяхъ союзники, разумѣется, уже не могли и думать; впрочемъ, въ стратегическомъ отношеніи побѣда не принесла Спартѣ никакой пользы, такъ какъ побѣжденное войско нашло опору въ коринѳскихъ укрѣпленіяхъ [1]).

Приблизительно мѣсяцъ спустя, 14-го августа, Агесилай стоялъ на границѣ Беотіи [2]). Онъ почти безпрепятственно прошелъ Ѳракію и Македонію, да и въ Ѳессаліи, бо́льшая часть которой была на сторонѣ непріятеля, онъ не встрѣтилъ сколько-нибудь значительнаго

[1]) Xen. *Hell.* IV 2, 9—23, Diod. XIV 83. Ксенофонтъ опредѣляетъ номинальную величину обѣихъ борющихся армій (Wilamowitz *Hom. Unters.* 273), но зато опускаетъ рядъ союзныхъ контингентовъ, между прочимъ на лакедемонской сторонѣ ахейцевъ и аркадянъ. Уронъ указанъ по Діодору, сравн. Xen. *Hell.* IV 3, 1; очень преувеличены размѣры потери въ [Xen.] *Ages.* 7. Сраженіе произошло въ началѣ или серединѣ іюля 394 г., такъ какъ Агесилай получилъ извѣстіе о побѣдѣ въ Амфиполѣ (Xen. *Hell.* IV 3, 1, сравн. выше стр. 155 прим. 4). По Aristid. II p. 370 Dind. оно произошло въ архонтство Діофанта ($395/_4$), куда помѣщаетъ его и Діодоръ, правда, вмѣстѣ съ событіями, которыя несомнѣнно относятся къ слѣдующему году. По всей вѣроятности сраженіе произошло въ началѣ года Эвбулида ($394/_3$), сравн. надгробную надпись Дексилея (Dittenb. *Syll.* 55) и списокъ павшихъ ibid. 56.

[2]) Xen. *Hell.* IV 3, 10. Дата удостовѣряется солнечнымъ затменіемъ.

сопротивленія [1]). Затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ фокидское и орхоменское ополченія и половину спартанскаго полка *(μόρα)*, стоявшаго гарнизономъ въ Орхоменѣ; другой спартанскій полкъ пришелъ къ нему на помощь отъ сикіонской арміи. Союзники также прислали въ Беотію часть своихъ собранныхъ подъ Кориноомъ войскъ; чтобы прикрыть большую дорогу въ Өивы, они заняли позицію у храма Аөины Итоніи въ коронейской области, въ томъ мѣстѣ, гдѣ возвышенности Геликона спускаются къ копаидской равнинѣ. Здѣсь напалъ на нихъ Агесилай и послѣ очень кровопролитнаго сраженія оттѣснилъ ихъ назадъ къ высотамъ. Но побѣда стóила пелопоннесцамъ столькихъ жертвъ, что Агесилай, самъ раненый, отказался отъ дальнѣйшаго наступленія и увелъ свою армію обратно въ Фокиду. Вскорѣ затѣмъ контингенты отдѣльныхъ городовъ были распущены по домамъ [2]).

Такимъ образомъ, и эта вторая экспедиція, несмотря на двѣ побѣды, оказалась въ стратегическомъ и политическомъ отношеніяхъ безуспѣшной для Спарты. Къ концу лѣта положеніе вещей въ Греціи было совершенно то же, что весною. Между тѣмъ на морѣ споръ былъ рѣшенъ. Послѣ взятія Родоса Кононъ получилъ новое подкрѣпленіе въ 90 тріеръ, которымъ его флотъ былъ увеличенъ до 170 кораблей; номинальное командованіе имъ взялъ на себя, лѣтомъ 394 г., Фарнабазъ, котораго самъ Кононъ рекомендовалъ царю для этой должности. Но и Спарта тѣмъ временемъ дѣлала серьезныя приготовленія, хорошо понимая, какія важныя послѣдствія будетъ имѣть предстоящая борьба. Чтобы сосредоточить руководство военными дѣйствіями на сушѣ и на морѣ въ однѣхъ рукахъ, рѣшили обойтись безъ наварха и возложили на Агесилая также верховное командованіе флотомъ (лѣтомъ 395 г.). Агесилай тотчасъ потребовалъ отъ союзныхъ городовъ, чтобы они построили 120 новыхъ тріеръ; начальникомъ флота онъ назначилъ своего шурина Пейсандра — выборъ, правда, не очень удачный въ виду неопытности послѣдняго въ морскомъ дѣлѣ [3]).

Въ этихъ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ прошелъ конецъ

---

[1]) Xen. *Hell.* IV 3, 1—9, Plut. *Ages.* 16, Diod. XIV 83, Polyaen. II 1, 17.

[2]) Xen. *Hell.* IV 3, 15—23, Plut. *Ages.* 18 сл., сравн. Lys. 16 *(за Мантиө.)* 16. О размѣрахъ армій у насъ нѣтъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ, онѣ были значительно меньше, чѣмъ при Кориноѣ. У Агесилая было легковооруженныхъ войскъ больше, чѣмъ у врага (Xen. *Hell.* IV 3, 15), конницы и вѣроятно также гоплитовъ—столько же. Сраженіе произошло спустя немного дней послѣ солнечнаго затменія 14 августа, незадолго до Пиөій (Plut. *Ages.* 19).

[3]) Xen. *Hell.* III 4, 27—29, Diod. XIV 79, 8.

395 года и первая половина слѣдующаго лѣта; наконецъ, въ началѣ августа Кононъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ греческаго флота, который былъ сосредоточенъ у Книда насупротивъ Родоса, чтобы преградить непріятелю входъ въ Эгейское море. Пейсандръ принялъ вызовъ на сраженіе, сдѣланный ему противникомъ; но греческій флотъ не могъ устоять противъ болѣе сильнаго непріятеля. Скоро бѣгство сдѣлалось всеобщимъ, самъ Пейсандръ палъ, а 50 его кораблей было взято въ плѣнъ; однако бóльшей части экипажа удалось спастись на берегъ [1]).

Эта побѣда сдѣлала Конона господиномъ Эгейскаго моря. Онъ тотчасъ провозгласилъ автономію всѣхъ греческихъ общинъ на островахъ и на малоазіатскомъ побережьѣ, и тутъ обнаружилось, какъ шатко было спартанское господство въ Малой Азіи. Города одинъ за другимъ переходили къ персамъ и изгоняли лакедемонскихъ гармостовъ и гарнизоны [2]). Только два важныхъ пункта на Геллеспонтѣ, Абидосъ и Сестъ, Деркилидъ удержалъ отъ отложенія и отстоялъ противъ нападеній Фарнабаза и Конона [3]).

Съ центральными греческими государствами, образовавшими союзъ противъ Спарты, завязалъ сношенія, по совѣту Конона, еще Тиѳраустъ, приблизительно во время битвы при Галіартѣ; родосецъ Тимократъ отправился посломъ отъ него въ Элладу, роздалъ 50 талантовъ въ качествѣ пособія на военныя издержки наиболѣе вліятельнымъ государственнымъ дѣятелямъ въ Ѳивахъ, Коринѳѣ и Аргосѣ и обѣщалъ дальнѣйшія субсидіи [4]). Теперь наступило время исполнить данныя въ то время обѣщанія. Весною 393 года оба персид-

---

1) Xen. *Hell.* III 4, 27—29, IV 3, 11—12. Diod. XIV 83, Paus. VI 3, 16. По Diod. l. c. персы имѣли свыше 90, Пейсандръ 85 тріеръ; но сложеніе отдѣльныхъ цифръ у Diod. XIV 79 даетъ для кононова флота 170 тріеръ, да и Ксенофонтъ (IV 3, 12) говоритъ, что на сторонѣ персовъ находился большой перевѣсъ. Современникъ Лисій (*объ им. Аристоф.* 28) говоритъ, что сраженіе произошло въ архонтство Эвбулида ($394/_3$); время года опредѣляется упомянутымъ выше солнечнымъ затменіемъ 14 авг. 394 г., которое наступило въ то время, когда извѣстіе о пораженіи прибыло къ Агесилаю въ Фокиду. Сравн. Judeich *Kleinas. Studien* стр. 73 слл.

2) Xen. *Hell.* IV 8, 1—3, Diod. XIV 84, сравн. 94, 3 сл. Статуи Конона въ Самосѣ и Эфесѣ—Paus. VI 3, 16, въ Эриѳрахъ—Dittenberger *Sylloge* 53.

3) Xen. *Hell.* IV 8, 4—6.

4) Xen. *Hell.* III 5, 1—2, Paus. III 9, 8, Polyaen. I 48, 3, Plut. *Apophth. Lacon.* p. 211. Сравн. выше стр. 153. Такъ какъ посредникъ Тимократъ (Plat. *Menon* p. 90 A. называетъ его Поликратомъ) былъ родосецъ, то его посланничество вѣроятно стоитъ въ связи съ завоеваніемъ острова Конономъ.

скихъ адмирала направились въ европейскую Грецію. На морѣ они нигдѣ не встрѣтили сопротивленія; Циклады сами отдались въ ихъ руки, а Киѳера сдалась, какъ только показался непріятельскій флотъ. На островѣ оставленъ былъ гарнизонъ подъ начальствомъ Кононова друга аѳинянина Никофема. Затѣмъ адмиралы поплыли дальше, въ Коринѳъ, гдѣ выдали субсидію союзному совѣту [1]). Только послѣ этого Кононъ вернулся на родину, которой онъ не видѣлъ столько лѣтъ. Онъ явился туда въ ореолѣ недавней побѣды при Книдѣ; позоръ пораженія при Эгоспотамосѣ былъ заглаженъ Аѳины, освобождены отъ гнета лакедемонскаго владычества на морѣ. Естественно, что человѣку, оказавшему такія важныя услуги родинѣ, теперь возданы были почести, какихъ не удостоился еще ни одинъ гражданинъ со времени Гармодія и Аристогитона; Конону, какъ и имъ, воздвигнута была бронзовая статуя, «за то, что онъ далъ свободу союзникамъ Аѳинъ», какъ гласило постановленіе народнаго собранія [2]).

Но Кононъ лелѣялъ еще болѣе широкіе замыслы: онъ стремился къ возстановленію аѳинскаго господства на морѣ. Прежде всего нужно было возстановить укрѣпленія Пирея и длинныя стѣны, разрушенныя нѣкогда Лисандромъ. Въ Аѳинахъ уже раньше приступили къ этимъ работамъ; теперь Кононъ выдалъ аѳинянамъ для этой цѣли большія суммы изъ персидской военной казны и командировалъ экипажъ своего флота для участія въ постройкѣ; однако прошло, конечно, еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ это громадное предпріятіе было доведено до конца [3]). Клерухіи на Лемносѣ, Имбросѣ и Скиросѣ были теперь снова соединены съ метрополіей [4]), верховенство Аѳинъ надъ Делосомъ возстановлено [5]). Съ Хіосомъ, Митиленой и Родосомъ заключены были союзы [6]). Аѳины завязали сношенія и съ Діонисіемъ сиракуз-

---

1) Xen. *Hell.* IV 8, 6—8, Diod. XIV 84.

2) Demosth. *пр. Мид.* 69 сл., Isocr. *Euag.* 57, Paus. I 3, 2.

3) Xen. *Hell.* IV 8, 9—10. Diod. XIV 85. Nep. *Conon* 4. Документы, касающіеся постройки стѣнъ,—*CIA.* II 830—2, IV 2, 830 b-e. Древнѣйшій изъ этихъ документовъ (IV 2, 830 b.)—отъ скирофоріона 395/4 г., т.-е. за 1—2 мѣсяца до битвы при Книдѣ.

4) По мирному договору 404 года эти острова, какъ и остальныя внѣшнія владѣнія Аѳинъ, были уступлены Спартѣ (Andoc. *о мирѣ* 12); уже въ 392 г. они снова оказываются во власти аѳинянъ (Xen. *Hell.* IV 8, 15).

5) Въ 390/89 г. завѣдованіе делосскимъ храмомъ снова находилось въ рукахъ аѳинянъ (*CIA.* IV 2, 813 b).

6) Эти острова находились въ союзѣ съ Аѳинами уже до похода Ѳрасибула (Xen. *Hell.* IV 8, 20. 28, Diod. XIV 94), слѣдовательно, они были привлечены на аѳинскую сторону Конономъ. Сравн. Nep. *Conon* 5.

скимъ; и хотя имъ не удалось привлечь на свою сторону сицилійскаго тирана, — они по крайней мѣрѣ добились того, что Спарта также не получила отъ него помощи [1]).

На сушѣ война почти вовсе прекратилась со дня коронейской битвы [2]). Лакедемоняне ограничивались тѣмъ, что держали гарнизоны въ Сикіонѣ и Орхоменѣ, между тѣмъ какъ союзники послали въ Коринѳъ сильный отрядъ съ цѣлью сдѣлать невозможной для непріятеля всякую попытку перейти Исѳмъ. Подъ защитой этого войска въ Коринѳѣ произошла демократическая революція; наиболѣе вліятельные члены олигархическо-лакедемонской партіи были частью перебиты, частью изгнаны; Коринѳъ добровольно отказался отъ своей автономіи и вступилъ въ аргосскій государственный союзъ (весною 392 г.) [3]).

Изгнанникамъ дарована была амнистія, и они не замедлили доказать свою благодарность тѣмъ, что открыли лакедемонянамъ ворота длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ Коринѳъ съ его гаванью Лехеемъ. Между стѣнами произошло сраженіе, въ которомъ аргивяне были разбиты съ большимъ урономъ; лакедемоняне завладѣли укрѣпленіями и значительную часть ихъ разрушили. Теперь для нихъ открытъ былъ путь черезъ Исѳмъ, и дѣйствительно они овладѣли Сидунтомъ и Кромміономъ, двумя коринѳскими поселками на Сароническомъ заливѣ; ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ помѣшали аѳиняне, которые явились съ сильнымъ войскомъ и вновь возвели разрушенныя стѣны. Въ качествѣ гарнизона остался въ Коринѳѣ отрядъ наемниковъ подъ начальствомъ молодого очень способнаго офицера, Ификрата изъ Рамна, пельтасты котораго скоро сдѣлались грозою для непріятеля благодаря своимъ смѣлымъ набѣгамъ [4]).

---

1) *CIA*. II 8 (отъ зимы 394/3 г.), Lys. *объ им. Арист.* 19 сл.

2) Относительно хронологіи дальнѣйшихъ событій до заключенія мира см. *Attische Politik* автора, стр. 346 — 359. Опорными точками служатъ: упраздненіе моры Ификратомъ, весною 390 года (см. ниже, стр. 164 прим. 1), списокъ лакедемонскихъ наварховъ, и мирный договоръ, заключенный при архонтѣ Ѳеодотѣ (387/6, см. ниже, стр. 171 прим. 1). Распредѣленіе отдѣльныхъ событій въ предѣлахъ этой рамки не вездѣ можетъ быть произведено съ абсолютной точностью, но погрѣшность вѣроятно нигдѣ не превышаетъ года.

3) Xen. *Hell*. IV 4, 1—6. Что вступленіе Коринѳа въ составъ аргосской державы, а слѣдовательно и революція, вслѣдствіе которой оно стало возможно, относятся уже ко времени послѣ пріѣзда Конона,—явствуетъ изъ Xen. *Hell*. IV 8, 10; другіе доводы—Grote, IX 152 (London 1870).

4) Xen. *Hell*. IV 4, 5—18. Что Лехей былъ взятъ Агесилаемъ и Телевтіемъ лишь въ слѣдующемъ году, вытекаетъ изъ Xen. *Hell*. IV 4, 19, сравн. Grote IX 160 прим. 2, Herbst *Jahrb. für Phil.* 77, 693—5.

Теперь въ Спартѣ начали серьезно подумывать о мирѣ. Ясно было, что борьба съ коалицiей центральныхъ греческихъ государствъ и Персiи не обѣщаетъ Спартѣ успѣха, и потому она готова была примириться съ совершившимися фактами, какъ ни тяжело было людямъ, стоявшимъ во главѣ правительства, и особенно царю Агесилаю, отказаться отъ плана завоеванiя Азiи—плана столь близкаго, казалось, къ осуществленiю. Итакъ, лѣтомъ 392 года Анталкидъ отправился посломъ въ Сарды къ новому сатрапу Тирибазу, смѣнившему Тиѳрауста[1]), и отъ имени своего правительства предложилъ уступить Персiи весь азiатскiй материкъ съ тѣмъ условiемъ, чтобы всѣ греческiя государства на островахъ и въ Европѣ были признаны автономными. При тогдашнемъ положенiи дѣлъ только на этихъ условiяхъ Грецiи могъ быть обезпеченъ прочный миръ; и если нацiя покрывала себя позоромъ, покидая азiатскихъ соплеменниковъ на произволъ варваровъ, то отвѣтственность за это падала не на Спарту, вступившую въ борьбу съ Персiей ради освобожденiя азiатскихъ грековъ, а на тѣ государства, которыя дѣйствовали заодно съ персидскимъ царемъ.

Но коалицiя центральныхъ государствъ вовсе не была склонна заключить миръ на такихъ условiяхъ. Не то, чтобы они заботились о величiи и свободѣ Грецiи, а просто каждое изъ нихъ въ отдѣльности считало предложенiя спартанцевъ невыгодными для себя. Аѳины надѣялись возстановить свою прежнюю державу; Аргосъ не хотѣлъ отказаться отъ обладанiя только-что прiобрѣтенннымъ Коринѳомъ, а Ѳивы въ случаѣ принятiя пункта объ автономiи должны были лишиться своей гегемонiи въ Беотiи, которою очень тяготилось большинство мелкихъ городовъ страны. Въ виду такой оппозицiи со стороны своихъ союзниковъ Тирибазъ не осмѣлился предпринять рѣшительный шагъ безъ позволенiя своего царя, хотя самъ стоялъ за заключенiе мира на условiяхъ, предложенныхъ Спартою; онъ отправился къ царскому двору, а пока заключилъ въ тюрьму Конона, который прiѣхалъ въ Сарды съ аѳинскимъ посольствомъ. Въ сущности всѣ дѣйствiя Конона въ теченiе двухъ послѣднихъ лѣтъ были гораздо болѣе направлены къ пользѣ Аѳинъ, чѣмъ къ пользѣ царя, которому онъ служилъ; носились даже слухи,—неизвѣстно, насколько вѣрные, — что у Конона на умѣ еще гораздо болѣе обширные за-

[1]) Хилiархъ Тиѳраустъ повидимому вообще былъ командированъ только для водворенiя порядка въ Малой Азiи и затѣмъ тотчасъ вернулся къ своей высокой придворной должности, можетъ быть еще зимою 395/4 г., сравн. Xen. *Hell.* IV 1, 27, гдѣ Арiей является начальникомъ въ Сардахъ.

мыслы,—что онъ хочетъ вырвать азіатскихъ грековъ у Персіи. Теперь конечно прекратили уплату жалованья флоту, которымъ до сихъ поръ командовалъ Кононъ, и такимъ образомъ этотъ флотъ распался. Впрочемъ, самому Конону удалось спустя короткое время бѣжать изъ тюрьмы; онъ отправился къ своему царственному другу Эвагору на Кипръ, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ болѣзни [1]).

Та политика, которую рекомендовалъ Тирибазъ, была безъ сомнѣнія наиболѣе выгодна для Персіи; но въ Сузахъ еще слишкомъ свѣжо было воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ непріятностяхъ, какія причинила государству Спарта, чтобы царь могъ согласиться на миръ. Напротивъ, вмѣсто Тирибаза въ Сарды былъ посланъ Струѳъ съ порученіемъ энергично продолжать войну противъ Спарты [2]). Въ отвѣтъ на это Спарта отправила (весною 391 г.) войско въ Азію подъ начальствомъ Ѳиброна, который уже раньше командовалъ тамъ арміей. Тотчасъ на сторону Спарты перешли Эфесъ, Пріена и Магнесія [3]); со времени сраженія при Книдѣ они имѣли довольно случаевъ узнать, что̀ значитъ автономія подъ персидскимъ верховенствомъ. Правда, скоро затѣмъ Струѳъ напалъ на Ѳиброна съ превосходными силами и разбилъ его на голову [4]); однако города, пріобрѣтенные Ѳиброномъ, остались вѣрны Спартѣ [5]).

Между тѣмъ къ Спартѣ примкнулъ и Книдъ, а на Родосѣ вспыхнуло возстаніе противъ демократическаго правительства, оказавшееся впрочемъ въ самомъ городѣ безуспѣшнымъ; но побѣжденная партія удержалась въ одной части острова. На помощь ей посланъ былъ въ Малую Азію спартанскій навархъ Экдикъ съ небольшой эскадрою (осенью 391 г.). Ему удалось привлечь на сторону лакедемонянъ Самосъ и мелкіе города на Лесбосѣ; но онъ былъ недостаточно силенъ, чтобы предпринять какія-либо рѣшительныя дѣйствія противъ Родоса. Поэтому ближайшимъ лѣтомъ (390) его эскадра была увеличина до 27 тріеръ, а командованіе ею передано брату Агесилая,

---

[1]) Xen. *Hell.* IV 8, 12—16. О послѣднихъ годахъ жизни Конона—Дейкопъ у Nep. *Conon* 5, 3 сл., Diod. XIV 85, Lys. *объ им. Арист.* 39. 41.

[2]) Xen. *Hell.* IV 8, 17.

[3]) Xen. *Hell.* IV 8, 17, Diod. XIV 99, 1. „Поправка“ *Κόρησσον* вм. сохранившагося въ рукописяхъ Діодора *Κόρνισσον* совершенно нелѣпа, потому что Корессъ лежалъ, какъ извѣстно, непосредственно у Эфеса, а не въ разстояніи 40 стадій, какъ то *ὄρος ὑψηλόν,* о которомъ говоритъ Діодоръ.

[4]) Xen. *Hell.* IV 8, 18—19, Diod. XIV 99.

[5]) Xen. *Hell.* IV 8, 21; V 1, 6.

Телевтію. Такимъ образомъ Спарта снова заняла внушительное положеніе на малоазіатскомъ побережьѣ [1]).

Около того же времени, когда Ѳибронъ отправился въ Азію, Агесилай двинулся къ Аргосу, опустошилъ окрестности города и затѣмъ направился къ Коринѳу; здѣсь онъ овладѣлъ длинными стѣнами и гаванью Лехеемъ съ ея арсеналомъ и всѣмъ стоявшимъ тамъ флотомъ (весною 391 года) [2]). Преграда, такъ долго закрывавшая лакедемонянамъ путь къ Исѳму, была наконецъ сокрушена.

Въ Аѳинахъ и Беотіи теперь начали опасаться нашествія спартанцевъ и поэтому снова завязали въ Спартѣ переговоры о мирѣ, которые въ прошломъ году окончились неудачей въ Сардахъ. На этотъ разъ выработанъ былъ проектъ мирнаго договора, въ общемъ на условіи сохраненія каждой стороной ея наличныхъ владѣній. Аѳины должны были удержать власть надъ Лемносомъ, Имбросомъ и Скиросомъ, а Беотія признать независимость Орхомена; только отъ Аргоса требовалась уступка Коринѳа. Миръ не состоялся вслѣдстіе несогласія аргивянъ и аѳинской радикальной народной партіи, которая въ заключеніи мира со Спартой видѣла опасность для существованія демократіи (391) [3]).

---

1) Xen. *Hell.* IV 8, 20—24, Diod. XIV 97, сравн. XIV 99, 5, согласно которому возстаніе на Родосѣ будто бы увѣнчалось успѣхомъ: въ виду категорическихъ показаній Ксенофонта (особенно IV 8, 22. 25) это извѣстіе не заслуживаетъ вѣры. Переходъ Книда на сторону Спарты совершился, вѣроятно, одновременно съ родосскимъ возстаніемъ; когда Экдикъ прибылъ къ Книду, городъ стоялъ уже на сторонѣ Спарты (Xen. *Hell.* IV 8, 22). Относительно мелкихъ городовъ на Лесбосѣ см. Xen. *Hell.* IV 8, 28, Diod. XIV 94; впрочемъ, возможно, что ихъ привлекъ на спартанскую сторону только Телевтій. О существованіи въ это время аѳинскаго гарнизона на о. Карпаѳѣ— *Inscr. Ins. Maris Aeg.* I 977, Foucart *Bull. Corr. Hell.* XII, 1888, 153 сл.

2) Xen. *Hell.* IV 4, 19, Plut. *Ages.* 21. Время года опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что къ Гіакинѳіямъ Агесилай снова былъ въ Спартѣ ([Xen.] *Ages.* 2, 17, сравн. Unger *Philol.* 37, 13—16).

3) Эти переговоры велъ въ Спартѣ Андокидъ въ качествѣ аѳинскаго посланника, и въ дошедшей до насъ рѣчи онъ убѣждаетъ принять заключенный имъ прелиминарный миръ. Такъ какъ онъ уже упоминаетъ взятіе Лехея (18), то эти переговоры относятся къ 391 году (см. выше, прим. 2); четыре года, которые уже продолжается война (20), это аттическіе годы 395/4 — 392/1 (Götz въ *Acta* Ritschl'я, II 351; Stern *Geschichte der spart. und theban. Hegemonie* стр. 7 сл.). Сепаратный договоръ, посредствомъ котораго аргивяне обезпечили свою страну отъ опустошеній (Andoc. 27), былъ заключенъ или возобновленъ, повидимому, послѣ нашествія Агесилая въ 391 г., потому что въ слѣдующемъ году Агесилай пощадилъ аргосскую область, да и Агесиполисъ

Итакъ, слѣдующей весною Агесилай снова явился подъ стѣнами Коринѳа, въ то самое время, когда тамъ праздновались исѳмійскія игры. Союзники не рѣшались начинать битву, и царь не могъ устоять противъ соблазна устроить состязанія, поручивъ руководство ими коринѳскимъ изгнанникамъ, находившимся въ его войскѣ [1]). Затѣмъ онъ перешелъ черезъ Исѳмъ и опустошилъ всю мѣстность у подошвы Геранеи. Уже изъ Ѳивъ пришло посольство съ предложеніемъ мира; но въ это время Ификрату удалось на прибрежной равнинѣ у Лехея окружить своими пельтастами отрядъ спартанскаго ополченія и значительную часть его уничтожить. Это было пораженіе, подобное сфактерійскому, потому что, хотя матеріальный уронъ не превышалъ 250 человѣкъ, но слава непобѣдимости, окружавшая спартанское ополченіе, снова была сильно поколеблена, союзники начали становиться несговорчивыми и Агесилай принужденъ былъ прервать начатую экспедицію [2]). Съ этихъ поръ военныя дѣйствія лакедемонянъ ограничивались обороной Лехея, тогда какъ Ификратъ господствовалъ надъ всей окрестной страной, уничтожалъ одинокіе непріятельскіе посты и опустошалъ территорію спартанскихъ союзниковъ [3]).

Въ слѣдующемъ году (389) Агесилай снова выступилъ въ походъ, но цѣлью его на этотъ разъ была Акарнанія. Дѣло въ томъ, что

въ 387 г. рѣшился вступить въ нее лишь по опросѣ нѣсколькихъ оракуловъ (Xen. *Hell.* IV 7, 2).

[1]) Что здѣсь можетъ быть рѣчь лишь объ Исѳмійскихъ празднествахъ 390 года, это очевидно и было доказано уже Гротомъ. Дѣйствительно, объ Исѳміяхъ 388 г. невозможно и думать; если же имѣлись бы въ виду празднества 392 г., то занятіе Лехея надо было бы отнести къ 393 г., притомъ къ веснѣ, потому что къ Гіакинѳіямъ Агесилай уже снова былъ въ Спартѣ (см. выше, стр. 163 прим. 2), т.-е. еще ко времени до прибытія Конона въ Коринѳъ,—а это невозможно, такъ какъ гавань въ то время еще находилась во власти коринѳянъ (Xen. *Hell.* IV 8, 10). А если бы мы захотѣли отвергнуть и показаніе [Xen.] *Ages.* 2, 17 и вопреки всякому внутреннему вѣроятію отнести взятіе Лехея на осень, то въ промежутокъ времени между пребываніемъ Конона въ Коринѳѣ (самое раннее—въ маѣ) и концомъ лѣта пришлось бы втиснуть: снаряженіе коринѳскаго флота и битвы въ заливѣ (Xen. *Hell.*, IV 8, 10—11), снаряженіе отряда пельтастовъ Ификратомъ и походы послѣдняго противъ Фліунта и Аркадіи, взятіе и разрушеніе длинныхъ стѣнъ Праксitомъ, возстановленіе ихъ аѳинянами и вторичное занятіе ихъ Агесилаемъ. Это была бы явная нелѣпость. Притомъ, тогда пришлось бы признать рѣчь Андокида подложной, такъ какъ, по его словамъ, война продолжалась уже четыре года, и упраздненіе моры въ ней не упоминается.

[2]) Xen. *Hell.* IV 5, 1. 18, Diod. XIV 91, Plut. *Ages.* 21, 22.

[3]) Xen. *Hell.* IV 5, 19, Diod. XIV 91, 3, Rehdantz *Iphicrates* стр. 12 сл.

союзники Спарты, ахеяне, приняли въ свой государственный союзъ Калидонъ на южномъ побережьѣ Этоліи и терпѣли здѣсь притѣсненія отъ своихъ сосѣдей, акарнанцевъ, которые, какъ мы знаемъ, находились въ союзѣ съ Аѳинами и Ѳивами. Агесилай опустошилъ открытую страну, не встрѣтивъ значительнаго сопротивленія, но не сумѣлъ взять ни одного изъ укрѣпленныхъ городовъ. Въ слѣдующемъ году экспедиція должна была повториться; но акарнанцы не допустили до этого и заключили миръ и союзъ со Спартой [1]). Однако политическія и военныя отношенія въ Греціи почти совсѣмъ не измѣнились подъ вліяніемъ этой борьбы.

Между тѣмъ аѳиняне прилагали всѣ усилія, чтобы создать новый флотъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ изсякла персидская субсидія, возобновились прежнія финансовыя затрудненія; попытка увеличить косвенные налоги дала ничтожный доходъ [2]), и ничего другого не оставалось, какъ обложить имущество гражданъ тяжелымъ военнымъ налогомъ [3]). Въ виду этого приготовленія медленно подвигались впередъ, и морская война совершенно пріостановилась. Только побѣда Ификрата снова доставила перевѣсъ руководимой Ѳрасибуломъ военной партіи; несмотря на сопротивленіе состоятельныхъ классовъ [4]) рѣшено было снарядить большой флотъ, чтобы возстановить державу въ тѣхъ размѣрахъ, какія она имѣла до битвы при Эгоспотамосѣ (390/89).

Въ это самое время часть аѳинскихъ силъ была отвлечена другимъ предпріятіемъ. Эвагоръ саламинскій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ все болѣе и болѣе распространялъ свою власть на Кипрѣ; теперь въ его рукахъ находился весь островъ за исключеніемъ Китіона, Амаѳа и Солъ [5]). До сихъ поръ царь не препятствовалъ ему; но съ того времени, какъ Кононъ, въ качествѣ измѣнника, отставленъ былъ отъ своей должности, поведеніе Эвагора также должно было возбуждать подозрѣнія при персидскомъ дворѣ. Поэтому на Кипръ

---

[1]) Xen. *Hell.* IV 6; 7, 1. Plut. *Ages.* 22.

[2]) Aristoph. *Eccles.* 823 (поставлены на сцену въ началѣ 389 г., Götz *Acta Societ. Lips. Philol.* II 335). Что упоминаемая тамъ *τετταρακοστὴ ἣν ἐπόρισ' Εὐριπίδης* была косвеннымъ налогомъ, — это доказалъ Гротъ (IX стр. 206 сл., Лондонъ 1869), сравн. *Rhein. Mus.* 39 (1884) стр. 48.

[3]) Lys. *объ им. Аристоф.* 29.

[4]) Aristoph. *Eccles.* 197 сл.

[5]) Diod. XIV 98, Ephor. fr. 134, буквально повторено у Діодора; вм. *ωτιεισ*, какъ читается во фрагментѣ Эфора у Steph. Byz., надо, конечно, возстановить изъ Діодора *κιτιεισ*.

для защиты находящихся въ опасности городовъ отправлено было (390) войско подъ начальствомъ перса Автофрадата и флотъ подъ командой Гекатомна, владѣтеля Миласы въ Каріи [1]). Эвагоръ въ свою очередь заключилъ союзъ съ Египтомъ, который за нѣсколько лѣтъ до того свергъ съ себя персидское владычество, и обратился за помощью въ Аѳины.

Послѣднія очутились въ очень затруднительномъ положеніи. Формально союзъ съ Персіей еще продолжался; оба государства воевали съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, хотя Аѳины уже нѣсколько лѣтъ не получали отъ Персіи прямой поддержки. Съ другой стороны, благодаря вліянію Эвагора Кононъ былъ поставленъ во главѣ персидскаго флота, и корабли Эвагора сражались при Книдѣ за освобожденіе Аѳинъ. Его статуя стоитъ на рынкѣ рядомъ со статуей Конона; неужели же теперь въ нуждѣ отплатить другу неблагодарностью? И прежде всего — можно ли быть увѣренными въ персидской дружбѣ, если пожертвовать Эвагоромъ? Не возникнетъ ли конфликтъ съ Персіей, какъ только Аѳины серьезно примутся за возстановленіе своей державы? Эти соображенія рѣшили вопросъ; аѳиняне заключили союзъ съ Эвагоромъ и тотчасъ отправили на помощь ему эскадру изъ 10 тріеръ (осенью 390 г.). Правда, эта эскадра была захвачена въ родосскихъ водахъ лакедемонянами, что̀ еще на нѣкоторое время отсрочило открытый разрывъ съ Персіей; но первый шагъ къ рѣшительному повороту въ аѳинской политикѣ уже былъ сдѣланъ [2]).

Слѣдующей весною (389 г.) Ѳрасибулъ отплылъ во главѣ флота изъ 40 тріеръ. Безъ всякаго труда достигнуты были блестящіе успѣхи: Ѳасосъ, Самоѳракія, Тенедосъ, ѳракійскій Херсонесъ, Византія и Калхедонъ присоединились къ Аѳинамъ, съ ѳракійскими

---

[1]) Theopomp. fr. 111, Diod. XIV 98, 3. Лидійскимъ сатрапомъ, какъ называетъ его Фотій въ отрывкѣ изъ XII книги Ѳеопомпа, Автофрадатъ тогда еще не могъ быть, такъ какъ въ это самое время въ Сардахъ начальствовалъ Струѳъ; выдѣленіе должности карана изъ сана сатрапа, къ чему пытались прибѣгнуть для устраненія трудности, противорѣчитъ принципамъ персидской администраціи.—Такъ какъ Эвагоръ въ 390 году обратился къ Аѳинамъ съ просьбою о помощи (см. ниже), то война началась, вѣроятно, въ этомъ же году (см. ниже, стр. 173 прим. 1), и во всякомъ случаѣ, не ранѣе предшествующаго года, потому что другъ Эвагора, Кононъ, еще въ 392 году командовалъ персидскимъ флотомъ въ Эгейскомъ морѣ.

[2]) Xen. *Hell.* IV 8, 24. Тождественна ли упомянутая у Лисія, *объ им. Арист.*, посылка вспомогательной эскадры къ Кипру съ описанною въ текстѣ, это не можетъ быть установлено. Aristoph. *Eccles.* 193 слл. относится, повидимому, къ союзу съ Эвагоромъ.

князьями Севѳомъ и Медокомъ заключенъ былъ союзъ. Такимъ образомъ, сообщеніе съ Понтомъ снова находилось въ рукахъ аѳинянъ. Дружба съ Митиленою и Хіосомъ, возобновленная уже Кonономъ, сдѣлалась еще болѣе тѣсною, Антисса и Эресъ на Лесбосѣ и Клазомены въ Іоніи были завоеваны [1]). Въ важнѣйшихъ военныхъ пунктахъ помѣщены были аѳинскіе гарнизоны; транзитный сборъ на Босфорѣ, портовая пошлина въ 5% со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ въ союзныхъ государствахъ взимались за счетъ Аѳинъ, какъ до сраженія при Эгоспотамосѣ [2]). Аѳины могли, казалось, съ увѣренностью разсчитывать на скорое возстановленіе своего прежняго государства.

Ѳрасибулъ провелъ зиму на Лесбосѣ и съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней поплылъ дальше къ Родосу, который сильно терпѣлъ отъ притѣсненій непріятеля; мимоѣздомъ былъ привлеченъ на аѳинскую сторону Галикарнассъ [3]). Между тѣмъ враги Ѳрасибула въ Аѳинахъ съ успѣхомъ подготовляли его паденіе. Состоятельные классы уже давно были раздражены постояннымъ увеличеніемъ налоговъ; союзники жаловались на насильственные поборы; а высокомѣрное обращеніе, которое позволялъ себѣ «освободитель» въ сознаніи своихъ заслугъ, оттолкнуло отъ него многихъ старыхъ друзей. Поэтому народъ рѣшилъ смѣстить Ѳрасибула и его товарищей по командованію арміей и вызвалъ ихъ въ Аѳины для представленія отчета [4]). Начальство надъ флотомъ было поручено Агиррію изъ Коллита, который еще при Клеофонѣ принималъ участіе въ управленіи финансами и позднѣе, послѣ возстановленія демократіи, пріобрѣлъ большую популярность раздачей казенныхъ денегъ народу. Но въ качествѣ полководца онъ еще не имѣлъ случая обнаружить свои способности [5]).

---

[1]) Xen. *Hell.* IV 8, 25—29, Diod. XIV 94. Ссылки на источники по отдѣльнымъ пунктамъ см. въ *Attische Politik* автора. стр. 345, и у Judeich, *Kleinas. Stud.* стр. 102. Относительно Ѳасоса—Wilhelm въ *Eranos Vindobonensis* стр. 241 сл.

[2]) Xen. *Hell.* IV 8, 27. 31, *CIA.* IV 2, 11 b, 14 b.

[3]) Xen. *Hell.* IV 8, 30, Lys. *пр. Эргокла* 12—17.

[4]) Главные источники—рѣчи Лисія противъ Эргокла и Филократа. О самоувѣренности Ѳрасибула—Lys. *пр. Мантиѳея* 15, Стратэисъ въ *Schol. Aristoph. Plutos* 550, *Schol. Aristoph. Eccles.* 203. Въ виду спеціальныхъ свойствъ нашего источника (Lys. *пр. Эргокла* 5) невозможно рѣшить, была ли то апохиротонія или простое неизбраніе на новый годъ.

[5]) *Schol. Aristoph. Лягушки* 367, сравн. *Schol. Eccl.* 102, *CIA.* II 1 b, Demosth. *пр. Тимокр.* 134, Aristoph. *Eccl.* 102. 186. 307, *Plut.* 329, Harpocr. *θεωρικά.* Объ избраніи Агиррія въ стратеги Xen. *Hell.* IV 8, 31, Diod. XIV 99, 5, Plat. fr. 185 Kock.

Въ главной квартирѣ Өрасибула оказалось немало людей, готовыхъ силою воспротивиться рѣшенію демоса. Өрасибулъ, дѣйствительно, не торопился исполнить полученное имъ приказаніе; онъ остался во главѣ флота и продолжалъ собирать дань съ городовъ малоазіатскаго побережья. Во время одной изъ такихъ экспедицій, у устья Эвримедонта въ Памфиліи, на него ночью напали аспендійцы и убили его въ его палаткѣ [1]). Такимъ образомъ, Аөины были избавлены отъ печальной необходимости увидѣть въ роли обвиняемаго передъ народнымъ судомъ человѣка, который дважды спасъ городъ отъ тираніи олигарховъ. Его противники вѣроятно свободно вздохнули; но справедливость заставляетъ насъ признать, что даже у нихъ ненависть отошла теперь на задній планъ передъ воспоминаніемъ о великихъ заслугахъ покойнаго [2]). Товарищи-же Өрасибула по командованію войскомъ были преданы суду, и по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Эргоклъ, былъ приговоренъ къ смерти и казненъ [3]).

Лакедемоняне между тѣмъ помѣстили у Эгины эскадру, которая своими набѣгами въ Сароническомъ заливѣ скоро начала сильно стѣснять аөинянъ. Въ виду этого на островъ посланъ былъ аөинскій отрядъ подъ начальствомъ Памфила; онъ приступилъ къ осадѣ города (389), но спустя 5 мѣсяцевъ долженъ былъ вернуться, ничего не добившись. Послѣ этого лакедемонскіе пираты сдѣлались смѣлѣе прежняго, разбили аөинскую флотилію около мыса Зостеръ у аттическаго побережья (388), а однажды непріятелю удалось даже проникнуть въ самый Пирей и увести въ Эгину нѣсколько стоявшихъ въ гавани грузовыхъ судовъ (387). Лишь съ заключеніемъ мира аөиняне освободились отъ безпрестанной тревоги, въ которой держали ихъ эти пираты [4]).

Въ Геллеспонтъ также была послана лакедемонская эскадра подъ начальствомъ Анаксибія (388), который, расположившись въ абидосской гавани, сильно тормозилъ аөинскую торговлю и склонилъ большинство городовъ Троады къ отложенію отъ Фарнабаза. Въ виду этого аөиняне отозвали изъ Коринөа Ификрата съ его пельтастами и послали его во өракійскій Херсонесъ. Анаксибій скоро попалъ въ засаду, которую устроилъ ему Ификратъ у Абидоса, и былъ убитъ вмѣстѣ съ частью своихъ солдатъ [5]). Послѣ этого ла-

---

1) Xen. *Hell.* IV 8, 30, Diod. XIV 99, 4.
2) Lys. *пр. Эргокла* 8.
3) Lys. *пр. Филокр.* 2, и рѣчь противъ самого Эргокла.
4) Xen. *Hell.* V 1, 1—24.
5) Xen. *Hell.* IV 8, 32—39.

кедемоняне прислали въ Геллеспонтъ новыя подкрѣпленія и довели эскадру въ абидосской гавани до 25 тріеръ; но и аѳиняне въ свою очередь сосредоточили въ этихъ водахъ флотъ изъ 32 кораблей, который со стороны Херсонеса сталъ блокировать непріятеля въ Абидосѣ (387) [1].

Между тѣмъ отношенія между Аѳинами и Персіей все больше и больше обострялись. Правда, Ѳрасибулъ старался поддерживать дружескія отношенія съ персидскими сатрапами [2]); и все-таки онъ не могъ избѣгнуть захватовъ на азіатскомъ материкѣ, ибо кто былъ бы въ состояніи опредѣлить—что̀ принадлежало здѣсь персамъ, что̀ нѣтъ? А тѣмъ временемъ Аѳины при посредничествѣ Эвагора заключили союзъ съ Акоритомъ египетскимъ, который какъ разъ тогда ожидалъ нашествія персовъ и потому спѣшилъ купить помощь Аѳинъ цѣною крупныхъ субсидій (зимою 389/8) [3]). Такимъ образомъ весною 387 года отправлено было на Кипръ новое подкрѣпленіе изъ 10 тріеръ и 800 пельтастовъ подъ командой Хабрія, молодого офицера изъ Ификратовой школы, который дѣйствительно оказалъ Эвагору очень важныя услуги [4]). Въ 388 году персидскій царь отозвалъ изъ сардской сатрапіи расположеннаго къ аѳинянамъ Струѳа и замѣнилъ его Тирибазомъ, который еще 4 года назадъ намѣренъ былъ вступить въ соглашеніе съ лакедемонянами. Теперь въ Спартѣ снова одержала верхъ партія, настаивавшая на заключеніи мира съ Персіей; Анталкидъ былъ избранъ навархомъ на 388/7 г. и немедленно отправился въ Эфесъ, а оттуда къ Тирибазу въ Сарды. Затѣмъ они оба поѣхали къ царю въ Сузу, и тамъ безъ труда было достигнуто соглашеніе. Условія мира остались въ общемъ тѣ же, какія были выработаны Анталкидомъ и Тирибазомъ еще въ 392 году: уступка азіатскаго материка, со включеніемъ Клазоменъ и Кипра, персидскому царю и автономія всѣхъ остальныхъ греческихъ общинъ, за исключеніемъ Лемноса, Имброса и Скироса, которые оставались подвластными Аѳинамъ [5]).

---

[1]) Xen. *Hell.* V 1, 6. 7.

[2]) Xen. *Hell.* IV 8, 27. 33.

[3]) Aristoph. *Plutos* (поставленъ на сцену весною 388 года) 178. Источники не сообщаютъ о томъ, что Эвагоръ былъ посредникомъ при заключеніи союза, но это разумѣется само собою.

[4]) Xen. *Hell.* V 1, 10, Demosth. *пр. Лепт.* 76, Nep. *Chabr.* 2, 2.

[5]) Xen. *Hell.* V 1, 6. 25. 31, Diod. XIV 110, Plut. *Artox.* 21, 22.—Xen. *Hell.* V 1, 28 доказываетъ, что Тирибазъ въ 387 году снова былъ водворенъ въ своей сардской сатрапіи; это случилось, очевидно, еще годомъ ранѣе, такъ какъ иначе Анталкидъ едва ли отправился бы къ царю.

Это было равносильно для Аѳинъ отреченію отъ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ Ѳрасибуломъ, и слѣдовательно отъ надежды на возстановленіе прежняго государства, осуществленіе которой казалось уже столь близкимъ; для Аргоса это означало потерю Коринѳа, для Ѳивъ— утрату господства надъ мелкими городами Беотіи. Разумѣется, теперь союзники еще менѣе, чѣмъ четыре года назадъ, согласны были принять такія условія. Поэтому военныя дѣйствія продолжались. По возвращеніи изъ Сузы Анталкидъ принялъ начальство надъ абидосской эскадрой, и ему удалось захватить 8 аѳинскихъ тріеръ, которыя привелъ изъ Ѳракіи стратегъ Ѳрасибулъ коллитскій. Изъ Сициліи пришелъ на помощь спартанцамъ вспомогательный флотъ въ 20 кораблей подъ командой Поликсена, шурина Діонисія (см. выше стр. 133); сардскій сатрапъ Тирибазъ и Аріобарзанъ, управлявшій теперь вмѣсто Фарнабаза даскилейской сатрапіей, также прислали всѣ свои наличные корабли. Такимъ образомъ подъ начальствомъ Анталкида скоро собрался флотъ въ 80 тріеръ, съ которымъ онъ господствовалъ на Геллеспонтѣ и отрѣзалъ аѳинянамъ подвозъ хлѣба изъ Понта [1]). Въ то же время молодой царь Агесиполисъ собралъ при Флiунтѣ пелопоннесское союзное войско и вторгся въ область Аргоса, которую и опустошилъ вплоть до стѣнъ столицы [2]).

Въ виду этихъ событій союзники наконецъ согласились отправить пословъ въ Сарды, гдѣ Тирибазъ оффиціально объявилъ условія мира. Аѳины тотчасъ приняли ихъ; онѣ отказывались лишь отъ того, чего въ виду превосходства непріятеля на морѣ во всякомъ случаѣ не могли больше отстаивать. Правда, приходилось разстаться съ мечтой увидѣть еще когда-нибудь державу возстановленной въ прежнемъ блескѣ, но за то Аѳины сохраняли свои длинныя стѣны, флотъ, острова ѳракійскаго моря и вмѣстѣ съ тѣмъ базисъ господства на морѣ. Если Аѳины начали войну въ качествѣ вассала Спарты, то теперь онѣ снова заняли мѣсто въ ряду первоклассныхъ эллинскихъ державъ. Гораздо больше пострадалъ Аргосъ, и особенно Ѳивы, которыя съ утратой гегемоніи въ Беотіи должны были низойти на степень незначительнаго второстепеннаго государства; но и здѣсь достаточно было ультиматума Спарты, чтобы устранить всякое сопротивленіе. Аѳиняне очистили Византію и всѣ остальные пункты

---

1) Xen. *Hell.* V 1, 25—28, Lys. *пр. Эвандра* 23, Demosth. *пр. Эвбула* 38. 42. Къ этимъ событіямъ относится, вѣроятно, декретъ въ пользу Фанокрита изъ Паріона *CIA.* II 38, IV 2 p. 13 (Dittenb. 58), сравн. Foucart *Revue Arch.* XVIII (1877) стр. 399 сля.

2) Xen. *Hell.* IV 7, 2—7.

во Ѳракіи, Малой Азіи и на островахъ, гдѣ они еще имѣли свои гарнизоны. Беотійскій союзъ былъ уничтоженъ и владычество Ѳивъ ограничено только ихъ собственной областью. Аргивяне удалились изъ Коринѳа въ сопровожденіи вожаковъ коринѳской демократіи, изгнанники вернулись въ городъ и Коринѳъ снова сталъ къ Спартѣ въ свои прежнія отношенія союзника. Въ Элладѣ былъ водворенъ миръ (весною 386 г.) [1]).

Итакъ, азіатскіе греки были отданы во власть Персіи; но они отнюдь не были склонны подчиниться рѣшенію великихъ державъ. Города карійскаго побережья и лежащихъ впереди него острововъ, стоявшіе до сихъ поръ на сторонѣ Спарты: Книдъ, Ясосъ, Самосъ и Эфесъ, заключили союзъ съ Родосомъ въ цѣляхъ взаимной защиты [2]). Такъ же мало думалъ о подчиненіи и Эвагоръ кипрскій. До сихъ поръ онъ успѣшно боролся съ полководцами царя и не только отстоялъ свои владѣнія на Кипрѣ, но еще склонилъ боль-

---

[1]) Xen. *Hell.* V 1, 29—35, Diod. XIV 110. Что миръ былъ заключенъ въ архонтство Ѳеодота ($387/_6$), это удостовѣряетъ, кромѣ хронологическаго источника Діодора, Aristid. II p. 286 Jebb; но условія мира были приняты аѳинянами и ихъ союзниками лишь въ теченіе зимы или еще вѣроятнѣе весною, сравн. постановленіе аѳинскаго народнаго собранія насчетъ Клазоменъ *CIA.* IV 2, 14 b и спартанскій ультиматумъ Xen. *Hell.* V 1, 33 - 34.

[2]) Сохранились тетрадрахмы этихъ городовъ въ родосской валютѣ отъ начала IV вѣка, съ изображеніемъ Геракла, удушающаго змѣй, и съ надписью *συν(μαχικόν).* По господствующему представленію, эти монеты отчеканены тотчасъ послѣ битвы при Книдѣ (Waddington *Revue Numismatique* 1863 стр. 223, Head. *Hist. Num.* подъ отдѣльными городами); но трудно понять, противъ кого могъ быть заключенъ въ то время подобный союзъ, такъ какъ Спарта была безсильна на морѣ, а Персія только-что вернула городамъ свободу. Затѣмъ, союзъ могъ просуществовать не болѣе 2 — 3 лѣтъ, такъ какъ Эфесъ, Самосъ и Книдъ лѣтомъ 391 года примкнули къ Спартѣ (выше, стр. 162), а Родосъ остался на сторонѣ Аѳинъ; между тѣмъ невѣроятно, чтобы чеканка союзной монеты продолжалась столь короткое время. Наконецъ, нельзя же признать случайнымъ то обстоятельство, что въ союзѣ участвуютъ, за исключеніемъ Родоса, тѣ самые города, которые въ эпоху Анталкидова мира стояли на сторонѣ Спарты. Что Родосъ, покинутый Аѳинами, сталъ во главѣ движенія, это вполнѣ естественно; притомъ Родосъ вѣроятно еще съ 395 года остался въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Эвагоромъ. Что онъ отпалъ отъ Аѳинъ послѣ Анталкидова мира, косвенно слѣдуетъ и изъ Isocr. *Plat.* 28. По Diod. XIV 97. 99, 5 Родосъ отложился отъ Аѳинъ будто бы еще во время войны; но первое изъ этихъ показаній основано просто на ошибкѣ, а потому и второе не заслуживаетъ вѣры.—Такъ какъ предназначенный для борьбы съ Эвагоромъ флотъ снаряжался въ Кумѣ и Фокеѣ (Diod. XV 2, 2), то надо думать, что къ этому времени (382) Эфесъ еще не находился снова во власти персовъ.

шинство прибрежныхъ городовъ Киликіи къ отложенію отъ царя [1]). Правда, Хабрій съ его аѳинскимъ войскомъ былъ теперь отозванъ; за то Эвагоръ получилъ поддержку отъ Акорита египетскаго, и кромѣ того владѣтель Каріи Гекатомнъ тайно помогалъ ему деньгами [2]). Такимъ образомъ, Эвагоръ былъ на морѣ сильнѣе непріятеля и Кипръ пока былъ обезпеченъ противъ персидскаго нападенія.

Между тѣмъ персы собрали въ Сиріи, подъ начальствомъ Тиѳрауста, Фарнабаза и сирійскаго сатрапа Аброкома, большую армію, которую и двинули противъ Египта. Но эта экспедиція окончилась полной неудачей; во время трехлѣтней борьбы (приблизительно съ 386 по 384 годъ) Акоритъ отбилъ персовъ и даже самъ перешелъ въ наступленіе и занялъ часть Сиріи [3]). Эвагоръ при этомъ дѣятельно помогалъ своему союзнику: онъ напалъ со своимъ флотомъ на Финикію, и важный Тиръ былъ взятъ штурмомъ [4]).

Персы должны были признать, что съ Египтомъ невозможно справиться, пока Кипръ остается непобѣжденнымъ. Такъ какъ для нападенія на Эвагора недостаточно было той части финикійскаго флота, которая оставалась еще въ распоряженіи царя послѣ потери Тира, то сардскому сатрапу Тирибазу отдано было приказаніе снарядить флотъ въ іонійскихъ и эолійскихъ гаваняхъ, набрать войско изъ греческихъ наемниковъ и вести эту армію въ Киликію. Здѣсь онъ соединился съ финикійскимъ флотомъ, посадилъ на свои корабли часть персидской сухопутной арміи и затѣмъ переправился на Кипръ (381). Эвагоръ не сумѣлъ помѣшать переѣзду непріятеля; не будучи въ состояніи справиться на сушѣ съ болѣе многочисленнымъ войскомъ Тирибаза, онъ старался отрѣзать ему подвозъ со стороны материка, чтобы этимъ заставить его удалиться съ острова. Но и этотъ планъ не удался, и теперь не оставалось ничего другого, какъ попытать счастье на морѣ, гдѣ разница въ силахъ была менѣе велика. Эвагоръ призвалъ къ себѣ на помощь эскадру изъ Египта и неожиданно напалъ на персидскій флотъ на высотѣ Китіона, но по-

---

[1]) Isocr. *Euag.* 62, *Paneg.* 161.

[2]) Diod. XV 2, 3, сравн. Isocr. *Paneg.* 162.

[3]) Isocr. *Paneg.* 140 сл., сравн. Justin. VI 1, 3. Фарнабазъ въ 389 г. еще находился въ Малой Азіи (Xen. *Hell.* IV 8, 31), а въ 387 году онъ уже *(ἤδη)* былъ призванъ къ царю *(Hell.* V 1, 28).

[4]) Isocr. *Euag.* 62, *Paneg.* 161, Diod. XV 2, 3. Невѣроятно, чтобы персы начали походъ противъ Египта, если бы Тиръ уже находился во власти Эвагора. Возможно, что и завоеванія Эвагора въ Киликіи относятся лишь къ этому времени.

терпѣлъ полное пораженіе и былъ запертъ въ своей столицѣ Саламинѣ. Акоритъ египетскій не могъ оказать ему существенной помощи; попытка склонить Спарту къ вмѣшательству также оказалась неудачной. Осада продолжалась всю зиму; наконецъ Эвагоръ принужденъ былъ вступить въ переговоры съ побѣдителемъ. Тирибазъ требовалъ выдачи всѣхъ завоеваній; только Саламинъ онъ оставлялъ Эвагору, который долженъ былъ признать себя подвластнымъ персидскому царю, «какъ рабъ своему господину». Положеніе Эвагора было настолько критическимъ, что онъ готовъ былъ согласиться на всѣ эти условія, за исключеніемъ послѣдняго; не какъ рабъ, а какъ царь хотѣлъ онъ повиноваться персидскому царю. Тирибазъ отклонилъ это предложеніе, и Эвагоръ, по всей вѣроятности, погибъ бы, если бы въ главной квартирѣ персовъ не начались раздоры. Зять царя Оронтъ, служившій подъ начальствомъ Тирибаза, возбудилъ при сузскомъ дворѣ подозрѣніе противъ своего начальника и добился его отозванія, благодаря чему самъ сталъ во главѣ арміи. Но войско, очень любившее Тирибаза, начало обнаруживать непокорность, и адмиралъ Глосъ, женатый на дочери Тирибаза и опасавшійся, чтобы паденіе тестя не повлекло за собою его собственной гибели, сталъ подумывать объ отложеніи. При такихъ обстоятельствахъ Оронту ничего не оставалось, какъ принять миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя предлагалъ Эвагоръ (приблизительно въ концѣ лѣта 380 г.) [1]).

---

[1]) Относительно кипрской войны см. Diod. XV 2—4, 8—9, Isocr. *Paneg.* 134—5, 140—1, *Euag.* 58—67, Theopomp. fr. 111 (извлеченіе Фотія изъ XII книги *Филиппикъ)*, сравн. Judeich *Kleinas. Stud.* 117 сл., который однако безнадежно перепуталъ всѣ событія. Я не могу согласиться и съ выводами G. Friedrich'a *(Fleckeisens Jahrb.* 147, 1 сл. и 149, 454 сл.) и Reuss'a *(Isocr. Paneg. und der kyprische Krieg*, Progr., Trarbach 1894 и отвѣтъ Фридриху *Fleckeisens Jahrb.* 149, 843), хотя Рейссъ судитъ гораздо правильнѣе, чѣмъ всѣ остальные изслѣдователи. По Isocr. *Paneg.* 141 война продолжалась до тѣхъ поръ шесть лѣтъ, Тирибазъ находился на островѣ, Саламинъ былъ осажденъ, но положеніе дѣлъ должно было измѣниться въ скоромъ времени. Эвагоръ обратился за помощью къ Спартѣ *(Paneg.* 135, сравн. Theopomp. fr. 111), и Исократъ ясно намекаетъ на измѣну Глоса (141), которая, значитъ, какъ разъ въ это время подготовлялась. Между тѣмъ *Панегирикъ* былъ изданъ къ олимпійскимъ празднествамъ 380 года (Wilamowitz *Aristot. u. Athen.* II 380 сл.); возможно, что Исократъ долго работалъ надъ нимъ, но мыслимо ли, чтобы онъ оставилъ въ сочиненіи, предназначенномъ для воздѣйствія на текущую политику, давно устарѣвшія извѣстія? Ибо предположеніе, будто Тирибазъ послѣ своей отставки еще разъ вернулся на Кипръ, совершенно нелѣпо; кромѣ того, въ этомъ случаѣ измѣна Глоса представляется необъяснимой. Столь же произвольно утвержденіе, что Исократъ издалъ свой Панегирикъ

Миръ былъ заключенъ какъ-разъ во-время, потому что Глосъ дѣйствительно возсталъ противъ персидскаго царя, опираясь на преданный ему флотъ и на іонійско-эолійскіе прибрежные города, которыми управлялъ еще его отецъ Тамъ при Кирѣ. Онъ тотчасъ вступилъ въ союзъ съ египетскимъ царемъ Нектанебомъ, только-что наслѣдовавшимъ престолъ Акорита, и обратился за помощью въ Спарту. Послѣдняя была не прочь воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ прежнее положеніе въ Малой Азіи; тѣмъ болѣе, что теперь, послѣ занятія Ѳивъ и успѣшныхъ дѣйствій противъ Олинѳа, гегемонія Спарты въ Греціи казалась болѣе упроченной, чѣмъ когда-либо (см. ниже). Но Глосъ палъ отъ руки убійцы; а сынъ его Тахъ, хотя и старался осуществить планы своего отца, однако не могъ добиться сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ, такъ какъ Спарта была занята новыми неурядицами въ Греціи, а Египетъ снова боролся съ Персіей, отстаивая свое существованіе. Къ тому же Тахъ скоро умеръ, и авторитетъ персидскаго царя былъ безъ труда возстановленъ на западномъ побережьѣ Малой Азіи [1]).

еще въ 384 г., а 122—132—позднѣйшая вставка: именно эта вставка свидѣтельствовала бы о томъ, что рѣчь была снова издана въ 380 г., и въ этомъ случаѣ авторъ также долженъ былъ устранить изъ нея все устарѣвшее. Такимъ образомъ, упомянутыя шесть лѣтъ разсчитаны отъ Анталкидова мира, что̀ Исократъ и говоритъ прямо (141): *Εὐαγόρας... ἐν ταῖς συνθήκαις ἔκδοτός ἐστιν... ἀλλ' ὅμως βασιλεὺς πολεμῶν... ἤδη ἓξ ἔτη διατέτριφεν.* Въ виду этого категорическаго свидѣтельства показаніе Діодора, помѣщающаго окончаніе войны подъ 385/4 г. (XV 9, 2) не имѣетъ значенія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ опредѣляетъ продолжительность войны приблизительно въ 10 лѣтъ и прибавляетъ, что дѣятельно велась война только въ послѣдніе два года. Начало же войны онъ помѣщаетъ подъ 391/0 г. (XIV 98); слѣдовательно и по источнику Діодора конецъ войны, осада Саламина, падаетъ приблизительно на 380 г.

[1]) Diod. XV 9. 18. Объ отцѣ Глоса Тамѣ см. выше, стр. 110; самъ Глосъ участвовалъ въ походѣ Кира противъ Артаксеркса (Xen. *Anab.* I 4, 16, II 1, 3) и во всякомъ случаѣ изъявилъ покорность одновременно съ Аріеемъ послѣ битвы при Кунаксѣ, а затѣмъ послѣ битвы при Книдѣ получилъ въ управленіе эолійско-іонійскую прибрежную область, которою управлялъ при Кирѣ его отецъ. Его преемникъ Тахъ былъ, какъ показываетъ его египетское имя, его родственникъ, вѣроятно сынъ (во всякомъ случаѣ не братъ, см. Diod. XIV 35, 3). Египетскаго царя, съ которымъ Глосъ вступилъ въ союзъ, Діодоръ XV 9 называетъ Акоритомъ, тогда какъ по Theopomp. fr. 111 въ то время царствовалъ уже Нектанебъ; египетскій списокъ царей показываетъ, что смѣна на престолѣ произошла около 380 г. (сравн. Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 146), но извѣстія о годахъ царствованія фараоновъ слишкомъ ненадежны, чтобы допустить правильное рѣшеніе вопроса. Какъ бы то ни было, спартанцы

Спарта между тѣмъ старалась упрочить свое положеніе въ Греціи. Статья Анталкидова мира объ автономіи представляла отличное орудіе для этого. Прежде всего необходимо было взять въ руки Пелопоннесъ, гдѣ пораженія, понесенныя спартанцами во время послѣдней войны, сильно пошатнули авторитетъ Спарты. Въ особенности Мантинея плохо исполняла обязанности союзницы и открыто выражала свои симпатіи къ коалиціи, что́ впрочемъ было вполнѣ естественно въ виду демократическаго устройства города и его старинной дружбы съ Аргосомъ. Между тѣмъ какъ-разъ въ годъ заключенія Анталкидова мира окончилось тридцатилѣтнее перемиріе, которое Мантинея заключила со Спартой весною 417 года, послѣ большой побѣды, одержанной спартанцами подъ ея стѣнами (см. выше I 445). Такимъ образомъ, Спарта теперь ничѣмъ не была связана, и она немедленно потребовала, чтобы Мантинея срыла свои укрѣпленія. Въ надеждѣ на поддержку Аѳинъ и Аргоса Мантинея рѣшилась начать войну; однако никто не осмѣлился помѣшать Спартѣ, когда царь Агесиполисъ выступилъ въ походъ и началъ осаду (384). Городъ держался цѣлое лѣто; съ наступленіемъ осеннихъ дождей Агесиполисъ запрудилъ рѣку, протекавшую черезъ городъ, и такимъ образомъ залилъ его водою. Скоро въ стѣнахъ, построенныхъ изъ сырого кирпича, образовались трещины, и Мантинея изъявила готовность принять лакедемонскія условія. Но теперь Спарта увеличила свои требованія; вспомнивъ, что Мантинея нѣкогда, 100 или болѣе лѣтъ назадъ, превратилась въ большой городъ благодаря соединенію пяти первоначально самостоятельныхъ общинъ (см. выше I 359), она потребовала возстановленія прежняго устройства. Мантинейцамъ ничего другого не оставалось, какъ согласиться и на это условіе, и вожди демократической партіи могли быть довольны уже тѣмъ, что имъ разрѣшено было свободное отступленіе. Большая часть города была разрушена, и снова построены прежніе поселки, которые отнынѣ образовали самостоятельныя государства съ олигархическимъ устройствомъ и поставляли, каждый отъ себя, свой отрядъ въ пелопоннесское союзное войско [1]).

не могли думать о вмѣшательствѣ въ малоазіатскія дѣла, пока не упрочили своего положенія въ Греціи посредствомъ занятія Кадмеи и побѣдъ надъ олинѳянами; а отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи очевидно удержало ихъ возстаніе Ѳивъ. Глосъ отложился, безъ сомнѣнія, тотчасъ послѣ паденія Тирибаза, и это есть лишній доводъ въ пользу правильности исократовой хронологіи.

[1]) Xen. *Hell.* V 2, 1—7, Diod. XV 5. 12. Такъ какъ по Діодору, XV 5, 3, спар-

Авторитетъ Спарты въ Пелопоннесѣ былъ возстановленъ въ полномъ объемѣ; достаточно было простого предложенія эфоровъ, чтобы заставить фліунтцевъ вернуть въ городъ тѣхъ, которые подверглись изгнанію за принадлежность къ олигархической партіи [1]). Теперь Спарта могла подумать о томъ, чтобы и въ сѣверной Греціи вернуть себѣ руководящее положеніе. Внѣшній поводъ къ этому подали событія, происходившія на южномъ побережьѣ Македоніи и Ѳракіи.

Здѣсь въ теченіе послѣднихъ лѣтъ союзъ халкидскихъ городовъ достигъ необыкновеннаго развитія. Во время заключенія Анталкидова мира этотъ союзъ ограничивался только Олинѳомъ и полуостровомъ Сиѳоніей; но то, чего недоставало ему въ смыслѣ внѣшняго объема, возмѣщала прочность его внутренней организаціи. Установленъ былъ союзный индигенатъ, обезпечивавшій каждому гражданину халкидскаго города право вступленія въ бракъ и пріобрѣтенія земельной собственности на всей территоріи союза; всѣ участники союза пользовались одинаковыми политическими правами. Во всей странѣ примѣнялись одни и тѣ же законы, монеты чеканились отъ имени союза. Фактически халкидскій союзъ представлялъ собою единое государство, отдѣльные члены котораго пользовались еще только муниципальной самостоятельностью [2]).

Споры изъ-за престолонаслѣдія, волновавшіе сосѣднюю Македонію со смерти Архелая, благопріятствовали развитію могущества халкидянъ. Вступившій въ 390 году на престолъ царь Аминта [3]),

---

танцы не соблюдали Анталкидова мира „даже въ теченіе двухъ лѣтъ", то войну противъ Мантинеи надо отнести, повидимому, къ лѣту 384 года; если относить его еще къ 385 г., то это значило бы, что лакедемоняне соблюдали миръ только ровно одинъ годъ. Извѣстіе о битвѣ при Мантинеѣ, въ которой будто бы на сторонѣ спартанцевъ участвовалъ ѳиванскій отрядъ и Эпаминондъ спасъ жизнь своему другу Пелопиду (Plut. *Pelop.* 4, Paus. IX 13, 1 изъ *Жизнеописанія Эпаминонда* Плутарха, см. Wilamowitz *Hermes* VIII 439), есть голая выдумка, какъ доказалъ Stern (*Geschichte der spart. u. theban. Hegemonie*, стр. 36 прим. 8).

1) Xen. *Hell.* V 2, 8—10.

2) Xen. *Hell.* V 2, 12. 19, сравн. договоръ халкидянъ съ Аминтой, Dittenberger *Sylloge* 60 и ibid. 659; о внутреннемъ устройствѣ союза — Swoboda *Archaeol. Mitteil. aus Oesterreich* VII (1883) стр. 47 слл.

3) Мы имѣемъ двѣ версіи относительно послѣдовательности правившихъ въ это время македонскихъ царей. По хронологическому источнику Діодора Архелай умеръ въ 400/399 г., затѣмъ царствовалъ 6 лѣтъ Аэропъ, до 395/4 г. (XIV 37), далѣе Павсаній 1 годъ, до 394/3 г. (XV 98), ему наслѣдовалъ Аминта, который въ 393/2 г. былъ изгнанъ иллирійцами, затѣмъ, „какъ гово-

сынъ брата Пердикки, Арридея, постарался упрочить свою шаткую власть союзомъ съ халкидянами, причемъ предоставилъ имъ важныя торговыя привилегіи [1]); но уже черезъ нѣсколько лѣтъ иллирійцы изгнали его изъ государства и возвели на престолъ претендента Аргея (около 385 г.). Халкидяне воспользовались этими смутами, и будто бы въ интересахъ Аминты, какъ его союзники, заняли большую часть Нижней Македоніи съ ея столицей Пеллой [2]). Но когда Аминта спустя два года съ помощью ѳессалійцевъ изгналъ Аргея и снова занялъ македонскій престолъ, халкидяне отказались отдать захваченные города, которые они между тѣмъ включили въ свой союзъ какъ членовъ [3]).

Около этого самаго времени вступила въ халкидскій союзъ Потидея. Съ Боттіеей, Аканѳомъ и Амфиполемъ халкидяне еще нѣсколько лѣтъ назадъ вели войну, но въ то время имъ не удалось

рятъ нѣкоторые", царствовалъ въ теченіе двухъ лѣтъ Аргей (XV 92), потомъ вернулся Аминта и царствовалъ до 370/69 г., т.-е. въ общемъ, считая съ перваго его вступленія на престолъ, 24 года. Ниже, XV 19, изгнаніе и возвращеніе Аминты еще разъ разсказаны по исторіографическому источнику подъ 383/2 г. во введеніи къ исторіи олинѳійской войны. Напротивъ, по Синкеллу (сравн. Gutschmid *Kl. Schriften* IV 38 сл.) сынъ Архелая Орестъ царствовалъ 3 года (399—6), Архелай II (=Аэропъ) 4 года (396 — 2), Аминта (по Гутшмиду сынъ Архелая, слѣдовательно не тождественъ съ отцомъ Филиппа) 1 годъ (392—1), Павсаній 1 годъ (391—0), Аминта (отецъ Филиппа) 5 лѣтъ (390 — 85), Аргей 2 года (385 — 3), Аминта (вторично) 12 лѣтъ (383 — 71). Списка, „съ безусловной увѣренностью" исправленнаго Гутшмидомъ, я не помѣщаю здѣсь, такъ какъ по отношенію къ Аргею онъ несомнѣнно ошибоченъ. Но во всякомъ случаѣ я согласенъ съ Гутшмидомъ (противъ Свободы), что списокъ Синкелла заслуживаетъ предпочтенія передъ спискомъ Діодора, и именно по той причинѣ, что завоеванія олинѳянъ въ Македоніи у самого Діодора поставлены въ связь съ изгнаніемъ Аминты иллирійцами и дѣйствительно только при этомъ условіи понятны, между тѣмъ изъ Ксенофонта явствуетъ, что эти завоеванія непосредственно предшествовали войнѣ спартанцевъ противъ Олинѳа. А у Diod. XV 19 прямо сказано и ясно видно изъ показанія Ксенофонта, что къ началу спартанской экспедиціи Аминта уже вернулъ себѣ всѣ свои владѣнія, исключая тѣхъ, которыя были заняты олинѳянами. Такимъ образомъ, царствованіе Аргея дѣйствительно приходится, согласно съ показаніемъ Синкелла, на 385 — 3 гг. А такъ какъ Аминта былъ изгнанъ только одинъ разъ, то первый Аминта у Синкелла отличенъ отъ отца Филиппа; источникъ же Діодора смѣшалъ обоихъ.

1) Dittenberger *Sylloge* 60, Swoboda *Archaeol. Mitteil. aus Oesterreich* VII стр. 1 сллл.

2) Diod. XIV 92, XV 19, Xen. *Hell.* V 2, 13.

3) Isocr. *Archid.* 46. Demosth. *пр. Аристокр.* 111 ошибается, утверждая, что Аминта былъ изгнанъ ѳессалійцами; дѣло было какъ-разъ наоборотъ, сравн. Diod. XIV 92.

покорить эти общины [1]); теперь, послѣ успѣховъ въ Македоніи, они рѣшили повторить свою попытку и обратились къ Аканѳу и сосѣдней Аполлоніи съ требованіемъ вступить въ союзъ. Но эти общины отнюдь не были склонны отказываться отъ городской автономіи, и такъ какъ не могли защищаться собственными силами, то рѣшились прибѣгнуть къ посредничеству Спарты. Аминта Македонскій поддержалъ это рѣшеніе, потому что при данныхъ обстоятельствахъ онъ только въ случаѣ помощи со стороны спартанцевъ могъ разсчитывать на возвращеніе утраченной половины своего государства [2]).

Спарта охотно готова была принять эти предложенія, а пелопоннесское союзное собраніе, на усмотрѣніе котораго представленъ былъ этотъ вопросъ, высказался, конечно, въ томъ же смыслѣ, какъ и главный городъ. Итакъ, рѣшено было послать въ Халкидику армію въ 10,000 человѣкъ (383), причемъ лакедемонскій отрядъ, состоявшій изъ 2,000 неодамодовъ и періэковъ подъ начальствомъ Эвдамида, долженъ былъ немедленно выступить въ походъ, а войска союзниковъ послѣдовать за ними въ возможно скоромъ времени. Какъ только показалось спартанское войско, Потидея отложилась отъ халкидскаго союза; но для наступательныхъ дѣйствій противъ Олинѳа Эвдамидъ былъ, конечно, слишкомъ слабъ, и потому онъ принужденъ былъ ограничиться охраной новыхъ союзниковъ отъ нападеній непріятеля [3]).

Въ Ѳивахъ, какъ и въ Аѳинахъ, поведеніе Спарты должно было вызвать сильную тревогу. Со времени коринѳской войны здѣсь поддерживали дружескія отношенія съ халкидянами; и хотя пока не рѣшались еще открыто выступить противъ Спарты, однако ѳиванское правительство издало распоряженіе, запрещавшее всѣмъ его гражданамъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Олинѳа. Это

---

1) Dittenberger *Sylloge* 60.

2) Xen. *Hell*. V 2, 11—19, Diod. XV 19. Что въ этой мѣстности существовала только одна Аполлонія, именно мигдонская Аполлонія у озера Больбы, кажется мнѣ очевиднымъ и подтверждается Гегесандромъ (fr. 40, *FHG*. IV p. 420). Показаніе Ксенофонта, *Hell*. V 3, 2, отнюдь не даетъ намъ права допускать существованіе второго одноименнаго халкидскаго города (его обыкновенно помѣщаютъ въ Полигиръ), область котораго должна была бы граничить съ округомъ той первой Аполлоніи и который болѣе нигдѣ не упоминается. Особенно знаменательно молчаніе аттическихъ податныхъ списковъ.—Аполлонія, очевидно, при Пердиккѣ входила въ составъ македонскаго царства (сравн. Thuc. I 58, 2) и принадлежала македонянамъ, повидимому, еще въ то время, когда халкидяне заключили свой союзъ съ Аминтою.

3) Xen. *Hell*. V 2, 20—24.

былъ серьезный симптомъ; никто не могъ предугадать, что произошло бы, если бы дѣла въ Халкидикѣ приняли неблагопріятный для Спарты оборотъ [1]).

Поэтому спартанцы рѣшили предупредить опасность, и они нашли поддержку въ самихъ Ѳивахъ. Здѣсь существовала сильная партія, которая не одобряла политики, поставившей Беотію въ оппозицію къ Спартѣ; полное крушеніе этой политики въ коринеской войнѣ должно было доставить этой партіи вліяніе на государство. Какъ-разъ теперь одинъ изъ ея вождей, Леонтіадъ, занималъ высшую государственную должность въ Ѳивахъ—должность полемарха, правда, въ товариществѣ съ Исменіемъ, вождемъ партіи, враждебной Спартѣ. Когда братъ Эвдамида, Фебидъ, проходилъ черезъ Беотію съ подкрѣпленіями для стоявшей подъ Олинѳомъ арміи, Леонтіадъ открылъ ему ворота Кадмеи. Когда спартанцы заняли крѣпость, противники не рѣшились оказать имъ сопротивленіе; кто могъ, искалъ убѣжища въ Аѳинахъ. Исменій былъ арестованъ и преданъ суду, при чемъ Спарта прислала въ трибуналъ трехъ членовъ, а каждое изъ союзныхъ пелопоннесскихъ государствъ—по одному. Въ характерѣ приговора нельзя было сомнѣваться; человѣкъ, такъ много способствовавшій возникновенію коринеской войны и обогатившійся персидскимъ золотомъ, былъ осужденъ, какъ предатель Эллады, и казненъ [2]).

Вѣсть о происшедшемъ въ Ѳивахъ вызвала сильнѣйшее негодованіе во всемъ эллинскомъ мірѣ. Спартанское правительство постаралось снять съ себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ; Фебидъ былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ къ штрафу въ 10,000 драхмъ [3]). Но того, что̀ было сдѣлано, Спарта, конечно, не могла и не хотѣла вернуть; такимъ образомъ, гарнизонъ остался въ Кадмеѣ, и Ѳивы включены были въ спартанскій союзъ [4]). Разрушенная 44 года назадъ Платея была теперь возстановлена, и призваны обратно на родину оставшіеся въ живыхъ прежніе ея обитатели; эта мѣра очень много способствовала успокоенію взволнованнаго общественнаго мнѣ-

1) Xen. *Hell.* V 2, 15. 27. 34.

2) Xen. *Hell.* V 2, 25—31, Plut. *Pelop.* 5, Diod. XV 20, 2. О процессѣ Исменія Xen. *Hell.* V 2, 35—36, сравн. Plat. *Menon* p. 90 A (см. выше, стр. 158 прим. 4), *Polit.* I 336 A, гдѣ онъ съ ѣдкой насмѣшкой поименованъ рядомъ съ Ксерксомъ.

3) Isocr. *Paneg.* 126, Xen. *Hell.* IV 4, 1, Diod. XV 20, 2, Plut. *Pelop.* 6, *περὶ Σωκρ. δαιμον.* p. 576. Ксенофонтъ не говоритъ объ осужденіи Фебида (сравн. однако *Hell.* V 2, 32), но по существу оно представляется вполнѣ вѣроятнымъ. Притомъ, войско привелъ въ Олинѳъ не Фебидъ, а Телевтій.

4) Xen. *Hell.* V 2, 33—37.

нія въ Аѳинахъ и, кромѣ того, была отлично разсчитана на то, чтобы на будущее время посѣять раздоръ между Аѳинами и Ѳивами [1]).

Теперь союзники, отряды которыхъ до сихъ поръ еще не принимали участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, поспѣшили присоединить ихъ къ арміи, находившейся въ Беотіи; Ѳивы также выставили отрядъ гоплитовъ и всадниковъ. Братъ Агесилая Телевтій принялъ начальство надъ соединенной арміей и повелъ ее въ Македонію. Тамъ онъ соединился съ войскомъ Аминты, лучшую часть котораго составляли 400 отборныхъ всадниковъ, присланныхъ Дердадомъ, княземъ македонской области Эліміотиды. Подъ стѣнами Олинѳа произошло сраженіе съ халкидянами, которые были разбиты на-голову; однако побѣжденнымъ удалось безъ большихъ потерь укрыться за своими укрѣпленіями. Для осады Олинѳа Телевтій былъ недостаточно силенъ; поэтому онъ ограничился опустошеніемъ непріятельской страны, а скоро зима положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ.

Слѣдующей весною (381 г.) подъ Олинѳомъ снова произошло сраженіе, и на этотъ разъ лакедемоняне потерпѣли полное пораженіе; самъ Телевтій палъ, а его армія съ большимъ урономъ была разсѣяна во всѣ стороны. Теперь веденіе халкидской войны взялъ на себя царь Агесиполисъ. Въ виду превосходства его боевыхъ силъ олинѳяне не рѣшились вступить въ бой; не встрѣчая сопротивленія, царь опустошилъ непріятельскую страну до самыхъ стѣнъ столицы и завладѣлъ важнымъ пунктомъ Тороной. Агесиполисъ скоро умеръ отъ горячки, но силы непріятеля уже были надломлены. Олинѳъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и въ концѣ концовъ вынужденъ голодомъ къ сдачѣ. Халкидскій союзъ былъ уничтоженъ, а Олинѳъ долженъ былъ признать надъ собою верховную власть Спарты и обязаться выставлять войско въ случаѣ войны (380 или 379 г.) [2]).

---

[1]) Paus. IX 1, 4, сравн. платейскую рѣчь Исократа. Платеи могли быть возстановлены очевидно лишь послѣ занятія Кадмеи, хотя Павсаній изображаетъ это событіе какъ непосредственный результатъ Анталкидова мира.

[2]) Xen. *Hell.* V 2, 37—3, 9; 3, 18—20, 26, Diod. XV 21—23. Относительно хронологіи см. Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 137 слл., Fabricius *Rhein. Mus.* 48 (1893) стр. 448 слл. Рѣшить вопросъ абсолютно точно—нѣтъ возможности. Осада Фліунта началась около середины лѣта, въ то время, когда Агесиполисъ стоялъ передъ Олинѳомъ; она упоминается въ Isocr. *Paneg.* 126, а эта рѣчь была издана къ олимпійскимъ празднествамъ 380 г., т.-е. тотчасъ послѣ середины лѣта. Изготовленіе копій должно было занять нѣсколько мѣсяцевъ; поэтому мало вѣроятно, чтобы Исократъ могъ упомянуть объ осадѣ Фліунта, если бы она началась только въ серединѣ лѣта 380 г. Итакъ, Агесилай отправился къ Фліунту лѣтомъ 381 года, и такъ какъ осада продолжалась 20 мѣсяцевъ (Xen. *Hell.* V 3, 25), то Фліунтъ долженъ былъ сдаться въ первые мѣсяцы 379 г. Если

Въ Пелопоннесѣ между тѣмъ возникли новыя осложненія. Хотя Флiунтъ, по приказанію эфоровъ, призвалъ обратно изгнанниковъ (см. выше стр. 176), но при возвращеніи имъ конфискованныхъ имѣній возникли различныя затрудненія, и вернувшіеся на родину изгнанники принуждены были опять прибѣгнуть къ вмѣшательству Спарты. Царь Агесилай приступилъ къ возстановленію изгнанниковъ въ ихъ правахъ путемъ экзекуціи (лѣтомъ 381 г.), и когда флiунтское правительство изъявило готовность исполнить требованія спартанцевъ, Агесилай потребовалъ допущенія въ акрополь гарнизона. Выведенные изъ себя этимъ требованіемъ, флiунтцы предпочли подвергнуться осадѣ; годъ и восемь мѣсяцевъ пришлось Агесилаю простоять подъ городомъ, пока наконецъ голодъ заставилъ осажденныхъ сдаться на волю побѣдителя (въ началѣ 379 г.). Виновники отпаденія подверглись строгому суду, конституція была измѣнена въ олигархическомъ духѣ и поставленъ въ крѣпости гарнизонъ. Пелопоннесцамъ еще разъ было наглядно показано, что всякое сопротивленіе Спартѣ напрасно [1]).

Такимъ образомъ, Спарта благодаря своей разсчитанной и безпощадной политикѣ въ теченіе немногихъ лѣтъ вернула себѣ господствующее

этотъ разсчетъ вѣренъ, то Агесиполисъ отправился въ Халкидику лѣтомъ 381 года; онъ умеръ тамъ *κατὰ θέρους ἀκμήν* (Xen. *Hell.* V 3, 10), притомъ, какъ ясно показываетъ сообщеніе Ксенофонта, вскорѣ послѣ своего прибытія, значитъ приблизительно въ августѣ 381 года. Между тѣмъ мнѣ кажется очевиднымъ, что Агесиполисъ отправился въ Халкидику непосредственно вслѣдъ за паденіемъ Телевтія, а такъ какъ Телевтій простоялъ подъ Олинѳомъ одну зиму, то онъ прибылъ туда лѣтомъ 382 года. Возможно, что это — то самое лѣто, въ теченіе котораго была занята Кадмея; однако болѣе вѣроятно, что Телевтій отправился въ Олинѳъ лишь слѣдующей весною, такъ что занятіе Кадмеи и начало олинѳійской войны должны быть отнесены къ 383 году. Правда, это противорѣчитъ показанію Аристида, согласно которому Кадмея была занята во время Пиѳійскихъ празнествъ, т.-е. въ 382 г. (I p. 258 Jebb.); но это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Въ разсказѣ Ксенофонта паденіе Олинѳа слѣдуетъ за подчиненіемъ Флiунта; но и это не рѣшаетъ вопроса, такъ какъ Ксенофонтъ не писалъ лѣтописи. Какъ бы то ни было, Олинѳъ не могъ пасть лишь зимою $379/_8$ г. (какъ думаетъ Фабриціусъ), такъ какъ въ этомъ случаѣ спартанцы воспользовались бы освободившимся осаднымъ войскомъ для военныхъ дѣйствій противъ Ѳивъ. — По Діодору Агесиполисъ вступилъ на престолъ въ $394/_3$ г., царствовалъ 14 лѣтъ и умеръ въ $380/_{79}$ году, а наслѣдникъ его Клеомбротъ, павшій при Левкрахъ въ гекатомбеонѣ 371 г., царствовалъ 9 лѣтъ (Diod. XIV 89, 1; XV 23, 2). Разсчетъ вѣренъ; только Агесиполисъ вступилъ на престолъ не въ $394/_3$, а еще въ $395/_4$ году; значитъ, если онъ царствовалъ 14 лѣтъ, то его смерть приходится на $381/_0$ годъ. Ясно, что этотъ разсчетъ не даетъ никакихъ указаній для рѣшенія нашего вопроса.

[1]) Xen. *Hell.* V 3, 10–25.

положеніе на греческомъ полуостровѣ, которое она потеряла вслѣдствіе коринеской войны; казалось даже, что могущество Спарты было теперь прочнѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе. Этими успѣхами она обязана была главнымъ образомъ царю Агесилаю. Съ тѣхъ поръ какъ онъ, лѣтомъ 394 года, вернулся изъ Азіи въ блескѣ только-что одержанныхъ имъ побѣдъ надъ варварами, онъ занималъ безспорно первое мѣсто въ Спартѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще въ Греціи [1]). Лисандръ умеръ; царь изъ другой династіи, Павсаній, жилъ въ изгнаніи, его сынъ Агесиполисъ былъ несовершеннолѣтній мальчикъ, который даже по своемъ вступленіи на престолъ остался въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ своему старшему соправителю. Таково же было отношеніе Агесилая и къ младшему брату и преемнику Агесиполиса, Клеомброту; а когда послѣдній спустя нѣсколько лѣтъ палъ при Левктрахъ, въ домѣ Агіадовъ снова наступилъ періодъ регентства. Такимъ образомъ, двойственность царской власти въ правленіе Агесилая фактически исчезла. Геронтовъ и эфоровъ Агесилай сумѣлъ ловко расположить къ себѣ уступчивостью; онъ упорно отказывался отъ оказываемыхъ лично ему почестей; въ своемъ образѣ жизни и въ манерахъ онъ былъ простъ, какъ истый спартанецъ. Настоящей геніальностью онъ, впрочемъ, не обладалъ ни какъ политикъ, ни какъ полководецъ; успѣхи въ области тактики и стратегіи, достигнутые какъ разъ въ это время Ификратомъ, Хабріемъ и Эпаминондомъ, оставались ему совершенно чужды, и онъ, подобно большинству его соотечественниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, не понималъ, что политика должна считаться и съ нравственными факторами. Именно это грубое пользованіе правомъ сильнаго, проходящее красной нитью черезъ всю политику Агесилая, и было одной изъ главныхъ причинъ крушенія спартанскаго могущества [2]).

---

[1]) Theopomp. fr. 24 у Plut. *Ages.* 10 *μέγιστος μὲν ἦν ὁμολογουμένως καὶ τῶν τότε ζώντων ἐπιφανέστατος.*

[2]) Уцѣлѣвшее въ числѣ произведеній Ксенофонта жизнеописаніе Агесилая написано хотя и не Ксенофонтомъ, но все-таки недолго спустя послѣ смерти царя, еще до завоеванія Азіи (VII 7), вѣроятно въ угоду сыну Агесилая, Архидаму (Roquette *De Xenophontis vita*, диссерт. Кенигсбергъ 1884, стр. 101 слл.). Кромѣ того, до насъ дошли біографіи Плутарха и Непота. Наиболѣе обильный и надежный матеріалъ даютъ *Hellenica* Ксенофонта. Изъ новѣйшихъ работъ наиболѣе обстоятельно Hertzberg *Das Leben des Königs Agesilaos II von Sparta* (Halle 1856); къ сожалѣнію, авторъ совершенно не понялъ значенія своего героя.

ГЛАВА VI.

Возрожденіе демократіи.

Насильственная политика, которую преслѣдовала Спарта со времени Анталкидова мира, возбудила въ Греціи всеобщее неудовольствіе [1]). Но мелкія государства поневолѣ должны были допускать то, чему они не въ силахъ были воспрепятствовать, а иныя изъ нихъ принуждены были еще и поставлять свои полки въ спартанскую армію; изъ великихъ же державъ Эллады одна, Сиракузы, находилась въ тѣсномъ союзѣ со Спартой, а другая, Аѳины, заботилась только о томъ, чтобы посредствомъ политики сосредоточенія силъ залѣчить раны, нанесенныя ихъ благосостоянію послѣдней войной.

Здѣсь послѣ Анталкидова мира прежде всего привлекли къ суду тѣхъ лицъ, которыя довели государство до необходимости одновременно бороться со Спартой и съ Персіей. Агиррій, болѣе всѣхъ виновный, былъ присужденъ къ большому денежному штрафу, и такъ какъ не могъ заплатить его, то былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ много лѣтъ; политическимъ вліяніемъ онъ уже болѣе никогда не пользовался [2]). Ѳрасибулъ изъ Коллита, эскадра котораго была взята въ плѣнъ Анталкидомъ (см. выше стр. 170), подвергся суду по двумъ процессамъ, изъ которыхъ, впрочемъ, вышелъ побѣдителемъ [3]); Діонисій, который также командовалъ частью флота на Геллеспонтѣ, былъ казненъ, какъ государственный измѣнникъ [4]). Та же участь постигла и Кононова друга Никрофема и его сына Ари-

---

1) Isocr. *Paneg.* 125 сл. сравн. вступленіе учредительнаго акта т. наз. второго аттическаго морского союза *CIA*. II 17.

2) Demosth. *пр. Тимокр.* 134.

3) Demosth. l. c., сравн. Lys. *пр. Эвандра* 23.

4) Demosth. *о посольствѣ* 180.

стофана, которые служили на Кипрѣ въ арміи Хабрія [1]). Формисій и Эпикратъ, заслуженные демократы и ветераны Филы, которые были отправлены послами къ царю, поплатились жизнью за то, что не съумѣли добиться болѣе выгодныхъ условій для Аѳинъ [2]).

Въ то же время приложены были всѣ старанія къ тому, чтобы поддержать хорошія отношенія какъ съ Персіей, такъ и со Спартой. По требованію персидскаго царя Хабрій былъ отозванъ изъ Египта, гдѣ онъ со времени заключенія мира занятъ былъ организаціей обороны страны [3]); напротивъ, Ификратъ получилъ позволеніе вступить въ персидскую службу на время экспедиціи противъ Египта (379) [4]). Въ самой Греціи Аѳины не препятствовали Спартѣ подчинить себѣ Мантинею и завладѣть ѳиванскою крѣпостью, и оппозиція съ полнымъ правомъ могла упрекать правительство въ томъ, что олигархическая реакція въ Ѳивахъ произошла съ его вѣдома и по его желанію [5]). Кажется даже, что Аѳины теперь уступили настояніямъ Спарты и отказались отъ власти надъ Делосомъ и его богатымъ храмомъ, которую онѣ сначала,—правда, вопреки точному смыслу Анталкидова мира,—еще пытались удержать въ своихъ рукахъ [6]).

---

1) См. рѣчь Лисія *объ им. Аристоф.*

2) Plat. *Πρέσβεις* fr. 119—121 Kock, Demosth. *о пос.*. 277; Plut. *Pelop.* 30 (27-ая рѣчь Лисія относится къ другому процессу, сравн. Thalheim *Jahrb. für Phil.* 117, 1878, стр. 553 — 61). Процессъ относится ко времени послѣ 389 г. (Aristoph. *Eccl.* 71); посольство, послужившее поводомъ къ нему, стоитъ въ связи съ Анталкидовымъ миромъ, Aristid. *Panath.* p. 172, 15 Jebb.=I 283 Dind., вмѣстѣ съ Schol.: *εἰς 'Επικράτην αἰνίττεται.*

3) Diod. XV 29, Nep. *Chabr.* 3, 1, Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 151 сл.

4) Nep. *Iphicr.* 2, Diod. XV 29. 41.

5) Lys. *пр. Эвандра* 23. Въ Plut. *περὶ Σωκρ. δαιμ.* 32 p. 597 также подразумѣвается существованіе дружественныхъ отношеній между олигархическимъ правительствомъ въ Ѳивахъ и Каллистратомъ, однимъ изъ руководящихъ государственныхъ дѣятелей въ Аѳинахъ.

6) О раздорахъ между Спартою и Аѳинами изъ-за Цикладъ говоритъ Исократъ въ *Панегирикѣ*, изданномъ въ 380 г. (136). Во время большого празднества, которое справлялось на Делосѣ во ѳаргеліонѣ каждаго третьяго года Олимпіады (Schöffer *De Deli insulae rebus*, *Berliner Studien* IX, 1889, стр. 53 сл.), аттическіе амфиктіоны, стоявшіе во главѣ храмовой администраціи, обыкновенно приносили въ даръ Аполлону золотой вѣнокъ; такихъ вѣнковъ въ 364/3 году было 12 (Homolle *Les Archives de l'Intendance sacrée à Delos.* Парижъ 1887, стр. 28), 15-ый былъ посвященъ въ 354/3 году (*CIA.* II 818) и т. д., сравн. примѣч. Köhler'а къ *CIA.* II 817 и Homolle l. c. Между тѣмъ первая делосская пентетерида праздновалась въ 426/5 году (Thuc. III 104), слѣдовательно, въ 4 пентетериды вѣнки не были принесены въ даръ Аполлону—очевидно потому, что храмъ въ это время не находился

Однако өиванскимъ изгнанникамъ Аөины дали у себя убѣжище, и они сдѣлались, конечно, предметомъ всеобщаго сочувствія въ демократическомъ городѣ. Поэтому они не остались безъ поддержки, когда въ срединѣ зимы 379/8 года начали подготовлять переворотъ съ цѣлью освобожденія Өивъ. Въ заговорѣ приняли участіе даже два аөинскихъ стратега; исподтишка былъ приготовленъ отрядъ войска, который долженъ былъ служить опорой движенію въ случаѣ удачи. Одинъ изъ эмигрантовъ, Мелонъ, вмѣстѣ съ шестью товарищами пробрался черезъ беотійскую границу; имъ удалось, не возбудивъ подозрѣній, позднимъ вечеромъ войти въ Өивы, гдѣ у нихъ былъ сообщникъ въ лицѣ государственнаго секретаря Филлида. Полемархи подверглись неожиданному нападенію во время пирушки и были умерщвлены; убитъ былъ также Леонтіадъ, который четыре года назадъ бросилъ Өивы въ руки спартанцевъ. Послѣ этого возстали граждане, аөиняне подоспѣли на помощь и вмѣстѣ съ өиванцами приступили къ штурму Кадмеи. Спартанскіе военачальники, не разсчитывая устоять противъ врага, сдали крѣпость, выговоривъ себѣ право свободнаго отступленія [1]). Въ Өивахъ установленъ былъ демократическій строй, и освободитель Мелонъ избранъ въ полемархи; вмѣстѣ съ нимъ избраны были его товарищъ Пелопидъ, одинъ изъ семи эмигрантовъ, пріѣхавшихъ изъ Аөинъ, и Харонъ, давшій въ своемъ домѣ пріютъ заговорщикамъ [2]). Въ томъ, что со стороны Спарты предстоитъ

въ завѣдованіи аөинянъ. Это были пентетериды 401, 397 и вѣроятно 393 годовъ; въ 389 году Делосъ снова находился во власти Аөинъ (*CIA*. IV 2, 813 b, сравн. выше, стр. 159 прим. 5), также въ 377 году (*CIA*. II 814); слѣдовательно, не былъ принесенъ вѣнокъ либо въ 385, либо въ 381 году, по всей вѣроятности въ послѣднемъ.

[1]) Xen. *Hell*. V 4, 2 — 12. Романтически изукрашенный разсказъ объ этомъ событіи—у Plut. *Pelop*. 7—12 и *περὶ Σωκρ. δαιμ.* p. 575 sqq. Сообщеніе Діодора, XV 25 — 27, также отчасти невѣрно. Критика всѣхъ этихъ показаній у Stern'a, *Spart. u. theban. Hegemonie*, стр. 44 сл. Выводы Fabricius'a (*Die Befreiung Thebens*, *Rhein. Mus*. 48, 1893, 448 сл.) въ основныхъ пунктахъ не выдерживаютъ критики. Хронологія точно установлена, такъ какъ Тимоөей совершилъ свой походъ въ Корциру лѣтомъ 375 г. (*CIA*. II 49), въ предшествующемъ году Клеомбротъ выступилъ противъ Беотіи (Xen. *Hell*. V 4, 63) и, слѣдовательно, оба похода Агесилая относятся къ 377 и 378 гг., а освобожденіе Өивъ—къ зимѣ 379/8 года.

[2]) Plut. *Pelop*. 13, *Ages*. 24. Что избраны были не беотархи, какъ сообщаетъ Плутархъ, а полемархи, при тогдашнемъ положеніи Өивъ разумѣется само собою (сравн. Isocr. *Plat*. 29). Именно поэтому были избраны трое. Еще въ учредительномъ актѣ третьяго аөинскаго морского союза (*CIA*. II 17, весна 377 г.) названы только *Θηβαῖοι*, а не *Βοιωτοί*.

страшная расправа, разумѣется, никто не сомнѣвался. Поэтому сдѣлана была попытка придти къ соглашенію съ нею; Ѳивы изъявили готовность сохранить союзъ, который олигархическое правительство заключило со Спартою [1]).

Но послѣ всего, что произошло, Спарта конечно не могла согласиться на эти предложенія; для того, чтобы положеніе, занятое государствомъ со времени Анталкидова мира, не потерпѣло тяжелаго удара, честь оружія должна была во что бы то ни стало быть возстановлена. Офицеры, командовавшіе войскомъ въ Кадмеѣ, были казнены или приговорены къ уплатѣ тяжелаго штрафа; и еще зимою въ Беотію была послана пелопоннесская армія подъ начальствомъ юнаго царя Клеомброта, который унаслѣдовалъ тронъ своего брата Агесиполиса послѣ его преждевременной смерти подъ Олинѳомъ. Объ осадѣ, конечно, нечего было думать въ эту пору года; а такъ какъ непріятель отказывался отъ сраженія и въ Ѳивахъ не произошло возстанія противъ демократическаго правительства, то Клеомброту ничего другого не оставалось, какъ пуститься въ обратный путь послѣ 16-ти дневной стоянки на высотахъ Киноскефалъ, въ южной части города. Одна треть войска оставлена была въ Ѳеспіяхъ для наблюденія за ѳиванцами и для охраны второстепенныхъ городовъ Беотіи [2]).

Если, такимъ образомъ, экспедиція въ военномъ отношеніи не дала никакихъ результатовъ, за-то появленія пелопоннесской арміи на границѣ Аттики было достаточно, чтобы отбить у аѳинянъ всякую охоту къ войнѣ. Оба стратега, самовольно оказавшіе помощь ѳиванскимъ демократамъ, были приговорены къ смерти, и одинъ изъ нихъ дѣйствительно былъ казненъ, тогда какъ другой отправился въ изгнаніе. Ѳивы были совершенно изолированы, и этимъ, казалось, была рѣшена участь возстанія демократовъ [3]).

Но разсѣять недовѣріе правящихъ круговъ Спарты къ аттической политикѣ было нелегко. Самое меньшее, чего можно было опасаться со стороны Аѳинъ, это—нейтралитета, благопріятнаго Ѳивамъ; но

---

1) Isocr. *Plat*. 29.

2) Xen. *Hell*. V 4, 13—18, Diod. XV 27, Plut. *Pelop*. 13.

3) Xen. *Hell*. V 4, 19. Гротъ доказалъ (IX стр. 306 сл.), что оба стратега дѣйствовали на собственный страхъ, что союзъ между Аѳинами и Ѳивами былъ заключенъ лишь послѣ оправданія Сфодрія и что свидѣтельство Ксенофонта заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія передъ показаніями Динарха, *пр. Демосѳ*. 38, Плутарха, *Pelop*. 14, и Діодора XV 25 сл.; новѣйшее изслѣдованіе Фабриціуса (l. c.) не поколебало доводовъ Грота. Сравн. также *Attische Politik* автора, стр. 137 прим. и Stern *Spart. Hegemonie* стр. 65 сл.

кто могъ поручиться за то, что радикальной партіи въ концѣ концовъ все-таки не удастся увлечь государство къ дѣятельному участію въ войнѣ? Не лучше ли было предупредить опасность? Въ виду этихъ соображеній Сфодрій, командовавшій войскомъ въ Ѳеспіяхъ, рѣшился напасть на Пирей. Онъ разсчитывалъ пройти разстояніе отъ беотійской границы до Пирея—50 километровъ—въ одну зимнюю ночь; но этотъ разсчетъ оказался ошибочнымъ: когда начало свѣтать, войско находилось лишь у Элевсина на ѳріасійской равнинѣ. Смѣлое предпріятіе окончилось неудачей, Сфодрій принужденъ былъ вернуться, при чемъ дѣло не обошлось безъ разграбленія пограничныхъ аттическихъ деревень [1]).

Въ Аѳинахъ даже теперь еще надѣялись сохранить миръ и ограничились тѣмъ, что потребовали отъ Спарты удовлетворенія. Самъ Сфодрій считалъ для себя неизбѣжнымъ смертный приговоръ и бѣжалъ за границу. Но царь Клеомбротъ и сынъ Агесилая, Архидамъ, добились оправдательнаго приговора для Сфодрія [2]); въ Спартѣ, очевидно, думали, что Аѳины не станутъ серьезно настаивать на своемъ требованіи. Но спартанцы ошиблись; въ Аѳинахъ теперь снова одержала верхъ военная партія, и заключенъ былъ съ Ѳивами оборонительный союзъ [3]). Впрочемъ, дѣло не дошло до объявленія войны Спартѣ; да и лакедемоняне старались не доводить Аѳины до крайности и по прежнему относились къ Аттикѣ, какъ къ нейтральной странѣ.

Тѣмъ энергичнѣе рѣшили они дѣйствовать противъ Ѳивъ. Какъ только сталъ созрѣвать хлѣбъ, Агесилай собралъ войска пелопоннесскихъ союзниковъ и направился черезъ Киѳеронъ въ Ѳеспіи, гдѣ присоединилъ къ своей арміи отрядъ, оставленный тамъ Клеомбротомъ; теперь онъ располагалъ 18,000 пѣхотинцевъ и 1,500 всадниковъ. Между тѣмъ на помощь Ѳивамъ пришелъ аѳинскій отрядъ подъ начальствомъ Хабрія. Въ ожиданіи непріятельскаго нападенія ѳиванцы окружили свою страну цѣпью укрѣпленій; однако Агесилаю удалось прорваться въ свободномъ отъ охраны мѣстѣ, и союзники принуждены были отступить назадъ въ Ѳивы. Подъ стѣнами города они

[1]) Xen. *Hell.* V 4, 20—21, Plut. *Pelop.* 14, *Ages.* 24, Diod. XV 29. 5. 6. Крайне невѣроятно, чтобы Сфодрій былъ подкупленъ ѳиванцами, какъ сообщаютъ Ксенофонтъ и Плутархъ; экспедиція могла удаться, и тогда для Ѳивъ была бы потеряна всякая надежда. Напротивъ, очень возможно, что здѣсь не обошлось безъ участія Клеомброта (Diod.).

[2]) Xen. *Hell.* V 4, 22—23, Diod. и Plut. l. c.

[3]) Xen. *Hell.* V 4, 34, Diod. XV 29, 7, Plut. *Pelop.* 15.

выстроились для сраженія; но Агесилай не рѣшился напасть на крѣпкую позицію непріятеля,—успѣхъ, которымъ Хабрій по праву гордился больше, чѣмъ любой побѣдой въ открытомъ полѣ. Итакъ, царь долженъ былъ ограниться опустошеніемъ ѳиванской области; затѣмъ онъ вернулся на Коринѳскій перешеекъ и тамъ распустилъ свое войско по домамъ. Въ Ѳеспіяхъ остался Фэбидъ съ отрядомъ наемниковъ [1]).

Теперь ѳиванцы перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ; выступившій противъ нихъ Фэбидъ былъ разбитъ и самъ палъ въ сраженіи. Вслѣдствіе этого и во второстепенныхъ городахъ Беотіи начала поднимать голову демократическая партія, и спартанцы принуждены были послать въ Ѳеспіи въ качествѣ гарнизона отрядъ своего ополченія, чѣмъ на время остановлены были успѣхи ѳиванцевъ [2]).

Слѣдующей весною (377) Агесилай снова предпринялъ походъ въ Беотію. Въ этотъ разъ онъ также безъ труда прорвалъ оборонительную линію передъ Ѳивами и уничтожилъ хлѣбъ на поляхъ; до значительнаго сраженія дѣло не дошло, какъ и въ предшествовавшемъ году. На обратномъ пути въ Пелопоннесъ Агесилай въ Мегарѣ заболѣлъ тяжелой болѣзнью, которая надолго приковала его къ постели; поэтому весною 376 года руководство экспедиціей противъ Ѳивъ было возложено на царя Клеомброта. Впрочемъ, предводительствуемая имъ армія даже не достигла Беотіи, такъ какъ непріятель загородилъ проходы Киѳерона [3]).

Между тѣмъ Аѳины прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы въ третій разъ вернуть себѣ дважды утраченную гегемонію на морѣ. Уже непосредственно послѣ Анталкидова мира возобновлены были союзные договоры съ Хіосомъ, Митиленой, Меѳимной и Византіей [4]); Родосъ также вступилъ снова въ союзъ съ Аѳинами, когда его на-

---

1) Xen. *Hell.* V 4, 35—41, Diod. XV 32 сл., сравн. относительно Хабрія Polyaen. II 1, 2 и Nep. *Chabr.* 1.

2) Xen. *Hell.* V 4, 42—46, Diod. XV 33, Plut. *Pelop.* 15.

3) Xen. *Hell.* V 4, 47—59, Diod. XV 34, Plut. *Ages.* 27.

4) Isocr. *Plat.* 28. Договоры: съ Хіосомъ *CIA.* IV 2, 15 c, съ Митиленой *CIA.* II 18, съ Византіей *CIA.* II 19. Что и Меѳимна ко времени основанія морского союза уже была союзницей Аѳинъ, показываетъ учредительный актъ союза (*CIA.* II 17), гдѣ Меѳимна названа въ числѣ тѣхъ общинъ, которыя составляли первоначальное ядро союза, и постановленіе народнаго собранія *CIA.* IV 2, 18 b. Когда Меѳимна вступила въ союзъ съ Аѳинами, мы не знаемъ; въ 389/8 г. тамъ еще стоялъ спартанскій гарнизонъ, и Ѳрасибулъ тщетно пытался привлечь городъ на свою сторону (Xen. *Hell.* IV 8, 29—30, Diod. XIV 94).

лоазіатская коалиція со смертью Глоса распалась (около 379 г.)[1]. Попытки завязать прежнія отношенія съ ѳракійскими халкидянами, правда, остались безуспѣшными вслѣдствіе вмѣшательства спартанцевъ[2]; за то Ѳивы, какъ мы видѣли, весною 378 года вступили въ союзъ съ Аѳинами. И вотъ, послѣ того какъ разрывъ со Спартою былъ провозглашенъ оффиціально, Аѳины обратились ко всѣмъ эллинамъ и варварамъ, не подвластнымъ персидскому царю, съ воззваніемъ сомкнуться въ союзъ для противодѣйствія притязаніямъ Спарты. Основою союзнаго договора должны были служить постановленія Анталкидова мира. Всѣмъ участвующимъ государствамъ обезпечивалась автономія, персидскій царь признавался владыкою азіатскаго материка; Аѳины отказывались отъ всякихъ притязаній на своя старыя колоніальныя владѣнія, и впредь аѳинянамъ вообще воспрещалось пріобрѣтать дома и земли на всемъ протяженіи союзной территоріи. Для руководства общими дѣлами былъ учрежденъ союзный совѣтъ *(συνέδριον)*, который засѣдалъ въ Аѳинахъ и въ которомъ участвовали съ правомъ голоса делегаты всѣхъ союзныхъ государствъ; сами Аѳины не имѣли въ немъ представителя, и рѣшенія совѣта получали законную силу только въ случаѣ согласія между руководящимъ государствомъ и совѣтомъ. Издержки по содержанію союзнаго флота должны были покрываться взносами *(συντάξεις)*, размѣръ которыхъ каждый разъ опредѣлялся союзнымъ совѣтомъ сообразно наличнымъ потребностямъ. Завѣдованіе этими деньгами и руководство военными дѣйствіями вручалось Аѳинамъ (весною 377 г.)[3].

---

[1]) Родосскій союзъ существовалъ, повидимому, еще въ 382 году (см. выше стр. 171 прим. 2); такимъ образомъ, онъ распался, вѣроятно, лишь послѣ смерти Глоса, но во всякомъ случаѣ до 377 года, такъ какъ ни одинъ изъ участвовавшихъ въ немъ городовъ (кромѣ Родоса) не вступилъ въ новый аттическій морской союзъ. Самъ Родосъ въ учредительномъ актѣ морского союза названъ среди тѣхъ общинъ, которыя составили его ядро; слѣдовательно, онъ вступилъ въ союзъ не позднѣе 378/7 года.

[2]) Xen. *Hell.* V 2, 15, сравн. выше, стр. 178.

[3]) *CIA.* II 17 = Dittenberger 63 (постановленіе народнаго собранія отъ 7-ой пританіи, въ архонтство Навсиника, намѣтившее основныя черты организаціи союза), Diod. XV 28 сл. Busolt *Der zweite athenische Seebund (Jahrb. f. Philol.*, Suppl. VII 663 слл.), Swoboda *Rhein. Mus.* 49, 1894, стр. 339 слл. и руководства по исторіи греческихъ «государственныхъ древностей», гдѣ указана дальнѣйшая литература. Показаніями ораторовъ изъ эпохи упадка союза можно пользоваться для реконструкціи внутренняго устройства союза въ первый періодъ лишь съ осторожностью. Съ новымъ союзомъ случилось то же, что и со старымъ: постановленія союзнаго собранія въ концѣ концовъ потеряли всякое значеніе и «взносы» обратились въ регулярную дань.

Организуя новый союзъ на такихъ началахъ, Аѳины приносили тяжелую жертву; это было равносильно полному разрыву съ политикой, которой онѣ слѣдовали до Анталкидова мира, и окончательному отказу отъ мысли о возстановленіи государства въ его старыхъ формахъ, которую пытался осуществить еще Ѳрасибулъ. Мало того: тысячи аѳинскихъ гражданъ теряли послѣднюю надежду вернуть себѣ свои внѣ-аттическія имѣнія, которыхъ они сами или ихъ отцы лишились благодаря катастрофѣ 404 года [1]). Но эти жертвы не оказались безплодными. Эвбейскіе города тотчасъ вступили въ новый союзъ, исключая Ореоса, занятаго лакедемонскимъ гарнизономъ; тоже сдѣлали сѣверные Спорады—Пепареѳъ, Скіаѳъ и Икъ, затѣмъ Тенедосъ при входѣ въ Геллеспонтъ, Перинѳъ и Маронея во Ѳракіи, Паросъ и другіе сосѣдніе острова; далѣе города, остававшіеся до сихъ поръ въ союзѣ съ Аѳинами: Хіосъ, Митилена, Меѳимна, Византія, Родосъ и Ѳивы. Такимъ образомъ, Аѳины сразу опять заняли положеніе господствующей державы на Эгейскомъ морѣ; теперь онѣ снова могли взять въ свои руки завѣдованіе делосскимъ храмомъ, отъ котораго, какъ мы видѣли, онѣ должны были отказаться нѣсколько лѣтъ назадъ [2]).

Одновременно съ этимъ предпринято было обновленіе аттическаго флота. Это было дѣломъ настоятельной необходимости, потому что во время коринѳской войны большая часть кораблей сдѣлалась негодной къ употребленію, и правительство до сихъ поръ слишкомъ мало заботилось о замѣнѣ ихъ новыми. Такимъ образомъ, хотя въ распоряженіи государства было болѣе 100 тріеръ, но большинство изъ нихъ пришли въ ветхость и были непригодны для плаванія. Поэтому правительство приступило къ постройкѣ большого числа но-

---

[1]) Andoc. *о мирѣ* 36 показываетъ, что эти надежды были живы еще во время Коринѳской войны. Исократъ уже въ 380 г. предсказываетъ ихъ крушеніе (*Paneg.* 114, сравн. 107).

[2]) См. учредительный актъ и Diod. XV 30. Договоръ съ Халкидою *CIA.* II 17 *b* (еще въ архонтство Навсиника, 378/₇). Имена союзныхъ городовъ вырѣзаны на камнѣ, содержащемъ учредительный актъ, различными руками и слѣдовательно въ различные сроки (Fabricius *Rhein. Mus.* 46, 1891, стр. 589 сл.; личное ознакомленіе съ этимъ памятникомъ убѣдило меня въ томъ, что Фабриціусъ въ общемъ судилъ правильно, хотя я и не всегда согласенъ съ его выводами). Общины, имена которыхъ начертаны на передней сторонѣ камня, вступили въ союзъ еще въ теченіе 377 года и во всякомъ случаѣ до битвы при Наксосѣ; поименованныя на узкой сторонѣ—между битвою при Наксосѣ и возращеніемъ Тимоѳея изъ Іонійскаго моря, т.-е. въ теченіе $376/_5$ и $375/_4$ гг. См. ниже, стр. 191 прим. 4.

выхъ военныхъ судовъ и дѣйствовало въ этомъ направленіи такъ энергично и цѣлесообразно, что спустя 20 лѣтъ (357/6) Аѳины располагали флотомъ въ 289 тріеръ, несмотря на значительныя требованія, которыя въ теченіе этого періода почти безпрестанно предъявлялись къ аттическому флоту [1]). Для покрытія расходовъ по постройкѣ кораблей и для возмѣщенія военныхъ издержекъ въ Аттикѣ установленъ былъ чрезвычайный имущественный налогъ (378/7) [2]).

При такомъ положеніи дѣлъ пелопоннесцы не могли дольше оставаться въ бездѣйствіи. Они снарядили флотъ въ 65 тріеръ и послали его къ аттическому побережью, гдѣ онъ отрѣзалъ Аѳинамъ всякій подвозъ (лѣтомъ 376 г.). Наксосъ и нѣкоторые другіе изъ Цикладскихъ острововъ тотчасъ перешли на спартанскую сторону. на Делосѣ аѳинскіе амфиктіоны были изгнаны изъ храма и при этомъ подверглись насиліямъ. Но Аѳины оказались на высотѣ своего положенія. Онѣ привели въ исправность всѣ корабли, которые еще были годны къ употребленію, и спустя короткое время Хабрій могъ выйти въ море съ 83 тріерами. Вначалѣ пелопоннесцы не рѣшались вступить въ сраженіе; но когда Хабрій обратилъ свое оружіе противъ Наксоса и приступилъ къ осадѣ города, лакедемонскій адмиралъ Поллисъ долженъ былъ поспѣшить на помощь послѣднему. Такимъ образомъ въ проливѣ между Паросомъ и Наксосомъ произошла морская битва; она окончилась полнымъ пораженіемъ пелопоннесцевъ, флотъ которыхъ на половину былъ потопленъ или взятъ въ плѣнъ (16-го боэдроміона, въ сентябрѣ). Это была первая крупная морская побѣда, одержанная Аѳинами со времени битвы при Аргинусахъ [3]). Теперь аѳинскій флотъ безусловно господствовалъ на Эгейскомъ морѣ; Делосъ снова изъявилъ покорность, а Циклады — всѣ или, по крайней мѣрѣ, бо́льшая часть ихъ — примкнули къ морскому союзу [4]). Слѣду-

---

[1]) О потребленіи и порчѣ принадлежностей флота въ Коринѳской войнѣ — Lys. *пр. Эріокла* 4, о состояніи флота ко времени основанія новаго морского союза — инвентарь *CIA*. II 791, вѣроятно отъ 378/7 года. Сравн. Köhler *Athen. Mitteil*. VI (1881) 30.

[2]) Philoch. fr. 126, сравн. гл. XI.

[3]) Xen. *Hell*. V 4, 60—61, Diod. XV 34 сл., Plut. *Phoc*. 6, Polyaen. III 11, 2, сравн. Demosth. *пр. Лепт*. 77. 80, Aesch. *пр. Ктес*. 222. Дату сообщаютъ Plut. *Cam*. 6 и Поліэнъ. О происшествіяхъ на Делосѣ *CIA*. II 814, 24—30.

[4]) Demosth. *пр. Лепт*. 77, сравн. Plut. *Phoc*. 7. Въ учредительномъ актѣ Андросъ, Теносъ, Миконъ, Кеосъ, Аморгъ, Сиѳнъ и Сикинъ поименованы на узкой сторонѣ камня, вмѣстѣ съ тѣми западными и ѳракійскими общинами, которыя были привлечены въ союзъ Тимоѳеемъ и Хабріемъ. Слѣдовательно, они могли вступить въ союзъ лишь послѣ битвы при Наксосѣ (выше, стр. 190

ющей весною (375) Хабрій предпринялъ экспедицію къ ѳракійскому побережью и заставилъ Самоѳракію, Ѳасосъ, Абдеру, Эносъ и другіе города присоединиться къ Аѳинамъ. Этому примѣру послѣдовалъ и халкидскій союзъ, который какъ разъ въ это время снова собрался вокругъ Олинѳа; затѣмъ Эресъ и Антисса на Лесбосѣ и Ореосъ на Эвбеѣ, изгнавшій между тѣмъ свой лакедемонскій гарнизонъ [1]). Аѳины опять господствовали почти надъ всѣми островами Эгейскаго моря и надъ всѣми важными городами ѳракійскаго побережья отъ Византіи до Олинѳа, за исключеніемъ Амфиполя.

Въ то время какъ Хабрій одерживалъ эти побѣды на сѣверѣ, сынъ Конона Тимоѳей во главѣ 60 тріеръ огибалъ Пелопоннесъ, направляясь въ Іонійское море. Здѣсь тотчасъ примкнули къ морскому союзу могущественная Корцира, а также эпирскій царь Алкетъ, акарнанцы и Проннои на Кефалленіи. Пелопоннесскій флотъ, выступившій противъ Тимоѳея, былъ разбитъ при Ализіи на акарнанскомъ побережьи (375) [2]).

прим. 2); само собою разумѣется, что это случилось немедленно послѣ битвы, сдѣлавшей Аѳины полновластнымъ господиномъ Эгейскаго моря. Имена на узкой сторонѣ камня вырѣзаны одной рукой (исключая прибавленнаго позднѣе въ концѣ *Ζακυνθίων ὁ δῆμος ὁ ἐν Νήλλῳ)*, слѣдовательно всѣ въ одно время, безъ отношенія къ тому, какова была хронологическая послѣдовательность ихъ вступленія въ союзъ. Что и Наксосъ принадлежалъ къ союзу, ясно само собою; сравн. постановленіе аѳинскаго народнаго собранія *CIA.* IV 2, 88 d, Szanto *Athen. Mitteil.* XVI (1891) стр. 30 сл. Такъ какъ названія этого острова на узкой сторонѣ нѣтъ, то очевидно, что оно было начертано на передней сторонѣ, гдѣ уцѣлѣла не вся надпись; значитъ, Наксосъ вступилъ въ союзъ одновременно съ Паросомъ, но затѣмъ отложился и послѣ морской побѣды аѳинянъ снова былъ покоренъ. Возможно, что въ пробѣлѣ на передней сторонѣ камня были поименованы и нѣкоторые другіе изъ Цикладскихъ острововъ, какъ Кеосъ, Серифъ и Сиръ. Были ли когда-нибудь членами союза Мелосъ и Ѳера, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, (Demosth.) *пр. Ѳеокр.* 56 р. 1339 въ этомъ отношеніи ничего не доказываетъ.

[1]) Diod. XV 36 и списокъ союзныхъ городовъ въ учредительномъ актѣ. Относительно Ореоса сравн. Xen. *Hell.* V 4, 57, по которому этотъ городъ отпалъ отъ Спарты приблизительно осенью 377 года. Подъ [*Χαλκι*]*δῆς ἀπὸ* [*Θράικης*] учредительнаго акта (правильность дополненія несомнѣнна) надо понимать воскресшій олинѳійскій союзъ, а не (какъ утверждаетъ Schaefer, *de Sociis* стр. 15, сравн. Dittenberger *Sylloge* 63) городъ Халкиду на Аѳонѣ, какого вообще не существовало, какъ ясно слѣдуетъ изъ молчанія аттическихъ податныхъ списковъ; Steph. Byz. *Χαλκίς* невѣрно понялъ свой источникъ—Эвдокса.

[2]) Xen. *Hell.* V 4, 62—66, Diod. XV 36, 5–6, Polyaen. III 10, 6. 12. 13. 16. 17, Frontin. II 5, 47, Nep. *Timoth.* 2, 1. Что изъ городовъ Кефалленіи

Занятая морской войною, Спарта принуждена была ограничиваться въ Беотіи оборонительными дѣйствіями, вслѣдствіе чего ѳиванцы получали здѣсь все большій перевѣсъ. Пелопиду удалось даже, во главѣ отборнаго ѳиванскаго войска, т. наз. «священнаго отряда», разбить въ открытомъ полѣ при Тегирѣ, вблизи Орхомена, два полка спартанскаго ополченія [1]). Аѳины также не преминули извлечь выгоду изъ этого положенія вещей, снова присоединивъ Оропъ, который въ 411 году отпалъ къ беотянамъ (см. выше стр. 54) и въ силу Анталкидова мира получилъ автономію [2]).

Однако въ Аѳинахъ уже начали тяготиться войною, продолженіе которой послѣ присоединенія къ морскому союзу всѣхъ важнѣйшихъ острововъ не могло уже доставить никакихъ важныхъ успѣховъ, между тѣмъ какъ населеніе почти изнемогало подъ бременемъ налоговъ, необходимыхъ для содержанія большого флота. Спарта также пришла къ убѣжденію, что не добьется ни подчиненія Ѳивъ, ни уничтоженія морской гегемоніи Аттики, тогда какъ пелопоннесскіе союзники, чѣмъ дольше длилась война, становились все болѣе непокорными, и гарнизонная служба въ Орхоменѣ и Ѳеспіяхъ ложилась все болѣе тяжелымъ бременемъ на спартанское населеніе. Въ виду этого рѣшено было примириться съ совершившимися фактами и на этой почвѣ войти въ соглашеніе съ Аѳинами. Лѣтомъ 374 года въ Спартѣ былъ заключенъ договоръ, которымъ обѣ воюющія державы взаимно признали другъ за другомъ верховенство надъ морскимъ союзомъ и пелопоннесской симмахіей, а въ прочемъ подтверждены были постановленія Анталкидова мира [3]).

въ это время къ союзу примкнули только Проннои, показываетъ *CIA*. II 17, сравн. Xen. *Hell.* VI 2, 33. Постановленіе аѳинскаго народнаго собранія о принятіи въ союзъ корцирянъ, акарнанцевъ и кефалленцевъ — *CIA*. II 49, IV 2, 49 (вторая пританія 375/4 года, слѣдовательно августъ—сентябрь 375 г.); текстъ договора съ Корцирою *CIA*. II 49 b, IV 2, 49 b.

[1]) Diod. XV 37 (подъ 376/5 годомъ) и 81, Plut. *Pelop.* 16 сл.

[2]) Isocr. *Plat.* 20.

[3]) Xen. *Hell.* VI 2, 1, Isocr. *Antid.* 109 сл., *Plat.* 10, Nep. *Timoth.* 2, сравн. Wachsmuth *Stadt Athen* I 585 прим. 3. Условія явствуютъ отчасти изъ этихъ показаній, отчасти изъ отношеній, сложившихся въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Diod. XV 38 смѣшиваетъ этотъ миръ съ договоромъ, заключеннымъ три года спустя передъ Левктрами (Diod. XV 50, сравн. Stern *Spart. Hegem.* стр. 93—100). Въ послѣдней инстанціи ошибка восходитъ къ Ксенофонту, который сообщаетъ о посылкѣ Клеомброта въ Фокиду раньше, чѣмъ о первомъ мирѣ (*Hell.* VI 1, 1), тогда какъ въ дѣйствительности эта экспедиція была предпринята лишь незадолго до битвы при Левктрахъ (*Hell.*

Въ Аѳинахъ имѣли полное основаніе быть довольными достигнутымъ результатомъ; и дѣйствительно, городъ ликовалъ по поводу заключенія договора и рѣшено было учредить оффиціальный культъ богини мира. Но начальникъ аттическаго флота въ Іонійскомъ морѣ, Тимоѳей, былъ рѣшительно противъ мира. Онъ подчинился, конечно, приказанію вернуться съ флотомъ въ Аѳины, но не могъ удержаться, чтобы, проѣзжая мимо Закинѳа, не высадить на островъ изгнанныхъ демократовъ [1]). Послѣ этого лакедемоняне также послали одну эскадру къ Закинѳу, другую въ Корциру, гдѣ между тѣмъ вспыхнули внутреннія волненія; въ виду этого и аѳиняне вынуждены были отправить на Закинѳъ подъ начальствомъ Стесикла отрядъ въ 600 пельтастовъ (еще осенью 374 года), за которымъ весною долженъ былъ послѣдовать большой флотъ подъ командой Тимоѳея [2]).

Между тѣмъ вслѣдствіе истощенія денежныхъ средствъ снаряженіе флота представляло непреодолимыя трудности. Тимоѳей не рѣшился прибѣгнуть къ новому обложенію гражданъ для нуждъ самовольно вызванной имъ войны, а попытки достать необходимыя средства посредствомъ взысканія контрибуцій съ союзниковъ оказались безуспѣшными. Такимъ образомъ, лѣто прошло въ безцѣльномъ крейсированіи на Эгейскомъ морѣ, и въ концѣ-концовъ флотъ, негодный для дальнѣйшихъ операцій, застрялъ въ калаврійскомъ рейдѣ (осенью 373 года) [3]).

Лакедемоняне искусно воспользовались столь неожиданно предо-

VI 4, 2), потому что ѳиванцы могли обратить свое оружіе противъ Фокиды лишь послѣ того, какъ подчинили себѣ мелкіе города Беотіи. Притомъ, вполнѣ очевидно, что войско въ 4 моры съ соотвѣтствующимъ числомъ союзниковъ, $^2/_3$ полнаго ополченія Спарты, не могло стоять безъ дѣла въ Фокидѣ 3—4 года. Далѣе, походъ ѳиванцевъ противъ Фокиды, побудившій спартанцевъ отрядить туда Клеомброта, былъ по Xen. *Hell.* VI 3, 1 одною изъ причинъ, заставившихъ Аѳины въ 371 году заключить миръ со Спартою. Что ѳиванцы по договору 374 года отнюдь не сдѣлались *ἔκσπονδοι*, а приняли миръ и остались въ морскомъ союзѣ, показываетъ Isocr. *Plat.* 21; еще въ слѣдующемъ году ѳиванцы выставили нѣсколько кораблей въ аѳинскій флотъ ([Demosth.] *пр. Тимоѳ.* 14. 21. 48 слл.).

1) Xen. *Hell.* VI 2, 2—3, Diod. XV 45. Поэтому *Ζακυνθίων ὁ δῆμος ὁ ἐν Νήλλῳ* поименованъ въ учредительномъ актѣ среди членовъ аттическаго морского союза.

2) Diod. XV 45 сл., сравн. Xen. *Hell.* VI 2, 10.

3) Xen. *Hell.* VI 2, 11 слл., Diod. XV 47; изъ рѣчи *пр. Тимоѳея* 6 мы знаемъ, что его отъѣздъ приходится на мунихіонъ (апрѣль — май) 373 года. Подробнѣе въ *Attische Politik* автора, стр. 359 слл. Соображенія Штерна (*Spart. Hegem.* стр. 110 слл.) я считаю неправильными.

ставленной имъ отсрочкой. Еще въ концѣ лѣта (373 года) наварх Мнасиппъ съ 60 кораблями отправился къ Корцирѣ и тотчасъ началъ осаду. Спустя короткое время въ густо-населенномъ городѣ начался голодъ, и если бы не подоспѣла вскорѣ помощь изъ Аѳинъ, сдача была неизбѣжна [1]).

Теперь Тимоѳей постановленіемъ народнаго собранія былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Подобнаго процесса Аѳины не видали ни до, ни послѣ этого. Обвинителями выступили знаменитѣйшій полководецъ того времени Ификратъ, только что вернувшійся изъ персидской службы, и Каллистратъ изъ Афидны, одинъ изъ величайшихъ ораторовъ и способнѣйшихъ финансистовъ Аѳинъ, племянникъ Агиррія и самъ вліятельный государственный дѣятель, игравшій выдающуюся роль при основаніи новаго морского союза [2]). Съ другой стороны Тимоѳей для своей защиты пустилъ въ ходъ все огромное вліяніе, которое онъ отчасти унаслѣдовалъ отъ своего отца Конона, отчасти самъ пріобрѣлъ въ послѣдніе годы своими походами. Даже Алкетъ, царь эпирскій, и Ясонъ, тиранъ Ѳессаліи, не отказались пріѣхать въ Аѳины, чтобы лично дать показанія въ пользу своего друга. Къ тому же несомнѣнно, что обвиненіе съ юридической точки зрѣнія было совершенно неосновательно, ибо Тимоѳей истратилъ свое собственное состояніе на содержаніе флота. Но въ политическомъ отношеніи онъ былъ, конечно, отвѣтственъ за возобновленіе войны (см. выше стр. 194); кромѣ того, благодаря его недостаточно энергическому образу дѣйствій въ теченіе послѣдняго лѣта Аѳины потеряли все то, чтó раньше было пріобрѣтено ими на Іонійскомъ морѣ. Однако судьи оправдали Тимоѳея, главнымъ образомъ, вѣроятно, изъ уваженія къ его царственнымъ друзьямъ и къ памяти Конона; только его казначей и вѣрный приверженецъ Антимахъ поплатился жизнью. Но отрѣшеніе отъ должности осталось въ силѣ; павшій полководецъ покинулъ родной городъ, чтобы на персидской службѣ поправить свои разстроенныя денежныя дѣла [3]).

Управленіе государствомъ перешло теперь къ Каллистрату и Ификрату. Моментъ былъ критическій; военное положеніе на Западѣ вну-

---

1) Xen. *Hell.* VI 2, 3—15, Diod. XV 47.

2) Относительно Каллистрата сравн. Schaefer *Demosth.* I² стр. 11 слл. и *Attische Politik* автора стр. 134 сл.

3) Главный источникъ для исторіи этого процесса — сохранившаяся подъ именемъ Демосѳена рѣчь *противъ Тимоѳея* (произнесена въ 362 г., Schaefer *Demosth.* III стр. 139 сл.).

шало серьезныя опасенія, флотъ былъ совершенно разстроенъ, къ тому же въ эту позднюю пору года нельзя было и думать объ экспедиціи въ Іонійское море. Но Ификратъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются передъ затрудненіями. Съ непоколебимой энергіей онъ въ теченіе зимы готовился къ походу, и съ началомъ навигаціи могъ отплыть къ Корцирѣ съ флотомъ въ 70 тріеръ [1]). Тамъ дѣла между тѣмъ приняли лучшій оборотъ. Стесиклу удалось прорвать пелопоннесскую блокаду и высадить свое войско на Корциру; удачная вылазка, во время которой палъ непріятельскій главнокомандующій Мнасиппъ, дала возможность стѣсненному городу вздохнуть свободнѣе (весною 372 г.). При извѣстіи о приближеніи Ификрата съ большимъ аѳинскимъ флотомъ пелопоннесцы сняли осаду и поспѣшно отплыли домой; они успѣли еще во-время укрыться въ Левкаду [2]).

Ификратъ однимъ своимъ появленіемъ возстановилъ перевѣсъ Аѳинъ на Іонійскомъ морѣ. Онъ подчинилъ тѣ города Кефалленіи, которые держали еще сторону непріятеля, и взялъ въ плѣнъ у Корциры эскадру изъ 10 тріеръ, посланную Діонисіемъ на помощь спартанцамъ (см. выше стр. 138); затѣмъ, увеличивъ свой флотъ корцирскими кораблями до 90 тріеръ, онъ возвратился въ Кефалленію. Здѣсь флотъ остался, готовый напасть на Пелопоннесъ, если бы Спарта стала настаивать на продолженіи войны [3]).

Тѣмъ временемъ ѳиванцы безпрепятственно распространяли свое владычество въ Беотіи, такъ какъ спартанскіе гарнизоны были, въ виду заключенія мира, отозваны и демократы всюду агитировали въ пользу присоединенія къ Ѳивамъ [4]). Платея была разрушена, Ѳеспіи покорены; только Орхоменъ сохранялъ еще свою независимость [5]). Беотійскій союзъ, существовавшій до Анталкидова мира, былъ теперь возстановленъ, въ общемъ на прежнихъ началахъ, только съ болѣе стро-

---

[1]) Xen. *Hell.* VI 2, 13—14, [Demosth.] *пр. Тим.* 23, сравн. Polyaen. III 9. 30.

[2]) Xen. *Hell.* VI 2, 16—26, Diod. XV 47.

[3]) Xen. *Hell.* VI 2, 27—39, Diod. XV 47.

[4]) Xen. *Hell.* V 4, 46.

[5]) Xen. *Hell.* VI 3, 1. 5, Diod. XV 46. Относительно Платей см. также платейскую рѣчь Исократа и Paus. IX 1, 8, по словамъ которыхъ городъ былъ разрушенъ въ архонтство Астея (373/2). Что Платеи были разрушены. лишь послѣ мира 374 года, показываютъ и сообщенія Ксенофонта и Исократа Изъ Ксенофонта отнюдь не слѣдуетъ и по существу невѣроятно, чтобы разрушены были и Ѳеспіи; притомъ, въ беотійскомъ войскѣ при Левктрахъ упоминается ѳеспійскій контингентъ (Paus. IX 13, 8, Polyaen. II 3. 3). Орхоменъ былъ покоренъ уже послѣ битвы при Левктрахъ (Diod. XV 57).

гой централизаціей и на демократической основѣ [1]). Мало того, ѳиванцы чувствовали себя даже достаточно сильными, чтобы перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Фокиды. Теперь наконецъ спартанцы рѣшились снова отправить въ походъ царя Клеомброта во главѣ двухъ третей спартанскаго ополченія и нѣсколькихъ союзныхъ полковъ, всего около 10000 гоплитовъ. Появленіе этой арміи въ Фокидѣ заставило ѳиванцевъ вернуться въ Беотію, гдѣ они въ ожиданіи непріятеля заняли крѣпкую позицію на границѣ страны [2]).

Спартанцы еще раньше послали Анталкида къ сузскому двору съ просьбой о посредничествѣ для прекращенія войны [3]). Дѣйствительно, весною 372 года прибыло въ Грецію персидское посольство [4]). По его настоянію въ слѣдующемъ году собрался въ Спартѣ конгрессъ изъ делегатовъ всѣхъ воюющихъ державъ [5]); македонскій царь Аминта и Діонисій сиракузскій также прислали своихъ представителей [6]). Соглашеніе между Аѳинами и Спартой не представляло трудностей; обѣ державы лишь по неволѣ снова взялись за ору-

---

[1]) Мы имѣемъ сравнительно скудныя свѣдѣнія о внутреннемъ строѣ Беотіи въ это время. Формально высшимъ должностнымъ лицомъ союза былъ архонтъ (*IGr Sept.* I 2407. 2408), который избирался по жребію (сравн. Plut. *περὶ Σωκρ. δαιμ.* 31 p. 597) и по имени котораго назывался годъ; но фактически онъ былъ лишенъ почти всякаго вліянія. Исполнительнымъ органомъ являлась коллегія беотарховъ, которые теперь уже не были делегатами отдѣльныхъ городовъ (см. выше, т. I стр. 219), а избирались изъ среды всѣхъ беотійскихъ гражданъ; вслѣдствіе этого ихъ число было сокращено съ 11 (Thuc. IV 91) до 7 (*IGr. Sept.* I 2407. 2408, сравн. Diod. XV 52 сл., Paus. IX 13. 6 сл.). Законодательная власть принадлежала народному собранію, которое собиралось въ Ѳивахъ и въ которомъ имѣли право голоса всѣ граждане беотійскихъ городовъ (*IGr Sept.* 2407. 2408; у Diod. XV 80 оно называется *κοινὴ σύνοδος τῶν Βοιωτῶν*, сравн. Diod. XVI 25, 1, Plut. *Demosth.* 18). Право чеканки, принадлежавшее до сихъ каждому городу въ отдѣльности, перешло теперь къ союзу. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти узы не обратили Беотію въ единое государство въ родѣ Аттики; напротивъ, отдѣльные города сохраняли извѣстную автономію, и союзное войско по прежнему составлялось изъ контингентовъ отдѣльныхъ общинъ (Paus. IX 13, 8, Diod. XV 79). Isocr. *Plat.* 8 содержитъ преувеличеніе. Сравн. Freeman *History of federal government*[2] стр. 120 сл., Szanto *Das griechische Bürgerrecht*, Фрейбургъ 1892, стр. 157 сл. (Невѣрно Vischer *Kl. Schr.* I 344 сл.).

[2]) Xen. *Hell.* VI 3, 1; 4, 2, сравн. 1, 1; 2, 1 и выше, стр. 193 прим. 3.

[3]) Xen. *Hell.* VI 3, 12.

[4]) Dionys. Halic. *Lys.* 12, Diod. XV 50, сравн. Xen. *Hell.* VI 3, 12 и 5, 1 сл.

[5]) Xen. *Hell.* VI 3, 2—20.

[6]) Aesch. *о пос* 32, *CIA.* II 51.

жіе, и Аѳины требовали теперь только того, что̀ имъ было предоставлено уже послѣднимъ договоромъ. Спарта не могла отказать имъ въ этомъ, тѣмъ болѣе, что Аѳины сохранили свои владѣнія въ цѣлости и ихъ флотъ безусловно господствовалъ на морѣ. Такимъ образомъ миръ заключенъ былъ въ общемъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и три года назадъ; только пунктъ, касавшійся автономіи, былъ еще сильнѣе подчеркнутъ, и прямо сказано, что ни одинъ городъ не можетъ быть принужденъ противъ своего желанія поставлять контингентъ въ армію руководящаго государства. Категорически признаны были старыя права Аѳинъ на Амфиполь и ѳракійскій Херсонесъ, никто не протестовалъ противъ существованія, основаннаго на автономіи участниковъ, аттическаго морского союза, что̀ было равносильно безмолвному признанію его; Спартѣ позволено было подтвердить миръ клятвою какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени ея союзниковъ, чѣмъ признана была ея гегемонія въ Пелопоннесѣ. На этихъ условіяхъ 14-го скирофоріона, въ серединѣ лѣта 371 г., представители всѣхъ участвовавшихъ въ конгрессѣ державъ клятвенно подтвердили миръ [1]).

Но уже на слѣдующій день возникли разногласія по поводу толкованія мирнаго договора. Дѣло въ томъ, что Ѳивы формально все еще состояли членомъ аѳинскаго морского союза, хотя онѣ уже нѣсколько лѣтъ не дѣлали взносовъ на содержаніе союзнаго флота; поэтому въ актѣ о мирѣ «ѳиванцы» были названы въ числѣ аѳинскихъ союзниковъ, совершенно такъ же, какъ и въ мирномъ договорѣ, заключенномъ три года назадъ. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ Ѳивы подчинили себѣ почти всю Беотію, и ихъ послы подписали мирную грамоту въ предположеніи, что ѳиванское государство признается въ его настоящемъ объемѣ. Агесилай-же понималъ дѣло совершенно иначе; онъ толковалъ договоръ буквально и утверждалъ, что пунктъ, касающійся автономіи, распространяется также и на подвластные Ѳивамъ беотійскіе города. Противъ такого толкованія формально ничего нельзя было возразить; поэтому беотархъ Эпаминондъ, стоявшій во главѣ ѳиванскаго посольства, потребовалъ, чтобы актъ былъ измѣненъ и чтобы слово «ѳиванцы» было замѣнено словомъ «беотяне». Разумѣется, это требованіе ни въ комъ не встрѣтило поддержки. Аѳины добились всего, на что онѣ, разсуждая здраво, могли разсчитывать; онѣ не имѣли никакой охоты своими руками

---

[1]) Xen. *Hell.* VI 3, 1 — 19, Diod. XV 50; дата заключенія мира у Plut. *Ages.* 28. Объ Амфиполѣ Aesch. *de leg.* 32, о Херсонесѣ Demosth. *Phil.* III 16.

загребать жаръ для Ѳивъ, особенно теперь, послѣ разрушенія Платеи, которымъ Ѳивы доказали, какъ мало онѣ дорожатъ добрымъ расположеніемъ Аѳинъ. Да и вообще ни одна рука не поднялась въ защиту ѳиванскихъ требованій, которыя къ тому же стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ постановленіями Анталкидова мира и уже три года назадъ не встрѣтили никакого сочувствія. А такъ какъ Эпаминондъ настаивалъ на своемъ требованіи, то ѳиванцы были исключены изъ числа державъ, на которыя распространялся мирный договоръ [1]).

Эпаминондъ умышленно довелъ дѣло до крайности, вмѣсто того чтобы уступить, какъ сдѣлалъ 15 лѣтъ назадъ Исменій при такихъ же обстоятельствахъ. Пелопоннесскій союзъ Спарты уже не обладалъ теперь прежней прочностью и силой; статья объ автономіи и здѣсь оказала свое разлагающее вліяніе, и если второстепенныя государства еще не рѣшались оказывать открытое сопротивленіе спартанской гегемоніи, то многія изъ нихъ уже очень неохотно поставляли свои полки въ союзную армію. Въ Аѳинахъ также существовала еще большая партія, которая и слышать не хотѣла о соглашеніи со Спартой; это были люди, державшіеся того убѣжденія, которое однажды мѣтко выразилъ Филократъ, сказавъ, «что только въ одномъ случаѣ можно помириться со спартанцами, именно когда они лишены будутъ силы вредить» [2]). А главное, Беотія имѣла теперь надежную опору въ новой великой державѣ, которая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ образовалась къ сѣверу отъ Ѳермопилъ.

Еще Ликофрону, тирану Феръ, только вмѣшательство сосѣднихъ государствъ — сначала Македоніи, затѣмъ Беотіи — помѣшало распространить свое владычество на всю Ѳессалію. Его зятю Ясону [3]), который наслѣдовалъ его престолъ, удалось осуществить планы сво-

---

[1]) Xen. *Hell.* V 3, 19—20, Diod. XV 50, Plut. *Ages.* 28. Сравн. Stern *Spart. Hegem.* стр. 123 слл. Очевидно, что ѳиванскіе послы были обмануты Агесилаемъ; дѣло не обошлось, вѣроятно, и безъ участія аѳинскихъ пословъ (сравн. Xen. *Hell.* VI 3, 20).

[2]) Demosth. *пр. Аристокр.* 117. Этотъ Филократъ — вѣроятно стратегъ 390/89 года, чью эскадру Телевтій взялъ въ плѣнъ у Родоса (Xen. *Hell.* IV 8. 24, сравн. выше, стр. 166).

[3]) О родствѣ Ясона съ Ликофрономъ см. ст. Pahle въ *Jahrbücher* Fleckeisen'а 93 (1866) стр. 530 слл. Но что Ясонъ, вопреки мнѣнію Pahle, не можетъ быть тождественъ съ Прометеемъ (выше, стр. 101), ясно, помимо всего прочаго, уже изъ того, что Прометей уже въ 406 году дѣйствовалъ на политической аренѣ, тогда какъ Ясонъ еще около 370 года былъ во цвѣтѣ лѣтъ (Xen. *Hell.* VI 1, 6).

его предшественника, пока Спарта была занята беотійской войной. Около 372 года почти вся страна за исключеніемъ Фарсала находилась въ рукахъ Ясона; да и этотъ городъ подчинился, послѣ того какъ Спарта отвѣтила отказомъ на его просьбу о помощи [1]). Ясонъ избранъ былъ *тагосомъ* (ταγός) Θессаліи, и этимъ положенъ конецъ междоусобнымъ войнамъ, которыя такъ долго истощали силы богатой страны. Объединенная Θессалія теперь сразу вступила въ число первоклассныхъ греческихъ державъ. Дѣло въ томъ, что ни одно государство Эллады не имѣло такой многочисленной и отличной конницы, какъ Θессалія; а нѣкоторые недостатки θессалійской пѣхоты Ясонъ возмѣстилъ созданіемъ отборнаго отряда наемниковъ въ 6000 человѣкъ. Далѣе, богатыя финансовыя средства страны и ея густое населеніе дали Ясону возможность приступить къ постройкѣ большого флота [2]). Съ такими силами можно было, казалось, всего достигнуть; Ясонъ лелѣялъ тѣ же планы, которые позднѣе осуществилъ Филиппъ; онъ мечталъ добиться гегемоніи въ Греціи и повести объединенный народъ противъ персовъ [3]).

Главнымъ препятствіемъ для осуществленія этихъ плановъ было могущество Спарты; поэтому Ясонъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ вступилъ въ союзъ съ Θивами. Послѣднія нашли въ лицѣ Ясона гораздо болѣе надежную опору, чѣмъ та, какую до сихъ поръ пред-

---

[1]) Въ эпоху войны между Спартою и Олинθомъ владѣнія Ясона въ общемъ ограничивались еще, повидимому, однѣми Ферами; города, лежавшіе внутри страны, находились отчасти въ союзѣ со Спартою (Xen. *Hell.* V 3, 9). Фарсалъ обратился къ Спартѣ съ просьбою о помощи, по Xen. *Hell.* VI 2, около того времени, когда Клеомбротъ отправился въ Фокиду, значитъ, какъ мы видѣли,—весною 371 года или, можетъ быть, предшествующей зимою, но не въ 374 году, какъ обыкновенно думаютъ. Да и по существу ясно, что, будучи избранъ въ ταγός Θессаліи, Ясонъ не провелъ три года въ бездѣйствіи, прежде чѣмъ вмѣшался въ дѣла Средней Греціи.—Въ учредительномъ актѣ аθинскаго морскаго союза имя одного изъ союзныхъ государствъ уничтожено; по мнѣнію Фабриціуса, *Rhein. Mus.* 46, 589 сл., это было имя Ясона. Но вычеркнутое имя, по всей вѣроятности, содержало 6 буквъ; послѣднюю букву можно съ такимъ же правомъ признать за *I*, какъ и за *N*, въ чемъ я лично убѣдился, разсмотрѣвъ надпись. То же говоритъ Zingerle *Eranos Vindobonensis* стр. 365 сл., основываясь на сравненіи, сдѣланномъ Kubitscheck'омъ. Притомъ, Ксеноф. *Hell.* VI 1, 10 прямо говоритъ, что Ясонъ не состоялъ въ союзѣ съ Аθинами; то обстоятельство, что въ рѣчи *пр. Тимоθея* 10 р. 1187 онъ наряду съ Алкетомъ названъ σύμμαχος аθинянъ, не имѣетъ никакого значенія, какъ согласится всякій, кто знакомъ съ характеромъ аттическихъ судебныхъ рѣчей.

[2]) Xen. *Hell.* VI 1, 2—19.

[3]) Xen. *Hell.* VI 4, 32, Isocr. *Philipp.* 119 сл.

ставлялъ для нихъ союзъ съ Аѳинами; именно опираясь на него, Эпаминондъ могъ безбоязненно отвергнуть требованія Спарты. А Спарта считала себя достаточно сильною для того, чтобы принудить Ѳивы къ принятію мира; поэтому царю Клеомброту тотчасъ дано было приказано вести свое войско изъ Фокиды въ Беотію. Царь очень искусно справился со своей задачей. Въ то время какъ ѳиванцы ожидали непріятельскаго нападенія на большой военной дорогѣ, ведущей черезъ долину Кефиса къ Копаидскому озеру, Клеомбротъ по крутымъ горнымъ тропинкамъ перешелъ Геликонъ и черезъ Ѳисбу достигъ Кревсиса у Коринѳскаго залива; онъ приступомъ взялъ крѣпость и при этомъ захватилъ въ плѣнъ эскадру изъ 12 тріеръ, стоявшую здѣсь въ гавани. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ сообщеніе съ Пелопоннесомъ, спартанское войско двинулось къ сѣверу, на Ѳивы, и безпрепятственно достигло Левктръ, находившихся въ 11 километрахъ разстоянія отъ непріятельской столицы. Здѣсь оно наконецъ встрѣтило беотянъ, которые со своими 6000 солдатъ были, правда, гораздо слабѣе 10,000-ной пелопоннесской арміи; но у нихъ не было другого выхода, какъ рѣшиться на сраженіе, потому что отступленіе къ Ѳивамъ повлекло бы за собою отпаденіе мелкихъ городовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потерю всего того, чтò было пріобрѣтено цѣною столь продолжительной борьбы [1]).

Къ счастью Ѳивъ, на этотъ разъ во главѣ войска стоялъ именно такой человѣкъ, какой былъ теперь нуженъ. Въ числѣ беотарховъ, командовавшихъ арміей, находился Эпаминондъ, сынъ Полимнія, тотъ самый, который въ качествѣ депутата отъ Ѳивъ участвовалъ въ спартанскомъ конгрессѣ. Семья, изъ которой онъ происходилъ, была небогата, но вела свой родъ отъ тѣхъ *σπαρτοί*, которые, по преданію, нѣкогда выросли изъ драконовыхъ зубовъ, посѣянныхъ Кадмомъ на ѳиванскомъ полѣ. Онъ долго держался въ сторонѣ отъ политики и посвящалъ свое время преимущественно изученію философіи, которую преподавалъ ему пиѳагореецъ Лисисъ изъ Тарента. Къ демократіи онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія; онъ спокойно жилъ въ Ѳивахъ при олигархическомъ строѣ и не принималъ никакого участія въ заговорѣ, который привелъ къ сверженію олигархіи; поэтому радикальнымъ демагогамъ онъ всегда казался подозрительнымъ. Но когда наступилъ критическій моментъ,

---

[1]) Xen. *Hell.* VI 3, 2—4, Paus. IX 13, 3. Наиболѣе точное показаніе относительно величины пелопоннесскаго войска—у Plut. *Pelop.* 20 (Polyaen. II 3, 8 и Frontin. IV 2, 6 безмѣрно преувеличиваютъ); относительно величины беотійскаго войска см. Diod. XV 52.

онъ, не теряя минуты, сталъ въ ряды защитниковъ родного города. При штурмѣ Кадмеи онъ былъ однимъ изъ первыхъ; а война со Спартой дала ему возможность вполнѣ проявить свой военный геній. Такимъ отразомъ онъ, уже сорока лѣтъ отъ роду, достигъ наконецъ высшей должности въ государствѣ, которую и занималъ какъ разъ теперь, въ рѣшительную минуту ѳиванской исторіи [1]).

Клеомбротъ конечно съ радостью принялъ сраженіе, предложенное ему врагомъ. Но Эпаминондъ уравновѣсилъ численное превосходство непріятеля тѣмъ, что главныя свои силы сосредочилъ на лѣвомъ крылѣ, насупротивъ спартанцевъ, а правое крыло поставилъ противъ пелопоннесскихъ союзниковъ. Построенные колонной въ 50 щитовъ глубиною, ѳиванскіе гоплиты ринулись на врага, и противъ натиска этой могучей массы не устояло даже ядро спартанскихъ войскъ. Все ихъ мужество оказалось безсильнымъ; пали Сфодрій, совершившій когда-то роковую экспедицію въ Пирей, его сынъ Клеонимъ, полемархъ Дейнонъ, наконецъ самъ царь и вмѣстѣ съ нимъ 400 изъ 700 полноправныхъ спартанцевъ, участвовавшихъ въ битвѣ, а въ общемъ не менѣе 1000 человѣкъ изъ 4000-наго отряда, выставленнаго Лаконіей. Оставшіеся въ живыхъ медленно вернулись въ свой лагерь, сопровождаемые своими союзниками, которымъ почти не пришлось принять участіе въ сраженіи. Напасть на лагерь побѣдители не рѣшились; но и спартанцы, въ виду своихъ значительныхъ потерь и недовольства союзныхъ войскъ, также не могли думать о возобновленіи сраженія. Имъ не оставалось ничего другого, какъ просить непріятеля о выдачѣ мертвыхъ и этимъ признать свое пораженіе; это былъ первый случай, когда спартанское ополченіе признавало себя побѣжденнымъ въ большой битвѣ (5-го гекатомбеона, въ іюлѣ 371 года) [2]).

Въ Спартѣ теперь призвали къ оружію всѣхъ гражданъ моложе 60 лѣтъ, и это войско, подкрѣпленное союзными отрядами, послано было къ Исѳму; такъ какъ царь Агесилай все еще былъ боленъ, то начальство было поручено его сыну Архидаму. Ѳиванцы между тѣмъ

---

[1]) Главный источникъ—*Vita* Непота; другіе источники указаны у Sivers'a *Gesch. Griechenlands* стр. 192 и въ статьѣ *Epameinondas* въ *Real-Encyclopädie* Pauly. О происхожденіи Эпаминонда—Paus. VIII 11, 8. сравн. Plut. *Pelop.* 3, объ его возрастѣ—Plut. *εἰ καλῶς εἴρηται τὸ λάθε βιώσας* 4, 5 p. 1129.

[2]) Xen. *Hell.* VI 4, 3—15, Diod. XV 52- 56, со множествомъ неточностей и преувеличеній, Plut. *Pelop.* 20—23, Paus. IX 13, 3—10 (изъ плутархова *Жизнеописанія Эпаминонда)*, Polyaen. II 3, 8. Дата сраженія — Plut. *Ages.* 28.

обратились за помощью въ Аѳины и къ Ясону изъ Феръ. Однако аѳиняне очень холодно приняли извѣстіе о побѣдѣ; имъ достаточно надоѣла война, и они слишкомъ хорошо понимали, что съ побѣдой при Левктрахъ начнутся въ Элладѣ новыя безконечныя междоусобія. Напротивъ, Ясонъ тотчасъ двинулся въ Беотію съ 500 всадниковъ и 1500 пѣхотинцевъ и спустя нѣсколько дней прибылъ на поле битвы. Но и онъ былъ далекъ отъ мысли оказать помощь ѳиванцамъ для уничтоженія противника; напротивъ, благодаря его посредничеству заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго пелопоннесцамъ предоставлено было свободное отступленіе изъ Беотіи. Архидамъ дошелъ уже до Эгосѳенъ у южной подошвы Киѳерона; теперь онъ повелъ разбитую при Левктрахъ армію и собственное войско обратно въ Коринѳъ и тамъ распустилъ союзные отряды по домамъ [1]).

На обратномъ пути въ Ѳессалію Ясонъ завладѣлъ Гераклеей у Эты. Этотъ городъ послѣ Анталкидова мира снова подпалъ подъ власть Спарты и еще при Левктрахъ выставилъ свой отрядъ; Ясонъ разрушилъ городскія укрѣпленія и отдалъ городъ этеянамъ, которые съ тѣхъ поръ и владѣли имъ [2]). Теперь путь черезъ Ѳермопилы въ среднюю Грецію былъ во всякое время открытъ для Ясона. Затѣмъ покорена была также Перребія, единственная изъ смежныхъ съ Ѳессаліей областей, сохранившая до сихъ поръ свою независимость; такимъ образомъ Ясонъ распространилъ свою власть до границъ Македоніи, и македонскій царь Аминта поспѣшилъ заключить съ нимъ союзъ [3]).

Къ слѣдующему году Ясонъ готовилъ экспедицію въ Дельфы; онъ хотѣлъ принести на Пиѳійскомъ празднествѣ великолѣпную жертву богу, и въ Греціи носились слухи, что онъ намѣренъ присвоить себѣ руководство играми, тѣмъ болѣе, что, какъ владыка Ѳессаліи, онъ располагалъ большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ амфиктіоновъ. Многіе думали даже, что онъ хочетъ завладѣть храмовыми сокровищами; одно несомнѣнно—что онъ собирался сдѣлать рѣшительный шагъ для достиженія гегемоніи въ Греціи. Но во время смотра въ Ферахъ Ясонъ палъ жертвой заговора, и его широкіе планы вмѣстѣ съ нимъ сошли въ могилу [4]). Ему наслѣдовали во владѣніи Ѳессаліей

---

[1]) Xen. *Hell.* VI 4, 19—26.

[2]) Xen. *Hell.* VI 4, 27, Diod. XV 57, сравн. Weil *Die Oetaea im IV. Jahrhundert*, *Hermes* VII (1872) 380 слл. Что Гераклея до битвы при Левктрахъ находилась въ зависимости отъ Спарты, слѣдуетъ изъ Xen. *Hell.* VI 4, 9.

[3]) Diod. XV 57. 60.

[4]) Xen. *Hell.* VI 4, 27—32, Diod. XV 60.

его братья Полидоръ и Полифронъ; спустя короткое время Полидоръ умеръ, и виновникомъ его смерти всѣ считали Полифрона. Въ Ѳессаліи воцарился терроръ; Полидамъ изъ Фарсала, предавшій нѣкогда городъ Ясону, былъ казненъ вмѣстѣ со многими знатнѣйшими гражданами, изъ Ларисы изгнана часть знати. Но уже въ слѣдующемъ году Полифронъ былъ убитъ своимъ племянникомъ, сыномъ Полидора, Александромъ, который затѣмъ самъ вступилъ на ѳессалійскій престолъ (369). Теперь дворянство страны возстало противъ тираніи и призвало на помощь македонскаго царя Александра, который только-что унаслѣдовалъ престолъ своего отца Аминты. Македонскій царь дѣйствительно изгналъ съ помощью Алевадовъ гарнизоны тирановъ изъ Ларисы и Краннона, но затѣмъ самъ захватилъ эти города, такъ что Ѳессалія только перемѣнила господина или, вѣрнѣе, пріобрѣла двухъ господъ вмѣсто одного [1]).

Такимъ образомъ Ѳивы освобождены были отъ опасности, которая до сихъ поръ грозила имъ съ сѣвера; теперь онѣ могли безпрепятственно приняться за упроченіе своего положенія въ средней Греціи. Уже тотчасъ послѣ битвы при Левктрахъ Орхоменъ принужденъ былъ вступить въ беотійскій союзъ; затѣмъ заключены были союзы съ Фокидой, съ опунтской и озольской Локридой, съ малійцами и эніанами въ долинѣ Сперхея. Эвбейскіе города также отпали отъ Аѳинъ и примкнули къ Ѳивамъ, которыя такимъ образомъ объединили подъ своею властью всю среднюю Грецію, исключая Аттики и горныхъ областей на западѣ. Для охраны новыхъ пріобрѣтеній поставлены были ѳиванскіе гарнизоны въ крѣпости Никеѣ у Ѳермопилъ и въ Эхинѣ на противолежащемъ сѣверномъ берегу малійскаго залива; такимъ образомъ дорога въ Ѳессалію была открыта для Ѳивъ и преграждена для непріятельскихъ нападеній [2]).

[1]) Xen. *Hell.* VI 4, 33, Diod. XV 60 сл. Что Александръ ферскій былъ племянникомъ Полифрона, сказано у Plut. *Pelop.* 29; это извѣстіе теперь подтверждается и поправкою Lex. Patm. у Diod. XV 61.

[2]) Diod. XV 57; списокъ ѳиванскихъ союзниковъ въ концѣ 370 года— Xen. *Hell.* VI 5, 23, гдѣ вмѣсто *Ἀχαρνᾶνες* вѣроятно слѣдуетъ читать *Αἰνιᾶνες* (Schaefer *Demosth.* I² 81 прим. 3); показаніе Діодора, что этоляне вступили въ союзъ съ Ѳивами, также очевидно основано на ошибкѣ; возможно, что *Αἰτωλοὺς*—описка вм. *Οἰταίους*. Ясно, что по крайней мѣрѣ завоеванія по ту сторону Ѳермопилъ относятся уже ко времени послѣ смерти Ясона. О Никеѣ и Эхинѣ см. Aesch. *пр. Ктес.* 140, Demosth. *Phil.* III 34, *πρὸς τὴν ἐπιστολὴν τὴν Φιλίππου* 4 со схоліями; притязанія Ѳивъ на оба эти пункта датируютъ, вѣроятно, отъ эпохи до фокейской войны. Что Эхинъ принадлежалъ не фѳіотійскимъ, а беотійскимъ Ѳивамъ, показываетъ производство его названія отъ имени спарта Эхіона, Schol. Demosth. *Phil.* III 34, Scymn. 603.

Между тѣмъ сраженіе при Левктрахъ не осталось безъ вліянія и въ самомъ Пелопоннесѣ. Пораженіе сильно поколебало авторитетъ Спарты въ глазахъ ея союзниковъ, и недовольство, порожденное въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ея деспотическимъ правленіемъ, разразилось теперь открытымъ мятежемъ. Этимъ положеніемъ дѣлъ воспользовались Аѳины для того, чтобы попытаться замѣнить спартанскую гегемонію своею собственной. По ихъ приглашенію въ Аѳинахъ собрались делегаты большинства среднихъ и мелкихъ государствъ Пелопоннеса и заключенъ былъ договоръ, которымъ Аѳины и морской союзъ съ одной стороны, и пелопоннесскія государства съ другой, гарантировали другъ другу самостоятельность и обѣщали другъ другу помощь на случай непріятельскаго нападенія. Одна только Элида не приняла участія въ этомъ соглашеніи, такъ какъ не были удовлетворены ея притязанія на прежніе періэкскіе города [1]); вскорѣ элейцамъ дѣйствительно удалось подчинить своей власти часть этихъ общинъ [2]).

Такимъ образомъ, пелопоннесскій союзъ Спарты распался, и всюду на полуостровѣ начала оживать демократическая партія [3]). Въ Мантинею вернулись эмигранты, и тотчасъ приступлено было къ возстановленію города, чему Спарта была безсильна воспрепятствовать [4]). Изъ Фигалеи изгнаны были приверженцы Спарты; правда, во время празднованія Діонисій они напали на городъ и произвели рѣзню въ средѣ собравшагося въ театрѣ народа; однако имъ не удалось завладѣть городомъ. Въ Коринѳѣ также произошло возстаніе демократовъ; эмигранты двинулись изъ Аргоса къ Коринѳу и проникли въ городъ,

---

[1]) Xen. *Hell.* VI 5, 1—3, Swoboda *Rhein. Mus.* 49, 1894, стр. 321 слл., утвержденіе котораго, будто пелопоннесскія государства сдѣлались членами аѳинскаго морского союза, кажется мнѣ недостаточно доказаннымъ. Если бы эти государства формально вошли въ составъ союза, то было бы непонятно, какъ могли Аѳины уклониться отъ обязательства подавать военную помощь союзникамъ. Такъ, въ договорѣ съ Корцирой сказано (*CIA.* IV 2, 49 b): *βοηθήσω Κορκυραίων τῷ δήμῳ... καθ' ὅ τι ἂν ἀπαγγέλλωσι Κορκυραῖοι.*

[2]) Напримѣръ, Акрорею (Xen. *Hell.* VII 4, 14), Маргану (l. c.), Скиллунтъ (Laert. Diog. II 53, Paus. V 6, 6, сравн. Roquette *De Xenoph. vita*, диссерт., Кенигсбергъ 1884, стр. 26). Элейцы повидимому даровали право гражданства обитателямъ возвращенныхъ областей; по крайней мѣрѣ, именно въ это время (между 372 и 368 гг.) число филъ въ Элидѣ увеличивается съ 10 до 12 (Paus. V 9, 5).

[3]) Isocr. *Archid.* 64—68, Diod. XV 40. Что описанныя здѣсь событія произошли лишь послѣ битвы при Левктрахъ, а не въ 375/4 г., какъ думаетъ Діодоръ,—это очевидно, сравн. Stern *Spart. Hegem.* стр. 99 и 155.

[4]) Xen. *Hell.* VI 5, 3—5.

но здѣсь вскорѣ были побѣждены. Дѣло кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ, кого подозрѣвали въ сочувствіи къ демократамъ, были казнены или изгнаны. Такъ же безуспѣшна оказалась попытка демократическаго возстанія и въ сосѣднемъ Фліунтѣ [1]).

Но нигдѣ взрывъ страстей не достигъ такой силы, какъ въ Аргосѣ, древнемъ центрѣ пелопоннесской демократіи. Здѣсь заподозрили—справедливо или нѣтъ, неизвѣстно,—существованіе олигархическаго заговора противъ дѣйствующей конституціи; чернь, доведенная подстрекательствами демагоговъ до неистовства, напала на зажиточныхъ гражданъ, которые сотнями пали подъ палочными ударами. Тщетно зачинщики возстанія пытались прекратить эти жестокости; толпа вопила о заговорѣ и убивала тѣхъ самыхъ людей, которыхъ до сихъ поръ считала своими вождями. Всего въ Аргосѣ, по преданію, было убито въ эти страшные дни 1200 гражданъ; вся Греція съ ужасомъ слѣдила за этими событіями [2]).

Однако вожди демократіи въ Аркадіи хорошо понимали, что только-что пріобрѣтенную свободу можно будетъ сохранить лишь въ томъ случаѣ, если отдѣльныя общины страны соединятся, по примѣру Беотіи, въ одинъ прочный союзъ. Но изъ аркадскихъ городовъ ни одинъ не былъ настолько значителенъ, чтобы занять то положеніе, какое въ Беотіи принадлежало Ѳивамъ; нужно было, слѣдовательно, основать новую столицу для возникающаго единаго аркадскаго государства. Для этой цѣли избрали плодородную юго-западную часть страны, гдѣ возвышается гора Ликей, служившая издревле религіознымъ средоточіемъ Аркадіи, но гдѣ до тѣхъ поръ не было ни одного крупнаго города; территорію новаго города должны были образовать области Паррасія и Эвтресія съ отрѣзками сосѣднихъ округовъ, а населеніе его должно было составиться изъ мѣстныхъ жителей, разсѣянныхъ по многочисленнымъ деревушкамъ. Самый городъ рѣшено было построить въ долинѣ верхняго Алфея, вблизи лаконской границы, чтобы онъ могъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить для Аркадіи оградою противъ спартанскихъ нападеній. Кольцомъ стѣнъ была охвачена такая обширная площадь, что городъ могъ вмѣстить очень многочисленное населеніе; этому соотвѣтствовало и названіе, которое должна была носить столица Аркадіи: «великій

---

1) Diod. XV 40.

2) Diod. XV 58 (подъ 370/69 годомъ), Plut. *Praec. ger. reip.* 17 p. 814, Isocr. *Philipp.* 52, Dionys. Halic. VII 66. Анекдотъ, разсказанный Paus. II 20, 2, относится не къ этимъ событіямъ, а къ возстанію 417 года.

городъ», Мегалополь. Она должна была служить резиденціей союзнаго совѣта, состоявшаго изъ 50 членовъ («даміорги»), которые являлись представителями всѣхъ участвующихъ въ союзѣ общинъ пропорціонально величинѣ каждой; въ опредѣленные сроки здѣсь должны были происходить собранія всѣхъ имѣющихъ право голоса аркадскихъ гражданъ, такъ называемыхъ «десяти тысячъ», для разрѣшенія важныхъ вопросовъ и для выбора союзной администраціи. Отборный отрядъ войска, «эпариты», имѣлъ назначеніемъ охранять страну отъ внѣшнихъ враговъ и поддерживать авторитетъ центральнаго правительства въ случаѣ непокорности какого-либо изъ членовъ союза (370) [1]).

Такіе широкіе планы вызвали, разумѣется, сильную оппозицію, особенно въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ, которымъ приходилось болѣе всего терять отъ присоединенія къ аркадскому союзу. Въ Орхоменѣ и слышать не хотѣли объ этомъ предпріятіи, уже изъ зависти къ сосѣдней Мантинеѣ, которая была самой пылкой сторонницей объединенія. Въ Тегеѣ происходила борьба партій; въ концѣ концовъ дѣло дошло до уличной свалки, въ которой благодаря подоспѣвшей помощи изъ Мантинеи, побѣдили демократы; противники, числомъ 800, спаслись бѣгствомъ черезъ границу Лаконіи. Теперь Спарта рѣшила выйти изъ своего бездѣйствія; удобный поводъ къ этому представляло вмѣшательство мантинейцевъ, которое являлось нарушеніемъ тегейской автономіи. Итакъ, въ Орхоменъ былъ от-

---

1) Объ основаніи Мегалополя—Paus. VIII 27; онъ правильно относитъ это событіе къ аттическому году 371/$_0$, потому что Проксенъ изъ Тегеи, бывшій членомъ коммиссіи по основанію города (Paus. VII 27, 2), палъ осенью 370 года (Xen. *Hell.* VI 5, 7, сравн. Pomptow *Athen. Mitteil.* XIV 1889 стр. 15 слл.). Diod. XV 62 и Xen. *Hell.* VI 5, 6 показываютъ, что аркадскій союзъ былъ организованъ въ томъ же году. О внутреннемъ устройствѣ союза—Diod. XV 59. Harpocr. *μύριοι ἐν Μεγάλῃ πόλει*, Paus. VIII 32, 1, Xen. *Hell.* VII 4, 32—35. 38; сравн. Hiller v. Gärtringen y Pauly-Wissowa II 1, 1128. Что всѣ аркадскіе граждане, достигшіе возмужалости, имѣли право участвовать въ собраніи *μύριοι*, показываетъ Xen. *Hell.* VI 5, 12; объ *ἐπάριτοι* см. Xen. *Hell.* VII 4, 22. 33. 36; 5, 3, Diod. XV 62, 2. Почетное постановленіе аркадянъ въ пользу аѳинянина Филарха относится, вѣроятно, къ первому періоду существованія аркадскаго союза, Dittenb. *Syll.* 167, сравн. р. 661. Въ качествѣ союзныхъ общинъ названы Тегея, Мэналія, Лепреонъ, Мегалополь, Мантинея, Кинурія, Орхоменъ, Клейторъ, Герея, Ѳелпуса; Мегалополь имѣетъ въ союзномъ совѣтѣ 10 представителей—даміорговъ, Мэналія—3, Лепреонъ—2, остальныя общины по 5. Недостаетъ городовъ, лежавшихъ у сѣверной границы страны: Псоѳиды, Кинэѳы, Фенея, Каѳій, Алеи, Стимѳала; впрочемъ, послѣдній по Xen. *Hell.* VII 3, 1 въ 366 году входилъ въ составъ аркадскаго союза.

правленъ небольшой отрядъ наемниковъ подъ начальствомъ Политропа, затѣмъ (около середины зимы) царь Агесилай вступилъ во главѣ спартанскаго ополченія въ Аркадію, присоединилъ къ себѣ отрядъ Гереи и двинулся противъ Мантинеи. Но тѣмъ временемъ Политропъ былъ разбитъ при Орхоменѣ аркадскимъ стратегомъ Ликомедомъ и самъ палъ въ битвѣ, и когда Агесилай прибылъ къ Мантинеѣ, здѣсь оказались сосредоточены всѣ силы аркадскаго союза, подкрѣпленныя вспомогательными отрядами изъ Аргоса и Элиды. Тѣмъ не менѣе, врагъ не рѣшился принять вызовъ Агесилая; но и Агесилай не былъ въ состояніи принудить непріятеля къ сраженію и спустя нѣсколько дней принужденъ былъ уйти обратно въ Спарту, ничего не добившись [1]).

Между тѣмъ аркадяне и ихъ союзники обратились въ Аѳины и на основаніи только-что заключеннаго договора потребовали отъ нихъ союзнической помощи противъ Спарты. Но въ Аѳинахъ болѣе не хотѣли слышать о походѣ въ Пелопоннесъ; вслѣдствіе этого аркадскіе послы отправились въ Ѳивы, гдѣ дѣйствительно встрѣтили лучшій пріемъ [2]). Для Беотіи въ ея собственныхъ интересахъ было крайне важно не допустить возстановленія спартанской гегемоніи въ Пелопоннесѣ. Въ виду этого, несмотря на позднее время года, тотчасъ было послано за Исѳмъ сильное беотійское войско, подкрѣпленное контингентами союзныхъ государствъ средней Греціи; среди беотарховъ, руководившихъ экспедиціей, находился и Эпаминондъ, побѣдитель при Левктрахъ.

Когда беотяне достигли Мантинеи, они не нашли тамъ непріятеля, потому что Агесилай уже раньше ушелъ назадъ въ Спарту. Такимъ образомъ, цѣль похода была достигнута безъ битвы, и вожди хотѣли уже двинуться съ арміей въ обратный путь. Но аркадяне настаивали на томъ, что слѣдуетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для вторженія въ Лаконію, которая въ эту минуту была почти беззащитна, и Эпаминондъ съ товарищами рѣшились на собственный страхъ предпринять эту экспедицію, которая, въ виду огромнаго количественнаго перевѣса беотянъ, обѣщала вѣрный успѣхъ. Дѣйстви-

---

[1]) Xen. *Hell.* VI 5, 10—21, Diod. XV 62.

[2]) Diod. XV 62, Demosth. *за Мегалоп.* 12. 19. О причинахъ этого переворота въ аѳинской политикѣ мы можемъ только догадываться; возможно, что онъ былъ вызванъ отчасти насиліями пелопоннесскихъ демократовъ, сравн. *Attische Politik* автора, стр. 149. Но первые признаки сближенія Аѳинъ со Спартою обнаруживаются уже до битвы при Левктрахъ, см. выше, стр. 198.

тельно, при переходѣ черезъ горы въ долину Эврота они не встрѣтили значительнаго сопротивленія; нѣсколько сотъ неодамодовъ и тегейскихъ изгнанниковъ, выставленные на границу, были перебиты аркадянами. И вотъ, впервые на памяти исторіи передъ Спартою стояло непріятельское войско. Въ Спартѣ господствовало, конечно, сильное смятеніе, и гражданамъ едва ли удалось бы отстоять открытый городъ, если бы очень полноводная отъ зимнихъ дождей рѣка не помѣшала непріятелю тотчасъ перейти на правый берегъ. Правительство рѣшилось дать свободу гелотамъ, и 6000 изъ нихъ явились на защиту города; но и самое это большое количество могло возбудить опасенія. Къ счастію, вскорѣ подоспѣла помощь изъ Коринѳа, Сикіона, Флiунта и городовъ арголидской Акте́[1]), такъ что самая страшная опасность была устранена. Правда, непріятель перешелъ теперь черезъ рѣку у Амиклъ и подступилъ къ городу; но на штурмъ Эпаминондъ не рѣшился, а руководившій обороною старый царь Агесилай, конечно, былъ далекъ отъ мысли принять сраженіе въ открытомъ полѣ. Поэтому непріятель могъ безпрепятственно опустошить богатую страну вплоть до моря и сжечь открытыя селенія; затѣмъ беотійское войско ушло обратно въ Аркадію[2]).

Но Эпаминондъ лелѣялъ болѣе обширные замыслы. Провозглашенную нѣкогда Спартою автономію отдѣльныхъ общинъ онъ хотѣлъ теперь возстановить, обративъ противъ нея самой. Съ этой цѣлью онъ двинулся въ Мессенію, крѣпостное населеніе которой еще не забыло своей старой свободы и теперь поголовно возстало противъ своихъ спартанскихъ господъ. Потомки бѣжавшихъ въ 455 году за границу мессенянъ были призваны назадъ въ отечество; у горы Иѳомы, этой естественной твердыни въ центрѣ страны, была заложена новая столица—Мессена. Періэкскіе города побережья, какъ Асина и Кипариссія, правда, остались вѣрны Спартѣ; все же Спарта потеряла треть своей территоріи, и эта рана уже никогда не зажила[3]).

---

1) Xen. *Hell.* VII 2, 2 сл. Эти отряды, которымъ путь по сушѣ былъ прегражденъ, переправились изъ Галіеиса черезъ Арголидскій заливъ въ Прасіи на лаконскомъ берегу и оттуда черезъ Парнонъ пришли въ Спарту.

2) Xen. *Hell.* VI 5, 22 — 32. 50, сравн. VII 2, 2 сл., самый надежный нашъ источникъ. Добавленія отчасти сомнительнаго достоинства даетъ Diod. XV 62—65; лучше Plut. *Pelop.* 24, *Ages.* 31—32, Paus. IX 14. Эпаминондъ конечно не могъ перейти Тайгетъ зимою; это было бы ясно даже въ томъ случаѣ, если бы Діодоръ не сообщалъ категорически, что ѳиванское войско сначала вернулось въ Аркадію и уже отсюда двинулось въ Мессенію.

3) Diod. XV 66. 67, Plut. *Pelop.* 24, Paus. IV 26—27, Isocr. *Archid.* 62, Lycurg. *пр. Леокр.* 12. У Ксенофонта не хватило духа разсказать о возста-

Тѣмъ временемъ спартанцы обратились въ Аѳины съ просьбой о помощи, и аѳиняне дѣйствительно пришли къ убѣжденію въ томъ, что дольше сохранять нейтралитетъ невозможно. Спарта нужна была Аѳинамъ какъ противовѣсъ противъ Ѳивъ; въ виду этого, по предложенію Каллистрата, было рѣшено тотчасъ послать Ификрата со всѣмъ ополченіемъ въ Пелопоннесъ. Онъ проникъ до Аркадіи, но затѣмъ, когда явился изъ Мессеніи Эпаминондъ, принужденъ былъ отступить въ Коринѳъ, гдѣ въ восточной части города на горѣ Онеѣ занялъ позицію, преграждавшую доступъ къ Исѳму. Однако Эпаминонду удалось прорвать непріятельскіе ряды и безъ урона привести свое войско въ Беотію (весною 369 года) [1]).

Однако въ Пелопоннесѣ враждебныя дѣйствія продолжались [2]), въ виду чего Эпаминондъ принужденъ былъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предпринять туда новый походъ. Дойдя до Исѳма, онъ убѣдился, что перешеекъ занятъ сильнымъ аѳинскимъ и спартанскимъ войскомъ. Дѣло въ томъ, что оба государства заключили между собой формальный союзный договоръ на началахъ полнаго равноправія, такъ что обѣ стороны должны были черезъ каждые пять дней чередоваться въ командованіи соединенной арміей. Однако Эпаминондъ и въ этотъ разъ прорвалъ непріятельскіе ряды, соединился съ отрядами своихъ пелопоннесскихъ союзниковъ — аргивянъ, элейцевъ и аркадянъ — и двинулся къ Сикіону, который, подобно сосѣдней Пелленѣ, перешелъ теперь на беотійскую сторону. Но нападеніе на Коринѳъ было отражено, и когда вслѣдъ затѣмъ на помощь спартанцамъ прибыли отъ Діонисія, владыки Сиракузъ, 20 тріеръ съ 2000 кельтскихъ и иберійскихъ наемниковъ, то Эпаминондъ счелъ благоразумнымъ отвести свое войско обратно черезъ Исѳмъ [3]). Въ Ѳивахъ были, разу-

---

новленіи Мессены. Относительно Асины—Xen. *Hell.* VII 1, 25, сравн. ниже, стр. 214 прим. 5, относительно Кипариссіи и Корифасія (Пилосъ)—Diod. XV 77, 4. По [Scylax.] 46 сл. Кипариссія уже перешла на сторону мессенянъ, Меѳона и Асина еще вѣрны Спартѣ. Денѳеліатида въ западной части Тайгета была отнята у Спарты только Филиппомъ (ниже, гл. XIII).

[1]) Xen. *Hell.* VI 5, 33—52, Diod. XV 63. 65, Plut. *Ages.* 31, *Pelop.* 24, Polyaen. III 9, 28, Paus. IX 14, 6 сл., гдѣ по ошибкѣ сказано *Ἀθηναίων τὸ ἄστυ* вмѣсто *Κορινθίων τὸ ἄστυ*. О Каллистратѣ — [Demosth.] *пр. Нееры* 27 p. 1353.

[2]) Diod. XV 67, Xen. *Hell.* VII 2, 1 слл.

[3]) Xen. *Hell.* VII 1, 15—22, Diod. XV 68—70, Paus. IX 15, 4, объ отложеніи Сикіона – также Xen. *Hell.* VII 3, 2, беотійскій гарнизонъ въ сикіонскомъ кремлѣ – Xen. *Hell.* VII 2, 11; 3, 4; что и Пеллена отложилась, показываетъ Xen. *Hell.* VII 2, 2 и 4, 11, сравн. Stern. l. c. стр. 186 прим. 1.

мѣется, не особенно довольны скудными результатами похода. Вслѣдствіе этого Эпаминондъ не былъ избранъ въ беотархи на слѣдующій годъ и при представленіи отчета о своей должностной дѣятельности обвиненъ Менеклидомъ, главою радикальной демократіи, въ государственной измѣнѣ. Судьи, правда, не рѣшились осудить на смерть побѣдителя при Левктрахъ, какъ того требовало обвиненіе; но все-таки Эпаминондъ до поры до времени былъ устраненъ отъ дѣлъ. Ѳиванцы вскорѣ должны были убѣдиться, что не могутъ обойтись безъ него [1]).

Между тѣмъ Ѳивамъ пришлось вмѣшаться и въ ѳессалійскія дѣла. Ѳессалійская знать обратилась къ нимъ съ просьбою о помощи противъ Александра ферскаго и Александра македонскаго, и правительство послало Пелопида, чтобы онъ возстановилъ порядокъ къ сѣверу отъ Ѳермопилъ. Онъ безъ боя занялъ Ларису, потому что передъ

Напротивъ, Флiунтъ, вопреки показанію Діодора (XV 69), остался вѣренъ спартанцамъ, см. Xen. *Hell.* VII 2, 5—9. Такъ какъ Діонисій умеръ весною 367 года (см. выше, стр. 139) и въ оба предшествовавшія своей смерти лѣта посылалъ войска на помощь лакедемонянамъ, то первый вспомогательный отрядъ былъ посланъ имъ въ 369 году, и слѣдовательно изложенныя здѣсь событія относятся къ тому же году.

[1]) Кажется, ясно, что Эпаминондъ въ 369 году не былъ дважды обвиняемъ въ государственной измѣнѣ; притомъ, всѣ наши источники говорятъ только объ одномъ процессѣ. Діодоръ, XV 72, относитъ его ко времени послѣ возвращенія Эпаминонда изъ второго похода въ Пелопоннесъ; остальные источники (Plut. *Pelop.* 25, Paus. IX 14, 7, Nep. *Epam.* 7 сл., Ael. *Var. Hist.* XIII 42) совсѣмъ не упоминаютъ о второмъ походѣ (или ставятъ его въ совершенно ложную связь: Paus. IX 15, 4) и помѣщаютъ процессъ тотчасъ послѣ похода въ Лаконію, во время котораго Эпаминондъ будто бы удержалъ въ своихъ рукахъ команду нѣсколько мѣсяцевъ сверхъ законнаго срока. Какъ реторическая антитеза, это объясненіе было бы недурно, но, къ сожалѣнію, оно вполнѣ нелѣпо, потому что Эпаминондъ былъ снова избранъ въ беотархи на 369 годъ и, слѣдовательно, имѣлъ право оставаться во главѣ войска, и притомъ Менеклидъ долженъ былъ быть сумасшедшимъ, чтобы послѣ столь блестящихъ успѣховъ привлечь Эпаминонда къ суду. Что при разборѣ дѣла шла рѣчь и объ экспедиціи 370/69 года, и Менеклидъ въ ней также нашелъ поводы къ обвиненіямъ противъ Эпаминонда, это вполнѣ естественно; такимъ путемъ ему удалось запутать въ процессъ и товарища Эпаминонда, Пелопида, тѣмъ болѣе, что послѣдній во время своей дѣятельности въ Ѳессаліи и Македоніи въ 369 году сдѣлалъ нѣсколько промаховъ. Былъ ли Эпаминондъ отставленъ отъ беотархіи или только не избранъ на новый срокъ, мы не знаемъ; да это и безразлично, такъ какъ беотархи вступали въ должность около середины зимы (Plut. *Pelop.* 24), и когда Эпаминондъ осенью 369 года во второй разъ вернулся изъ Пелопоннеса, до срока выборовъ оставалось, вѣроятно, уже немного времени.

тѣмъ противъ Александра возсталъ одинъ изъ македонскихъ вельможъ, Птолемей изъ Алора, и оба обратились къ посредничеству Пелопида. Затѣмъ, заключивъ договоръ съ Александромъ ферскимъ, Пелопидъ пошелъ дальше въ Македонію, гдѣ также водворилъ миръ, правда—ненадолго (369) [1]).

Ибо тотчасъ по удаленіи Пелопида Птолемей убилъ царя Александра—по соглашенію, какъ говорили, съ его матерью Эвридикой, вдовой царя Аминты. Во всякомъ случаѣ, Эвридика вышла замужъ за убійцу своего сына, и Птолемей взялъ въ свои руки управленіе государствомъ въ качествѣ опекуна младшаго брата Александра, Пердикки [2]). Въ это самое время одинъ изъ побочныхъ родственниковъ царскаго дома, Павсаній, заявилъ притязанія на престолъ и съ наемнымъ греческимъ войскомъ занялъ округа Анѳемунта и Ѳермы на халкидской границѣ. Въ виду такой опасности Эвридика обратилась къ аѳинскому стратегу Ификрату, который какъ разъ въ это время плылъ со своей эскадрой вдоль ѳракійскаго берега, направляясь къ Амфиполю; благодаря его вмѣшательству дѣйствительно удалось изгнать Павсанія изъ страны [3]). Но Ѳивы не могли примириться съ мыслью, что ихъ вліяніе въ Македоніи вытѣснено вліяніемъ аѳинянъ; поэтому Пелопидъ снова отправился на сѣверъ (368) и склонилъ Птолемея къ заключенію договора, въ силу котораго онъ обязался выставлять свой контингентъ въ ѳиванскую армію и въ обезпеченіе своей вѣрности далъ заложникомъ, кромѣ другихъ македонскихъ вельможъ, юнаго брата Пердикки, Филиппа [4]).

---

[1]) Plut. *Pelop.* 26. Diod. XV 67 (подъ 369/8 годомъ); такъ какъ Пелопидъ лишь весною 369 года вернулся изъ Пелопоннеса, то онъ могъ отправиться въ Ѳессалію не ранѣе лѣта этого года,—однако и не позднѣе, какъ показываетъ послѣдовательность событій. Александръ македонскій вступилъ на престолъ въ томъ же аттическомъ году, въ которомъ Ясонъ былъ убитъ, т.-е. въ 370/69-мъ (Diod. XV 60, 3); такъ какъ онъ царствовалъ только одинъ годъ, то его убіеніе приходится на конецъ 369 или начало 368 года (сравн. списокъ македонскихъ царей у Gutschmid'а, *Kl. Schriften* VI 39). Такимъ образомъ, второй походъ Пелопида въ Македонію, его плѣненіе Александромъ ферскимъ и неудавшійся походъ ѳиванцевъ съ цѣлью его освобожденія приходятся на 368 годъ, во всякомъ случаѣ не ранѣе; такъ какъ Эпаминондъ въ этомъ году не былъ беотархомъ, а экспедиціей, которою Пелопидъ былъ освобожденъ, руководилъ какъ беотархъ, то послѣдняя должна быть отнесена къ веснѣ 367 года.

[2]) Marsyas fr. 4 *(Scr. rer. Al. M.* p. 42) у Athen. XIV 629 d, Diod. XV 71, XVI 2, Plut. *Pelop.* 27, Justin. VII 5, 4, сравн. Demosth. *περὶ παραπρ.* 195.

[3]) Aesch. *о посольствѣ* 26—29 со схоліями.

[4]) Plut. *Pelop.* 27. Что Филиппъ былъ выданъ ѳиванцамъ въ качествѣ за-

Такимъ образомъ преобладающее вліяніе Өивъ въ Македоніи было возстановлено; но тотчасъ обнаружилось, что Өессалія подчинилась только для вида. Пелопидъ не догадывался объ этомъ и оказался настолько безразсуднымъ, что отправился въ лагерь Александра ферскаго, гдѣ, разумѣется, былъ задержанъ въ качествѣ заложника. Послѣ этого тиранъ сбросилъ маску и открыто перешелъ на сторону Аөинъ, которыя немедленно прислали на помощь ему въ Өессалію 30 тріеръ и 1000 человѣкъ пѣшаго войска. Это дало возможность Александру разбить беотійскую армію, присланную на выручку Пелопида, и поставить ее въ крайне затруднительное положеніе; войско неминуемо погибло бы, если бы Эпаминондъ, который участвовалъ въ походѣ въ качествѣ подчиненнаго, въ рѣшительную минуту не взялъ на себя руководства отступленіемъ. Теперь онъ снова былъ избранъ въ беотархи и слѣдующей весною во главѣ новаго войска посланъ въ Өессалію; дѣйствительно, путемъ искусныхъ операцій ему удалось принудить Александра къ заключенію договора, причемъ Өивы снова получили Фарсалъ и Пелопидъ былъ освобожденъ (367) [1]. Однако тиранъ въ общемъ удержалъ свои прежнія владѣнія; онъ сохранилъ власть надъ Ферами, Магнесіей, Фөіотидой и нѣкоторыми сосѣдними городами собственной Өессаліи, какъ въ особенности Скотуссой. Были приняты мѣры, чтобы въ странѣ не могъ скоро водвориться миръ, что̀ вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Өивъ.

Между тѣмъ въ Пелопоннесѣ новоустроенный аркадскій союзъ достигъ большого могущества. Душою этой политики былъ мантине-

ложника только теперь, а не Александромъ еще, какъ сообщаютъ Diod. XV 67 и Plut. *Pelop*. 26, явствуетъ изъ Aesch. l. c.

[1]) Diod. XV 71 сл., Plut. *Pelop*. 27 сл., Paus. IX 15, 1 — 2; о союзѣ между Аөинами и Александромъ ферскимъ сравн. Plut. *Pelop*. 31, Demosth. *пр. Аристокр*. 120, *CIA*. IV 2, 59 b, строка 39 сл.— Александръ занялъ Фарсалъ тотчасъ послѣ взятія въ плѣнъ Пелопида (Plut. *Pelop*. 27); во время послѣдняго похода Пелопида въ Өессалію городъ уже не былъ во власти тирана (Plut. *Pelop*. 32), слѣдовательно, его освободилъ Эпаминондъ. Судя по Plut. *Pelop*. 31 могло бы казаться, что Александръ занялъ Магнесію и Фөіотиду лишь въ слѣдующіе годы; но если обратить вниманіе на то, какъ самъ Плутархъ описываетъ походъ Эпаминонда, то придется совершенно отвергнуть мысль, что тиранъ принужденъ былъ въ этотъ разъ уступить сколько-нибудь значительную часть своихъ владѣній; притомъ, его побѣдоносная борьба съ Өивами въ 368 году ясно показываетъ, что его владычество не ограничивалось одними Ферами. Наконецъ, Diod. XV 75, 1 описываетъ рѣзню въ Скотуссѣ подъ 367/6 годомъ, то-есть непосредственно послѣ похода Эпаминонда; вѣроятно, именно при этомъ случаѣ граждане Скотуссы и скомпрометировали себя.

щъ Ликомедъ, происходившій изъ богатой и знатной семьи и игравшій видную роль уже при основаніи Мегалополя [1]). Онъ стремился упрочить независимость Аркадіи, освободить ее отъ беотійской опеки, доставить своей странѣ то положеніе, на которое давало ей право ея многочисленное и храброе населеніе, и наконецъ привлечь на службу самой родинѣ ту народную силу, которая до сихъ поръ, на службѣ ли Спарты, или по найму всякаго, кто хотѣлъ платить, расходовалась ради чужихъ цѣлей. И страна восторженно приняла программу своего вождя, который твердой рукой повелъ ее отъ побѣды къ побѣдѣ [2]). Тѣ общины, которыя еще противились объединенію, какъ Орхоменъ и Герея, были силою принуждены къ вступленію въ союзъ; сѣверные періэкскіе города Лаконіи до Селласіи на югѣ примкнули къ Аркадіи [3]); то же сдѣлали Ласіонъ и трифилійскіе города, которые нѣкогда были освобождены Спартою отъ элейскаго владычества и теперь не могли собственными силами защищать свою независимость противъ своихъ ненавистныхъ прежнихъ господъ [4]). Съ Аргосомъ и Мессеніей былъ заключенъ тѣсный союзъ; аркадскія войска спасли аргивянъ изъ отчаяннаго положенія, въ которое поставили ихъ подъ Эпидавромъ наемники аѳинянина Хабрія и коринѳяне; подъ Асиной въ южной Мессеніи спартанскій гарнизонъ былъ разбитъ аркадянами [5]).

Въ виду такого усиленія аркадскаго союза Спарта принуждена была ограничиваться обороной, и только прибытіе весною 368 года новаго вспомогательнаго отряда отъ Діонисія дало ей возможность снова перейти въ наступленіе противъ Аркадіи. Спартанцы отняли назадъ Каріи, и Архидаму, который командовалъ войскомъ вмѣсто своего престарѣлаго отца Агесилая, удалось даже проникнуть до окрестностей Мегалополя. Но какъ разъ въ это время Діонисій началъ свою послѣднюю войну съ Карѳагеномъ и потому отозвалъ свой отрядъ; вслѣдствіе этого Архидамъ принужденъ былъ прервать

---

1) Xen. *Hell.* VII 1, 23, Paus. VIII 27, 2, Stern *Spart. Hegem.* стр. 197.

2) Xen. *Hell.* VII 1, 23 сл.

3) Xen. *Hell.* VII 1, 28; 4, 12. 21, сравн. Diod. XV 67.

4) Xen. *Hell.* VII 1, 26; 4, 12, ср. выше, стр. 205 прим. 2.

5) Xen. *Hell.* VII 1, 25. По географическимъ соображеніямъ очевидно, что рѣчь идетъ не о лаконской, а о мессенской Асинѣ (первая тождественна съ Ласомъ у Гиѳейона). Правда, Ксенофонтъ говоритъ Ἀσίνην τῆς Λακαίνης, но онъ лишь придерживается стараго словоупотребленія, по которому Мессенія признавалась частью Лаконіи. Даръ аркадскаго союза дельфійскому храму въ ознаменованіе побѣдъ надъ Спартою: Pomptow *Athen. Mitteil.* XIV 1889 стр. 15 слл.

походъ. Соединенныя аркадскія и мессенскія силы сдѣлали попытку отрѣзать врагу отступленіе, но Архидамъ и его войска, сражаясь съ мужествомъ отчаянія, проложили себѣ путь сквозь ряды непріятеля, который былъ разбитъ и потерпѣлъ большой уронъ, тогда какъ изъ спартанцевъ, по преданію, не палъ ни единый. Эта «безслезная битва» произвела, конечно, тѣмъ большее впечатлѣніе, что это была первая побѣда, одержанная спартанцами со времени сраженія при Левктрахъ. Спартанское и сиракузское войско было спасено,—другихъ послѣдствій побѣда не имѣла [1]).

Потребность въ мирѣ сказывалась теперь въ Греціи все съ большей силою; и вотъ, лѣтомъ 368 года, въ Дельфахъ собрался конгрессъ представителей воюющихъ державъ по почину сатрапа Фригіи, Аріобарзана, который для этой цѣли прислалъ въ Грецію съ большой суммой денегъ своего агента, Филиска изъ Абидоса. Но такъ какъ лакедемоняне не хотѣли отказаться отъ Мессеніи, а беотяне—бросить на произволъ судьбы только-что основанное ими же государство, то переговоры не привели ни къ чему, и Филискъ долженъ былъ ограничиться выдачей лакедемонянамъ субсидіи на вербовку отряда наемниковъ [2]). Теперь лакедемоняне отправили посольство въ Сузу, и остальныя греческія державы — Беотія, Аѳины, Элида, Аркадія, Аргосъ—тотчасъ послѣдовали ихъ примѣру. Послы начали въ запуски заискивать у персидскаго царя, и побѣдителемъ изъ состязанія вышелъ беотійскій посланникъ, «освободитель» Ѳивъ Пелопидъ. Онъ добился принятія всѣхъ своихъ требованій: Мессенія была признана независимой, Трифилія отдана элейцамъ, Амфиполь объявленъ свободнымъ, Аѳинамъ приказано распустить ихъ флотъ. Если бы какое-нибудь государство отказалось принять этотъ миръ, то всѣ остальныя державы должны были совмѣстно идти войною на него. Аѳинскій посланникъ Леонъ тотчасъ заявилъ протестъ противъ этихъ условій и добился прибавки новаго пункта, въ силу котораго Аѳинамъ было предоставлено право предлагать измѣненія въ проектѣ мирнаго договора (367) [3]).

---

1) Xen. *Hell.* VII 1, 28—32, Diod. XV 72, Plut. *Ages.* 33.

2) Xen. *Hell.* VII 1, 27, Diod. XV 70. Аттическій декретъ *CIA.* II 52 показываетъ, что и Діонисій хлопоталъ о заключеніи мира, сравн. Köhler *Athen. Mitteil.* I стр. 15 и выше, стр. 138.

3) Xen. *Hell.* VII 1, 33—38, Plut. *Pelop.* 30, *Artox.* 22, Demosth. *περὶ παραπρεσβ.* 42. Такъ какъ Пелопидъ былъ освобожденъ изъ плѣна въ Ферахъ лишь весною 367 года (выше, стр. 213), а поѣздка изъ Греціи въ Сузу должна была занять нѣсколько мѣсяцевъ, то переговоры едва ли могли происходить раньше конца лѣта и конгрессъ въ Ѳивахъ не могъ собраться раньше зимы.

Теперь надо было позаботиться о томъ, чтобы этотъ миръ былъ принятъ греческими государствами; съ этой цѣлью былъ созванъ конгрессъ въ Ѳивахъ (зимою 367/6 г.). Но здѣсь ѳиванцы встрѣтили сопротивленіе со стороны своихъ собственныхъ союзниковъ; особенно аркадскій делегатъ Ликомедъ наотрѣзъ отказывался уступить Трифилію. Вслѣдствіе этого конгрессъ кончился ничѣмъ; точно такъ же не удалось ѳиванцамъ склонить къ согласію отдѣльные города путемъ сепаратныхъ переговоровъ. Попытка Ѳивъ получить отъ персидскаго царя гегемонію надъ Греціей потерпѣла полную неудачу [1]).

Отвѣтомъ Эпаминонда было новое вторженіе въ Пелопоннесъ (366). Съ помощью аргивянъ онъ проложилъ себѣ путь через горные проходы у Коринѳа и затѣмъ обратился противъ Ахеи, которая до сихъ поръ держалась нейтрально и которую онъ теперь безъ большого труда заставилъ примкнуть къ Ѳивамъ [2]). При этомъ Эпаминондъ пощадилъ существовавшую олигархическую конституцію; но ѳиванское правительство взглянуло на это дѣло иначе: оно послало гармостовъ въ ахейскіе города, изгнало, опираясь на чернь, большое число наиболѣе состоятельныхъ гражданъ и повсюду ввело демократію [3]). Въ Сикіонѣ олигархія также была низвергнута съ помощью аргивянъ и аркадянъ; одинъ изъ знатныхъ гражданъ, Эвфронъ, ставшій во главѣ массы, забралъ въ свои руки управленіе городомъ и подъ прикрытіемъ демократическихъ формъ установилъ настоящую тиранію, причемъ опорою ему служилъ наемный отрядъ въ 2000 человѣкъ; всѣ его противники были изгнаны и имущество ихъ конфисковано. Наконецъ аркадяне потеряли терпѣніе; ихъ стратегъ Эней изъ Стимфала вступилъ въ городъ и призвалъ обратно изгнанниковъ; Эвфронъ бѣжалъ въ гавань, которую выдалъ теперь лакедемонянамъ. Впрочемъ, гавань вскорѣ была взята сикіонцами и аркадянами. Но въ Сикіонѣ смуты продолжались, вслѣдствіе чего Эвфрону удалось съ отрядомъ аѳинскихъ наемниковъ проникнуть въ городъ и съ помощью демократовъ снова захватить власть (зимою 366/5 года); однако въ акрополѣ удержался ѳиванскій гарнизонъ [4]).

---

[1]) Xen. *Hell.* VII 1, 39 сл.

[2]) Xen. *Hell.* VII 1, 41 сл., Diod. XV 75.

[3]) Xen. *Hell.* VII 1, 42 сл.

[4]) Xen. *Hell.* VII 1, 44—46; 2 ,11; 3, 1—4. Coup d'état Эвфрона падаетъ приблизительно на 368 годъ (вопреки *Hell.* VII 1, 44, сравн. 1, 46), какъ замѣтилъ мой другъ Де Санктисъ; гавань была взята аркадянами и сикіонцами тотчасъ послѣ отложенія Оропа, т.-е. въ 366 году (*Hell.* VII 4, 1), Эвфронъ

Напротивъ, Ахею ѳиванцы вскорѣ опять потеряли; многочисленные изгнанники вернулись съ оружіемъ въ рукахъ и приступомъ взяли города, одинъ за другимъ. Они, разумѣется, тотчасъ вступили въ союзъ со Спартою, такъ что аркадяне были теперь съ двухъ сторонъ стѣснены непріятелями [1]). А такъ какъ и отношенія съ Ѳивами становились все хуже, то Ликомедъ рѣшилъ искать сближенія съ Аѳинами.

Аѳинское правительство, въ виду исхода мирныхъ переговоровъ въ Сузѣ, было готово въ случаѣ надобности довести дѣло до разрыва съ Персіей. Тимагоръ, наряду съ Леономъ участвовавшій въ этихъ переговорахъ какъ представитель Аѳинъ, былъ обвиненъ въ принятіи взятки отъ персидскаго царя, осужденъ и казненъ; обвиненіе противъ него было возбуждено его же товарищемъ по посольству, Леономъ [2]). Съ Аріобарзаномъ, сатрапомъ Фригіи, который только что возсталъ противъ царя, былъ заключенъ союзъ и въ помощь ему посланъ Тимоѳей во главѣ отряда въ 8000 человѣкъ и флота въ 30 кораблей, — правда, съ наказомъ по возможности избѣгать нападенія на земли, несомнѣнно принадлежащія царю [3]). Тимоѳей обратился прежде всего противъ Самоса, куда персы нѣсколько лѣтъ назадъ, вопреки Анталкидову миру, поставили гарнизонъ, и послѣ десяти-мѣсячной осады взялъ городъ (весною 365 года). Часть гражданъ была изгнана и замѣнена клерухіей аѳинскихъ гражданъ [4]). Тѣмъ временемъ въ Малую Азію прибылъ и царь Агеси-

---

вернулся вѣроятно слѣдующей зимою, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ Коринѳъ порвалъ свой союзъ съ Аѳинами (см. ниже, стр. 221 прим. 1).

[1]) Xen. *Hell.* VII 1, 43. Такъ какъ ахеяне уже въ 365 году оказываютъ помощь элейцамъ противъ аркадянъ (Xen. *Hell.* VII 4, 17), то очевидно, что олигархическое возстаніе произошло еще въ теченіе 366 года; дѣйствительно, Ксеноѳонтъ описываетъ его тотчасъ вслѣдъ за походомъ Эпаминонда.

[2]) Xen. *Hell.* VII 1, 33—38, Plut. *Pelop.* 30, *Artox.* 22, Demosth. *περὶ παραπρ.* 31. 137. 191.

[3]) Demosth. *ὑπὲρ τῆς Ῥοδίων πολιτείας* 9, *противъ Аристокр.* 141. 202, Nep. *Timoth.* 1, Isocr. *Antid.* 111. Сравн. Rehdantz *Iphicrates* стр. 120 сл.

[4]) Demosth. *ὑπ. τ. Ῥοδ. πολιτείας* 9, Isocr. *Antid.* 111, Nep. *Timoth.* 1. Самосцы, спустя 43 года, въ 322/1 г., вернулись въ свое отечество (Diod. XVIII 18), слѣдовательно были изгнаны въ 365/4-мъ. Изъ *CIA.* II 53 слѣдуетъ, что Тимоѳей въ 366/5 году командовалъ у азіатскаго побережья; осада Самоса началась, вѣроятно, въ концѣ лѣта 366 года (Polyaen. III 10, 9). О клерухіи см. C. Curtius *Inschr. und Studien zur Geschichte von Samos*, Progr. Lübeck 1877. Клерухи были посланы по Schol. Aesch. *пр. Тим.* 53 въ 361/0 г., по Philoch. fr. 131—въ 352/1 г.; возможно, что въ эти годы клерухія была усилена новыми поселенцами.

лай, и Аріобарзану удалось съ его помощью одержать верхъ надъ царскими полководцами, сатрапомъ Лидіи Автофрадатомъ и карійскимъ династомъ Мавсолломъ [1]). Отъ Тимоѳея Аріобарзанъ также получилъ помощь; въ благодарность онъ уступилъ аѳинянамъ занятыя его гарнизонами крѣпости Сестъ и Криѳоту на ѳракійскомъ Херсонесѣ [2]). Въ виду этихъ событій персидскій царь счелъ нужнымъ снова сблизиться съ Аѳинами. Онъ формально призналъ ихъ права на Амфиполь [3]), послѣ чего аѳиняне поспѣшили отозвать Тимоѳея изъ Азіи и поручили ему начальство на македонскомъ побережьи.

Здѣсь уже съ 368 года дѣйствовала аѳинская эскадра подъ командой Ификрата, присланная для того, чтобы принудить къ покорности Амфиполь, который, какъ мы видѣли, въ 371 году на мирномъ конгрессѣ въ Спартѣ былъ признанъ подвластнымъ Аѳинамъ (выше стр. 198). Задача оказалась трудною, ибо олинѳяне тѣмъ временемъ возстановили свой халкидскій союзъ [4]), уничтоженный было Спартою, и теперь отнюдь не хотѣли допускать, чтобы Аѳины снова утвердились въ ихъ сосѣдствѣ. Поэтому они выступили изъ морского союза и заключили союзъ съ Амфиполемъ; регентъ Македоніи Птолемей, только что признавшій ѳиванскую гегемонію, также оказалъ помощь Амфиполю. При этихъ обстоятельствахъ Ификратъ не могъ добиться существенныхъ результатовъ [5]). Бо̀льшихъ успѣховъ достигъ Тимоѳей. Онъ прибылъ въ Македонію какъ-разъ послѣ того, какъ молодой Пердикка убилъ своего опекуна Птолемея и самъ взялъ въ свои руки бразды правленія; чтобы удержаться на престолѣ, онъ прибѣгъ къ помощи Аѳинъ. Амфиполя, правда, и теперь не удалось взять; зато Тимоѳей принудилъ къ вступленію въ аѳинскій союзъ Меѳону и Пидну и отнялъ у халкидянъ Торону и Потидею (364 —

---

[1]) [Xen.] *Ages.* 2, 26, Nep. *Timoth.* I 3, сравн. Polyaen. VII 26.

[2]) Nep. l. c., Isocr. *Antid.* 111.

[3]) Demosth. *о посольствѣ* 137. 253, рѣчь *о Галоннесѣ* 29.

[4]) Въ 377 году „олинѳяне“ были еще союзниками Спарты (Xen. *Hell.* V 4, 54); въ учредительномъ актѣ „второго“ аттическаго морского союза опять находимъ [*Χαλκι*]*δῆς ἀπὸ* [*Θράικης*] (выше стр. 192 прим. 1). Они вступили въ союзъ въ 375 году и вѣроятно союзъ былъ именно тогда возстановленъ.

[5]) Demosth. *пр. Аристокр.* 149 сл. Но членомъ халкидскаго союза Амфиполь не сдѣлался, какъ ясно показываютъ слова Демосѳена и какъ явствуетъ изъ дальнѣйшихъ событій. Засвидѣтельствованное Аристотелемъ, *Polit.* VII (V) 1303 b, 1306 a, переселеніе халкидскихъ колонистовъ въ Амфиполь, относится къ болѣе раннему времени, вѣроятно ко второй половинѣ Пелопоннесской войны. О поведеніи Птолемея — Aesch. *о посольствѣ* 29 и выше стр. 212.

362). Последняя снова, какъ во время Пелопоннесской войны, была обращена въ аттическую клерухію (361) [1]).

Между тѣмъ Аѳины понесли въ самой Греціи очень чувствительную потерю. Мы знаемъ, что Эвбея послѣ битвы при Левктрахъ отложилась отъ Аѳинъ и примкнула къ Ѳивамъ; теперь тирану Эретріи Ѳемисонту удалось овладѣть противолежащимъ Оропомъ (весною 366 г.). Онъ сдѣлалъ это по соглашенію съ Ѳивами, и послѣднія немедленно заняли городъ своимъ гарнизономъ. Въ виду этого Аѳины потребовали помощи отъ Спарты и другихъ своихъ пелопоннесскихъ союзниковъ; но на помощь имъ не поднялась ничья рука, а однѣ Аѳины были слишкомъ слабы, чтобы рѣшаться на войну съ Беотіей. Такимъ образомъ Оропъ остался во власти ѳиванцевъ, и только Филиппъ вернулъ этотъ городъ Аѳинамъ [2]).

Этой минутою рѣшила воспользоваться оппозиція въ Аѳинахъ для нападенія на правительство. Каллистратъ изъ Афидны, бывшій въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, со времени отрѣшенія отъ должности Тимоѳея, руководящимъ государственнымъ дѣятелемъ, и Хабрій, руководящій военачальникъ, были преданы суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Обвинителемъ выступилъ Леодамантъ изъ Ахарнъ; это былъ одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Аѳинъ, но во время революціи онъ стоялъ на сторонѣ олигарховъ, и потому до сихъ поръ не сумѣлъ пріобрѣсти сколько-нибудь значительнаго вліянія. Рядомъ съ нимъ поддерживалъ обвиненіе Гегесиппъ изъ Сунія, одинъ изъ вождей радикальной демократіи. Но на этотъ разъ правительству еще удалось отразить нападеніе; правда, этой побѣдой Каллистратъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своему увлекательному краснорѣчію [3]).

---

[1]) Isocr. *Antid*. 108. 114, Diod. XV 81 (подъ 364/3 годомъ), Schol. Aesch. *о посольствѣ* 31, Din. I 14. Какъ показываетъ *CIA*. II 55, въ началѣ 362 года война еще не была окончена. О высылкѣ клерухіи въ Потидею *CIA*. IV 2, 57 (отъ весны 361 г.); Demosth. *Phil*. II 20, рѣчь *о Галоннесѣ* 10, [Arist.] *Oecon*. II 1346 a. Пораженіе, которое потерпѣлъ подъ Амфиполемъ состоявшій подъ начальствомъ Тимоѳея полководецъ Алкимахъ, относится по Schol. Aesch. l. c. къ 364/3 году.

[2]) Xen. *Hell*. VII 4, 1, Diod. XV 76. Demosth. *о вѣнкѣ* 99, Aesch. *о пос.* 164, *пр. Ктес.* 85. По схоліямъ къ послѣднему мѣсту это событіе относится къ 367/6 г., тогда какъ Діодоръ указываетъ слѣдующій годъ; такъ какъ Ксенофонтъ разсказываетъ о потерѣ Оропа послѣ описанія пелопоннесской экспедиціи Эпаминонда, то городъ былъ взятъ, очевидно, около середины лѣта 366 года.

[3]) Aristot. *Rhet*. I p. 1364, Hermip. fr. 61. Plat. *Dem*. 5. Laert. Diog. III 23 сл., О Леодамѣ см. *Attische Politik* автора, стр. 133 прим. 1.

Около этого времени Ликомедъ прибылъ въ Аѳины и отъ имени Аркадіи предложилъ союзъ, который, при раздраженіи противъ Спарты, вызванномъ въ Аѳинахъ потерею Оропа, и былъ охотно принятъ. Правда, Ликомедъ на обратномъ пути былъ убитъ аркадскими изгнанниками, что̀ было тяжелымъ ударомъ для Аркадіи, потерявшей въ немъ своего лучшаго человѣка; но заключенный имъ союзъ остался въ силѣ, и Аѳины были теперь въ силу договоровъ обязаны оказать помощь какъ аркадянамъ противъ Спарты, такъ и спартанцамъ противъ Аркадіи [1]).

Чтобы разъ навсегда обезпечить себѣ свободный доступъ въ Пелопоннесъ, аѳиняне задумали овладѣть дверьми въ Пелопоннесъ— Коринѳомъ. Это казалось не очень труднымъ, такъ какъ Аѳины уже много лѣтъ держали гарнизонъ въ Коринѳѣ; но такой вопросъ не слѣдовало обсуждать въ открытомъ народномъ собраніи. Въ Коринѳѣ тотчасъ узнали о замыслахъ Аѳинъ; аѳинянамъ очень дружелюбно заявили, что городъ болѣе не нуждается въ ихъ услугахъ, и аѳинскій гарнизонъ принужденъ былъ удалиться. Вскорѣ Харесъ явился съ эскадрою передъ Кенхреями; но было уже поздно, и онъ принужденъ былъ, ничего не добившись, вернуться въ Пирей. Но собственными силами защищаться противъ Ѳивъ Коринѳъ былъ не въ состояніи, а Спарта не могла подать ему помощи. Поэтому ему не оставалось ничего другого, какъ войти въ соглашеніе съ Ѳивами. Послѣднія сначала потребовали заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза, но въ концѣ-концовъ согласились принять миръ на условіи сохраненія каждою изъ сторонъ ея законныхъ владѣній. Этотъ договоръ приняли и Фліунтъ, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ лишь съ трудомъ отражалъ нападенія аргивянъ и аркадянъ, и города арголидской Акте [2]).

Такимъ образомъ Эвфронъ Сикіонскій былъ отрѣзанъ отъ Аѳинъ;

---

[1]) Xen. *Hell.* VII 4, 2 сл.

[2]) Xen. *Hell.* VII 4, 4—11, сравн. Isocr. *Archid.* 11 — 13. Относительно Фліунта см. *Hell.* VII 2. Подъ городами, которые приняли участіе въ мирѣ наряду съ Коринѳомъ и Фліунтомъ, (*Hell.* VII 4, 10), могутъ подразумѣваться только города Актѣ. По Diod. XV 76 персидскій царь будто бы прислалъ въ этомъ году (366/5) посольство въ Грецію и добился заключенія всеобщаго мира, которымъ была прекращена „лаконская и беотійская война“, длившаяся болѣе пяти лѣтъ (отъ битвы при Левктрахъ, 371/0). Это извѣстіе почерпнуто Діодоромъ изъ его хронологическаго источника и слѣдовательно достойно вниманія, несмотря на молчаніе Ксенофонта. Не имѣется ли здѣсь въ виду присоединеніе аѳинянъ къ миру Пелопида, послѣ того какъ были признаны ихъ притязанія на Амфиполь?

въ виду этого онъ рѣшилъ заключить миръ съ Беотіей и самъ пріѣхалъ въ Өивы, гдѣ его предложенія были приняты, разумѣется, съ величайшей готовностью. Правда, во время переговоровъ въ открытомъ засѣданіи совѣта въ Кадмеѣ онъ былъ убитъ сикіонскими изгнанниками; но его сынъ Адеасъ удержалъ въ своихъ рукахъ власть надъ Сикіономъ и предложенный Эвфрономъ союзъ съ Өивами дѣйствительно былъ заключенъ. Эвфронъ былъ погребенъ на сикіонскомъ рынкѣ и, какъ второй основатель города, получалъ героическія почести [1]).

Примѣръ, который показалъ Эвфронъ, захвативъ власть въ Сикіонѣ, скоро нашелъ послѣдователя въ сосѣднемъ Коринөѣ. Послѣ того какъ аөинскій гарнизонъ удалился изъ города, Коринөъ увидѣлъ себя вынужденнымъ для охраны своего нейтралитета принять на службу небольшой отрядъ наемниковъ; начальство надъ нимъ было ввѣрено Тимофану, одному изъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ города. Опираясь на это войско и съ помощью неимущей толпы онъ сдѣлалъ попытку провозгласить себя тираномъ, но палъ жертвою заговора, во главѣ котораго стоялъ его собственный братъ Тимолеонъ. Коринөская олигархія была спасена; но общественное мнѣніе, одобривъ убійство, съ ужасомъ отвернулось отъ братоубійцы, и Тимолеонъ на многіе годы удалился отъ общественной жизни, пока наконецъ вдали отъ родины нашелъ то великое поприще, на которомъ онъ могъ обнаружить свои замѣчательныя военныя и политическія дарованія [2]).

Въ теченіе этихъ лѣтъ Өивы воздерживались отъ вмѣшательства въ пелопоннесскія дѣла, такъ какъ ихъ вниманіе было поглощено болѣе настоятельными задачами. Правда, Беотія была теперь неоспоримо первою сухопутной державою Греціи; но Эпаминондъ хорошо понималъ, что этого мало. Чтобы стать во главѣ всей націи, Өивы

---

[1]) Xen. *Hell.* VII 3, 4—12, сравн. почетное постановленіе аөинскаго нар. собр. въ честь одноименнаго внука Эвөрона *CIA.* IV 2, 231 b, Lolling *Δελτ. ἀρχ.* 1892 стр. 56 слл. Ясно, что сближеніе Эвөрона съ Өивами не могло произойти непосредственно послѣ его возвращенія съ помощью аөинянъ; поводомъ очевидно послужило отложеніе Коринөа отъ Аөинъ. О союзѣ Сикіона съ Өивами Diod. XV 82, 2, XVI 39, 2.

[2]) Plut. *Timol.* 4—7, Diod. XVI 65, Nep. *Timol.* 1, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1306. 24. По Plut. l. c. Тимофанъ былъ убитъ приблизительно *(σχεδόν)* за 20 лѣтъ до похода Тимолеона въ Сицилію и тотчасъ *(εὐθύς)* послѣ попытки аөинянъ овладѣть Коринөомъ,—т.-е. въ 365 или 364 году. Если Діодоръ изображаетъ дѣло такъ, будто Тимофанъ былъ убитъ непосредственно передъ посылкой Тимолеона въ Сицилію, то это объясняется, очевидно, небрежностью Діодора въ пересказѣ своего источника.

должны были пріобрѣсти первенство и на морѣ; надо было, какъ выразился однажды Эпаминондъ въ ѳиванскомъ народномъ собраніи, «перенести въ Кадмею пропилеи аѳинскаго акрополя» [1]). И эта цѣль казалась вполнѣ достижимой. Дѣло въ томъ, что новый аѳинскій морской союзъ, организованный 15 лѣтъ назадъ, началъ расходиться по всѣмъ швамъ. Онъ былъ созданъ для совмѣстнаго противодѣйствія честолюбивымъ замысламъ Спарты; теперь Спарта была обезсилена,— зато Аѳины стали стремиться къ возстановленію своего морского владычества, которое онѣ утратили благодаря сраженію при Эгоспотамосѣ и потомъ вторично благодаря Анталкидову миру. Онѣ уже возобновили свою старую колонизаторскую дѣятельность; именно въ это время были посланы на Самосъ аттическіе клерухи, и если это мѣропріятіе и не являлось прямымъ нарушеніемъ союзнаго договора, такъ какъ Самосъ никогда не входилъ въ составъ союза, то все-таки духъ союзной конституціи былъ нарушенъ этимъ новымъ поворотомъ въ аттической политикѣ, и представлялось несомнѣннымъ, что самый ходъ событій будетъ толкать Аѳины все далѣе по этому пути. Если Ѳивы, Эвбея и ѳракійскіе халкидяне уже раньше отпали отъ аттическаго морского союза, то теперь начали подумывать объ отложеніи и тѣ союзники, которые еще оставались вѣрны Аѳинамъ [2]). Но ихъ собственныхъ силъ было для этого недостаточно; нужна была какая-нибудь другая морская держава, которая могла бы послужить имъ оплотомъ, какимъ во время Пелопоннесской войны была Спарта.

Въ виду этого Эпаминондъ рѣшилъ создать флотъ. Условія, необходимыя для осуществленія этого плана, были, казалось, на лицо, ибо, хотя Беотія до сихъ поръ никогда не принимала виднаго участія въ греческой морской торговлѣ и, слѣдовательно, не имѣла ни одного крупнаго портоваго города, но она владѣла обширными и очень расчлененными побережьями у Эврипа и у Коринѳскаго залива, да и Эвбея находилась теперь въ зависимости отъ Беотіи [3]). Притомъ Беотія уже во время Пелопоннесской войны начала организовать военный флотъ и послѣ вступленія Ѳивъ въ аттическій морской союзъ снова принялась за это дѣло [4]). Теперь по настоянію Эпаминонда было по-

---

[1]) Aesch. *о посольствѣ* 105, Diod. XV 78.

[2]) Demosth. *ὑπὲρ τ. ῾Ρ. πολ.* 3, 15.

[3]) Ephor. fr. 67 у Strab. IX 400 сл.

[4]) Беотійскій флотъ въ Пелопоннесской войнѣ: Thuc. VIII 3, 2; 106, 3, Paus. X 9, 9; послѣ освобожденія Ѳивъ: Xen. *Hell.* VI 4, 3, [Demosth.] *пр. Тимоѳ.* 14 сл.

строено 100 тріеръ, и онъ самъ отправился съ этимъ флотомъ въ Геллеспонтъ (364). Византія тотчасъ отпала отъ Аѳинъ и заключила союзъ съ Ѳивами, Хіосъ и Родосъ, оба могущественнѣйшихъ члена аттическаго морского союза, вступили въ сношенія съ Эпаминондомъ, — даже островъ Кеосъ, лежащій у аттическаго берега, счелъ минуту благопріятной для возстанія противъ Аѳинъ [1]). Здѣсь, правда, Хабрій вскорѣ возстановилъ порядокъ; въ общемъ же аѳиняне ограничились тѣмъ, что выслали подъ начальствомъ Лахета эскадру для наблюденія за Эпаминондомъ, но вступить съ нимъ въ сраженіе не рѣшились. Эпаминондъ также избѣгалъ нападеній на собственно-аѳинскія земли и вскорѣ вернулся домой; онъ могъ быть доволенъ пробнымъ плаваніемъ своего молодого флота. Однако тѣмъ великимъ надеждамъ, которыя онъ связывалъ съ созданіемъ беотійскаго флота, не суждено было осуществиться, потому что вскорѣ наступили событія, отвлекшія силы Ѳивъ совсѣмъ въ другую сторону, а когда затѣмъ Эпаминондъ палъ при Мантинеѣ, съ нимъ сошли въ гробъ и его грандіозные планы. Оказалось, что Беотія все-таки была не въ силахъ долгое время нести то финансовое бремя, какое налагало на страну содержаніе большого флота; такимъ образомъ, это первое морское предпріятіе Ѳивъ осталось вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ.

[1]) Diod. XV 79, Isocr. *Philipp.* 53. Византія еще во время Священной войны посылала *σύνεδροι* въ союзный совѣтъ, засѣдавшій въ Ѳивахъ, и помогала беотянамъ деньгами (*IGr. Sept.* I 2418). Относительно Кеоса—Köhler *Athen. Mitteil.* II (1877) стр. 142 слл., *CIA.* IV 2, 54 b. Diod. XV 79 относитъ экспедицію Эпаминонда въ Геллеспонтъ къ 364/3 году. Беотійскій декретъ о предоставленіи проксеніи одному византійцу *IGr. Sept.* I 2408, относящійся вѣроятно къ этому времени, содержитъ полный списокъ беотарховъ даннаго года; здѣсь помѣщены Малекидъ (у Plut. *Pelop.* 35 *Μαλκίτας)* и Діогейтонъ, которые послѣ смерти Пелопида командовали беотійскимъ войскомъ, посланнымъ противъ Александра Ферскаго (Plut. l. c.), а Пелопидъ и Эпаминондъ въ этомъ спискѣ не названы. Такъ какъ Пелопидъ умеръ, будучи беотархомъ (Plut. *Pelop.* 34), а смерть его приходится на 364 годъ (см. ниже, стр. 224), то упомянутый декретъ содержитъ, по всей вѣроятности, списокъ беотарховъ 363 года. Между тѣмъ Эпаминондъ командовалъ беотійскимъ флотомъ безъ сомнѣнія въ качествѣ беотарха, слѣдовательно его экспедицію въ Геллеспонтъ надо отнести къ 364 г., такъ какъ 362 годъ безусловно исключается (Köhler *Hermes* 24, 1889, стр. 636 слл.). Этотъ выводъ не можетъ быть признанъ абсолютно правильнымъ, такъ какъ возможно, что упомянутый декретъ относится лишь ко времени послѣ битвы при Мантинеѣ. Мало того, возможно даже, что и онъ, и приблизительно одновременный съ нимъ декретъ въ честь карѳагенянина *Νώβας Ἀξιούβω* относятся лишь къ первой половинѣ II вѣка; въ такомъ случаѣ упомянутаго въ обоихъ памятникахъ беотарха Гиппія надо было бы признать тождественнымъ съ одноименнымъ вліятельнымъ политикомъ, о которомъ говоритъ Полибій 22, 4, 12.

Между тѣмъ въ Ѳессаліи Александръ ферскій снова усилилъ свою власть. Опираясь на сильное наемное войско, онъ установилъ въ своей странѣ террористическое правленіе; такъ, однажды, заподозривъ вѣрность гражданъ Скотуссы, онъ велѣлъ созвать ихъ въ театръ на собраніе и здѣсь приказалъ своимъ солдатамъ перерѣзать ихъ [1]). Ѳессалійскій союзъ, который болѣе не могъ собственными силами защищаться противъ своего насильственнаго сосѣда, призвалъ въ посредники Ѳивы, и въ серединѣ лѣта 364 года Пелопидъ снова двинулся на сѣверъ. Александръ ожидалъ врага въ сильной позиціи на высотахъ Киноскефалъ между Скотуссою и Ферами, на томъ самомъ полѣ битвы, гдѣ спустя два столѣтія погибла эллинская свобода. Послѣ жестокой сѣчи войска Пелопида приступомъ взяли непріятельскую позицію; но побѣда была куплена дорогою цѣной: ѳиванскій полководецъ палъ въ битвѣ. Въ слѣдующемъ году беотяне прислали въ Ѳессалію новое войско; Александръ былъ вторично разбитъ и принужденъ заключить миръ, по которому уступилъ всѣ свои владѣнія, кромѣ самыхъ Феръ и Магнесіи, и обязался Беотіи военной помощью. Такимъ образомъ, въ эту минуту вся Ѳессалія признавала надъ собою верховную власть Ѳивъ [2]).

Смерть Пелопида должна была произвести въ Беотіи глубокое впечатлѣніе. Кажется, что въ Орхоменѣ, второмъ городѣ страны, начали обнаруживаться сепаратистическія стремленія; во всякомъ случаѣ, ѳиванское правительство опасалось возстанія и рѣшило предупредить его. Прежде всего, на смотрѣ беотійской конницы были захвачены орхоменскіе всадники и по постановленію ѳиванскаго народнаго собранія казнены, по обвиненію въ томъ, что они, совмѣстно съ ѳиванскими изгнанниками, составили заговоръ, направленный къ ниспроверженію господствующей демократіи. Затѣмъ беотійское союзное войско двинулось противъ Орхомена, который, будучи предоставленъ собственнымъ силамъ, не могъ справиться съ могущественнымъ врагомъ и вскорѣ

---

[1]) Plut. *Pelop.* 29. 31, Diod. XV 75.

[2]) Diod. XV 80, Plut. *Pelop.* 31—35; военная помощь, оказанная Беотіи тираномъ,—Xen. *Hell.* VII 5, 4. Время опредѣляется солнечнымъ затменіемъ 12 іюля 364 года, происшедшимъ, по преданію, въ тотъ самый день, въ который Пелопидъ выступилъ изъ Ѳивъ (Diod. XV 80, Plut. *Pelop.* 31); Ѳеіотида въ 361/0 году составляетъ часть ѳессалійскаго союза (*CIA.* II 88, — о времени, къ которому должна быть отнесена эта надпись, см. ниже, стр. 238 прим. 1), слѣдовательно она была уступлена Александромъ по этому миру; напротивъ, Магнесія осталась во власти тирана (Polyaen. VI 2, 1). Что подчиненіе Александра относится лишь къ 363 году, явствуетъ изъ *IGr. Sep.* I 2408, сравн. выше, стр. 223 прим. 1.

долженъ былъ открыть ворота. Древній городъ минійцевъ былъ разрушенъ, граждане его, какъ измѣнники, казнены, женщины и дѣти проданы въ рабство [1]). Крикъ негодованія пронесся по всему греческому міру при извѣстіи объ этихъ событіяхъ [2]); по преданію, и Эпаминондъ осудилъ это варварство, когда по возвращеніи изъ морского похода узналъ о немъ [3]). Оно не принесло пользы Ѳивамъ, потому что Орхоменъ вскорѣ возродился изъ пепла; а позднѣе оно было сторицей взыскано съ потомковъ тѣхъ ѳиванцевъ, которые совершили его.

Въ то время какъ Ѳивы воздерживались отъ вмѣшательства въ пелопоннесскія смуты, элейцы рѣшили воспользоваться благопріятной минутой, чтобы вернуть себѣ свои старые періэкскіе города, которые были присуждены имъ персидскимъ царемъ, но которые аркадяне отказывались выдать. Съ этой цѣлью Элида примкнула къ спартанской партіи въ Пелопоннесѣ и, опираясь на нее, открыла наступательныя дѣйствія противъ Аркадіи (365). Элейцамъ дѣйствительно удалось посредствомъ неожиданнаго нападенія взять Ласіонъ на плоскогорьѣ Фолоэ; но затѣмъ аркадяне сами перешли въ наступленіе, на голову разбили элейцевъ въ одномъ сраженіи и завоевали города элейскаго нагорья, т. наз. Акрореи. Послѣ этого побѣдители двинулись къ Олимпіи, укрѣпили холмъ Кроноса, господствующій надъ святилищемъ, и заняли его гарнизономъ. Сосѣдняя Маргана въ Писатидѣ также перешла на аркадскую сторону, и аркадяне подступили къ самой столицѣ Элидѣ, гдѣ кипѣла распря между демократами и олигархами. Аркадянамъ удалось проникнуть въ открытый городъ и дойти до рынка, но затѣмъ они были вытѣснены гражданами обратно. Вслѣдствіе этого демократы, въ числѣ 400 человѣкъ, принуждены были покинуть городъ; съ помощью аркадянъ они взяли крѣпкій Пилосъ при сліяніи Пенея съ Ладономъ, и отсюда наводили страхъ на олигарховъ въ близлежащей столицѣ. Второе нападеніе

---

1) Diod. XV 79, который относитъ это событіе къ $364/_3$ году и сообщаетъ о немъ тотчасъ послѣ разсказа о морской экспедиціи Эпаминонда. Напротивъ, по Paus. IX 15, 3, т.-е. плутарховой *біографіи Эпаминонда*, Орхоменъ былъ разрушенъ въ то время, когда Эпаминондъ находился въ Ѳессаліи, силясь освободить Пелопида изъ рукъ Александра ферскаго. Я слѣдую тому источнику, который одинъ сообщаетъ намъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи.

2) Отголосокъ этихъ чувствъ—въ произнесенной 9 лѣтъ спустя рѣчи Демосѳена *пр. Лепт.* 109.

3) Paus. l. c.

аркадянъ на Элиду было отбито съ помощью ахеянъ (364); но богатая элейская равнина осталась беззащитной и была жестоко опустошена аркадянами. Въ то же время аркадяне завоевали въ Мессеніи города Кипариссію и Пилосъ, которые до сихъ поръ оставались вѣрны Спартѣ. Послѣ этого Архидамъ рѣшилъ напасть на Аркадію, чтобы дать оправиться элейцамъ; онъ взялъ небольшую крѣпость Кромнонъ близъ Мегалополя и оставилъ въ ней спартанскій гарнизонъ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ; аркадяне тотчасъ бросили Элиду и принялись осаждать Кромнонъ. Архидамъ снова выступилъ въ походъ, чтобы выручить крѣпость; но его атака на непріятельскую осадную линію была отбита, онъ самъ раненъ, и множество знатнѣйшихъ спартіатовъ легло на полѣ битвы. Такимъ образомъ, Кромнонъ попалъ въ руки аркадянъ; бо́льшая часть гарнизона, свыше 100 спартіатовъ и періэковъ, была взята въ плѣнъ.

Между тѣмъ элейцы снова заняли Пилосъ и Маргану; но какъ только сдача Кромнона развязала руки аркадянамъ, они снова обратились противъ Элиды, подкрѣпленные 2000 гоплитовъ изъ Аргоса и 400 аѳинскихъ всадниковъ. Было какъ-разъ время олимпійскихъ празднествъ (364), и аркадяне рѣшили сами руководить играми, чтобы такимъ образомъ наглядно доказать собравшимся эллинамъ, что хозяевами въ Писатидѣ являются они, аркадяне. Уже прошли бѣга на колесницахъ и бо́льшая часть гимнастическихъ состязаній, когда явились элейцы со своими союзниками ахеянами. Въ святилищѣ произошло сраженіе; элейцы проникли до середины Альтиды, но не устояли передъ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ и принуждены были отступить съ большимъ урономъ.

Такимъ образомъ, Олимпія, а вмѣстѣ съ нею и храмовыя сокровища, остались во власти аркадянъ. Ихъ вожди не могли устоять противъ искушенія заплатить изъ этихъ средствъ жалованье войску. Это вызвало въ благочестивомъ населеніи сильное неудовольствіе; Мантинея прямо заявила, что не намѣрена участвовать въ ограбленіи храма; въ концѣ концовъ и собраніе «десяти тысячъ» въ Мегалополѣ постановило, что впредь никто не долженъ трогать храмовой казны. А такъ какъ другихъ средствъ не было, то пришлось совершенно прекратить уплату жалованья воинамъ; вслѣдствіе этого подъ оружіемъ могли остаться только болѣе зажиточные граждане, тогда какъ бѣдные принуждены были покинуть войско. Естественнымъ результатомъ этихъ условій было то, что въ значительной части Аркадіи получили перевѣсъ зажиточные классы. Теперь было тотчасъ достигнуто соглашеніе съ Элидой: Аркадія отказалась отъ Олимпіи и

отъ руководства національнымъ празднествомъ и за то сохранила трифилійскіе города [1]).

Въ Өивахъ начали теперь опасаться, какъ бы Аркадія снова не перешла на спартанскую сторону, и рѣшили всѣми средствами предупредить опасность. Удобный случай для этого представилъ, казалось, тотъ моментъ, когда знатнѣйшіе люди изъ всѣхъ аркадскихъ городовъ собрались въ Тегеѣ, чтобы клятвенно подтвердить миръ съ Элидою. Въ Тегеѣ все еще находился беотійскій гарнизонъ въ 300 гоплитовъ; начальникъ этого отряда внезапно приказалъ запереть ворота и арестовать всѣхъ членовъ мирной партіи, какіе были на лицо. Но приказаніе было плохо исполнено: очень многимъ удалось во-время скрыться, а когда мантинейцы энергически заявили протестъ, беотійскій комендантъ оробѣлъ и выдалъ своихъ плѣнниковъ. Аркадяне конечно принесли жалобу өиванскому правительству; но Эпаминондъ отказался дать имъ удовлетвореніе и заявилъ, что самъ отправится въ Пелопоннесъ, чтобы водворить тамъ порядокъ. Теперь аркадскій союзъ распался: Мегалополь и Тегея, гдѣ еще сохраняла перевѣсъ радикальная демократія, остались вѣрны союзу съ Өивами, тогда какъ Мантинея и бо́льшая часть прочихъ городовъ рѣшили силою оружія воспрепятствовать вмѣшательству өиванцевъ въ пелопоннесскія дѣла. Съ этою цѣлью мантинейскіе аркадяне вступили въ союзъ съ Элидой, Ахеей и Флiунтомъ, и коалиція этихъ четырехъ государствъ въ свою очередь заключила союзъ съ Аөинами, причемъ обѣ договаривающіяся стороны гарантировали другъ другу цѣлость своихъ владѣній и неизмѣнность своихъ конституцій [2]). Старый союзъ между Мантинеей и Спартой также былъ возобновленъ, но, разумѣется, уже на началахъ полнаго равенства, такъ что верховное начальство должно было принадлежать тому изъ обоихъ государствъ, на территоріи котораго будетъ вестись война.

Такимъ образомъ, когда Эпаминондъ лѣтомъ 362 года, около времени жатвы, переходилъ Исөмъ, ему предстояла борьба съ могущественной коалиціей. Въ то время какъ непріятели собирались у Ман-

---

[1]) Xen. *Hell.* VII 4, 12—35, Diod. XV 77—78, Demosh. *за Мегалоп.* 16 Дата сраженія въ Альтидѣ опредѣляется временемъ олимпійскихъ празднествъ (Ol. 104). Битвы у Кро́мнона непосредственно предшествовали ему; но военныя дѣйствія у Ласіона и первая экспедиція аркадянъ противъ Элиды (Xen. *Hell.* VII 4, 12—18) относятся, очевидно, къ предыдущему 365 году.

[2]) Xen. *Hell.* VII 5, 1—3. Акты союзнаго договора съ Аөинами — *CIA.* II 57 b и 112, Dittenberger *Sylloge* 83, Köhler *Athen. Mitteil.* I (1876) стр. 197 слл.

тинеи, онъ черезъ Аргосъ двинулся къ Тегеѣ и попытался отсюда напасть на Спарту, гражданское ополченіе которой подъ предводительствомъ старика Агесилая въ это время находилось на пути въ Аркадію. Но Агесилай еще во-время получилъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, и нападеніе Эпаминонда снова, какъ восемь лѣтъ назадъ, было отражено. Вслѣдъ затѣмъ и союзники подоспѣли изъ Мантинеи на защиту Спарты, и такъ какъ Эпаминондъ не хотѣлъ принять сраженія въ Лаконіи, вдали отъ своего операціоннаго базиса, то ему не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ Тегею. Прибывъ сюда, онъ послалъ свою конницу противъ Мантинеи, гдѣ все населеніе какъ-разъ въ это время находилось на поляхъ, занятое сборомъ хлѣба, и гдѣ никто не ожидалъ нападенія. Но и на этотъ разъ его разсчетъ оказался невѣрнымъ, потому что, когда беотійскіе и ѳессалійскіе всадники подступили къ городу, туда только-что прибыла съ сѣвера аѳинская конница, которая немедленно напала на врага и задержала его до тѣхъ поръ, пока мантинейцы со своими стадами успѣли укрыться за стѣнами. Вскорѣ пришли и аѳинскіе гоплиты подъ начальствомъ Гегесилея, тогда какъ съ другой стороны къ городу подступили лакедемоняне и ихъ пелопоннесскіе союзники, такъ что вокругъ Мантинеи собралось около 20.000 человѣкъ [1]).

Если Эпаминондъ не хотѣлъ уйти теперь изъ Пелопоннеса ни съ чѣмъ, онъ долженъ былъ рѣшиться на большую открытую битву. Это было ему тѣмъ легче, что количественно его войско было по меньшей мѣрѣ равно непріятельскому, такъ какъ, кромѣ беотянъ, ѳессалійцевъ, локровъ и эвбеянъ, которые послѣдовали за нимъ черезъ Исѳмъ, онъ располагалъ ополченіями Сикіона, Аргоса, Мессены и южной Аркадіи. Сраженіе произошло на окруженномъ горами плоскогорьѣ Мантинеи, гдѣ уже однажды, полвѣка назадъ, рѣшалась оружіемъ участь Пелопоннеса. Какъ при Левктрахъ, Эпаминондъ построилъ своихъ беотійскихъ гоплитовъ на лѣвомъ крылѣ глубокой колонной, противопоставивъ ихъ мантинейцамъ и спартанцамъ, занимавшимъ правый флангъ непріятельскаго войска, союзные же отряды помѣстилъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ. Непріятель и на этотъ разъ

---

[1]) Xen. *Hell.* VII 5, 4—17, Polyb. IX 8 (съ нѣкоторыми погрѣшностями), Plut. *Ages.* 34, Diod. XV 82—84. О конной битвѣ при Мантинеѣ, гдѣ палъ сынъ Ксенофонта Гриллъ (Ephor. fr. 146 a, у Laert. Diog. II 54, Harpocr. и Suid. *Κηφισόδωρος)*—также Plut. *πότερον Ἀϑ.... ἐνδοξότεροι* 2 p. 346, Polyb. IX 8, Paus I 3, 4, VIII 9, 8.—Что аѳинскій полководецъ назывался Гегесилеемъ, а не Гегелохомъ, какъ называетъ его Діодоръ, — доказываютъ Xen *Πόροι* 3, 7 и Ephor. у Diog. l. c.

не устоялъ противъ могучаго натиска ѳиванцевъ. Лакедемоняне отступили, но лишь послѣ упорнаго боя, и самъ Эпаминондъ, который, стоя въ первомъ ряду, воодушевлялъ своихъ солдатъ, палъ, раненый на смерть, въ ту самую минуту, когда побѣда начала склоняться на сторону беотянъ. Смерть вождя смутила побѣдоносное войско; непріятель успѣлъ собраться съ духомъ и удержалъ часть поля битвы, такъ что каждая изъ сторонъ принуждена была просить противника о выдачѣ мертвыхъ, и обѣ могли воздвигнуть памятники побѣды. Величайшее изъ сраженій, происшедшихъ когда-либо между двумя греческими войсками, не привело ни къ какому окончательному результату [1]).

Въ виду такого исхода битвы и въ виду смерти своего лучшаго полководца, Ѳивы не могли болѣе думать о покореніи всего Пелопоннеса; а враги и вообще взялись за оружіе только для обороны своихъ владѣній и, отстоявъ послѣднія, тѣмъ самымъ достигли своей цѣли. Поэтому обѣ стороны легко пришли къ соглашенію. Былъ заключенъ всеобщій миръ на условіи сохраненія каждой изъ договаривающихся державъ ея автономіи и наличныхъ владѣній; сообразно съ этимъ была категорически признана независимость Мессеніи, и дѣленіе Аркадіи на сѣверный союзъ во главѣ съ Мантинеей и южный во главѣ съ Мегалополемъ осталось въ силѣ. Только Спарта уклонилас отъ участія въ мирѣ, такъ какъ не хотѣла отказаться отъ Мессеніи — не только изъ политическихъ соображеній, но прежде всего потому, что отказаться отъ Мессеніи значило бы отказаться отъ всякихъ притязаній на ту земельную собственность, которою спартанскіе граждане владѣли въ Мессеніи и которая составляла около половины

---

[1]) Xen. *Hell.* VII 5, 18—27, Diod. XV 84—87, разсказъ котораго о сраженіи бо́льшею частью невѣренъ, о смерти Эпаминонда Plut. *Ages.* 35, Paus. VIII 11, 5—10; Schaefer *Demosth.* III 3 слл. Сраженіе произошло около времени жатвы (Xen. *Hell.* VII 5, 14, см. выше, стр. 228), 12 скирофоріона (Plut. *πότερον 'Αθ... ἐνδοξότεροι* 7 p. 350), по Діодору и [Plut.] *Жизнеопис. 10 ораторов* p. 845—въ архонтство Харикліда, 363/2. Хотя дошедшій до насъ союзный договоръ между Аѳинами съ одной стороны, Мантинеей и ея союзниками съ другой датированъ лишь годомъ архонта Молона (362/1), но ничто не мѣшаетъ намъ допустить, что договоръ былъ окончательно подтвержденъ спустя нѣкоторое время послѣ сраженія. Въ противномъ случаѣ пришлось бы отнести сраженіе къ слѣдующему, 361 году, что̀ трудно признать вѣроятнымъ, если вспомнить, какъ Ксенофонтъ изображаетъ послѣдовательность событій въ Аркадіи начиная съ 364 года. Во всякомъ случаѣ, къ августу 362 года сраженіе не можетъ быть отнесено, какъ въ виду категорическихъ показаній Ксенофонта и Плутарха, такъ и въ виду извѣстій, содержащихся въ рѣчи *пр. Поликла* 4 p. 1207, сравн. *Att. Politik* автора, стр. 318 сл.

всѣхъ поземельныхъ владѣній спартанскаго гражданства. Такимъ образомъ, у истоковъ Эврота и на Тайгетѣ война продолжалась, и Ѳивы были принуждены все еще держать отрядъ войска въ Аркадіи для защиты своихъ союзниковъ; но война велась съ обѣихъ сторонъ вяло и ограничивалась опустошеніемъ пограничныхъ округовъ. Во всей остальной Греціи воцарился миръ, впрочемъ лишь на очень короткое время [1]).

Для Ѳивъ этотъ исходъ борьбы былъ равносиленъ пораженію; мечта объ установленіи беотійской гегемоніи въ Элладѣ погибла, и Ѳивы быстро упали съ той высоты, на которую поднялись въ послѣдніе годы. Крушеніе этихъ плановъ было обусловлено не смертью Эпаминонда. Правда, побѣдитель при Левктрахъ былъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ своего времени и всѣхъ временъ вообще; но онъ не обладалъ широкимъ кругозоромъ великаго государственнаго дѣятеля. Онъ не понялъ, что спартанская держава рухнула не вслѣдствіе пораженія при Левктрахъ, а потому, что система основанныхъ на гегемоніи союзовъ отжила свой вѣкъ. Поэтому всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобы доставить Ѳивамъ то самое положеніе, которое до сихъ поръ занимала Спарта. И для достиженія этой цѣли онъ пользовался тѣми же средствами, какія употребляла Спарта: союзомъ съ Персіей, политической пропагандой, военной оккупаціей стратегически важнѣйшихъ пунктовъ, наконецъ и прежде всего — правиломъ *divide et impera*. Въ Пелопоннесѣ онъ содѣйствовалъ основанію Мегалополя и возстановилъ Мессену, чтобы создать противовѣсъ Спартѣ, — и вполнѣ достигъ своей цѣли. Полуостровъ, который нѣкогда являлся твердыней Эллады, о который разбились волны персидскихъ нашествій, распался теперь на два равносильныхъ и взаимно грозящихъ другъ другу лагеря, и уже никогда болѣе не пріобрѣлъ руководящаго вліянія на греческую политику. Не Эпаминондъ былъ виновникомъ политическаго обезсиленія Ѳессаліи, но онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы предотвратить его; напротивъ, онъ пощадилъ тиранію въ Ферахъ, какъ противовѣсъ противъ ларисскихъ Алевадовъ. Наконецъ, только преждевременная смерть помѣшала ему сокрушить и морское владычество Аѳинъ и на мѣсто едва лишь возстановленнаго порядка водворить на Эгейскомъ морѣ дикій хаосъ. Правда, онъ сумѣлъ этими средствами на минуту доставить Ѳивамъ первое мѣсто среди греческихъ государствъ. Мысль о томъ, достанетъ ли силъ у Ѳивъ нести на себѣ колоссаль-

---

[1]) Diod. XV 89, Plut. *Ages.* 35.

ное бремя созданной имъ державы, повидимому, совсѣмъ не приходила ему въ голову, — по крайней мѣрѣ онъ не принялъ никакихъ серьезныхъ мѣръ, чтобы снабдить эту державу болѣе широкимъ фундаментомъ, чѣмъ тотъ, который представляла Беотія. Мало того, онъ не сумѣлъ даже сплотить въ одно цѣлое съ Ѳивами второстепенные города Беотіи; что же касается внѣ-беотійскихъ союзниковъ, то онъ даже не сдѣлалъ попытки органически связать ихъ съ Ѳивами. Еще ему самому, во время его послѣдней экспедиціи въ Пелопоннесъ, фокійцы отказали въ военной помощи на томъ основаніи, что они-де обязаны поддерживать Ѳивы противъ непріятельскихъ нашествій, но не обязаны принимать участіе во внѣшнихъ походахъ. Когда затѣмъ престижъ Ѳивъ былъ поколебленъ пораженіемъ при Мантинеѣ,—повсюду начались отложенія, и могущество Ѳивъ рухнуло почти такъ же, какъ рухнуло могущество Спарты послѣ пораженія при Левктрахъ. Такъ осудила исторія политическую дѣятельность Эпаминонда.

ГЛАВА VII.

Распаденіе великихъ державъ Эллады.

Изъ двухъ державъ, которыя по Анталкидову миру раздѣлили между собою владычество надъ греческимъ Востокомъ, одна—Спарта—пала, сокрушенная могуществомъ демократической идеи и магической формулой «автономія отдѣльныхъ государствъ», которую она сама произнесла, въ надеждѣ, раздробивъ націю, тѣмъ легче властвовать надъ нею. Одну минуту казалось, что и другой изъ тѣхъ двухъ державъ—персидской монархіи—грозитъ такая же участь. Правда, Кипръ былъ возвращенъ къ покорности, и возстаніе, которое пытались вызвать въ Іоніи Глосъ и Тахосъ, прекратилось само собою. Но Египетъ—самая богатая и самая важная изъ береговыхъ провинцій—все еще сохранялъ свою независимость, и персидскій царь справедливо считалъ покореніе этой страны самою настойчивой своей задачей. Оно казалось тѣмъ болѣе легкимъ, что въ послѣдніе годы кипрской войны Египетъ былъ ослабленъ смутами изъ-за престолонаслѣдія, тогда какъ Персія послѣ подчиненія Эвагора могла употребить всѣ свои силы на экспедицію въ нильскую долину [1]).

---

[1]) Между Акоритомъ (который царствовалъ еще послѣ морского сраженія при Китіонѣ, 381 г., Diod. XV 8, 1, сравн. выше стр. 173) и Нектанебомъ (который вступилъ на престолъ до подчиненія Эвагора и отозванія Хабрія изъ Египта, около конца 380 г., Theop. fr. 111 и Nep. *Chabr*. 2, 1) египетскій списокъ фараоновъ называетъ 3 царей, Псаммуѳа, Муѳа и Неѳерита II, изъ которыхъ первые двое царствовали будто бы по 1 году, послѣдній 4 мѣсяца. Повидимому, въ это время шла борьба изъ-за престола и одновременно было по два фараона. Что Нектанебъ воцарился съ помощью Хабрія, это слѣдуетъ, повидимому, изъ Nep. l. c.

Въ виду этого царь добился въ Аѳинахъ отозванія Хабрія, который послѣ Анталкидова мира вступилъ въ службу египетскаго царя и преобразовалъ его войско, а главное — посредствомъ обширной системы укрѣпленій оградилъ страну противъ непріятельскихъ нашествій [1]). Близъ Аки въ Финикіи было собрано огромное персидское войско подъ командою Фарнабаза; начальство надъ греческими наемными войсками, состоявшими, по преданію, изъ 12,000 человѣкъ, было ввѣрено самому знаменитому полководцу того времени Ификрату, котораго Фарнабазъ выпросилъ себѣ у царя въ товарищи. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ приготовленій, въ началѣ 373 года армія выступила въ походъ. Персы благополучно достигли Пелусія у восточнаго устья Нила, однако не рѣшились атаковать сильные непріятельскіе окопы. Поэтому часть персидскаго флота передвинулась вдоль берега къ мендесійскому устью и здѣсь высадила на берегъ отрядъ въ 3000 человѣкъ; подоспѣвшія на помощь египетскія войска были отбиты и крѣпость, прикрывавшая устье рѣки, взята штурмомъ. Затѣмъ Ификратъ предложилъ немедленно подняться вверхъ по Нилу до Мемфиса и посредствомъ внезапнаго нападенія взять слабо-защищенную столицу, что̀ вѣроятно имѣло бы рѣшающее значеніе. Но Фарнабазъ не хотѣлъ и слышать о столь смѣломъ предпріятіи; напротивъ, онъ велѣлъ привести главную армію, и тѣмъ далъ египтянамъ время съ своей стороны занять войсками опасные пункты. Такимъ образомъ дальнѣйшее наступленіе было отрѣзано персамъ, и такъ какъ вскорѣ наступило разлитіе Нила, то имъ не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ Сирію. Ификратъ, опасаясь сдѣлаться козломъ отпущенія за неудачу похода, бѣжалъ въ Аѳины, гдѣ тотчасъ былъ избранъ въ стратеги [2]).

Этотъ новый неуспѣхъ противъ Египта естественно долженъ былъ отразиться и на самой Персіи. Спустя немного лѣтъ въ нижнихъ провинціяхъ государства одинъ за другимъ возсталъ цѣлый

---

1) Diod. XV 29. Nep. *Chabr.* 2, 3; 3, 1; на 379/8 г. Хабрій уже былъ избранъ стратегомъ въ Аѳинахъ (Xen. *Hell.* V 4, 14, сравн. *Attische Politik* автора, стр. 315). О *Χαβρίου χάραξ* къ востоку отъ Пелусія упоминаетъ Страбонъ XVI 760, подробнѣе у Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 158 сл. Правда, позднѣе, послѣ битвы при Мантинеѣ, Хабрій еще разъ дѣйствовалъ въ Египтѣ, см. ниже стр. 235.

2) Diod. XV 29. 41—43, Nep. *Iphicr.* 2, 4. Діодоръ относитъ походъ къ году архонтства Сокикрата, 374/3, что̀, должно быть, вѣрно, такъ какъ осенью 373 года мы снова находимъ Ификрата въ Аѳинахъ (см. выше стр. 195). Разумѣется, возможно́ также, что походъ былъ совершенъ еще въ предшествующемъ, 375/4 году.

рядъ сатраповъ. Первымъ возмутился Датамъ, намѣстникъ Каппадокіи, знаменитый полководецъ, подчинившій своей власти и Пафлагонію и греческій городъ Синопъ (выше стр. 147), за нимъ—Аріобарзанъ, сатрапъ Фригіи на Геллеспонтѣ. Тщетно сатрапъ Лидіи Автофрадатъ во главѣ большого войска пытался вернуть Датама къ покорности; не одолѣвъ его, онъ обратился противъ Аріобарзана, но и послѣднему удалось съ помощью аѳинянъ и спартанцевъ дать отпоръ царскому военачальнику (выше стр. 218). Послѣ этого мятежъ сталъ быстро распространяться въ Передней Азіи. Къ возстанію примкнули Оронтъ, сатрапъ Эолиды и Іоніи [1]), Мавсоллъ, владыка Каріи, подъ конецъ даже самъ Автофрадатъ, равно какъ горныя племена въ южной части полуострова отъ Ликіи до Киликіи и финикійскіе города. Почти вся часть Азіи, лежащая по сю сторону Евфрата, была потеряна для персидскаго царя [2]).

Мятежники тотчасъ завязали сношенія съ царемъ Тахомъ, кото-

---

1) Diod. XV 90, 3 называетъ его сатрапомъ Мисіи. Но Мисія никогда не была персидской сатрапіей; внутренняя часть страны была независима, берегъ Пропонтиды и Троада принадлежали къ даскилейской сатрапіи. Напротивъ, береговыя области на западѣ Малой Азіи, завоеванныя во время Пелопоннесской и затѣмъ снова во время Коринѳской войны, а именно сѣверная Іонія, Эолида и, кажется, также принадлежащая къ Мисіи въ широкомъ смыслѣ Теѳранія, были соединены въ одну провинцію, которою во времена Кира управлялъ Тамъ, а послѣ Коринѳской войны—его сынъ Глосъ. Эта береговая область, по величинѣ не многимъ уступавшая внутренней Лидіи, а по экономическому значенію вѣроятно превосходившая ее, составляла первоначально часть сардской сатрапіи (еще въ 387 г., Xen. *Hell.* V 1, 28), но затѣмъ, какъ и Карія, была отдѣлена отъ нея, вѣроятно послѣ паденія Тирибаза и подавленія возстанія Глоса и Таха. Что Оронтъ властвовалъ здѣсь, показываютъ чеканенныя имъ въ Клазоменахъ и въ Іоллѣ у Адрамиттіона (или въ Лампсакѣ?) монеты, пергамская надпись Fränkel *Inschr. v. Pergam* II 613, аѳинскій декретъ *CIA.* II 108, а также разсказъ Діодора; съ другой стороны, онъ, по крайней мѣрѣ въ это время, но вѣроятно и позднѣе, не былъ сатрапомъ Сардъ. Подробнѣе объ Оронтѣ Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 221 сл.—Замѣчу по адресу послѣдняго издателя Діодора, что эмендація Диндорфа ἐθνῶν вм. рукописнаго ἰώνων XV 90, 3 кажется мнѣ какъ палеографически, такъ и по существу вполнѣ несомнѣнной.

2) Diod. XV 90, Nep. *Datam.* 7—8, объ отложеніи Аріобарзана см. выше стр. 217 сл. Діодоръ относитъ возстаніе сатраповъ къ 362/1 году, что, вѣроятно, приблизительно вѣрно, такъ какъ Тахъ, поддерживавшій возстаніе, согласно египетскому списку фараоновъ царствовалъ только два года и былъ свергнутъ въ 361 или въ слѣдующемъ году (ниже стр. 235 прим. 2). Въ 360/59 году возстаніе уже было усмирено (ниже стр. 237 прим. 1). Относительно подробностей этихъ событій мы имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія. Сравн. Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 190 сл.

рый около этого времени смѣнилъ Нектанеба на египетскомъ престолѣ, и фараонъ съ радостью ухватился за представившійся ему здѣсь случай нанести рѣшительный ударъ Персіи и тѣмъ упрочить независимость своего государства. Спарта также примкнула къ коалиціи, и старый царь Агесилай съ 1000 человѣкъ отправился въ Египетъ (361). Аѳины хотя и не стали открыто на сторону Египта, однако не запретили Хабрію снова принять службу въ Египтѣ, гдѣ Тахъ назначилъ его начальникомъ флота [1]).

Тахъ и Агесилай двинулись въ Сирію, чтобы поддержать возставшихъ сатраповъ. Но едва они пришли въ Финикію, какъ въ египетскомъ войскѣ вспыхнулъ мятежъ, и Нектанебъ, двоюродный братъ Таха, былъ провозглашенъ фараономъ. Агесилай, отъ чьего поведенія теперь все зависѣло, не имѣлъ никакой надобности навязывать царя египтянамъ противъ ихъ воли; притомъ, онъ былъ раздраженъ противъ Таха, такъ какъ послѣдній не ввѣрилъ ему начальства надъ всей арміей. Поэтому онъ сталъ на сторону Нектанеба, и всѣми покинутому Таху не оставалось ничего другого, какъ бѣжать къ царю Артаксерксу. Онъ встрѣтилъ тамъ хорошій пріемъ: такой претендентъ могъ оказать большія услуги въ борьбѣ съ Египтомъ.

Но тѣмъ временемъ въ Мендесѣ, въ египетской Дельтѣ, былъ провозглашенъ новый фараонъ, пріобрѣвшій вскорѣ большое число приверженцевъ; въ виду этого Нектанебъ принужденъ былъ прервать свой походъ и вернуться въ Египетъ. Вслѣдствіе громаднаго численнаго перевѣса непріятеля онъ вскорѣ попалъ здѣсь въ очень затруднительное положеніе, и только благодаря искусной тактикѣ Агесилая и храбрости своихъ греческихъ войскъ сохранилъ тронъ. При этихъ условіяхъ конечно нельзя было и думать о возобновленіи наступательныхъ дѣйствій противъ Персіи; поэтому Агесилай не пожелалъ долѣе оставаться въ Египтѣ и, получивъ отъ Нектанеба щедрое вознагражденіе, отплылъ домой. Но ему болѣе не было суждено увидѣть родину. На пути въ Кирену, близъ гавани Менелая у сѣвернаго берега Ливіи престарѣлый царь былъ застигнутъ смертью, на 84-мъ году своей жизни. По древнему обычаю трупъ его былъ набальзамированъ и привезенъ въ Спарту, гдѣ погребенъ въ семейной усыпальницѣ Эврипонтидовъ [2]).

---

[1]) Объ отношеніяхъ Аѳинъ къ Таху сравн. *CIA*. II 60.

[2]) [Xen.] *Ages*. II 28—31, Plut. *Ages*. 36—40, Nep. *Ages*. 8, Diod. XV 92—93. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій сравн. Wiedemann *Gesch. Aegyptens von Psammetich bis Alexander*. Лейпцигъ 1880, стр. 289—297, Judeich *Kleinas. Studien* стр. 166 слл. Діодоръ смѣшиваетъ оба египетскихъ возста-

Между тѣмъ коалиція сатраповъ распалась такъ же быстро, какъ и образовалась, потому что всѣ эти намѣстники были въ сущности вѣрноподданными персидскаго царя, которымъ мысль о пріобрѣтеніи самостоятельной власти была совершенно чужда и которые взялись за оружіе только для защиты своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ, или для собственнаго спасенія [1]). Та же лойяльность господствовала, конечно, — и еще въ большей степени — среди знатныхъ персовъ, которые окружали сатраповъ; поэтому царь легко могъ привлечь на свою сторону часть мятежниковъ или возстановить противъ нихъ ихъ собственныхъ товарищей. Вспыхнувшая въ Египтѣ междоусобная война должна была ускорить катастрофу, такъ какъ лишила мятежниковъ ихъ главной опоры. И вотъ Реомитръ далъ царскимъ полководцамъ случай захватить военные корабли и деньги, которые онъ получилъ отъ Таха для поддержки мятежныхъ сатраповъ. Оронтъ, избранный сатрапами въ главнокомандующіе, со всѣмъ своимъ войскомъ передался царю [2]). Даже собственный сынъ Аріобарзана, Митридатъ, измѣнилъ дѣлу своего отца; онъ убилъ Датама, лучшаго полководца возставшихъ, сумѣвшаго до сихъ поръ отразить всѣ нападенія [3]), а затѣмъ выдалъ и Аріобарзана царю, который велѣлъ распять его. Послѣ этого остальные сатрапы поспѣшили изъявить покорность и зато были утверждены въ своихъ званіяхъ; Артабазъ, командовавшій царскимъ войскомъ въ войнѣ съ Датамомъ,

---

нія, которыя быстро слѣдовали одно за другимъ, и потому Агесилай воюетъ у него съ Нектанебомъ за Таха; Плутархъ излагаетъ событія правильно. Агесилай умеръ зимою или поздней осенью ([Xen.] *Ages.* II 31, Plut. *Ages.* 40); въ Египтѣ онъ провелъ вѣроятно не болѣе одного лѣта. Такъ какъ онъ лѣтомъ 362 года воевалъ въ Пелопоннесѣ, то очевидно, что онъ умеръ не ранѣе конца 361 года. Съ этимъ согласуется и показаніе Діодора, только Діодоръ излагаетъ весь египетскій походъ подъ годомъ Молона ($362/_1$), въ который онъ начался. О томъ, сколько лѣтъ царствовалъ Агесилай, Діодоръ не сообщаетъ. По Plut. *Ages.* 40 Агесилай царствовалъ 41 годъ; если перевести счетъ на аттическіе годы и принять, что Агесилай вступилъ на престолъ еще въ $401/_0$ году, то послѣднимъ годомъ его царствованія окажется $361/_0$-ый, а если включить оба предѣльныхъ года, то его смерть придется отнести опять-таки на осень 361 года. Возможно еще, разумѣется, что египетскій походъ Агесилая и его смерть относятся лишь къ 360 или даже 359 году, но это почти невѣроятно.—Хабрій весною 359 года уже снова находился въ Аѳинахъ, гдѣ онъ былъ избранъ въ стратеги на $359/_8$ годъ, сравн. Schaefer *Demosth.* I² 161.

1) Сравн. слова Фарнабаза у Xen. *Hell.* IV 1, 37, *Ages.* III 5.

2) Diod. XV 91—92, Xen. *Cyrop.* VIII 8, 4.

3) Nep. *Datam.* 9—11.

получилъ сатрапію Аріобарзана, Малую Фригію, на которую и безъ того имѣлъ право, какъ сынъ Фарнабаза. Власть персидскаго царя была снова утверждена во всей Азіи (360) [1]).

Аѳины не вмѣшивались въ эту борьбу. Онѣ были дружны съ Аріобарзаномъ и Египтомъ, но находились въ довольно хорошихъ отношеніяхъ и съ персидскимъ царемъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ призналъ права Аѳинъ на Амфиполь; а главное, вниманіе Аѳинъ все еще было всецѣло занято греческими дѣлами. Правда, смерть Эпаминонда при Мантинеѣ избавила Аѳины отъ ихъ опаснѣйшаго врага, и съ тѣхъ поръ ни одна ѳиванская эскадра болѣе не показывалась на морѣ; но союзникъ Ѳивъ Александръ ферскій одинъ продолжалъ морскую войну съ Аѳинами, и если онъ и былъ слишкомъ слабъ, чтобы причинять много вреда, то все-таки его смѣлые разбойничьи походы стали сильно докучать аѳинянамъ. Такъ, вскорѣ послѣ битвы при Мантинеѣ его флотъ напалъ на островъ Теносъ и увелъ часть его жителей въ плѣнъ (августъ 362 г.); въ слѣдующемъ году онъ высадилъ отрядъ своихъ наемниковъ на островъ Пепареѳъ, лежащій насупротивъ берега Магнесіи, и приступилъ къ осадѣ главнаго города. Аѳиняне послали эскадру на помощь союзному острову, но Александръ неожиданно напалъ на нее, нанесъ ей полное пораженіе и захватилъ шесть тріеръ съ 600 плѣнниковъ. Затѣмъ онъ направился къ Пирею, гдѣ никто не ждалъ нападенія; онъ безпрепятственно проникъ въ гавань, разграбилъ банкирскія конторы на базарѣ (*δεῖγμα*) и прежде, чѣмъ подоспѣла помощь изъ города, удалился со своей добычей [2]). Послѣ этого аѳиняне заклю-

---

[1]) Аріобарзанъ былъ, безъ сомнѣнія, близкимъ родственникомъ Фарнабаза Его имя впервые упоминается въ 405 году (Xen. *Hell.* I 4, 7); когда Фарнабазъ около 390 г. былъ отозванъ къ царю, онъ принялъ управленіе Малой Фригіей (Xen. *Hell.* V 1, 28), которое и сохранялъ съ тѣхъ поръ. Объ его смерти Xen. *Cyrop.* VIII 8, 4, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1312 a, Harpocr. *Ἀριοβαρζάνης*. Въ 360/59 году Артабазъ былъ уже сатрапомъ Фригіи (Demosth. *пр. Аристокр.* 154—6, Schaefer *Demosth.* I² 155 сл.); по всей вѣроятности, онъ былъ сыномъ Фарнабаза и Апамы, одной изъ дочерей Артаксеркса, на которой Фарнабазъ женился около 387 года (Plut. *Artox.* 27, Xen. *Hell.* I 5, 28). Сообщеніе Курціуса VI 5, 3, что Артабазу въ 330 году было 95 лѣтъ и что онъ, слѣдовательно, родился въ 425-мъ, навѣрное ложно, потому что онъ женился на сестрѣ Ментора и Мемнона около 360 года (Demosth. *пр. Аристокр.* 157), а отъ этой жены онъ имѣлъ 11 сыновей и 10 дочерей (Diod. XVI 52, 4, сравн. Curtius VI 5, 4); слѣдовательно, въ 360—340 гг. онъ не могъ быть старикомъ 65—85 лѣтъ.

[2]) Diod. XV 95, [Demosth.] *пр. Поликла* 5 p. 1207, Polyaen. VI 2.

чили союзъ съ ѳессалійцами, которые также вели войну съ Александромъ (361/0) [1]). Однако и теперь не удалось одолѣть Александра, и онъ сохранилъ свою власть, пока въ 358 г. по наущенію своей жены Ѳебы, дочери Ясона, не былъ убитъ ея братьями Тисифономъ, Ликофрономъ и Пиѳолаемъ, которые и захватили господство надъ Ферами [2])

Во Ѳракіи аѳинское оружіе въ эти годы также терпѣло неудачу за неудачей. Тамъ громадное царство одрисовъ со времени пелопоннесской войны постепенно пришло въ упадокъ [3]). Царь Ситалкъ (см. выше, т. I стр. 419) въ 424 году палъ въ битвѣ съ трибаллами на нижнемъ Дунаѣ; его наслѣдникъ Севѳъ въ началѣ сохранялъ державу въ прежнемъ объемѣ, но уже при немъ или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ его смерти, вспыхнули внутреннія смуты, слѣдствіемъ которыхъ было распаденіе монархіи на рядъ мелкихъ государствъ. Дикіе трибаллы, пользуясь слабостью своихъ южныхъ сосѣдей, предпринимали опустошительные набѣги до береговъ Эгейскаго моря; во время одного изъ такихъ нашествій бо́льшая часть гражданъ Абдеры, выступившихъ въ поле для защиты своей области, была перебита варварами, и только появленіе аѳинскаго флота подъ начальствомъ Хабрія спасло городъ отъ гибели (375) [4]). Наконецъ царю Котису (384 — 360) удалось снова объединить страну, главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ аѳинянина Ификрата, которому онъ отдалъ въ жены свою дочь [5]). Впрочемъ, и Котису въ продолженіе всего его царствованія приходилось бороться съ мятежами.

Дружескія отношенія съ Аѳинами, существовавшія уже при Ситалкѣ, продолжались и при его преемникахъ до тѣхъ поръ, пока

[1]) *CIA.* IV 2, 59 b, сравн. II 88. Послѣдній документъ относится во всякомъ случаѣ не къ договору съ Ясономъ, потому что, если бы и былъ заключенъ такой союзъ, что̀ очень сомнительно, то онъ долженъ былъ бы относиться къ тому времени, когда Ясонъ еще не былъ тагосомъ Ѳессаліи.

[2]) Xen. *Hell.* VI 4, 35 слл., Plut. *Pelop.* 35, Diod. XVI 14. Такъ какъ Александръ по Diod. XV 61 царствовалъ 11 лѣтъ и вступилъ на престолъ въ 369 году, то очевидно, что онъ былъ убитъ въ 358 году; по Schol. Aristid. p. 298 Dind. Тисиѳонъ въ 357 году прислалъ корабли на помощь ѳиванцамъ во время ихъ похода на Эвбею. О супругѣ Александра см. Plut. *Pelop.* 28.

[3]) Для дальнѣйшаго сравн. Höck *Das Odrysenreich in Thrakien*, *Hermes XXVI* (1891) стр. 76 слл. и 453 слл.

[4]) Diod. XV 36, Schol. Arist. *Panath.* p. 275 Dind.

[5]) Ификратъ женился на дочери Котиса вѣроятно до своего египетскаго похода (см. выше стр. 233), такъ какъ его сынъ отъ этого брака Менесѳей (Nep. *Iphicr.* 3, 4) въ 356 году занималъ должность стратега въ Аѳинахъ. Сравн. также Schaefer *Demosth.* III 142.

Тимоѳей занялъ Сестъ, на который заявлялъ притязанія и Котисъ. Дѣло дошло до войны, и вначалѣ Ификратъ командовалъ флотомъ своего тестя; но затѣмъ онъ покинулъ Ѳракію, не желая сражаться противъ своихъ согражданъ. Несмотря на это Котису удалось овладѣть важнымъ Сестомъ (въ началѣ 360 г.); аѳиняне удержали на Херсонесѣ только Элей и Криѳоту [1]).

Не большимъ успѣхомъ увѣнчались военныя дѣйствія аѳинянъ противъ Амфиполя. Македонскій царь Пердикка уже достаточно окрѣпъ, чтобы болѣе не нуждаться въ поддержкѣ аѳинянъ; поэтому онъ взялъ Амфиполь подъ свою защиту и послалъ туда гарнизонъ. При этихъ условіяхъ преемнику Тимоѳея въ командованіи на этомъ побережьи, аѳинскому стратегу Каллисѳену, не оставалось ничего другого, какъ заключить миръ съ Пердиккою на условіяхъ сохраненія каждою изъ сторонъ ея наличныхъ владѣній. Но аѳинское народное собраніе отвергло этотъ договоръ, и Тимоѳей снова двинулся въ Македонію, но попалъ передъ Амфиполемъ въ такое затруднительное положеніе, что принужденъ былъ снять осаду и сжечь свой флотъ на Стримонѣ (360) [2]).

Эти неудачи были вполнѣ естественны, такъ какъ аѳиняне вели войну съ крайне недостаточными средствами; но отвѣтственность пала, конечно, на полководцевъ, и послѣдовалъ рядъ процессовъ. Несчастные стратеги одинъ за другимъ были преданы суду и большинство изъ нихъ присуждено либо къ большимъ денежнымъ штрафамъ, либо даже къ смерти; только Тимоѳея обвинители не рѣшились тронуть, а Ификратъ въ эти годы благоразумно держался вдали отъ Аѳинъ [3]). За-то Каллистратъ попалъ въ число подсудимыхъ.

---

1) Главные источники — Demosth. *пр. Аристокр.* и рѣчь *пр. Поликла*, сравн. Schaefer *Demosth.* I² 153 сля., Höck l. c. стр. 93 сля.

2) Македонскій гарнизонъ въ Амфиполѣ Diod. XVI 3, 3, договоръ Каллисѳена Aesch. *о посольствѣ* 30, походъ Тимоѳея Schol. Aesch. *о пос.* 31, Polyaen. III 10, 8.—На театрѣ военныхъ дѣйствій у Геллеспонта командовали Тимоѳей ($365/_4$), Лахесъ ($364/_3$), Эргофилъ ($363/_2$), Автоклъ ($362/_1$), Менонъ (361), Тимомахъ ($361/_0$), Кефисодотъ ($360/_{59}$); военными дѣйствіями противъ Амфиполя руководили Ификратъ (368 — 364), Тимоѳей (364 — 362), Каллисѳенъ ($362/_1$), Тимомахъ ($361/_0$), Тимоѳей ($360/_{59}$), Мантій ($359/_8$). Ссылки на источники см. въ *Attische Politik* автора стр. 317 сля., гдѣ стратегія Каллисѳена ошибочно отнесена къ $363/_2$ году, — сравн. *CIA.* II 55, откуда слѣдуетъ, что въ то время противъ Амфиполя командовалъ еще Тимоѳей.

3) Сравн. относительно этихъ процессовъ *Attische Politik* автора, стр. 159 сл. Ификратъ въ это время жилъ въ Антиссѣ на Лесбосѣ (Demosth. *пр. Аристокр.* 132); процессъ Аполлодора противъ Тимоѳея ([Demosth.] *пр. Тимоѳ.)* былъ частной тяжбой, а не политическимъ процессомъ.

Правда, онъ не принадлежалъ къ числу военачальниковъ, но онъ былъ однимъ изъ руководящихъ политическихъ дѣятелей, и, какъ раньше потеря Оропа, такъ теперь были поставлены ему въ вину военныя неудачи. Онъ былъ самымъ замѣчательнымъ ораторомъ тогдашнихъ Аѳинъ; но въ виду господствующаго раздраженія онъ не рѣшился защищаться и изгнанникомъ удалился въ Македонію (361). Оттуда онъ уже ближайшей зимою сдѣлалъ попытку вернуться въ Аѳины, съ помощью своего шурина Тимомаха, командовавшаго въ это время аѳинской эскадрой во ѳракійскихъ водахъ; однако эта попытка не удалась и привела лишь къ тому, что и Тимомахъ подвергся изгнанію. Но спустя нѣсколько лѣтъ Каллистратъ дѣйствительно осуществилъ свой планъ: одинъ, какъ просящій защиты, пришелъ онъ въ Аѳины и сѣлъ у алтаря двѣнадцати боговъ. Но ни одна рука не поднялась для его спасенія; судебный приговоръ вступилъ въ силу, и великій государственный дѣятель былъ казненъ [1]).

Обвинителями во всѣхъ этихъ процессахъ выступали, разумѣется, преимущественно молодые адвокаты, какъ Гиперидъ изъ Коллита, блестящій ораторъ, добывшій при этомъ случаѣ свои первые лавры [2]). Но починъ, по крайней мѣрѣ въ процессѣ противъ Каллистрата, исходилъ, безъ сомнѣнія, отъ Тимоѳея, мстившаго Каллистрату за то обвиненіе, благодаря которому онъ 12 лѣтъ назадъ лишился своего руководящаго положенія. Во всякомъ случаѣ, руководителемъ аѳинской политики въ ближайшіе годы былъ Тимоѳей. Ему главнымъ образомъ были обязаны Аѳины возвращеніемъ Эвбеи, которая послѣ сраженія при Левктрахъ отложилась къ Ѳивамъ, а теперь снова прибѣгла подъ защиту Аѳинъ (357). По предложенію Тимоѳея на островъ тотчасъ было послано войско, беотійскіе отряды изгнаны и Эвбея снова принята въ аѳинскій морской союзъ [3]).

Столь же важные успѣхи были достигнуты вскорѣ послѣ этого и во Ѳракіи. Здѣсь царь Котисъ въ 360 году былъ убитъ [4]), и въ

---

[1]) Hyperid. *за Эвкс.* 18. 23, Lycurg. *пр. Леокр.* 93. Изъ [Demosth.] *пр. Помикла* 48 p. 1221 слѣдуетъ, что зимою 361/0 г. Каллистратъ уже находился въ изгнаніи; значитъ, обвиненіе противъ него было возбуждено вскорѣ послѣ битвы при Мантинеѣ, потому что незадолго до этой битвы мы находимъ его въ качествѣ посла въ Пелопоннесѣ (Nep. *Epam.* 6, Plut. *Πολιτ. παραγγ.* 14 p. 810, *'Αποφθ. 'Επαμ.* 15 p. 193, сравн. Schaefer *Demosth.* I² 127 прим.).

[2]) Рѣчи *κατὰ 'Αριστοφῶντος παρανόμων* (сюда Schol. Aesch. *пр. Тим.* 64, *CIA.* IV 2, 54 b) и *κατ' Αὐτοκλέους προδοσίας.*

[3]) Diod. XVI 7, Demosth. *περὶ τῶν ἐν Χερσονήσῳ* 74 сл., *CIA.* IV 2, 64 (отъ 357/6 г.) II 65. Подробнѣе у Schaefer *Demosth.* I² стр. 162 сл.

[4]) Когда аѳинскій стратегъ Кефисодотъ прибылъ въ Геллеспонтъ, вѣроятно

странѣ одрисовъ вспыхнула распря за престолонаслѣдіе. Противъ законнаго наслѣдника, Керсоблепта, сына убитаго царя, выступили претендентами два принца изъ царской фамиліи, Амадокъ и Берисадъ; и хотя начальникъ наемныхъ войскъ Котиса, Харидемъ, спасъ престолъ сыну своего господина, но принудить къ покорности двухъ другихъ принцевъ онъ оказался не въ силахъ. Въ концѣ-концовъ состоялось соглашеніе, по которому государство было раздѣлено между всѣми тремя претендентами: Керсоблептъ получилъ область на Пропонтидѣ и долину Гебра, Амадокъ—побережье отъ Эна до Маронеи, Берисадъ—остальную часть страны до македонской границы; Херсонесъ былъ присужденъ Аѳинамъ за исключеніемъ Кардіи, которая должна была остаться независимой. Но такъ какъ аѳинскаго флота не было на лицо, то Керсоблептъ отказался выдать Херсонесъ. Только теперь аѳиняне взялись за дѣло серьезно. Тотчасъ послѣ покоренія Эвбеи въ Геллеспонтъ было послано наемное войско подъ начальствомъ Хареса, Сестъ былъ взятъ штурмомъ, граждане его въ наказаніе за измѣну и для устрашенія другихъ казнены, а женщины и дѣти проданы въ рабство. Эта мѣра подѣйствовала; Керсоблептъ формально уступилъ Херсонесъ, который и былъ розданъ аѳинскимъ клерухамъ (357) [1]).

Около этого же времени въ Македоніи произошли событія, сдѣлавшія достиженіе той цѣли, къ которой Аѳины стремились уже де-

---

осенью 360 года и не позднѣе весны 359-го (Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 51), Котисъ только-что былъ убитъ (Demosth. *пр. Аристокр.* 163 слл.). Сообщеніе Гегесандра дельфійскаго, собирателя анекдотовъ II в. до Р. Х., согласно которому Котисъ царствовалъ еще во времена Филиппа (т.-е. около 359 г Hegesandr. fr. 6 у Athen. XII 248 e), не имѣетъ никакого научнаго значенія, во-первыхъ потому, что это анекдотъ (то же самое разсказываютъ о Діонисіи и Дамоклѣ, Tim. fr. 127), во-вторыхъ потому, что оно заставляетъ предполагать, что Филиппъ уже находился на вершинѣ своего могущества. А Theopomp. fr. 33 отнюдь не доказываетъ, что Котисъ еще былъ живъ, когда Филиппъ прибылъ въ Онукарсисъ. Вопросъ былъ правильно рѣшенъ уже Гротомъ, X стр. 136.

[1]) Demosth. *пр. Аристокр.*, Schaefer *Demosth.* I² стр. 157 слл., Höck *Hermes* XXVI, 1891, стр. 100 слл. Diod. XVI 34 помѣщаетъ взятіе Сеста лишь подъ $353/_2$ г., но рѣчь противъ Аристократа доказываетъ, что весь Херсонесъ находился во власти аѳинянъ со времени похода Хареса, сравн. Volquardsen *Diodor* стр. 117, Grote X 140 прим. 2. Въ морскомъ декретѣ *CIA.* II 795 *(f* 134), отъ $353/_2$ года, названы тріеры [ὧν οἱ] *οἰκισταὶ ἔχουσι* [*οἱ εἰς Χερ*]*ρόνησον;* но отсюда конечно вовсе не слѣдуетъ, что Сестъ былъ завоеванъ только въ этомъ году. Отрывокъ договора между Аѳинами и ѳракійскими царями *CIA.* IV 2, 65 b.

сять лѣтъ,—именно возвращеніе Амфиполя—повидимому вопросомъ самаго близкаго будущаго. Царь Пердикка палъ въ большой битвѣ съ иллирійцами (359), и значительная часть Верхней Македоніи попала въ руки варваровъ. Сѣверные сосѣди Македоніи, пэонійцы, воспользовались удобнымъ случаемъ для опустошительнаго набѣга. Послѣ этого отовсюду появились претенденты на вакантный престолъ, потому что законный наслѣдникъ, сынъ Пердикки Аминта, былъ еще ребенкомъ. Павсаній, который уже десять лѣтъ назадъ оспаривалъ власть у Птолемея алорскаго, попытался теперь осуществить свои права съ помощью ѳракійскаго князя Берисада; Архелай, сводный братъ Пердикки, заставилъ своихъ приверженцевъ провозгласить себя царемъ; кромѣ того, и Аргей пытался, опираясь на аѳинянъ, снова овладѣть страною, надъ которой онъ нѣкогда, во времена Аминты, властвовалъ два года [1]).

Среди такихъ критическихъ обстоятельствъ младшій сынъ Аминты, двадцатичетырехлѣтній Филиппъ вступилъ въ управленіе государствомъ, въ качествѣ опекуна своего племянника. Съ большимъ искусствомъ онъ сумѣлъ постепенно избавиться отъ всѣхъ своихъ противниковъ. Пэонійцевъ онъ посредствомъ денежнаго вознагражденія побудилъ удалиться изъ Македоніи, и тѣмъ же способомъ

---

[1]) Diod. XVI 2, Theopomp. fr. 32. Хотя источники и не говорятъ, что Аргей и Павсаній тождественны съ прежними одноименными претендентами (см. выше, стр. 177 и 212), но это очень вѣроятно. Объ Архелаѣ сравн. Justin. VII 4, 5, о сынѣ Пердикки Аминтѣ — Justin. VII 5, 9 и Schaefer *Demosth.* II² 19, 1. Смерть Платона, въ архонтство Ѳеоѳила, 348/7, приходится на 13-ый годъ правленія Филиппа (Favorin. у Laert. Diog. III 40). Слѣдовательно Филиппъ началъ править государствомъ въ 360/59 (аттическомъ или македонскомъ) году. То же говорятъ Diod. XVI 2 и Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 51. Филиппъ умеръ лѣтомъ 336 года и царствовалъ по Diod. XVI 1 и 95 24 года, по Сатиру (у Athen. XIII 557 c) 22, по Дексиппу (у Syncell. p. 263) 23 года, сравн. Clinton *Fasti Hell.* II² 227. Поэтому обыкновенно принимаютъ, что эти 24 года были не полны и что Филиппъ воцарился въ началѣ 359 года. Когда Тимоѳей въ 360/59 г. предпринялъ свой послѣдній походъ противъ Амѳиполя (Schol. Aesch. *о пос.* 31), Пердикка во всякомъ случаѣ еще былъ живъ; слѣдовательно и по этимъ даннымъ Филиппъ вступилъ въ управленіе государствомъ не ранѣе весны 359 года.—По Justin. IX 8, 1 Филиппъ умеръ 47 лѣтъ отъ роду, значитъ онъ родился въ 383 г. Когда умеръ его братъ Александръ, въ началѣ 368 года, онъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, сравн. Aesch. *о пос.* 28. Имя того ѳракійскаго князя, который поддерживалъ Павсанія, въ источникахъ не сообщается; такъ какъ Котиса уже не было въ живыхъ (выше, стр. 240 прим. 4), то это былъ, вѣроятно, Берисадъ, владѣнія котораго граничили съ Македоніей.

склонилъ Берисада къ тому, чтобы онъ отказался отъ своего протежѐ Павсанія. Архелай, имѣвшій, повидимому, мало приверженцевъ, былъ схваченъ и казненъ. Оставался одинъ Аргей — благодаря своему союзу съ Аѳинами самый опасный изъ противниковъ. Ибо аѳиняне, хорошо понимая, какое важное значеніе имѣетъ для нихъ исходъ македонской усобицы, прислали на помощь Аргею сильную эскадру подъ начальствомъ стратега Мантія, которая высадила въ Меѳонѣ 3000 наемниковъ. Съ этимъ войскомъ Аргей двинулся къ Эгамъ, древней столицѣ государства, и предложилъ гражданамъ отложиться. Но городъ остался вѣренъ Филиппу; Аргей принужденъ былъ вернуться на побережье, былъ при этомъ разбитъ Филиппомъ и долженъ былъ сдаться. Послѣ этого Филиппъ сталъ прилагать всѣ усилія, чтобы придти къ соглашенію съ Аѳинами. Онъ уже раньше вывелъ свой гарнизонъ изъ Амфиполя, а теперь отказался отъ всякихъ притязаній на этотъ городъ и безъ выкупа отпустилъ на родину аѳинянъ, взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Аргеемъ. Дѣйствительно, вскорѣ былъ заключенъ миръ; аѳиняне возобновили союзъ съ Македоніей, и въ договоръ былъ включенъ тайный параграфъ, по которому Филиппъ обѣщалъ доставить аѳинянамъ Амфиполь, за что они въ свою очередь гарантировали ему владычество надъ Пидной, издревле принадлежавшей къ македонской монархіи, а теперь находившейся въ союзѣ съ Аѳинами [1]).

Такимъ образомъ, Филиппъ развязалъ себѣ руки и могъ сосредоточить свое вниманіе на борьбѣ съ варварами. Первыми были усмирены пэонійцы; затѣмъ очередь дошла до иллирійцевъ, которые все еще занимали часть Верхней Македоніи. Въ большомъ сраженіи побѣда досталась Филиппу; иллирійскій царь Бардилисъ палъ, и съ нимъ, по преданію, 7000 человѣкъ. Македонія была избавлена отъ врага, и завоевана вся страна до озера Лихнитиды (358). Этотъ ударъ сокрушилъ могущество иллирійцевъ, хотя война продолжалась затѣмъ еще нѣсколько лѣтъ [2]).

Теперь Филиппъ могъ обратить свое оружіе противъ Амфиполя (357). Халкидяне были недостаточно сильны, чтобы оказать союзному городу дѣятельную помощь, и Амфиполю оставался выборъ только между подчиненіемъ Аѳинамъ или Македоніи. Онъ выбралъ

---

[1]) Diod. XVI 3. 4, 1, Justin. VII 6, Demosth. *пр. Аристокр.* 121; относительно договора съ Аѳинами Theopomp. fr. 189, Demosth. *Olynth.* II 6 сл.

[2]) Diod. XVI 4 и 8, 1, Justin. l. c. О Бардилисѣ Lucian. *Macrob.* 10, объ исторіи Иллиріи въ эту эпоху— Zippel *Die römische Herrschaft in Illyrien*, Лейпцигъ 1877, стр. 24 сл.

первое; казалось, что добыча, изъ-за которой аѳиняне такъ долго боролись, достанется имъ теперь безъ труда. Но какъ разъ въ эту минуту, въ виду положенія дѣлъ на Геллеспонтѣ, явилась настоятельная необходимость отправить туда аѳинскую эскадру (выше стр. 241); между тѣмъ Филиппъ призналъ права аѳинянъ на Амфиполь, а теперь вдобавокъ далъ обѣщаніе завоевать городъ для Аѳинъ. Полагаясь на это обѣщаніе, Аѳины отвергли мирныя предложенія Амфиполя и отправили Хареса съ флотомъ не въ Македонію, а противъ Керсоблепта. Такимъ образомъ Филиппъ могъ безъ помѣхи довести осаду до конца. Городъ былъ взятъ приступомъ, но побѣдитель явилъ великодушіе; Амфиполь принужденъ былъ снова впустить къ себѣ македонскій гарнизонъ, но сохранилъ свою общинную автономію, и только вожди враждебной Филиппу партіи должны были удалиться въ изгнаніе [1]).

Филиппъ былъ, разумѣется, далекъ отъ мысли сдержать свое слово и выдать важный пунктъ Аѳинамъ. Аѳины отвѣтили объявленіемъ войны, но Филиппа это не могло безпокоить, такъ какъ въ это время вниманіе Аѳинъ было поглощено другимъ предпріятіемъ и онѣ не имѣли никакой возможности послать въ Македонію сколько-нибудь значительныя военныя силы. Филиппъ безъ большихъ усилій взялъ Пидну [2]); затѣмъ онъ заключилъ союзъ съ халкидянами противъ Аѳинъ, причемъ уступилъ имъ округъ Анѳемунта, на который они издавна заявляли притязанія, и обѣщалъ имъ свою помощь для возвращенія Потидеи. Этотъ городъ дѣйствительно вскорѣ попалъ въ руки Филиппа; онъ былъ разрушенъ, область его отдана олинѳянамъ, а аѳинскіе клерухи невредимыми отпущены на родину (356) [3]).

Между тѣмъ Филиппъ изъ-за обладанія Кренидой на золотоносномъ Пангеѣ принужденъ былъ начать войну со своимъ сосѣдомъ,

---

1) Diod. XVI 8, Theopomp. fr. 47, Demosth. *Olynth.* I 8, II 6, рѣчь *о Галоннесѣ* 27. Декретъ амфиполитанской общины объ изгнаніи враговъ Филиппа— Cauer *Delectus*² 551 (=*CIG.* 2008). Амфиполитанское посольство прибыло въ Аѳины тотчасъ послѣ окончанія эвбейской экспедиціи (Demosth. *Olynth.* I 8), т.-е во второй половинѣ лѣта 357 года (выше, стр. 240 прим. 3).

2) Diod. XVI 8, Demosth. *пр. Лепт.* 63, *Olynth.* I 5.

3) Diod. XVI 8, и часто у Демосѳена, — ссылки у Schaefer'a, II² 25 прим. 1. О союзѣ Филиппа съ Олинѳомъ—Demosth. *пр. Аристокр.* 108, *Олинѳ.* II 14, *Филип.* II 20. Потидея была взята около того времени, когда родился Александръ, Plut. *Alex.* 3, Justin. XII 16, а Александръ родился по Plut. l. c. 6-го лооса (гекатомбеонъ) 356/5 года. Впрочемъ, достовѣрность этой даты спорна и вообще къ подобнымъ синхронизмамъ надо относиться съ осторожностью.

ѳракійскимъ княземъ Кетрипорисомъ, и его братьями, которые только-что унаслѣдовали престолъ послѣ своего отца Берисада. Кетрипорисъ обратился къ Аѳинамъ, и былъ заключенъ союзъ, къ которому примкнули старые враги Филиппа, пэонійскій царь Липпей и иллирійскій царь Грабъ (іюль 356 г.)[1]). Но прежде чѣмъ подоспѣла помощь изъ Аѳинъ, Филиппъ сокрушилъ своихъ противниковъ одного за другимъ; Липпей долженъ былъ признать надъ собою верховную власть Филиппа и правилъ отнынѣ какъ его вассалъ; иллирійцы были разбиты полководцемъ Филиппа Парменіономъ въ большомъ сраженіи; Кетрипорисъ былъ принужденъ отказаться отъ своихъ притязаній на Крениду и уступить Македоніи страну до Неста[2]). Кренида была усилена новыми колонистами и названа по имени македонскаго владыки Филиппами,—первый примѣръ этого рода, который мы встрѣчаемъ въ греческой исторіи. Золотые рудники близлежащихъ горъ разрабатывались отнынѣ въ пользу Македоніи и составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ дохода царской казны[3]). Послѣ всѣхъ этихъ успѣховъ Филиппъ рѣшилъ наконецъ устранить своего молодого племянника Аминту и самому принять царскій титулъ. Аминта былъ настолько благоразуменъ, что безъ сопротивленія покорился неизбѣжному; позднѣе Филиппъ далъ ему въ жены свою дочь Кинану, и пока дядя былъ живъ, Аминта не пытался предъявлять свои права на престолъ[4]).

Въ то время какъ Филиппъ на македонскомъ побережьи отнималъ

---

1) *CIA*. II 66 b, Höck въ Fleckeisens *Jahrb*. 1877 стр. 836 сл., Dittenberger *Hermes* XIV (1879) стр. 299 слл.

2) Diod. XVI 22, побѣда Парменіона надъ иллирійцами Justin. XII 16, 6, Plut. *Alex*. 3. Серебряныя монеты Липпея (съ надписью *Λυκπειο* или *Λυκκείου*) изъ эпохи Филиппа Head *Hist. Num*. стр. 207. О пріобрѣтеніи страны до Неста Strab. VII 323 и fr. 35.

3) Diod. XVI 8, Артемидоръ у Steph. Byz. *Φίλιπποι*, App. *Гражданская война* IV 105. Harpocr. *Δατός*. Впрочемъ, въ началѣ Филиппы, какъ и Амфиполь, оставались формально независимыми и чеканили собственную монету.

4) Justin. VII 5, 9 сл., Köhler *Hermes* XXIV (1889) стр. 640. Источники не сообщаютъ, когда именно Филиппъ принялъ царскій титулъ; но вѣроятно это произошло вскорѣ послѣ основанія Филиппъ. Упомянутое *IGr. Sept*. I 3055 посѣщеніе *Ἀ[μ]ύντας Π[ερ]δί[κ]α [Μα]κεδόνων βασιλεύς* пещеры Трофонія у Лебадеи произошло, можетъ быть, и нѣсколько лѣтъ спустя, но по всей вѣроятности Аминта и послѣ своего сверженія носилъ титулъ царя. Пріуроченныя у Head *Hist. Num*. 195 къ *second reign* Аминты III монеты, обнаруживающія по стилю большое сходство съ монетами Пердикки, принадлежатъ, можетъ быть, нашему Аминтѣ. Объ его женитьбѣ на Кинанѣ—Arr. *Diad*. 22, сравн. Satyr. fr. 5.

у Аѳинъ одинъ городъ за другимъ, на востокѣ явился у Аѳинъ новый, и въ данную минуту гораздо болѣе опасный противникъ. Воинственное племя карійцевъ благодаря своей политической раздробленности долго оставалось безсильнымъ [1]); оно не сумѣло отразить отъ своихъ береговъ греческихъ поселенцевъ и затѣмъ безъ труда было покорено сначала лидянами, потомъ персами. Но съ теченіемъ времени греческая культура проникла и внутрь страны; уже въ IV вѣкѣ Карія была въ общемъ эллинизирована и греческій языкъ являлся господствующимъ языкомъ въ важнѣйшихъ городахъ, какъ Траллесъ и Миласа [2]). Вслѣдствіе этого и здѣсь, какъ во всемъ греческомъ мірѣ, начало обнаруживаться стремленіе къ болѣе тѣсному сплоченію изолированныхъ общинъ, и такимъ образомъ князю Миласы Гекатомну послѣ паденія Тиссаферна (395) удалось соединить подъ своей властью всю страну. Персидскій царь призналъ объединеніе, которому въ трудные дни Коринѳской войны все равно не могъ бы воспрепятствовать, и пожаловалъ Гекатомну титулъ сатрапа, перешедшій послѣ смерти Гекатомна (около 377 года) къ его старшему сыну Мавсоллу [3]).

---

[1]) Правда, и здѣсь существовалъ сакральный союзъ, средоточіемъ котораго былъ храмъ Зевса *Χρυσαορεύς* у Лагины, вблизи позднѣйшей Стратоникеи (Strab. XIV 660, Le Bas-Waddington *Asie Mineure* 399). Во время праздничныхъ собраній могли, конечно, обсуждаться и политическіе вопросы. Такъ, въ 367/6 году „карійцы“, т.-е. очевидно именно этотъ сакральный союзъ, отправили къ Артаксерксу посла, который, пользуясь случаемъ, началъ на собственный страхъ интриговать при персидскомъ дворѣ противъ Мавсолла, за что царь велѣлъ его казнить (Dittenberger *Sylloge* 76). Поведеніе карійцевъ въ іонійскомъ возстаніи (Herod. V 117—121) такъ же мало заставляетъ предполагать существованіе союзнаго государства, какъ и аналогичное поведеніе іонянъ; напротивъ, всѣ наши свѣдѣнія объ исторіи Каріи въ V и IV вв. указываютъ на то, что такого союзнаго государства не существовало. *Δέξιππος* Свиды ничего не доказываетъ, даже если чтеніе *Κᾶρας* вѣрно, чего я не думаю (см. ниже, стр. 249 прим. 3).

[2]) Dittenberger *Sylloge* 76 (Миласа, отъ 367/6 — 355/4 г.), Le Bas-Waddington *Asie Mineure* 1651=*CIG*. 2919 (Траллесъ), Benndorf und Niemann *Reisen in Lykien und Karien* I стр. 155 сл.=Judeich *Kleinas. Stud.* стр. 257 (Коаренда, отъ 323 г.). Въ царствѣ Мавсолла оффиціальнымъ языкомъ также былъ греческій, сравн. указъ Пиксодара у Moritz Schmidt *Neue Lykische Studien* (Іена 1869). Вотъ почему до насъ дошло такъ мало памятниковъ карійскаго языка.

[3]) Pohla *De dynastis Caricis*, Бреславль 1868, Judeich *Maussollos von Mylasa* въ *Kleinas. Stud.* стр. 226 слл. Гекатомнъ впервые упоминается около 390 года, именно какъ *Καρίας δυνάστης* (Diod. XIV 98, 3, сравн. Theopomp. fr. 111, и выше стр. 166), у Исокр. *Панег.* 162 онъ названъ *Καρίας ἐπιστα-*

Первой мыслью карійскихъ князей было, разумѣется, овладѣть греческими прибрежными городами, и Анталкидовъ миръ, лишившій азіатскихъ грековъ поддержки метрополіи, облегчилъ имъ осуществленіе этихъ замысловъ. Галикарнассъ и вѣроятно также близкій Іасосъ были покорены, повидимому, уже Гекатомномъ; во всякомъ случаѣ, его сынъ Мавсоллъ владѣлъ обоими городами. То же самое относится, вѣроятно, и къ Книду. Что касается Милета, то Мавсоллъ долго безъ успѣха пытался овладѣть имъ и въ концѣ-концовъ, повидимому, овладѣлъ; но сильный Эфесъ онъ не сумѣлъ завоевать. За-то ему удалось распространить свою власть на Ликію, граничившую съ Каріей на востокѣ [1]). Теперь его государство занимало территорію болѣе чѣмъ въ 25.000 килом., т.-е. по протяженію было приблизительно равно сицилійскому государству Діонисія или третьему аѳинскому морскому союзу въ его наибольшемъ объемѣ; притомъ, старыя культурныя области, изъ которыхъ состояла его монархія, были, безъ сомнѣнія, очень густо населены, и финансовые рессурсы страны были почти неисчерпаемы [2]). Такимъ образомъ Карія, съ точки зрѣнія греческихъ отношеній того времени, была

θμος. Сатрапомъ онъ сдѣлался повидимому лишь послѣ паденія Тирибаза, когда произведенъ былъ раздѣлъ великой сардской сатрапіи. Его сынъ Мавсоллъ и преемники послѣдняго оффиціально носили титулъ сатрапа. (Dittenb. *Sylloge* 76, Le Bas-Waddington 1651). Isocr. l. c. показываетъ, что Гекатомнъ въ 381/0 г. еще былъ живъ; по Diod. XVI 36, 2 Мавсоллъ умеръ въ 353/2 году послѣ 24-лѣтняго царствованія, т.-е. наслѣдовалъ Гекатомну въ 377/6 г. Относительно хронологіи сравн. ниже гл. XII.

1) Протяженіе владѣній Мавсолла: Lucian. *Νεκρ. διάλ.* 24, 1; относительно Іасоса Dittenberger *Sylloge* 77; война съ Милетомъ Polyaen. VI 8; милетскія монеты съ надписью *ΕΚΑ(τόμνως)* и *ΜΑ(ύσσωλλος)* могутъ быть имитаціей миласійскихъ (Six. *Num. Chron.* 1890 стр. 223 сл.); взятіе Гераклеи на Латмосѣ и война съ Эфесомъ—Polyaen. VII 23, 2. Въ эпоху великаго возстанія сатраповъ Ликія повидимому еще была независима (Diod. XV 90, 3); владычество Мавсолла удостовѣряютъ [Aristot.] *Oecon.* II 1348 и указъ Пиксодара (выше, стр. 246 прим. 2), сравн. Steph. Byz. *Σόλυμοι,* и Treuber *Geschichte der Lykier* (Штутгартъ 1887), стр. 104 сл.

2) О финансовыхъ рессурсахъ Каріи—Vitruv. II 8, 10. По преданію, Ѳемистоклъ получалъ съ Магнесіи на Меандрѣ ежегодно 50 талантовъ (Thuc. I 138, 5, цифра безъ сомнѣнія преувеличена); Стратоникея и Кавнъ давала родосцамъ во II вѣкѣ ежегодно 120 тал. (Polyb. 31, 7, 7); десятина съ земледѣльческихъ продуктовъ въ области Траллеса была въ 63 г. до Р. Хр. отдана на откупъ за 900.000 сестерцій (=ок. 37½ тал.) (Cic. *Flacc.* 27, 91, очень дешево). Если, несмотря на все это, Мавсоллъ все-таки часто испытывалъ финансовыя затрудненія (Polyaen. VII 23, 1, [Aristot.] *Oecon.* II 1348, Theopomp. fr. 116), то это вполнѣ понятно при его воинственной политикѣ.

великой державой, которая смѣло могла выдержать сравненіе со всякимъ другимъ государствомъ, исключая, разумѣется, персидской монархіи да еще развѣ Египта.

Правда, Мавсоллу приходилось бороться со множествомъ затрудненій, какъ внутри своего государства, такъ и внѣ его. Ибо и въ Каріи существовала сильная республиканская партія, готовая воспользоваться всякимъ поводомъ, чтобы свергнуть правящую династію и возстановить автономію общинъ, и не понимавшая того, что при данномъ положеніи вещей Каріи оставался выборъ только между туземнымъ государемъ и персидскимъ сатрапомъ [1]). Но эта оппозиція сама по себѣ была не очень опасна; все зависѣло отъ отношеній къ персидскому царю. Однако Гекатомнъ и Мавсоллъ умѣли путемъ искусной дипломатіи обходить тѣ подводные камни, о которые разбился Эвагоръ; они не скупились на внѣшнія доказательства своей покорности, аккуратно вносили дань и въ случаѣ надобности предоставляли въ распоряженіе царя свой флотъ, но въ прочемъ вели вполнѣ самостоятельную политику. Только разъ, во время великаго возстанія сатраповъ, Мавсоллъ поддался искушенію открыто возмутиться противъ своего сюзерена; но все-таки ему удалось еще во время заключить миръ съ царемъ и спасти свою власть [2]). Какъ разъ въ годы, слѣдовавшіе за возстаніемъ, карійское княжество достигло наибольшаго расцвѣта.

Карійцы издревле были искусными мореходцами; поэтому Мавсоллъ, какъ и его отецъ Гекатомнъ, считалъ необходимымъ для упроченія своего могущества созданіе сильнаго флота. Съ этой цѣлью Мавсоллъ перенесъ свою резиденцію изъ лежащей внутри страны Миласы въ Галикарнассъ, который благодаря возведенію цѣлаго ряда великолѣпныхъ построекъ превратился въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ городовъ греческаго міра. На небольшомъ островѣ Зефиріѣ, лежащемъ впереди города, была заложена царская резиденція; вблизи ея находилась защищенная стѣнами военная гавань, на другой сторонѣ — гавань для торговыхъ судовъ и на прилежащемъ берегу — рынокъ. Отсюда городъ поднимался амфитеатромъ въ гору; съ западной стороны надъ нимъ возвышалась крѣпость Салмакида; противъ непріятельскихъ нападеній онъ былъ защищенъ мощными стѣнами. На половинѣ высоты надъ гаванью возвышалась великолѣпная усыпальница царской фамиліи, одно изъ знаменитѣйшихъ чудесъ грече-

[1]) Dittenberger *Sylloge* 76. 77.

[2]) Diod. XV 90, сравн. Polyaen. VII 23, 1. — Уже Гекатомнъ тайно поддерживалъ Эвагора кипрскаго (Diod. XV 2, 2, сравн. Isocr. *Paneg.* 162).

скаго искусства. Населеніе шести окрестныхъ городковъ было переселено въ Галикарнассъ, который вскорѣ занялъ положеніе первокласснаго города [1]).

Но чтобы стать хозяиномъ у себя дома, Мавсоллу необходимо было завоевать предлежащіе карійскому берегу острова. Косъ отстоитъ отъ Галикарнасса едва на 20 кил. и господствуетъ надъ его гаванью и вообще надъ входомъ въ Керамійскій заливъ; поэтому властители Галикарнасса уже въ началѣ V вѣка стремились овладѣть этимъ островомъ и на нѣкоторое время присоединили его къ своимъ владѣніямъ [2]). Затѣмъ Гекатомнъ возобновилъ эти попытки [3]), но добился лишь того, что эти острова бросились въ объятія Аѳинъ. Его сынъ Мавсоллъ искуснѣе принялся за дѣло. Онъ понималъ, что бороться съ флотомъ аѳинскаго морского союза ему не подъ силу; поэтому необходимо было воспользоваться накопившимися за послѣдніе годы недовольствомъ аѳинскихъ союзниковъ, и оказать сепаратистическимъ стремленіямъ острововъ ту поддержку, которой они, со времени битвы при Мантинеѣ, не находили болѣе въ Ѳивахъ. При этомъ Мавсоллу пришлось очень на руку то, что на Родосѣ, Косѣ и Хіосѣ демократическія правительства посредствомъ систематическаго угнетенія состоятельныхъ классовъ возбудили въ нихъ страстную жажду политическаго переворота [4]); но олигархическая революція была возможна только въ томъ случаѣ, если бы удалось оторвать острова отъ Аѳинъ. Съ другой стороны демократы, ослѣпленные своимъ партикуляризмомъ, не были въ состояніи замѣтить грозившую имъ опасность; и вотъ, какъ только Аѳины покорили Эвбею и Херсонесъ, рѣшено было приступить къ дѣлу. По наущенію Мавсолла Хіосъ, Родосъ и Косъ заявили о своемъ выступленіи изъ аѳинскаго морского союза; Византія, опасаясь за только-что добытую ею независимость, примкнула къ сепаратному союзу (осенью 357 года) [5]).

---

[1]) Vitruv. II 8, 10—15, Newton *A history of discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae*, Лондонъ 1862. О синойкисмѣ Галикарнасса—Каллисѳенъ у Strab. XIII 611, Plin. *Nat. Hist.* V 107 (приписывающій синойкисмъ Александру, безъ сомнѣнія неправильно), Kuhn *Städte der Alten* (Лейпцигъ 1878) стр. 252 слл.

[2]) Herod. VII 99.

[3]) Suid. *Δέξικπος*, гдѣ очевидно идетъ рѣчь о войнѣ Гекатомна съ косцами, а не съ карійцами.

[4]) Demosth. *ὑπὲρ τῆς Ῥοδίων πολ.* 19, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1304 b 25 слл., 1302 b 23 слл.

[5]) Diod. XVI 7, Demosth. *ὑπ. τ. Ῥ. π.* 2 сл. Относительно хронологіи,

Аѳины рѣшили всѣми силами отстоять цѣлость морского союза, на которомъ покоилось ихъ значеніе какъ великой державы. Харесъ получилъ приказаніе вести свой флотъ къ Хіосу, и туда же была отправлена изъ Аѳинъ другая эскадра подъ начальствомъ Хабрія. Городъ Хіосъ былъ запертъ съ суши и съ моря; но нападеніе на гавань, произведенное Хабріемъ, было отражено осажденными, причемъ знаменитый полководецъ и самъ палъ, храбро сражаясь [1]).

Послѣ этого пришлось снять осаду Хіоса, и союзники въ свою очередь перешли въ наступленіе. Они собрали флотъ въ 100 тріеръ, опустошили аѳинскіе острова Лемносъ и Имбросъ и приступили къ осадѣ Самоса, важнѣйшаго внѣшняго владѣнія Аѳинъ. Харесъ, располагая всего 60 кораблями, принужденъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ; въ виду этого аѳиняне снарядили новый флотъ въ 60 тріеръ и во главѣ его поставили обоихъ лучшихъ полководцевъ этого времени, Ификрата и Тимоѳея (середина лѣта 356 г.). Аѳины имѣли теперь на морѣ 120 тріеръ—сила, какою онѣ не располагали со времени битвы при Эгоспотамосѣ. Ближайшая цѣль — освобожденіе Самоса отъ осады—дѣйствительно была достигнута, но тѣмъ и ограничились успѣхи похода. Попытка овладѣть Византіей ни къ чему не привела; затѣмъ аѳинскіе полководцы снова обратились противъ Хіоса, и здѣсь, въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ близкаго материка, у Эмбаты въ эриѳрейской области, встрѣтили весь непріятельскій флотъ. Море было бурно въ этотъ день, и Ификратъ съ Тимоѳеемъ при такихъ условіяхъ не хотѣли рисковать битвой; Харесъ требовалъ нападенія, но, покинутый своими товарищами, принужденъ былъ съ урономъ прекратить уже начатую битву [2]).

также и дальнѣйшихъ событій, см. *Attische Politik* автора, стр. 361 сл.— Что и Косъ принадлежалъ къ аѳинскому морскому союзу, говоритъ Діодоръ l. c.; но и безъ его свидѣтельства мы должны были бы принять это въ виду положенія острова. Имя Коса могло стоять въ недостающихъ строкахъ союзнаго акта *CIA*. II 17, иначе пришлось бы допустить, что онъ примкнулъ къ союзу лишь послѣ 374 года.

[1]) Diod. l. c., Nep. *Chabr*. 4, Plut. *Phoc*. 6, Demosth. *пр. Лепт*. 80 сл. Что Хабрій въ этомъ году былъ стратегомъ, показываетъ *CIA*. IV 2, 64, съ чѣмъ согласуется сообщеніе Діодора; но риторическая антитеза у Demosth. l. c. 82 внушила уже источнику Непота ложное представленіе, будто Хабрій сражался у Хіоса какъ простой тріерархъ. Но Демосѳенъ говоритъ о *стратегѣ* Хабріѣ, который всегда старался щадить своихъ людей, а самъ, гдѣ нужно было, безстрашно выдвигался впередъ. Если имя Хабрія уничтожено въ памятникѣ, то очевидно потому, что онъ палъ прежде, чѣмъ подтвердилъ клятвою договоръ съ Каристомъ.

[2]) Diod. XVI 21, Nep. *Timoth*. 3. Битва при Эмбатѣ засвидѣтельствована

Извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ вызвало въ Аѳинахъ сильное возбужденіе. Чѣмъ смѣлѣе были надежды, которыя аѳиняне возлагали на дѣйствія громаднаго флота подъ командою такихъ полководцевъ, какъ Ификратъ и Тимоѳей, тѣмъ сильнѣе должно было быть теперь разочарованіе, когда оказалось, что дѣйствительность не оправдала этихъ надеждъ. Чѣмъ можно было объяснить эту неудачу, какъ не тѣмъ, что полководцы были подкуплены врагомъ [1]? Ификратъ, Тимоѳей и сынъ Ификрата Менесѳей, командовавшій рядомъ съ отцомъ, были отставлены отъ должности и вызваны въ Аѳины для представленія отчета.

Смѣщенныхъ военачальниковъ привлекъ къ суду Аристофонъ изъ Азеніи. Онъ нѣкогда былъ товарищемъ «освободителя» Ѳрасибула, и являлся, можетъ быть, единственнымъ участникомъ тогдашней борьбы, принимавшимъ теперь участіе въ политической жизни; позднѣе онъ примкнулъ къ Каллистрату, затѣмъ былъ вовлеченъ въ ту серію процессовъ, которая привела къ низверженію этого дѣятеля, и лишь съ большимъ трудомъ избѣгъ смертнаго приговора [2]. Харесъ также употребилъ все свое вліяніе, чтобы погубить своихъ товарищей по командованію флотомъ, потому что онъ самъ могъ избѣгнуть отвѣтственности только въ томъ случаѣ, если бы ему удалось всю вину свалить на нихъ. Обвиненіе, по крайней мѣрѣ въ главномъ, достигло своей цѣли. Правда, Ификратъ и Менесѳей были оправданы, но Тимоѳей, политически самый видный изъ обвиняемыхъ, былъ признанъ виновнымъ въ принятіи подкупа отъ хіосцевъ и приговоренъ къ штрафу въ 100 талантовъ. Онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Аѳинахъ, но его состоянія далеко не хватало на покрытіе такой суммы, и старый полководецъ долженъ былъ удалиться изгнанникомъ въ Халкиду, гдѣ вскорѣ и умеръ. Такъ кончилъ жизнь сынъ Конона, человѣкъ, которому, наряду съ Каллистратомъ и Хабріемъ, Аѳины болѣе всего были обязаны возстановленіемъ своего владычества на морѣ. Какъ ни были велики его военныя дарованія,

---

Поліэномъ III 9, 29; фрагментъ изъ VIII книги Ѳеопомпа у Steph. Byz. *Εμβατα* не оставляетъ сомнѣнія, что подъ Эмбатою разумѣется мѣстность близъ Эриѳръ (сравн. Thuc. III 29, 2 со схоліями). Діодоръ переноситъ мѣсто сраженія на Геллеспонтъ, но онъ очевидно сильно сократилъ разсказъ своего источника.

[1]) Dinarch. *пр. Демосѳ*. 14, Aristot. *Rhet*. II 1398.

[2]) Schaefer *Demosth*. I² 138 сл., который однако сильно преувеличиваетъ значеніе Аристофона и безъ всякаго основанія противопоставляетъ его Каллистрату, что̀ объясняется его вѣрою въ существованіе „беотійской партіи“ въ Аѳинахъ, сравн. *Attische Politik* автора стр. 167 сл.

но своими успѣхами онъ былъ обязанъ болѣе своей дипломатической ловкости, чѣмъ оружію; возможно, что и въ войнѣ съ Хіосомъ онъ довѣрился этому своему искусству и потому велъ войну съ меньшей настойчивостью, чѣмъ слѣдовало съ чисто-военной точки зрѣнія. Но невозможно сомнѣваться въ томъ, что его осужденіе было незаслуженно; аѳиняне сами вскорѣ сознали это и послѣ смерти Тимоѳея сбавили его сыну Конону цифру штрафа до 10 талантовъ [1].

Харесъ былъ назначенъ теперь единоличнымъ начальникомъ флота; но это не улучшило положенія. Дѣло въ томъ, что финансовыя силы Аѳинъ были въ конецъ истощены большими снаряженіями послѣднихъ лѣтъ; чтобы флотъ не распался, Харесъ долженъ былъ самъ добыть необходимыя средства. И какъ-разъ теперь удобный случай къ этому представляли вновь вспыхнувшія въ прибрежныхъ провинціяхъ персидскаго царства внутреннія смуты.

Престарѣлый царь Артаксерксъ умеръ въ 358 году послѣ 46-лѣтняго царствованія. Ему наслѣдовалъ его сынъ Охъ или, какъ онъ отнынѣ сталъ называться, Артаксерксъ, восточный деспотъ, не знавшій пощады въ своей жестокости [2], который однако именно поэтому былъ наиболѣе пригоденъ для того, чтобы снова укрѣпить колеблющуюся державу. Онъ началъ съ того, что для упроченія своего престола казнилъ большое число своихъ родственниковъ [3], — пріемъ, который восточные владыки практиковали во всѣ времена, но рѣдко въ столь обширныхъ размѣрахъ. Сатрапъ Фригіи на Геллеспонтѣ Артабазъ, по своей матери Апамѣ внукъ Артаксеркса II, также повидимому страшился за свою безопасность; во всякомъ случаѣ, тотчасъ послѣ смѣны на престолѣ онъ возсталъ противъ своего царя и господина. Однако справиться съ войсками царя ему оказалось далеко не подъ силу, и онъ обратился за помощью къ Харесу,

---

1) Nep. *Timoth*. 3, 4, *Iphicr*. 3, 3, Diod. XVI 21, Isocr. *Antid*. 129, Polyaen. III 9, 29, сравн. фрагменты рѣчи Иѳикрата противъ Аристоѳона, изъ которыхъ явствуетъ, что процессъ разбирался еще во время войны, зимою 356/5 или лѣтомъ 355 года, а не въ 354/3, какъ сообщаетъ Dionys. *Dinarch*. p. 667. Сравн. *Attische Politik* автора, стр. 363. Объ Аристоѳонѣ какъ обвинителѣ см. Dinarch. *пр. Демосѳ*. 14 = *пр. Филокла* 17, Aristot. *Rhet*. II 1398, другія ссылки у Schaefer'а I² 175 слл. Иѳикратъ также недолго прожилъ послѣ процесса (Schaefer I² 178 прим. 4).

2) Plut. *Artox*. 26. 30, Diod. XVII 5, Nöldeke *Aufsätze zur persischen Geschichte* стр. 74 сл. О времени царствованія Артаксеркса сравн. Птолемеевъ списокъ царей, удобнѣе всего — у Wachsmuth'а, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte* (Лейпцигъ 1895), стр. 304 слл.

3) Curtius X 5, 23.

обѣщая платить жалованье аѳинскому войску. Харесъ охотно принялъ предложеніе, которое сразу избавляло его отъ всѣхъ финансовыхъ затрудненій; онъ отправился во Фригію и здѣсь съ блестящимъ успѣхомъ воевалъ противъ сатраповъ царя (355). Сдѣлалъ ли Харесъ этотъ шагъ на собственный страхъ, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, въ Аѳинахъ послѣ заключенія договора одобрили поступокъ Хареса и не отвергли субсидій, уплаченныхъ Артабазомъ [1]).

Но съ огнемъ никто не играетъ безнаказанно. Не въ характерѣ царя Оха было простить аѳинянамъ вторженіе въ его владѣнія. Онъ собралъ въ Сиріи и Киликіи сухопутную и морскую силу, какой Персія не видѣла со временъ Ксеркса, и вся эта армія, по слухамъ, была предназначена для похода въ Грецію. Извѣстія объ этомъ вызвали въ Аѳинахъ взрывъ воинственнаго энтузіазма; снова раздались съ ораторской каѳедры декламаціи о Мараѳонѣ и Саламинѣ, и было постановлено призвать всѣ греческія государства къ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ Эллады [2]). Все это было очень хорошо,—плохо было лишь то, что на помощь Аѳинамъ не поднялась ни одна рука, а сами Аѳины были въ финансовомъ отношеніи все еще слишкомъ истощены, чтобы рѣшиться на большую войну. Въ виду этого воинственный жаръ очень быстро остылъ, и когда царь, окончивъ свои приготовленія, поставилъ ультиматумъ Аѳинамъ — либо отозвать Хареса изъ Азіи, либо ждать войны,—то аѳиняне избрали лучшую часть и послали приказъ Харесу очистить царскую территорію. Разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, необходимо было даровать миръ и отпавшимъ союзникамъ; Хіосъ, Косъ и Родосъ были уволены изъ союза, и признана независимость Византіи (354) [3]). Около этого же времени расторгли свой союзъ съ Аѳинами Митилена и, повидимому, весь Лесбосъ [4]). Кор-

---

[1]) Diod. XVI 22, Schol. Demosth. *Philip.* I 19, p. 45, Isocr. *Areop.* 10, Plut. *Arat.* 16.

[2]) Сравн. рѣчь Демосѳена *о симморіяхъ* и *Письмо* [Филиппа] 6.

[3]) Diod. XVI 22, сравн. Isocr. *Areopag.* Относительно хронологіи см. *Attische Politik* автора, стр. 365 слл.; выставленныя противъ этого разсчета возраженія обходятъ самую сущность вопроса.

[4]) Въ рѣчи Демосѳена *ὑπὲρ τῆς Ῥοδίων πολιτείας* (19), произнесенной въ 351/0 году, Митилена является уже независимымъ, олигархически устроеннымъ государствомъ; нѣсколько позднѣе мы застаемъ ее подъ властью тирана Камма, противника Аѳинъ ([Demosth.] *пр. Беота о приданомъ* 37, произнесена въ 347 г., сравн. Schaefer *Demosth.* III 223 сл.); если Демосѳенъ въ рѣчи *пр. Аристокр.* (143), произнесенной въ 352 году, называетъ Лесбосъ союзнымъ съ Аѳинами островомъ, то это относится ко времени до союзнической войны. Въ Меѳимнѣ властвовалъ въ это время тиранъ Клеомисъ (Isocr. ep.

цира, перешедшая къ олигархическому устройству уже нѣсколько лѣтъ назадъ, воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы порвать съ Аѳинами [1]). Такимъ образомъ, отнынѣ морской союзъ состоялъ только изъ Эвбеи и мелкихъ острововъ; сами Аѳины признали, что ихъ владычество на морѣ кончилось.

Около того времени, когда обнаружилось сепаратистическое движеніе среди аѳинскихъ союзниковъ, такое же движеніе потрясло ѳиванскій союзъ; здѣсь, какъ и тамъ, кризисъ былъ вызванъ стремленіемъ руководящаго государства къ болѣе строгой централизаціи. Само по себѣ это стремленіе было вполнѣ законно. Дѣло въ томъ, что исходъ сраженія при Мантинеѣ сильно поколебалъ авторитетъ Ѳивъ среди ихъ союзниковъ; теперь ѳессалійскій союзъ сблизился съ Аѳинами, и эвбейскіе города нѣсколько лѣтъ спустя послѣдовали этому примѣру (выше стр. 237 и 240). Фокида, которая послѣ битвы при Левктрахъ лишь по принужденію примкнула къ Беотіи, также готовилась свергнуть ѳиванское господство. Еще до битвы при Мантинеѣ она осмѣлилась отказать Ѳивамъ въ военной помощи, опираясь на буквальный смыслъ договоровъ, согласно которымъ она была обязана оказывать Ѳивамъ помощь лишь въ случаѣ нападенія на Беотію; и Эпаминондъ счелъ неудобнымъ въ эту минуту, когда рѣшалась участь Греціи, употребить силу противъ Фокиды [2]). Но впредь такую непокорность нельзя было оставлять безнаказанной; обладаніе долиной верхняго Кефиса и Ѳермопилами было для Ѳивъ вопросомъ ихъ политическаго существованія.

Приличный поводъ для открытія военныхъ дѣйствій противъ Фокиды былъ найденъ безъ труда. Со времени смерти Ясона Беотія сохраняла преобладающее вліяніе въ дельфійской амфиктіоніи, и Ѳивы не стѣснялись пользоваться этимъ вліяніемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Такъ, по ихъ настоянію лакедемоняне за занятіе Кадмеи были приговорены амфиктіонами къ штрафу въ 500 талантовъ; впрочемъ, Ѳивы оказались не въ силахъ взыскать этотъ штрафъ [3]). Теперь рѣшено было употребить то же оружіе противъ Фокиды. Многіе изъ виднѣйшихъ людей Фокиды были обвинены въ

VII, Theop. fr. 252 изъ I книги), который, правда, вступилъ въ дружественныя отношенія съ Аѳинами (декретъ въ его честь *CIA.* IV 2, 141, сравн. Isocr. l. c.), но возстаніе котораго заставляетъ предполагать выступленіе Меѳимны изъ аѳинскаго морского союза.

[1]) Aeneas 11, 13, Diod. XV 95, Demosth. *пр. Тимокр.* 202.

[2]) Xen. *Hell.* VII 5, 4.

[3]) Diod. XVI 23.

святотатствѣ и приговорены амфиктіонами къ уплатѣ большого штрафа, съ тѣмъ условіемъ, что если штрафъ не будетъ внесенъ до истеченія извѣстнаго срока, то помѣстья виновныхъ будутъ конфискованы въ пользу казны Аполлона [1]).

Осужденные, разумѣется, не хотѣли, да вѣроятно и не могли уплатить штрафъ; притомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, вѣроятно и юридическая сторона дѣла представлялась спорной. Они прибѣгли къ помощи фокійскаго народнаго собранія, и благодаря своей вліятельности и господствовавшему раздраженію противъ Θивъ имъ легко удалось привлечь большинство на свою сторону. Было принято рѣшеніе не признавать приговоръ амфиктіоновъ и въ случаѣ надобности отразить силу силою; Филомелъ изъ Ледона, глава военной партіи, и Ономархъ изъ Элатеи, одинъ изъ осужденныхъ амфиктіонами, были облечены неограниченными полномочіями для управленія государствомъ. Затѣмъ Филомелъ отправился въ Спарту и заключилъ союзъ съ царемъ Архидамомъ, которому, конечно, ничего не могло быть болѣе по сердцу, какъ если бы Θивы оказались замѣшанными въ какую-нибудь войну въ Средней Греціи. Послѣ этого Филомелъ, отчасти на полученныя отъ Спарты деньги, отчасти расходуя собственное большое состояніе, нанялъ отрядъ наемниковъ, съ которымъ безпрепятственно занялъ открытыя Дельфы (356). Отсюда онъ обратился съ воззваніемъ къ эллинамъ, гдѣ, ссылаясь на гомеровскій списокъ кораблей, обосновывалъ древнія права фокійцевъ на обладаніе священнымъ городомъ и храмомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ не трогать священной казны. Одновременно онъ позаботился и о военныхъ приготовленіяхъ: Дельфы были укрѣплены, число наемниковъ увеличено, способные носить оружіе обитатели Фокиды призваны на службу, и такимъ образомъ составлено войско въ 5000 человѣкъ. Необходимыя денежныя средства доставила по-

[1]) Diod. l. c., Paus. X 2, 1; 15, 1, Justin. VIII 1. Постановленіе амфиктіоновъ было направлено противъ отдѣльныхъ лицъ, а не противъ всей фокійской общины (Diod. XVI 32, 3, сравн. Aesch. *о пос.* 117); такимъ образомъ, процедура была вполнѣ сходна съ той, которая имѣла мѣсто при осужденіи дельфійца Астикрата и его сообщниковъ въ 363/2 году (*CIA.* II 54= Dittenb. *Sylloge* 78; дополненіе Бергка [*Φωκεῦ*]ς (*Philol.* 42 стр. 233) противорѣчитъ ясному смыслу памятника). Въ чемъ состоялъ проступокъ фокійцевъ, мы не знаемъ; если Діодоръ сообщаетъ, что они воздѣлали область Крисы, которая со времени разрушенія этого города была посвящена богу, то онъ или его источникъ просто переноситъ поводъ къ локрской войнѣ 339 г. на войну съ Фокидой. Фокійцы уже по географическимъ причинамъ едва ли могли захватить область Крисы.

дать, которою были обложены богатые граждане Дельфъ; фамилія Ѳракидовъ, наиболѣе враждебная фокійцамъ, была изгнана, и ея имущества конфискованы.

Теперь Спарта со своими пелопоннесскими союзниками открыто перешла на сторону Фокиды, и издревле дружныя съ Фокидой Аѳины также заключили съ нею союзъ [1]). Правда, это былъ для Фокиды только нравственный успѣхъ, потому что оба государства были всецѣло поглощены другими предпріятіями. Напротивъ, локры тотчасъ выступили въ походъ на защиту святилища, но передъ Дельфами, у Фэдріадскихъ скалъ, были на-голову разбиты Филомелом. Этимъ моментомъ воспользовались Ѳивы, чтобы вмѣшаться; по ихъ почину было созвано собраніе амфиктіоновъ, на которомъ, кромѣ самихъ беотянъ, были представлены, правда, только локры, доряне и ѳессалійскія племена,— и здѣсь было рѣшено объявить войну Фокидѣ [2]).

Чтобы приготовиться къ борьбѣ съ этой коалиціей, Филомелъ былъ вынужденъ сдѣлать заемъ изъ находившейся въ его власти храмовой казны. То же самое сдѣлали аѳиняне во время Пелопоннесской войны, Діонисій сиракузскій — во время своей борьбы съ кароагенянами; и такъ какъ Филомелъ считалъ Дельфы частью Фокиды, то съ его точки зрѣнія этотъ поступокъ являлся вполнѣ законнымъ. Но его противники, не признавшіе правъ Фокиды на Дельфы, столь же справедливо видѣли въ этомъ займѣ ничто иное, какъ ограбленіе храма. Однако въ Греціи было достаточно людей, готовыхъ, несмотря на проклятіе амфиктіоновъ, продать свою шкуру тому, кто больше заплатитъ, и потому Филомелу удалось вскорѣ набрать очень значительное наемное войско. Затѣмъ фокійцы пе-

---

[1]) Diod. XVI 29, 1, Paus. III 10, 13, о союзѣ съ Аѳинами, кромѣ того, Aesch. *пр. Ктес.* 118 со схол., Demosth. *о посольствѣ* 61. 72—75. 84.

[2]) Главный источникъ для исторіи фокійской войны—Diod. XVI 23—40; краткій очеркъ даютъ Paus. V 2 и Justin. VIII 1—2. Относительно хронологіи см. Schaefer *Demosth.* I² 495 сл. Война окончилась въ серединѣ лѣта 346 года, въ послѣдніе дни аттическаго года 347/6; а такъ она продолжалась 10 лѣтъ, о чемъ свидѣтельствуетъ уже показаніе современника Эсхина *(о пос.* 131, *пр. Ктес.* 148), то она должна была начаться въ 357/6 или 356/5 году. Первый годъ (архонтъ Агаѳоклъ) даютъ хронологическій источникъ Діодора (XVI 14, сравн. XIV 11 7) и Paus. X 2, 3. *Marmor Parium* (87 сл,) относитъ начало войны даже еще къ 358/7 г., а самъ Діодоръ—лишь къ 355/4-му (XVI 23). Вѣроятно Дельфы были заняты Филомеломъ въ 356 году.—Начало войны до второй побѣды Филомела надъ локрами Діодоръ излагаетъ дважды (XVI 23—25 и 28—30), притомъ оба раза по одному и тому же источнику, отчасти даже въ одинаковыхъ выраженіяхъ.

решли въ наступленіе; они вторглись въ Локриду и въ конномъ сраженіи на-голову разбили локровъ и ихъ беотійскихъ союзниковъ. Послѣ этого Филомелъ одержалъ побѣду надъ ѳессалійцами, которые въ числѣ 6000 человѣкъ шли на помощь локрамъ. Только теперь беотяне со всѣми своими силами, 13000 человѣкъ, вступили въ Фокиду; близъ Неона, у сѣвернаго склона Парнасса, встрѣтилъ ихъ Филомелъ, но потерпѣлъ полное пораженіе и самъ палъ въ битвѣ (354) [1]). Однако Ономарху удалось снова собрать разсѣявшееся войско, и беотяне не рѣшились идти къ Дельфамъ черезъ трудные горные проходы, такъ что въ военномъ отношеніи ихъ побѣда осталась безплодной.

Тѣмъ не менѣе, послѣ этихъ событій въ Фокидѣ снова взяла верхъ партія мира [2]), и въ Беотіи также, повидимому, разсчитывали на прекращеніе войны; по крайней мѣрѣ, беотяне заключили теперь союзъ съ сатрапомъ Фригіи Артабазомъ, котораго аѳиняне только-что бросили на произволъ судьбы въ виду угрозъ персидскаго царя (выше, стр. 253). Вслѣдствіе этого въ Азію было послано беотійское войско въ 5000 человѣкъ подъ начальствомъ Паммена, офицера изъ Эпаминондовой школы, который командовалъ въ послѣднемъ походѣ противъ Фокиды (353). Пamменъ добился значительныхъ успѣховъ; въ двухъ большихъ сраженіяхъ онъ побѣдилъ царскихъ сатраповъ, но затѣмъ своими переговорами съ врагомъ навлекъ на себя подозрѣніе Артабаза и былъ измѣннически захваченъ имъ и посаженъ въ темницу. Но, порвавъ съ Ѳивами, Артабазъ болѣе не былъ въ состояніи держаться противъ царскихъ полководцевъ; его сатрапія была занята непріятелемъ, а онъ самъ вынужденъ искать убѣжища при дворѣ Филиппа Македонскаго [3]).

Но Ономарху удалось тѣмъ временемъ склонить своихъ согражданъ къ энергическому продолженію войны. Онъ самъ былъ утвержденъ въ званіи полномочнаго военачальника, а его братъ Фаиллъ назначенъ его помощникомъ. Затѣмъ въ Фокидѣ наступилъ періодъ террора; вожди мирной партіи были изгнаны или казнены, ихъ иму-

---

[1]) Мѣсто битвы называетъ Павсаній X 2, 4, годъ ($354/_3$) даетъ Діодоръ XVI 31; такъ какъ Пamменъ весною 353 года отправился въ Азію, то Филомелъ палъ вѣроятно въ 354 году.

[2]) Diod. XVI 32.

[3]) Diod. XVI 34, Demosth. *пр. Аристокр*. 183, Front. *Strateg*. II 3, 3, Polyaen. VII 33, 2. Походъ Паммена въ Азію относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ рѣчь Демосѳена о симморіяхъ (33 сл.) и взятіе Меѳоны Филиппомъ, слѣдовательно къ веснѣ 353 года, сравн. Schaefer *Demosth*. I² стр. 442.

щество конфисковано въ пользу государства. Послѣ этого всякая оппозиція замолкла; Ономархъ и его братъ являлись неограниченными владыками страны, и они не стѣснялись выражать это даже внѣшнимъ образомъ, чеканя монеты отъ своего имени, чего греческіе тираны этого времени обыкновенно избѣгали [1]). Теперь Ономархъ сталъ черпать изъ дельфійской храмовой казны уже безъ всякихъ стѣсненій; на эти средства было набрано огромное наемное войско, какого Греція еще не видѣла; союзники Ономарха также не были обижены—большія суммы были истрачены особенно на подкупъ наиболѣе вліятельныхъ политическихъ дѣятелей.

Какъ только Памменъ удалился въ Азію, Ономархъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Дорида была опустошена, главный городъ западной Локриды, Амфисса, принужденъ къ покорности, укрѣпленныя мѣста у Ѳермопилъ взяты и такимъ образомъ прервано сообщеніе между Беотіей и Ѳессаліей. Послѣ этихъ успѣховъ Ономархъ счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы вторгнуться въ самую Беотію; онъ взялъ Орхоменъ и обратно водворилъ въ немъ прежнихъ жителей, сколько ихъ уцѣлѣло при разрушеніи города ѳиванцами 11 лѣтъ назадъ [2]).

Не менѣе успѣшны были дѣйствія Ономарха въ Ѳессаліи. Тамъ тираны Феръ, Ликофронъ и Пейѳолай, въ качествѣ союзниковъ Ѳивъ сначала воевали противъ Фокиды; теперь Ономарху удалось посредствомъ щедрыхъ субсидій изъ дельфійской храмовой казны привлечь ихъ на свою сторону и склонить къ объявленію войны ѳессалійскому союзу [3]). Такимъ образомъ, ѳессалійцы имѣли теперь довольно хлопотъ у себя дома и уже не могли думать объ участіи въ войнѣ съ Фокидою; мало того, вскорѣ положеніе ихъ сдѣлалось настолько критическимъ, что имъ не оставалось ничего другого, какъ призвать

---

[1]) Безъ сомнѣнія, въ Фокидѣ во время священной войны были вычеканены большія суммы; несмотря на это, до насъ не дошли ни золотыя монеты, ни серебряные слитки фокійскихъ тирановъ и вообще Фокиды. Причину этого явленія сообщаетъ Plut. *περὶ τῶν ἐκλελ. χρηστ.* 16 p. 401 сл.: монеты, выкаченныя изъ храмовыхъ сокровищъ, позднѣе переплавлялись, и благочестивые люди вѣроятно отсылали обратно собственность бога въ его храмъ.

[2]) Diod. XVI 33, Aesch. *о пос.* 132, сравн. Demosth. *о пос.* 83. Относительно Дориды Strab. IX 427.

[3]) По Diod. XVI 29, 1 Магнесія, подвластная ферскимъ тиранамъ, стояла въ началѣ на сторонѣ ѳиванцевъ; о переходѣ ея на сторону фокійцевъ разсказываетъ Diod. XVI 33, сравн. 35. Старшій изъ троихъ братьевъ, Тисифонъ, умеръ вѣроятно между 357 и 353 гг., сравн. выше стр. 238 прим. 2.

на помощь Филиппа Македонскаго и вручить ему верховное начальство надъ союзнымъ войскомъ [1]). Филиппъ только-что завоевалъ Меѳону, послѣдній прибрежный городъ Македоніи, который еще находился во власти аѳинянъ [2]); этимъ онъ обезпечилъ себя противъ нападеній съ тыла, и теперь охотно воспользовался случаемъ приступить къ осуществленію замысловъ своего брата Александра о покореніи Ѳессаліи. Съ этой цѣлью онъ двинулся черезъ Темпейскій проходъ на югъ, разбилъ на голову брата Ономарха Фаилла, который съ 7000 человѣкъ явился на помощь ферскимъ тиранамъ, и взялъ важный приморскій городъ Пагасы, гавань Феръ; эскадра, отправленная аѳинянами на выручку осажденнаго города, по обыкновенію опоздала [3]). Послѣ этого Ономархъ принужденъ былъ со всѣми своими силами идти въ Ѳессалію, чтобы положить конецъ поступательному движенію Филиппа. Дѣйствительно, ему удалось въ двухъ сраженіяхъ совершенно разбить Филиппа и принудить его къ возвращенію въ Македонію. Затѣмъ онъ снова обратился въ Беотію, взялъ путемъ измѣны Коронею и у Гермея вблизи города разбилъ прибывшихъ на помощь послѣднему ѳиванцевъ [4]).

Ономархъ достигъ теперь высшей точки своего могущества. Чье войско могло помѣряться съ его 20.000-ной, закаленной въ бояхъ наемной арміей? Или какое государство располагало такими огромными финансовыми средствами, какія доставляла владыкѣ Фокиды храмовая сокровищница Дельфъ? Ѳессалія лежала у его ногъ, Беотія была глубоко унижена, — казалось, что на развалинахъ ѳессалійскаго могущества суждено возникнуть фокійской державѣ. Мы знакомимся съ

---

1) Justin. VIII 2, 1. Diod. XVI 35.

2) Діодоръ разсказываетъ о завоеваніи Меѳоны дважды, подъ 354/3 и 353/2 годами (XVI 31, 31), первый разъ—въ непосредственной связи съ завоеніемъ Пагасъ.

3) Diod. XVI 31, 6 (подъ годомъ Ѳудема, 353/2, изъ хронологическаго источника) *Φίλιππος... Μεθώνην... κατέσκαψε, Παγασ*[*ὰς*] *δὲ χειρωσάμενος ἠνάγκασεν ὑποταγῆναι*. Поправка *Παγασὰς* очевидна. Объ аѳинскомъ вспомогательномъ флотѣ упоминаетъ Demosth. *Ol.* I 13. 28, *Phil.* I 35. Гораздо болѣе вѣроятно, что Филиппъ взялъ Пагасы послѣ своей побѣды надъ Фаилломъ, чѣмъ въ слѣдующемъ году при выступленіи во второй походъ; во всякомъ случаѣ, городъ былъ взятъ до побѣды надъ Ономархомъ, потому что въ то время, когда произошло это сраженіе, аѳиняне имѣли эскадру въ пагасійскомъ заливѣ, а мы знаемъ изъ Demosth. l. c., что городъ палъ потому, что аѳинская помощь запоздала.

4) Побѣды Ономарха надъ Филиппомъ—Diod. XVI 35, Polyaen. II 38, 2; битва при Коронеѣ—Diod. l. c. Arist. *Ником. эт.* III 1116 b.

образомъ Ономарха по изображеніямъ его враговъ, а они видѣли въ немъ, разумѣется, только святотатца грабителя и тирана, который изъ личнаго честолюбія навлекъ на Элладу неизмѣримыя бѣдствія. Намъ надлежитъ судить справедливѣе и не забывать, что только инстинктъ самосохраненія вложилъ оружіе въ руки фокійцевъ и самого Ономарха и что позднѣе самый ходъ событій долженъ былъ съ роковой силой увлекать ихъ внизъ по наклонной плоскости. И какъ бы ни смотрѣли мы на дѣло, которому служилъ Ономархъ,—великіе успѣхи, достигнутые имъ, ясно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ одаренъ замѣчательными политическими и военными талантами. Но злой рокъ противопоставилъ ему еще болѣе сильнаго человѣка—македонскаго царя.

Въ то время, какъ восточныя греческія державы—Спарта, Аѳины и Ѳивы — низошли такимъ образомъ, одна за другой, на уровень государствъ средней величины, — рухнуло и грандіозное зданіе, воздвигнутое Діонисіемъ въ Сициліи [1]). Въ минуту наибольшей опасности, когда независимости и, можетъ быть, самому существованію сицилійскихъ грековъ грозилъ смертельный ударъ, сиракузяне отказались отъ политической свободы и вручили высшую власть *одному* человѣку. Эта жертва не оказалась безплодной; тиранія доставила Сициліи полвѣка внутренняго мира и небывалое внѣшнее могущество. Но въ этотъ долгій періодъ мира подросло поколѣніе, которому гроза карѳагенскихъ нашествій была знакома только по разсказамъ отцовъ и дѣдовъ и которое не понимало, чѣмъ собственно оправдывается существованіе военной монархіи, разъ независимости Сициліи ни съ какой стороны не грозитъ опасность.

---

[1]) Источниками для исторіи этихъ событій служатъ намъ: разсказъ Діодора (XVI 5—6, 9—13, 15—20), жизнеописанія Діона у Непота и Плутарха, затѣмъ 7-ое и 8-ое мнимо-платоновы письма. Изложеніе событій, предшествовавшихъ революціи, у Плутарха (1—21) и Непота (1—5) совпадаетъ; вѣроятно оба пользовались здѣсь Тимеемъ, тогда какъ Діодоръ (XVI 5—6) въ этомъ случаѣ слѣдовалъ другому источнику. О самой революціи Діодоръ и Плутархъ разсказываютъ, за исключеніемъ немногихъ второстепенныхъ пунктовъ, совершенно согласно; оба свидѣтельства выставляютъ Діона въ очень выгодномъ свѣтѣ, только Діодоръ воздаетъ его противникамъ больше справедливости, чѣмъ Плутархъ, разсказъ котораго по временамъ переходитъ въ хвалебное слово. По всей вѣроятности, первоисточникомъ для обоихъ служилъ Тимей, которымъ Діодоръ пользовался непосредственно, Плутархъ — изъ вторыхъ рукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Плутархъ пользуется поддѣльными письмами Платона и, вѣроятно также поддѣльными, письмами Тимонида къ Спевсиппу. Непотъ самую революцію излагаетъ въ немногихъ словахъ, за-то подробнѣе разска-

Однако, пока живъ былъ старый Діонисій, все оставалось спокойнымъ; мало того — единовластіе было уже настолько упрочено, что и смѣна на престолѣ совершилась безъ всякой помѣхи. Только раздоръ, вспыхнувшій вскорѣ въ нѣдрахъ самого царствующаго дома, подалъ республиканской оппозиціи новыя надежды. Со времени изгнанія Діона (выше стр. 143) всѣ взоры были обращены на него, какъ на человѣка, по своимъ талантамъ, высокому соціальному положенію и обширной популярности наиболѣе пригоднаго стать во главѣ революціоннаго движенія. Самъ Діонъ вѣроятно съ перваго же дня рѣшилъ вернуться въ отечество съ оружіемъ въ рукахъ, но былъ достаточно уменъ, чтобы не дѣлать такой попытки до наступленія благопріятной минуты. Онъ поселился въ Аѳинахъ, гдѣ, поддерживая близкія отношенія со своимъ другомъ Платономъ и остальными членами академіи, повидимому всецѣло отдавался философскимъ занятіямъ; отсюда онъ завязывалъ сношенія съ политическими дѣятелями различныхъ городовъ. Наконецъ Діонисій началъ догадываться объ его замыслахъ; онъ лишилъ Діона права пользоваться доходомъ съ его огромныхъ имѣній, которое до сихъ поръ оставлялъ ему, велѣлъ своей сестрѣ Аретэ развестись съ Діономъ и выдалъ ее за Тимократа, коменданта сиракузской крѣпости.

Теперь Діонъ долженъ былъ приступить къ дѣлу, прежде чѣмъ средства, которыми онъ еще располагалъ, были истощены. Академія употребила все свое вліяніе на поддержку предпріятія, отъ котораго Платонъ, обманутый въ своихъ надеждахъ на Діонисія, ждалъ осуществленія своего политическаго идеала; въ числѣ спутниковъ Діона находилось нѣсколько учениковъ Платона, какъ Каллиппъ изъ Аѳинъ,

---

зываетъ о владычествѣ Діона въ Сиракузахъ, слѣдуя какому-то превосходному источнику, у котораго личность и дѣятельность Діона получаютъ совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ какое даетъ имъ панегиристъ Діона Плутархъ. Діодоръ объ этомъ періодѣ жизни Діона совсѣмъ умалчиваетъ, такъ какъ его разсказъ обрывается на побѣдѣ Діона надъ Нипсіемъ.—Хронологія основывается на слѣдующихъ датахъ: Діонъ вступилъ въ Сиракузы послѣ того, какъ тиранія въ Сиракузахъ господствовала 48 лѣтъ, т.-е. съ 405 по 357 г. (Plut. *Dion* 28). Отъ Закинѳа Діонъ отплылъ около середины лѣта (l. c. 23. 25), притомъ непосредственно передъ его отъѣздомъ произошло затменіе луны (l. c. 24), а это можетъ быть лишь затменіе, происшедшее 9 авг. 357 года. Съ этимъ совпадаетъ то, что Діодоръ излагаетъ начало похода Діона подъ годомъ архонта Агаѳокла (357/6). Діонъ былъ убитъ спустя 4 года по своемъ возвращеніи (Nep. *Dion* 10), т.-е. въ архонтство Діотима 354/3, подъ каковымъ годомъ разсказываетъ убіеніе Діона и Діодоръ, слѣдуя своему хронологическому источнику (XVI 31).

Эвдемъ съ Кипра, Тимонидъ изъ Левкады [1]). Аѳинское правительство не препятствовало этому; здѣсь очевидно были раздражены тѣмъ, что Діонисій совершенно пренебрегалъ своими союзническими обязанностями по отношенію къ Аѳинамъ, и надѣялись черезъ посредство Діона тѣснѣе привязать Сиракузы къ Аѳинамъ. Коринѳяне также отнеслись къ предпріятію Діона вполнѣ доброжелательно и позволили ему устроить здѣсь свою главную квартиру, покупать корабли и вербовать наемное войско [2]). Однако многочисленные сиракузскіе изгнанники, проживавшіе въ Греціи, за немногими исключеніями не приняли участія въ походѣ; они чувствовали глубокое недовѣріе къ человѣку, столь тѣсно связанному съ домомъ тирана, и послѣдствія показали, что они судили о Діонѣ правильнѣе, нежели его ученые друзья изъ академіи и сиракузское общество.

Въ Сиракузахъ конечно узнали о приготовленіяхъ Діона, и Филистъ, выйдя въ море съ флотомъ, принялся крейсировать у входа въ Адріатическое море, тогда какъ самъ Діонисій сталъ близъ Кавлоніи, чтобы встрѣтить Діона, если онъ, какъ нѣкогда Гилиппъ, направится отъ Кефаллевіи прямо къ италійскому берегу [3]). Такимъ образомъ, Діону не оставалось ничего другого, какъ плыть поперекъ черезъ Іонійское море къ Сициліи. Вскорѣ послѣ середины лѣта 357 года онъ отплылъ отъ Закинѳа съ отрядомъ въ 800 наемниковъ; главная армія должна были послѣдовать за нимъ, какъ только будетъ открытъ обычный путь вдоль берега Эпира и Италіи. Начальство надъ нею было ввѣрено сиракузянину Гераклиду, который занималъ высокій постъ въ войскѣ Діонисія, но затѣмъ былъ изгнанъ изъ-за своей дружбы съ Діономъ.

Діонъ благополучно достигъ мыса Пахинона, южной оконечности родного острова; но при попыткѣ обогнуть мысъ, эскадра была подхвачена сѣвернымъ вѣтромъ и отнесена къ ливійскому берегу; лишь послѣ продолжительныхъ скитаній удалось ей добраться до Гераклеи Миноя, карѳагенской крѣпости на границѣ съ владѣніями Діонисія, которая вѣроятно съ самаго начала была намѣчена какъ мѣсто высадки. Дѣло въ томъ, что Діонъ еще со времени своего могущества

---

1) Plut. *Dion* 22, Wilamowitz *Aristot. und Athen* I 327. По преданію, Спарта также даровала Діону право гражданства (Plut. *Dion* 17). Это —столь необычайная почесть, что она во всякомъ случаѣ могла быть оказана не изгнаннику, а всемогущему министру Діонисія; мы знаемъ, что позднѣе Спарта въ Сициліи противодѣйствовала Діону.

2) Diod. XVI 6, 5. Nep. *Dion* 10, 5, сравн. также Plut. *Dion* 53.

3) Plut. *Dion* 25, Nep. *Dion* 5.

находился въ близкихъ отношеніяхъ съ руководящими политическими дѣятелями Карѳагена [1]); притомъ, для Карѳагена ничего не могло быть пріятнѣе, какъ ослабленіе сиракузской военной монархіи, какого по всѣмъ признакамъ можно было ожидать отъ предпріятія Діона. Поэтому въ Гераклеѣ Діонъ встрѣтилъ со стороны карѳагенскаго коменданта наилучшій пріемъ. Недолго пробывъ здѣсь, онъ двинулся далѣе къ Сиракузамъ; по пути Акрагантъ, Гела и Камарина привѣтствовали его какъ освободителя и подкрѣпили войсками. Вѣсть объ его приближеніи вызвала и въ Сиракузахъ мятежъ; народъ открылъ ворота, и Діонъ при ликованіи народной массы совершилъ свой тріумфальный въѣздъ. Даже Гиппаринъ и Нисей, сыновья старшаго Діонисія отъ сестры Діона Аристомахи, перешли на сторону дяди [2]). Однако наемники Діонисія отстояли островъ Ортигію съ находившимися на немъ укрѣпленнымъ дворцомъ тирана и громаднымъ арсеналомъ, а вскорѣ подоспѣлъ и самъ Діонисій съ флотомъ.

Діонъ долженъ былъ приступить къ осадѣ. Онъ началъ съ того, что посредствомъ возведенія стѣны отъ малой до большой гавани отрѣзалъ крѣпость отъ остального города; вылазка тирана была отбита, и постройка благополучно доведена до конца. Вскорѣ прибылъ и Гераклидъ съ главными силами, оставшимися въ Пелопоннесѣ, именно съ 20 кораблями и 1500 наемниковъ. Сиракузяне приступили къ снаряженію эскадры, начальникомъ которой былъ избранъ Гераклидъ. Слѣдующей весною въ большой гавани произошло морское сраженіе; флотъ Діонисія, заключавшій въ себѣ 60 военныхъ кораблей, былъ совершенно разбитъ, и адмиралъ Филистъ, самый преданный и способный изъ слугъ царскаго дома, самъ убилъ себя, когда увидѣлъ, что все проиграно. Діонисій, запертый теперь и съ суши и съ моря, предложилъ сдать крѣпость подъ условіемъ, чтобы ему съ его наемниками и сокровищами было предоставлено свободное отступленіе въ Италію. Но сиракузяне, будучи увѣрены въ побѣдѣ, отвергли это предложеніе. Тогда Діонисій снарядилъ послѣдніе корабли, какіе еще оставались въ его распоряженіи, взялъ съ собою свою казну и, благополучно пробравшись чрезъ осадный флотъ, достигъ Локръ; въ крѣпости остался его сынъ Аполлократъ съ сильнымъ гарнизономъ.

Но въ эту минуту, когда побѣда казалась уже только вопросомъ времени, въ Сиракузахъ обнаружился внутренній расколъ. Республи-

[1]) Plut. *Dion* 5. 14, Nep. *Dion* 1.
[2]) [Платона] VIII письмо, p. 356 a, сравн. Diod. XVI 36.

канская партія не могла преодолѣть своего недовѣрія къ Діону; она опасалась, что онъ намѣревается самъ на мѣсто Діонисія провозгласить себя тираномъ. Во главѣ недовольныхъ сталъ товарищъ Діона Гераклидъ, который своей побѣдой надъ Филистомъ нанесъ смертельный ударъ тираніи и благодаря этому пользовался безграничной популярностью въ народѣ. Противъ этой оппозиціи Діонъ не въ силахъ былъ устоять; онъ скрылся изъ города и ушелъ со своими наемниками въ Леонтины.

Благодаря этимъ раздорамъ Діонисію удалось доставить осажденнымъ припасы и провести въ крѣпость отрядъ кампанскихъ наемниковъ подъ начальствомъ неаполитанца Нипсія [1]). Послѣдній въ ближайшую же ночь сдѣлалъ вылазку; сиракузскія укрѣпленія, защищавшія городъ противъ крѣпости, были взяты, послѣ чего наемники тирана разсыпались по улицамъ до самаго рынка, убивая и грабя. Сиракузянамъ не оставалось ничего другого, какъ призвать назадъ Діона; онъ поспѣшно явился и послѣ упорной битвы отбросилъ врага назадъ въ крѣпость; впрочемъ, часть города при этомъ погибла въ пламени. Подъ вліяніемъ этихъ событій сиракузяне избрали Діона въ стратеги съ неограниченными полномочіями, и онъ былъ уже достаточно силенъ, чтобы удержаться въ этомъ положеніи. Тщетно Спарта пыталась теперь вмѣшаться. Спартіатъ Фараксъ отправился въ Сицилію, набралъ войско и даже нанесъ пораженіе Діону въ области Акраганта; но Сиракузы остались во власти Діона. Осада крѣпости безпрерывно продолжалась; наконецъ, не получая подкрѣпленій, Аполлократъ принужденъ былъ капитулировать подъ условіемъ свободнаго отступленія.

Но вскорѣ народу пришлось убѣдиться, что онъ только перемѣнилъ господина. Діонъ былъ далекъ отъ мысли сложить диктатуру; напротивъ, теперь, послѣ побѣды, онъ началъ дѣйствовать въ духѣ своего учителя, старшаго Діонисія, хотя и безъ должной послѣдовательности. Вмѣсто того, чтобы разрушить укрѣпленный замокъ тирана, какъ того требовало общественное мнѣніе, онъ занялъ его своими наемниками, но самъ для благовидности остался жить въ городѣ. Противъ Гераклида, который все еще упорствовалъ въ своей оппозиціи, Діонъ не рѣшался дѣйствовать открыто; онъ избавился отъ него посредствомъ тайнаго убійства и затѣмъ устроилъ ему

[1]) Что Нипсій происходилъ изъ кампанскаго Неаполя, показываетъ его оскское имя (правильная форма *Νύμψιος*, какъ начертано въ надписи изъ Лакко на Исхіи, *CIG*. 5861=Kaibel *ISicIt*. 894).

торжественныя похороны на государственный счетъ. Чтобы добыть средства для выдачи своимъ наемникамъ недоплаченнаго жалованья, Діонъ конфисковалъ имѣнія своихъ политическихъ противниковъ; когда же и этихъ денегъ не хватило, онъ обложилъ гражданъ обременительными податями. Благодаря этому онъ утратилъ симпатіи состоятельныхъ классовъ, не пріобрѣтя взамѣнъ симпатій неимущей массы, стремленіямъ которой добиться передѣла земельной собственности онъ оказывалъ энергическое сопротивленіе. Его единственной опорой остались наемники и товарищи, которыхъ онъ привезъ съ собою изъ Греціи.

Но и въ ихъ средѣ скоро обнаружилась измѣна. Между друзьями изъ академіи, послѣдовавшими за Діономъ въ Сицилію, самымъ близкимъ къ нему былъ аѳинянинъ Каллиппъ, въ чьемъ домѣ онъ жилъ во время своего изгнанничества [1]). Именно этотъ человѣкъ и сталъ во главѣ заговора, направленнаго противъ Діона; по его приказанію Діонъ былъ убитъ своими собственными наемниками (353). Послѣ этого Каллиппъ взялъ въ свои руки управленіе государствомъ, тогда какъ друзья Діона бѣжали въ Леонтины, гдѣ успѣшно защищались противъ Каллиппа; руководство партіей принялъ на себя племянникъ Діона Гиппаринъ, сынъ великаго Діонисія отъ сестры Діона Аристомахи. Остальные города страны также отказывались признать Каллиппа. Ему удалось, правда, принудить къ покорности Катану; но въ то время, когда онъ находился въ походѣ, Гиппаринъ посредствомъ внезапнаго нападенія овладѣлъ Сиракузами (352). Послѣ этого Каллиппъ не могъ удержаться и въ Катанѣ; онъ отправился въ Регій, гдѣ былъ убитъ своими солдатами, которымъ не могъ уплатить жалованье. Гиппаринъ умеръ послѣ двухлѣтняго управленія, оставивъ власть надъ Сиракузами своему младшему брату Нисею [2]). Объ этихъ правителяхъ мы знаемъ почти только то, что̀ сообщаетъ намъ скандальная хроника этого времени, — именно, что они были великіе мастера пить и отличались пристрастіемъ къ красивымъ женщинамъ и мальчикамъ [3]); но то обстоятельство, что они

[1]) Относительно Каллиппа (*Κάλλιππος Φίλωνος Αἰξωνεύς*, рѣчь *пр. Поликла* 47—52 p. 1221 сл.) сравн. Schaefer *Demosth.* III 158 слл. По Demosth. *за Форм.* 53 p. 960, онъ находился въ Сициліи во время процесса Аполлодора противъ Формiона (352). Академія позднѣе пыталась отречься отъ Каллиппа, см. [Платона] VII письмо 333 e, цитировано у Plut. *Dion* 54.

[2]) О событіяхъ отъ смерти Діона до смерти Гиппарина Diod. XVI 31, 7; 36, 5, Plut. *Dion* 58, Polyaen. V 4, Arnold *Timoleon* (Кёнигсбергъ 1856) стр. 51 слл.

[3]) Theopomp. fr. 204 и 213 у Athen. X 435 f, 436 a, Parthen. 24. Напро-

сумѣли въ это трудное время вернуть себѣ отцовскій престолъ и держаться на немъ долгіе годы, показываетъ все-таки, что они были энергичные люди, достойные своего великаго отца и дяди съ материнской стороны. Наконецъ Діонисій вернулся изъ Локръ въ Сиракузы, прогналъ своего сводного брата и снова захватилъ власть (346); правда, ему тотчасъ пришлось вступить въ борьбу съ республиканской оппозиціей, которая нашла опору въ старомъ другѣ Діона Гикетѣ, провозгласившемъ себя владыкой Леонтинъ [1]). Въ Локрахъ также вспыхнуло теперь возстаніе противъ Діонисія, который всевозможными притѣсненіями и утонченнымъ развратомъ навлекъ на себя всеобщую ненависть. Гарнизонъ тирана былъ изгнанъ, а его жена Софросина и его дѣти, оставшіяся въ Локрахъ, пали жертвою народной ярости [2]).

Между тѣмъ какъ въ столицѣ свирѣпствовала междоусобная война, во всѣхъ остальныхъ частяхъ государства исчезъ всякій порядокъ. Сиракузскія колоніи и союзные города объявили себя независимыми, въ большинствѣ изъ нихъ явились тираны, дѣйствовавшіе въ малыхъ размѣрахъ совершенно такъ же, какъ тѣ, которые оспаривали другъ у друга власть надъ Сиракузами; таковы были: въ Леонтинахъ Гикетъ, въ Катанѣ Мамеркъ — какъ показываетъ имя, оскскій вождь наемниковъ,— въ Тавроменіѣ Андромахъ, въ Мессенѣ Гиппонъ. Продлись эта смута, Сицилія неминуемо должна была стать добычей кароагенянъ или италійскихъ наемниковъ, которыхъ сицилійскіе тираны все въ большемъ количествѣ принимали къ себѣ на службу [3]).

Такимъ образомъ, куда бы ни обратился взоръ, на востокѣ, какъ и на западѣ, греческій міръ представлялъ печальную картину поли-

---

тивъ, VIII письмо Платона воздаетъ должное Гиппарину, восхваляя его *ὅσιος τρόπος* (p. 356 a). Авторъ пользовался хорошими источниками.

[1]) Plut. *Timol.* 1, Justin. XXI 3, 10. — Каллиппъ правилъ Сиракузами послѣ убіенія Діона 13 мѣсяцевъ (Diod. XVI, 31, 7), затѣмъ Гиппаринъ два года (Diod. XVI 36, 5); о продолжительности правленія Нисея мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній. По Plut. l. c. Діонисій вернулся на 10 году послѣ своего изгнанія, т.-е. въ 346 г.; напротивъ, по Justin. XXI 3, 9 онъ правилъ Локрами только 6 лѣтъ (т.-е. 356—350), что̀ явно неправильно, такъ какъ возвращеніе Діонисія въ Сиракузы должно было произойти незадолго до похода Тимолеона (344).

[2]) Strab. VI 259, Plut. *πολιτ. παραγγ.* 28 p. 841, Athen. XII 541 c.

[3]) [Plat.] *Письмо* VIII 353 e *ἥξει δέ, ἐάνπερ τῶν εἰκότων γίγνηταί τε καὶ ἀπευκτῶν, σχεδὸν εἰς ἐρημίαν τῆς Ἑλληνικῆς φωνῆς Σικελία πᾶσα, Φοινίκων ἢ Ὀπικῶν μεταβαλοῦσα εἴς τινα δυναστείαν καὶ κράτος.*

тическаго разложенія. Нація, которая, будучи объединена, могла бы повелѣвать всѣмъ міромъ, тратила свои лучшія силы на внутреннюю борьбу. Уже греческіе города Азіи подчинились персамъ, города западной Сициліи — карѳагенянамъ, цѣлый рядъ колоній въ Италіи — самнитамъ и луканцамъ. Кто могъ сказать, что принесетъ съ собою будущее, если братоубійственныя распри не прекратятся?

ГЛАВА VIII.

Экономическое развитіе со времени Пелопоннесской войны.

Когда весною 431 года Периклъ отвергъ послѣднія мирныя предложенія пелопоннесцевъ и война сдѣлалась неизбѣжной, лакедемонянинъ Мелесиппъ, привезшій эти предложенія, прощаясь съ сопровождавшими его аѳинянами, по преданію воскликнулъ: «Этотъ день будетъ для Эллады началомъ великихъ бѣдствій» [1]). Онъ не могъ предвидѣть, въ какой страшной мѣрѣ оправдается его предсказаніе. Изъ 85 лѣтъ, отдѣляющихъ этотъ день отъ дня вступленія Филиппа въ Дельфы, не менѣе 55 были заняты великой эллинской войною, не считая безчисленныхъ мелкихъ войнъ, касавшихся только отдѣльныхъ частей греческаго міра [2]).

Количество человѣческихъ жертвъ, какого требовали эти войны, было, правда, въ большинствѣ случаевъ не очень велико. При приближеніи врага населеніе скрывалось за стѣны укрѣпленныхъ мѣстъ; большія открытыя сраженія были сравнительно рѣдки, и такъ какъ арміи никогда не заключали въ себѣ болѣе 20—30,000 человѣкъ и непріятель послѣ побѣды рѣдко преслѣдовалъ побѣжденныхъ съ настойчивостью, то потери не могли быть значительны. Такъ, если взять лишь нѣкоторыя изъ главныхъ сраженій, —при Деліонѣ (424) пало съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ около 1500 человѣкъ, при Мантинеѣ

---

1) Thuc. II 12, 3.

2) Въ счетъ вошли: архидамова война до перемирія Лахеса (431—423), декелейская война (414—404), коринѳская война (395—386), беотійская война (378—362 включая послѣдній годъ), священная война (357—346).

(418) 1400, при Коринѳѣ (394) 3900, при Левктрахъ (371) 1300 [1]). Морскія битвы сопровождались болѣе крупными потерями, въ виду многолюдности экипажей на военныхъ судахъ. Такъ, сраженіе при Аргинусахъ, въ которомъ погибло около 100 тріеръ съ большею частью экипажа, стоило жизни приблизительно 15.000 человѣкъ; правда, ни одно другое морское сраженіе этого времени не потребовало даже приблизительно такого огромнаго количества жертвъ. Вообще, сицилійско-декелейская война, которая велась преимущественно на морѣ, причемъ въ теченіе 10 лѣтъ противостояли другъ другу флоты въ 100 — 200 тріеръ, была наиболѣе кровопролитною изъ всѣхъ войнъ, какія отмѣчены греческой исторіей до Александра; только передъ Сиракузами аѳиняне въ битвахъ и отъ болѣзней потеряли около 20.000 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ и до начала войнъ діадоховъ на греческихъ моряхъ произошло немного крупныхъ морскихъ сраженій [2]).

При низкомъ уровнѣ осаднаго искусства въ періодъ до Филиппа укрѣпленные города очень рѣдко брались приступомъ, по крайней мѣрѣ на греческомъ Востокѣ; поэтому печальная участь быть разграбленными и разрушенными постигла лишь немногіе второстепенные города, пока Филиппъ разрушеніемъ Олинѳа и Александръ разрушеніемъ Ѳивъ снова показали грекамъ весь ужасъ настоящей войны. Иначе обстояло дѣло на западѣ; почти всѣ греческіе города въ Сициліи, кромѣ Сиракузъ, были въ концѣ V и началѣ IV вѣка разрушены либо карѳагенянами, либо Діонисіемъ; однако жители обыкновенно успѣвали спасаться и тотчасъ снова возвращались на родныя пепелища.

Гораздо болѣе серьезныя послѣдствія имѣло истребленіе собственности, которое обусловливалось способомъ веденія войнъ, господствовавшимъ въ Греціи. Когда войско вторгалось въ непріятельскую страну, оно уничтожало жатву, истребляло виноградники, срубало плодовыя деревья, сжигало деревни; проходили десятки лѣтъ, прежде

---

[1]) Деліонъ: Thuc. IV 102 (павшіе легковооруженные и оруженосцы не вошли въ то число, которое приведено въ текстѣ), Мантинея: Thuc. V 74, Коринѳъ: Diod. XIV 83, Левктры: Xen. *Hell.* VI 4, 15, Diod. XV 56, который безмѣрно преувеличиваетъ потери спартанцевъ. Правда, Діонисій потерялъ при Кроніонѣ, по преданію, 14.000 человѣкъ (Diod. XV 17), но вѣроятно и эта цифра сильно преувеличена; вообще, какъ-разъ къ показаніямъ о размѣрѣ потерь слѣдуетъ относиться съ особенной осторожностью.

[2]) Я считаю слѣдующія: Катана (396), Книдъ (394), Китіонъ (381), Наксосъ (376), Ализія (375), Сиракузы (356), Эмбата (356).

чѣмъ исчезали слѣды подобнаго нашествія. Не было почти ни одной мѣстности въ Греціи, которая въ періодъ времени отъ Пелопоннесской войны до Филиппа не была бы по крайней мѣрѣ одинъ разъ опустошена такимъ образомъ. Сюда надо прибавить экономическіе кризисы—неизбѣжные спутники продолжительныхъ войнъ, и страшный гнетъ налоговъ, необходимыхъ для покрытія издержекъ по содержанію войскъ и—еще болѣе—флотовъ.

Однако жизненная сила націи была достаточно велика, чтобы въ короткое время съ избыткомъ возмѣщать эти потери. Даже Аѳины, какъ тяжко ни пострадали онѣ отъ Пелопоннесской войны и революціи, уже черезъ восемь лѣтъ оказались въ силахъ снова начать большую войну и, по крайней мѣрѣ отчасти, вернуть себѣ владычество на морѣ; и теперь, какъ въ V вѣкѣ, онѣ оставались величайшимъ торгово-промышленнымъ городомъ на Эгейскомъ морѣ, съ которымъ въ смыслѣ богатства никакой другой городъ Греціи даже отдаленно не могъ выдержать сравненія [1]). Именно благодаря этому экономическому превосходству Аѳины могли оставаться вплоть до македонскихъ временъ первою морскою державою Греціи. Правда, потери, которыя понесло гражданское населеніе Аттики вслѣдствіе чумы 430—426 годовъ и вслѣдствіе Пелопоннесской войны, повидимому никогда уже не были вполнѣ возмѣщены. Тогда какъ въ эпоху Перикла количество взрослыхъ гражданъ мужского пола достигало 30.000 и болѣе (выше, т. I стр. 321),—въ концѣ IV вѣка оно не превышало 21.000; одною изъ главныхъ причинъ этой убыли былъ тотъ эгоизмъ, съ которымъ возстановленная демократія преграждала чуждымъ элементамъ доступъ въ гражданскую среду. Наоборотъ, число союзниковъ около 310 года простиралось приблизительно до 10.000 взрослыхъ мужчинъ, т.-е. было почти такъ же велико, какъ и до Пелопоннесской войны; то же самое можно сказать и о числѣ рабовъ, и даже вполнѣ возможно, что послѣднихъ около 340 года было больше, чѣмъ за столѣтіе передъ тѣмъ. Итакъ, Аѳины и во время Александра заключали въ себѣ круглымъ счетомъ 100.000 жителей; только теперь наибольшая часть городского населенія жила въ Пиреѣ, который съ точки зрѣнія торговли и промышленности занималъ несравненно болѣе удобное положеніе, чѣмъ верхній городъ. Вслѣд-

---

[1]) Demosth. *о симмор.* 25 *ὁρᾶτε τὴν πόλιν, ὦ ἄ. Ἀ., πᾶσαν ταυτηνί. ἐν ταύτῃ χρήματ' ἔνεστιν ὀλίγου δέω πρὸς τὰς ἄλλας εἰπεῖν πόλεις.* Эта рѣчь была произнесена въ 354 году, когда Аѳины только-что перенесли тяжкій кризисъ союзнической войны.

ствіе этого послѣдній началъ все болѣе и болѣе пустѣть; около середины IV вѣка здѣсь было множество пустырей и необитаемыхъ домовъ, и собственники начали даже сносить свои дома, чтобы на ихъ мѣстѣ разводить сады [1]).

Но если Аѳины и оставались самымъ большимъ городомъ на греческомъ Востокѣ, то въ эту эпоху ихъ опередила столица того государства, которое основалъ Діонисій на западѣ. Сицилія сильно пострадала въ тяжкую годину кареагенскихъ войнъ, но затѣмъ, въ теченіе долгаго періода мира подъ властью Діонисія, раны быстро зажили, разрушенные города снова были отстроены и большею частью снова вскорѣ достигли прежняго благосостоянія. Въ это время въ Сициліи былъ основанъ и рядъ новыхъ городовъ, какъ Тиндарисъ и Галэса на малонаселенномъ до тѣхъ поръ сѣверномъ побережьѣ, и Гадранонъ у западнаго склона Этны [2]). Но наибольшаго расцвѣта достигли самыя Сиракузы. Предмѣстья, образовавшіяся вокругъ стѣнъ еще со времени Гелона, были введены Діонисіемъ въ кольцо укрѣпленій и скоро пріобрѣли большое значеніе; къ двумъ старымъ частямъ города, Ортигіи и Ахрадинѣ, присоединились теперь кварталъ Тиха, у тракта въ Катану, до Гексапилона, большихъ сѣверныхъ воротъ новой линіи укрѣпленій, и съ юга Неаполь, расположенный на низкой террассѣ, которая господствуетъ надъ гаванью и долиной Анапа [3]). Благодаря этому Сиракузы сдѣлались самымъ большимъ

---

[1]) Сравн. *Bevölkerung* автора, стр. 57—101. Что написано съ тѣхъ поръ о народонаселеніи Аттики, не заслуживаетъ упоминанія здѣсь. Объ опустѣніи верхняго города — Исей V 11 (приблиз. отъ 389 г.), Xen. *Πόροι* II 6 (середина IV стол.), Plin. *Nat. Hist.* 19, 51 (конецъ столѣтія). Сравн. Wachsmuth *Stadt Athen* I 608.

[2]) О Тиндарисѣ и Гадранонѣ см. выше, стр. 127 и 122, о Галэсѣ Diod. XIV 16 (подъ 403/2 годомъ).

[3]) Застроенная часть Ахрадины могла занимать въ общемъ только низменность вдоль обѣихъ гаваней до латомій и кладбища, потому что на плоской возвышенности къ востоку отъ т. наз. «гелоновой стѣны» почти совсѣмъ не оказалось слѣдовъ древняго жилья. Предмѣстья, образовавшіяся со времени Дейноменидовъ вокругъ этого ядра, слѣдовали, конечно, направленію главныхъ улицъ города; вдоль дороги въ Катану возникла Тиха (Liv. 24, 21, впервые упомянута у Diod. XI 68 по случаю возстанія противъ Ѳрасибула, въ 466 году, гдѣ въ рукописяхъ, правда, читается *ἰτύχην*); Теменитъ образовался вдоль дороги въ Акры и Гелоръ, которая въ то время безъ сомнѣнія пролегала къ сѣверу отъ болотъ близъ гавани (впервые названъ у Thuc. VI 75, 1; 100, 2). Изъ этого предмѣстья позднѣе выросъ кварталъ Неаполь (Тимей у Cic. *Verr.* IV 53, 119, впервые, вѣроятно слишкомъ рано, упомянутъ у Diod. XIV 9, 5 подъ 404 г.) Занятое Гимилькономъ въ 396 году *Ἀχραδινῆς προάστειον* есть та часть этого предмѣстья, которую Діонисій оставилъ внѣ

изъ всѣхъ греческихъ городовъ, и онѣ сохранили это положеніе до тѣхъ поръ, пока явились колоссальные города, основанные на Востокѣ Александромъ и его преемниками [1]). Правда, разрушеніе сиракузской державы Діономъ и послѣдовавшая затѣмъ эпоха гражданскихъ войнъ на мгновеніе задержали развитіе Сициліи; разсказываютъ, что на сиракузскомъ рынкѣ трава достигала такой вышины, что на немъ пасли лошадей, а въ остальныхъ городахъ можно было передъ самыми стѣнами охотиться на оленей и кабановъ [2]). Но лишь только Тимолеонъ снова водворилъ въ странѣ миръ и порядокъ, Сиракузы и вся греческая Сицилія въ немного лѣтъ достигли прежняго расцвѣта [3]), и лишь римское завоеваніе повлекло за собою упадокъ острова.

Напротивъ, греческіе города Италіи со времени Пелопоннесской войны неудержимо клонились къ упадку. Междоусобныя войны конца VI вѣка, когда разрушены были Сирисъ и Сибарисъ, положили начало этому упадку; позднѣе, около середины слѣдующаго столѣтія, основаніе Ѳурій и Гераклеи вызвало новый расцвѣтъ, но противъ свѣжей силы воинственныхъ племенъ, обитавшихъ внутри страны, италійскіе греки не могли держаться. Города одинъ за другимъ переходили въ руки италиковъ: сначала Кума, затѣмъ Посейдонія, Пиксъ и Лаосъ, наконецъ и болѣе мелкіе города на такъ называемомъ съ тѣхъ поръ бреттійскомъ полуостровѣ, Сибарисъ на Треисѣ, Терина, Гиппоніонъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ грековъ оставались здѣсь только немногіе пункты, да и тѣ лишь съ трудомъ защищали свою независимость противъ натиска варваровъ. Одинъ только Та-

---

стѣнъ. Неаполь лежалъ подъ театромъ (*quam ad summam theatrum maximum* Cic. l. c.), отъ амфитеатра до Contrada del Fusco. Возвышенность надъ театромъ, *Τεμενῖτις ἄκρα* (Thuc. VII 3, 3, сравн. выше стр. 35 прим. 2), повидимому не была застроена, по крайней мѣрѣ на ней не найдено слѣдовъ древняго жилья; здѣсь вѣроятно разбилъ свой лагерь Марцеллъ въ 212 году (Liv. 25, 25 *inter Neapolim et Tycham posuit castra)*. Такимъ образомъ, заселенная часть Сиракузъ со времени Діонисія занимала, кромѣ острова, низменность отъ Cappuccini до Fusco, затѣмъ на вершинѣ возвышенности обширный кварталъ Тиху, вдоль дороги въ Катану (*coliturque ea pars et habitatur frequentissime*, Тимей у Цицерона l. c.). Линія домовъ доходила здѣсь, можетъ быть, до Гексапилона.

[1]) Уже Исократъ (*Nicocl.* 23) называетъ Сиракузы *μεγίστην τῶν ἑλληνίδων πόλεων* (около 370 г.), точно также Tim. у Cic. *de rep.* III 31, 43 = *Verr.* IV 52, 117 (начало III столѣтія).

[2]) Plut. *Timol.* 22, сравн. Diod. XVI 83.

[3]) Diod. XVI 83, Plut. *Timol.* 22. 36.

рентъ не былъ захваченъ всеобщимъ упадкомъ. Благодаря превосходнымъ качествамъ своей гавани, которыя дѣлали его естественнымъ складочнымъ пунктомъ для торговли между Греціей и Западомъ, онъ какъ-разъ въ это время достигъ большого расцвѣта; но и Тарентъ принужденъ былъ безпрестанно бороться съ италиками за свое существованіе, и долго вести эту борьбу съ успѣхомъ онъ оказался не въ силахъ. Поэтому онъ примкнулъ сначала къ сиракузской державѣ Діонисія, а послѣ ея крушенія искалъ поддержки у Спарты и эпирскихъ царей, пока наконецъ не былъ настигнутъ своей судьбой и принужденъ признать верховную власть Рима.

Несравненно бóльшаго блеска достигли въ своемъ развитіи греческіе города Малой Азіи, несмотря на опустошенія, которымъ они подверглись во время Пелопоннесской и Коринѳской войнъ, и на смуту, вызванную возстаніями сатраповъ. Ибо какъ ни было тягостно персидское владычество, которому вслѣдствіе Анталкидова мира подпали греки, обитавшіе на материкѣ,—оно снова обезпечило береговымъ городамъ безпрепятственное сообщеніе съ лежавшей позади ихъ страною, отъ которой они въ эпоху аѳинской и спартанской гегемоніи были почти отрѣзаны, и тѣмъ вернуло имъ естественную основу ихъ благосостоянія. Такимъ образомъ, Эфесъ, который въ V вѣкѣ былъ городомъ средней величины, пользовался довольно скромнымъ значеніемъ и ни въ какомъ отношеніи не превосходилъ сосѣдніе города Милетъ, Теосъ и Эриѳры, — съ конца Пелопоннесской войны, благодаря своему удобному сообщенію съ Сардами и долиной Меандра, сдѣлался громаднымъ складочнымъ пунктомъ, гдѣ сосредоточивалась торговля съ внутренними областями Малой Азіи [1]); съ тѣхъ поръ онъ занималъ такое же положеніе, какъ теперь Смирна. Галикарнассъ, сдѣлавшійся благодаря Гекатомну и Мавсоллу столицей карійской монархіи, вслѣдствіе этого своего положенія обратился въ крупный центръ (выше стр. 248). Новооснованный Родосъ, благодаря своему удобному положенію на великомъ торговомъ пути изъ Эгейскаго моря въ Сирію и Египетъ, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ первыхъ торговыхъ пунктовъ греческаго міра [2]). Примѣру, поданному Родосомъ, послѣдовалъ и сосѣдній Косъ, населеніе котораго до сихъ поръ было разбито на восемь небольшихъ мѣстечекъ. Въ 366/5 г. здѣсь, также

---

1) Plut. *Lys*. 3. Въ серединѣ V вѣка дань Эфеса Аѳинамъ составляла 6—7½ талантовъ, тогда какъ Милетъ платилъ 5 — 10, Теосъ 6, Эриѳры 7—8½ тал. Сравн. выше т. I стр. 319 и ст. Pedroli въ *Studi di Storia Antica* автора I 143.

2) Diod. XIII 75, 1 и выше стр. 117, Lycurg. *пр. Леокр*. 15 сл.

на сѣверной оконечности острова, насупротивъ Галикарнасса, былъ заложенъ городъ Косъ, который въ теченіе немногихъ лѣтъ обратился въ довольно значительный средней величины городъ [1]). Изъ старыхъ городовъ мало-азіатскаго архипелага Хіосъ и Митилена и въ IV вѣкѣ сохраняли свое прежнее значеніе, тогда какъ Самосъ подъ вліяніемъ политическихъ условій лишился былого могущества.

На греческомъ полуостровѣ городская форма общежитія также сдѣлала въ это время большіе успѣхи. Въ юго-западной части Пелопоннеса, гдѣ до сихъ поръ не было крупныхъ центровъ, были основаны Мегалополь и Мессена, которые вскорѣ сдѣлались самыми значительными городами полуострова. Коринѳъ, хотя и медленно, оправлялся отъ ударовъ, нанесенныхъ ему Пелопоннесской и Коринѳской войною; сосѣдняя Мегара заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду промышленныхъ городовъ Греціи [2]). Въ Беотіи Ѳивы, благодаря успѣхамъ своей политики, достигли пышнаго расцвѣта; при разрушеніи ихъ Александромъ онѣ имѣли около 40.000 жителей [3]). О важности Пагасъ, служившихъ естественнымъ посредникомъ сообщенія между богатой ѳессалійской равниной и моремъ, еще и теперь краснорѣчиво свидѣтельствуетъ широко раскинувшееся кольцо ихъ стѣнъ [4]). Вообще, въ экономическомъ отношеніи Ѳессалія принадлежала къ числу наиболѣе цвѣтущихъ областей Греціи, пока междоусобія, вспыхнувшія здѣсь послѣ убіенія Ясона, не нанесли ея благосостоянію глубокихъ ранъ, отъ которыхъ ей уже никогда не удалось вполнѣ оправиться [5]).

Но ни одна область Греціи не достигла въ теченіе IV вѣка болѣе замѣчательныхъ экономическихъ успѣховъ, чѣмъ Македонія и лежащій впереди ея халкидонскій полуостровъ. Олинѳъ, бывшій еще въ 435 году совершенно незначительнымъ поселкомъ, со времени Пелопоннесской войны пріобрѣлъ значеніе одного изъ самыхъ видныхъ среднихъ городовъ Греціи; уже въ 383 году число его гражданъ достигало 5000, а спустя тридцать лѣтъ оно равнялось 10.000, что̀ соотвѣт-

---

[1]) Diod. XV 76, Strab. XIV 657, Paton and Hicks *Inscriptions of Cos*, Оксфордъ 1891.

[2]) Isocr. *о мирѣ* 117, Xen. *Memor.* II 7, 6.

[3]) Diod. XVIII 14, *Bevölkerung* автора стр. 166.

[4]) Это кольцо стѣнъ могло быть воздвигнуто только ѳерскими тиранами, такъ какъ въ III вѣкѣ Пагасы были только *κώμη* Деметріады, и самая кладка стѣнъ показываетъ, что онѣ не могли быть построены ранѣе IV вѣка.

[5]) Isocr. *Antid.* 155, Plat. *Meno* 70 a и Критій и Ѳеопомпъ у Athen. XII 527 a b.

ствуетъ гражданскому населенію приблизительно въ 35.000 чел., включая, впрочемъ, и городской округъ [1]). Какъ собственно Македонія была открыта культурѣ царемъ Архелаемъ, мы уже видѣли (выше, стр. 103): его преемники продолжали идти по этому пути, и уже спустя полвѣка Македонія могла занять въ кругу греческихъ государствъ то мѣсто, какое подобало ей по ея громадному протяженію и великимъ естественнымъ рессурсамъ.

Въ этомъ экономическомъ расцвѣтѣ греческаго міра сельское хозяйство играло сравнительно второстепенную роль [2]). На греческомъ полуостровѣ и на островахъ Эгейскаго моря всѣ земельные участки, пригодные для обработки, были обращены въ пашню уже столѣтія назадъ; поэтому теперь можно было стремиться только къ тому, чтобы посредствомъ болѣе интенсивной обработки извлекать изъ земли болѣе крупный доходъ. Дѣйствительно, въ эту эпоху начинаютъ теоретически разрабатывать сельское хозяйство; Хармантидъ съ Пароса, Аполлодоръ съ Лемноса и Андротіонъ писали трактаты о земледѣліи, и еще до насъ дошло небольшое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ въ одномъ изъ сочиненій Ксенофонта [3]). Правда, и теперь еще держались въ общемъ старой двухпольной системы, причемъ поле черезъ годъ оставлялось на годъ подъ паромъ [4]); но рядомъ съ нею начало развиваться и трехпольное хозяйство, въ которомъ другъ за другомъ слѣдовали озимое, яровое и паръ [5]). На паровомъ полѣ иногда разводили огородъ [6]). Значительно распространилось также разведеніе кормовыхъ травъ, особенно люцерны, «мидійской травы», какъ называли ее греки, которая была занесена въ Грецію послѣ Персидскихъ войнъ, а въ эпоху Пелопоннесской войны въ Аттикѣ уже повсемѣстно употреблялась какъ кормъ для лошадей [7]). Но главнымъ

---

1) Demosth. *о пос.* 263. 266. Изображеніе экономическаго расцвѣта Халкидики около 383 г. даетъ Xen. *Hell.* V 2, 14 слл. Сравн. *Bevölkerung* автора стр. 205.

2) Сравн. Guiraud *La propriété foncière en Grèce jusqu' à la conquête romaine*, Парижъ 1893.

3) Первые двое упоминаются Аристотелемъ въ *Политикѣ* I 1258 b, Андротіонъ—у Theophr. *φυτῶν ἱστορία* II 7, 2 сл., *αἴτια φυτ.* III 10, 4; Ксенофонтъ трактуетъ о сельскомъ хозяйствѣ въ *Oecon.* 16—19. Въ ботаническихъ сочиненіяхъ Ѳеофраста также встрѣчается много свѣдѣній по сельскому хозяйству.

4) См. выше, т. I стр. 323 прим. 3 и *CIA.* II 600 (отъ 300/299 года).

5) О яровой пшеницѣ и яровомъ ячменѣ упоминаетъ Theophr. *φυτ. ἱστ.* VIII 1, 4. 4, 4; *αἴτια φυτ.* III 21, 2, сравн. Olck *Ackerbau* въ словарѣ Pauly-Wissowa I 268.

6) Theophr. *αἴτια φυτ.* III 20, 7, *CIA.* II 600.

7) Plin. 18, 144, Aristoph. *Всадники* 606, срав. Hehn *Kulturpflanzen* стр. 331.

образомъ землевладѣльцы старались увеличить доходъ съ земли посредствомъ превращенія нивъ въ виноградные и оливковые сады; въ арендныхъ контрактахъ этого времени такія насажденія очень часто ставятся въ условіе арендатору [1]), и мы узнаемъ, что стоимость участка благодаря такой замѣнѣ могла въ немногіе годы удвоиться [2]). Но разъ участокъ былъ засаженъ деревьями, вернуться къ хлѣбопашеству было уже, разумѣется, невозможно; и дѣйствительно, всѣ безъ исключенія арендные договоры содержатъ пунктъ объ обязательной замѣнѣ каждаго погибшаго дерева новымъ. Правда, сельское хозяйство сильно страдало отъ заморской конкурренціи, тѣмъ болѣе, что государство не только ничего не дѣлало для его защиты, но обыкновенно еще старалось понизить цѣны на хлѣбъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ условій было то, что многіе землевладѣльцы реализировали свой капиталъ, лежавшій въ землѣ, и обращались къ торговлѣ или банкирскому дѣлу [3]). Поэтому земельные участки продавались во множествѣ; особенно въ эпохи кризисовъ, какъ въ Аттикѣ послѣ Пелопоннесской войны, помѣстья тысячами поступали въ продажу. Были опытные и богатые землевладѣльцы, которые занимались тѣмъ, что скупали разоренныя помѣстья, водворяли въ нихъ благоустроенное хозяйство и затѣмъ съ прибылью перепродавали; нѣкій Исхомахъ этимъ способомъ нажилъ въ Аѳинахъ большое состояніе [4]). Въ покупателяхъ не было недостатка, такъ какъ, несмотря на сравнительно малый размѣръ ренты, землевладѣніе являлось единственнымъ вполнѣ надежнымъ помѣщеніемъ капитала [5]).

Такимъ образомъ Греція со времени Пелопоннесской войны все болѣе и болѣе превращалась въ промышленную страну. Притомъ, мел-

---

1) Сравн., напримѣръ, гераклейскія надписи.

2) Исей IX 28.

3) Xen. *Πόροι* 4, 6.

4) Xen. *Oecon.* 20, 22 слл.

5) О цѣнахъ на землю въ Греціи мы имѣемъ изъ классическаго періода только одно достовѣрное показаніе — у Lys. *объ им. Арист.* 29 и 41. По его свидѣтельству, въ Аттикѣ въ эпоху Коринѳской войны гектаръ стоилъ около 375 руб. Вѣроятно, Лисій въ интересахъ своего кліента сильно преувеличилъ стоимость земли; если же нѣтъ, то, вѣроятно, рѣчь идетъ объ отлично обработанномъ и лежащемъ непосредственно вблизи города участкѣ, потому что хлѣбопашество съ оставленіемъ земли подъ паромъ при цѣнѣ въ 2 р. 50 коп. за гектолитръ пшеницы, не можетъ дать чистаго дохода въ 30 руб. съ гектара, какъ слѣдовало бы при поземельной рентѣ въ 8%. – Впрочемъ, въ одномъ арендномъ контрактѣ аттической фратріи *Δυαλεῖς* отъ $300/_{299}$ года поземельная рента принимается въ 12% стоимости (*CIA.* II 600).

кій ремесленникъ, работавшій одинъ или съ немногими подмастерьями, все болѣе вытѣснялся основаннымъ на эксплоатаціи рабскаго труда крупнымъ производствомъ. Въ Аѳинахъ къ концу Пелопоннесской войны существовали фабрики, гдѣ работало до 120 человѣкъ [1]), хотя и мастерскія съ 20 — 30 рабочими считались уже значительными [2]). Рабское хозяйство захватило теперь и тѣ страны, которыя до сихъ поръ чуждались его, какъ Фокида и Локрида. Правда, общественное мнѣніе рѣшительно высказывалось противъ замѣны свободнаго труда рабскимъ, благодаря которой множество гражданъ лишались средствъ къ существованію; но передъ могучей силой экономической эволюціи, требовавшей перехода къ крупному производству, эта оппозиція оказывалась, конечно, такъ же мало дѣйствительной, какъ нѣкогда законодательныя мѣры Періандра [3]).

Во главѣ промышленныхъ предпріятій всегда стояли единичныя лица, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда напримѣръ два брата продолжали совмѣстно вести отцовское дѣло, какъ Лисій и Полемархъ—большую оружейную фабрику въ Пиреѣ. Даже въ горнозаводскомъ дѣлѣ, несмотря на величину риска и крупные размѣры предварительныхъ затратъ, вполнѣ преобладали единоличныя предпріятія [4]), хотя и встрѣчались товарищества изъ нѣсколькихъ лицъ. Напротивъ, въ морской торговлѣ величина риска рано привела къ образованію торговыхъ компаній [5]). Простѣйшій видъ такого товарищества представлялъ бодмерейный договоръ *(ναυτικὸν δάνεισμα)*, когда капиталистъ давалъ ссуду подъ залогъ судна и груза и по возвращеніи судна получалъ свои деньги обратно, причемъ судохозяинъ и заимодавецъ совмѣстно несли рискъ; этому соотвѣтствовала, конечно, и величина процента [6]). Чтобы уменьшить рискъ, иногда для такого предпріятія соединялось нѣсколько капиталистовъ, такъ что каждый вкладывалъ въ дѣло менѣе значительную сумму, 2 — 3000 драхмы. Подобныя товарищества распадались, какъ только судно возвращалось домой и каждый получалъ свой капиталъ и проценты; но обыкновенно тѣ же капиталисты затѣмъ опять соединялись для новаго предпріятія.

---

[1]) Lys. *пр Эратосѳ*. 8. 19.

[2]) Какъ тѣ двѣ фабрики, которыя содержалъ около 380 года отецъ оратора Демосѳена (Demosth. *пр. Афоба* I 19).

[3]) Tim. fr. 67.

[4]) Boeckh *Staatsh.* I² 422, Xen. *Πόροι* 4, 32.

[5]) См. Schmoller *Die Handelsgesellschaften des Altertums (Jahrbücher für Gesetzgebung etc.* N. F. XVI 1892, стр. 87 сл.) и указанную тамъ литературу.

[6]) Выше, т. I. стр. 329.

Но особенно образованіе товариществъ обусловливалось потребностями государственнаго управленія. Греческія государства не сами взыскивали свои косвенные налоги, а отдавали ихъ съ торговъ на откупъ тому предпринимателю, который предлагалъ больше другихъ; точно также постройка общественныхъ зданій, поставка припасовъ и пр. обыкновенно сдавались въ подрядъ тому, кто требовалъ меньше другихъ. Эти откупа простирались иногда на очень крупныя суммы; такъ, напримѣръ, аренда пирейской пошлины—безъ сомнѣнія, впрочемъ, самый крупный откупъ во всей Греціи — въ ближайшіе годы по окончаніи Пелопоннесской войны составляла 30 — 36 талантовъ, въ обезпеченіе каковой суммы предприниматели обязаны были представлять залогъ государству. Далѣе, необходимъ былъ большой штатъ сборщиковъ, которыхъ надо было навербовать и обучить для службы. Отдѣльное лицо не могло бы нести того риска, который былъ связанъ съ такими громадными предпріятіями. Поэтому для взятія откуповъ должны были составляться товарищества; и если существованіе подобной компаніи продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока цѣль, для которой она составлялась, была достигнута, т.-е. при арендѣ налоговъ—одинъ годъ, то по истеченіи срока эти товарищества естественно должны были стремиться возобновить аренду и на слѣдующій годъ, уже для того, чтобы долѣе использовать созданную для сбора податей организацію. Именно поэтому они могли предлагать болѣе выгодныя условія, чѣмъ большинство новыхъ предпринимателей; въ противномъ случаѣ они старались тайно войти въ соглашеніе съ конкуррентами, предлагая имъ отступное, а въ крайности прибѣгали даже къ судебнымъ придиркамъ [1]). Такимъ образомъ постепенно образовалась монополія большихъ откупныхъ товариществъ на сборъ государственныхъ доходовъ, сдѣлавшаяся настоящей язвой греческихъ финансовъ. По преданію, аѳинскій государственный дѣятель Каллистратъ, поступившій послѣ своего изгнанія на службу къ македонскому царю (сравн. выше стр. 240), исключительно путемъ реформы откупного дѣла повысилъ таможенные доходы государства съ 20 до 40 талантовъ [2]).

Рука объ руку съ развитіемъ откуповъ шло развитіе банковаго дѣла. Его колыбелью были святилища, гдѣ частью изъ доходовъ съ храмовой земли, частью изъ пожертвованій образовались значительные капиталы. Государства и частныя лица также отдавали свои

---

1) Andoc. *de myst.* 133 слл., сравн. Plut. *Alc.* 5.

2) [Aristot.] *Oecon.* II 22 (p. 1350 a).

деньги на сохраненіе храмамъ, гдѣ святость мѣста ручалась за полную безопасность, какой въ другомъ мѣстѣ нельзя было найти. Такъ, военная казна аѳинскаго морского союза хранилась сначала въ храмѣ Аполлона на островѣ Делосѣ, позднѣе въ храмѣ Аѳины въ аѳинскомъ акрополѣ. Въ храмъ Артемиды въ Эфесѣ стекались вклады изъ всей западной половины Малой Азіи [1]; такое же значеніе имѣлъ дельфійскій храмъ Аполлона для греческой метрополіи [2]. Храмовыя правленія уже рано пришли къ мысли отдавать подобныя деньги въ ростъ [3], и съ теченіемъ времени эти сдѣлки достигли обширныхъ размѣровъ. Такъ, делосскій храмъ въ 377 году имѣлъ въ ссудахъ подъ проценты за государствами и частными людьми 47 талантовъ [4].

Затѣмъ возрастающія потребности торговли начали привлекать къ банкирскому дѣлу и частныхъ лицъ; они принимали вклады, производили платежи за счетъ своихъ кліентовъ или давали имъ деньги взаймы, служили посредниками въ денежныхъ сдѣлкахъ съ другими мѣстами. Разумѣется, этимъ дѣломъ занимались преимущественно мѣняла. Они сидѣли у своихъ столовъ на рынкѣ, какъ еще и теперь ихъ можно видѣть на Эоловой улицѣ въ Аѳинахъ; отсюда названіе «столъ» (*τράπεζα*), которымъ греки обозначали банкъ. Такъ какъ для подобнаго дѣла необходимы были крупные капиталы и большой кредитъ, то часто соединялись нѣсколько лицъ, которыя и вели банкъ на общій счетъ [5]; въ другихъ случаяхъ банкиръ велъ дѣло съ негласными товарищами, которые представляли поручительство за него и за-то получали часть прибыли. Кромѣ того, банкиры занимались и промышленными предпріятіями, а также вѣроятно вкладывали часть своихъ капиталовъ въ ипотеки или землевладѣніе.

Центральнымъ денежнымъ рынкомъ Греціи были съ V вѣка, разумѣется, Аѳины. Главнымъ банкиромъ здѣсь во время послѣ окончанія Пелопоннесской войны былъ Пасіонъ, который сначала въ качествѣ раба служилъ въ банкирской конторѣ Архестрата и Антисѳена,

---

1) Xen. *Anab.* V 3, 6, Strab. XIV 640, сравн. Plaut. *Bacch.* II 3, 78, Dio Chrysost. 31, 54.

2) Сравн. Plut. *Lys.* 18.

3) Такъ, по преданію, Алкмеониды получили ссуду отъ дельфійскаго храма на покрытіе издержекъ по борьбѣ съ Гиппіемъ (Isocr. *Antid.* 232, Demosth. *пр. Мид.* 144, сравн. Aristot. *Ἀθην. πολ.* 19, 4).

4) *CIA.* II 814 и сюда Schoeffer *De Deli insulae rebus*, *Berl. Stud.* IX, 1889, стр. 61 слл. Уже въ 434/3 году аѳинскіе амфиктіоны на Делосѣ выдали изъ храмовыхъ денегъ ссудъ подъ проценты на сумму въ 9 тал. 20 др. (*CIA.* I 283).

5) Demosth. *за Форм.* 13 слл., 37. 43 слл. (p. 948. 956 сл.).

затѣмъ былъ отпущенъ своими хозяевами на волю и въ концѣ-концовъ самъ перенялъ ихъ банкъ. Около 394 года его фирма была уже одною изъ первыхъ въ Греціи; когда онъ около 371 года удалился отъ дѣлъ, его банкъ являлся уже міровой фирмой, оперировавшей капиталомъ въ 50 талантовъ, почти исключительно депозитныхъ денегъ [1]), и пользовавшейся неограниченнымъ кредитомъ во всѣхъ торговыхъ пунктахъ Эллады. Кромѣ того, Пасіонъ имѣлъ большую фабрику щитовъ; изъ доходовъ съ банка и фабрики онъ, начавъ съ пустыми руками, скопилъ состояніе въ 30 талантовъ, и его разсчитанная щедрость на общественныя нужды доставила ему званіе аѳинскаго гражданина. Послѣ удаленія Пасіона его дѣло продолжалъ подъ старой фирмой его вольноотпущенникъ Форміонъ, платя аренды за банкъ 100 минъ, за фабрику 60; онъ также достигъ большого благосостоянія и пріобрѣлъ аѳинское право гражданства. Такимъ же образомъ и многіе другіе путемъ банкирскихъ предпріятій возвысились отъ невольничества до виднаго общественнаго положенія; но вѣроятно ни одинъ изъ нихъ не достигъ такихъ блестящихъ успѣховъ, какъ Пасіонъ, Ротшильдъ того времени [2]).

Развитіе банкирскаго дѣла привело къ тому, что коммерсанты и

---

[1]) Правда, на наши деньги это составляетъ лишь около 150,000 руб. или, если принять во вниманіе пониженіе цѣнности денегъ, пол-милліона или нѣсколько болѣе. Однако въ то время деньги давали втрое бóльшій доходъ, чѣмъ теперь, такъ что 50 талантовъ Пасіона составляли такой же капиталъ, какъ полтора милліона въ рукахъ современнаго банкира. Тѣмъ не менѣе, этотъ примѣръ ясно показываетъ, какъ ограничены были греческія отношенія еще въ IV вѣкѣ и какъ мы должны остерегаться прилагать къ нимъ привычный намъ масштабъ.

[2]) Главные источники—Isocr. *Τραπεζ.*, рѣчи Демосѳ. *за Форміона* и Аполлодора *пр. Стефана*. О размѣрахъ состоянія Пасіона Demosth. l. c. 5. 36 слл. Изъ рѣчи Демосѳена явствуетъ, что долговыя обязательства, оставленныя Пасіономъ, составляли около 20 тал., тогда какъ его помѣстье приносило дохода приблизительно 1 тал. (по 30 м. на каждаго изъ двухъ сыновей); сюда надо прибавить наслѣдственную долю вдовы въ размѣрѣ около 5 тал. (Apoll. *пр. Стеф.* I 28 p. 1110, 74 p. 1124), въ каковую сумму очевидно вошли и драгоцѣнности, рабыни и пр. Отсюда надо исключить долгъ банку въ 11 тал. (Demosth. l. c. 5 p. 945 сл.). Считая доходъ съ имѣнія въ 8%, т.-е. стоимость послѣдняго въ $12^1/_2$ тал., получимъ, по вычетѣ долга, состояніе въ $26^1/_2$ тал. Къ нимъ надо еще прибавить стоимость ѳабрики и работавшихъ въ ней невольниковъ, такъ что все состояніе Пасіона можно оцѣнить приблизительно въ 30 тал. Въ банкѣ Пасіонъ не держалъ собственныхъ денегъ, такъ какъ онъ еще остался долженъ своему преемнику 11 тал. Если Demosth. l. c. 5 опредѣляетъ стоимость помѣстья въ 20 тал., то это, можетъ быть, и вѣрно, но по всей вѣроятности оно было заложено.

многія частныя лица, вмѣсто того, чтобы держать крупныя денежныя суммы у себя дома, стали вносить свои деньги въ банкъ подъ проценты, что̀ въ свою очередь имѣло послѣдствіемъ все болѣе частую замѣну наличныхъ платежей ассигновками *(διαγράφειν)*. Такимъ образомъ, крупныя суммы, до сихъ поръ хранившіяся подъ спудомъ, поступали въ оборотъ. И вообще количество драгоцѣнныхъ металловъ, находившихся въ обращеніи въ Греціи, значительно увеличилось въ эту эпоху. Правда, доходъ съ лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ близъ Аѳинъ вслѣдствіе Пелопоннесской войны сильно уменьшился и снова началъ возрастать лишь съ средины IV вѣка [1]). Но эти рудники далеко уступали по количеству добываемыхъ металловъ пангейскимъ рудникамъ во Ѳракіи, съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе перешли во власть Македоніи; по преданію, Филиппъ получалъ съ нихъ ежегодно 1000 талантовъ [2]). Но главное — тѣ массы драгоцѣнныхъ металловъ, которыя въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній накопились въ государственныхъ и храмовыхъ кассахъ, были теперь истрачены въ непрерывныхъ войнахъ и снова поступили въ оборотъ; такая участь постигла во время Пелопоннесской войны аѳинскую государственную казну, а позднѣе дельфійскую храмовую сокровищницу. Торговля съ Востокомъ также привлекала постоянно большія суммы денегъ въ Грецію, и такую же роль играло жалованье тѣхъ десятковъ тысячъ греческихъ воиновъ, которые съ конца IV вѣка изъ года въ годъ состояли на персидской и египетской службѣ.

Этими путями въ Грецію вливалось преимущественно золото [3]), вслѣдствіе чего цѣнность этого металла въ сравненіи съ древнимъ

---

[1]) Xen. *Πόροι* 4, 28, *Memor*. III 6, 12. Во времена Александра ихъ доходность вѣроятно опять возросла, если предприниматели, какъ Дифилъ, могли эксплуатаціей ихъ наживать большія состоянія *(Жизнеописаніе десяти ораторовъ, Ликургъ*, въ концѣ). Ясно, что доходность лаврійскихъ рудниковъ должна была уменьшаться въ той же мѣрѣ, въ какой падала покупная сила серебра.

[2]) Diod. XVI 8. 6. Впрочемъ, это показаніе вѣроятно сильно преувеличено.

[3]) Такъ напримѣръ, стоимость золотыхъ жертвенныхъ даровъ въ Дельфахъ достигала, по преданію, 4000 тал., серебряныхъ — 6000 (Diod. XVI 56, 6). Впрочемъ, это показаніе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ золотымъ вещамъ, нѣсколько преувеличено, такъ какъ платиновыя пластинки жертвеннаго дара Креза оцѣнены въ такую сумму, какъ если бы онѣ были изъ чистаго золота, тогда какъ онѣ содержали лишь около 70% золота. Слѣдовательно, количество золота преувеличено приблизительно на 60 тал. Тѣмъ не менѣе, уже одни жертвенные дары Креза содержали золота почти на 200 тал., что̀ при переводѣ на серебро въ отношеніи 1 : 12 даетъ 2400 тал.; а такъ какъ кромѣ нихъ въ храмовой сокровищницѣ находилось множество дру-

національнымъ орудіемъ обмѣна—серебромъ—постепенно падала. Въ то время какъ въ V столѣтіи золото стояло къ серебру въ отношеніи 1 : 13 или даже 1 : 14, въ теченіе слѣдующаго вѣка это отношеніе упало до 1 : 12 или 1 : 11½ [1]). Это обстоятельство побудило около времени Пелопоннесской войны нѣкоторыя болѣе крупныя государства европейской Греціи, какъ Аѳины и Сиракузы, перейти къ чеканкѣ золотой монеты [2]). Однако послѣдняя чеканилась въ очень ограниченномъ размѣрѣ; господствующей золотой монетой въ Греціи и теперь оставались персидскіе дарейки и отчасти кизикскіе статеры изъ электрона [3]). Лишь Филиппъ Македонскій началъ чеканить золото въ обширныхъ размѣрахъ, къ чему давали ему средства пангейскіе рудники. За образецъ онъ принялъ аѳинскіе статеры, которые чеканились по нѣсколько болѣе высокой пробѣ, чѣмъ персидскіе дарейки (8,6 противъ 8,4 гр.). Серебряную монету Филиппъ чеканилъ по родосской валютѣ, тетрадрахмъ въ 14,5 гр., такъ что золотой статеръ равнялся 30 серебрянымъ драхмамъ, соотвѣтственно отношенію въ цѣнѣ обоихъ металловъ 1 : 12,6. Но дальнѣйшее паденіе стоимости золота, вызванное завоеваніемъ Азіи, вскорѣ заставило отказаться отъ этой биметаллической системы, и уже Александръ былъ вынужденъ перейти къ чистой серебряной валютѣ, причемъ онъ естественно взялъ въ образецъ монетную систему Аттики, чьи тетрадрахмы все еще являлись господствующей серебряной монетой въ бассейнѣ Эгейскаго моря [4]).

гихъ золотыхъ жертвенныхъ даровъ, то общая стоимость всѣхъ ихъ должна была простираться до 3000 тал. Относительно приношеній Креза сравн. разсчетъ Hultsch'a, *Metrologie*² стр. 577 сл.

1) Объ отношеніи цѣны золота и серебра въ V вѣкѣ см. выше т. I стр. 171 сл. Отношеніе 1 : 12—[Plat.] *Hipp.* p. 231 d; изъ *CIA.* II 741 вытекаетъ, повидимому, для времени Александра отношеніе 1 : 11, 5 (Kirchhoff *Hermes* I 318). Сравн. также Xen. *Πόροι* IV 10.

2) Въ 407/6 году въ Аѳинахъ, по показанію Гелланика и Филохора (у Schol. Aristoph. *Лягушки* 720), были вычеканены золотыя монеты изъ расплавленныхъ статуй богини Побѣды; Аристофанъ l. c. осмѣиваетъ новое золото. Приблизительно въ это же время Сиракузы начали чеканить золотую монету. Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, въ эту эпоху чеканили золотыя монеты нѣкоторые сицилійскіе города (Акрагантъ, Гела, Катана), нѣкоторыя общины ѳракійскаго побережья (халкидскій союзъ, Ѳасосъ, Маронея, Эносъ), Ольвія и босфорскіе цари на сѣверномъ берегу Чернаго моря, Лампсакъ, Абидосъ, Клазомены, Родосъ, Кирена и аркадяне (съ надписью *Πίσα*) послѣ занятія Олимпіи въ 364 году. Кизикъ и Митилена и въ этомъ періодѣ продолжали чеканить изъ электрона (ссылки у Head *Historia Numorum*).

3) Head *Hist. Num.* стр. 449.

4) Droysen *Geschichte Alexanders* I² 1 стр. 154 сл.

Вообще, греческіе монетные дворы, сообразно распространенію денежнаго хозяйства, развивали въ IV вѣкѣ оживленную дѣятельность. Цѣлый рядъ государствъ, которыя до тѣхъ поръ пробавлялись чужой монетой, перешли въ это время къ самостоятельной чеканкѣ; многіе острова Эгейскаго моря, утратившіе право чеканки во время аѳинскаго владычества, возобновили чеканку монеты. Правда, объединеніе Сициліи Діонисіемъ привело къ тому, что средніе и мелкіе города острова, не состоявшіе подъ властью Карѳагена, прекратили чеканку своей золотой и серебряной монеты, и сиракузскіе декадрахмы и тетрадрахмы сдѣлались орудіемъ обмѣна на всемъ протяженіи государства [1]). Точно также со времени объединенія Беотіи Ѳивами союзная монета замѣнила монеты отдѣльныхъ городовъ; такія же послѣдствія имѣло объединительное движеніе и въ другихъ греческихъ странахъ, какъ въ Аркадіи, Халкидикѣ и на Родосѣ.

Громадное увеличеніе мѣновыхъ знаковъ не могло не повліять на покупную силу драгоцѣнныхъ металловъ. Повышеніе цѣнъ, столь характерное для экономическаго развитія VI и V столѣтій, продолжалось и послѣ Пелопоннесской войны; затѣмъ, въ эпоху Филиппа и Александра, произошла революція въ области цѣнъ, подобная той, которую пережила Европа въ серединѣ нашего столѣтія [2]). Въ эпоху коринѳской войны четверикъ пшеницы можно было купить въ Аѳинахъ за три драхмы [3]), а 60 лѣтъ спустя 5—6 драхмъ считались

---

[1]) По Evans *Syracusan Medallions*, *Num. Chron.* 3-rd. series XI (1891) стр. 205—376, Діонисій чеканилъ только декадрахмы, а чеканка тетрадрахмъ съ началомъ тираніи прекратилась; главную массу ходячей монеты въ эпоху Діонисія составляли ввозные коринѳскіе пегасосъ-статеры и карѳагенско-сицилійскія монеты. Но Эвансъ составилъ себѣ совершенно ложное представленіе объ экономическихъ отношеніяхъ, господствовавшихъ въ Сициліи того времени, будучи введенъ въ заблужденіе извѣстными разсказами о финансовыхъ затрудненіяхъ, которыя испытывалъ тиранъ во время карѳагенскихъ войнъ. Въ дѣйствительности Сицилія и особенно Сиракузы никогда не пользовались бо́льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ въ эти 30 лѣтъ, съ 390 по 360 г. Поэтому выводы Эванса уже по существу мало вѣроятны, да и нумизматически они кажутся мнѣ далеко не достаточно обоснованными, потому что само собою разумѣется, что хронологическое распредѣленіе монетъ исключительно по особенностямъ стиля требуетъ величайшей осмотрительности.

[2]) Бёкъ не замѣтилъ этой революціи, что̀ въ виду тогдашняго состоянія матеріала вполнѣ понятно. Но очень характерно, что и редакторъ 3 изданія *Staatshaushaltung* ничего не знаетъ о ней.

[3]) Aristoph. *Ἐκκλησ.* 547 сл., сравн. 289 сл., 308 сл. и выше, т. I стр. 326 Въ одномъ жертвенномъ тарифѣ аѳинскаго Тетраполя (*American Journal of Archaeol.* X, 1895 стр. 209 слл. (=Prott и Ziehen *Leges Graec. Sacrae* I 26 стр.

умѣренной цѣной [1]). Во времена дороговизны платили, конечно, еще болѣе высокія цѣны. Особенно тяжелый кризисъ этого рода наступилъ въ Греціи во время похода Александра въ Азію (около 330 года). Цѣна четверика пшеницы достигла тогда въ Аѳинахъ 10 драхмъ, и даже четверикъ ячменя стоилъ по временамъ 12 драхмъ; когда двое купцовъ изъ Гераклеи пустили въ продажу нѣсколько тысячъ четвериковъ пшеницы по девять драхмъ и судовой грузъ ячменя по пять драхмъ за четверикъ, то это было признано большой щедростью съ ихъ стороны и они были награждены общественными почестями [2]).

Цѣны на скотъ должны были, конечно, возрасти по меньшей мѣрѣ въ той же пропорціи. Гекатомба, которая приносилась въ жертву на большихъ Панаѳинеяхъ, главномъ празднествѣ Аѳинъ, въ 410 году обходилась въ 5114 драхмъ; тѣ 109 быковъ, которые были куплены для делосскаго празднества въ 374 году, обошлись въ 8419 драхмъ, т.-е. въ среднемъ по 77 драхмъ каждый, а во времена Александра расходъ на покупку жертвенныхъ быковъ даже для малыхъ Панаѳиней составлялъ 4100 драхмъ, т.-е. немногимъ менѣе того, во что обходилась нѣкогда гекатомба для большихъ Панаѳиней. За отборныхъ быковъ платили въ это время до 400 драхмъ [3]).

---

46 слл.) изъ первыхъ десятилѣтій IV вѣка 1 гектей ячменной муки (*ἄλφιτα*) оцѣнивается въ 4 обола, значитъ медимнъ — въ 4 драхмы. Конечно, *ἄλφιτα* было дороже немолотаго ячменя, притомъ въ подобныхъ памятникахъ цѣны вообще опредѣляются очень высоко (сравн. *CIA*. II 631).

[1]) Demosth. *пр. Формiона* 38, элевсинскій храмовой счетъ отъ 329/8 года (*CIA*. IV 2, 834 b), сравн. Demosth. *пр. Файнипп*. 20. 31, и ко всѣмъ этимъ показаніямъ Corsetti *Sul prezzo dei grani nell' antichità classica* въ *Studi di Storia antica* автора, II стр. 68 слл. (Римъ 1893).

[2]) Объ этомъ періодѣ дороговизны Köhler *Athen. Mitteil*. VIII (1883) стр. 211 слл., Schaefer *Demosth*. III² 295 слл. Этотъ кризисъ былъ усиленъ, но отнюдь не вызванъ, хлѣбными спекуляціями Клеомена изъ Навкратиса, которому Александръ ввѣрилъ финансовое управленіе Египта. Хлѣбныя цѣны въ Аѳинахъ—Dem. *пр. Форм*. 38, *пр. Файн*. 20, *CIA*. IV 2, 179 b; 196, гдѣ слѣдуетъ читать, можетъ быть, [*καὶ παραδεδω*]*κέναι τῷ δήμ*[*ω*]*ι πυρῶν Σ*[*ικελικῶν μεδίμνο*]*υς XXXX χιλίο*[*υ*]*ς ἐννέα δρ*[*αχμῶν*, *τὰς κριθὰς δ' ὅ*]*σας ἦγεν ἀπ*[*άσ*]*ας πεντε*[*δράχμους*].

[3]) *CIA*. I 188, II 814 и 163. Правда, мы не знаемъ, сколько быковъ было заклано на великихъ Панаѳинеяхъ 410 года; но несомнѣнно, что на этомъ главномъ празднествѣ Аѳинъ была принесена въ жертву полная гекатомба. Напротивъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что и на малыхъ Панаѳинеяхъ приносилась въ жертву гекатомба: въ *CIA*. 163 прямо сказано, что должно быть куплено столько быковъ, сколько можно достать за 4100 драхмъ. Fränkel (*Anm. zu Böckh* стр. 21) невѣрно понялъ надпись и потому высчитываетъ стоимость быка меньше чѣмъ въ 41 др., не смущаясь нелѣпостью такого до-

Соотвѣтственно съ этимъ возросла и заработная плата. Тогда какъ въ концѣ V вѣка въ Аѳинахъ необученный рабочій зарабатывалъ ежедневно три обола, а обученный мастеровой одну драхму,— во времена Александра (329/8) чернорабочему платили $1^1/_2$ драхмы, каменщику $2-2^1/_2$ драхмы. Даже рабы получали теперь кормовыхъ денегъ по три обола, сколько вѣкомъ раньше составляла полная заработная плата свободнаго рабочаго [1]). Въ виду этихъ условій оказалось необходимымъ увеличить вспомоществованіе въ одинъ оболъ ежедневно, которое аѳинское государство выдавало неспособнымъ къ труду гражданамъ, до двойного размѣра [2]). Точно также пришлось въ теченіе IV вѣка повысить вознагражденіе гражданъ за посѣщеніе народнаго собранія съ 3 оболовъ до 1 драхмы, а за регулярныя собранія, менѣе привлекавшія гражданъ, даже до $1^1/_2$ драхмъ. Только для судейскаго жалованья удержалась старая норма въ 3 обола, такъ какъ бѣдные граждане по прежнему наперерывъ добивались этого легкаго заработка, и со времени утраты верховной юрисдикціи надъ союзниками нужное количество присяжныхъ значительно уменьшилось [3]). Съ повышеніемъ заработной платы должны были, разумѣется, воз-

---

пущенія. Сравн. выше т. I стр. 327 прим. 1. — Элевсинскій храмовой счетъ *CIA.* IV 2, 834 b II 78 (отъ $329/_8$ года) указываетъ цѣну въ 400 др. Тамъ же, строка 77, цѣна овцы или козы опредѣляется въ 30 др., *CIA.* II 834 c 62 цѣна овцы—въ 12 др., барана—въ 17 др. Въ приведенномъ выше, стр. 283 прим. 3 жертвенномъ тарифѣ быкъ или корова *(βοῦς)* оцѣнивается въ 90 др., коза или баранъ въ 12 др., овца въ 11—12 др., поросенокъ въ 3 др.

1) Счета элевсинскаго храмового правленія *CIA.* II 834 b, IV 2, 834 b (отъ $329/_8$ г.) и II 834 c. Главный мастеръ *(ἀρχιτέκτων)* также получалъ теперь ежедневно по 2 др., тогда какъ за столѣтіе передъ тѣмъ, при постройкѣ Эрехѳейона, *ἀρχιτέκτων* получалъ лишь 1 др. (выше, т. I стр. 330). Jevons (*Work and wages in Athens, Journal of Hell. Stud.* XV 1895 стр. 239 слл.) совершенно правъ въ своей полемикѣ противъ Кирхгофа и Макса Френкеля, но его утвержденіе, что заработная плата необученнаго рабочаго въ V вѣкѣ равнялась 1 драхмѣ, ошибочно. Правда, мы не знаемъ, получали ли гребцы кромѣ жалованья еще и пищу; но это почти не имѣетъ значенія, такъ какъ одинъ хойниксъ ячменной муки, составлявшій дневной паекъ, стоилъ въ то время около $^1/_4$ обола, хойниксъ пшеницы $^3/_8$ об. (выше т. I стр. 326 прим. 5), и еще Демосѳенъ въ серединѣ IV столѣтія кладетъ не болѣе 2 оболовъ на *σιτηρέσιον* (*Phil.* I 28), слѣдовательно, 60—70 лѣтъ назадъ оно едва ли обходилось болѣе, чѣмъ въ 1 оболъ. Рабочіе, строившіе Эрехѳейонъ и получавшіе по 1 др. въ день (*CIA.* I 324), были, разумѣется, обученные мастеровые, и то же самое относится къ *CIA.* I 325. При случаѣ мы подробнѣе коснемся этого предмета.

2) Выше, т. I стр. 371 прим. 3.

3) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 62, 1.

расти и цѣны на рабовъ. Такъ, во время осады Родоса Деметріемъ въ 304 году воюющія стороны заключили договоръ, въ силу котораго за каждаго плѣннаго раба долженъ былъ быть уплаченъ выкупъ въ 500 драхмъ,—огромная сумма въ сравненіи съ тѣми цѣнами, какія платились въ V и еще въ началѣ IV вѣка [1]).

Однако въ экономическомъ положеніи греческаго рабочаго класса повышеніе заработной платы не произвело существенной перемѣны къ лучшему, такъ какъ цѣны на хлѣбъ возросли почти въ той же пропорціи. Тѣмъ болѣе усилилась роскошь въ высшихъ слояхъ общества. Если частные дома въ Аѳинахъ еще въ V столѣтіи отличались большой простотой, то со времени Пелопоннесской войны богатые граждане, какъ Тимоѳей и Хабрій, начали воздвигать себѣ дворцы, которые великолѣпіемъ превосходили общественныя зданія [2]). Правда, это были исключенія; въ общемъ частные дома и теперь были невзрачны, съ бревенчатыми стѣнами, такъ что иностранцы съ удивленіемъ спрашивали себя, неужели это—знаменитыя Аѳины [3]). За-то со времени Пелопоннесской войны во всѣхъ зажиточныхъ домахъ вошло въ моду украшать стѣны жилыхъ комнатъ фресками и убирать занавѣсями и коврами [4]). Также возросли и расходы па пищу; комедія IV вѣка полна изображеній блестящихъ пиршествъ, меню которыхъ поречисляются съ утомительной обстоятельностью.

Примѣръ, который подавали высшія сословія, вліялъ, разумѣется, и на низшіе классы; и такъ какъ дневная плата чернорабочаго и даже заработокъ мастерового давалъ возможность только въ обрѣзъ удовлетворять важнѣйшія жизненныя потребности, то народъ въ

---

1) Diod. XX 84, 6; о цѣнахъ на рабовъ въ V и въ началѣ IV вѣка см. выше, т. I стр. 328. Xen. *Memor*. II 5, 2 очевидно считаетъ 5 минъ высокой цѣной; при разсчетѣ въ *Πόροι* 4, 23 слл. онъ принимаетъ за норму цѣну въ 150—180 др. (Fränkel въ приложеніи къ *Staatsh*. Бёка, стр. 18). Въ эпоху Священной войны обычная выкупная плата за военноплѣннаго свободнаго равнялась 3—5 минамъ (Demosth. *о пос*. 169); напротивъ, въ договорѣ Деметрія съ родосцами выкупъ былъ опредѣленъ въ 10 м. Разумѣется, именно въ отношеніи цѣнъ на рабовъ особенно трудно опредѣлить среднюю норму.

2) Demosth. *Olynth*. III 29, *пр. Аристокр*. 208. О домѣ Тимоѳея—Aristoph. *Πλοῦτος* 180, Athen. XII 548 a; о домѣ Хабрія—Hyperid. fr. 137 Blass[2]; о домѣ Мидія въ Элевсинѣ—Demosth. *пр. Мидея* 158.

3) Heracl. Cret. I 1, сравн. Xen. *Memor*. III 1, 7, Plut. *Dem*. 11.

4) Xen. *Memor*. III 8, 10, [Andoc.] *пр. Алк*. 17 и руководства по исторіи т. наз. «частныхъ древностей», которыя, впрочемъ, обыкновенно сваливаютъ въ одну кучу свѣдѣнія изъ IV и изъ V вѣковъ.

демократическихъ государствахъ пользовался своей силою, чтобы пировать и развлекаться на общественный счетъ. Простонародье уже болѣе не довольствовалось участіемъ въ жертвенныхъ пирахъ и представленіяхъ, которые устраивались во время празднествъ, — хотя и здѣсь оно становилось все болѣе требовательнымъ; о Тарентѣ, напримѣръ, разсказывали, что тамъ справлялось больше празднествъ, чѣмъ въ году есть дней. Теперь перешли уже къ раздачѣ гражданамъ денегъ во время празднествъ. Прежде всего начали возвращать бѣднымъ гражданамъ изъ казны входную плату въ театръ; эти «зрѣлищныя деньги» *(θεωρικά)* были впервые введены въ Аѳинахъ Агирріемъ, когда послѣ битвы при Книдѣ государство начало нѣсколько оправляться въ финансовомъ отношеніи [1]). Съ теченіемъ времени начали раздавать народу деньги и при другихъ празднествахъ, и все болѣе повышать первоначальную норму, равную 1 драхмѣ на человѣка [2]). Такимъ образомъ, во времена Филиппа и Александра ѳеориконъ сдѣлалось главной язвой аѳинскихъ финансовъ; оно поглощало всѣ остатки и дѣлало государство неспособнымъ къ энергическому веденію войны. Всѣ попытки искоренить это зло долго оставались безплодными; лишь когда Филиппъ послѣ занятія Элатеи сталъ грозить Аѳинамъ изъ непосредственной близи, Демосѳену удалось добиться пріостановленія раздачи ѳеориконъ на время войны. Но едва былъ заключенъ миръ, старая система была возстановлена, потому что, какъ однажды мѣтко выразился Демадъ, ѳеориконъ было цементомъ, благодаря которому держалась демократія. И, можетъ быть, ущербъ, наносимый финансамъ, былъ еще менѣе опасенъ, чѣмъ то развращающее вліяніе, которое должна была производить на массу подобная раздача государственныхъ денегъ; такимъ образомъ, ѳеориконъ занимало не послѣднее мѣсто въ ряду тѣхъ факторовъ, которые лишили Аѳины ихъ гегемоніи надъ Элладой.

[1]) Harpocr. *θεωρικά*. По Plut. 9 *θεωρικὰ* ввелъ будто бы уже Периклъ; но Аристотель (*Ἀθην. πολ.* 27), на котораго онъ ссылается, говоритъ только о судейскомъ жалованьѣ, и комедіи изъ эпохи Пелопоннесской войны никогда не упоминаютъ о ѳеориконъ [сравн. однако Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 24]. Что діобелія не имѣетъ ничего общаго съ ѳеориконъ, было доказано выше (стр. 60). *Δραχμὴ ἐπὶ Διωφάντου* (Zenob. III 27) отнюдь не относится къ году одноименнаго архонта (395/4), потому что тогда у государства не хватало денегъ и на болѣе важные расходы; это были деньги, розданныя извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ Діофантомъ изъ Сфетта (сравн. Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 24, и *Attische Politik* автора, стр. 180).

[2]) Demosth. *пр. Леох.* 37 p. 1092 (раздача ѳеориконъ на великихъ Панаѳинеяхъ). Въ эпоху Александра однажды упоминается ѳеориконъ въ 5 др. (Hyper. *пр. Дем.* 26, 15 Blass[3]).

Политическіе и экономическіе перевороты, происшедшіе со времени Пелопоннесской войны, повлекли за собою въ значительной части Греціи перетасовку имущественныхъ отношеній. Особенно въ Аѳинахъ большинство старыхъ землевладѣльческихъ фамилій обѣднѣло, тогда какъ все-возрастающее развитіе крупной промышленности, крупной торговли и банковаго дѣла привело къ сосредоточенію крупныхъ состояній въ рукахъ удачливыхъ предпринимателей. Такъ, банкиръ Пасіонъ оставилъ 30 талантовъ (выше стр. 280), а состояніе горнозаводчика Дифила, жившаго во времена Александра, равнялось, по преданію, даже 160 талантамъ [1]). Но и теперь еще оставался многочисленный среднiй классъ. Когда послѣ Ламійской войны политическая полноправность была ограничена гражданами, состояніе которыхъ превышало 2000 драхмъ, то нашлось 9000 аѳинянъ, удовлетворявшихъ этому цензу, при общемъ числѣ гражданъ въ 21.000 [2]). Эта пропорція была почти равна той, какая въ эпоху Пелопоннесской войны существовала между ѳетами и гражданами трехъ высшихъ классовъ, потому что при пониженіи цѣнности денегъ 2000 драхмъ во время Антипатра значили то же, что 1000 драхмъ, цензъ ѳета, въ эпоху Перикла. Такимъ образомъ, въ теченіе IV вѣка количество пролетаріевъ въ Аѳинахъ повидимому не увеличилось. Но Аѳины были экономически наиболѣе цвѣтущимъ городомъ Греціи, гдѣ каждый, кто желалъ трудиться, легко находилъ хорошо-оплачиваемую работу, и гдѣ въ то же время правительство старалось уменьшать количество гражданъ-пролетаріевъ посредствомъ высылки клерухій въ заморскія владѣнія [3]).

Напротивъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе занималось преимущественно земледѣліемъ, господствовали отчасти совершенно иныя условія; и нигдѣ соціальная неурядица не выступала такъ рѣзко, какъ въ Спартѣ. Здѣсь ясно обнаруживалось, какъ безсильны законодательныя постановленія передъ силою экономическихъ отношеній. Запрещеніе отчуждать наслѣдственный надѣлъ должно было защитить

---

[1]) *Жизнеописаніе десяти ораторовъ*, *Ликургъ* p. 843 c. Впрочемъ, нѣкій Эпикратъ, о которомъ упоминаетъ Ликургъ въ рѣчи о своемъ финансовомъ управленіи, владѣлъ, по преданію, 600 тал. (Harpocr. и Suid. *Ἐπικράτης)*; но такое состояніе въ это время совершенно невѣроятно. Такъ же мало достовѣрно извѣстіе о состояніи въ 200 тал., которымъ будто бы владѣлъ философъ Кратесъ (Laert. Diog. VI 87). Сравн. Cic. *Tusc.* V 32, 91.

[2]) Diod. XVIII 18, Plut. *Phoc.* 28; сравн. *Bevölkerung* автора стр. 57 сл.

[3]) Правда, Потидея и Херсонесъ къ 322 году были уже утрачены, но важнѣйшая клерухія, Самосъ, еще держалась. Количество посланныхъ туда клеруховъ простиралось до 2000: Heracl. Pont. X 7, Strab. XIV 638.

массу крестьянства; но оно оказало какъ - разъ противоположное вліяніе, потому что въ силу этого закона безземельному или малоземельному и потому необезпеченному хлѣбопашцу было крайне трудно пріобрѣсти кусокъ земли, развѣ только ему посчастливилось жениться на дочери-наслѣдницѣ. И вотъ сыновья сидѣли всѣ вмѣстѣ на отцовскомъ участкѣ, доходовъ съ котораго имъ, разумѣется, не хватало на покрытіе установленныхъ закономъ издержекъ по участію въ сисситіяхъ; между тѣмъ участіе въ послѣднихъ было обязательно для каждаго, кто хотѣлъ считаться полноправнымъ гражданиномъ. Съ другой стороны, безпрестанныя войны и усиленныя военныя требованія, которыя государство вынуждено было предъявлять къ своимъ гражданамъ, привели къ тому, что многія семьи вымерли и ихъ земельныя владѣнія путемъ наслѣдованія сосредоточились въ немногихъ рукахъ, отчасти въ рукахъ женщинъ, которымъ во времена Александра принадлежало, по преданію, $^2/_5$ всей земли въ Лаконіи [1]). Въ концѣ-концовъ и это консервативное государство принуждено было сдѣлать уступку потребностямъ новаго времени. Законъ эфора Эпитадея предоставилъ каждому право — хотя и не продавать надѣлъ, но дарить его при жизни или по завѣщанію распорядиться имъ, какъ пожелаетъ, что̀ практически было, разумѣется, равносильно разрѣшенію продажи надѣловъ [2]). Но при громадномъ приливѣ иностранныхъ цѣнностей въ Спарту, особенно со времени Пелопоннесской войны [3]), этотъ законъ долженъ былъ только ускорить поглощеніе мелкаго землевладѣнія крупнымъ. Дѣйствительно, уже ко времени сраженія при Левктрахъ число полноправныхъ спартанскихъ гражданъ упало приблизительно до 1500 [4]). Но наибольшій ущербъ нанесла Спартѣ потеря Мессеніи, лишившая почти половину всѣхъ гражданъ Спарты ихъ земельныхъ владѣній. Жизнеспособность спартанскаго строя и личная доблесть воспитанныхъ имъ полноправныхъ гражданъ блистательно доказываются тѣмъ, что государство оказалось въ силахъ перенести и этотъ ударъ, и что понадобилось еще болѣе столѣтія, прежде чѣмъ пришлось произвести реформу

---

1) Aristot. *Polit.* II 1270 a.

2) Plut. *Agis* 5, Aristot. l. c. E. Meyer *Forschungen zur alten Geschichte* I 258, 3 оспариваетъ показанія Плутарха о ретрѣ Эпитадея; но свобода завѣщаній относительно землевладѣнія должна же была когда-нибудь быть установлена закономъ. Другой вопросъ, къ какому времени относится это нововведеніе.

3) Plat. *Alc.* I 122 e.

4) *Bevölkerung* автора, стр. 136 сл.

имущественныхъ отношеній. Да и тогда революція была произведена сверху, а не безправной и неимущей массой.

Въ остальныхъ земледѣльческихъ областяхъ дѣло обстояло вѣроятно не такъ плохо, но и здѣсь ростъ народонаселенія обусловливалъ все большее вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, тогда какъ съ другой стороны все болѣе распространявшееся примѣненіе рабскаго труда все болѣе ограничивало область заработка свободнаго населенія. Что приходилось дѣлать сыновьямъ мелкаго землевладѣльца, которымъ отцовскій участокъ не давалъ достаточныхъ средствъ къ жизни, если крупный помѣщикъ работалъ невольниками, а не свободными поденщиками, или если онъ вообще не нуждался въ новыхъ рабочихъ силахъ? Идти въ городъ? Но и здѣсь они сталкивались съ конкурренціей дешеваго рабскаго труда. А эмиграція, которая въ прежнія времена служила истокомъ для избытка населенія, со времени Пелопоннесской войны въ виду политическихъ условій почти совершенно прекратилась; до эпохи Александра почти совсѣмъ уже не основывалось колоній, а въ Италіи довольно значительная часть греческой территоріи перешла даже въ руки варваровъ.

Эти обстоятельства обусловили ростъ наемничества. Въ то время, какъ варвары массами ввозились въ Грецію для работы на фабрикахъ, въ рудникахъ и помѣстьяхъ,—десятки тысячъ сыновъ Эллады уходили служить на чужбину. Количество людей, готовыхъ идти въ наемники, было въ эту эпоху въ Греціи, казалось, почти неисчерпаемо. Претендентъ на персидскій престолъ, Киръ, въ короткое время набралъ для войны со своимъ братомъ Артаксерксомъ болѣе 12.000 греческихъ наемниковъ, изъ которыхъ добрая половина была родомъ изъ Ахеи и Аркадіи [1]). Около этого же времени сицилійскій тираннъ Діонисій набралъ огромное наемное войско, также преимущественно въ Пелопоннесѣ [2]). У Ясона ферскаго было наемное войско въ 6.000 человѣкъ [3]), а во время Священной войны фокійцы держали на службѣ 10—20.000 наемниковъ. Съ тѣхъ поръ какъ походъ Кира доказалъ военное превосходство грековъ надъ азіатами, персидскій царь нанималъ для своихъ походовъ тысячи греческихъ наемниковъ; множество ихъ состояло на службѣ и у сатраповъ Передней Азіи, а Египетъ и Кипръ защищали противъ персовъ почти исключительно греческіе наемники. Разумѣется, многіе изъ этихъ солдатъ могли бы

---

1) Xen. *Anab.* VI 2, 10.
2) Diod. XIV 44, 2.
3) Xen. *Hell.* VI 1, 5.

найти заработокъ и на родинѣ, и на чужбину влекла ихъ лишь жажда приключеній и быстраго обогащенія [1]); но большинство все-таки гнала изъ родины нужда [2]). А кто разъ вкусилъ наемнической жизни, тотъ обыкновенно былъ потерянъ для мирнаго труда. Тысячи погибали на чужбинѣ, а кто возвращался на родину, тотъ большею частью снова принимался за ремесло искателя приключеній, лишь только заработокъ, принесенный имъ со службы, истощался. Греція была полна шайками такихъ бродячихъ наемниковъ, готовыхъ продать себя всякому, кто хорошо заплатитъ, и постоянно грозившихъ общественной безопасности; и изъ года въ годъ это зло обострялось [3]).

Еще бо́льшая опасность заключалась въ многочисленности изгнанниковъ. За исключеніемъ Спарты не было почти ни одного греческаго государства, которое въ періодъ отъ начала Пелопоннесской войны до Александра не было бы потрясено внутренними переворотами; между тѣмъ почти каждая такая революція завершалась изгнаніемъ побѣжденной партіи, и часто въ изгнаніе уходили цѣлыя сотни людей. При этомъ имущество изгнанныхъ постоянно конфисковалось и продавалось въ пользу государственной казны или дѣлилось между побѣдителями. А гдѣ не доходило до политическаго переворота, тамъ политическіе процессы давали господствующей партіи средство изгонять изъ отечества ея противниковъ, причемъ судъ неизмѣнно постановлялъ конфисковать ихъ имущество; бо́льшею частью цѣлью служила именно конфискація имущества, а обвиненіе въ государственной измѣнѣ или утайкѣ общественныхъ денегъ являлось лишь поводомъ къ ней. Такимъ образомъ Греція наполнилась бездомными бѣглецами, — бо́льшею частью образованными людьми, которые нѣкогда жили въ богатствѣ или по крайней мѣрѣ въ довольствѣ, а теперь терпѣли крайнюю нужду или ѣли хлѣбъ гостепріимцевъ. Всѣ они жили надеждою на возвращеніе въ отечество и на возстановленіе своихъ имущественныхъ правъ; но осуществленіе этихъ надеждъ законнымъ путемъ было почти невозможно, потому что если бы даже отечественное правительство охотно согласилось даровать имъ амнистію, то возвращеніе конфискованнаго имущества прежнимъ собственникамъ представляло неодолимыя трудности. Поэтому изгнанники постоянно и всѣми средствами старались вызвать насильственный

---

[1]) Xen. *Anab.* VI 4, 8.
[2]) Isocr. *Paneg.* 146, Dem. *Symm.* 31.
[3]) Isocr. *Phil.* 120 слл.

переворотъ, хотя бы для этого пришлось выдать отечество врагу. Если имъ удавалось вернуться, они, конечно, расплачивались со своими противниками тою же монетою; теперь послѣдніе уходили въ изгнаніе, и хотя роли перемѣнились, но суть дѣла оставалась та же. Когда Александръ на олимпійскихъ играхъ 324 года обнародовалъ указъ, предоставлявшій всѣмъ политическимъ бѣглецамъ во всей Греціи право вернуться на родину, то на это празднество собралось, по преданію, 20.000 изгнанниковъ [1]); пусть это показаніе преувеличено, но ихъ могло бы собраться еще бо́льшее число, если бы всѣ они съѣхались въ Олимпію.

Одно было ясно: при господствовавшихъ въ данную минуту условіяхъ Греція должна была неудержимо стремиться къ соціальной революціи, которая отчасти уже и началась. И каковъ бы ни былъ исходъ борьбы,—остались ли бы побѣдителями состоятельные классы, или имущественныя отношенія были бы преобразованы насильственнымъ путемъ, — въ обоихъ случаяхъ будущность націи подвергалась величайшей опасности; ибо не путемъ революціи, а путемъ эволюціи могутъ разрѣшаться соціально - политическія задачи. Существовало только два средства, чтобы предотвратить грядущую опасность: надо было пробить тѣ перегородки, которыми окружили эллиновъ съ востока персидская монархія, съ запада Кароагенъ, съ сѣвера варвары Италіи и Балканскаго полуострова, и тѣмъ снова открыть націи истокъ наружу; и столь же необходимо было отнять у мелкихъ государствъ право по собственному усмотрѣнію подвергать своихъ гражданъ уголовнымъ наказаніямъ. И та, и другая цѣль могли быть достигнуты лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось устранить политическую раздробленность, водворившуюся въ Элладѣ вслѣдствіе Коринѳской войны и съ тѣхъ поръ возраставшую изъ года въ годъ. Сознаніе этой необходимости проникало все въ болѣе широкіе круги, и многіе изъ лучшихъ людей націи выразили его. Итакъ, почва была подготовлена; спасеніе явилось какъ-разъ въ ту минуту, когда опасность достигла наибольшей силы.

---

1) Diod. XVIII 8, 5.

ГЛАВА IX.

Литература и искусство.

Обыкновенно говорятъ, что Пелопоннесская война подкосила расцвѣтъ Эллады, и плачевное соціальное и политическое состояніе Греціи въ тѣ пятьдесятъ лѣтъ, которыя слѣдовали за крушеніемъ аѳинской державы, повидимому оправдываетъ этотъ взглядъ. Но такъ можетъ думать лишь тотъ, чей взоръ не проникаетъ дальше поверхности вещей, или кто смѣшиваетъ Аѳины съ Элладою. Для болѣе вдумчиваго зрителя IV столѣтіе представляетъ совершенно иную картину. Онъ видитъ бодрую жизнь во всѣхъ областяхъ; и если нація была больна, то болѣзнь ея заключалась именно въ избыткѣ силы, который, не находя исхода наружу, разряжался во внутреннихъ столкновеніяхъ. Никогда, ни ранѣе, ни позднѣе, Греція не произвела такого большого количества политическихъ и военныхъ талантовъ, и въ областяхъ литературы, искусства и науки обнаруживалась чрезвычайно оживленная и плодотворная дѣятельность.

Разумѣется, новое время принесло съ собою отчасти и новые идеалы. Главный интересъ образованныхъ людей въ духовной области былъ обращенъ уже не на поэзію, а на реторику. Безъ нея не могъ обойтись ни одинъ гражданинъ, желавшій выступить на поприще общественной жизни, да и частному человѣку ежеминутно могло понадобиться это новое искусство, чтобы на судѣ защитить себя противъ обвиненій доносчиковъ. Такимъ образомъ, всякій, кто претендовалъ на званіе человѣка съ высшимъ образованіемъ, неизбѣжно долженъ былъ пройти реторическую школу, а это въ свою очередь

вело къ постоянному повышенію требованій, которыя предъявлялись къ хорошему оратору [1]).

Противъ напыщеннаго краснорѣчія Горгія съ его поэтическимъ языкомъ, смѣлыми метафорами, натянутыми антитезами, стремленіемъ къ строгой соотвѣтственности частей предложенія и безконечными періодами, возсталъ уже въ эпоху Пелопоннесской войны Ѳрасимахъ изъ Калхедона, требовавшій, чтобы слогъ рѣчи былъ ничѣмъ инымъ, какъ идеализированнымъ повседневнымъ языкомъ; правда, на немъ самомъ еще слишкомъ тяготѣло вліяніе Горгія или вѣрнѣе вліяніе духа времени, чтобы онъ оказался въ силахъ вполнѣ осуществить это требованіе. Это удалось уже только Лисію (ок. 440—380), аѳинскому метэку сиракузскаго происхожденія, отецъ котораго Кефалъ во время Перикла переселился въ Пирей и основалъ тамъ большую оружейную фабрику. Безпритязательная простота его языка, чуждая однако всякой тривіальности, дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ первымъ стилистомъ древности, и изъ-за этого достоинства мы слишкомъ часто забываемъ, что онъ былъ адвокатъ-крючкотворецъ, не брезгавшій никакимъ средствомъ, лишь бы защищаемая имъ сторона восторжествовала; потому что именно судебное краснорѣчіе было главнымъ поприщемъ его дѣятельности, тѣмъ болѣе, что, какъ чужестранцу, доступъ на политическую арену былъ ему закрытъ въ Аѳинахъ.

Аналогичную цѣль ставилъ себѣ современникъ Лисія, аѳинянинъ Поликратъ, съ тою разницею, что онъ занимался не столько практическимъ краснорѣчіемъ, сколько реторическимъ преподаваніемъ. Бо́льшая часть его рѣчей были предназначены служить образцами для учениковъ, и авторъ особенно охотно выбиралъ парадоксальныя темы, чтобы показать, какъ можно защитить на видъ безнадежное дѣло. Такъ, онъ написалъ хвалебную рѣчь въ честь мышей, которыя-де спасли уже не одинъ городъ, разгрызая кожаныя части вооруженія осаждающихъ, и которымъ даже обязаны своимъ названіемъ мистеріи (отъ *μῦς*); въ другой рѣчи онъ доказывалъ, что Клитемнестра была гораздо лучше Пенелопы. Но самыми знаменитыми его произведеніями были защитительная рѣчь въ пользу царя Бузириса, пожиравшаго людей чудовища, которое, по преданію, нѣкогда жило въ Египтѣ, и обвинительная рѣчь противъ Сократа. Разумѣется, у Поликрата

---

[1]) Ссылки на источники, подтверждающія сказанное ниже, см. у Blass'a, *Attische Beredsamkeit* 2 изд. Лейпцигъ 1887 (т. III ч. 2 пока существуетъ еще только въ первомъ изданіи).

не было недостатка въ ученикахъ; самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Зоилъ изъ Амфиполя (ок. 400—330 г.). Онъ пошелъ дальше по стопамъ учителя и выбралъ мишенью для своихъ нападокъ Гомера, что́, впрочемъ, казалось его современникамъ, для которыхъ Гомеръ былъ еще живой силою, гораздо менѣе парадоксальнымъ, чѣмъ позднѣйшимъ поколѣніямъ или намъ. Ученикомъ Зоила былъ Анаксименъ изъ Лампсака, одинъ изъ самыхъ видныхъ софистовъ и ораторовъ своего времени, авторъ знаменитаго историческаго сочиненія и не менѣе знаменитаго учебника реторики [1]). Царь Филиппъ поручилъ ему воспитаніе своего сына Александра, и по преданію онъ сопровождалъ послѣдняго во время его похода въ Азію; его сограждане почтили его постановкою его статуи въ Олимпіи.

Однако большинству современниковъ стиль Ѳрасимаха и его послѣдователей казался слишкомъ простымъ и безцвѣтнымъ; имъ нуженъ былъ паѳосъ и тѣ звучныя фразы, которыя такъ ласкаютъ слухъ южанина. Поэтому Горгій, пока онъ былъ живъ, оставался по общему признанію первымъ мастеромъ ораторскаго искусства, и его школа имѣла глубокое вліяніе на дальнѣйшее развитіе реторики. Изъ его многочисленныхъ учениковъ наиболѣе смѣлыми новаторами явились Алкидамъ изъ Элеи въ Эолидѣ и Исократъ изъ Аѳинъ. Въ употребленіи поэтическихъ словъ, въ смѣлости метафоръ, въ полнотѣ выраженія Алкидамъ слѣдовалъ примѣру своего учителя; но онъ научился у Ѳрасимаха избѣгать напыщенности Горгія, и какъ ни изысканъ его языкъ, онъ никогда не становится неестественнымъ. Его сферою было не столько практическое краснорѣчіе, сколько торжественная рѣчь и образецъ для школы; въ выборѣ темъ и онъ не совсѣмъ умѣлъ устоять противъ соблазна парадоксальности, и одниимъ изъ самыхъ знаменитыхъ его произведеній была похвала смерти, гдѣ изображались горести человѣческой жизни. Онъ занимался и политической публицистикой и между прочимъ написалъ брошюру въ защиту правъ мессенянъ противъ Спарты.

Но Алкидама далеко превзошелъ его товарищъ по школѣ Исократъ. Родившись въ 436 году въ Аѳинахъ и будучи сыномъ состоятельнаго фабриканта, онъ получилъ очень тщательное воспитаніе; въ числѣ его учителей называютъ великаго софиста Продика; кромѣ того, Исократъ находился въ сношеніяхъ и съ Сократомъ. Для завер-

[1]) Дошелъ ли до насъ этотъ учебникъ въ сохранившейся среди сочиненій Аристотеля *Реторикѣ къ Александру*—вопросъ спорный и еще не рѣшенный; сравн. Brzoska ст. *Anaximenes* у Pauly-Wissowa I 2088 слл., и въ отвѣтъ Maass *Deutsche Litt.—Ztg.* 1896, столб. 104 слл.

шенія своего образованія онъ отправился въ Өессалію, гдѣ слушалъ Горгія [1]). Когда затѣмъ его семья вслѣдствіе катастрофы, постигшей Аѳины въ концѣ Пелопоннесской войны, потеряла свое состояніе, Исократъ, какъ и многіе другіе, былъ вынужденъ приняться за эксплоатацію своихъ знаній съ цѣлью добыть средства для существованія. Онъ началъ писать судебныя рѣчи, но вскорѣ убѣдился, что дѣятельность адвоката не по немъ; его голосъ былъ слишкомъ слабъ, и онъ никогда не сумѣлъ освободиться отъ той робости, которая всегда овладѣваетъ тонко организованными натурами при выступленіи передъ многолюдной толпой. Поэтому онъ, слѣдуя примѣру своего учителя, обратился къ торжественной рѣчи; только онъ не самъ произносилъ свои рѣчи, какъ дѣлалъ Горгій, а распространялъ ихъ книгопродавческимъ путемъ. При этомъ онъ, какъ и Горгій, старался проводить въ общество свои политическіе идеалы и такимъ образомъ вознаграждалъ себя за невозможность практической общественной дѣятельности, обусловленную его природными свойствами. Самымъ совершеннымъ его произведеніемъ въ этой области является Панегирикъ, изданный къ олимпійскимъ празднествамъ 380 года, хвалебная рѣчь въ честь Аѳинъ, имѣющая однако главной цѣлью призвать эллиновъ къ единенію и побудить ихъ къ войнѣ противъ исконнаго врага Эллады—персидскаго царя. Если эта рѣчь, разумѣется, и не могла непосредственно повліять на ходъ политическихъ событій, то какъ ораторское произведеніе она имѣла громадный успѣхъ и сразу доставила своему автору славу перваго оратора своего времени. Съ тѣхъ поръ Исократъ до глубокой старости неутомимо работалъ на этомъ поприщѣ; уже почти столѣтнимъ старикомъ онъ написалъ свое второе главное произведеніе—Панаѳинейскую рѣчь (окончена въ 339 г.), какъ и Панегирикъ — рѣчь во славу Аѳинъ, гдѣ однако уже очень ясно обнаруживается старческая слабость автора.

Не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ писательская дѣятельность Исократа, сопровождалась его дѣятельность въ качествѣ учителя краснорѣчія. Со всѣхъ концовъ Греціи стекались ученики къ нему въ Аѳины и — чтó рѣдко удается учителямъ — онъ сумѣлъ на всѣхъ

---

[1]) Quintil. III 1, 13 по Aristot. (fr. 139 Rose), Cic. *Orator* 52, 176 *cum audisset in Thessalia adulescens senem iam Gorgiam.* Что его пребываніе въ школѣ Горгія не можетъ быть отнесено ко времени послѣ окончанія Пелопоннесской войны, кажется мнѣ очевиднымъ, такъ какъ въ 404 году Исократъ былъ уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ, да и едва ли могъ найти нужныя средства, чтобы слушать Горгія. Слѣдовательно, его пребываніе въ Өессаліи надо отнести къ первымъ годамъ декелейской войны.

своихъ учениковъ наложить печать своего духа, не подавивъ въ нихъ однако самостоятельнаго творчества. Поэтому онъ могъ гордиться тѣмъ, что множество лучшихъ людей его времени обязаны ему своимъ образованіемъ, какъ историки Ѳеопомпъ изъ Хіоса и Эфоръ изъ Кумы въ Эоліи, Ѳеодектъ изъ Фаселиды, равно замѣчательный какъ трагикъ и какъ ораторъ, риторы Наврратъ изъ Эриѳръ, Филискъ изъ Милета и Исократъ изъ Аполлоніи, аѳинскіе государственные дѣятели Андротіонъ изъ Гаргетта и Леодамантъ изъ Ахарнъ. Сынъ Конона Тимоѳей также былъ ученикомъ Исократа и до его смерти былъ связанъ съ нимъ тѣсными дружескими узами. Притомъ вліяніе Исократа отнюдь не ограничивалось его школою; повсюду въ эллинскомъ мірѣ читались его рѣчи, и онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ, что его враги и соперники втайнѣ еще болѣе удивляются и еще усерднѣе подражаютъ ему, чѣмъ его собственные ученики. Тотъ почетъ, которымъ онъ пользовался въ Элладѣ, доставилъ ему знакомство съ цѣлымъ рядомъ государей и политическихъ дѣятелей, какъ напримѣръ съ владыкой Ѳессаліи Ясономъ ферскимъ, съ Никокломъ, царемъ Саламина на Кипрѣ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ, съ Архидамомъ спартанскимъ, съ министромъ и полководцемъ Филиппа Македонскаго Антипатромъ и съ самимъ царемъ Филиппомъ.

Въ стилѣ Исократъ держится середины между аффектированной манерой Горгія и безпритязательной простотой Ѳрасимаха и Лисія. Какъ послѣдніе, и онъ говоритъ языкомъ повседневной жизни, избѣгая всякихъ поэтическихъ оборотовъ, хотя и тщательно подбирая выраженія; онъ умѣренно пользуется реторическими фигурами и особенно заботится о благозвучности ритма и пріятной округленности періодовъ. Съ бо́льшей послѣдовательностью, чѣмъ кто-либо до него, Исократъ избѣгалъ зіянія, къ чему стремился уже Алкидамъ. Съ неутомимымъ усердіемъ онъ шлифовалъ свои произведенія; по преданію, онъ работалъ надъ Панегирикомъ десять лѣтъ. Но именно эта тщательная отдѣлка всѣхъ деталей вредитъ впечатлѣнію, производимому его рѣчами; это плоды кабинетнаго труда, затѣйливости которыхъ мы удивляемся, но которые въ настоящее время уже не находятъ отзвука въ нашемъ сердцѣ. Правда, современники въ большинствѣ были другого мнѣнія; для нихъ Исократъ былъ недосягаемымъ мастеромъ слога, хотя уже и тогда существовала сильная оппозиція противъ него. Такъ Исократъ коренннымъ образомъ повліялъ на развитіе греческой прозы, а слѣдовательно и прозы всѣхъ культурныхъ народовъ.

Тѣми природными свойствами, которыхъ недоставало Исократу, въ незаурядной мѣрѣ владѣлъ его младшій современникъ и соотечественникъ Демосѳенъ изъ аттическаго дема Пеаніи (род. около 384 года)[1]. Онъ также былъ сыномъ богатаго фабриканта, и когда послѣ ранней смерти отца его дѣло подъ руководствомъ неспособныхъ опекуновъ пришло въ упадокъ, Демосѳенъ, подобно Исократу, принужденъ былъ взяться за ремесло адвоката. Его учителемъ былъ Исей изъ Халкиды, одинъ изъ самыхъ отъявленныхъ плутовъ, какой когда-либо существовалъ между адвокатами; и Демосѳенъ, едва достигнувъ совершеннолѣтія, совершенно въ духѣ наставника началъ свою карьеру обвиненіемъ противъ своихъ опекуновъ, полнымъ сознательныхъ искаженій истины[2]. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ защитника, а также выдвинулся и въ политическихъ процессахъ; затѣмъ, лѣтъ 30 отъ роду, онъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ народнаго оратора, и благодаря ей въ короткое время достигъ руководящаго положенія въ Аѳинахъ, которое съ небольшими перерывами и занималъ до своей смерти.

Въ области реторической техники Демосѳенъ, конечно, многому научился отъ Исократа; какъ и послѣдній, онъ неутомимо отдѣлывалъ свои рѣчи и также не умѣлъ говорить безъ подготовки. Въ остальномъ же трудно представить себѣ бо́льшій контрастъ, чѣмъ тотъ, который обнаруживается между рѣчами этихъ двухъ ораторовъ. Онъ обусловленъ отчасти различіемъ характеровъ, отчасти различіемъ областей, въ которыхъ они дѣйствовали, и публики, къ которой они обращались. Исократъ писалъ для образованныхъ людей Эллады; аѳинскіе же суды присяжныхъ и собраніе самодержавнаго народа на Пниксѣ состояли преимущественно изъ пролетаріевъ и мѣщанъ, и оратору, который хотѣлъ вліять на эти слои общества, не оставалось ничего другого, какъ спускаться до духовнаго уровня толпы. Отсюда то безграничное оплевываніе противниковъ, то безстыдное

---

[1] Демосѳенъ достигъ совершеннолѣтія въ скирофоріонѣ 367/6 или въ теченіе слѣдующаго года (Demosth. *пр. Онетора* I 15), а совершеннолѣтнимъ аѳинянинъ становился по достиженіи 18-лѣтняго возраста (Arist. *Ἀθην. πολ.* 42). Такимъ образомъ, Демосѳенъ долженъ былъ родиться либо въ 385/4, либо въ 384/3 г. (сравн. Schaefer *Demosthenes* III 38 слл., Blass *Att. Bereds.* III 1² 7 слл. и Höck въ *Hermes* 30 (1895) 347 слл., послѣднее, что̀ написано по этому вопросу). Но надо принять во вниманіе, что метрическихъ книгъ въ Аѳинахъ не существовало и что слѣдовательно преждевременное внесеніе въ гражданскіе списки было легко возможно; сравн. относительно внесенія Демосѳена въ *ληξιαρχικὸν γραμματεῖον* Пеаніи Aesch. *о пос.* 150.

[2] Сравн. *Hermes* XX (1885) 251 слл.

искаженіе истины, то поверхностное отношеніе даже къ важнѣйшимъ вопросамъ, которыя характеризуютъ большинство рѣчей, произносившихся въ аѳинскомъ народномъ собраніи и въ аѳинскихъ судахъ, и отъ которыхъ несвободны и рѣчи Демосѳена; отсюда и та театральная декламація (*ὑπόκρισις*), которую, по преданію, самъ Демосѳенъ признавалъ главнѣйшимъ рессурсомъ ораторскаго искусства. Но въ этой области достигали совершенства и другіе; что̀ возвышаетъ Демосѳена надъ всѣми ораторами его времени и дѣлаетъ его однимъ изъ величайшихъ ораторовъ всѣхъ временъ,—это сила его страсти, его возвышенный паѳосъ, могучій потокъ его словъ, которыя, по гомеровскому сравненію, какъ градъ изъ черной тучи осыпаютъ противника, неодолимо увлекаютъ слушателя за собою и не даютъ ему замѣтить скудости доказательствъ. Притомъ Демосѳенъ, какъ далеко ни шелъ онъ въ уступкахъ вкусамъ своей публики, никогда не впадалъ въ низменный тонъ демагоговъ и сикофантовъ, полновластно господствовавшій въ его время на аѳинской трибунѣ [1]); и если онъ часто говорилъ въ угоду толпѣ, то все-таки, когда нужно было, у него всегда хватало мужества открыто и смѣло отстаивать свои убѣжденія. Тѣмъ не менѣе, лишь потомство вполнѣ оцѣнило Демосѳена какъ оратора и даже, какъ обыкновенно случается, поставила его выше, чѣмъ онъ при всей своей величинѣ заслуживаетъ. Для современниковъ-же Исократъ оставался неподражаемымъ, классическимъ образцомъ. Такой великій теоретикъ, какъ Аристотель, въ своей реторикѣ лишь мимоходомъ упоминаетъ Демосѳена и свои примѣры заимствуетъ предпочтительно изъ рѣчей Исократа; Ѳеофрастъ закончилъ свой очеркъ развитія ораторскаго искусства также Исократомъ.

Не менѣе замѣчательнымъ ораторомъ, хотя и въ другомъ родѣ, былъ сверстникъ Демосѳена Эсхинъ, родомъ изъ аттическаго округа Коѳокидъ. Онъ родился около 390 года и происходилъ изъ хорошей фамиліи, которая однако, какъ и многія другія, потеряла свое состояніе во время Пелопоннесской войны. Послѣ этого его отецъ Атрометъ вступилъ въ военную службу въ Азіи, а затѣмъ, по возвращеніи домой, перебивался обученіемъ дѣтей, тогда какъ жена его Главкоѳея посвящала вѣрующихъ во фригійскія таинства, которыя въ то время, какъ мы знаемъ, имѣли много послѣдователей въ Аѳинахъ. Такимъ образомъ Эсхинъ выросъ въ нуждѣ; первоначально

1) По преданію, онъ сказалъ однажды: *ὑμεῖς ἐμοί, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, συμβούλῳ μέν, κἂν μὴ θέλητε, χρήσεσθε, συκοφάντῃ δὲ οὐδὲ ἂν θέλητε* (Theophr. [по *Cod. Matrit.*, Vulgata *Θεόπομπος*] у Plut. *Dem.* 14); во всякомъ случаѣ, въ этихъ словахъ содержится мѣткая характеристика.

онъ попыталъ счастія въ качествѣ трагическаго актера, затѣмъ вступилъ мелкимъ чиновникомъ въ государственную службу и благодаря своимъ способностямъ постепенно возвысился до виднаго положенія, какъ и его братья, изъ которыхъ одинъ, Афобетъ, занималъ важный постъ въ финансовомъ вѣдомствѣ, а другой, Филохарисъ, достигъ даже высшей должности въ государствѣ — стратегіи. Несмотря на свой выдающійся ораторскій талантъ, Эсхинъ никогда не унижался до занятія адвокатурою, равно какъ — или только въ старости—до преподаванія реторики; даже изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ защиту собственнаго дѣла, онъ издалъ только три—съ политическою цѣлью и для оправданія противъ клеветъ своихъ противниковъ. Эти рѣчи принадлежатъ къ самымъ совершеннымъ образцамъ краснорѣчія всѣхъ временъ и вполнѣ выдерживаютъ сравненіе съ рѣчами, которыя произнесъ при тѣхъ же процессахъ его противникъ Демосѳенъ; по силѣ выраженія онѣ почти не уступаютъ послѣднимъ и превосходятъ ихъ истинно-аттической граціей и изяществомъ.

Третьимъ изъ великихъ аѳинскихъ ораторовъ этого времени былъ Гиперидъ изъ дема Коллита, приблизительно ровесникъ Демосѳена и Эсхина. Получивъ образованіе въ школѣ Исократа, онъ занялся адвокатской дѣятельностью и благодаря ей вскорѣ пріобрѣлъ вліяніе и богатство. На политическое поприще онъ выступилъ впервые при разбирательствѣ той серіи политическихъ процессовъ, которая около времени сраженія при Мантинеѣ привела къ паденію Каллистрата и его партіи (выше стр. 240); но руководящаго вліянія онъ достигъ лишь въ позднѣйшіе годы. Это былъ жуиръ, знатокъ въ гастрономіи и интимный другъ красивыхъ гетеръ; одною изъ знаменитѣйшихъ его рѣчей была защита Фрины по обвиненію ея въ кощунствѣ (выше стр. 7). Какъ оратора, иные въ древности ставили его еще выше Демосѳена; по простотѣ, естественности и прозрачной ясности своего стиля онъ болѣе всего напоминаетъ Лисія, хотя, соотвѣтственно вкусу времени, его періоды построены несравненно искуснѣе. Зато онъ былъ лишенъ потрясающей силы демосѳеновскаго краснорѣчія и далеко уступаетъ въ граціозности Эсхину и въ полнозвучности торжественнымъ рѣчамъ Исократа.

Вѣкъ Исократа и Демосѳена породилъ еще и множество другихъ отличныхъ ораторовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, большинство вскорѣ были забыты; только аѳинскій государственный дѣятель Ликургъ и адвокатъ Динархъ изъ Коринѳа были восприняты въ канонъ классическихъ ораторовъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ ораторовъ вообще пренебрегали опубликованіемъ своихъ рѣчей—напри-

мѣръ Каллистратъ изъ Афидны, защитительная рѣчь котораго въ его процессѣ по поводу потери Оропа (выше стр. 219) осталась незабвенной для всѣхъ, кто ее слышалъ, и Демадъ изъ Пеаніи, можетъ быть, величайшій ораторскій геній, какого произвела Эллада. Онъ природнымъ талантомъ возмѣщалъ недостатокъ школьнаго образованія и часто достигалъ однимъ мѣткимъ словомъ бо́льшаго эффекта, чѣмъ другіе—кропотливо отдѣланными рѣчами. Такой знатокъ, какъ Ѳеофрастъ, сказалъ, что въ то время какъ Демосѳенъ—ораторъ лишь «достойный Аѳинъ», Демадъ «выше Аѳинъ».

Одновременно съ художественной рѣчью развивалась художественная форма діалога. Ея колыбелью была драма; сиракузянинъ Софронъ въ эпоху Пелопоннесской войны проложилъ для нея путь своими «мимами», сценами изъ народной жизни въ разговорной формѣ и въ прозѣ. Приблизительно въ это же время жилъ Алексаменъ изъ Теоса, который первый началъ облекать въ форму діалога научныя изслѣдованія [1]). Для насъ древнѣйшимъ образцомъ этого вида литературы является знаменитый діалогъ между аѳинянами и мелосцами о значеніи права сильнаго въ международныхъ отношеніяхъ, который мы находимъ въ Ѳукидидовой исторіи Пелопоннесской войны. Но усовершенствованъ былъ діалогъ лишь въ сократовской школѣ, которая нашла въ немъ средство облечь въ литературную форму своеобразную педагогическую методу своего основателя. Особенно славились «сократовскіе разговоры» Антисѳена, который, прежде чѣмъ обратиться къ философіи, былъ риторомъ, и Эсхина изъ Сфетта, который наряду съ философскими изслѣдованіями занимался также составленіемъ судебныхъ рѣчей и, значитъ, долженъ былъ обладать серьезнымъ реторическимъ образованіемъ. Настоящимъ же классикомъ сократовскаго діалога сталъ Платонъ. Поэтъ отъ природы, онъ остался имъ и послѣ того, какъ бросилъ въ огонь свои юношескія поэтическія произведенія и всецѣло посвятилъ себя философіи. Его сочиненія—въ значительной степени поэмы въ прозѣ, подобно мимамъ Софрона, которые Платонъ ставилъ чрезвычайно высоко и которые, по преданію, служили ему образцомъ со стороны стиля; онъ стремился вызывать въ читателяхъ иллюзію, будто они присутствуютъ при дѣйствительномъ собесѣдованіи. Однако съ теченіемъ времени Платонъ пришелъ къ сознанію, что форма діалога мало пригодна для систематическаго изложенія философскихъ ученій, и потому его позднѣйшія произведенія, какъ «Тимей» и «Законы», по формѣ болѣе приближаются къ искусственной рѣчи, хотя

---

[1]) Natorp ст. *Alexamenos* у Pauly-Wissowa I 1375.

внѣшняя оболочка діалога еще сохраняется. При этомъ и онъ не сумѣлъ избѣгнуть вліянія Исократа; впрочемъ, его попытка помѣряться съ профессіональными риторами въ области хвалебнаго краснорѣчія не прибавила ему лавровъ; эта дѣятельность шла въ разрѣзъ съ основными свойствами его натуры. — Величайшій ученикъ Платона, Аристотель, также началъ свою литературную дѣятельность философскими діалогами, сладостная плавность *(flumen orationis aureum,* Cic.*)* которыхъ восхвалялась древними; но и онъ вскорѣ понялъ, что эта художественная форма непригодна для научнаго изслѣдованія. Вслѣдствіе этого онъ въ своихъ систематическихъ сочиненіяхъ впалъ въ противоположную крайность, именно разсматривалъ форму какъ вещь второстепенной важности, причемъ реторическія украшенія, привычка къ которымъ вошла уже въ его плоть и кровь, составляютъ странный контрастъ съ безъискусственностью цѣлаго.

Въ виду блестящаго развитія реторики поэзія должна была отступить на второй планъ. Гдѣ раньше сочиняли гимнъ, теперь писали торжественную рѣчь, и даже на пиршествахъ элегія и сколіонъ все болѣе вытѣснялись произнесеніемъ рѣчей или собесѣдованіями на философскія темы [1]). На великихъ національныхъ празднествахъ со времени выступленія Горгія въ Олимпіи, наряду съ поэтическими и музыкальными произведеніями, неизмѣнно произносились рѣчи. Мало того, философія дошла до того, что стала отвергать почти всю прежнюю поэзію, какъ безнравственную; на этомъ основаніи Платонъ, какъ ни тяжело это было ему, изгонялъ изъ своего идеальнаго государства даже Гомера и драму и изъ всей поэзіи оставлялъ лишь гимны во славу безсмертныхъ боговъ и пѣсни въ честь заслуженныхъ мужей.

Однако въ началѣ это движеніе захватило лишь тѣ круги общества, которые занимали руководящее положеніе въ области духовной жизни. Масса и теперь, какъ раньше, требовала привычныхъ поэтическихъ развлеченій, такъ что во внѣшнихъ побужденіяхъ къ поэтическому творчеству и въ этотъ періодъ не было недостатка. Какъ и до сихъ поръ, аттическій театръ ежегодно требовалъ цѣлаго ряда новыхъ драматическихъ произведеній, и если Аѳины послѣ крушенія ихъ державы уже не были въ состояніи тратить на искусство такія суммы, какъ раньше, то поэзія щедро вознаграждалась за этотъ ущербъ въ другихъ частяхъ Греціи. Драматическія представленія, которыя до сихъ поръ ставились только въ Аѳинахъ и нѣкоторыхъ

---

[1]) Reitzenstein *Elegie und Skolion* стр. 80.

другихъ большихъ городахъ, начали теперь все болѣе распространяться въ греческомъ мірѣ. Повсюду возникали театры; особенно княжескіе дворы Пеллы и Феръ, Галикарнасса и Сиракузъ старались стяжать славу поощреніемъ искусства и наперерывъ привлекали къ себѣ первыя силы. Нарождающаяся монархія давала знать о себѣ и въ этой области; но пока аѳинскій театръ все еще оставался художественнымъ центромъ Эллады.

Согласно съ этимъ IV столѣтіе обнаруживаетъ въ области драмы такую производительность, которая (въ смыслѣ объема по меньшей мѣрѣ можетъ сравниться съ производительностью V вѣка, а вѣроятно и превосходитъ ее. Не безъ основанія комедія осмѣиваетъ

Глупцовъ, что̀ драмы пишутъ
На сотни миль длиннѣй, чѣмъ Эврипидъ [1]).

Безъ сомнѣнія, среди этой массы произведеній было немало превосходныхъ пьесъ. Прежде всего слѣдуетъ назвать здѣсь Агаѳона изъ Аѳинъ, одержавшаго первую свою побѣду еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ въ 416 году и позднѣе переселившагося въ Македонію; затѣмъ Каркина изъ Акраганта, который подвизался преимущественно на своей родинѣ, въ Сициліи, при дворѣ сиракузскихъ тирановъ; далѣе, пріемнаго сына Исократа, Афарея, и его ученика Ѳеодекта изъ Фаселиды; наконецъ, и впереди всѣхъ, аѳинянина Астидама, перваго трагика, на долю котораго выпала честь увидѣть свою статую въ аѳинскомъ театрѣ (340). Но всѣ они несли тяжелую участь эпигоновъ. «Лугъ музъ былъ стравленъ», жалуется одинъ поэтъ этого времени [2]). Эврипидъ остался непонятымъ большею частью своихъ современниковъ,—а слѣдующее поколѣніе нашло у него выраженіе своихъ высшихъ эстетическихъ и этическихъ идеаловъ. Поэтому вся драматическая литература IV столѣтія носитъ на себѣ печать Эврипида и представляетъ собою дальнѣйшее развитіе тѣхъ художественныхъ принциповъ, которые выработалъ великій трагикъ. Сюжеты попрежнему заимствуются изъ области миѳа, содержаніе котораго, разумѣется, все болѣе исчерпывалось, что̀ побуждало поэтовъ снова и

---

[1]) Aristoph. *Лягушки* 89 слл. По преданію, Астидамъ написалъ 240, Каркинъ 160, Ѳеодектъ 50 трагедій и сатирическихъ пьесъ. Изъ комиковъ Алексисъ написалъ 245 пьесъ, Антифанъ 260 или 280, Анаксандридъ 65.

[2]) Choeril. fr. 1 Kinkel у Aristot. *Rhet.* III 1415 a *Ἆ μάκαρ, ὅστις ἔην κεῖνον χρόνον ἴδρις ἀοιδῆς Μουσάων θεράπων, ὅτ' ἀκήρατος ἦν ἔτι λειμών κτλ.*; сравн. полную гордаго самоотреченія эпиграмму Астидама у Phot. 502, 21 (Bergk. *Lyrici* II³ 639).

снова возвращаться къ однимъ и тѣмъ же сюжетамъ; естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что поэты стремились проявить оригинальность какимъ бы то ни было способомъ. Никому не приходило въ голову обратиться къ исторіи VI или V столѣтій, столь богатой трагическими мотивами, а сдѣланная Агаѳономъ въ его «Анѳосѣ» попытка вывести на трагическую сцену свободно-выдуманную фабулу не нашла послѣдователей. Еще менѣе осмѣливались нарушать традиціонные законы техники. Хоръ уже у Эврипида былъ часто лишь слабо связанъ съ дѣйствіемъ пьесы; но совершенно отбросить эти путы не рѣшались, хотя мысль объ этомъ должна была напрашиваться сама собою и хотя комедія уже показала въ этомъ отношеніи хорошій примѣръ. Такимъ образомъ, путь къ дальнѣйшему плодотворному развитію трагедіи былъ прегражденъ, и лучшіе таланты изнемогали въ усиліяхъ превзойти свои образцы или даже только сравняться съ ними.

А общество также все болѣе убѣждалось въ томъ, что продукты современной драматической литературы далеко не могутъ сравниться съ великими образцами минувшихъ дней. Поэтому вошло въ обычай, наряду съ произведеніями новѣйшихъ поэтовъ, ставить также пьесы великихъ трагиковъ V вѣка, преимущественно, разумѣется, Эврипида [1]). Послѣ сраженія при Херонеѣ, по предложенію оратора Ликурга, были поставлены въ аѳинскомъ театрѣ бронзовыя статуи Эсхила, Софокла и Эврипида, и въ то же время установленъ офиціальный текстъ ихъ произведеній, которымъ должны были руководиться актеры. Съ теченіемъ времени классическая трагедія все болѣе вытѣсняла изъ репертуара пьесы новѣйшаго времени и въ концѣ-концовъ обрекла ихъ на забвеніе, часто, безъ сомнѣнія, незаслуженное.

Иначе обстояло дѣло съ комедіей. Въ то время какъ трагики V вѣка, подавленные великими образцами классической эпохи, не сумѣли достигнуть самостоятельнаго значенія, комедія имѣла счастливую возможность черпать свой матеріалъ изъ современной жизни. Правда, эпоха Пелопоннесской войны создала и въ области комедіи великіе образцы, которые никогда не были превзойдены, и кипучей свѣжести, могучей силы которыхъ даже никогда не достигали позднѣйшіе поэты. Но произведенія Кратина, Эвполиса, Аристофана и

---

[1]) Сравн. напримѣръ дидаскаліи $342/_{1}$—$340/_{39}$ годовъ, *CIA.* II 973. Каждый разъ ставятъ сначала какую-нибудь пьесу Эврипида, затѣмъ 2—3 пьесы современныхъ поэтовъ.

ихъ товарищей, полныя намековъ на событія дня и посвященныя изображенію исключительно аѳинской жизни, никогда не могли проникнуть за предѣлы Аѳинъ и даже здѣсь были непонятны уже ближайшему поколѣнію. Притомъ, болѣе тонкій вкусъ новаго времени уже не терпѣлъ на сценѣ тѣхъ пошлостей, которыя еще въ современникахъ Аристофана не вызывали никакого раздраженія. Такимъ образомъ, аттическая комедія свернула теперь на тотъ путь, который былъ указанъ Эпихармомъ. Политика все болѣе отходитъ на задній планъ; литературные вопросы обсуждаются еще часто, но главнымъ содержаніемъ комедіи становятся мелкія отношенія повседневной жизни, причемъ главную роль играютъ гетеры, паразиты и слуги и съ безконечными подробностями изображаются пиры. Лирическія части безусловно отступаютъ передъ діалогомъ. Первые признаки этого направленія обнаруживаются уже въ послѣднихъ пьесахъ Аристофана; еще ярче выступаетъ оно у младшихъ современниковъ Аристофана— Платона-комика, Ѳеопомпа и Стратѳиса, дѣятельность которыхъ, начавшись во время Пелопоннесской войны, захватила значительную часть IV столѣтія. Эвбулъ, подвизавшійся на драматическомъ поприщѣ отъ беотійской войны до времени Демосѳена, уже всецѣло принадлежитъ новому направленію. Такъ какъ комедія утратила теперь свой специфически-аѳинскій характеръ, то въ этой отрасли литературы могли работать и иностранцы. Дѣйствительно, между знаменитѣйшими представителями этой т. наз. «средней комедіи» мы встрѣчаемъ, рядомъ съ аѳиняниномъ Антифаномъ, родосца Анаксандрида и Алексиса изъ Ѳурій въ Нижней Италіи. Но всѣ они, безъ различія происхожденія, писали главнымъ образомъ для аѳинскаго театра и изображали въ своихъ пьесахъ аѳинскую жизнь.

Въ области эпоса также начала обнаруживаться новая жизнь. Хэрилъ изъ Самоса, въ исходѣ V вѣка, осмѣлился взять сюжетъ для своей поэмы не изъ миѳологіи, какъ требовала традиція, а изъ исторіи, воспѣвъ Персидскія войны. Разумѣется, значительная часть этой эпопеи представляла пѣснь во славу Аѳинъ, и аѳиняне вознаградили поэта, постановивъ, чтобы впредь рапсоды публично декламировали его поэму наряду съ гомеровскими пѣснями. Впрочемъ, именно въ этой патріотической тенденціи повидимому и заключалась главная заслуга Хэрила. Его совершенно затмилъ его іонійскій соотечественникъ Антимахъ, который въ своей «Ѳиваидѣ» снова, по обычаю, разработалъ миѳологическій сюжетъ. Наиболѣе славилась его элегія «Лида», гдѣ поэтъ изливалъ свою скорбь по поводу смерти своей возлюбленной и искалъ утѣшенія въ воспоминаніи о другихъ несчастныхъ лю-

бовникахъ, которыхъ въ такомъ изобиліи выводилъ передъ нимъ миѳъ. Такой знатокъ, какъ Платонъ, очень высоко ставилъ Антимаха, и если позднѣйшія поколѣнія порицали напыщенную пространность его композиціи, то они все-таки усердно читали его и не менѣе усердно ему подражали. Для элегіи александрійскаго періода «Лида» послужила образцомъ.

Въ собственной лирикѣ текстъ въ эту эпоху все болѣе отступалъ передъ композиціей. Сообразно съ этимъ теперь разрабатывались преимущественно одноголосная пѣсня или, какъ говорили греки, номъ, и опера, диѳирамбъ. Это было результатомъ новаго направленія, которое съ половины V вѣка обнаружилось въ области музыки [1]). Начало этому движенію положили Меланиппидъ изъ Мелоса и Фринисъ изъ Митилены въ эпоху Перикла; до совершенства новое направленіе было доведено Тимоѳеемъ изъ Милета, Филоксеномъ изъ Киѳеры и Кинесіемъ изъ Аѳинъ, дѣйствовавшими въ исходѣ V и началѣ IV столѣтія. Всѣми средствами старались они добиться болѣе полнаго звукового эффекта; инструменты были усовершенствованы, искусственные ритмы, излюбленные Пиндаромъ и его современниками, были отброшены, какъ стѣснительныя узы, и замѣнены болѣе простыми формами; композиторы уже не боялись мѣнять тональность въ одной и той же пьесѣ. Они стремились прежде всего къ реализму; такъ, Филоксенъ и Тимоѳей въ музыкальныхъ звукахъ изображали мычаніе стадъ Циклопа, гулъ бури и даже обстоятельства, которыми сопровождалось рожденіе Діонисія. Поклонники старины конечно оплакивали «упадокъ» музыки [2]), какъ это повторилось и въ наши дни по поводу музыкальной реформы подобнаго же рода. Но, какъ нынѣ, такъ и тогда противодѣйствіе оказалось безплоднымъ; новая эпоха требовала новаго искусства, и творцы его знали, что имъ принадлежитъ будущее. Тимоѳей, вождь всего этого движенія, не поколебался открыто бросить въ лицо своимъ злобнымъ критикамъ такія слова:

Не стану пѣть, какъ пѣли встарь—
Мнѣ новый ладъ милѣе;
Царитъ теперь богъ юный—Зевсъ,
Низвергнутъ старый Кроносъ.
Прочь старая муза!

Предсказаніе сбылось; старая музыка пала, и скоро Тимоѳей и Филоксенъ уже сами были классиками; ихъ пѣсни изучались въ

[1]) Gevaert *Musique de l'Antiquite* II стр. 475 сл.

[2]) Pherekr. *Χείρων* fr. 145, Kock. (I стр. 188), Платонъ *Законы* III 700 сл.

школахъ и ихъ большія композиціи ставились на сцену еще спустя столѣтія [1]).

Высокаго совершенства достигла въ это время и инструментальная музыка. Игра на флейтѣ издревле процвѣтала въ Ѳивахъ; но лишь въ эпоху Перикла здѣсь въ лицѣ Пронома явился композиторъ, чьи пьесы для флейты пріобрѣли извѣстность во всей Греціи. Его сынъ Эніадъ продолжалъ дѣятельность отца; мы узнаемъ, что онъ въ 388 году одержалъ побѣду въ Аѳинахъ. Но Эніада затмилъ его соотечественникъ Антигенидъ, первый флейтистъ-виртуозъ своего времени (ок. 400—360). Онъ примкнулъ къ Филоксену, въ чьихъ диѳирамбахъ исполнялъ аккомпаниментъ, но писалъ и самостоятельныя пьесы, долго охранявшія его имя отъ забвенія. Изъ его многочисленныхъ учениковъ большую извѣстность пріобрѣли въ эпоху Филиппа и Александра Исменій и Тимоѳей, оба изъ Ѳивъ. Въ сосѣднихъ съ Беотіей областяхъ также усердно занимались авлетикой; въ концѣ IV вѣка мы находимъ среди первоклассныхъ артистовъ Телефана изъ Мегары и Эвдокса изъ Халкиды.

Въ Аѳинахъ авлетикѣ никогда не удавалось пустить прочные корни; зато здѣсь достигла высокаго совершенства киѳаристика, благодаря двумъ артистамъ, жившимъ въ первой половинѣ IV вѣка, Кефисодоту изъ Ахарнъ и особенно Стратонику. Стратоникъ, по преданію, первый основалъ школу инструментальной музыки [2]).

Всѣ великіе музыканты V и IV вѣковъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и артистами-исполнителями, и своей славою были обязаны столько же виртуозности своей игры, сколько достоинствамъ своихъ композицій. Но, разумѣется, невозможно было требовать, чтобы композиторъ обладалъ и красивымъ голосомъ, въ особенности если онъ продолжалъ работать до поздней старости, какъ Тимоѳей милетскій. Притомъ, для постановки новыхъ сложныхъ диѳирамбовъ требовались не только хорошіе солисты, но и обученный хоръ и хорошій оркестръ. Такимъ образомъ возникло сословіе профессіональныхъ театральныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Такая же перемѣна произошла на трагической и комической сценѣ. Если Эсхилъ и нѣсколько разъ еще Со-

---

[1]) *Эльпеноръ* Тимоѳея поставленъ въ Аѳинахъ въ 320/19 году (*CIA*. II 1246), *Персы* Тимоѳея—во время Немейскихъ празднествъ 205 года (Plut. *Philop*. 11), номы Филоксена и Тимоѳея во время Полибія изучаются въ Аркадія дѣтьми въ школахъ (Polyb. IV 20, 9). Очень поучительно, что Полибій подчеркиваетъ какъ-разъ этическія достоинства этихъ пьесъ, казавшихся многимъ современникамъ столь безнравственными.

[2]) Gevaert l. c. II 477 сл., 568 слл.

фоклъ сами выступали въ своихъ пьесахъ, то успѣхи сценическаго искусства и обусловленная ими бо́льшая требовательность публики вскорѣ привели къ образованію класса актеровъ, и поэты стали ограничиваться тѣмъ, что руководили разучиваніемъ своихъ пьесъ. Хотя соціальное положеніе актеровъ и тогда, какъ во всѣ времена, было вообще далеко не почетнымъ [1]), тѣмъ не менѣе выдающіеся таланты достигали громкой славы, и въ IV вѣкѣ въ Аѳинахъ вошло въ обычай вносить и ихъ имена въ оффиціальные списки поставленныхъ на сцену пьесъ. Въ этомъ сословіи господствовала строгая іерархія; трагическіе актеры гнушались выступать въ комедіяхъ, и протагонистъ относился съ презрѣніемъ къ девтерагонисту и тритагонисту. Очень характерно для исторіи развитія этихъ отношеній, что изъ эпохи расцвѣта аттической трагедіи до насъ не дошло ни одно имя какого-либо знаменитаго актера; напротивъ, въ серединѣ IV вѣка источники называютъ намъ въ качествѣ выдающихся протагонистовъ на трагическія роли Ѳеодора, Неоптолема и Аристодема, въ эпоху Александра—Ѳессала и Аѳенодора; изъ знаменитыхъ комическихъ актеровъ этого же времени можно назвать олинѳянина Сатира и Ликона изъ Скарфеи [2]).

Развитіе пластическаго искусства въ IV вѣкѣ немногимъ разнится отъ развитія поэзіи за тотъ же періодъ: какъ и поэзія, пластика жила успѣхами, достигнутыми въ предшествовавшую эпоху. Но здѣсь великіе образцы V столѣтія дѣйствовали не столь подавляющимъ образомъ, какъ въ области поэзіи, ибо поэтическое произведеніе можетъ быть распространено въ неограниченномъ количествѣ копій, тогда какъ произведеніе искусства привязано къ мѣсту своего нахожденія, и никакая репродукція не можетъ замѣнить оригинала. Притомъ техника пластическихъ искусствъ въ эпоху Перикла далеко еще не достигла той степени совершенства, какую обнаруживаетъ въ это же время поэтическая техника. Поэтому дѣятели на поприщѣ образовательныхъ искусствъ имѣли въ IV вѣкѣ больше простора для художественнаго творчества, чѣмъ поэты этого времени.

Пластическія искусства отнюдь не могли жаловаться и на недостатокъ внѣшняго поощренія. Правда, Аѳины и въ этой области лишаются того руководящаго положенія, которое онѣ занимали при Периклѣ. Пелопоннесская война поглощала почти всѣ наличныя сред-

---

1) Достаточно вспомнить, съ какимъ презрѣніемъ Демосѳенъ говоритъ о *τριταγωνιστής* Эсхинѣ.

2) A. Müller *Bühnenaltertümer* (въ *Handbuch* Германна) стр. 170 слл.

ства; затѣмъ послѣдовали крушеніе государства и революція, и когда Аѳины нѣсколько оправились отъ этой катастрофы, пришлось прежде всего позаботиться о возстановленіи укрѣпленій и арсеналовъ. Лишь со времени Филократова мира Аѳины снова могли думать о постройкѣ зданій, не служащихъ непосредственно практическимъ нуждамъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего этого вѣка Аѳины оставались главнымъ средоточіемъ греческой художественной дѣятельности; только ихъ художники работали почти исключительно на иностранныхъ заказчиковъ.

Послѣ сраженія при Эгоспотамосѣ одну минуту казалось, что Спарта и въ области художественной дѣятельности намѣрена выступить наслѣдницей Аѳинъ. Въ Дельфахъ и Спартѣ были воздвигнуты великолѣпные памятники побѣды [1]); но возобновленіе войны вскорѣ положило конецъ этимъ стремленіямъ. Расцвѣтъ Ѳивъ послѣ битвы при Левктрахъ почти совсѣмъ не породилъ крупныхъ монументальныхъ памятниковъ. Зато усердно культивировалось искусство въ монархическихъ государствахъ, которыя въ это время возникли или достигли большаго значенія, особенно въ Каріи, Сициліи и Македоніи; разумѣется, оно должно было подчиняться и тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляли къ нему властелины этихъ странъ.

Въ области архитектуры постройка храмовъ все еще занимала первое мѣсто, хотя уже не въ такой степени, какъ въ предшествовавшую эпоху. Аѳины, несмотря на финансовыя затрудненія, которыя онѣ испытывали во время Пелопоннесской войны, нашли средства отстроить святилище Аѳины Поліасъ на Акрополѣ, по благородной строгости стиля—истинный шедевръ іонійской школы. Около этого же времени на террассѣ близъ Пропилей, откуда открывается волшебный видъ, былъ воздвигнутъ тотъ небольшой храмъ богини Побѣды, который въ нашемъ вѣкѣ послѣ освобожденія Греціи былъ возстановленъ изъ античныхъ обломковъ и теперь опять, какъ нѣкогда, сторожитъ входъ на Акрополь. На Делосѣ близъ стараго храма Аполлона былъ построенъ новый большой храмъ въ честь бога-хранителя острова [2]). Въ Тегеѣ храмъ Аѳины Алéа около 395 года

---

[1]) Памятникъ въ Дельфахъ Paus. X 9, 7 сл., Plut. *Lys.* 18 (выше стр. 89), въ Спартѣ—Paus. III 17, 4.

[2]) Большой храмъ Аполлона на Делосѣ (въ аѳинское время *Δηλίων νεώς*, позднѣе просто храмъ Аполлона) въ 410 году уже строился, въ 394 былъ готовъ (Schoeffer *De Deli insulae rebus* стр. 76 сл.) Въ отличіе отъ него старый храмъ Аполлона назывался *Ἀθηναίων νεώς,* позднѣе *νεὼς οὗ τὰ ἑπτὰ ἀγάλματα.*

былъ уничтоженъ пожаромъ; новый храмъ, воздвигнутый подъ руководствомъ Скопаса, былъ величайшимъ и прекраснѣйшимъ храмомъ всего Пелопоннеса [1]. Приблизительно въ это же время близъ Эпидавра былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ Асклепія [2]). Особенно оживленную дѣятельность обнаруживала въ этой области Іонія, гдѣ наконецъ начали возстановлять разрушенные нѣкогда персами храмы. Храмъ Аполлона Дидимскаго въ Бранхидахъ близъ Милета былъ великолѣпно реставрированъ зодчими Пэоніемъ и Дафнисомъ [3]). Въ Пріенѣ Пиѳей, творецъ Мавсоллейона, построилъ большой храмъ городской богини Аѳины, который затѣмъ былъ освященъ Александромъ [4]). Сгорѣвшее въ 356 году Артемисіонъ въ Эфесѣ было еще въ болѣе роскошномъ видѣ возстановлено Дейнократомъ; оно было теперь самымъ большимъ изъ всѣхъ греческихъ храмовъ и позднѣе считалось однимъ изъ семи чудесъ свѣта [5]).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ при постройкѣ храмовъ слѣдовали тѣмъ образцамъ, которые создала предшествовавшая эпоха, и держались двухъ традиціонныхъ стилей, дорійскаго и іонійскаго, тогда какъ новоизобрѣтенный кориѳскій стиль примѣнялся лишь изрѣдка, да и то лишь въ отдѣлкѣ внутреннихъ частей храма. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ зодчіе пытались идти самостоятельными путями. Таковъ былъ колоссальный храмъ Зевса въ Акрагантѣ, самый большой изъ всѣхъ храмовъ Сициліи и послѣ эфесскаго Артемисіона вѣроятно изъ всѣхъ греческихъ храмовъ вообще, который строился вплоть до разрушенія города карѳагенянами (406) и вслѣдствіе этой катастрофы остался неоконченнымъ. Здѣсь, именно въ виду огромныхъ размѣровъ зданія, колоннада была замѣнена стѣною, украшенной полуколоннами; фасадъ имѣлъ, вмѣсто обычнаго четнаго числа колоннъ, 7 полуколоннъ; внутри громадныя фигуры гигантовъ

---

[1]) Paus. VIII 45, 3. Такъ какъ Скопасъ около 350 года работалъ въ Мавсоллейонѣ (ниже стр. 314), то реставрація храма должна быть отнесена ко времени расцвѣта Аркадіи послѣ битвы при Левктрахъ.

[2]) Foucart *Bull. Corr. Hell.* XIV 1890, 589 слл., Cavvadias *Fouilles d'Epidauros* I pl. 6. Дату постройки храма, какую даетъ Bruno Keil, 399/8—395/4 (*Athen. Mitteil.* XX 1895, 79), я считаю слишкомъ ранней.

[3]) Судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, возстановленіе храма въ Бранхидахъ относится лишь къ IV столѣтію, и сообразно съ этимъ надо передвинуть къ этой эпохѣ время жизни Пэонія и Дафниса (Rayet *Milet et le Golfe Latmique*, Парижъ 1877).

[4]) Vitruv. VII *praef.* 12, Dittenb. *Sylloge* 117, Rayet l. c. II 1 слл., pl. 6—17.

[5]) Strab. XIV 641, Wood *Discoveries at Ephesos*, Лондонъ 1877.

служили опорами для балокъ корабля [1]). Еще смѣлѣе уклонились отъ традиціи строители храма Аѳины Поліасъ, т.-наз. Эрехѳейона, на Акрополѣ въ Аѳинахъ. Здѣсь также нѣтъ колоннады; вмѣсто нея мы находимъ три портика, изъ которыхъ въ одномъ колонны замѣнены статуями, изображающими дѣвушекъ *(κόραι)*. Въ это же время былъ изобрѣтенъ круглый храмъ. Самымъ знаменитымъ образчикомъ этого вида былъ «ѳолосъ», построенный въ половинѣ IV вѣка младшимъ Поликлетомъ въ священной области Асклепія близъ Эпидавра. Это было круглое святилище, снаружи окруженное перистилемъ изъ іонійскихъ колоннъ, внутри украшенное коринѳскими колоннами,—по тщательной отдѣлкѣ деталей быть можетъ самое совершенное созданіе греческой архитектуры [2]). Круглый же храмъ, но меньшихъ размѣровъ, преставляло собою Филиппейонъ въ Олимпіи, воздвигнутое Александромъ въ честь его отца и украшенное статуями обоихъ великихъ царей Македоніи, царицы Олимпіады и родителей Филиппа. Это былъ іонійскій периптеръ, внутри украшенный коринѳскими полуколоннами [3]). Въ формѣ небольшихъ круглыхъ храмовъ строились, вѣроятно, и монументы, воздвигавшіеся въ память одержанныхъ въ театрѣ побѣдъ; таковъ памятникъ Лисикрата (отъ 335/4 года), который еще теперь стоитъ въ Аѳинахъ у подошвы Акрополя,—одно изъ немногихъ зданій коринѳскаго стиля, какія уцѣлѣли отъ той эпохи.

Но рядомъ съ постройкою храмовъ къ архитектурѣ предъявлялись теперь все въ бóльшихъ размѣрахъ и требованія иного рода. Каждый греческій городъ хотѣлъ имѣть свой каменный театръ, возможно болѣе великолѣпный. Самымъ красивымъ зданіемъ этого рода считался театръ, который построилъ въ священномъ округѣ Эпидавра, рядомъ со своимъ «ѳолосомъ», младшій Поликлетъ и который, за исключеніемъ сцены, почти вполнѣ сохранился до нашихъ дней [4]). Аѳины не хотѣли отстать и приступили къ перестройкѣ своего стараго театра внизу Акрополя, которая и была закончена во время правленія Ликурга при Александрѣ. Тогда же былъ заложенъ панаѳинейскій стадій въ южной части города, по ту сторону Илиса. Теперь все болѣе входило въ обычай созывать народное собраніе въ театрѣ. Однако и тутъ участники собранія ничѣмъ не были защи-

1) Diod. XIII 82, Serradifalco *Antichità di Sicilia* III tav. 20 — 27 (Палермо 1836).

2) Paus. II 27, 3—5, Bruno Keil *Athen. Mitteil.* XX 1895, 20 слл., Cavvadias l. c. pl. 4. 5.

3) Paus. V 20, 9, Baumeister *Denkmäler* стр. 260. 1104 A.

4) Paus. II 27, 5, Cavvadias l. c. pl. 2. 3.

щены противъ непогоды; вслѣдствіе этого въ наиболѣе благоустроенномъ городѣ этого времени—Мегалополѣ—напали на мысль устроить крытое помѣщеніе для засѣданій аркадскаго союзнаго собранія, т.-наз. «десяти тысячъ». Это Ѳерсилейонъ, названное такъ по имени своего основателя, представляло собою прямоугольную залу съ пилястрами, на которыхъ покоилась крыша; въ общемъ оно походило на храмъ Деметры въ Элевсинѣ, но было еще нѣсколько больше его, вмѣщая около 6000 человѣкъ. Но повидимому этотъ примѣръ не нашелъ подражателей [1]).

Новыя задачи поставила зодчеству монархія, которая въ теченіе IV столѣтія все болѣе упрочивалась въ Греціи и въ концѣ концовъ сдѣлалась господствующей формой правленія. Вѣрнѣе, это были тѣ старыя задачи, на которыхъ греческая архитектура развилась въ микенскій періодъ, — постройка дворцовъ и гробницъ. Особенно славился дворецъ любителя искусствъ Архелая въ Пеллѣ, преимущественно, впрочемъ, благодаря фрескамъ Зевксиса, которыми были украшены его стѣны [2]); замѣчательнымъ архитектурнымъ памятникомъ былъ, вѣроятно, и дворецъ Діонисія въ Сиракузахъ [3]). Богатые частные люди старались подражать государямъ, и потому греческіе города начали украшаться великолѣпными постройками, часто оставлявшими въ тѣни общественныя зданія. Можетъ быть совершеннѣйшимъ и во всякомъ случаѣ знаменитѣйшимъ произведеніемъ искусства этой эпохи была гробница, построенная по порученію Мавсолла карійскаго въ Галикарнассѣ зодчими Пиѳеемъ и Сатиромъ для него самого и для его сестры Артемисіи. На мощномъ фундаментѣ, гдѣ находилась усыпальница, возвышался іоническій храмъ, крыша котораго была украшена четырехконной колесницей. Первые художники того времени соперничали въ украшеніи мавзолея скульптурными работами, и въ продолженіе всей древности онъ считался однимъ изъ чудесъ свѣта [4]).

Болѣе самостоятельности, чѣмъ архитектура, обнаруживаетъ по отношенію къ искусству предшествующаго періода пластика этого

---

1) Paus. VIII 32, 1, *Excavations at Megalopolis*, Suppl. 1 къ *Journal o Hell. Stud.* Лондонъ 1892, Benson *The Thersilion at Megalopolis*, *Journ. of Hell. Stud.* XIII 1892, стр. 319 слл.

2) Aelan. *Var. Hist.* XIV 17.

3) Plut. *Timol.* 22.

4) Plin. XXXVI 30, 31. Vitruv. VII *praef.* 12, выше стр. 248. Удовлетворительная реконструкція не удалась до сихъ поръ.

времени [1]). Художники V столѣтія считали главною своей задачей выработку типовъ боговъ, и то, что было создано ими въ этой области, осталось образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ эпохъ. Но софистическое движеніе, поколебавшее старую вѣру въ боговъ, нанесло смертельный ударъ и религіозному искусству. Характерно для духовнаго направленія новаго времени, что теперь почти совсѣмъ уже не создаютъ статуй изъ золота и слоновой кости, которыя представляли зрителямъ божество во всемъ его неземномъ величіи [2]). И теперь еще въ большомъ количествѣ изготовлялись мраморныя и бронзовыя статуи боговъ; но если художники и считали свои статуи изображеніями боговъ, это были уже не боги, а только возведенные въ совершенство человѣческіе образы [3]). Афродита Книдская Праксителя, быть можетъ знаменитѣйшее скульптурное произведеніе всего этого періода, представляла собою ничто иное, какъ изображеніе идеально красивой женщины; уже полная нагота богини должна была устранять всякое чувство благоговѣнія. Мало того, изображенія боговъ въ эту эпоху очень часто превращаются въ простыя жанровыя картины; таковъ Гермесъ Праксителя въ Олимпіи, играющій съ младенцемъ Діонисомъ, таковъ Аполлонъ-Савроктонъ того же мастера, гдѣ могучій богъ, умертвившій своими стрѣлами пиѳійскаго дракона, обратился въ мальчика, который пытается пронзить ящерицу. Такимъ образомъ, искусство этой эпохи въ смыслѣ величія далеко уступаетъ искусству Фидія и его современниковъ, но взамѣнъ такъ же далеко превосходитъ его умѣньемъ выражать въ лицѣ и позѣ движенія души. Такого произведенія, какъ группа Ніобидъ, V вѣкъ не могъ бы создать.

Чрезвычайно плодотворное поле дѣятельности открылъ пластикѣ все болѣе распространявшійся теперь обычай воздвигать статуи заслуженнымъ людямъ. Демократія V вѣка была очень скупа на эту почесть; въ Аѳинахъ ея были удостоены только тираноубійцы Гар-

---

1) Сравн., кромѣ упомянутыхъ выше, т. I стр. 461 сочиненій, Furtwängler *Meisterwerke der griechischen Plastik*, Лейпцигъ—Берлинъ 1893.

2) Вѣроятно единственныя женскія фигуры со времени Поликлетовой Геры— статуи македонской царской фамиліи работы Леохареса въ Филиппейонѣ въ Олимпіи.

3) Это—mutatis mutandis—то же отношеніе, какое существуетъ между изображеніями святыхъ работы итальянскихъ художниковъ XV и картинами художниковъ XVI вѣка, только софисты работали гораздо основательнѣе, чѣмъ легкомысленные гуманисты эпохи Ренессанса. Правда, и сопротивленіе, которое приходилось преодолѣвать софистамъ, было гораздо слабѣе.

модій и Аристогитонъ. Кононъ, побѣдитель при Книдѣ, возстановившій морское владычество Аѳинъ, былъ первымъ, кому оказанъ былъ этотъ почетъ. Разъ такимъ образомъ старый принципъ былъ нарушенъ, Аѳины быстро пошли впередъ по этому пути; подобно Конону, и его сынъ Тимоѳей и полководцы Ификратъ и Хабрій были почтены постановкою статуй; того же отличія удостоивались дружественные государи, какъ Эвагоръ Кипрскій, босфорскіе тираны, македонскіе цари Филиппъ и Александръ; наконецъ дошло до того, что Деметрію изъ Фалерона, который въ 317 — 307 годахъ управлялъ Аѳинами именемъ Кассандра, былъ воздвигнутъ цѣлый рядъ статуй [1]). Остальная Греція не отставала отъ Аѳинъ; Сиракузы воздвигли статую еще Гелону, и вскорѣ почетныя статуи сдѣлались тамъ настолько многочисленными, что при финансовыхъ затрудненіяхъ во время Тимолеона правительство нашло выгоднымъ расплавить ихъ, чтобы употребить добытыя отсюда средства на государственныя потребности [2]). Въ концѣ концовъ начали воздвигать статуи и выдающимся литературнымъ дѣятелямъ, напримѣръ въ Аѳинахъ трагику Астидаму и вскорѣ послѣ того — тремъ творцамъ трагедіи, Эсхилу, Софоклу и Эврипиду [3]). Приблизительно въ это же время Сиракузы воздвигли статую своему великому поэту Эпихарму [4]). На этихъ работахъ портретная пластика развилась до такой тонкости характеристики, которая далеко оставляла за собою все, что̀ было достигнуто въ этой области предшествовавшимъ періодомъ.

Одно изъ первыхъ мѣстъ между піонерами новаго направленія въ скульптурѣ принадлежитъ Скопасу, происходившему съ знаменитаго своимъ мраморомъ острова Пароса. Его отецъ Аристандръ работалъ въ Пелопоннесѣ рядомъ съ Поликлетомъ въ исходѣ V и началѣ IV вѣка, и самъ Скопасъ руководилъ тамъ реставраціей храма Аѳины въ Тегеѣ [5]). Позднѣе, около 350 года, мы находимъ его въ числѣ художниковъ, которымъ поручена была внутренняя отдѣлка Мавсоллейона въ Галикарнассѣ. Среди остальныхъ его произведеній однимъ

---

[1]) Мѣста ихъ постановки указаны у Wachsmuth'a, *Athen* I 583. 611.

[2]) Plut. *Timol.* 23.

[3]) Выше стр. 303. 304, [Plut.] *Жизнеописаніе Ликурга* 841 сл.

[4]) Laert. Diog. VIII 78. Эта статуя во всякомъ случаѣ не могла быть воздвигнута ранѣе Тимолеона; впрочемъ, возможно, что ея постановка относится лишь ко времени Гіерона.

[5]) Аристандра обыкновенно называютъ отцомъ Скопаса, но это источниками не удостовѣрено и по хронологическимъ соображеніямъ сомнительно, см. выше стр. 310 прим. 1

изъ самыхъ знаменитыхъ была мраморная группа, изображавшая Ахиллеса и его мать Θетиду, окруженныхъ нереидами, тритонами и другими миθическими морскими существами. Онъ-ли или Пракситель былъ творцомъ группы Ніобидъ, было уже въ древности спорнымъ вопросомъ; вѣроятность говоритъ болѣе въ пользу Скопаса. Дошедшая до насъ копія этой группы, украшающая теперь музей Uffizi во Флоренціи, есть, правда, лишь бездарное произведеніе временъ императорскаго Рима, которое едва даетъ представленіе о художественныхъ пріемахъ творца оригинала; но и въ ней мы удивляемся могучему паθосу и потрясающему выраженію душевныхъ мукъ на лицѣ матери, передъ глазами которой ея дѣти одно за другими падаютъ подъ стрѣлами Аполлона и Артемиды.

Между аθинскими скульпторами Кефисодотъ является первымъ крупнымъ представителемъ новаго направленія. О характерѣ его творчества можетъ дать намъ представленіе т. наз. Левкоθея въ Мюнхенѣ, копія его статуи богини мира съ младенцемъ-Плутосомъ, воздвигнутой въ Аθинахъ въ 374 году по случаю заключенія мира [1]). Его сыномъ или братомъ былъ великій Пракситель, рядомъ съ Фидіемъ, Поликлетомъ и Лисиппомъ самый знаменитый изъ греческихъ ваятелей (около 350 г.). Изъ многочисленныхъ произведеній, созданныхъ имъ, преимущественно изъ мрамора, одно дошло до насъ въ подлинникѣ, именно та статуя Гермеса изъ Гереона въ Олимпіи, нахожденіе которой уже одно вознаградило бы за труды и издержки по раскопкѣ святилища на Алфеѣ. Мы удивляемся совершенству мраморной техники, какого не достигалъ ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ ваятелей древности или позднѣйшаго времени, насъ неодолимо влечетъ къ себѣ мечтательный взоръ, который вперилъ въ пространство молодой богъ, машинально играя съ сидящимъ у него на рукѣ младенцемъ-Діонисомъ. Между тѣмъ эта группа вовсе не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Праксителя. Поэтому мы можемъ понять восторгъ, который возбуждала его книдская Афродита, можемъ понять—почему любители отовсюду стекались въ Θеспіи только для того, чтобы взглянуть на Праксителева Эроса, котораго подруга ваятеля, гетера Фрина, поставила тамъ, въ своемъ родномъ городѣ, въ храмѣ бога любви.

Кромѣ упомянутыхъ, Аθины произвели въ этотъ періодъ еще немало замѣчательныхъ ваятелей, какъ напримѣръ Тимоθея, изготовившаго рельефы для храма Асклепія въ Эпидаврѣ, Бріаксиса и Леоха-

---

[1]) Stern *Spart. Hegem.* стр. 149 сравн. выше стр. 193.

реса. Всѣ трое работали вмѣстѣ съ Скопасомъ въ галикарнасскомъ Мавсоллейонѣ; изображенія войны амазонокъ, украшавшія этотъ памятникъ и теперь составляющія одну изъ главныхъ драгоцѣнностей Британскаго музея, даютъ намъ представленіе объ ихъ художественныхъ пріемахъ. Кромѣ того, до насъ дошла копія одного изъ знаменитыхъ произведеній Леохареса — группа, изображающая похищеніе Ганимеда, которая теперь находится въ ватиканскомъ музеѣ. Въ Аѳинахъ работали и иностранные художники, какъ Эвфраноръ, который славился столько же въ качествѣ живописца, какъ въ качествѣ скульптора, и по преданію достигъ большого совершенства особенно въ изображеніи героевъ.

Наряду съ этими знаменитыми художниками въ Аѳинахъ подвизалось большое количество менѣе выдающихся скульпторовъ, имена которыхъ большею частью забыты и изъ которыхъ многіе были вѣроятно простыми каменотесами; но имъ мы обязаны почти всѣмъ, что̀ дошло до насъ изъ оригинальныхъ произведеній греческой скульптуры этого времени. Ихъ работы часто были, разумѣется, весьма посредственными художественными произведеніями, какъ - разъ по карману состоятельнымъ частнымъ людямъ, которые давали заказы такимъ мастерамъ. Но отблескъ несравненной прелести и красоты, которыми дышали созданія великихъ художниковъ, озаряетъ и эти скромныя произведенія и сообщаетъ имъ то обаяніе, котораго лишены претенціозныя произведенія позднѣйшихъ эпохъ. Многіе изъ этихъ памятниковъ возвышаются даже до степени истинно - художественныхъ созданій. До насъ дошли преимущественно рельефы, служившіе для украшенія гробницъ; мертвый изображенъ обыкновенно въ кругу своей семьи или занятый исполненіемъ какой-нибудь повседневной работы; если онъ палъ на войнѣ, то его изображали также вооруженнымъ или въ схваткѣ съ врагомъ. Всѣ дороги, ведшія отъ воротъ Аѳинъ, были на далекомъ протяженіи окаймлены такими памятниками, и ни одинъ человѣкъ, посѣтившій Аѳины, не забудетъ той несравненной улицы гробницъ передъ Дипилономъ, гдѣ памятники до сихъ поръ или теперь снова стоятъ на своихъ старыхъ мѣстахъ [1]).

Однако, средоточіемъ плодотворнаго развитія пластики суждено было стать Пелопоннесу; творцомъ новаго направленія является Ли-

---

[1]) Conze *Die attischen Grabreliefs*, Берлинъ 1890 сл. Впрочемъ, рисунки, помѣщенные въ этомъ сочиненіи, даютъ очень слабое представленіе о красотѣ подлинниковъ.

сиппъ изъ Сикіона. По профессіи простой ремесленникъ, онъ сталъ художникомъ благодаря силѣ собственнаго таланта. Разумѣется, онъ находился подъ вліяніемъ господствовавшей въ его отечествѣ арголидской школы; онъ самъ любилъ называть своимъ учителемъ Поликлетова Копьеносца. Но благодаря непосредственному изученію природы и стремленію къ реалистической правдѣ онъ вскорѣ далеко опередилъ своего учителя. Онъ изобрѣлъ новую систему пропорцій; онъ дѣлалъ голову меньше и туловище стройнѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ было принято; онъ говорилъ, что его предшественники изображали людей такими, каковы они есть въ дѣйствительности, онъ же — какими они кажутся зрителю. Сюда присоединялась необыкновенно тщательная отдѣлка деталей, особенно болѣе свободное изображеніе волосъ. Благодаря этому фигуры Лисиппа пріобрѣтали такую легкость и изящество, какихъ до сихъ поръ еще не достигало греческое искусство. Статуя молодого атлета, счищающаго съ себя пыль палестры, т. наз. Апоксіоменосъ въ Braccio Nuovo ватиканскаго музея, мраморная копія бронзоваго оригинала Лисиппа, лучше всего другого знакомитъ насъ съ характеромъ его творчества; трудно представить себѣ бóльшую противоположность, чѣмъ та, которая существуетъ между этимъ произведеніемъ и дюжимъ Копьеносцемъ Поликлета.

Начавъ свою дѣятельность литейнымъ мастеромъ, Лисиппъ всю жизнь работалъ почти исключительно въ бронзѣ. Его плодовитость изумительна: изъ его мастерской вышло, по преданію, 1.500 статуй, въ томъ числѣ колоссальная, въ 40 локтей вышиною, статуя Зевса, поставленная въ Тарентѣ. Женскихъ фигуръ онъ не создалъ почти ни одной, за-то особенно охотно изображалъ Геракла; идеальный образъ этого героя, сдѣлавшійся типическимъ для позднѣйшаго искусства, былъ созданъ Лисиппомъ. Его реалистическое направленіе должно было привести его къ портретному ваянію, и въ этой области онъ достигъ, можетъ быть, наибольшаго совершенства и во всякомъ случаѣ далеко превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Такъ, Александръ позволялъ изображать себя только Лисиппу, и послѣдній создалъ цѣлый рядъ статуй великаго царя, всѣхъ возрастовъ, отъ ребенка до владыки міра. Лисиппу же было поручено и изготовленіе памятника, который Александръ воздвигъ въ Діонѣ послѣ побѣды при Граникѣ; онъ изображаетъ тѣхъ 25 всадниковъ македонской лейбъ-гвардіи, которые пали въ этой битвѣ, и представляетъ собою самую большую композицію Лисиппа и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, первую скульптурную группу историческаго содержанія. И въ этой области Лисиппъ намѣтилъ путь для искусства позднѣйшаго времени.

Но еще несравненно бо́льшіе успѣхи, чѣмъ пластика, сдѣлала въ это же время живопись. И это искусство, благодаря великимъ художникамъ эпохи Пелопоннесской войны, владѣло теперь, если еще и не вполнѣ совершенной, то все же очень замѣчательной техникой, и гораздо болѣе, чѣмъ скульптура, было въ состояніи дать то, чего прежде всего требовала эта эпоха,—естественность и тонкость психологической характеристики. Особенное вниманіе обращали теперь на колоритъ. Была создана или, по крайней мѣрѣ, разработана особенная техника, энкавстика, состоявшая въ томъ, что восковыя краски растоплялись и смѣшивались раскаленной металлической палочкой; благодаря этому краска получала такой блескъ, какого невозможно было достигнуть другимъ способомъ, такъ какъ древность не знала масляныхъ красокъ. Но живопись восковыми красками была очень кропотливой работой, отнимавшей много времени, и потому этимъ способомъ можно было писать только небольшія картины. Да и вообще фресковая живопись теперь все болѣе вытѣснялась живописью на доскахъ, допускавшею болѣе тщательную отдѣлку деталей. Такія картины часто употреблялись какъ жертвенные дары, и такимъ образомъ при многихъ знаменитыхъ храмахъ начали возникать картинныя галлереи. Но и богатыя частныя лица начинаютъ теперь собирать картины, вслѣдствіе чего цѣны поднимаются все выше. Такъ, Зевксисъ за свои фрески во дворцѣ Пеллы получилъ отъ царя Архелая, по преданію, 400 минъ [1]; объ Аристидѣ разсказываютъ, что онъ за каждую фигуру на своихъ досчатыхъ картинахъ бралъ по 10 минъ, такъ что одна его картина, изображавшая сраженіе изъ цикла греко-персидскихъ войнъ и содержавшая 100 фигуръ, обошлась покупателю въ 1.000 минъ [2]), а Апеллесъ за портретъ Александра получилъ отъ города Эфеса, по преданію, даже 20 талантовъ золотомъ или болѣе 200 серебряныхъ талантовъ [3]). Эти и подобныя имъ показанія, несомнѣнно, сильно преувеличены, но все-таки они показываютъ, какъ высоко уже въ эту эпоху цѣнились картины лучшихъ художниковъ.

Рядъ великихъ живописцевъ этого времени открывается Аристидомъ изъ Ѳивъ (ок. 380—340 г.) [4]). Онъ былъ, по преданію, первымъ живописцемъ, которому удалось сообщить живое выраженіе лицамъ своихъ фигуръ. Его называютъ и въ числѣ основателей

---

1) Aelian *Var. Hist.* XIV 17.

2) Plin. XXXV 99.

3) Plin. XXXV 92.

4) Robert *Archaeol. Märch.* стр. 83 слл.

энкавстической живописи; правда, его колоритъ отличается еще нѣкоторой жесткостью. Его сынъ Никомахъ также былъ выдающимся живописцемъ, хотя его и затмила слава отца. Ученикомъ Аристида называютъ коринѳянина Эвфранора, о которомъ мы уже говорили какъ о ваятелѣ. Мѣстомъ его дѣятельности были Аѳины; здѣсь, въ стоѣ Зевса Освободителя, онъ нарисовалъ знаменитый циклъ фресокъ: собраніе двѣнадцати боговъ, Тесея между Демократіей и Демосомъ, и конное сраженіе передъ битвою при Мантинеѣ (выше стр. 228), въ которомъ палъ сынъ Ксенофонта Гриллъ. Его лучшимъ ученикомъ былъ аѳинянинъ Никій, жившій во время Александра; онъ славился мастерствомъ въ изображеніи свѣтовыхъ эффектовъ и пластической рельефностью своихъ фигуръ; наибольшей извѣстностью пользовались его женскія фигуры—Іо, Калипсо, Андромеда.

Другимъ центромъ греческой живописи въ эту эпоху былъ цвѣтущій промышленный городъ Сикіонъ. Здѣсь Эвпомпъ въ началѣ IV вѣка основалъ нѣчто въ родѣ академіи живописи; благодаря его ученику Памфилу изъ Амфиполя (около 360 года) эта школа пріобрѣла извѣстность во всей Греціи. Особенное вниманіе обращали здѣсь на правильность рисунка, и съ этой цѣлью отъ учениковъ требовали математической подготовки; но при этомъ не оставляли въ пренебреженіи и колоритъ—напротивъ, именно въ этой школѣ была усовершенствована энкавстическая техника. Первымъ выдающимся мастеромъ восковой живописи былъ ученикъ Памфила Павсій изъ Сикіона, славившійся преимущественно своими картинами изъ дѣтской жизни и изображеніями цвѣтовъ; наибольшей извѣстностью пользовалась его «Вѣночница», по преданію— портретъ его возлюбленной Гликеры. Большія картины на доскахъ онъ рѣдко писалъ, но и здѣсь достигалъ блестящихъ эффектовъ въ области колорита.

Но всѣхъ своихъ современниковъ затмилъ Апеллесъ изъ Колофона, наиболѣе прославленный живописецъ всей древности. Первоначальное художественное образованіе онъ получилъ на своей іонійской родинѣ; затѣмъ, будучи уже извѣстнымъ художникомъ, онъ отправился въ Сикіонъ, чтобы здѣсь подъ руководствомъ Памфила закончить свое образованіе. Отсюда онъ былъ приглашенъ царемъ Филиппомъ въ Пеллу. Позднѣе онъ пользовался большимъ благоволеніемъ со стороны Александра; когда послѣдній освободилъ Іонію отъ персидскаго владычества, Апеллесъ вернулся туда и поселился въ Эфесѣ, гдѣ и создалъ свои знаменитѣйшія произведенія. Въ виртуозности техники онъ не имѣлъ соперниковъ; въ красотѣ композиціи нѣкоторые живописцы превосходили его, какъ онъ самъ охотно

признавалъ; но что̀ возвышало его надъ всѣми художниками, это— несравненная грація, которою дышали всѣ его созданія. Его лучшимъ произведеніемъ, вызывавшимъ безграничное удивленіе въ современникахъ и потомствѣ, было изображеніе выходящей изъ моря Афродиты, которое онъ написалъ для храма Асклепія въ Косѣ,—достойная пара къ книдской Афродитѣ Праксителя:

Апеллесъ видѣлъ, какъ любви богиня
Изъ нѣдръ морскихъ всплыла, еще кругомъ
Сребристою окутанная пѣной,
И въ блескѣ красоты изобразилъ,
Иль нѣтъ,—живую намъ ее представилъ.
Все дивно въ ней. Струей морскую влагу
Изъ тяжкихъ косъ богиня выжимаетъ,
И взоръ ея горитъ огнемъ желанья,
И страсть волнуетъ дѣвственную грудь.
Владычица небесъ и ты, Аѳина,
Вашъ голосъ слышу: „мы сдаемся, Зевсъ!“ [1]).

Впрочемъ, знатоки ставили еще выше картину, изображавшую Артемиду въ кругу ея нимфъ, гдѣ Апеллесъ, по преданію, превзошелъ знаменитое изображеніе Гомера [2]). Но наибольшаго совершенства онъ достигъ въ портретной живописи; особенно онъ много разъ изобразилъ Александра Великаго. Ни одинъ изъ современныхъ ему и изъ позднѣйшихъ художниковъ не превзошелъ его въ этой области и даже не сравнился съ нимъ.

Художественная живопись должна была, разумѣется, повліять и на промышленную отрасль этого искусства — живопись на вазахъ. Сосуды съ красными фигурами на черномъ фонѣ, которые массами изготовлялись въ Аѳинахъ и вывозились въ V вѣкѣ, уже не соотвѣтствовали вкусу новаго времени, и фабрикація ихъ со времени Пелопоннесской войны начала быстро клониться къ упадку. Взамѣнъ ихъ теперь начинаютъ выдѣлывать т. наз. «лекиѳы», длинные сосуды съ тонкимъ горлышкомъ изъ бѣлой глины, съ разноцвѣтными изображеніями,—безъ сравненія самое красивое, что̀ было создано греками въ области живописи на вазахъ. Эти сосуды обыкновенно клали въ гробъ мертвымъ; употреблялись они только въ Аттикѣ и сосѣднихъ странахъ, какъ напримѣръ Эвбеѣ, и вывозились лишь въ маломъ количествѣ. Дѣло въ томъ, что нижняя Италія, представлявшая до

1) *Anthol. Palat.* XVI Appendix Planudea 182, авторомъ считается Леонидъ тарентскій.

2) ζ 102 - 108.

сихъ поръ главный рынокъ для сбыта аттическихъ вазъ, начала теперь освобождаться отъ этой зависимости. Здѣсь также обнаруживается стремленіе къ многоцвѣтности; правда, художники удержали черный фонъ, на которомъ фигуры выдѣляются своимъ блѣдно-краснымъ цвѣтомъ глины, но старались усилить эффектъ изображеній посредствомъ прибавленія другихъ красокъ, бѣлой, темно-красной или желтой. Притомъ, эти сосуды часто были громадныхъ размѣровъ и украшавшія ихъ изображенія заключали въ себѣ множество фигуръ, хотя по изяществу далеко уступали изображеніямъ на аттическихъ вазахъ. Это производство также служило преимущественно культу мертвыхъ; его средоточіемъ былъ Тарентъ. Но высшаго своего расцвѣта оно достигло лишь въ эпоху послѣ Александра.

Болѣе успѣшно развивались другіе виды художественной промышленности и мелкія отрасли искусства. Гравировка на бронзѣ достигла большого совершенства; греческія издѣлія этого рода послужили образцомъ для этрусскихъ зеркалъ и латинскихъ бронзовыхъ ящичковъ, которыхъ такъ много найдено въ могилахъ средней Италіи. Золотыя издѣлія, сохранившіяся особенно въ греческихъ и скиѳскихъ могилахъ Южной Россіи, даютъ намъ понятіе о той высокой ступени, какой достигла эта отрасль художественной промышленности въ IV вѣкѣ. Глиптика этого періода можетъ претендовать на названіе искусства, хотя мы еще не можемъ составить себѣ яснаго представленія о ходѣ ея развитія; изъ видныхъ ея представителей назовемъ Пирготела, единственнаго художника, которому, по преданію, Александръ позволилъ вырѣзáть свой портретъ на геммахъ [1]). Гораздо болѣе свѣдѣній мы имѣемъ объ успѣхахъ монетной чеканки, такъ близко соприкасающейся съ искусствомъ рѣзьбы по камню. Въ этой области первое мѣсто занимаютъ Кимонъ и Эвайнетъ, работавшіе въ Сициліи въ концѣ V и началѣ IV вѣка. Изготовленные ими штемпеля для сиракузскихъ декадрахмъ представляютъ собою высшіе образцы, какіе когда-либо были созданы въ этой области [2]). Въ греческой метрополіи чеканка не достигла такого совершенства, и уже во второй половинѣ IV столѣтія во всемъ греческомъ мірѣ начинаютъ обнаруживаться въ этой отрасли художественной дѣятельности первые признаки упадка.

Подведемъ итоги развитію греческаго искусства за этотъ періодъ. Куда бы мы ни взглянули, въ художественной дѣятельности этого

---

1) Plin. VII 125, XXXVII 8.

2) Evans *Syracusan Medallions* (*Num. Chron.* XI 205 слл.).

времени господствуютъ стремленіе къ реализму и борьба противъ всякихъ узъ условности. Эта борьба начинается еще въ эпоху Перикла въ области трагедіи и музыки вообще, въ лицѣ Эврипида и великихъ диѳирамбиковъ; вскорѣ затѣмъ она охватываетъ всѣ другія отрасли искусства, и повсюду старое уступаетъ мѣсто новому. Можно спорить объ абсолютной цѣнности новыхъ идеаловъ, можно ставить Софокла выше Эврипида, Ласоса и Пиндара выше Фриниса и Тимоѳея, Полигнота выше Апеллеса, Фидія выше Праксителя; но именно намъ, въ чей вѣкъ реализмъ снова сдѣлался лозунгомъ искусства, менѣе всего подобаетъ осуждать это новое направленіе. Ибо въ концѣ концовъ и въ искусствѣ—и здѣсь даже болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ,—«человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей»; и кто судитъ безпристрастно, тотъ не можетъ отрицать, что въ общемъ художественныя произведенія IV вѣка вполнѣ выдерживаютъ сравненіе съ памятниками предшествующаго періода.

И все-таки искусство уже не являлось теперь, какъ еще въ эпоху Перикла, центромъ всѣхъ духовныхъ интересовъ. Сѣмя, брошенное великими софистами, теперь созрѣло; все въ большемъ числѣ лучшіе таланты отдавались молодой наукѣ, и на ней главнымъ образомъ покоится значеніе IV вѣка для всемірно историческаго развитія.

ГЛАВА X.

Расцвѣтъ греческой науки.

Въ эпоху Пелопоннесской войны наука пережила кризисъ, грозившій гибелью всему, что было достигнуто ранѣе. Ибо какъ ни былъ великъ контрастъ между міросозерцаніемъ Сократа и міросозерцаніемъ великихъ софистовъ,—въ одномъ пунктѣ они сходились: въ скептицизмѣ относительно возможности истиннаго познанія природы. Вслѣдствіе этого греческая философія на время совершенно отвернулась отъ изученія природы, и на первый планъ выступила этика. Даже школа Демокрита, величайшаго естествоиспытателя древности, не избѣгла вліянія этихъ идей. И въ нее послѣ смерти ея основателя все болѣе стали проникать гносеологическія сомнѣнія; Метродоръ хіосскій, самый знаменитый изъ учениковъ Демокрита, вообще отрицалъ возможность всякаго истиннаго познанія и слѣдовательно могъ признавать атомистическую теорію, которую онъ, правда, удержалъ, лишь правдоподобной гипотезой. Ученикъ Метродора, Анаксархъ, занимался уже преимущественно изслѣдованіями въ области этики; въ лицѣ его ученика, Пиррона изъ Элиды, ученіе Демокрита слилось со скепсисомъ.

Въ сократовской школѣ этика съ самаго начала стояла на первомъ планѣ. Но основанная на теологіи этика, разработку которой началъ Сократъ и продолжалъ Платонъ, не могла удовлетворять тѣхъ, для кого научное мышленіе было потребностью. Въ виду этого нѣкоторые изъ даровитѣйшихъ учениковъ Сократа отказались отъ доктрины своего учителя и сдѣлали попытку основать автономную этику, къ чему уже до нихъ стремились Протагоръ и Демокритъ. Таково ученіе Аристиппа изъ Кирены. Такъ какъ объективное познаніе

невозможно и истинны одни лишь наши ощущенія, то благо, говорилъ онъ, можетъ заключаться только въ пріятныхъ ощущеніяхъ, т.-е. въ наслажденіи *(ἡδονή)*. Слѣдовательно, наилучшимъ для насъ является то, чтò доставляетъ намъ наиболѣе сильное наслажденіе; поэтому Аристиппъ ставитъ тѣлесное наслажденіе выше духовнаго. Но полное наслажденіе невозможно безъ благоразумія *(φρόνησις)*; мы должны быть всегда готовы въ случаѣ надобности отказаться отъ наслажденія и должны стоять выше нашихъ страстей. «Я владѣю наслажденіемъ, а не оно владѣетъ мною» *(ἔχω οὐκ ἔχομαι)*, сказалъ однажды, по преданію, Аристиппъ. Именно въ этомъ онъ видитъ добродѣтель мудреца; таким образомъ, Аристиппъ все-таки пришелъ къ софистико-сократовскому принципу, что добродѣтель и благоразуміе тождественны. Правда, его ученіе представляетъ собою безусловно-индивидуалистическую этику, т.-е. точную противоположность соціальной этикѣ Демокрита; поэтому Аристиппъ относится къ общественной жизни совершенно безучастно. Такъ же равнодушенъ онъ и къ религіи, ибо уже Протагоръ показалъ, что существованіе боговъ не можетъ быть доказано и слѣдовательно они для насъ не существуютъ. О распространеніи своихъ идей Аристиппъ мало заботился; поэтому его ученіе почти не выходило за предѣлы его родины Кирены, пока спустя немного поколѣній оно слилось съ эпикуреизмомъ.

Діаметрально-противоположную дорогу избралъ другой ученикъ Сократа, Антисѳенъ изъ Аѳинъ. Счастіе и несчастіе, училъ онъ, основаны на субъективныхъ ощущеніяхъ; слѣдовательно, въ нашей власти быть счастливыми: для этого мы должны сдѣлать себя независимыми отъ всѣхъ внѣшнихъ вещей. То, чтò намъ дѣйствительно нужно, легко пріобрѣсти: плащъ, хотя бы потертый и изорванный, кусокъ ячменнаго хлѣба для утоленія голода, воды для утоленія жажды; жилище въ греческомъ климатѣ почти не нужно; найдется вѣроятно и какая-нибудь непотребная женщина, на которую больше никто не хочетъ смотрѣть. При этомъ не слѣдуетъ обращать вниманія на хорошее или дурное мнѣніе людей: честь и слава — вздоръ, всякое условное стѣсненіе смѣшно. Существуетъ лишь одно благо—добродѣтель, одно зло — порокъ. Кто такъ мыслитъ и живетъ, тому не страшны никакіе удары судьбы, и даже ничтожнѣйшія удовольствія будутъ доставлять ему бòльшее наслажденіе, чѣмъ какое другой можетъ купить за всѣ свои сокровища. Вообще, тѣлесныя удовольствія—ничто въ сравненіи съ духовными радостями; а человѣкъ, которому такъ мало нужно для жизни, всегда располагаетъ досугомъ для научныхъ занятій. Дѣйствительно, научная дѣятельность Антисѳена была

обширна и плодотворна; въ то-же время онъ путемъ преподаванія и еще болѣе личнымъ примѣромъ старался улучшать людей и особенно ухаживалъ за людьми нравственно-павшими, ибо во врачѣ, говорилъ онъ, нуждаются больные. По киносаргскому гимнасію, въ которомъ онъ училъ, онъ и его ученики носили имя киниковъ, и отчасти это имя было очень мѣтко, такъ какъ они дѣйствительно жили на подобіе собакъ и иногда любили выставлять на показъ истинно-собачье презрѣніе къ самымъ элементарнымъ требованіямъ пристойности. Правда, въ виду того строгаго образа жизни, котораго требовалъ Антисѳенъ, онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя лишь небольшое число учениковъ. Самымъ выдающимся между ними былъ Діогенъ изъ Синопа, который ничтожностью своихъ потребностей еще превзошелъ учителя. На нѣкоторыхъ это ученіе производило магическое обаяніе; такъ, ѳиванецъ Кратесъ роздалъ свое крупное состояніе, чтобы жить аскетической жизнью своего учителя Діогена и, подобно ему, въ лохмотьяхъ и съ сумой за спиною скитаться по свѣту, проповѣдуя добродѣтель. Позднѣе эта школа пришла въ упадокъ и въ концѣ концовъ была поглощена стоической философіей, которая многимъ обязана ей.

Отъ этихъ крайностей, какъ онѣ выразились въ кинической и киренейской этикѣ, остался свободенъ ученикъ Платона Аристотель, когда, переросши теологическое направленіе своего учителя, онъ самъ приступилъ къ созиданію этической системы на автономной основѣ. Правда, и онъ убѣжденъ, что высшее благо заключается въ счастіи, ибо цѣлью всякой человѣческой дѣятельности является добро, послѣдней же цѣлью можетъ быть лишь то, къ чему стремятся ради него самого,—а таково именно, по единогласному мнѣнію всѣхъ людей, счастіе. Для достиженія его необходимо обладать внѣшними благами; но счастіе состоитъ вовсе не въ пользованіи этими благами, а въ разумной дѣятельности, которая всегда влечетъ за собою внутреннее удовлетвореніе. Высшее счастіе доставляетъ намъ занятіе наукой; только оно способно возвысить человѣка надъ самимъ собой и сдѣлать его причастнымъ блаженству боговъ. Второе мѣсто послѣ научныхъ занятій принадлежитъ практической дѣятельности, которая является главною сферой человѣческой дѣятельности и потому основнымъ предметомъ этики. Но наша душа состоитъ изъ разума и воли; разумъ учитъ насъ познавать добро въ отличіе отъ зла, но одного этого познанія недостаточно: наша воля должна посредствомъ упражненія быть пріучена повиноваться разуму. Только этимъ путемъ можно пріобрѣсти «добродѣтель», т.-е. то состояніе души, которое

дѣлаетъ насъ способными поступать правильно. Главное же условіе правильной дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы правильно находить середину между крайностями, къ которымъ влекутъ насъ наши желанія. Но и всего этого еще недостаточно для счастливой жизни, ибо, какъ говоритъ Аристотель, «никто не захочетъ жить безъ друзей, хотя бы онъ обладалъ всѣми другими благами». Итакъ, лишь дружба дѣлаетъ счастіе полнымъ. Разсужденіе объ этомъ предметѣ приводитъ Аристотеля къ изслѣдованію государственной жизни, которое для него тѣснѣйшимъ образомъ связано съ этикой.

Политическіе идеалы Аристотеля въ общемъ тождественны съ политическими идеалами его учителя Платона. Только образованные люди способны быть гражданами въ идеальномъ государствѣ, и такъ какъ ручная работа и образованность взаимно исключаютъ другъ друга, то въ идеальномъ государствѣ земледѣліемъ и ремеслами должны заниматься рабы и метэки, а граждане, совершенно такъ же, какъ у Платона, должны посвящать себя исключительно военной службѣ, правительственнымъ дѣламъ и въ часы досуга научнымъ занятіямъ. Разумѣется, и Аристотель требуетъ, чтобы воспитаніе гражданъ было ввѣрено государству; по политическимъ правамъ всѣ граждане должны быть равны между собою, но доступъ къ государственнымъ должностямъ долженъ быть открытъ лишь тѣмъ, кто достигъ болѣе зрѣлаго возраста. Однако, если въ молодости Аристотель и былъ убѣжденъ въ осуществимости подобнаго политическаго идеала, то позднѣе онъ понялъ, что искусственно создать государственный строй вообще невозможно, такъ какъ политическія формы зависятъ отъ данныхъ условій; напримѣръ, монархія возможна лишь тамъ, гдѣ одинъ родъ вліяніемъ и богатствомъ далеко превосходитъ всѣ остальные, аристократія—лишь тамъ, гдѣ масса относится еще съ почтеніемъ къ знатнымъ, «политія»—лишь тамъ, гдѣ существуетъ многочисленное и сильное среднее сословіе. Очевидно, именно это соображеніе и побудило Аристотеля либо совсѣмъ не разработать въ деталяхъ планъ идеальнаго государства, либо позднѣе выбросить эти страницы, такъ что въ дошедшей до насъ «Политикѣ» уцѣлѣли лишь глава объ основныхъ условіяхъ существованія государства и часть отдѣла о воспитаніи. Несравненно бóльшая часть сочиненія посвящена описанію существующихъ конституцій. При этомъ спартанская и критская конституція, которыя Платонъ ставилъ выше всѣхъ остальныхъ, подвергаются рѣзкой критикѣ, чтó, впрочемъ, въ данную минуту, послѣ крушенія спартанской державы вслѣдствіе удара, нанесеннаго ей при Левктрахъ, было довольно банально. Въ

общемъ, по мнѣнію Аристотеля, и существующія конституціи могутъ быть хороши, если только правители пользуются своей властью не въ интересахъ одного только правящаго класса, а въ интересахъ всѣхъ гражданъ; сосредоточена ли эта власть въ рукахъ одного человѣка, или меньшинства, или всѣхъ гражданъ—это имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Такимъ образомъ Аристотель различаетъ шесть формъ государственнаго устройства — три правильныя, гдѣ цѣлью является благо всѣхъ: монархію, аристократію и политію, и три извращенныя: тиранію, олигархію и демократію, разсчитанныя лишь на доставленіе выгодъ господствующему классу. Однако, это схематическое дѣленіе не можетъ быть проведено съ строгой послѣдовательностью. Ибо ограниченную конституціей монархію Аристотель совсѣмъ не признаетъ монархіей; между тѣмъ неограниченная монархія, въ силу врожденныхъ человѣку свойствъ, неизбѣжно превращается въ господство личной воли правителя, чего свободные эллины не потерпѣли бы, развѣ явился бы человѣкъ, который личными достоинствами настолько превосходилъ бы всѣхъ, что казался бы богомъ среди людей; такому человѣку дѣйствительно слѣдовало бы безпрекословно повиноваться, и это былъ бы лучшій изъ всѣхъ возможныхъ видовъ государственнаго устройства. Можетъ быть философъ имѣлъ при этомъ въ виду Филиппа и Александра. Столь же трудно, быть можетъ даже труднѣе, осуществить аристократію, «господство нравственно-достойнѣйшихъ», и въ концѣ концовъ практически единственно-правильной политической формой остается «политія», господство средняго сословія. Но и извращенныя конституціи отнюдь не должны быть отвергнуты безусловно; напротивъ, онѣ могутъ быть очень сносны, если приближаются къ соотвѣтствующимъ «правильнымъ» конституціямъ: тиранія къ монархіи, если лицо, насильственно захватившее власть, заботится объ общемъ благѣ, олигархія къ аристократіи, если правительство заботится о низшихъ сословіяхъ, наконецъ демократія къ политіи, если произволъ толпы ограничивается. Этого требуетъ и выгода самихъ правителей, какъ подробно доказывается въ обстоятельномъ изслѣдованіи о причинахъ, которыми обусловливаются перемѣны въ области политическаго устройства. При этомъ Аристотель излагаетъ основы теоріи государственнаго права, устанавливаетъ дѣленіе государственной власти на ея три отрасли, законодательную, исполнительную и судебную, и разсматриваетъ отдѣльныя вѣдомства. Этимъ главамъ преимущественно и обязана «Политика» своимъ непреходящимъ значеніемъ. Правда, воззрѣнія той эпохи, въ концѣ которой жилъ Аристотель, еще сохра-

няютъ полную власть надъ нимъ; и онъ еще понимаетъ подъ государствомъ отдѣльный городъ (*πόλις*) съ его округомъ; онъ не замѣчаетъ, что эта политическая форма пережила себя, что повсюду возникаютъ федераціи, гдѣ суверенитетъ городовъ ограничивается въ пользу центральной власти; онъ не видитъ, какъ передъ его глазами растетъ македонская держава, хотя къ ней принадлежалъ и его родной городъ Стагира и хотя какъ-разъ въ тѣ годы, когда онъ писалъ свою «Политику» или придавалъ ей ея теперешнюю форму, вся Эллада была объединена подъ главенствомъ Македоніи и объединенная нація побѣдоносно выступила на завоеваніе Азіи; а если и встрѣчаются у него разрозненные намеки на болѣе правильное пониманіе вещей, то они не оказываютъ никакого вліянія на его систему. Точно также Аристотель не сумѣлъ возвыситься надъ господствовавшимъ въ его время среди народной массы мнѣніемъ, что рабство есть необходимый институтъ; мало того, онъ старается доказать нравственную законность рабства и при этомъ запутывается въ цѣлую сѣть ложныхъ выводовъ и противорѣчій [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи ученіе Аристотеля представляетъ рѣшительный регрессъ не только сравнительно съ ученіями великихъ софистовъ, но даже сравнительно съ ученіемъ Платона, который по крайней мѣрѣ признавалъ безнравственнымъ порабощеніе эллиновъ эллинами.

Въ противоположность ко всѣмъ прежнимъ работамъ этого рода политическая доктрина Аристотеля основана на изученіи очень обширнаго индуктивнаго матеріала, собраннаго отчасти имъ самимъ, отчасти, подъ его руководствомъ, его учениками. Позднѣе онъ издалъ эти матеріалы для всеобщаго пользованія. Они представляли собою описаніе конституцій 158 общинъ, разумѣется почти исключительно эллинскихъ; однако среди нихъ нашли мѣсто также Карѳагенъ и ликійскій союзъ. Какъ показываетъ дошедшая до насъ «Аѳинская Политія», впереди давался краткій очеркъ политической исторіи, затѣмъ слѣдовало подробное изображеніе господствовавшаго въ данное время политическаго строя; однако критическая провѣрка матеріала оставляла желать многаго. Ученикъ Аристотеля Ѳеофрастъ составилъ потомъ подобное же собраніе законовъ, которое съ тѣхъ поръ служило такой же эмпирической основой для исторіи права, какъ собраніе Политій—для политической исторіи и государственнаго права.

Появленіе такой колоссальной коллекціи было бы, разумѣется, невозможно, если бы уже ранѣе не существовало обширныхъ подго-

---

1) Oncken *Staatslehre des Aristoteles* II стр. 32 слл.

товительныхъ работъ въ области политической исторіи. Первыя изслѣдованія этого рода были посвящены Аѳинамъ. Послѣ того, какъ Гелланикъ около 400 года своей «Аттидой» указалъ этотъ путь, постепенно возникла цѣлая литература по исторіи и древностямъ Аѳинъ; въ особенности слѣдуетъ упомянуть здѣсь сочиненія Клидема (около 370 — 360 г.) и Андротіона, который былъ современникомъ Демосѳена, нѣсколько старше его, и много лѣтъ игралъ выдающуюся роль въ политической жизни Аѳинъ. Основою для всѣхъ этихъ работъ служили сохранившіеся въ аѳинскихъ архивахъ документы; авторы располагали свой матеріалъ анналистически, отказываясь отъ всякихъ риторическихъ прикрасъ. Подобная «Аттида», быть можетъ «Аттида» Андротіона, лежитъ въ основѣ аристотелевой «Аѳинской Политіи». Такія же изслѣдованія существовали, безъ сомнѣнія, и для другихъ городовъ, хотя мы имѣемъ объ этомъ очень скудныя свѣдѣнія; правда, расцвѣтъ этого вида литературы относится уже къ слѣдующему вѣку.

И вообще исторіографія, на ряду съ войнами и политическими событіями, начала обращать все больше вниманія на внутреннее состояніе государства. Здѣсь дорогу указалъ Ѳукидидъ въ удивительномъ введеніи къ своей исторіи Пелопонисской войны. Къ сожалѣнію, въ своемъ повѣствованіи онъ остается далеко позади поставленнаго имъ самимъ идеала и ограничивается въ общемъ описаніемъ военныхъ событій. Еще въ гораздо бо́льшей степени сказанное сейчасъ примѣнимо къ Ксенофонту, который продолжалъ оставшееся неоконченнымъ сочиненіе Ѳукидида и довелъ разсказъ до битвы при Мантинеѣ; его сочиненіе представляетъ собою въ сущности ничто иное, какъ довольно неполное собраніе матеріаловъ. Гораздо успѣшнѣе исполняетъ онъ менѣе крупныя задачи; его описаніе въ «Анабасисѣ» похода младшаго Кира противъ его брата Артаксеркса и отступленія греческихъ наемниковъ послѣ смерти Кира справедливо всегда считалось образцовымъ какъ по замѣчательной ясности, съ какою онъ изображаетъ военныя операціи, такъ и по изящной простотѣ слога, свободнаго отъ всякой риторической напыщенности.

Большое сочиненіе по ассиро-персидской исторіи написалъ въ началѣ IV столѣтія Ктесій, Асклепіадъ съ Книда, бывшій съ 415 по 398 г. лейбъ-медикомъ при персидскомъ дворѣ. Онъ писалъ въ манерѣ Геродота, причемъ, подобно послѣднему, простодушно принималъ за чистую монету всѣ розсказни своихъ восточныхъ чичероне. Въ результатѣ получилась, конечно, каррикатура, которая однако въ существенныхъ чертахъ осталась на будущее время закономѣр-

ной для античной исторіографіи. Да въ концѣ-концовъ вопросъ о томъ, какъ назывались ассирійскіе цари и какіе военные подвиги они совершили, дѣйствительно имѣлъ и имѣетъ ничтожное значеніе. Зато тамъ, гдѣ онъ разсказываетъ какъ очевидецъ, Ктесій оказывается хорошимъ наблюдателемъ, и надо поставить ему въ заслугу, что онъ показалъ греческому обществу вѣрную дѣйствительности картину персидскихъ порядковъ во всей ихъ ужасающей дикости. Чтобы по достоинству оцѣнить Ктесія, стоитъ только сопоставить его сочиненіе съ идеализированнымъ изображеніемъ тѣхъ же порядковъ, которое далъ Ксенофонтъ въ своей «Киропедіи» и отчасти въ «Анабасисѣ».

Если Ктесій и даже Ксенофонтъ вернулись къ старой логографической манерѣ, то достойнаго преемника Ѳукидидъ нашелъ въ лицѣ Филиста, министра и полководца обоихъ Діонисіевъ. Онъ написалъ исторію своего родного острова, причемъ особенное вниманіе удѣлилъ событіямъ своего собственнаго времени, въ которыхъ самъ игралъ выдающуюся роль. Такой человѣкъ, разумѣется, не былъ въ состояніи дать вполнѣ объективное изображеніе; могучій образъ перваго Діонисія является центромъ всего сочиненія, и Филистъ никогда не скрываетъ своего удивленія къ своему великому другу. Если краски его иногда и слишкомъ ярки, то его сочиненіе все-таки проникнуто истинно-политическимъ духомъ и занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторической литературѣ древности.

Но Элладѣ еще недоставало связнаго изложенія всего хода ея исторіи отъ древнѣйшихъ временъ, и потребность въ такомъ сочиненіи теперь настойчиво давала себя чувствовать. За исполненіе этой задачи въ эпоху Филиппа приблизительно одновременно взялись два представителя обѣихъ главныхъ реторическихъ школъ, послѣдователь Поликрата Анаксименъ изъ Лампсака и ученикъ Исократа Эфоръ изъ эолійской Кумы. Анаксименъ началъ съ ѳеогоніи и въ довольно сжатомъ изложеніи (12 книгъ) довелъ разсказъ до битвы при Мантинеѣ; въ двухъ дальнѣйшихъ частяхъ онъ болѣе подробно изложилъ исторію своего времени, т.-е. царствованій Филиппа и Александра. Его сочиненіе считалось классическимъ, но не сумѣло удержать за собою расположеніе читающей публики по выходѣ въ свѣтъ болѣе пространной исторіи Эфора,—тѣмъ болѣе, что направленіе Поликрата и вообще было вытѣснено исократовской школою [1]).

---

[1]) Уже Полибій, очень внимательно изучавшій Эѳора, до такой степени игнорируетъ Анаксимена, что называетъ Эѳора *τὸν πρῶτον καὶ μόνον ἐπιβε-*

Эфоръ благоразумно опустилъ миеическій періодъ и началъ свой разсказъ съ возвращенія гераклидовъ въ Пелопоннесъ, которое онъ считалъ первымъ достовѣрнымъ историческимъ событіемъ; однако въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ, разумѣется, не разъ принужденъ былъ возвращаться къ событіямъ болѣе ранней эпохи. Конечнымъ пунктомъ его повѣствованія долженъ былъ служить, вѣроятно, переходъ Александра въ Азію, но онъ успѣлъ довести разсказъ только до занятія Дельфъ Филомеломъ. Затѣмъ уже его сынъ Демофилъ прибавилъ описаніе священной войны и дальнѣйшихъ событій до осады Перинеа Филиппомъ, вѣроятно на основаніи оставленныхъ отцомъ матеріаловъ [1]). Изъ существовавшей въ его время исторической и географической литературы Эфоръ черпалъ щедрой рукой, обыкновенно очень близко держась своихъ источниковъ, такъ что, напримѣръ, его изображеніе Персидскихъ войнъ было почти сплошнымъ эксцерптомъ изъ Геродота. Охотно пользовался онъ также поэтическими произведеніями и надписями. При этомъ онъ, по крайней мѣрѣ теоретически, руководился совершенно правильными критическими принципами; для отдаленныхъ эпохъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, предпочитать тѣ источники, которые сообщаютъ голые факты, потому что детали событій не могутъ такъ долго удерживаться въ памяти.

βλημένον τὰ καθόλου γράφειν (V 33, 2). Поэтому до насъ дошли лишь немногіе отрывки исторіи Анаксимена, и она не оказала замѣтнаго вліянія на характеръ унаслѣдованной нами традиціи. — Въ первой части (цитируемой у Athen. VI 231 с какъ *πρῶται ἱστορίαι)* изложеніе едва ли было болѣе подробно, чѣмъ у Діодора, который въ XV-ой книгѣ доводитъ разсказъ до битвы при Мантинеѣ; при этомъ первыя его три книги посвящены исторіи Востока, которой Анаксименъ не излагалъ.—Извѣстіе о томъ, будто уже учитель Анаксимена, Зоилъ, написалъ всемірную исторію (Snid. *Ζωίλος)*, объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что учителя смѣшали съ ученикомъ; но возможно, что Зоилъ написалъ первыя три книги сочиненія, названныя у Свиды.

[1]) Обычное представленіе, будто Эфоръ самъ довелъ разсказъ до осады Перинеа, но священной войны не описалъ,—явно нелѣпо. Поэтому, если вѣрно, что все сочиненіе до осады Перинеа содержало 30 книгъ (Diod. XVI 76) и что Демофилъ въ 30-ой книгѣ разсказывалъ объ ограбленіи храма фокійцами (Ephor. fr. 155 у Athen. VI 232 d, сравн. Diod. XVI 14), то Демофилъ могъ дать лишь краткій обзоръ событій 357—341 годовъ. Но такъ какъ о *διοικισμός* Мантинеи (384) повѣствовалось въ 20-ой книгѣ (fr. 138), о битвѣ при Мантинеѣ (362)—въ 25-ой (fr. 146 а), то исторія немногихъ лѣтъ отъ этой битвы до занятія Дельфъ едва ли могла занимать болѣе одной книги и, слѣдовательно, описаніе фокійской войны должно было начинаться приблизительно съ 27-ой книги. Правда, въ этомъ случаѣ мы должны допустить, что количественное обозначеніе книгъ искажено либо у Діодора, либо (вѣроятнѣе) у Аѳенея.

Однако на практикѣ необходимость сдѣлать свое повѣствованіе удобочитаемымъ часто заставляла его далеко отступать отъ этихъ принциповъ. Вообще, было бы очень несправедливо требовать отъ грека того времени, чтобы онъ относился къ традиціи такъ же непредубѣжденно, какъ мы; этому требованію не сумѣлъ удовлетворить даже Өукидидъ, и если вспомнить, что онъ напримѣръ Троянскую войну считаетъ вполнѣ достовѣрнымъ историческимъ фактомъ, то въ сравненіи съ его повѣствованіемъ методъ Эфора во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ крупнымъ шагомъ впередъ [1]). Правда, въ другихъ отношеніяхъ Эфоръ далеко уступаетъ Өукидиду. Послѣдній былъ практическимъ государственнымъ дѣятелемъ и воиномъ, Эфоръ — риторомъ, плохо разбиравшимся въ фактахъ политической и военной исторіи. Но этотъ недостатокъ не повредилъ успѣху его сочиненія, потому что читатели, на которыхъ оно было разсчитано, имѣли, разумѣется, еще меньше познаній въ этихъ областяхъ, чѣмъ авторъ. А Эфоръ давалъ именно то, чтó нужно было тогдашней публикѣ: обильный и удобно расположенный матеріалъ въ популярномъ, приноровленномъ къ вкусу общества изложеніи. Поэтому его сочиненіе сдѣлалось источникомъ, откуда всѣ образованные люди черпали свои историческія свѣдѣнія, и древнѣйшая греческая исторія съ тѣхъ поръ продолжала жить въ сознаніи націи въ такомъ видѣ, какъ изобразилъ ее Эфоръ.

Какъ въ изображеніи древней исторіи Эфоръ, такъ въ изображеніи современной исторіи Анаксимена затмилъ другой ученикъ Исократа, Өеопомпъ съ Хіоса (род. около 380 г.). Его отецъ Дамасистратъ, принадлежавшій къ богатой и знатной фамиліи, былъ изгнанъ за приверженность къ Спартѣ, когда Хіосъ послѣ возстанія Өивъ въ союзѣ съ Аөинами началъ войну противъ Спарты,—и сынъ, еще ребенокъ, вмѣстѣ съ отцомъ отправился въ изгнаніе. Однако миръ со Спартою, заключенный вскорѣ послѣ того, далъ возможность Өеопомпу вернуться на родину, тѣмъ болѣе, что Дамасистрата уже не было въ живыхъ. Затѣмъ юноша въ Аөинахъ подъ руководствомъ Исократа изучилъ ораторское искусство. Будучи вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ надобности обращать свой талантъ въ источникъ пропитанія; за-то торжественныя рѣчи, произнесенныя

[1]) Отрицательное отношеніе къ Эфору, которое теперь въ модѣ, кажется мнѣ совершенно неосновательнымъ; съ такимъ же правомъ можно было бы отвергать археологію Өукидида. Преимущество Өукидида заключается въ томъ, что его сочиненіе дошло до насъ въ подлинникѣ, тогда какъ свѣдѣнія объ Эфорѣ мы получаемъ только изъ вторыхъ или третьихъ рукъ.

имъ во всѣхъ крупнѣйшихъ городахъ греческаго міра, доставили ему славу во всей Элладѣ. На конкурсѣ, который объявила карійская царица Артемисія на панегирикъ ея покойному супругу Мавсоллу, Θеопомпъ одержалъ побѣду надъ первыми ораторами своего времени. Онъ принималъ дѣятельное участіе и въ политической жизни своего родного города, какъ вождь олигархической партіи; его противникомъ въ демократическомъ лагерѣ былъ здѣсь Θеокритъ, тоже талантливый ораторъ исократовскаго направленія, человѣкъ изъ бѣдной и незнатной семьи, собственными силами добившійся могущества и богатства. Такъ какъ Александръ при завоеваніи Іоніи опирался на демократію, то Θеопомпъ попалъ въ ряды оппозиціи и въ концѣ-концовъ былъ изгнанъ; тогда онъ обратился къ Александру со своими знаменитыми «хіосскими письмами», гдѣ съ неустрашимой смѣлостью раскрылъ тѣ злоупотребленія, которыя были допущены правителями государства во время похода царя въ Индію. По реституціонному указу Александра вѣроятно и ему разрѣшено было вернуться на родину; но во время смутъ послѣ смерти Александра онъ снова принужденъ былъ бѣжать и послѣ долгихъ скитаній наконецъ нашелъ пріютъ у Птоломея, царя Египта [1]).

Такой человѣкъ долженъ былъ испытывать неодолимое влеченіе къ исторіографіи. Въ началѣ онъ пошелъ по стопамъ Θукидида; онъ

[1]) Главный источникъ для біографіи Θеопомпа (Phot. *Bibl.* cod. 176 p. 120) полонъ ошибокъ; Фотій считаетъ *Χιακαὶ ἐπιστολαί* Θеопомпа къ Александру письмами царя къ хіосцамъ. Тѣмъ не менѣе извѣстіе о томъ, что во время перехода Александра въ Азію (архонтъ Эвэнетъ, $335/_4$) Θеопомпу было 45 лѣтъ, т.-е. что его *ἀκμή* приходится на Ol. 110, 1, $340/_{39}$ г., — приблизительно вѣрно, такъ какъ Θеопомпъ уже при смерти Мавсолла (ок. 352 г.) былъ выдающимся ораторомъ, а свои *Φιλιππικά* издалъ лишь послѣ смерти Александра, т.-е. около 320 года или еще позже. Сравнительно съ этими данными показаніе Свиды (Ol. 93) не имѣетъ никакой цѣны. Отецъ Θеопомпа былъ изгнанъ *ἐπὶ λακωνισμῷ* вѣроятно около времени сраженія при Наксосѣ; возможность вернуться на родину долженъ былъ дать Θеопомпу либо миръ со Спартою 374 г., либо—самое позднее—союзъ, заключенный въ 369 году между Спартою и аттическимъ морскимъ союзомъ. Притомъ, самъ Θеопомпъ удостовѣряетъ, что онъ выросъ въ довольствѣ; да и какъ могъ бы онъ учиться въ Аѳинахъ у Исократа, если онъ былъ изгнанъ изъ союзнаго съ Аѳинами Хіоса? Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ вернуться на родину послѣ того, какъ благодаря Мавсоллу олигархія снова достигла тамъ господства. Политическая дѣятельность Θеопомпа удостовѣряется Strab. XIV 645, Suid. *Θεόκριτος*; да и безъ этихъ свидѣтельствъ мы должны были бы заключить о ней изъ положенія его отца, изъ *хіосскихъ писемъ* и изъ факта изгнанія Θеопомпа послѣ смерти Александра.

написалъ продолженіе его исторіи, оставшейся незаконченною, и довелъ разсказъ до битвы при Книдѣ, т.-е. до того рокового дня, когда Эллада принуждена была покориться персидскому вліянію. Потомъ, когда Филиппъ наконецъ осуществилъ мечту всѣхъ истинныхъ эллинскихъ патріотовъ, когда Греція была объединена и борьба съ варварами возобновилась,— Ѳеопомпъ задумалъ въ обширномъ сочиненіи представить современникамъ и потомкамъ картину той великой эпохи, въ которую онъ самъ жилъ и виднѣйшихъ дѣятелей которой зналъ лично. Руководящей нитью повѣствованія была, разумѣется, дѣятельность Филиппа; но рамки картины раздвинулись до размѣровъ всемірной исторіи, охватившей всѣ выдающіяся событія, какія совершились въ эту эпоху на всемъ протяженіи греческаго міра отъ Кипра и Египта до Сициліи. При этомъ онъ отнюдь не обращалъ вниманія исключительно на военную исторію, какъ поступилъ еще Ѳукидидъ: внутренняя исторія не въ меньшей степени привлекаетъ его вниманіе; особенно славился и въ позднѣйшее время часто служилъ источникомъ его этюдъ объ аѳинскихъ демагогахъ. Большое значеніе придавалъ онъ психологическому анализу, и въ этой области онъ сильнѣе, чѣмъ какой-либо изъ предшествовавшихъ ему историковъ. Если онъ при этомъ не разъ впадалъ въ тонъ проповѣдника, то это было естественно въ такую эпоху, когда въ области философіи на первомъ планѣ стояли вопросы этики; столь же естественно и то, что ему приходится при этомъ больше порицать, чѣмъ хвалить. Его живой темпераментъ увлекалъ его иногда до невѣроятной брани и преувеличеній; но онъ по крайней мѣрѣ искренно старался равномѣрно распредѣлять свѣтъ и тѣни и не менѣе безпощадно говорилъ всю правду, или то, что казалось ему правдою, о своемъ героѣ Филиппѣ, котораго, какъ политика, ставилъ чрезвычайно высоко, чѣмъ о любомъ изъ своихъ политическихъ противниковъ. Въ свое сочиненіе онъ вставилъ, конечно, множество рѣчей; не пренебрегалъ онъ также и аллегорическими миѳами въ манерѣ Платона. Этотъ матеріалъ былъ изложенъ со всѣмъ блескомъ исократовской стилистики, но такимъ пламеннымъ языкомъ, какимъ никогда не обладалъ учитель. Даже по немногимъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ можно понять, что это было одно изъ самыхъ выдающихся, можетъ быть даже лучшее произведеніе греческой исторіографіи [1]).

---

[1]) Блестящая характеристика у Dionys. Halic. къ *Помпею* 6 p. 782 сл. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій ср. Blass *Att. Bereds.* II стр. 370 слл., Riese *Der Historiker Theopompos. Fleckeisens Jahrb.* 1870 стр. 670, Hirzel *Rhein. Mus.* 47 (1892) стр. 359 слл., Rohde ibid. 48 (1893) стр. 110 слл. О Ѳеопомпѣ

Исторію своего времени написалъ и Каллисѳенъ изъ Олинѳа, родственникъ Аристотеля и его ученикъ въ философіи и реторикѣ. Онъ началъ свое сочиненіе съ Анталкидова мира и довелъ разсказъ до фокійской войны; на этомъ мѣстѣ онъ прервалъ свою работу, получивъ отъ Александра приглашеніе сопутствовать ему въ азіатскомъ походѣ. Каллисѳенъ тотчасъ, еще во время похода, началъ записывать великія событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Его сочиненіе превратилось, разумѣется, въ восторженный панегирикъ македонскому царю; однако, когда Александръ послѣ завоеванія Азіи началъ все болѣе пристращаться къ персидскимъ обычаямъ и требовать себѣ божескихъ почестей, Каллисѳенъ мужественно возсталъ противъ этого и заплатилъ за свою смѣлость жизнью (327). Онъ писалъ какъ риторъ, и позднѣйшіе критики признавали его цвѣтистый языкъ напыщеннымъ, тогда какъ въ современникахъ его слогъ вызывалъ безграничное удивленіе; при всемъ томъ Каллисѳенъ умѣлъ очень правильно описывать военныя операціи, и упреки, которые дѣлали ему и въ этомъ отношеніи, въ общемъ неосновательны. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Каллисѳенъ остается однимъ изъ самыхъ крупныхъ греческихъ историковъ, и его сочиненіе оказало очень сильное вліяніе на характеръ традиціи о походахъ Александра [1]).

Описательное землевѣдѣніе искони шло рука объ руку съ исторіографіей. Такъ, уже Гекатей, на ряду съ исторіей Греціи въ древнѣйшій періодъ, написалъ трактатъ по географіи; въ историческихъ сочиненіяхъ Геродота и Гелланика разсѣянъ обильный географическій и этнографическій матеріалъ; Ктесій первый описалъ страну чудесъ — Индію, причемъ, правда, безъ разбора смѣшалъ въ своемъ сочиненіи вѣрныя свѣдѣнія и басни. Въ началѣ IV вѣка Дамастъ изъ Сигея и Филеасъ изъ Аѳинъ составили описанія земли въ манерѣ Гекатея, но съ гораздо бо́льшимъ количествомъ подробностей. Наконецъ, Эфоръ посвятилъ географіи двѣ книги своего обширнаго историческаго труда, которыя отчасти дошли до насъ въ стихотворной обработкѣ т. наз. Скимна хіосскаго. Извлеченіемъ изъ какого-то географическаго сочиненія этого времени является описаніе береговъ (*περίπλους*) т. наз. Скилакса изъ Каріанды, которое, впрочемъ, не содержитъ ничего,

---

какъ политикѣ см. выше; офицеромъ онъ, правда, не былъ, и Полибій порицаетъ его незнакомство съ военнымъ дѣломъ (XII 25 сл. 5); насколько этотъ упрекъ справедливъ, объ этомъ мы судить не можемъ.

[1]) Сравн. единственный уцѣлѣвшій большой отрывокъ — описаніе битвы при Иссѣ — съ остальными разсказами объ этомъ сраженіи.

кромѣ голаго перечня географическихъ названій и свѣдѣній о разстояніяхъ между различными пунктами; Авіэнъ, написавшій въ концѣ IV столѣтія по Р. Х. географію въ стихахъ, также положилъ въ основу своего описанія береговъ Средиземнаго моря какой-то трудъ IV вѣка до Р. Х. [1]).

Внѣшній объемъ географическихъ познаній въ періодъ времени отъ Гекатея до Эфора не увеличился значительно; лишь завоеваніе Азіи Александромъ послужило въ этой области началомъ новой эпохи. Тѣмъ большее значеніе имѣло то обстоятельство, что въ теченіе IV вѣка пиѳагорейское ученіе о шаровидности земли достигло наконецъ всеобщаго признанія. Оно и легло въ основу научнаго землевѣдѣнія, разработкѣ котораго оказали значительныя услуги математикъ Эвктемонъ изъ Аѳинъ въ эпоху Пелопоннесской войны, Эвдоксъ съ Книда и пиѳагореецъ Архитъ изъ Тарента во времена Платона. Въ этотъ періодъ начали опредѣлять географическую широту извѣстныхъ пунктовъ на земной поверхности и затѣмъ пытались по разстоянію двухъ лежащихъ на одномъ меридіанѣ пунктовъ извѣстной широты опредѣлять окружность земли. При несовершенствѣ существовавшихъ тогда инструментовъ эти попытки должны были, разумѣется, въ началѣ оказываться очень неудачными; окружность земли опредѣляли въ 400.000 стадій (около 74.000 килом.), т.-е. почти вдвое противъ ея дѣйствительной длины [2]). Тѣмъ не менѣе, замѣчательно уже то, что наука вообще принялась за рѣшеніе этой задачи.

Въ это же время начали все болѣе распространяться астрономическія ученія пиѳагорейцевъ. Правда, гипотеза о центральномъ огнѣ и противоземлѣ (см. выше, т. I стр. 471) теперь уже не могла быть защищаема научно, и она дѣйствительно была отвергнута пиѳагорейцемъ Экфантомъ изъ Сиракузъ и замѣнена ученіемъ о вращеніи земли вокругъ ея собственной оси, причемъ земля разсматривалась какъ центръ вселенной. Платонъ подъ конецъ жизни при-

---

[1]) Berger *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen* I. II, Лейпцигъ 1887. 1889. Исторіи описательнаго землевѣдѣнія у грековъ, которая соотвѣтствовала бы современному уровню науки, къ сожалѣнію, все еще нѣтъ. Послѣднія работы объ Авіэнѣ—Kirner въ *Studi Storici* Pais'a II (Пиза 1893) 358 слл., 465 слл., и Marx *Rhein. Mus.* 50, 1895, 321 слл.

[2]) Tannery *Recherches sur l'histoire de l'astronomie ancienne* (Парижъ 1893) стр. 103 слл. Объ измѣреніи земли Архитомъ—Horat. *Carm.* I 28, 1 сл.; проблема измѣренія земли упоминается уже въ *Облакахъ* Аристофана, 201 слл.; пренебрежительный отзывъ Платона о ней—*Федонъ* 108 с. Объ Эвктемонѣ и Эвдоксѣ—Berger l. c. II 66 слл.

минулъ къ этой теоріи [1]), и его ученикъ Гераклидъ изъ понтійской Гераклеи не только послѣдовалъ за нимъ въ этомъ пунктѣ, но даже установилъ, что обѣ внутреннія планеты Меркурій и Венера вращаются вокругъ солнца, т.-е. предвосхитилъ систему Тихо де-Браге [2]). Но значительное большинство астрономовъ отказывалось принять эти теоріи. Эвдоксъ книдскій снова призналъ землю неподвижнымъ средоточіемъ міра; вокругъ нея, по его ученію, вращаются остальныя планеты на 27 концентрическихъ сферахъ, которыя всѣ вмѣстѣ совершаютъ полный пробѣгъ вокругъ земли въ 24 часа, но кромѣ того обладаютъ еще каждая своимъ собственнымъ движеніемъ. Самую отдаленную изъ этихъ сферъ занимаютъ неподвижныя звѣзды; каждая изъ пяти планетъ приводится въ движеніе четырьмя, солнце тремя сферами, луна—тоже тремя. Какъ ни была остроумна эта система, она не давала возможности объяснить всѣ неправильности видимыхъ орбитъ; поэтому аѳинскій астрономъ Каллиппъ прибавилъ еще 7 сферъ, а Аристотель довелъ число сферъ даже до 56 [3]). Несмотря на эти недостатки, система Эвдокса признавалась почти всѣми до тѣхъ поръ, пока Аполлоній изъ Перги выступилъ со своимъ ученіемъ объ эпициклахъ; однако она была окончательно оставлена лишь начиная съ Гиппарха. И въ другихъ отрасляхъ Эвдоксъ оказалъ астрономіи большія услуги; дѣленіе звѣзднаго неба на созвѣздія, котораго еще мы придерживаемся, въ основныхъ чертахъ было создано имъ [4]).

Эти успѣхи астрономіи въ значительной степени являются результатомъ крупныхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ это время математикой. Она была единственной наукой, о которую разбивались всѣ атаки скептицизма, ибо въ то время еще никому не приходило въ голову, чтобы возможно было существованіе четвертаго измѣренія и метаматематики. Правда, Сократъ, всюду искавшій только непосредственной практической пользы, полагалъ, что геометрія хороша лишь постольку, поскольку она служитъ для измѣренія полей [5]),— взглядъ,

---

1) По моему мнѣнію, это—единственно правильное толкованіе спорнаго мѣста *Tim.* 40 b.

2) Schiaparelli *J precursori di Copernico nell' antichità. Pubblicazioni del R. Osservatorio di Brera* III, Milano 1873.

3) Schiaparelli *Le sfere omocentriche di Eudosso, di Callippo e di Aristotele. Pubbl. dell' Osserv. di Brera* IX, Milano 1876.

4) Какъ извѣстно, *Φαινόμενα* Арата—ничто иное, какъ поэтическая обработка одного изъ сочиненій Эвдокса.

5) Xen. *Memor.* IV 7, отсюда Laert. Diog. II 32.

достойный простака Стрепсіада въ «Облакахъ» Аристофана; и его точку зрѣнія раздѣляли даже многіе изъ философовъ. За-то Платонъ ревностно занимался математикой, съ которою еще въ ранней молодости ознакомилъ его Өеодоръ изъ Кирены и интересъ къ которой позднѣе значительно усилился въ немъ благодаря его сношеніямъ съ пиѳагорейцами. Онъ вполнѣ оцѣнилъ и пропедевтическое значеніе математики; она была для него приблизительно тѣмъ же, чѣмъ для современныхъ филологовъ является латинская грамматика. Такимъ образомъ, академія сдѣлалась однимъ изъ центровъ математическихъ изысканій; въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, она явилась наслѣдницей угасавшей тогда пиѳагорейской школы. Впрочемъ, самъ Платонъ, повидимому, не создалъ въ области математики ничего замѣчательнаго; тѣмъ бо́льшія услуги оказали этой наукѣ его ученики. Леодамантъ ѳасосскій открылъ, по преданію, аналитическій методъ; Өеайтетъ аѳинскій разработалъ ученіе объ ирраціональныхъ величинахъ, Менехмъ далъ одно изъ лучшихъ рѣшеній знаменитой проблеммы удвоенія даннаго куба; выдающимися математиками называютъ также академиковъ Кизикена аѳинскаго, Гермотима колофонскаго и Филиппа изъ Менды [1]). Тѣмъ не менѣе, платоновская школа сдѣлала, повидимому, болѣе для распространенія, чѣмъ для углубленія математическихъ познаній; оба замѣчательнѣйшихъ математика этого времени, Эвдоксъ книдскій и Архитъ тарентскій, хотя и находились въ близкихъ отношеніяхъ съ Платономъ, однако не принадлежали къ академіи.

Медицина также не была задержана въ своемъ развитіи тѣмъ приговоромъ умозрительной философіи, которымъ всякое истинное познаніе природы признавалось невозможнымъ. Правда, неосновательность тѣхъ философскихъ системъ, какія до сихъ поръ были выставлены для объясненія явленій природы, должна была быть особенно ясна для врачей, въ силу своей профессіи принужденныхъ постоянно производить наблюденія. Дѣйствительно, гиппократовская школа очень рѣзко полемизировала противъ натурфилософіи, какою она являлась, напримѣръ, у Эмпедокла. Но она была далека отъ мысли отвергать вмѣстѣ съ ложнымъ и ту долю истины, которая заключалась въ прежнихъ теоріяхъ; она боролась только противъ произвольныхъ, недоказуемыхъ гипотезъ, но не противъ принципа, на которомъ были основаны эти гипотезы. Такъ, въ книгѣ «о старой медицинѣ» говорится: «Если кто-нибудь произноситъ ка-

---

[1]) Cantor *Vorlesungen zur Geschichte der Mathematik* I 183 сля.

кое-либо сужденіе о небесныхъ тѣлахъ или о томъ, что̀ происходитъ послѣ нашей смерти, то ни онъ самъ, ни его слушатели не знаютъ, правильно ли это сужденіе или нѣтъ. Медицина же издревле располагаетъ всѣмъ—какъ принципомъ, такъ и методомъ, которымъ уже въ теченіе долгаго времени было сдѣлано много важныхъ открытій и будетъ найдено также все остальное, если способные люди, усвоивъ содержаніе своей науки, будутъ продолжать ея разработку на этой основѣ» [1]). Этимъ былъ намѣченъ единственный путь, на которомъ возможно было плодотворное развитіе науки.

Сама медицина, правда, на первыхъ порахъ принимала въ этомъ движеніи сравнительно малое участіе. Здѣсь геній Гиппократа затормозилъ развитіе. Ученія Гиппократа сохраняли каноническое значеніе для его учениковъ, почему послѣдніе получили у позднѣйшихъ историковъ медицины общее названіе догматиковъ. Между ними было, разумѣется, немало хорошихъ практическихъ врачей; таковы сыновья Гиппократа Ѳессалъ и Драконъ, его зять Полибъ, его правнуки (отъ Ѳессала) Горгій, Драконъ и Гиппократъ. Болѣе выдающимися медиками были Праксагоръ изъ Коса и Діоклъ изъ Кариста, жившіе въ эпоху Александра и первыхъ діадоховъ; они дѣятельно подвизались и въ научной области. Авторитетъ гиппократовой школы оставлялъ въ тѣни книдскую школу. Знаменитѣйшими представителями послѣдней были въ это время Эвдоксъ, обязанный своей извѣстностью, впрочемъ, болѣе своимъ изслѣдованіямъ въ области математики и астрономіи, чѣмъ своей врачебной дѣятельности, и его ученикъ Хрисиппъ. Обѣ школы продолжали стоять въ оппозиціи другъ къ другу и въ александрійскій періодъ; изъ двухъ великихъ врачей конца IV и начала III вѣка, положившихъ начало новой эпохѣ въ области медицины, одинъ—ученикъ Праксагора Герофилъ—примкнулъ къ Гиппократу, другой — ученикъ Хрисиппа Эрасистратъ — рѣзко возсталъ противъ гиппократовскаго ученія. Въ концѣ-концовъ побѣда осталась, какъ извѣстно, за школой Гиппократа [2]).

---

[1]) Hippocr. *о старой медицинѣ* I стр. 24 Kühn.

[2]) О догматикахъ мы знаемъ мало, объ ихъ книдскихъ соперникахъ—еще меньше; сравн. Haeser *Geschiche der Medizin* I³ 225 сл. Такъ какъ ихъ затмили съ одной стороны Гиппократъ, съ другой — великіе александрійцы, то ихъ сочиненія уже рано были забыты. Расцвѣтъ дѣятельности Праксагора относится, повидимому, ко времени около 330 года, потому что его ученикъ Герофилъ подвизался въ Александріи при первомъ Птоломеѣ; Діоклъ, котораго Плиній (XXVI 10) называетъ *secundus aetate famaque* послѣ Гиппократа, посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій Плейстарху (Athen. VII 320 d, 324 сл.), т.-е., конечно, брату Кассандра; если сохранившееся письмо къ Антигону и

Точно также и анатомія въ общемъ не сумѣла освободиться отъ узъ гиппократовскаго ученія, несмотря на цѣлый рядъ частичныхъ пріобрѣтеній, которыми она была обязана преимущественно Праксагору. Врачи все еще боялись вскрывать человѣческіе трупы, и лишь Эрасистратъ и Герофилъ сумѣли преодолѣть этотъ предразсудокъ. Поэтому болѣе правильныя воззрѣнія очень медленно пролагали себѣ путь; еще Праксагоръ училъ, что нервы выходятъ изъ сердца, и даже Аристотель не признавалъ мозга органомъ мышленія.

Бо́льшихъ успѣховъ достигла зоологія. Съ тѣхъ поръ, какъ Алкмеонъ и Демокритъ основали эту науку, былъ накопленъ огромный запасъ наблюденій, который затѣмъ былъ разработанъ Аристотелемъ въ его «Зоологіи» и въ трактатахъ о «частяхъ животныхъ» и объ «исторіи развитія животныхъ». Въ этихъ сочиненіяхъ Аристотель далъ курсъ сравнительной анатоміи, курсъ физіологіи, гдѣ особенное вниманіе обращено на воспроизводительный процессъ, и очеркъ основныхъ законовъ психологіи животныхъ. Естественная система животнаго царства, предложенная имъ здѣсь, въ своихъ основныхъ чертахъ удержалась до настоящаго времени, а въ отдѣлѣ о низшихъ животныхъ оказывается болѣе совершенной, чѣмъ даже система Линнея [1]).

Аристотель занимался и ботаникой, хотя гораздо менѣе обстоятельно, чѣмъ зоологіей. Лишь его ученикъ Ѳеофрастъ послѣ смерти учителя въ своихъ двухъ обширныхъ сочиненіяхъ «Исторія растеній» и «Причины растеній» подвелъ итоги познаніямъ по ботаникѣ, какія накопились до его времени. Правда, его работы далеко уступаютъ изслѣдованіямъ Аристотеля въ области зоологіи. Это объясняется не меньшей геніальносью Ѳеофраста, а тѣмъ, что въ области ботаники наукѣ приходилось рѣшать гораздо болѣе трудныя проблеммы, ибо въ то время, какъ аналогія съ человѣкомъ даетъ намъ ключъ къ пониманію органовъ остальныхъ видовъ животнаго царства, растительное царство совершенно чуждо намъ. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что медицина обстоятельно изучала животныхъ, растеніями же занималась лишь постольку, поскольку они были пригодны для фармацевтическихъ цѣлей. Такъ, важнѣйшіе органы растеній—половые органы—Ѳеофрастъ совсѣмъ не призналъ за таковые; точно

подложно, то поддѣлыватель очевидно зналъ, что Діоклъ жилъ во времена этого царя.

[1]) Jürgen Bona Meyer *Aristoteles Tierkunde* Berlin 1855. *Исторія животныхъ* издана съ введеніемъ и нѣмецкимъ переводомъ Aubert'омъ и Wimmer'омъ, Лейпцигъ 1868; ими же издано *Περὶ ζῴων γενέσεως*, Лейпцигъ 1860.

также онъ ничего не зналъ о сѣмядоляхъ. Вслѣдствіе этого онъ не пошелъ дальше первыхъ началъ морфологіи и физіологіи растеній. Его систематика также носитъ совершенно внѣшній характеръ; онъ ограничивается дѣленіемъ растительнаго царства на деревья, кустарники, полукустарники и травы. Эти недостатки до извѣстной степени искупаются обиліемъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній по ботанической географіи и по исторіи культуры, причемъ кропотливое трудолюбіе, тонкая наблюдательность и критическое чутье автора равно достойны удивленія [1]).

Въ виду этихъ успѣховъ естествознанія для философіи становилось все менѣе возможнымъ сохранять то отрицательное отношеніе къ нему, въ какое она стала со времени софистовъ и Сократа. Уже Платонъ подъ старость долженъ былъ признать это; но къ сожалѣнію онъ подпалъ вліянію пиѳагорейскаго ученія, съ которымъ близко познакомился во время своихъ поѣздокъ въ Сицилію. Онъ сдѣлалъ попытку сочетать мистику чиселъ, ученіе о гармоніи и астрономію со своимъ ученіемъ объ идеяхъ, и въ результатѣ получилась, конечно, неимовѣрная путаница, смущавшая самого Платона. Его племянникъ Спевсиппъ, грубый [2]) и умственно ничтожный человѣкъ, который послѣ смерти учителя (347) именно изъ-за этого родства съ нимъ былъ избранъ главой школы, совершенно отвергъ ученіе объ идеяхъ и всецѣло отдался мистикѣ чиселъ. Напротивъ, его преемникъ Ксенократъ изъ Калхедона (съ 339 г.) удержалъ связь между идеями и пиѳагорейскимъ ученіемъ о числахъ, но при этомъ создалъ дикую теологическую систему, гдѣ нашли себѣ мѣсто добрые и злые демоны и даже животнымъ приписывалось сознаніе существованія божества. Такимъ образомъ академія все болѣе приходила въ упадокъ, пока ея ученіе въ лицѣ Аркесилая не слилось съ скептицизмомъ.

Въ этой атмосферѣ духовной косности мыслящіе люди не могли дышать свободно. Таковъ былъ величайшій ученикъ Платона, Ари-

---

1) Сводъ ботаническихъ теорій изъ сочиненій Аристотеля даетъ Wimmer, *Physiologiae aristotelicae fragm.*, Бреславль 1838, переведено въ *Geschichte der Botanik* Ernst'а Meyer'а I стр. 94—145, Кенигсбергъ 1854. О ботаническихъ изысканіяхъ Ѳеофраста — Ernst Meyer l. c. 146 слл., Kirchner *Die botan. Schriften des Theophrast, Jahrb. f. Phil.* Suppl. VII 449 слл. „Исторія растеній" написана лишь послѣ 306 года (Zeller II³ стр. 811), но такъ какъ она въ значительной степени основана на изслѣдованіяхъ Аристотеля и притомъ составляетъ pendant къ «Исторіи животныхъ» послѣдняго, то ее пришлось разсмотрѣть уже здѣсь.

2) Laert. Diog. IV 1, 1.

стотель [1]). Онъ родился въ 384/3 году въ Стагирѣ на халкидскомъ полуостровѣ, и принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, въ которыхъ врачебное искусство наслѣдовалось изъ рода въ родъ. Его отецъ Никомахъ былъ лейбъ-медикомъ при дворѣ македонскаго царя Аминты; безъ сомнѣнія, и Аристотель предназначался для отцовской профессіи и первоначально изучалъ медицину. Это наложило неизгладимую печать на все его позднѣйшее мышленіе; именно эта естественно-научная подготовка дала ему возможность освободиться отъ узъ платоновскаго умозрительнаго метода. Однако медицина не удовлетворила Аристотеля, и такъ какъ онъ рано потерялъ отца, то, едва достигнувъ совершеннолѣтія, по восемнадцатому году (367/6), онъ отправился въ Аѳины, чтобы изучать реторику и философію. Здѣсь Платонъ стоялъ въ это время на вершинѣ своей славы; Аристотель вступилъ въ самыя близкія отношенія съ нимъ и оставался членомъ академическаго кружка до смерти учителя (347). Въ то же время онъ получалъ цѣнныя указанія отъ Исократа, хотя и не былъ его ученикомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Когда Платонъ умеръ и во главѣ академіи сталъ неспособный Спевсиппъ, Аристотелю болѣе нечего было дѣлать въ Аѳинахъ; поэтому онъ отправился къ Гермію, владѣтелю Атарнея и Асса въ Малой Азіи, съ которымъ онъ близко сошелся еще въ академіи. Здѣсь Аристотель прожилъ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ, пока Гермій не палъ жертвою измѣны персидскаго полководца Ментора (ниже, гл. XV). Послѣ этого Аристотель уѣхалъ въ Митилену и вскорѣ затѣмъ (343/2) принялъ приглашеніе македонскаго царя Филиппа, который поручилъ ему воспитаніе своего сына Александра, въ то время тринадцатилѣтняго мальчика. Однако, это обученіе продолжалось недолго, такъ какъ Александръ уже въ 340 году былъ привлеченъ къ дѣламъ правленія. Поэтому отношенія между учителемъ и ученикомъ никогда не были особенно близкими; зато во время своего пребыванія въ Македоніи Аристотель сблизился съ министромъ Филиппа Антипатромъ. Но какъ ни было блестяще положеніе, которое онъ занималъ въ Македоніи,—его неудержимо влекло въ его духовное отечество—Аѳины, въ единственный городъ, гдѣ онъ могъ найти то обширное поприще для научной дѣятельности, о которомъ онъ мечталъ. И вотъ, какъ только политическія условія позволили это, — тотчасъ послѣ разрушенія Ѳивъ и покоренія Аѳинъ Александромъ, — Аристотель вернулся въ

---

[1]) О жизни Аристотеля см., кромѣ руководствъ по исторіи философіи, статью Gercke „Aristoteles“ у Pauly-Wissowa и Wilamowitz *Aristoteles und Athen* I 311 сл. (дѣльно, но авторъ слишкомъ даетъ волю своей фантазіи).

Аѳины (335/4). Во главѣ академіи онъ нашелъ своего друга Ксенократа; но самъ онъ успѣлъ уже слишкомъ перерости платоновское ученіе, чтобы снова вступить въ старый кружокъ. Поэтому онъ открылъ собственную школу въ ликейскомъ гимнасіи. Здѣсь Аристотель училъ 12 лѣтъ, собирая вокругъ себя съ каждымъ годомъ все бóльшее число учениковъ, пока возстаніе Аѳинъ противъ Македоніи послѣ смерти Александра не вынудило его покинуть мѣсто своей дѣятельности и искать убѣжища въ Халкидѣ, гдѣ онъ вскорѣ затѣмъ (322), лишь 62 лѣтъ, умеръ отъ болѣзни. Послѣ его смерти руководство школою перешло къ его любимому ученику Ѳеофрасту изъ Эреса.

Въ эти годы своего второго пребыванія въ Аѳинахъ Аристотель развилъ изумительную дѣятельность. Его лекціи охватывали почти всю сумму тогдашняго знанія—логику, реторику, метафизику, естественныя науки, этику, политику, эстетику, — и по всѣмъ этимъ отраслямъ знанія онъ составилъ учебники; характерно, что только математикой, игравшей такую выдающуюся роль въ академіи, и отцовской наукой, медициной, онъ не занимался спеціально. Разумѣется, онъ съумѣлъ совершить такой грандіозный трудъ только благодаря содѣйствію своихъ учениковъ; правильная организація научной работы, начало которой положили уже Демокритъ и Платонъ, была впервые систематически осуществлена Аристотелемъ. Были приняты мѣры также къ тому, чтобы снабдить школу научными пособіями, и особенно собрана очень значительная по тогдашнимъ условіямъ библіотека.

Однако, для детальной разработки этихъ учебныхъ книгъ краткаго срока, проведеннаго Аристотелемъ въ Аѳинахъ, оказалось, разумѣется, недостаточно; онъ оставилъ лишь черновые наброски, которые послѣ его смерти были просмотрѣны и дополнены его учениками, а многія изъ сочиненій, носящихъ имя Аристотеля, даже цѣликомъ написаны его учениками. Но на всю эту совмѣстную работу духъ учителя наложилъ неизгладимую печать; и даже послѣ того, какъ Аристотель покинулъ кругъ своихъ учениковъ, они продолжали работать въ его духѣ. Правда, ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ совмѣстить въ своемъ умѣ, подобно учителю, всю совокупность человѣческаго знанія; это стало невозможнымъ уже вслѣдствіе колоссальнаго увеличенія научныхъ данныхъ, которымъ главныя отрасли знанія были обязаны самому Аристотелю. Такимъ образомъ, единая наука неизбѣжно должна была распасться на рядъ спеціальныхъ наукъ; эта дифференціація началась, правда, еще до Аристотеля, но только имъ была доведена до совершенства.

Въ своей философской системѣ Аристотель вполнѣ является ученикомъ академіи. Вмѣстѣ съ Платономъ онъ полагалъ, что только общее можетъ быть предметомъ истиннаго знанія; но онъ былъ слишкомъ естествоиспытателемъ, чтобы удовлетворяться платоновскимъ дуализмомъ, гдѣ на ряду съ чувственнымъ міромъ, но совершенно особнякомъ отъ него, стоитъ сверхъчувственный міръ чистыхъ понятій. Соединить мостомъ оба эти міра Аристотель считалъ своей главной задачей. Эту работу онъ началъ съ изслѣдованія формъ и законовъ научной аргументаціи. Источникомъ всякаго знанія является опытъ, отъ котораго мы отвлекаемъ общіе принципы; задача науки состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ правильныхъ умозаключеній выводить изъ этихъ принциповъ частное. Ученіе о выводахъ, «силлогистика», и составляетъ главное содержаніе аристотелевой логики. Какъ бы мы ни оцѣнивали достоинства этой логики, во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ созданій Аристотеля она имѣла наиболѣе глубокое вліяніе на исторію человѣческаго мышленія.

Къ сочиненіямъ по логикѣ примыкаетъ теорія реторики, т.-е., по ученію Аристотеля, теорія доказательства вѣроятнаго. Далѣе, Аристотель изслѣдовалъ и теорію искусствъ, но вполнѣ обработалъ изъ нея только часть поэтики, при чемъ въ основу послѣдней положилъ литературно-историческія изслѣдованія, продолженныя затѣмъ его учениками.

Если въ этой области Аристотель слѣдовалъ по пути, указанному Платономъ, то въ своихъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ онъ совершенно независимъ отъ своего учителя. Мы уже видѣли, какъ подробно онъ изучалъ органическій міръ, особенно животное царство. Столь же тщательно изучалъ онъ физическія и химическія явленія. Онъ исходилъ здѣсь изъ того принципа, давно получившаго право гражданства въ греческой философіи, что абсолютнаго возникновенія и исчезновенія нѣтъ, а существуетъ лишь измѣненіе уже существующихъ вещей, и что всякое измѣненіе обусловливается движеніемъ. Но Аристотель далекъ отъ мысли объяснять естественныя явленія, подобно Демокриту, исключительно механическими причинами. Прежде всего, не существуетъ ничего неограниченнаго, ибо неограниченное вообще немыслимо; не существуетъ и пустого пространства, а время есть ничто иное, какъ «мѣра движенія», т.-е. само по себѣ не существуетъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что міръ пространственно ограниченъ, во времени не имѣетъ ни начала, ни конца, и вѣчно находится въ движеніи. Невозможно также допустить, что матерія качественно-едина, ибо въ такомъ случаѣ всѣ вещи должны были бы

быть подчинены закону тяготѣнія, тогда какъ въ дѣйствительности воздухъ и огонь стремятся не къ центру земли, а вверхъ, т.-е. лишены тяжести. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Аристотель вернулся къ ученію Эмпедокла о четырехъ элементахъ. Правда, и эти элементы не неизмѣнны; при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ даже переходить одинъ въ другой, чѣмъ, впрочемъ, уничтожается самое понятіе элемента. Но рядомъ съ этими четырьмя земными элементами существуетъ еще пятый—эѳиръ, изъ котораго образованы планеты; ему присуще наиболѣе совершенное движеніе, именно круговое, тогда какъ остальные элементы движутся по прямой линіи, либо къ центру земли, либо вверхъ отъ него. Такимъ образомъ, вселенная, которую Аристотель, подобно пиѳагорейцамъ, представляетъ себѣ въ формѣ наиболѣе совершеннаго тѣла, шара, распадается на двѣ части—небо, гдѣ все совершенно и неизмѣнно, и землю, гдѣ все несовершенно и вѣчно мѣняется. Въ своихъ астрономическихъ представленіяхъ Аристотель слѣдуетъ ученію Эвдокса о сферахъ, которое онъ однако безъ надобности усложняетъ умноженіемъ количества сферъ (выше, стр. 337); но при этомъ онъ признаетъ планеты одушевленными существами—вѣрованіе, коренившееся въ греческой народной религіи и раздѣлявшееся также Платономъ. Вообще Аристотель разсматриваетъ неорганическій міръ по аналогіи съ органическимъ; даже элементамъ онъ приписываетъ родъ души, такъ что вся природа представлялась ему живымъ цѣлымъ, дѣйствующимъ цѣлесообразно, хотя и безсознательно. Такимъ образомъ, физическія причины являются лишь посредствующими звеньями, истинныя же причины суть телеологическаго свойства. Такъ въ чертахъ естествоиспытателя Аристотеля мы въ концѣ концовъ узнаемъ ученика Сократа.

На этомъ фундаментѣ построена метафизика Аристотеля. Всѣ вещи состоятъ изъ матеріи и формы, причемъ существенной частью является форма, ибо безформенная матерія немыслима, тогда какъ форму мы можемъ представить себѣ и безъ вещества. Такимъ образомъ вещество, лишенное формы, существуетъ лишь какъ возможность, и только принявъ форму, оно становится реальнымъ. Процессъ, которымъ совершается этотъ переходъ матеріи изъ возможности въ дѣйствительность, есть становленіе. Такимъ образомъ платоновскія «идеи» переносятся изъ трансцендентальнаго міра въ реальный, ибо аристотелевская «форма» есть въ сущности ничто иное, какъ платоновская «идея», сообразно съ чѣмъ Аристотель для обозначенія ея сохраняетъ и платоновскій терминъ (*εἶδος*, на ряду съ которымъ онъ употребляетъ, впрочемъ, и терминъ *μορφή*). Какъ естество-

испытатель, Аристотель хорошо знаетъ, что только опредѣляемая формою отдѣльная вещь имѣетъ реальное бытіе *(οὐσία)*; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько проникнутъ духомъ платоновскаго ученія, что считаетъ нужнымъ приписать и видамъ *(εἴδη*, снова платоновскій терминъ) метафизическую реальность. Отдѣльная вещь существуетъ лишь постольку, поскольку въ ней проявляется видъ, и наоборотъ, видъ существуетъ лишь поскольку онъ воплощается въ отдѣльныхъ вещахъ.

Однако вещество противодѣйствуетъ стремленію формы воплотиться въ немъ, какъ училъ уже Платонъ; поэтому существуютъ двоякаго рода причины возникновенія вещей — цѣлесообразныя причины, исходящія отъ формы, и механическія, исходящія отъ матеріи. Но формы, какъ и платоновскія идеи,—не одинаковаго достоинства: движеніе низшихъ формъ обусловливается высшими, и такимъ образомъ мы въ концѣ концовъ доходимъ до «перваго двигателя» *(πρῶτον κινοῦν)*, который, самъ оставаясь неподвижнымъ, вызываетъ всякое существующее движеніе. Это — чистая форма, совершенно лишенная вещества, вѣчная, неизмѣнная,—совершенное бытіе; она занята самой совершенной дѣятельностью — мышленіемъ, и именно мышленіемъ самого себя, какъ единственнаго достойнаго себя предмета. Движеніе же вызывается страстнымъ желаніемъ всѣхъ вещей принять видъ этого высшаго существа. Этотъ «первый двигатель» для Аристотеля—божество.

Эту систему можно было бы назвать монотеизмомъ,—и дѣйствительно, онтологическое доказательство существованія божества въ значительной степени заимствовано изъ аристотелевыхъ опредѣленій природы высшаго существа. Между тѣмъ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Высшее существо, лишенное всякихъ этическихъ свойствъ, нисколько не заботящееся о томъ, что̀ совершается во вселенной, и занятое только мышленіемъ самого себя, уже не есть божество, какое нужно религіи. Именно здѣсь, можетъ быть, наиболѣе рѣзко обнаруживается глубокое различіе между платоновской и аристотелевой системой. Оба они ставятъ во главѣ одну какую-нибудь идею; но у Платона это—идея добра, у Аристотеля—идея чистаго разума.

Такъ же далекъ Аристотель и отъ платоновской эсхатологіи. Душа есть по Аристотелю «форма» тѣла; поэтому душа такъ же не можетъ быть отдѣлена отъ тѣла, какъ и вообще форма отъ своего вещества. Слѣдовательно душа не можетъ вселяться въ любое тѣло, какъ полагали пиѳагорейцы. Далѣе, наша душа состоитъ по Аристотелю изъ трехъ частей: «питающей», какою обладаютъ и растенія,

«чувствующей», которая присуща и животнымъ, и наконецъ разума *(νοῦς)*, присущаго только человѣку. Этотъ «разумъ» несложенъ, неизмѣненъ, не подчиненъ никакимъ страданіямъ и вообще совершенно безплотенъ; слѣдовательно, онъ не можетъ быть плодомъ зачатія, а входитъ въ тѣло «извнѣ» и, значитъ, также не погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. А все то, чтò составляетъ нашу индивидуальность,—память, фантазія, чувства пріятнаго и непріятнаго и самая воля — является продуктомъ низшихъ частей души или возникаетъ изъ ихъ сочетанія съ «разумомъ», и потому должно погибнуть, какъ только эта связь расторгается смертью и низшія части души, возникшія при зачатіи, вмѣстѣ съ тѣломъ прекращаютъ свое существованіе. Такимъ образомъ, о личномъ безсмертіи по ученію Аристотеля не можетъ быть и рѣчи; мертвые не чувствуютъ ни счастія, ни несчастія, ибо разумъ, который одинъ продолжаетъ существовать послѣ смерти, вообще не способенъ испытывать ощущенія.

Такъ Аристотель въ этой области, какъ и во всѣхъ остальныхъ, освободился отъ узъ тѣхъ теологическихъ предположеній сократоплатоновской школы, которымъ онъ самъ былъ подвластенъ въ своей молодости; въ его ученіи сохранились только рудименты ихъ, не имѣющіе значенія для системы, какъ цѣлаго. Напротивъ, метафизическія положенія, унаслѣдованныя имъ отъ его учителя, гораздо болѣе сохранили власть надъ нимъ. Аристотелева система является именно компромиссомъ между сократо-платоновской дедуктивной философіей и опытнымъ естествознаніемъ. Аристотель рѣшилъ эту задачу, насколько она вообще могла быть рѣшена; но остался, разумѣется, нѣкоторый неустранимый остатокъ. Кромѣ того, Аристотель лишь постепенно выработалъ свое міросозерцаніе, при чемъ все болѣе удалялся отъ Платона; окончательно завершить свою систему ему и вообще не удалось. Вслѣдствіе этого въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Аристотеля встрѣчаются всевозможные пробѣлы и противорѣчія. Но именно на томъ, чѣмъ система Аристотеля обязана Платону, покоится въ наибольшей мѣрѣ ея всемірно-историческое значеніе.

ГЛАВА XI.

Общество и его организація.

Наука одержала верхъ; атака, которую теологія и скепсисъ въ концѣ V вѣка предприняли противъ естествознанія, была отбита. Тѣ самые люди, которыхъ взростили Сократъ и Платонъ, по большей части отреклись отъ міросозерцанія своихъ учителей, хотя, быть можетъ, и полагали, что остаются вѣрны духу сократовскаго ученія. Ибо работою одного столѣтія былъ накопленъ огромный запасъ положительныхъ знаній, который отнынѣ служилъ несокрушимой преградой какъ противъ необузданнаго умозрѣнія, такъ и противъ безплоднаго отрицанія.

И не только въ глубину разрослась наука, но и вширь. Горсть одинокихъ мыслителей, которая въ эпоху Перикла посвятила свои силы исканію истины, непонятая, а часто и гонимая образованной и необразованной массой, съ теченіемъ времени пріобрѣтала все больше послѣдователей; ея усиліями была создана обширная спеціальная литература, обнимавшая всѣ отрасли тогдашняго знанія.

Въ виду этихъ условій измѣнилось и отношеніе общества къ наукѣ. Со времени Сократа уже ни одинъ философъ не былъ гонимъ въ Аѳинахъ за свои ученія; если Аристотель послѣ смерти Александра принужденъ былъ покинуть Аѳины, то это было обусловлено политическими причинами, и обвиненіе въ оскорбленіи религіи служило лишь предлогомъ [1]). Правда, ни Аѳины, ни—насколько мы знаемъ—какая-либо другая греческая республика ничего не сдѣлали въ эту эпоху для поощренія науки. Школы, основанныя Демокритомъ въ Абдерѣ, Платономъ въ Академіи близъ Аѳинъ и позднѣе Аристоте-

[1]) Zeller II³ 2 стр. 38.

лемъ въ Ликеѣ, были вполнѣ частными учрежденіями, которыя содержались либо на средства самихъ основателей, либо на взносы учениковъ. Требованіе Платона, чтобы государство приняло на себя заботу объ обученіи юношества математикѣ, астрономіи, теоріи гармоніи и философіи, осталось благимъ желаніемъ; когда аѳинское правительство въ эпоху Филиппа начало слѣдить за элементарнымъ обученіемъ дѣтей, то это было уже очень много [1]). Зато монархія признала поощреніе науки одною изъ задачъ государства. Оба сиракузскихъ Діонисія, отецъ и сынъ, и македонскій царь Пердикка привлекали къ своимъ дворамъ философовъ и сами принимали дѣятельное участіе въ ихъ изслѣдованіяхъ; Филиппъ поручилъ Аристотелю воспитаніе своего сына Александра, а Клеархъ гераклейскій, самъ ученикъ Платона, былъ первымъ государемъ, основавшимъ библіотеку [2]).

Распространеніе образованія на все болѣе широкіе круги общества не могло не повліять и на нравственный уровень послѣдняго. Ибо если софистическо-сократовское положеніе, что добродѣтель основана на знаніи, въ этой безусловной формѣ и невѣрно, то невозможно отрицать, что въ общемъ образованные народы стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше необразованныхъ, а въ предѣлахъ одного и того же народа — образованные классы выше необразованныхъ. Не будь этого—было бы жаль каждой копѣйки, истраченной государствомъ на дѣло народнаго образованія. Правда, современники обыкновенно не замѣчаютъ этическаго прогресса: тѣмъ сильнѣе чувствуются недостатки существующаго, а между тѣмъ люди во всѣ времена были склонны идеализировать прошлое. Такъ, уже Гесіодъ оплакиваетъ нравственный упадокъ своего времени; совершенно такъ же аттическая комедія противопоставляетъ современной испорченности доброе старое время мараѳонскихъ бойцовъ, а у ораторовъ сопоставленіе добродѣтелей отцовъ съ деморализаціей современнаго имъ поколѣнія становится общимъ мѣстомъ. Разумѣется, всѣ эти пессимистическія разсужденія въ извѣстномъ смыслѣ справедливы: въ нихъ выражается сознаніе, что современный строй далекъ отъ идеала; ложенъ обыкновенно лишь выводъ, что прошлое было лучше.

Притомъ этическій прогрессъ вовсе не совершается по прямой восходящей линіи, какъ и прогрессъ во всѣхъ другихъ областяхъ. Каждый успѣхъ въ одной сферѣ покупается цѣною потери въ другой.

---

1) *CIA*. IV 2, 574 с (постановленіе дема Элевсина въ честь стратега *Δερκύλος Αὐτοκλέους Ἁγνούσιος)*.

2) Мемнонъ I 2 *(FHG*. III 527).

Какъ только экономическое развитіе народа достигаетъ такой высоты, что ущербъ, который профессіональная дѣятельность населенія терпитъ отъ войны, уже не уравновѣшивается стоимостью военной добычи, — воинственность народа обыкновенно исчезаетъ. Въ той части греческаго міра, гдѣ экономическое развитіе достигло наиболѣе высокаго уровня,—въ Іоніи—это явленіе обнаружилось очень рано; отчасти имъ былъ обусловленъ неуспѣхъ великаго возстанія противъ Дарія [1]), а въ началѣ IV вѣка іонійскіе отряды за немногими исключеніями были совершенно непригодны для военныхъ дѣйствій [2]). Со времени Пелопоннесской войны и въ Аттикѣ начало обнаруживаться отвращеніе къ военной службѣ, особенно къ походамъ за море; и мы дѣйствительно не можетъ порицать аѳинскихъ гражданъ за то, что они не имѣли охоты рисковать жизнью въ пограничныхъ стычкахъ съ ѳракійскими князьями и въ другихъ войнахъ подобнаго рода, имѣвшихъ цѣлью лишь защиту колоніальныхъ владѣній. Даже пелопоннесскій союзъ былъ вынужденъ около 380 года предоставить всѣмъ желающимъ право откупаться отъ военной службы въ случаѣ экспедицій внѣ предѣловъ собственной Эллады [3]). Но въ горныхъ округахъ Пелопоннеса и другихъ частей греческаго полуострова старый воинственный духъ продолжалъ жить и теперь; тамъ во всякую минуту можно было набрать любое число наемниковъ. А въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Этоліи, старая склонность къ войнѣ и грабежу удержалась до тѣхъ поръ, пока на Грецію не легла тяжелая рука римлянъ.

Да и вообще чувство солидарности естественно ослабѣваетъ, по мѣрѣ того какъ индивидуумъ пріобрѣтаетъ все болѣе самостоятельности. Этотъ процессъ наступилъ и въ Греціи; характернымъ симптомомъ его является то обстоятельство, что прямыя личныя повинности въ пользу государства, «литургіи», во второй половинѣ IV вѣка въ Аѳинахъ большею частью были уничтожены или обращены въ налоги. Точно также граждане все болѣе уклонялись отъ занятія безвозмездныхъ почетныхъ должностей, чтó, впрочемъ, отчасти было результатомъ недовольства существующимъ строемъ, которое даже такого человѣка, какъ Платонъ, заставило совершенно отстраниться отъ общественной жизни [4]). Затѣмъ, въ концѣ вѣка, Эпикуръ вы-

---

1) Herod. VI 12.
2) Xen. *Hell.* III 2, 17; сравн. Thuc. I 124, V 9, VI 77, VIII 25.
3) Xen. *Hell.* V 2, 21.
4) [Plat.] *Письмо* VII 325 b сл., сравн. Bernays *Hermes* VI 122 сл.

ставилъ положеніе: *λάϑε βιώσας* — живи мирно про себя и какъ можно меньше связывайся съ политикой.

Однако не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать размѣры подобныхъ явленій. Если въ рутинѣ будничной жизни и въ виду неисцѣлимаго зла политическаго дробленія и мелочной партійной борьбы иные и становились нерадивыми въ исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей, то въ минуту нужды греки этой эпохи такъ же мало задумывались приносить свое имущество и жизнь на алтарь отечества, какъ и ихъ отцы и дѣды. Когда Аѳины передъ Херонеей вели свою послѣднюю рѣшающую борьбу съ Филиппомъ, въ ихъ военную казну отовсюду стекались добровольные взносы, хотя многіе изъ жертвователей рѣзко осуждали ту политику, которая привела государство къ этой войнѣ. И несмотря на все свое отвращеніе къ военной службѣ, граждане греческихъ городовъ всегда съ радостью шли въ бой, когда надо было защитить отчизну. Оборона Аѳинъ противъ Деметрія, обороны противъ Антигона и еще противъ Суллы не уступаютъ подвигамъ, совершеннымъ эллинами въ Персидскихъ войнахъ и Пелопоннесской войнѣ; исторія остальныхъ греческихъ областей также представляетъ немало примѣровъ подобнаго героизма.

Тѣмъ бóльшіе успѣхи сдѣлала подъ вліяніемъ возраставшей образованности гуманность. Жестокости въ родѣ тѣхъ, какія совершались надъ побѣжденными врагами еще во время Пелопоннесской войны (выше, т. I стр. 468), были бы невозможны уже спустя немного лѣтъ. Въ теченіе IV вѣка уже очень рѣдко случалось, что при взятіи города побѣдитель избивалъ взрослыхъ гражданъ [1]), да и то лишь въ такомъ случаѣ, когда это были возмутившіеся противъ него подданные. Обыкновенно же плѣннымъ позволяли откупаться; лишь тѣхъ, которые не могли уплатить выкупа, сообразно старому военному праву продавали въ рабство [2]); но и въ этомъ случаѣ часто поступали человѣчнѣе. Мы видѣли, что даже провинившіеся въ ограбленіи святыни фокійцы благодаря заступничеству Филиппа спаслись отъ мести своихъ враговъ и сохранили жизнь и свободу. Агесилай во время своихъ походовъ въ Малой Азіи строго наказывалъ своимъ войскамъ и въ плѣнномъ варварѣ уважать человѣка и обходиться съ нимъ гуманно [3]). Правда, эллины по прежнему были убѣждены въ

---

[1]) Я знаю лишь два примѣра; завоеваніе Орхомена ѳиванцами (Diod. XV 79) и завоеваніе Сеста Харесомъ (Diod. XVI 34).

[2]) Такъ поступилъ Діонисій послѣ завоеванія Регія (Diod. XVI 111, 4, тенденціозно искажено въ [Aristot.] *Oecon.* II 1349 b).

[3]) [Xen.] *Ages.* I 21 сл. *καὶ πολλάκις μὲν προηγόρευε τοῖς στρατιώταις*

своемъ превосходствѣ надъ варварами, и почти никто не оспаривалъ укоренившагося и при тогдашнихъ условіяхъ вполнѣ справедливаго взгляда, что эллины предназначены природою для господства, а варвары—для рабства; но уже начинали догадываться, что это превосходство основывается не столько на происхожденіи эллиновъ, сколько на ихъ образованіи, и что варваръ, усвоившій греческую культуру, имѣетъ право считаться грекомъ [1]).

Даже въ отрѣзанный отъ жизни гинекей мало-по-малу начало проникать просвѣщеніе, ибо, если женское образованіе находилось еще въ очень жалкомъ состояніи, то тѣмъ сильнѣе дѣйствовало вліяніе отца и позднѣе мужа. Аретэ, дочь Аристиппа, такъ обстоятельно ознакомилась съ его философской системой, что позднѣе сумѣла обучить ей своего сына, младшаго Аристиппа [2]). Въ кружкѣ, образовавшемся въ концѣ столѣтія въ Лампсакѣ вокругъ Эпикура, участвовали и женщины, какъ Ѳемисто, жена Леонтея, и ея дочь Леонтіонъ, которая позднѣе вышла замужъ за любимаго ученика Эпикура, Метродора [3]). Гиппархія, дѣвушка изъ знатной семьи въ Маронеѣ, вскорѣ послѣ смерти Александра прибыла со своимъ братомъ Метрокломъ въ Аѳины, гдѣ киникъ Кратесъ произвелъ на нее такое глубокое впечатлѣніе, что она отвергла всѣхъ другихъ искателей своей руки и не задумалась пойти за своимъ избранникомъ, чтобы въ качествѣ жены дѣлить его нищенскую жизнь [4]). Въ эту

τοὺς ἁλισκομένους μὴ ὡς ἀδικοῦντας τιμωρεῖσθαι, ἀλλ' ὡς ἀνθρώπους ὄντας φυλάττειν, κτλ. Контекстъ показываетъ, что рѣчь идетъ ближайшимъ образомъ о походахъ въ Азію. *Агесилай* написанъ, хотя и не Ксенофонтомъ, но все-таки до крушенія персидской державы, т.-е. во времена Филиппа, см. выше стр. 182 прим. 2.

1) Isocr. *Paneg.* 51 *ἡ πόλις ἡμῶν* (Аѳины)... *τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα πεποίηκε μηκέτι τοῦ γένους, ἀλλὰ τῆς διανοίας δοκεῖν εἶναι, καὶ μᾶλλον Ἕλληνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδεύσεως τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας.*

2) Zeler II[3] 1, 292 сл.

3) Zeler III[3] 1, 366. Что Леонтіонъ была родомъ изъ Лампсака, показываетъ ея бракъ съ лампсакійцемъ Метродоромъ; затѣмъ, ея имя даетъ право съ большой вѣроятностью предполагать, что она была дочь Леонтея. Сплетни соперничавшихъ другъ съ другомъ философскихъ школъ обратили ее въ гетеру, точно такъ же какъ и ея дочь Данаю; между тѣмъ вполнѣ очевидно, что послѣдняя—интимная подруга царицы Лаодики—была знатной и очень почтенной дамой (*Sybels Hist. Zeitschr.* N. F. 34, 500). Въ такомъ случаѣ то же самое относится и къ ея матери, сравн. Seneca fr. 45 Haase.

4) Diog. VI 94–98. Гиппархія могла познакомиться съ Кратесомъ только въ Аѳинахъ; время опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Метроклъ, прежде

эпоху снова начинають появляться и женщины-поэты, какъ въ VI вѣкѣ; таковы Эринна изъ Теноса (около 350 г.), нѣсколько позднѣе Носсисъ изъ эпизефирскихъ Локръ и Анита изъ Тегеи въ Аркадіи.

Какъ ни мало типичны эти примѣры, тѣмъ не менѣе они являются характерными симптомами той глубокой перемѣны, которая въ эту эпоху начала совершаться въ положеніи греческой женщины. Возможность браковъ по любви, какимъ былъ бракъ Гиппархіи съ Кратесомъ, заставляетъ предполагать, что и дѣвушки начали вращаться въ мужскомъ обществѣ. Родители разумѣется не одобряли связи съ нищенствующимъ философомъ; но имъ и въ голову не приходило принудить свою дочь къ другому браку, и въ концѣ-концовъ они дали свое согласіе. При этихъ условіяхъ тотъ грубый взглядъ, согласно которому единственною цѣлью брака является рожденіе дѣтей, все болѣе уступалъ мѣсто пониманію брака, какъ духовнаго общенія, гдѣ обѣ части въ силу различія своихъ свойствъ взаимно дополняютъ другъ друга. Въ этомъ смыслѣ высказывается Аристотель [1]), который самъ былъ очень счастливъ въ своемъ бракѣ съ сестрой своего друга Гермія; а Ксенофонтъ въ своемъ «Экономикѣ» нарисовалъ картину идеальнаго брака, которая въ общемъ соотвѣтствуетъ еще и нашимъ представленіямъ. Само собою разумѣется, что дѣйствительность мало походила на этотъ идеалъ; бракъ по разсчету, гдѣ главную роль играло приданое, все-таки оставался преобладающимъ явленіемъ. Поэтому комедія неистощима въ своихъ жалобахъ на женщинъ; правда, и мужья, въ уста которыхъ вложены эти жалобы, большею частью сами настолько пошлы, что ихъ жены еще слишкомъ хороши для нихъ. Но и Эврипидъ, изучавшій женскую душу болѣе пристально, чѣмъ кто-либо до него, нарисовавшій въ своей Алкестидѣ идеальный образъ жены и хозяйки, былъ въ общемъ очень дурного мнѣнія о женщинахъ своего времени. Даже такой человѣкъ, какъ Платонъ, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ этическомъ значеніи семейной жизни, которую онъ поэтому совершенно исключаетъ изъ строя своего идеальнаго государства; онъ и самъ, какъ извѣстно, умеръ холостякомъ. Правда, онъ впадаетъ при этомъ въ противоположную крайность, совсѣмъ отрицая физическое и духовное превосходство мужчины, какъ дѣлаютъ и современные соціалисты, его по-

---

чѣмъ перейти въ киническую школу, былъ ученикомъ Θеоφраста; Аристотеля тогда уже, очевидно, не было въ живыхъ.

1) *Ником. этика* VIII 1162 a и въ сохранившейся по-латыни III книгѣ Экономикъ, которая, если и не написана самимъ Аристотелемъ, то содержитъ его идеи. Ср. вообще Leopold Schmidt *Ethik der Griechen* II 165 сл.

слѣдователи; оба пола должны получать одинаковое образованіе, но зато потомъ должны имѣть и одинаковыя права и обязанности, причемъ женщины должны даже, подобно мужчинамъ, нести военную службу.

Въ виду этихъ условій гетеры и теперь сохраняли то первенствующее положеніе, которое онѣ въ эпоху Перикла заняли въ греческомъ и особенно въ аѳинскомъ обществѣ. Аттическая комедія, приблизительно со времени коринѳской войны, вертится главнымъ образомъ вокругъ этихъ дамъ полусвѣта, и въ числѣ ихъ поклонниковъ мы встрѣчаемъ, за немногими исключеніями, всѣхъ выдающихся людей этого періода — поэтовъ и художниковъ, ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Самой знаменитой гетерой въ началѣ IV вѣка была Лаиса, которая, по преданію, семилѣтней дѣвочкой была взята въ плѣнъ при завоеваніи аѳинянами сиканскаго города Гиккары въ 415 году; она попала сначала въ Коринѳъ и наконецъ въ Аѳины, гдѣ очаровала всѣхъ своей красотою. Впослѣдствіи она впала въ бѣдность, и поэтъ Эпикратъ не могъ отказать себѣ въ дешевомъ удовольствіи выставить въ своей комедіи «Антилаисъ» развѣнчанную царицу аѳинскаго общества на осмѣяніе публики. Еще бóльшую извѣстность пріобрѣла въ эпоху Филиппа и Александра Фрина изъ Ѳеспій. По преданію, она вдохновила Праксителя на созданіе его книдской Афродиты; она находилась въ близкихъ отношеніяхъ и съ Гиперидомъ, и его краснорѣчію была обязана своимъ оправданіемъ, когда была привлечена къ суду по обвиненію въ кощунствѣ (выше, стр. 7). Ея статуя, работы Праксителя, стояла въ Дельфахъ между статуями царей Филиппа и Архидама — почетъ, возбуждавшій сильнѣйшее негодованіе въ проповѣдникахъ нравственности вродѣ киника Кратеса. Другая знаменитая гетера этого времени, аѳинянка Пиѳіоника, послѣдовала за министромъ финансовъ Александра Гарпаломъ въ Вавилонъ; она пользовалась тамъ почти царскимъ почетомъ, и когда она умерла, ея другъ воздвигъ ей великолѣпный памятникъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ священная дорога изъ Элевсина въ Аѳины спускается въ равнину и взору путника впервые открывается акрополь. Это былъ безъ сравненія самый величественный надгробный памятникъ въ окрестностяхъ Аѳинъ; чужеземецъ, проходившій этою дорогой, навѣрное думалъ, что здѣсь погребенъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей города, пока, прочитавъ надпись, не узнавалъ, кому воздвигнутъ этотъ памятникъ [1]).

[1]) Главный источникъ—XIII-ая книга Аѳенея, содержаніе которой заимствовано въ значительной степени изъ комедіи; сравн. Jacobs *Vermischte Schriften* IV. О Лаисѣ -также Schol. Aristoph. *Πλοῦτος* 179.

Вліяніе просвѣщенія и гуманности, проникавшихъ все въ болѣе широкіе круги, должно было отражаться и въ политической области. Контрасты начали сглаживаться; вопросъ о томъ, что́ лучше: демократія или олигархія, отошелъ на второй планъ. Общественное мнѣніе требовало созданія правового государства, изъ котораго былъ бы устраненъ всякій произволъ [1]).

Въ виду этого государственное право этой эпохи старалось выработать такую конституцію, которая занимала бы середину между демократіей и олигархіей и такимъ образомъ обезпечивала бы обѣимъ частямъ общества—зажиточнымъ и неимущимъ—неприкосновенность ихъ интересовъ. Для этого право голоса въ народномъ собраніи должно быть предоставлено всѣмъ гражданамъ, но для занятія государственныхъ должностей необходимо требовать извѣстныхъ гарантій пригодности, критеріемъ которой при данныхъ условіяхъ могъ служить только имущественный цензъ [2]). Мы видимъ здѣсь тотъ же политическій строй, какой существовалъ въ Аѳинахъ въ VI вѣкѣ со времени Солона и еще послѣ Клисѳеновой реформы,—съ тою лишь разницей, что теперь хотѣли искусственно воскресить то, что тогда было создано естественнымъ развитіемъ. Въ теоріи подобная «смѣшанная конституція», или, какъ обыкновенно говорили, просто «государственное устройство» *(πολιτεία)* [3]), выглядѣла очень недурно, но прочно она могла держаться лишь тамъ, гдѣ сохранилось сильное среднее сословіе, которое по количеству не уступало бы пролетаріату и владѣло бы такой большой долею народнаго богатства, чтобы не только количественно, но и экономически имѣть перевѣсъ надъ богатыми; во всѣхъ остальныхъ странахъ этотъ строй долженъ былъ спустя короткое время выродиться либо въ демократію, либо въ олигархію [4]). Это суждено было испытать уже Ѳерамену, когда онъ сдѣлалъ попытку ввести такую «смѣшанную конституцію» въ Аѳинахъ [5]); да и та смѣшанная конституція, которую ввелъ Тимолеонъ въ освобожденныхъ имъ Сиракузахъ, лишь на малое число лѣтъ пережила своего творца.

---

[1]) Isocr. *Panath.* 131 слл.

[2]) Aristot. *Polit.* VI (IV) p. 1297 b слл.

[3]) Aristot. *Ником. этика* VIII 1160 a *ἡ ἀπὸ τιμημάτων (πολιτεία), ἣν τιμοκρατικὴν λέγειν οἰκεῖον φαίνεται, πολιτείαν δ'αὐτὴν εἰώθασιν οἱ πλεῖστοι καλεῖν.*

[4]) Aristot. *Polit.* VI (IV) 1297 a.

[5]) Прямо называетъ ее „смѣшанной конституціей" Ѳукидидъ VIII 97, 2: *μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο,* сравн. выше стр. 56.

Болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ эти попытки реформъ, оказывалось вліяніе общественнаго мнѣнія на примѣненіе существующихъ правовыхъ нормъ. Такъ, аѳинское народное собраніе послѣ возстановленія демократіи въ 403 году осуществляло свою судебную компетенцію лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и политическіе процессы обыкновенно передавались на разсмотрѣніе суда присяжныхъ [1]); такое безпорядочное судебное разбирательство, какое имѣло мѣсто при осужденіи стратеговъ, одержавшихъ побѣду у Аргинузскихъ островов, съ тѣхъ поръ болѣе не повторялось. Точно также со времени изгнанія Гипербола въ 417 году остракисмъ вышелъ изъ употребленія, хотя законъ объ остракисмѣ никогда не былъ отмѣненъ. Положеніе, согласно которому всякое постановленіе народнаго собранія, противорѣчащее существующему закону, недѣйствительно, было снова подтверждено при возстановленіи демократіи въ 403 году [2]), и—чтó важнѣе—оно въ общемъ постоянно соблюдалось на практикѣ. Судебная компетенція, которою до сихъ поръ пользовался совѣтъ при принятіи отъ должностныхъ лицъ отчета объ ихъ дѣятельности, была ограничена, и разрѣшена апелляція на рѣшеніе совѣта къ суду присяжныхъ [3]). Этими и другими подобными мѣропріятіями были предотвращены по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ худшихъ золъ демократіи, но о дѣйствительныхъ гарантіяхъ законности при тогдашнемъ составѣ судовъ присяжныхъ все-таки не могло быть рѣчи.

Именно къ виду этого греческіе политики того времени не рѣшались приступать къ коренной реформѣ дѣйствующаго права, какъ ни была она необходима во многихъ отношеніяхъ. Ибо уваженіе къ законамъ, жившее въ народѣ, въ значительной степени основывалось на ихъ древности и на піэтетѣ, которымъ пользовались имена ихъ творцовъ [4]). Поэтому въ Аѳинахъ не рѣшались отмѣнять законы Дракона и Солона и, самое бóльшее, исправляли ихъ въ отдѣльныхъ пунктахъ. Послѣ паденія Четырехсотъ съ этой цѣлью была избрана

---

[1]) Meier und Schoemann *Att. Prozess*, bearb. von Lipsius, стр. 140 сл. Правда, въ другихъ греческихъ демократіяхъ народное собраніе и теперь функціонировало въ качествѣ трибунала для политическихъ процессовъ,—напримѣръ въ Ѳивахъ (Diod. XV 79, 5) и Аркадіи (Xen. *Hell.* VII 4 33. 38).

[2]) Andoc. *de myst.* 89.

[3]) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 45; что это ограниченіе было введено лишь при Эвклидѣ или послѣ него, явствуетъ изъ 41, 2. Аристотель категорически одобряетъ эту мѣру.

[4]) Aristot. *Polit.* II 1269 a.

коммиссія; правительство Тридцати пошло дальше по этому пути, стараясь въ особенности устранить неясность старыхъ законовъ болѣе точнымъ изложеніемъ ихъ текста. Возстановленная демократія продолжала и довела до конца этотъ пересмотръ [1]). Въ Сиракузахъ при Тимолеонѣ также ограничились только пересмотромъ старыхъ законовъ Діокла, съ главной цѣлью устранить тѣ выраженія, которыя стали непонятными; поэтому коринѳяне Кефалъ и Діонисій, которымъ было поручено это дѣло, считались не законодателями, а лишь «толкователями законовъ» [2]). Даже вновь-основанные города иногда не вырабатывали сами законовъ для себя, а предпочитали просто заимствовать законы у какой-нибудь другой общины; такъ, въ Ѳуріяхъ были введены законы Харонда [3]). Естественнымъ результатомъ всѣхъ этихъ условій было то, что оставались въ силѣ многія законодательныя постановленія, пріуроченныя къ совершенно инымъ экономическимъ и соціальнымъ порядкамъ, такъ что, напр., въ эолійской Кумѣ удержался даже институтъ соприсяжниковъ въ уголовномъ процессѣ [4]). Правда, это были исключенія; но и въ Аѳинахъ право жалобы въ уголовныхъ дѣлахъ все еще принадлежало исключительно пострадавшему или его родственникамъ, а тотъ, кто одерживалъ верхъ въ гражданскомъ процессѣ, и теперь долженъ былъ самъ осуществлять свое право посредствомъ захвата какой-нибудь части имущества своего противника.

Бóльшія перемѣны произошли въ области администраціи. Самымъ больнымъ мѣстомъ послѣдней было финансовое вѣдомство, ибо греческія государства этого времени постоянно терпѣли нужду въ деньгахъ, отчасти въ виду безпрерывныхъ войнъ, отчасти въ виду крупныхъ и все болѣе возраставшихъ расходовъ, какихъ требовали въ демократическихъ государствахъ плата за отправленіе политическихъ обязанностей и особенно раздачи денегъ народу. При такихъ обстоятельствахъ увеличеніе государственныхъ доходовъ было неизбѣжной необходимостью. Новыя подати было очень трудно вводить, такъ какъ уже въ V вѣкѣ была создана, по тогдашнимъ условіямъ почти полная, система косвенныхъ налоговъ, и греческія республики упорно

---

1) Рѣчь Лисія *пр. Никомаха,* Andoc. *de myst.* 81 и приведенная тамъ (83 сл.) псефисма Тисамена о пересмотрѣ законовъ. О дѣятельности Тридцати—Aristot. *Ἀθην. πολ.* 35, 2 и о неясности текста солоновскихъ законовъ—Aristot. l. c. 9, 2.

2) Diod. XIII 35, 3, Plut. *Tim.* 24.

3) Diod. XII 11, сравн. выше т. I стр. 245.

4) Aristot. *Polit.* II 1269 a.

держались правила взимать съ гражданъ прямые налоги лишь для покрытія чрезвычайныхъ нуждъ. Изрѣдка прибѣгали, правда, къ введенію монополій; такъ, византійцы однажды предоставили одному предпринимателю исключительное право на производство банковыхъ операцій въ ихъ городѣ [1]), а въ эпоху Александра Пиѳоклъ выступилъ въ Аѳинахъ съ проектомъ, чтобы государство закупило весь свинецъ, добытый въ лаврійскихъ рудникахъ, по существовавшей до тѣхъ поръ цѣнѣ въ 2 драхмы за талантъ, и затѣмъ установило цѣну въ 6 драхмъ [2]). Но все это были случайныя попытки, предпринимавшіяся лишь въ минуты финансовыхъ кризисовъ безъ всякой послѣдовательности; притомъ, не существовало ни одного предмета роскоши, потребляемаго въ большихъ количествахъ, который могъ бы служить объектомъ прочной и доходной монополіи, а соляная монополія въ странѣ съ такой развитой береговой линіей, какою обладала Греція, не могла принести большихъ барышей [3]). Слѣдовательно, единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ для увеличенія государственныхъ доходовъ оставалось повышеніе, либо преобразованіе существующихъ уже налоговъ. Такъ, въ Аѳинахъ пошлина въ 1% со стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, взимавшаяся въ V вѣкѣ,—во время декелейской войны была увеличена вдвое и удержана въ этомъ видѣ и послѣ заключенія мира; гербовая пошлина, которую государство взимало при продажахъ, также была увеличена вдвое [4]). Все это были, правда, еще довольно умѣренныя нормы, и не только по воззрѣніямъ нашего времени; но крупный торговый городъ, какъ Аѳины, не могъ чрезмѣрно отягощать коммерческій оборотъ, чтобы не подорвать своихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ. Реформы же въ области косвенныхъ налоговъ затруднялись тѣмъ, что государство все еще не рѣшалось взять въ свои руки взысканіе этихъ сборовъ и продолжало держаться откупной системы, сознавая, что взиманіе ихъ самимъ государствомъ откроетъ широкій просторъ хищеніямъ. Оставалось, слѣдовательно, только слѣ-

---

[1]) [Aristot.] *Oecon.* II 2, 3 p. 1346 b. Столь «невинной», какъ думалъ Бекъ (II² 74), эта монополія навѣрное не была.

[2]) [Aristot.] l. c. II 2, 36 p. 1353 a.

[3]) Aristoph. *᾿Εκκλησ.* 814 со схоліями, [Aristot.] *Oecon.* II 2, 3 p. 1346 b.

[4]) О пошлинѣ *(πεντηκοστή)*, которая взималась въ Пиреѣ, — Boeckh *Staatsh.* I² 425 слл., сравн. выше I 345. *᾿Επώνιον* въ 415 году составляло 1% стоимости *(CIA.* I 274 слл.), въ началѣ IV вѣка — 2% *(CIA.* II 777). Введенная Эврипидомъ во время коринѳской войны *τετταρακοστή* (Aristoph. *᾿Εκκλησ.* 825) также была, вѣроятно, лишь повышеніемъ уже существовавшей пошлины.

дить за тѣмъ, чтобы откупная сумма возможно болѣе приближалась къ дѣйствительной суммѣ сборовъ, и уничтожать монополіи крупныхъ товариществъ, обратившихъ откупъ косвенныхъ налоговъ въ правильное торговое дѣло. Чего можно было достигнуть въ этой области, показываетъ дѣятельность аѳинскаго политика Каллистрата въ Македоніи во время его изгнанія (выше, стр. 278).

Бо́льшихъ улучшеній можно было достигнуть въ области прямыхъ налоговъ. Ихъ взысканіе производилось въ V вѣкѣ отчасти еще довольно грубымъ способомъ; затѣмъ, когда со времени Пелопоннесской войны въ Аѳинахъ и, безъ сомнѣнія, также въ другихъ государствахъ пришлось облагать гражданъ такими податями черезъ короткіе промежутки, то надо было позаботиться о болѣе справедливой раскладкѣ ихъ. И вотъ, при возобновленіи войны со Спартою, въ архонтство Навсиника (378/7), въ Аѳинахъ была произведена оцѣнка всей недвижимой и движимой собственности всѣхъ гражданъ и союзниковъ, результаты которой въ теченіе человѣческаго поколѣнія и, вѣроятно, еще дольше, служили основою прямого обложенія [1]). Податная норма была по нашимъ понятіямъ очень высока: имущественный налогъ въ 1—2% считался умѣреннымъ, хотя налогъ въ 8%, по мнѣнію Демосѳена, аѳиняне едва ли снесли бы [2]). Однако Діонисій сиракузскій въ трудную годину карѳагенскихъ войнъ взималъ, по преданію, даже 20% съ имущества [3]). Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что имущество въ то время приносило въ среднемъ втрое бо́льшій доходъ, чѣмъ теперь, и что подать съ имущества была чрезвычайнымъ налогомъ, къ которому прибѣгали почти исключительно въ военное время. Несмотря на это, въ теченіе 10 лѣтъ, проведенныхъ Демосѳеномъ подъ опекой, т.-е. приблизительно съ 376/5 по 367/6 г., было взыскано съ имущества въ цѣломъ 10%, т.-е. ежегодно въ среднемъ 1% или около 8 — 10% съ фондированнаго дохода [4]). Съ осѣдлыхъ иностранцевъ Аѳины во 2-й половинѣ IV вѣка,

---

[1]) *Hermes* XX (1885) 237 сл., XXII (1887) 371 сл. Изъ Demosth. *о симморіяхъ* 18 видно, что общая стоимость подвергшагося оцѣнкѣ народнаго имущества была въ то время (354/3) еще такою же, какъ 34 года назадъ при Навсиникѣ.

[2]) Demosth. *о симморіяхъ* 27.

[3]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1313 b. Само собою разумѣется, что Діонисій не взималъ такой подати изъ года въ годъ; притомъ, *εἰσφορά* и въ его правленіе должна была вотироваться народомъ. Поэтому ясно, что здѣсь можетъ быть рѣчь только объ однократной подати, если извѣстіе вообще не преувеличено.

[4]) Demosth. *пр. Афоба* I 9 и 37: 18 минъ съ имущества, оцѣненнаго въ

правда, взимали прямой имущественный налогъ, но лишь въ скромныхъ размѣрахъ 10 талантовъ, которые предназначались на покрытіе расходовъ по постройкѣ арсенала въ Пиреѣ [1]).

Систему «литургій», т.-е. личныхъ повинностей на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, уже въ эпоху Пелопоннесской войны невозможно было примѣнять въ полномъ объемѣ. Правительство было вынуждено раскладывать расходы по тріерархіи каждый разъ на двухъ гражданъ (выше, т. I, стр. 348), изъ которыхъ, разумѣется, только одинъ могъ командовать кораблемъ; затѣмъ, разрѣшено было вообще отдавать всю повинность въ подрядъ предпринимателямъ, причемъ тотъ, на кого падала повинность, избавлялся отъ всѣхъ хлопотъ по снаряженію корабля, но оставался отвѣтственнымъ за всѣ неисправности [2]). Но и теперь тріерархія была тяжелымъ бременемъ; поэтому въ Аѳинахъ, при началѣ союзнической войны 357/6 года, была произведена реформа, благодаря которой эта повинность для большинства подлежавшихъ ей гражданъ совершенно потеряла свой прежній характеръ и превратилась въ прямой налогъ. Именно, 1200 наиболѣе состоятельныхъ гражданъ были раздѣлены на извѣстное число товариществъ, т. наз. «симморій», изъ которыхъ каждое въ случаѣ войны должно было снаряжать одинъ или нѣсколько кораблей. Благодаря этому названная повинность распредѣлялась гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ раньше; но и эта реформа не устранила той несправедливости, которая являлась кореннымъ недостаткомъ системы «литургій»,—именно, что всѣ, на кого падала эта повинность, должны были платить одну и ту же сумму, несмотря на различіе ихъ имущественнаго положенія. Напротивъ, теперь это зло еще усилилось, такъ какъ реформа, чтобы уменьшить по возможности бремя,

---

3 тал. Изъ Dem. *пр. Андрот.* 44 отнюдь не слѣдуетъ, что произведенный при Навсиникѣ сборъ *εἰσφορά* далъ свыше 300 тал.; напротивъ, Демосѳенъ говоритъ о суммѣ всѣхъ *εἰσφοραί* со времени Навсиника. Для періода съ 378/7 по 356/5 годъ это, правда, слишкомъ мало (сравн. цитированное мѣсто изъ рѣчи *пр. Афоба*), но статистическія указанія аѳинскихъ ораторовъ вообще не отличаются большой точностью, притомъ извѣстіе Демосѳена касается лишь того времени, когда еще не было введено дисконтированіе налоговъ богатыми гражданами, которое впервые удостовѣрено для 362/1 г. (рѣчь *пр. Поликла* 8 р. 1208), но легко можетъ быть гораздо старѣе, потому что съ тѣхъ поръ уже едва ли могли накопляться крупныя недоимки по сбору *εἰσφορά* (сравн. Schaefer *Demosth.* I² 22 сл.).

1) *CIA.* II 270, сравн. Thumser *De Civium Att. muneribus* стр. 17 (Вѣна 1880).

2) Demosth. *пр. Мид.* 80.155, *о вѣнкѣ тріерарха* 8 р. 1230.

падавшее на отдѣльныхъ гражданъ, значительно расширила кругъ лицъ, подлежавшихъ литургіи. А богачи, стоявшіе во главѣ симморій и руководившіе всѣми дѣлами, сплошь и рядомъ старались свалить бремя на плечи своихъ менѣе состоятельныхъ товарищей. Это зло было устранено во время послѣдней войны противъ Филиппа закономъ Демосѳена, установившимъ извѣстную градацію обложенія въ предѣлахъ симморій соотвѣтственно состоятельности отдѣльныхъ членовъ, такъ что теперь иной богатый человѣкъ долженъ былъ нести расходы по снаряженію двухъ или даже болѣе кораблей, тогда какъ раньше на него падала лишь часть расходовъ по снаряженію одного корабля; сообразно съ этимъ была уменьшена доля, падавшая на бѣднѣйшихъ членовъ симморій. Эта реформа была вполнѣ справедлива и разумна; можно было только спросить, почему государство, разъ оно пошло уже такъ далеко, не взяло и всего дѣла въ свои руки, т.-е. не надумало покрывать эти издержки доходами съ прямой военной подати; ибо, не говоря уже о тяжеломъ личномъ бремени, которое еще и теперь несли представители симморій, — явной нелѣпостью было то, что командирами военныхъ судовъ являлись люди, въ большинствѣ случаевъ не имѣвшіе ни малѣйшаго представленія о морскомъ дѣлѣ [1]).

Остальныя прямыя повинности, которыя государство налагало на своихъ гражданъ, по величинѣ обусловливаемыхъ ими расходовъ далеко уступали тріерархіи. Притомъ здѣсь путемъ внѣшняго блеска можно было пріобрѣсти такую популярность, какой не доставляло самое тщательное снаряженіе военнаго корабля; и всегда находились люди, которые готовы были жертвовать на это часть своего имущества [2]). Тѣмъ не менѣе и для этихъ повинностей, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, со времени Пелопоннесской войны стало не хватать пригодныхъ кандидатовъ. Пришлось ограничить число хоровъ, выступавшихъ на общественныхъ представленіяхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлить бремя издержекъ между двумя лицами [3]). Наконецъ, вскорѣ послѣ Александра хорегія въ старой формѣ была совсѣмъ отмѣнена, и государство взяло обзаведеніе и обученіе хоровъ на себя.

Но какъ бы государство ни напрягало податныя силы населенія, какъ бы ни заботилось оно о финансовыхъ реформахъ,—въ тѣ дни, когда нужда въ деньгахъ достигала чрезвычайныхъ размѣровъ, все это оказывалось недостаточнымъ. А накоплять значительныя наличныя суммы не удавалось въ это время, благодаря безпрестаннымъ

[1]) Boeckh *Staatsh.* I² 699—749.
[2]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1309 a.
[3]) Schol. Aristoph. *Лягушки* 404, *CIA.* II 1280.

войнамъ, ни одному греческому государству; единственной державой, располагавшей государственнымъ фондомъ, была Персія. И вотъ, по необходимости начали расходовать на нужды государства храмовыя сокровища. По преданію, уже Гекатей милетскій во время іонійскаго возстанія совѣтовалъ прибѣгнуть къ этому средству; но предложеніе представителя просвѣщенія было отвергнуто его благочестивыми согражданами, и богатыя сокровища Бранхидъ послѣ подавленія мятежа достались въ добычу персамъ [1]). Показать націи примѣръ секуляризаціи храмовыхъ имуществъ суждено было тому городу, который любилъ называть себя самымъ благочестивымъ въ Элладѣ,— Аѳинамъ. Во время Архидамовой войны храмовыя сокровища Аттики были почти безъ остатка истрачены на военныя нужды, притомъ не только казна Аѳины Поліасъ, которая составилась главнымъ образомъ изъ остатковъ союзнической дани и по существу была ничѣмъ инымъ, какъ поставленнымъ подъ охрану богини-покровительницы города государственнымъ фондомъ, но и сокровища остальныхъ боговъ страны. Это было сдѣлано въ формѣ подлежащихъ росту займовъ, и по заключеніи мира государство честно старалось исполнить принятыя имъ на себя обязательства [2]). Но возобновленіе войны въ 415 году принудило его снова прибѣгнуть къ займамъ изъ храмовыхъ кассъ; когда онѣ были исчерпаны,—расплавили всѣ золотые и серебряные жертвенные дары, какіе оказались на лицо [3]). Только золотого одѣянія Аѳины-Дѣвственницы не тронули и теперь, несмотря на крайнюю нужду въ деньгахъ. Послѣ крушенія державы, конечно, уже нельзя было думать объ уплатѣ этихъ долговъ; заемныя записи, высѣченныя на камнѣ, остались на акрополѣ, и обломки ихъ еще намъ свидѣтельствуютъ о финансовомъ банкротствѣ Аѳинъ.

Примѣру Аѳинъ вскорѣ послѣдовали и другія государства. Въ Сиракузахъ Діонисій покрывалъ расходы по своимъ войнамъ съ кареагенянами въ значительной долѣ конфискаціей храмовыхъ сокровищъ [4]); въ Сикіонѣ Эвфронъ секуляризовалъ храмовое имущество (368) [5]); даже благочестивые аркадяне ограбили храмовую казну въ Олимпіи,

---

1) Herod. V 36.

2) *CIA.* I 32 и сюда *Rhein. M* 43, 1888, 113 сл.; сравн. также Andoc. о *мирѣ* 8.

3) См. выше стр. 76. Золотую одежду Аѳины - Дѣвственницы расплавилъ лишь Лахаресъ во время обороны города противъ Деметрія.

4) [Aristot.] *Oecon.* II 2, 41, p. 1353 b, Athen. XV 693 e (сравн. Polyaen. V 2, 18), Cic. *Nat. Deor.* III 34, 83 сл., Plut. *объ Изидѣ и Озирисѣ* 71 p. 379.

5) Xen. *Hell.* VII 1, 46.

чтобы уплатить жалованье своему войску (364)[1]. Поэтому, когда фокійцы во время своей войны съ амфиктіонами брали взаймы деньги у дельфійскаго храма, то это уже отнюдь не было неслыханнымъ поступкомъ; правда, огромные размѣры забранныхъ ими суммъ и чрезвычайная святость ограбленнаго храма придавали секуляризаціи въ этомъ случаѣ особенно гнусный видъ.

Храмовыхъ сокровищъ въ большинствѣ случаевъ хватало, разумѣется, не надолго, и вскорѣ приходилось отыскивать новые источники дохода. Очень часто правительство обращалось къ гражданамъ и осѣдлымъ чужеземцамъ съ просьбою о добровольныхъ пожертвованіяхъ на нужды государства, и такія воззванія всегда увѣнчивались успѣхомъ; но суммы, которыя можно было собрать этимъ путемъ, всегда были, конечно, сравнительно невелики. Итакъ, оставался одинъ выходъ—займы; но какимъ кредитомъ могли пользоваться самостоятельныя мелкія государства, которыя всегда стояли на границѣ банкротства и противъ которыхъ кредиторъ былъ лишенъ всякихъ законныхъ гарантій, которыя давали бы ему возможность принудить ихъ къ уплатѣ долга? Поэтому, особенно въ эпохи кризисовъ, часто не было никакой возможности достать денегъ взаймы, или же приходилось платить непомѣрно-высокій процентъ, развѣ только какой-нибудь богатый гражданинъ или метэкъ соглашался ссудить деньги государству на сносныхъ условіяхъ, побуждаемый къ тому либо патріотизмомъ, либо желаніемъ заслужить благодарность народа. Если такого доброхотнаго заимодавца не оказывалось, то прибѣгали къ принудительнымъ займамъ или къ выпуску кредитныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ; напротивъ, на опасный путь ухудшенія монеты греческія государства вступали лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ[2]. Наконецъ, когда не помогали никакія мѣры, послѣднимъ средствомъ спасенія являлась конфискація имуществъ; для этого богатыхъ гражданъ или метэковъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ предавали суду и осуждали. Искушеніе пользоваться этимъ средствомъ было тѣмъ сильнѣе, что суммы, которыми оперировали бюджеты греческихъ общинъ, бо́льшею частью были очень невелики, такъ что часто было достаточно конфисковать имущество одного человѣка, чтобы покрыть весь дефицитъ казны. Аттическіе ораторы говорятъ о такихъ конфискаціяхъ, какъ о совершенно естественномъ явленіи[3],

---

[1]) Выше стр. 226.

[2]) Ссылки на источники см. въ Boeckh's *Staatsh.* I² 761—774.

[3]) Выше стр. 20.

и Демосѳенъ даже ставитъ себѣ въ заслугу, что никогда не прибѣгалъ къ этому средству.

Однако подчасъ всѣ эти источники оказывались недостаточными, и государство терпѣло крайнюю нужду. Даже въ Аѳинахъ судъ иногда переставалъ функціонировать, такъ какъ не хватало денегъ на уплату жалованья присяжнымъ. Такое положеніе вещей отражалось пагубнымъ образомъ особенно на военныхъ операціяхъ; полководцевъ часто посылали па войну безъ гроша денегъ, да и позднѣе крайне скупо снабжали ихъ деньгами, и они должны были сами изыскивать необходимыя средства на содержаніе своихъ войскъ. Поэтому имъ по необходимости приходилось кормить войну войною [1]). Результатомъ было, конечно, угнетеніе союзниковъ и обложеніе контрибуціями нейтральныхъ общинъ; аѳинскіе стратеги забирали въ плѣнъ всякое судно, которое не покупало ихъ защиты контрибуціей [2]). О систематическомъ осуществленіи плана экспедиціи при такихъ условіяхъ часто нельзя было и думать; полководцы вели свое войско туда, гдѣ могли надѣяться легче всего прокормить его. Эти финансовыя затрудненія являются главной причиной неуспѣшности аѳинскихъ военныхъ дѣйствій со времени окончанія Пелопоннесской войны, и ничто не сдѣлало имя Аѳинъ въ такой степени ненавистнымъ въ Греціи, какъ безпрестанныя вымогательства, обусловливаемыя этой системой.

При этихъ условіяхъ должностныя лица, завѣдовавшія финансами, должны были играть все болѣе видную роль въ управленіи государствомъ. Это наиболѣе характернымъ образомъ обнаруживается въ томъ, что демократія въ этой области, и только въ ней одной, отступила отъ принципа ежегоднаго замѣщенія государственныхъ должностей. Такъ, въ Аѳинахъ магистраты, завѣдовавшіе кассою, изъ которой производилась выдача пособій народу *(οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν)*, избирались каждый разъ на четыре года, причемъ срокъ ихъ службы начинался съ Великихъ Панаѳиней, которыя праздновались въ третьемъ году каждой олимпіады тотчасъ послѣ середины лѣта. Когда незадолго до сраженія при Херонеѣ была учреждена должность военнаго казначея, то и для нея установили четырехлѣтній срокъ отъ однихъ Панаѳиней до другихъ и при этомъ отказались даже отъ принципа

---

[1]) Рѣчи Демосѳена полны жалобъ на эти неурядицы. Особенно Тимоѳей былъ мастеръ вести войну такимъ способомъ (Isocr. *Antid.* 108 слл.); однако и съ нимъ однажды случилось, что вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ флотъ его лишился способности дѣйствовать (выше стр. 194).

[2]) Demosth. *Chers.* 22—27.

коллегіальности, поручивъ завѣдованіе военной казною *одному* должностному лицу [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ финансовое искусство развилось въ особую отрасль политической дѣятельности. Уже Клеонъ и Клеофонъ достигли въ этой области крупныхъ успѣховъ; Агиррій, который самъ въ теченіе многихъ лѣтъ стоялъ во главѣ компаніи откупщиковъ таможеннаго сбора [2]), былъ, вѣроятно, первымъ спеціалистомъ финансоваго дѣла, достигшимъ руководящаго положенія въ Аѳинахъ. Его племянникъ Каллистратъ также былъ замѣчательнымъ финансистомъ; онъ организовалъ финансовое управленіе третьяго аѳинскаго морского союза, и податная реформа, произведенная въ Аттикѣ въ архонтство Навсиника, также, по всей вѣроятности, была въ значительной степени дѣломъ его рукъ; даже какъ изгнанникъ онъ обнаружилъ въ Македоніи замѣчательныя финансовыя способности [3]). Но величайшимъ финансовымъ геніемъ, какого произвели Аѳины, былъ, безъ сомнѣнія, Эвбулъ, который послѣ союзнической войны спасъ Аѳины отъ банкротства и снова привелъ финансы въ цвѣтущее состояніе. Исключительно эти заслуги и доставили ему первое мѣсто въ государствѣ, потому что онъ не былъ ни выдающимся ораторомъ, ни знатокомъ военнаго дѣла, такъ что никогда не занималъ должности стратега. Достойнымъ его преемникомъ былъ Ликургъ, который послѣ херонейской битвы преобразовалъ финансовое управленіе государства, причемъ ему, впрочемъ, далеко не пришлось бороться съ такими трудностями, какъ нѣкогда Эвбулу. Наконецъ, ученикъ Аристотеля Деметрій изъ Фалерона замыкаетъ собою рядъ великихъ финансистовъ Аѳинъ.

Въ этотъ же періодъ начинается и теоретическая разработка финансоваго дѣла, хотя въ большинствѣ случаевъ она остается крайне диллетантской. Таковъ особенно сохранившійся подъ именемъ Ксенофонта трактатъ «о государственныхъ доходахъ» *(περὶ πόρων)*, написанный около середины IV столѣтія [4]); онъ не содержитъ ни одной мысли, которая могла бы быть осуществлена на практикѣ. Правда, еще гораздо ниже стоитъ II книга псевдо-аристотелевой «Экономики» составленная приблизительно въ началѣ III вѣка; она не содержитъ

---

1) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 43, 1.

2) Andoc. *de myst.* 133.

3) Diod. XV 29, 7, Theopomp. fr. 97 у Harpocr. *σύνταξις*, выше стр. 278.

4) Boeckh *Staatsh.* I² 788 слл., Roquette *De Xenophontis vita*, диссерт., Кёнигсбергъ 1884, стр. 91 слл.

ничего болѣе, кромѣ описанія всевозможныхъ, подчасъ очень насильственныхъ мѣръ къ устраненію финансовыхъ кризисовъ.. По вложенному въ нее духовному содержанію она немногимъ отличается отъ *Στράτηγήματα* Поліэна или отъ тѣхъ сборниковъ чудесныхъ исторій, которые приписывались Аристотелю и Антигону изъ Кариста.

Въ области военнаго дѣла произошли еще болѣе коренныя перемѣны, чѣмъ въ области финансоваго управленія [1]). Эти реформы были обусловлены опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ Пелопоннесской войнѣ. Здѣсь впервые обнаружилось, что старый способъ веденія войны тяжеловооруженными отрядами, который нѣкогда доставилъ грекамъ побѣду надъ персами, болѣе не удовлетворяетъ требованіямъ новаго времени. При Спартолѣ аѳинскіе гоплиты были разбиты легковооруженными отрядами халкидянъ; на Сфактеріи спартанскіе гоплиты, считавшіеся непобѣдимыми, принуждены были сдаться легкимъ войскамъ Клеона и Демосѳена. Передъ Сиракузами Гилиппъ достигъ такого успѣха, какимъ до него не могъ гордиться ни одинъ греческій полководецъ: онъ принудилъ къ сдачѣ цѣлое войско безъ настоящей битвы, только искусно маневрируя своими конными и легковооруженными отрядами и пользуясь выгодами, какія представляла мѣстность.

Поэтому, наряду съ гоплитами, стали удѣлять больше вниманія и другимъ родамъ оружія. Уже при Периклѣ Аѳины сознали необходимость организовать у себя конное войско, на первыхъ порахъ, впрочемъ, лишь для того, чтобы въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣть въ своемъ распоряженіи легко-подвижный отрядъ для защиты страны. Во время Пелопоннесской войны, когда аттическій флотъ безпрестанно грозилъ берегамъ Лаконіи, Спарта послѣдовала этому примѣру, поданному ея врагомъ; въ теченіе IV вѣка уже почти всѣ государства греческаго полуострова организовали у себя конные отряды. Около этого же времени начали убѣждаться въ безполезности тѣхъ полчищъ недисциплинированной легкой пѣхоты, которыя до сихъ поръ сопровождали на войну регулярное войско и, не принося никакой пользы въ битвахъ, ложились лишнимъ бременемъ на

---

[1]) Основная работа — Rüstow und Köchly, *Geschichte des griechischen Kriegswesens*, Аарау 1852. H. Droysen *Heerwesen und Kriegführung der Griechen* (Hermanns *Griechische Antiquitäten* II, 2) Фрейбургъ въ Бав. 1889, удобно ради указаній на литературу и источники, но часто страдаетъ слабостью критики и не даетъ оригинальныхъ выводовъ; краткій очеркъ греческихъ «военныхъ древностей» далъ A. Bauer въ *Handbuch* Iwan'a Müller'a IV, 1.

продовольствіе арміи. Теперь къ гоплитамъ присоединяли только небольшіе отряды хорошо обученныхъ стрѣлковъ изъ лука, копейщиковъ и пращниковъ. Но вскорѣ убѣдились, что одного этого еще недостаточно и что слѣдуетъ самую линейную пѣхоту сдѣлать болѣе подвижной, облегчивъ ея вооруженіе. Эту реформу впервые провелъ Ификратъ въ своемъ наемномъ войскѣ во время коринѳской войны. Онъ замѣнилъ металлическій панцырь холщевымъ, обитый мѣдью щитъ—легкимъ кожанымъ (πέλτη), какой употреблялся во Ѳракіи и въ сѣверной Греціи; зато копье было удлинено на половину и введенъ болѣе длинный мечъ [1]). Кромѣ того, для боя на разстояніи воины были снабжены дротиками [2]). Эти такъ называемые пельтасты, обученные для битвы какъ въ строю, такъ и въ разсыпную, благодаря своей легкости въ маневрированіи вскорѣ сдѣлались грозою для тяжеловооруженныхъ армій, особенно послѣ того, какъ Ификрату удалось со своими наемниками разбить лакедемонскій отрядъ и большую часть его уничтожить (выше стр. 164 сл.). Въ виду этого введенное Ификратомъ вооруженіе вскорѣ было усвоено всѣми наемными войсками [3]). Но гражданскія ополченія обыкновенно не были достаточно обучены и дисциплинированы, чтобы имѣть возможность пользоваться преимуществами новаго вооруженія; притомъ, едва ли можно было обучить ополченцевъ, которые большею частью были, разумѣется, уже людьми зрѣлаго возраста, тѣмъ новымъ пріемамъ борьбы, какія обусловливались измѣнившимся характеромъ вооруженія. Правда, Спарта могла бы сдѣлать этотъ шагъ, но легко понять, что какъ-разъ она должна была особенно остерегаться вносить измѣненія въ старую испытанную тактику, которой государство было обязано своимъ могуществомъ. Поэтому греческія гражданскія ополченія и теперь продолжали держаться стараго тяжелаго вооруженія. Только македонскіе цари — быть можетъ уже Аминта, быть можетъ только его сыновья — начали вооружать всю свою линейную пѣхоту по образцу, созданному Ификратомъ [4]). Здѣсь реформамъ не мѣшали,

---

[1]) Nep. *Iphicr.* 1, Diod. XV 44.

[2]) Сравн. описаніе битвы при Лехеонѣ въ Xen. *Hell.* IV 5, 14 сл. и сюда Rüstow-Köchly стр. 163 сл.

[3]) Такъ, напримѣръ, наемники Тимоѳея при осадѣ Самоса были вооружены какъ пельтасты (Isocr. *Antid.* 111); посланные въ Олинѳъ аѳинскіе наемники также были пельтастами, гражданскія же войска—гоплитами (Philoch. fr. 132).

[4]) Слѣдуетъ указать здѣсь на то, что Аминта стоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Ификрату и даже усыновилъ его (Aesch. *о посольствѣ* 28).

какъ въ южной Греціи, военныя традиціи; напротивъ, исконное вооруженіе македонской дружины представляло большое сходство съ новымъ вооруженіемъ; оставалось только преобразовать иррегулярную пѣхоту въ правильную линейную инфантерію. Введенное Ификратомъ вооруженіе было въ началѣ принято, повидимому, безъ измѣненій, и въ одной части пѣхоты—въ отрядѣ т. наз. гипаспистовъ гетэровъ—оно удержалось до конца. Но бо́льшая часть пѣхоты была снабжена копьями въ 5 метровъ длиною, т. наз. сариссами, такъ что копья первыхъ шести рядовъ при нападеніи выступали за линію фронта и образовали несокрушимую преграду [1]). При этомъ, правда, пришлось пожертвовать другимъ преимуществомъ—большей подвижностью; вооруженные такимъ образомъ полки могли дѣйствовать лишь сомкнутой массой въ открытой мѣстности; зато здѣсь никто не могъ устоять передъ ними. Лучшія войска Греціи, ѳиванцы при Херонеѣ и лакедемоняне при Мегалополѣ, были сокрушены ихъ натискомъ, и еще Эмилій Павелъ сказалъ, что никогда въ жизни онъ не видѣлъ ничего болѣе страшнаго, чѣмъ македонская фаланга.

При всемъ томъ тактика въ общемъ развивалась, конечно, медленно. Великія сраженія Пелопоннесской и Коринѳской войны носятъ еще всецѣло старый характеръ. Войска выстраивались длинной линіей, большею частью въ восемь рядовъ, и затѣмъ наступали другъ на друга; до рукопашной дѣло доходило рѣдко, такъ какъ обѣ стороны ставили свои лучшіе отряды на правомъ крылѣ, вслѣдствіе чего лѣвое крыло врага при приближеніи непріятеля обыкновенно безъ боя обращалось въ бѣгство. Тогда оба побѣдоносныхъ правыхъ крыла еще разъ сходились, чтобы рѣшить участь битвы; побѣда доставалась той сторонѣ, которая при преслѣдованіи разбитаго врага наилучше сохраняла порядокъ. Исходъ сраженія зависѣлъ при этомъ исключительно отъ тяжеловооруженной пѣхоты; легкіе отряды и конница, если она вообще была на лицо, схватывались съ легкими отрядами и конницей врага, но не принимали никакого участія въ борьбѣ съ непріятельскими гоплитами и служили въ общемъ лишь для преслѣдованія побѣжденнаго непріятеля, которое, впрочемъ, рѣдко отличалось настойчивостью.

Если недостатки этой тактики обнаружились уже и въ Пелопоннесской войнѣ, то въ виду задачъ, которыя пришлось разрѣшить наемному войску Кира при его отступленіи изъ Вавилоніи, она ока-

[1]) Что фаланга Александра была вооружена легче, чѣмъ гоплиты изъ греческихъ союзныхъ государствъ, показываетъ, напримѣръ, Arr. III 18, 1—2. Впрочемъ, это ясно и по существу.

залась совершенно непригодной. Здѣсь тяжеловооруженная фаланга не могла по своей волѣ выбирать удобныя мѣста для сраженій, а принуждена была вступать въ битву съ непріятельской конницей и легкими отрядами на поляхъ, пересѣченныхъ горами и рѣками, когда этого хотѣлось врагу. Въ виду этого Ксенофонтъ, руководившій этимъ отступленіемъ, уничтожилъ старую сомкнутую боевую линію и разбилъ свою пѣхоту на небольшіе батальоны по 100 человѣкъ (*λόχοι ὄρθιοι*), которые выстраивались настолько близко одинъ къ другому, что могли взаимно поддерживать другъ друга, но въ общемъ должны были дѣйствовать самостоятельно. Это былъ по существу тотъ же манипулярный строй, который позднѣе такъ много содѣйствовалъ покоренію міра римлянами. Но если этотъ батальонный строй оказался вполнѣ пригоднымъ въ борьбѣ съ азіатскими варварами, то противъ натиска сомкнутой тяжеловооруженной греческой фаланги подобное войско не могло устоять, вслѣдствіе чего эта система, которой предстояла блестящая будущность, въ ближайшее время не оказала глубокого вліянія на характеръ войны.

Гораздо большее значеніе имѣли реформы, произведенныя въ области тактики Эпаминондомъ. Вмѣсто того, чтобы нападать всѣмъ фронтомъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ, онъ выдвигалъ противъ непріятеля только одно крыло, удерживая другое позади; при этомъ въ наступленіе онъ посылалъ свое лѣвое крыло, чтобы направить натискъ противъ лучшихъ войскъ врага и тѣмъ сразу рѣшить участь битвы. Въ виду этого лѣвое крыло должно было, разумѣется, быть возможно болѣе многолюднымъ; далѣе, чтобы достигнуть большой силы натиска, Эпаминондъ располагалъ войска, предназначенныя для наступленія, глубокой колонной, чтó, впрочемъ, практиковалось у ѳиванцевъ уже задолго до его времени [1]). Этому, такъ наз. «косому боевому строю» Эпаминондъ обязанъ своей побѣдой при Левктрахъ, и съ тѣхъ поръ этотъ строй безусловно господствовалъ въ греческой тактикѣ, хотя и измѣняясь сообразно потребностямъ времени. Ибо и Эпаминондъ еще ни на шагъ не отступалъ отъ старой тактики, опиравшейся всецѣло на тяжелую пѣхоту, и почти совсѣмъ не умѣлъ пользоваться въ битвѣ легковооруженными отрядами и даже своей превосходной беотійской конницей, такъ что при Левктрахъ онъ даже прикрытіе фланговъ своей наступательной колонны поручилъ отряду тяжелой инфантеріи.

[1]) Такъ, ѳиванская колонна при Деліонѣ имѣла 25 щитовъ въ глубину (Thuc. IV 93, 3), и при Коронеѣ они также очевидно сражались глубокой колонной (Xen. *Hell.* IV 3, 18); впрочемъ, здѣсь были особенныя условія.

Лишь Филиппъ и Александръ предоставили конницѣ подобающую роль въ сраженіяхъ; правда, какъ владыки Македоніи и Ѳессаліи, они имѣли въ своемъ распоряженіи такую многочисленную конницу, какой не располагалъ до нихъ ни одинъ греческій полководецъ. Уже въ первомъ своемъ военномъ дѣлѣ, въ войнѣ съ иллирійскимъ царемъ Бардилисомъ, Филиппъ рѣшилъ участь битвы атакой своей конницы на непріятельскую пѣхоту [1]); этимъ же способомъ онъ позднѣе одержалъ свою большую побѣду надъ Ономархомъ; а Александръ своими побѣдами надъ персами былъ обязанъ главнымъ образомъ искусному пользованію конницей. Великіе македонскіе цари или начальникъ ихъ генеральнаго штаба Парменіонъ впервые научили также выставлять позади передней боевой линіи въ видѣ опоры другой корпусъ войскъ. Далѣе, они ставили себѣ цѣлью не только разбить, но и совершенно истребить непріятельское войско. Боевой планъ Филиппа всегда состоялъ въ томъ, чтобы окружить врага, отрѣзать ему отступленіе и такимъ образомъ принудить его къ сдачѣ; въ битвѣ на «Крокусовомъ полѣ» противъ Ономарха и въ сраженіи подъ Херонеей онъ блестяще разрѣшилъ эту задачу. То же сдѣлалъ Александръ въ битвѣ при Граникѣ; но при Иссѣ и Арбелѣ численный перевѣсъ врага былъ такъ великъ, что оцѣпить непріятельскую армію не было никакой возможности; однако Александръ сумѣлъ разсѣять ее другимъ способомъ, именно путемъ упорнаго преслѣдованія. Впрочемъ, уже Діонисій, слѣдуя примѣру Гилиппа, умѣлъ достигать полнаго уничтоженія непріятельскихъ войскъ; такъ, передъ Сиракузами онъ истребилъ карѳагенское осадное войско, при Элепорѣ — войско италійскихъ грековъ, при Кабалѣ — войско Магона; а эти успѣхи заставляютъ предполагать, что и онъ уже умѣлъ пользоваться своей конницей приблизительно такъ же, какъ позднѣе Филиппъ и Александръ.

Совершенно измѣнился и характеръ осадной войны. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій греки не знали другого средства для взятія укрѣпленныхъ пунктовъ, какъ блокаду, которая, обусловливая истощеніе запасовъ, въ концѣ концовъ принуждала непріятеля къ сдачѣ, если еще раньше какой-нибудь измѣнникъ не открывалъ ворота или смѣлый штурмъ не отдавалъ города во власть осаждающихъ. Наконецъ въ V вѣкѣ успѣхи механики привели къ постройкѣ осадныхъ орудій. Во время войны противъ Самоса Периклъ поручилъ инженеру Артемону изъ Клазоменъ построить тараны (т. наз. «бараны») и

[1]) Diod. XVI 4.

навѣсы (т. наз. «черепахи») [1]), и въ этой войнѣ впервые были употреблены подобныя машины. Однако въ виду прочности самосскихъ стѣнъ эта инженерная атака ни къ чему не привела, и въ первые годы Пелопоннесской войны попытки брать укрѣпленные города посредствомъ машинъ оставались большею частью столь же безплодными [2]). Только карѳагеняне во время своей сицилійской кампаніи въ 408 году начали съ успѣхомъ пользоваться осадными орудіями. Къ стѣнамъ подкатывались высокія возвышавшіяся надъ верхнимъ краемъ стѣнъ деревянныя башни; стоявшіе на нихъ стрѣлки и пращники должны были своими стрѣлами и камнями отгонять защитниковъ; подъ прикрытіемъ этихъ башенъ тараны пробивали брешь или подъ стѣну подводили подкопы, вслѣдствіе чего она обрушивалась [3]). Затѣмъ непріятель неотступно штурмовалъ городъ, пока не проникалъ въ него. Именно этому совершенству осадной техники карѳагеняне болѣе всего были обязаны своими быстрыми и блестящими успѣхами въ 408—5 гг. Сицилійскіе греки, разумѣется, тотчасъ усвоили эти новые пріемы и вскорѣ превзошли своихъ учителей. Въ Сиракузахъ впервые начали строить т. наз. «катапульты»—орудія, которыя могли выбрасывать длинныя стрѣлы на далекія разстоянія [4]) и, будучи поставлены на осадныя башни, гораздо основательнѣе, чѣмъ стрѣлки своими выстрѣлами, очищали стѣны отъ защитниковъ. Только чрезвычайно крѣпкій панцырь могъ на близкомъ разстояніи выдержать ударъ стрѣлы даже катапульты самаго малаго калибра [5]). Вскорѣ начали строить машины для метанія камней и свинцовыхъ пуль. Метательная сила въ этихъ орудіяхъ создавалась натяженіемъ эластическихъ канатовъ, сплетенныхъ изъ волосъ или жилъ. Такъ

---

[1]) Ephor. у Diod. XII 28 и Plut. *Per.* 27, сравн. Plin. VII 201. Я не вижу основанія сомнѣваться въ правильности этого извѣстія (см. слѣдующее примѣчаніе). Правда, извѣстіе о томъ, что Самосъ былъ взятъ этой инженерной атакой, надо отнести насчетъ фантазіи Эфора, который, впрочемъ, самъ выдалъ себя, смѣшавъ механика Артемона съ извѣстнымъ изъ стихотвореній Анакреона *περιφόρητος Ἀρτέμων* (Heracl. Pont. у Plut. l. c.).

[2]) Эноэ (Thuc. II 18), Потидея (Thuc. II 58), Нисея (III 51), Пилосъ (IV 13); особенно подробно описаніе осады Платеи (II 75 — 78), изъ котораго явствуетъ, что подъ *μηχαναί* разумѣются преимущественно тараны. Дѣйствительно ли эта осада была ведена такъ, какъ разсказываетъ Ѳукидидъ, или историкъ хотѣлъ дать лишь идеальную картину осады (Müller-Strübing *Fleckeisens Jahrb.* 1885 стр. 287 слл.),—для насъ здѣсь безразлично.

[3]) Diod. XIII 35 сл., 59, 85 сл., 108; Athen. *περὶ μηχανημάτων* у Wescher'a, *Poliorc.* стр. 9 сл.

[4]) Diod. XIV 42, 1.

[5]) Plut. *Demetr.* 21.

какъ перевозка и особенно установка такихъ машинъ представляла большія трудности, то ими можно было пользоваться только въ осадной войнѣ или на корабляхъ; въ качествѣ полевыхъ орудій ихъ начали употреблять уже гораздо позднѣе.

На греческомъ Востокѣ эти усовершенствованія въ области осаднаго искусства прививались сравнительно медленно. Здѣсь еще долго держались старой системы обложенія, и наибольшимъ консерватизмомъ въ этой области, какъ и въ другихъ, отличались спартанцы. Однако Аѳины уже въ серединѣ IV вѣка имѣли катапульты [1]). Но лишь Филиппъ впервые началъ примѣнять здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ новую осадную технику; въ этомъ дѣлѣ ему помогалъ его инженеръ, ѳессаліецъ Полиидъ, ученики котораго, Діадъ и Харій, сопровождали затѣмъ Александра въ его азіатскомъ походѣ [2]). Началомъ новой эпохи въ исторіи осадной войны у грековъ послужили особенно осады Периноа и Византіи въ 340 году [3]).

Фортификаціонное искусство, разумѣется, старалось не отставать отъ успѣховъ осаднаго искусства. Очень много сдѣлалъ въ этой области особенно Діонисій. Искусно воспользовавшись выгодами мѣстоположенія Сиракузъ, онъ обратилъ свою столицу въ неприступную крѣпость; замокъ Эвріалъ на вершинѣ Эпиполъ, служившій ключемъ ко всей системѣ укрѣпленій, былъ защищенъ противъ нападеній высѣченными въ скалѣ рвами, а подземные ходы, также высѣченные въ камнѣ, давали возможность гарнизону производить внезапныя вылазки [4]). Совершенно такимъ же образомъ Діонисій укрѣпилъ свою пограничную съ карѳагенскими владѣніями крѣпость Селинунтъ, только здѣсь, въ виду рыхлости почвы, пришлось укрѣпить рвы каменной кладкой [5]). Аттика была защищена цѣпью пограничныхъ крѣпостей, тянувшейся отъ Элевсина черезъ Панактонъ и Филу [6]) до Рамна; кромѣ того, важный горнозаводскій округъ Лавреона былъ огражденъ противъ нашествій рядомъ укрѣпленій. Несравненно грандіознѣе была система укрѣпленій, созданная Хабріемъ

---

1) *CIA*. II 61.

2) Atben. π. μηχαν. l. c. стр. 10.

3) Diod. XVI 74.

4) Cavallari und Holm *Syrakus im Altertum*, въ нѣм. обработкѣ Lupus'а, стр. 275 слл.

5) См. выше стр. 135 прим. 2.

6) *CIA*. 1217 (постановленіе въ честь Деметрія изъ Фалерона). Панактонъ есть по всей вѣроятности крѣпость, лежавшая у Казы при подошвѣ Киѳерона, которая на нашихъ картахъ называется Элевѳерами.

вдоль восточной границы Египта; объ эти твердыни дважды разбился натискъ персовъ.

Изобрѣтеніе орудій повліяло также на характеръ морской войны. Боевые корабли V вѣка, тріеры, были настолько малы, что на ихъ палубѣ невозможно было устанавливать не только башни, на которыя поднимались бы орудія, но и самыя машины. Поэтому теперь начали строить суда бóльшихъ размѣровъ, т. наз. тетреры и пентеры,—впервые въ Сиракузахъ при Діонисіѣ во время приготовленій къ освободительной войнѣ противъ карѳагенянъ [1]). Правда, при этомъ пришлось отказаться отъ одного изъ преимуществъ трехъярусныхъ судовъ—отъ бóльшей подвижности, но зато, въ виду болѣе прочной конструкціи новыхъ судовъ, удары непріятельскихъ орудій были теперь менѣе опасны. Сообразно съ этимъ измѣнился и характеръ морскихъ сраженій; если въ эпоху Пелопоннесской войны участь битвы зависѣла отъ опытности кормчихъ въ лавированіи, то теперь не менѣе важную роль стало играть дѣйствіе орудій [2]). Однако первыя пробы съ судами новаго типа оказались неудачными; при Катанѣ маневрировавшіе по старому способу карѳагеняне разбили флотъ Діонисія. Государства греческой метрополіи на первыхъ порахъ отклонили и эти новшества. Аѳины лишь во времена Александра начали строить тетреры и пентеры; [3]) зато съ этихъ поръ искусство кораблестроенія и здѣсь начало быстро развиваться, и во флотахъ эпохи діадоховъ тріеры все болѣе уступаютъ мѣсто судамъ четырехъ— и пятияруснымъ [4]).

---

[1]) Diod. XIV 42, 2; 44, 7. Впрочемъ, по свидѣтельству Аристотеля (у Plin. VII 207, fr. 600 Rose), первые начали строить тетреры карѳагеняне.

[2]) Сравн. напримѣръ описаніе морской битвы при Саламинѣ въ 306 году, Diod. XX 51 сл.

[3]) Въ 330/29 г. аттическій флотъ состоялъ изъ 392 тріеръ и 18 тетреръ (*CIA*. II 807 p. 225), въ 325/4 — изъ 360 тріеръ, 50 тетреръ и 7 пентеръ (*CIA*. II 809 p. 248), въ 323/2—изъ 315 тріеръ и, вѣроятно, 50 тетреръ; число пентеръ для этого года не сохранилось (*CIA*. II 811 p. 251). Аттическій контингентъ въ сраженіи при Саламинѣ 306 г. — 30 кораблей — состоялъ исключительно изъ тетреръ (Diod. XX 50, 3).

[4]) Boeckh *Urkunden über das Seewesen des attischen Staates* (*Staatshaushaltung* т. III), Cartault *La trière athénienne* Парижъ 1881, Fincati *Le Triremi*, 2-ое изд., Римъ 1881, Breusing *Die Nautik der Alten* Бременъ 1886, Torr *Ancient Ships* Кембриджъ 1894; сохранившіяся отъ древности изображенія кораблей удобно сопоставлены Assmann'омъ въ *Denkmäler* Баумейстера III 1593 сл. Обыкновенно знатоки морского дѣла не вполнѣ знакомы съ данными источниковъ, а филологи неясно представляютъ себѣ, что̀ практически возможно; обиліе совершенно ненужныхъ морскихъ терминовъ, которые, разу-

Все это давало стратегіи возможность разрѣшать такія задачи, которыя раньше были ей совершенно не подъ силу. Укрѣпленія въ значительной степени утратили свое прежнее значеніе, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалось возможнымъ посредствомъ осадныхъ машинъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принудить къ сдачѣ даже сильно укрѣпленный городъ, тогда какъ раньше для этого требовалась часто многолѣтняя блокада, а укрѣпленія, свободно сообщавшіяся съ моремъ, и совсѣмъ не могли быть взяты. Благодаря этому военныя операціи сдѣлались болѣе энергичными. Теперь перестали остерегаться предпринимать походы въ неблагопріятное время года. Уже спартанскій царь Клеомбротъ вторгся въ Беотію среди зимы, правда—въ виду исключительныхъ обстоятельствъ; точно также Эпаминондъ нѣсколько лѣтъ спустя вторгся въ Лаконію зимою, а Филиппъ при своихъ походахъ вообще обращалъ мало вниманія на время года. Въ значительной степени этимъ усовершенствованіямъ въ области тактики и стратегіи Филиппъ былъ обязанъ покореніемъ Греціи, Александръ—завоеваніемъ Азіи.

мѣется, часто употребляются совсѣмъ не кстати, должно замаскировать это невѣжество. Какъ монументальныя, такъ и литературныя данныя позволяютъ съ увѣренностью утверждать, что гребцы сидѣли въ нѣсколько рядовъ, расположенныхъ ярусами другъ надъ другомъ (сравн. напримѣръ Arr. *Anab.* VI 5, 2, Appian. *гражд. война* V 107); еще въ византійскихъ дромонахъ было два яруса (Leon *Tact.* 19). Тріера имѣла три такихъ яруса (снизу вверхъ *θαλαμῖται, ζυγῖται, θρανῖται*), и каждый матросъ гребъ однимъ весломъ; имѣли ли тетреры и пентеры больше ярусовъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, на изображеніяхъ мы не встрѣчаемъ болѣе трехъ рядовъ (мнимая тетрера у Assmann'a l. c. стр. 1611 очень сомнительна), и термины «ѳраниты» и «ѳаламиты» даже на самыхъ большихъ судахъ примѣняются къ верхнему и нижнему ряду гребцовъ. Если Ливій переводитъ *ἑκκαιδεκήρης* чрезъ *navis quam sexdecim versus remorum agebant* (XXXIII 30, XLV 35), то это ничего не доказываетъ, такъ какъ съ морскимъ дѣломъ онъ былъ знакомъ еще меньше. чѣмъ съ сухопутной войной; это мѣсто показалось подозрительнымъ уже его эпитоматору Эвтропу (IV 8 *adeo ut sexdecim ordines dicatur habuisse remorum).* По техническимъ соображеніямъ мнѣ кажется несомнѣннымъ, что на болѣе крупныхъ поліерахъ для каждаго весла требовалось нѣсколько человѣкъ, совершенно такъ же, какъ на галеасахъ XVI и XVII столѣтій. Пока не будетъ доказано противоположное, я считаю пентеру кораблемъ либо двух-яруснымъ, гдѣ въ нижнемъ ряду къ каждому веслу было приставлено по 2, въ верхнемъ—по 3 гребца, либо трех-яруснымъ, гдѣ въ нижнемъ ярусѣ при каждомъ веслѣ состояло по 1, въ обоихъ верхнихъ—по 2 человѣка. Бёкъ думаетъ, что снасти тріеры могли быть употребляемы на тетрерахъ, а снасти тетреръ — на пентерахъ; но это кажется мнѣ очень невѣроятнымъ уже a priori, да и текстъ надписей отнюдь не оправдываетъ такого предположенія.

Новое военное искусство предъявляло къ полководцамъ очень высокія требованія. Поэтому со времени Пелопоннесской войны началъ образовываться классъ профессіональныхъ военачальниковъ—прежде всего, въ наемныхъ арміяхъ. Аѳины и въ этой области выказали себя духовной столицей Греціи; знаменитѣйшіе вожди наемниковъ въ первой половинѣ IV вѣка—Ксенофонтъ, Ификратъ, Хабрій, Тимоѳей, Діофантъ, Фокіонъ—были аѳиняне; изъ не-аѳинянъ можно назвать развѣ только Харидема изъ Ореоса, которому позднѣе были дарованы въ Аѳинахъ права гражданства, и братьевъ Ментора и Мемнона изъ Родоса. Военные успѣхи Аѳинъ со времени коринѳской войны объясняются не въ малой мѣрѣ тѣмъ, что государство всегда имѣло въ своемъ распоряженіи такихъ первоклассныхъ полководцевъ, и надо поставить въ великую честь аѳинскимъ кондотьерамъ, что они всегда были готовы служить отечеству съ величайшимъ самоотверженіемъ, хотя они совершенно не могли разсчитывать на матеріальное вознагражденіе и, напротивъ, могли ждать суда и смерти, если вслѣдствіе недостатка въ денежныхъ средствахъ ихъ труды не увѣнчивались успѣхомъ. Поэтому было вполнѣ справедливо, что аѳинскій народъ по крайней мѣрѣ не скупился на почести для своихъ полководцевъ—воздвигалъ имъ статуи, освобождалъ ихъ отъ литургій, даровалъ имъ право участвовать въ обѣдахъ, которые насчетъ государства устраивались въ зданіи совѣта. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что почти всѣ эти люди пріобрѣли свои первые военные лавры именно на аѳинской службѣ. Если потомъ дома нечего было дѣлать, то они въ качествѣ вождей наемныхъ войскъ вступали на службу къ иноземнымъ государямъ, съ которыми Аѳины какъ-разъ въ ту минуту находились въ хорошихъ отношеніяхъ,—къ персидскому царю или его сатрапамъ, къ египетскимъ или ѳракійскимъ царямъ. Здѣсь ихъ осыпали почестями и золотомъ. Уже Ксенофонтъ, если бы захотѣлъ, могъ сдѣлаться зятемъ ѳракійскаго царя Севѳа; Ификратъ дѣйствительно женился на дочери Котиса, то же сдѣлалъ позднѣе Харидемъ, который благодаря этому послѣ смерти Котиса сдѣлался фактически владыкою царства одризовъ. Харесъ достигъ княжеской власти въ Сигеѣ на Геллеспонтѣ.

Исключеніемъ является лишь Ксенофонтъ, старѣйшій изъ этихъ кондотьеровъ. Силою вещей, почти противъ своей воли, и во всякомъ случаѣ противъ своего ожиданія, онъ былъ поставленъ во главѣ наемной арміи; въ качествѣ ея вождя онъ достигъ болѣе блестящихъ успѣховъ, чѣмъ какой-либо полководецъ до него въ такомъ же положеніи; но онъ пренебрегъ этой карьерой, которой былъ обязанъ

своей эллинской славой. Ему не было суждено послужить своими трудами отчизнѣ. Уже своимъ политическимъ поведеніемъ во время олигархической реакціи онъ навлекъ на себя подозрѣнія аѳинскихъ демократовъ. Затѣмъ онъ съ остаткомъ своихъ наемниковъ вступилъ на службу къ Спартѣ; правда, въ это время Аѳины еще находились въ союзѣ со Спартою; но онъ остался вѣренъ избранному знамени и послѣ того, какъ Аѳины отложились отъ Спарты и примкнули къ персидскому царю, потому что по своимъ убѣжденіямъ онъ могъ видѣть въ этой политикѣ Аѳинъ лишь измѣну интересамъ Эллады Вслѣдствіе этого онъ былъ изгнанъ изъ отечества; а въ Спартѣ чужеземцу нечего было дѣлать. Поэтому онъ свои лучшіе годы провелъ въ Скиллунтѣ близъ Олимпіи, въ помѣстьѣ, которое подарилъ ему его другъ царь Агесилай, пока крушеніе спартанской державы послѣ битвы при Левктрахъ не заставило его удалиться оттуда. Правда, теперь, когда Аѳины снова вступили въ дружественныя отношенія къ Спартѣ, онъ получилъ возможность вернуться на родину; но вслѣдствіе долгаго изгнанія онъ сталъ чужимъ въ Аѳинахъ, притомъ онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы снова выступить на военное поприще, которое онъ оставилъ болѣе четверти вѣка назадъ. Недостатокъ практической дѣятельности онъ постарался возмѣстить литературнымъ трудомъ, и въ этой области также достигъ замѣчательныхъ успѣховъ. Если современники усердно читали его книги ради ихъ содержанія, то позднѣйшія поколѣнія видѣли въ нихъ неподражаемые образцы классическаго стиля; поэтому Ксенофонтъ принадлежитъ къ числу немногихъ писателей древности, чьи сочиненія дошли до насъ въ полномъ видѣ.

Уже софисты теоретически разрабатывали военное искусство [1]); но лишь Ксенофонтъ далъ своимъ соотечественникамъ первое руководство военной науки, въ формѣ историческаго романа, содержащаго жизнеописаніе старшаго Кира. «Исторія отступленія 10.000» Ксенофонта также представляетъ собою не столько историческое повѣствованіе, сколько военно-научный трактатъ. Недолго спустя, около 350 года, тактикъ Эней, другихъ сочиненій котораго мы не знаемъ, написалъ систематическое сочиненіе о военномъ искусствѣ; оно читалось долгое время, и еще Кинеасъ, министръ царя Пирра, составилъ извлеченіе изъ него, да и до насъ дошла еще часть этого трактата [2]).

---

1) Plat. *Euthyd.* 273 c.

2) Hug *Aeneias von Stymphalos*, прогр., Цюрихъ 1877, и сюда Gutschmid *Kl. Schriften* IV 219. Тождество автора съ Энеемъ изъ Стимфала, о кото-

Развитіе военнаго искусства, разумѣется, не могло не повліять кореннымъ образомъ на политику. Еще Периклъ могъ быть одновременно и государственнымъ дѣятелемъ, и полководцемъ; но уже при его ближайшихъ преемникахъ эти функціи сдѣлались несовмѣстимыми. Это понялъ уже Клеонъ; онъ стремился исключительно къ руководству внутренней и внѣшней политикой, и только стеченіе обстоятельствъ, совершенно противъ его воли, заставляло его выступать въ роли полководца. Поколѣніемъ позднѣе развитіе военнаго искусства достигло такого высокаго уровня, что человѣкъ, не обладавшій спеціальными знаніями въ этой области, не могъ уже и думать о томъ, чтобы стать во главѣ войска. Агиррій былъ въ Аѳинахъ вѣроятно послѣднимъ не-спеціалистомъ военнаго дѣла, который пытался руководить военной кампаніей въ качествѣ главнокомандующаго; Каллистратъ, хотя еще и носилъ званіе стратега, занимался только административными дѣлами, связанными съ этой должностью, и только одинъ разъ, вмѣстѣ съ Ификратомъ и по его желанію, принялъ участіе въ походѣ. Изъ аѳинскихъ государственныхъ дѣятелей позднѣйшаго времени большинство, какъ Эвбулъ, Демосѳенъ, Ликургъ, Гиперидъ, даже не добивались званія стратега. Правда, профессіональный полководецъ и теперь еще могъ играть политическую роль, въ особенности если за нимъ числились крупные военные успѣхи; но обыкновенно опытъ показывалъ ему, что гораздо легче имѣть дѣло съ наемниками, чѣмъ съ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ. Даже такимъ людямъ, какъ Ификратъ и Тимоѳей, никогда не удавалось занять или, по крайней мѣрѣ, удерживать за собою первое мѣсто въ государствѣ. Такимъ образомъ, карьеры военачальника и политика раздѣлились; оба они зависѣли другъ отъ друга, но, какъ обыкновенно бываетъ, ни одинъ не могъ угодить другому, и благодаря этому между ораторской каѳедрой и главнымъ штабомъ возникла оппозиція, имѣвшая часто гибельныя послѣдствія для греческихъ республикъ этого времени. Эпаминонду въ Ѳивахъ приходилось не меньше страдать отъ этой оппозиціи, чѣмъ Ификрату и Тимоѳею въ Аѳинахъ.

Неудобства такого положенія вещей чувствовались очень сильно. Демосѳенъ неразъ высказывалъ, что тайна успѣховъ Филиппа въ значительной степени кроется въ томъ, что онъ самъ былъ своимъ полководцемъ и министромъ и благодаря этому могъ безъ всякой помѣхи принимать рѣшенія и приводить ихъ въ исполненіе, причемъ

ромъ Xen. *Hell.* VII 3, 1 упоминаетъ какъ о стратегѣ аркадскаго союза, ничѣмъ не можетъ быть доказано и по существу крайне невѣроятно.

ему не было надобности сообразоваться съ какими-либо конституціонными формальностями и нечего было опасаться, что неспособные генералы, осуществляя его планы, исказятъ ихъ. Чѣмъ менѣе республиканскій строй—въ видѣ ли демократіи, или олигархіи—оказывался пригоднымъ какъ для защиты государства извнѣ, такъ и для поддержанія порядка внутри, тѣмъ болѣе мыслящіе люди должны были приходить къ сознанію, что только монархія можетъ исцѣлить тѣ язвы, которыя истощали силы націи,. Именно это убѣжденіе привело Платона въ Сицилію ко двору Діонисія, именно оно побуждало Исократа призывать къ осуществленію своихъ національныхъ плановъ послѣдовательно всѣхъ выдающихся государей своего времени — Ясона, Діонисія, Архидама, Филиппа. Его «Никоклъ» есть попытка расположить общественное мнѣніе въ пользу монархіи. Около того же времени Ксенофонтъ въ своей «Киропедіи» показалъ націи идеальный образъ не только полководца, но и государя; въ своемъ «Гіеронѣ» онъ указываетъ средства, которыми человѣкъ, достигнувшій трона даже путемъ насильственнаго переворота, можетъ пріобрѣсти любовь народа. Аристотель также считаетъ монархію теоретически наилучшею формой правленія,—правда, лишь при идеальномъ государѣ.

Впрочемъ, до практическаго осуществленія этихъ мыслей было еще далеко. Ибо порядки, господствовавшіе въ великой державѣ Востока, повелитель которой у грековъ того времени носилъ просто имя «царя», были далеко не такого свойства, чтобы возбуждать пристрастіе къ монархіи; а призрачная царская власть, какая сохранилась въ Спартѣ и у молоссовъ, являлась монархіей развѣ еще только по имени. Въ прочемъ же монархію въ греческомъ мірѣ, исключая нѣкоторыхъ пограничныхъ странъ, искони знали только въ формѣ водвореннаго путемъ революціи насильственнаго правленія, «тираніи». На такого «тирана» общественное мнѣніе смотрѣло какъ на безсовѣстнаго кровопійцу, который способенъ на всякую низость, на всякое нарушеніе божескаго и человѣческаго права, котораго слѣдуетъ убить, какъ бѣшеную собаку или какъ грабителя и убійцу. Краски для этой картины заимствовались изъ старыхъ легендъ о жестокости Фалариса, Періандра и Поликрата, и греки тѣмъ тверже вѣрили въ подлинность этихъ разсказовъ, что имѣли мало случаевъ практически ознакомиться съ тираніей. Ибо именно благодаря этой глубоко укоренившейся ненависти къ тираніи послѣдняя, въ періодъ отъ Персидскихъ войнъ до смерти Александра, въ наибольшей части греческаго міра не разу не сумѣла утвердиться, и попытки водворитѣ ее обыкновенно были подавляемы уже въ зародышѣ. А гдѣ такая попытка

удавалась,—она, разумѣется, только усиливала господствующее отвращеніе къ монархіи, ибо насильственная перестройка существующаго порядка невозможна безъ кровопролитія. Что демократическіе и олигархическіе перевороты носили такой же кровавый характеръ и влекли за собою такія же глубокія измѣненія въ области имущественныхъ отношеній,—это греки легко забывали; и дѣйствительно, кровопролитіе особенно гнусно, когда оно совершается отъ имени и по приказанію отдѣльнаго лица. Эти кровавыя родины погубили и величайшую, самую блестящую тиранію, какую когда-либо видѣла Эллада,—владычество Діонисія въ Сициліи. Ея крушеніе показало, что отъ революціонной монархіи нельзя ждать политическаго возрожденія націи. Только законная монархія могла вернуть Греціи внутренній миръ. Объединить Элладу могло только то государство, въ которомъ въ одномъ старая, насажденная Зевсомъ монархія сохранилась въ полной силѣ,—молодая колоніальная страна къ сѣверу отъ Олимпа, которую династія Аргеадовъ нѣкогда въ упорной борьбѣ отвоевала у ѳракійцевъ и иллирійцевъ.

ГЛАВА XII.

Новая сѣверная держава.

Страны, лежащія въ сѣверной и сѣверо-западной Греціи, позади Пинда и Олимпа, до IV вѣка составляли обособленный міръ. Здѣсь почва все еще на необозримыя пространства была покрыта дѣвственнымъ лѣсомъ, который на югѣ греческаго полуострова давно уже былъ вытѣсненъ земледѣліемъ; въ этихъ лѣсахъ все еще встрѣчались и дикій быкъ, и даже левъ [1]. Промежъ лѣсистыхъ горъ въ далеко-раскинутыхъ открытыхъ деревняхъ жило рѣдкое населеніе [2]; укрѣпленныхъ поселковъ было немного, и за исключеніемъ халкидскихъ и коринѳскихъ колоній у береговъ, на всемъ огромномъ пространствѣ отъ Іонійскаго моря до Стримона не было ни одного сколько-нибудь значительнаго города. Въ языкѣ и нравахъ сохранилось множество остатковъ старины; гомеровскіе звуки, которыхъ въ остальной Греціи давно уже нельзя было услышать, здѣсь еще жили въ устахъ народа [3]. Здѣсь мечъ все еще былъ неразлучнымъ спутни-

---

[1]) Theophr. *Исторія растеній* III 3, 1 даетъ очеркъ македонской флоры. Дѣйствительно, главными предметами вывоза были подѣльный лѣсъ и другіе лѣсные продукты. Относительно фауны Македоніи см. выше, т. I стр. 29 прим. 1.

[2]) Черты, въ которыхъ Thuc. III 94 описываетъ Этолію, примѣнимы и къ Эпиру ([Scylax.] 29 — 33) и Македоніи. Сравн. *Bevölkerung* автора стр. 186 и 212.

[3]) По вопросу о томъ, были ли македоняне эллинскимъ племенемъ, — этому кардинальному вопросу греческой исторіи со времени Филиппа — важнѣйшія данныя были сообщены выше (т. I стр. 30); при случаѣ я, можетъ быть, подробнѣе остановлюсь на этомъ вопросѣ; сравн. также E. Meyer *Gesch. d. Altert.* II стр. 66 сл. Напротивъ, за эпиротами Мейеръ отрицаетъ принадлежность къ греческой націи (l. c. стр. 58). Дѣйствительно, въ источ-

комъ мужчины [1]), здѣсь еще господствовалъ старый обычай ѣсть сидя [2]) и, подобно гомеровскимъ героямъ, македоняне и эпироты умѣли пить на славу.

Государственное устройство также въ главныхъ чертахъ оставалось тѣмъ же, чтó и въ героическую эпоху. Изъ всѣхъ греческихъ странъ, исключая Спарты и Кипра, только здѣсь старая наслѣдственная монархія сохранилась до IV вѣка—у молоссовъ въ Эпирѣ, правда, очень ограниченная въ своей компетенціи [3]), но у македонянъ—въ полной силѣ, такъ какъ безпрестанныя войны съ ѳракійцами и иллирійцами требовали здѣсь твердой государственной власти. Царь былъ неограниченнымъ главнокомандующимъ на войнѣ и по собственному усмотрѣнію руководилъ внѣшней политикой государства [4]). Но

никахъ IV вѣка обитатели Эпира называются варварами и страна не причисляется къ Элладѣ, но это не даетъ никакихъ указаній относительно національности эпиротовъ, потому что въ эту эпоху и македонянъ считали варварами, между тѣмъ какъ они несомнѣнно были греческимъ племенемъ, чтò признаетъ и Мейеръ. И если Ѳукидидъ III 94 разсказываетъ объ эвританахъ, что они были *ἀγνωστότατοι γλῶσσαν*, то это отнюдь не значитъ, что они говорили не по-гречески (въ такомъ случаѣ Ѳукидидъ сказалъ бы *ἄγνωστοι*, ибо болѣе, чѣмъ непонятнымъ, языкъ не можетъ быть); это показываетъ только, что они говорили на мало-понятномъ діалектѣ, *οὐκ ἔχοντες τὴν διάλεκτον εὔκολον γνωσθῆναι*, какъ совершенно правильно поясняютъ схоліи. Слѣдовательно, ихъ все-таки можно было понимать, и, значитъ, они были греками, чтò для этой главной вѣтви этолійскаго племени и само собою понятно. Такое же значеніе имѣетъ и свидѣтельство Ѳукидида о языкѣ обитателей амфилохійскаго Аргоса: *ἡλληνίσθησαν τὴν νῦν γλῶσσαν ἀπὸ τῶν Ἀμπρακιωτῶν ξυνοικησάντων· οἱ δ' ἄλλοι Ἀμφίλοχοι βάρβαροί εἰσιν*. Эти слова имѣютъ лишь тотъ смыслъ, что жители города Аргоса говорили на коринѳскомъ діалектѣ Амбракіи, тогда какъ сельское населеніе сохранило свой старый діалектъ. Уже самое имя народа и его столицы Аргоса указываютъ на то, что амфилохяне были греками. Вообще, между Эпиромъ и Македоніей невозможно провести этнографическую границу: *ἔνιοι δὲ καὶ σύμπασαν τὴν μέχρι Κερκύρας Μακεδονίαν προσαγορεύουσιν, αἰτιολογοῦντες ὅτι καὶ κουρᾷ καὶ διαλέκτῳ καὶ χλαμύδι καὶ ἄλλοις τούτοις χρῶνται παραπλησίᾳ* (Strab. VII 326 сл.). Итакъ, если македоняне были греками, то греками должны были быть и эпироты. «Весь Эпиръ полонъ греческихъ мѣстныхъ названій» (E. Meyer l. c. II стр. 66); они не сохранились бы въ такой чистотѣ, если бы страна позднѣе была покорена варварами. Притомъ Геродотъ удостовѣряетъ, что въ Додонѣ говорили по-гречески (II 56, и о принадлежности молоссовъ къ эллинской націи VI 126 127).

[1]) Thuc. I 5. Но упомянутый въ Aristot. *Polit.* IV (VII) 1324 b варварскій обычай тогда уже давно былъ оставленъ въ Македоніи.

[2]) Дурисъ у Athen. I 17 сл. (*FHG.* II 474).

[3]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1313 a, сравн. Plut. *Pyrrh.* 5.

[4]) Демосѳенъ часто указываетъ на это по отношенію къ Филиппу; кромѣ

внутри его власть была значительно ограничена закономъ и обычаемъ, и въ особенности право осуждать гражданина на смерть принадлежало собранію способныхъ нести оружіе мужчинъ [1]). Ибо въ Македоніи сохранилось многочисленное сословіе свободныхъ крестьянъ, которые на войнѣ составляли ядро пѣхоты [2]); кромѣ того, здѣсь существовала могущественная знать, владѣвшая очень значительной земельной собственностью,—«военные товарищи» *(ἑταῖροι)* царя, какъ старымъ гомеровскимъ терминомъ называли себя члены этого сословія [3]).

Около времени Пелопоннесской войны эллинская культура начала проникать и въ эти края. Въ Эпирѣ царь Ѳарипъ, самъ воспитанный въ Аѳинахъ, съ успѣхомъ старался распространять просвѣщеніе среди своего народа [4]). Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ царь Архелай въ Македоніи (выше стр. 103). Во время смутъ, охватившихъ страну послѣ его убіенія, правительству было, разумѣется, не до заботъ о духовныхъ интересахъ народа; но лишь только подъ властью Пердикки порядокъ былъ возстановленъ, монархія снова вступила на путь, указанный Архелаемъ. Ученикъ Платона, Эвфрей изъ Ореоса, сдѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ при македонскомъ дворѣ и до такой степени ввелъ здѣсь въ моду научныя занятія, что, какъ говорятъ, люди незнакомые съ философіей и ма-

того, это доказывается уцѣлѣвшими договорами Пердикки съ Аѳинами (*CIA.* I 42, IV 1 p. 141) и Аминты съ халкидянами (Dittenb. *Sylloge* 60), равно какъ и исторіей Филократова мира.

[1]) Arrian. *Anab.* IV 10, 6, о предшественникахъ Александра: *οὐδὲ βίᾳ, ἀλλὰ νόμῳ Μακεδόνων ἄρχοντες διετέλεσαν.* Сравн. процессъ Филотаса и многіе политическіе процессы эпохи діадоховъ.

[2]) Еще Лукіанъ *Νεκρικοὶ διάλογοι* 14 называетъ македонянъ *ἐλεύθεροι ἄνδρες.* Родителямъ и сыновьямъ воиновъ, павшихъ при Граникѣ, Александръ даровалъ *τῶν τε κατὰ τὴν χώραν ἀτέλειαν καὶ ὅσαι ἄλλαι ἢ τῷ σώματι λειτουργίαι ἢ κατὰ τὰς κτήσεις ἑκάστων εἰσφοραί* (Arr. I 16, 4).

[3]) По Theopomp. fr. 249 800 «гетэровъ» Филиппа владѣли такимъ же количествомъ земли, какъ 10.000 богатыхъ землевладѣльцевъ въ другихъ частяхъ Греціи. Мнѣніе Köhler'а (*Sitzungsber. d. Berl. Akad.* 1891, 1 стр. 478 сл.), что показаніе Ѳеопомпа относится только къ пожалованіямъ въ олинѳійской области, вполнѣ произвольно и несостоятельно по существу; Ѳеопомпъ говоритъ о латифундіяхъ македонской знати вообще. Подъ 800 гетэрами онъ разумѣетъ лишь ту часть знати, которая жила при дворѣ въ Пеллѣ, какъ ясно видно изъ контекста, и *μύριοι* здѣсь, какъ и обыкновенно, не слѣдуетъ понимать буквально. Смыслъ цитированнаго мѣста простъ: македонскій вельможа имѣлъ въ среднемъ въ десять разъ больше земли, чѣмъ богатый землевладѣлецъ въ остальной Элладѣ.

[4]) Justin. XVII 3, 10—13, Plut. *Pyrrh.* 1.

тематикой не допускались къ царскому столу [1]). Это, разумѣется, гипербола, но она показываетъ, что македонскіе вельможи слѣдовали примѣру своего царя. Поэтому многіе изъ полководцевъ Филиппа и Александра были высокообразованными людьми, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Антипатръ и Птоломей, даже сами подвизались на литературномъ поприщѣ. Филиппъ также продолжалъ дѣйствовать въ этомъ направленіи; какъ высоко онъ цѣнилъ реторическое и философское образованіе, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ воспитатели своего сына Александра онъ пригласилъ Аристотеля.

Въ то же время и политическое устройство было преобразовано по образцу передовыхъ греческихъ государствъ. Внѣшнимъ образомъ эти стремленія выразились въ томъ, что вмѣсто неуклюжаго мѣстнаго нарѣчія оффиціальнымъ языкомъ былъ сдѣланъ аттическій діалектъ [2]). При Пердиккѣ аѳинскій эмигрантъ Каллистратъ преобразовалъ финансовое управленіе государства [3]). Преобразованіе военнаго вѣдомства началъ уже Архелай; его преемники усвоили въ полномъ объемѣ тѣ нововведенія въ области вооруженія и тактики, которыя ввелъ особенно Ификратъ, и еще болѣе усовершенствовали ихъ (выше стр. 367), пока, благодаря организаторскому таланту Филиппа, македонская армія сдѣлалась лучшею арміей въ свѣтѣ; и она удержала за собою эту славу до тѣхъ поръ, пока наконецъ при Пиднѣ была сломлена болѣе совершенной тактикой римлянъ.

Когда такимъ образомъ государства сѣверной Греціи открылись для эллинской культуры,—и здѣсь начала обнаруживаться потребность въ болѣе строгой политической концентраціи. Еще въ эпоху Пелопоннесской войны каждая изъ мелкихъ народностей Эпира составляла обособленное государство; только молоссамъ уже тогда удалось подчинить своему владычеству своихъ сѣверныхъ сосѣдей, атинтановъ [4]). Затѣмъ въ первыя десятилѣтія IV вѣка хаоны и ѳеспроты, обитавшіе на берегу Іонійскаго моря, также вступили въ союзъ съ молоссами. Молосскіе цари стояли во главѣ федераціи и командовали ея арміей во время войны; избираемый на годъ «прези-

---

[1]) Athen. XI 508 c, можетъ быть по Демохару, сравн. Bernays *Phokion* стр. 38.

[2]) Декретъ Кассандра (по одному македонскому дѣлу) Dittenb. *Syll.* 127 написанъ на аттическомъ діалектѣ, и вообще это нарѣчіе служитъ оффиціальнымъ языкомъ во всѣхъ государствахъ, образовавшихся изъ монархіи Александра.

[3]) [Aristot.] *Oecon.* II 22 (1350 a).

[4]) Thuc. II 80.

дентъ» *(προστάτας)* молоссовъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ эпонимомъ—правителемъ союза; въ прочемъ же каждый изъ «союзныхъ народовъ Эпира» *(σύμμαχοι τῶν Ἀπειρωτᾶν)* имѣлъ одинаковыя права и пользовался обширной автономіей во внутреннихъ дѣлахъ, тогда какъ общіе вопросы разрѣшались союзнымъ собраніемъ [1]).

Гораздо полнѣе было осуществлено объединеніе въ Македоніи. Здѣсь наиболѣе плодородная и наиболѣе густо населенная часть страны—обширная равнина по нижнему Галіакмону и Аксію—составляла единое государство еще съ того времени, когда македонскіе цари отвоевали этотъ край у туземныхъ ѳракійцевъ; здѣсь новыхъ поселенцевъ побуждали къ болѣе тѣсному сплоченію и самый характеръ мѣстности, и, еще болѣе, чувство самосохраненія въ виду опасности, которою безпрестанно грозили имъ воинственныя варварскія племена съ востока и сѣвера. Напротивъ, въ верхней Македоніи, которая высокими горными цѣпями раздѣлена на рядъ долинъ и благодаря этому была лучше защищена противъ непріятельскихъ нападеній, отдѣльные округа сохранили свою самостоятельность; таковы: Элиміотида на верхнемъ Галіакмонѣ, Орестида у устьевъ этой рѣки, Линкестида въ плодоносной котловинѣ на среднемъ Эригонѣ, Тимфея въ горахъ у эпирской границы. Всѣ эти государства, хотя и признавали верховную власть македонскихъ царей, были вполнѣ самостоятельны, управлялись собственными князьями и не разъ пытались вести самовольную политику и освободиться отъ верховенства Македоніи [2]). Эти порядки существовали еще во время войны между Спартою и Олинѳомъ (выше стр. 180); лишь царю Аминтѣ въ его послѣдніе

[1]) Эпиротское союзное государство было основано, можетъ быть, Ѳарипомъ; во всякомъ случаѣ, оно уже существовало при его сынѣ Алкетѣ, который въ 375 году вступилъ въ т. наз. второй аттическій морской союзъ *(CIA.* II 17) и спустя два года перевезъ въ Корциру аѳинскій отрядъ (Xen. *Hell.* VI 2, 10), слѣдовательно владѣлъ побережьемъ. Что и хаоны уже тогда принадлежали къ эпирскому союзу, явствуетъ изъ Nep. *Timoth.* 2. Съ внутреннимъ устройствомъ союза познакомили насъ додонскія надписи *(Griech. Dialekt.-Inschr.* II Heft 1).

[2]) Thuc. II 99 *τῶν δὲ Μακεδόνων εἰσὶ καὶ Λυγκησταὶ καὶ Ἐλιμιῶται καὶ ἄλλα ἔθνη ἐπάνωθεν, ἃ ξύμμαχα μέν ἐστι τούτοις καὶ ὑπήκοα, βασιλείας δ' ἔχει καθ' αὑτά.* Объ Орестидѣ Thuc. II 80, о Линкестидѣ Thuc. IV 79. 83. 124. 129. 132. Цари этой области вели свой родъ отъ коринѳскихъ Бакхіадовъ (Strab. VII 326), т.-е. подобно македонскимъ царямъ считали себя потомками Геракла. Объ Элиміотидѣ Aristot. *Polit.* VIII (V) 1311 b (эпоха Архелая), Xen. *Hell.* V 2, 38 (эпоха Аминты); здѣсь царствовала побочная линія македонской династіи (Schol. Thuc. I 57, сравн. Abel *Makedonien* стр. 155). Зависѣла ли Тимфея отъ Македонія уже до Филиппа, мы не знаемъ.

годы или его сыну Пердиккѣ удалось медіатизировать областныхъ князей и слить горные округа въ одно государство съ нижней Македоніей [1]). Но старый партикуляризмъ держался здѣсь еще цѣлые вѣка; когда римляне незадолго до битвы при Киноскефалахъ вторглись въ Македонію, Орестида одна изъ всѣхъ провинцій государства примкнула къ врагу.

Такимъ образомъ, въ теченіе первой половины IV вѣка въ ряды греческихъ государствъ вступили двѣ новыя державы. Правда, Эпиръ, при своей слабой союзной организаціи, не могъ имѣть значительнаго вліянія на международныя дѣла, и вслѣдствіе этого молосскимъ князьямъ по необходимости приходилось искать поддержки у другихъ державъ—сначала у Аѳинъ, потомъ у Ясона ферскаго и наконецъ у Македоніи. Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣла Македонія. Занимая пространство болѣе чѣмъ въ 30.000 кв. километровъ, она являлась величайшимъ объединеннымъ государствомъ тогдашней Греціи, и если народонаселеніе ея, особенно въ сѣверныхъ округахъ, и было сравнительно рѣдко, то по абсолютному количеству жителей она превосходила всѣ остальныя греческія государства, исключая развѣ Аѳинъ. Но и Аѳины уступали Македоніи въ смыслѣ удобствъ для осуществленія политическихъ цѣлей, благодаря двумъ ея преимуществамъ: монархическому строю и несравненной военной организаціи [2]).

---

[1]) Источники ничего не говорятъ объ этомъ. Но при раздорахъ изъ-за престолонаслѣдія послѣ смерти Пердикки, о которыхъ мы имѣетъ довольно подробныя свѣдѣнія, удѣльныя княжества Верхней Македоніи болѣе не упоминаются; при Филиппѣ Македонія является единымъ государствомъ, и члены тѣхъ княжескихъ фамилій занимаютъ совершенно такое же положеніе, какъ и члены остальныхъ фамилій македонской знати.

[2]) Въ серединѣ IV вѣка народонаселеніе Аттики и ея клерухій (Скиросъ, Лемносъ, Имбросъ, Самосъ, ѳракійскій Херсонесъ) равнялось приблизительно 300—400.000 при протяженіи ровно въ 5000 кв. килом. Изъ двухъ остальныхъ великихъ державъ греческой метрополія Беотія (включая Оропъ—около 2700 кв. килом.) имѣла приблизительно 150 - 200.000, Спарта (включая оставшуюся за нею часть Мессеніи—около 6500 кв. килом.)—200—300.000 жителей. Всѣ показанія согласны въ томъ, что Македонія и особенно сѣверные округа ея—болѣе половины всей страны — имѣли очень рѣдкое населеніе; но, считая въ среднемъ даже только по 15 человѣкъ на 1 кв. килом., мы все-таки получимъ сумму въ 450.000 жителей. Подробнѣе—въ *Bevölkerung* автора, гдѣ съ умысломъ даны минимальныя нормы. Густота населенія Этоліи, которая изъ всѣхъ греческихъ странъ наиболѣе пригодна для сравненія съ Македоніей, тамъ приуменьшена, такъ какъ я, слѣдуя *communis opinio*, слишкомъ далеко отодвинулъ сѣверную границу страны; въ дѣйствительности сѣверной границей Этоліи во время ламійской войны было Панэтоликонъ (Salvetti въ моихъ *Studi di Storia Antica* II, 1893, стр. 95 слл.). Слѣдовательно, Этолія занимала про-

Политическія цѣли, къ которымъ должны были стремиться македонскіе цари, были ясны съ самаго начала; надлежало съ одной стороны пріобрѣсти побережье, съ другой—подчинить своему вліянію сосѣднюю съ юга страну, Θессалію. Но попытки, направленныя къ покоренію прибрежныхъ городовъ, встрѣтили энергичное сопротивленіе со стороны Аѳинъ и быстро развивавшаго свои силы олинѳійскаго союза; мало того, важная Пидна, искони принадлежавшая къ Македоніи, отложилась къ аѳинянамъ (выше стр. 218). Столь же безплодными остались, какъ мы видѣли, попытки Архелая и Александра подчинить своей власти Θессалію.

Лишь Филиппу удалось разрѣшить тѣ задачи, о которыя разбились усилія его предшественниковъ. Одинъ изъ современныхъ ему историковъ называетъ его величайшимъ человѣкомъ, какого до тѣхъ поръ произвела Европа; во всякомъ случаѣ, болѣе замѣчательный государственный человѣкъ никогда еще не сидѣлъ на престолѣ [1]). Прежде всего, онъ владѣлъ царственнымъ искусствомъ выбирать себѣ нужныхъ людей и каждаго ставить на то мѣсто, для котораго онъ былъ наиболѣе пригоденъ; при этомъ онъ былъ достаточно благороденъ, чтобы безъ зависти признавать заслуги своихъ помощниковъ [2]). Онъ самъ, при своей мужественной красотѣ, тонкой образованности и незаурядномъ дарѣ краснорѣчія, имѣлъ въ себѣ нѣчто величественное [3]). По дипломатическому таланту у него не было соперниковъ; но тѣ, кто въ переговорахъ съ нимъ терпѣлъ неудачу, конечно негодовали на вѣроломство царя, вмѣсто того чтобы обвинять самихъ себя въ неспособности [4]); между тѣмъ Филиппъ добросовѣстно исполнялъ всѣ обязательства, какія ему приходилось брать на себя [5]). Своихъ соотечественниковъ-эллиновъ онъ зналъ насквозь и умѣлъ

странство лишь въ 3000 кв. килом. и густота ея населенія должна быть опредѣлена въ 15—20 чел. на 1 кв. килом.

1) Theopomp. fr. 27 *μηδέποτε τὴν Εὐρώπην ἐνηνοχέναι τοιοῦτον ἄνδρα τὸ παράπαν, οἷον τὸν Ἀμύντα Φίλιππον*. Сравн. также отзывъ Полибія, VIII 12, 5 сл.

2) Сравн., напримѣръ, отзывы Филиппа о Парменіонѣ и Антипатрѣ у Plut. *Apophth. Reg. Philipp.* 2. 27 p. 177. 178 и, особенно, положеніе, которое оба они занимали въ продолженіе всего царствованія Филиппа. Изъ этого видно, какую цѣну имѣетъ сплетня, повторяемая Dem. *Ol.* II 17 сл.

3) Aesch. *о посольствѣ* 112.

4) Напр., Demosth. *Ol.* II 5 сл.

5) Достаточно вспомнить, напримѣръ, о поведеніи Филиппа послѣ Филократова мира; Демосѳенъ не можетъ уличить его ни въ малѣйшемъ нарушеніи договора.

пользоваться ихъ слабостями; полной горстью разбрасывалъ онъ золото, и эта система подкуповъ немало способствовала его успѣхамъ. Притомъ онъ душой и тѣломъ былъ воинъ; пол-жизни онъ провелъ въ походахъ, дѣля со своими солдатами всѣ труды и лишенія и въ случаѣ надобности безстрашно рискуя жизнью; это доказываютъ многочисленныя раны, полученныя имъ въ сраженіяхъ [1]). Правда, его едва ли можно назвать великимъ полководцемъ. Пусть его военная дѣятельность была почти непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, но не слѣдуетъ забывать, что онъ располагалъ войскомъ, какого до тѣхъ поръ не видѣлъ свѣтъ, и что ему помогали первоклассные полководцы, какъ Антипатръ и Парменіонъ [2]).

Такимъ образомъ Филиппу удалось спасти Македонію отъ анархіи, которая воцарилась въ ней послѣ смерти его брата Пердикки. Далѣе, онъ съумѣлъ, искусно пользуясь политическимъ положеніемъ, вытѣснить аѳинянъ изъ страны, хотя бóльшая часть побережья по-прежнему оставалась во власти халкидскаго союза. Его попытка вмѣшаться въ ѳессалійскія дѣла привела, какъ мы видѣли, къ кровавому пораженію (выше стр. 259). Но Филиппъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, разъ начавъ дѣло, во что бы то ни стало доводятъ его до конца, а рессурсы Македоніи далеко еще не были исчерпаны. Онъ воспользовался зимою, чтобы преобразовать свое войско; съ наступленіемъ весны онъ снова могъ вторгнуться въ Ѳессалію (352). Здѣсь онъ присоединилъ къ своей арміи контингенты Ларисы и остальныхъ союзныхъ съ нимъ городовъ и двинулся затѣмъ въ Пагасы, все еще занятыя македонскимъ гарнизономъ. Теперь и Ономархъ выступилъ въ походъ со всѣми своими боевыми силами, поддерживаемый аѳинской эскадрой подъ начальствомъ Хареса, присланной для того, чтобы принять участіе въ осадѣ Пагасъ. Филиппъ долженъ былъ во что бы то ни стало помѣшать соединенію Ономарха съ его союзниками, тиранами Феръ; съ этой цѣлью онъ двинулся навстрѣчу врагу и въ ожиданіи его расположился на «Крокусовомъ полѣ»—на той обширной равнинѣ, которая между ѳѳіотійскими Ѳивами и Галосомъ открывается къ Пагасійскому заливу. По количеству войска—около 20.000 человѣкъ на каждой сторонѣ — оба противника были почти равны; но македонская и ѳессалійская конница Филиппа—3000 всад-

---

[1]) Démosth. *о вѣнкѣ* 67, Isocr. *письмо* II 3 сл. 9 сл., Theopomp. fr. 298.

[2]) Сравн. въ общемъ характеристику царя у Justin. IX 8, и Diod. XV 54. Страстныя нападки Ѳеопомпа (fr. 27. 136. 249) направлены главнымъ образомъ противъ частной жизни Филиппа (подробнѣе ниже, въ гл. XV); и онъ признавалъ Филиппа великимъ государственнымъ дѣятелемъ (fr. 27. 285).

никовъ — далеко превосходила фокійскую, и выбранное Филиппомъ поле битвы было отлично приспособлено для того, чтобы дать возможность этому преимуществу проявиться въ сраженіи. А Ономархъ не могъ уклониться отъ битвы, если хотѣлъ освободить Феры; и вотъ, полагаясь на свое испытанное войско, полный самоувѣренности въ виду блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ предшествовавшемъ году, онъ рѣшился принять сраженіе и въ неудобной мѣстности. Онъ самъ велъ правое крыло, опиравшееся на море,—лѣвымъ командовалъ его братъ Фаиллъ. Противъ этого крыла, которое стояло безъ всякаго прикрытія среди обширной равнины, Филиппъ и направилъ свою атаку; подъ натискомъ его превосходной конницы войска Фаилла обратились въ бѣгство, и тутъ Филиппъ напалъ на Ономарха съ бока и съ тыла и оттѣснилъ его къ берегу, гдѣ отчасти перебилъ, отчасти принудилъ къ сдачѣ его войско. Самъ Ономархъ съ 6000 своихъ наемниковъ легли на полѣ битвы; плѣнныхъ, числомъ 3000, побѣдитель велѣлъ бросить въ море, какъ святотатцевъ, ограбившихъ храмъ. Остатки разбитой арміи Фаиллъ отвелъ назадъ къ Θермопиламъ [1]).

Ближайшимъ результатомъ побѣды была капитуляція Феръ; Ликофронъ и Пиθолай передали городъ Филиппу, выговоривъ себѣ свободное отступленіе [2]). Такъ было достигнуто то, что̀ не удалось Эпаминонду на вершинѣ его могущества: тиранія, тяготѣвшая надъ Θессаліей въ теченіе полувѣка, была низвергнута. Сколько крови было пролито съ тѣхъ поръ, какъ первый Ликофронъ въ 404 году одержалъ побѣду надъ гражданами Ларисы! Съ того дня гражданская война въ Θессаліи собственно никогда не прекращалась. Теперь страна могла наконецъ вздохнуть свободно; передъ ней открывалась эра мирнаго

---

[1]) Diod. XVI 35, 4—6, сравн. Paus. X 2, 5. Мѣсто, гдѣ произошла битва, въ источникахъ не указано; мы знаемъ только, что сраженіе произошло у побережья и на ровномъ мѣстѣ, такъ какъ участь битвы рѣшила конница Филиппа. Объ окрестностяхъ Ламіи по многимъ причинамъ нельзя думать; остается, значитъ, только равнина между Галосомъ и Θивами. Очевидно Ономархъ шелъ береговой дорогой на Ларису-Кремасту къ Ферамъ, какъ Т. Фламиній передъ битвой при Киноскефалахъ. Очень скудное сообщеніе Діодора объ этой битвѣ въ текстѣ дополнено соображеніями, которыя однако отчасти съ необходимостью, отчасти съ большой вѣроятностью вытекаютъ изъ показаній Діодора. Филиппъ велъ это сраженіе по тому же плану, какъ позднѣе свою вторую рѣшительную битву при Херонеѣ, съ той разницей, что здѣсь исходъ битвы рѣшала атака праваго крыла, а при Херонеѣ—лѣваго, что̀ обусловливалось характеромъ мѣстности.

[2]) Diod. XVI 37, 3.

развитія. Θессалійцы никогда не забыли благодѣянія, оказаннаго имъ Филиппомъ; отнынѣ онъ пользовался среди нихъ такою же безпредѣльной популярностью, какъ въ Македоніи, и они оставались непоколебимо вѣрны не только самому Филиппу до его смерти, но и позднѣе его сыну Александру [1]).

Но чтобы упрочить свои пріобрѣтенія, онъ долженъ былъ окончательно сломить силы фокійцевъ, а въ Θессаліи, разумѣется, никто не думалъ о томъ, чтобы отнять у Филиппа начальство надъ арміей, которою онъ командовалъ съ такимъ успѣхомъ. Итакъ, онъ остался главнокомандующимъ θессалійскаго союзнаго войска; для покрытія военныхъ издержекъ ему былъ предоставленъ доходъ съ рыночныхъ и портовыхъ пошлинъ; въ Пагасахъ и въ укрѣпленіяхъ Магнесіи остались македонскіе гарнизоны для защиты этихъ пунктовъ, на случай если бы тираны сдѣлали попытку вернуть себѣ власть [2]). Затѣмъ Филиппъ двинулся къ Θермопиламъ, чтобы нанести врагу рѣшительный ударъ. Но Фаиллъ успѣлъ тѣмъ временемъ оправиться отъ пораженія и снова сдѣлать свое войско пригоднымъ къ бою; повышеніе платы, для котораго нужныя средства предоставила ему дельфійская храмовая казна, привлекло къ Фаиллу новыхъ наемниковъ и удержало въ строю старыхъ солдатъ. Государства, находившіяся въ союзѣ съ Фокидой, также сознали необходимость всѣми силами остановить дальнѣйшее наступленіе Филиппа. Спарта прислала отрядъ въ 1000 человѣкъ, ахеяне—въ 2000; Аθины, которымъ грозила ближайшая опасность, выставили почти все свое гражданское ополченіе — 5000 гоплитовъ и 400 всадниковъ подъ начальствомъ стратега Навсикла. Изгнанные тираны Феръ также привели на помощь Фаиллу своихъ 200 наемниковъ. Такимъ образомъ, у Θермопилъ собралось войско, по количеству не уступавшее тому, которое Ономархъ весною привелъ въ Θессалію. Этихъ боевыхъ силъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы защитить противъ всякаго нападенія проходы, ведущіе изъ Θессаліи въ Фокиду. Дѣйствительно, Филиппъ даже не сдѣлалъ попытки атаковать крѣпкую позицію врага; онъ хорошо понималъ, что неудача подвергла бы величайшей опасности плоды всѣхъ достигнутыхъ успѣховъ [3]). Даже Θеотида была далеко

---

[1]) Isocr. *Phil.* 20, Diod. XVI 14, 2.

[2]) Demosth. *Olynth.* I 22.

[3]) Diod. XVI 37 сл., Justin. VIII 2, 8—12, Demosth. *о пос.* 84. Θермопилы были заняты аθинянами, по Dionys. *Dinarch.* 13, въ архонтство Θудема, 353/2. Діодоръ излагаетъ это событіе подъ слѣдующимъ годомъ, 352/1; вѣроятно оно произошло незадолго до середины лѣта 352 года.

не вполнѣ покорена, и особенно Галосъ твердо держался, опираясь на аѳинскій флотъ [1]). У Филиппа были болѣе важныя дѣла, чѣмъ тратить время на осады, которыя и въ лучшемъ случаѣ могли принести ему лишь незначительную выгоду; а новыхъ наступательныхъ дѣйствій въ Ѳессаліи со стороны фокійцевъ нечего было опасаться послѣ страшныхъ пораженій, понесенныхъ ими въ предыдущую кампанію.

Итакъ, Фокида была спасена и Фаиллъ могъ обратиться противъ ѳиванцевъ, которые, повидимому, послѣ пораженія Ономарха сдѣлали попытку вернуть къ покорности отпавшіе союзные города Беотіи. Однако фокійское войско было еще слишкомъ разстроено, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать въ открытомъ полѣ; въ цѣломъ рядѣ стычекъ—при Орхоменѣ, на Кефисѣ, у Коронеи—побѣда досталась беотянамъ, но Фаиллу все-таки удалось достигнуть своей главной цѣли—обезпечить противъ нападеній тѣ укрѣпленные пункты, которыми онъ владѣлъ въ Беотіи [2]).

Между тѣмъ и Пелопоннесъ былъ вовлеченъ въ войну. Здѣсь Спарта, какъ мы знаемъ, никогда не признала порядка, установленнаго Эпаминондомъ; когда остальные греки послѣ битвы при Мантинеѣ заключили миръ на условіи сохраненія каждымъ государствомъ его наличныхъ владѣній, она отказалась присоединиться къ этому договору и своевольно стала продолжать пограничную войну съ Мегалополемъ и Мессеною, причемъ ей, впрочемъ, не удалось достигнуть сколько-нибудь важныхъ успѣховъ (выше стр. 229). Но когда Ономархъ одержалъ въ Ѳессаліи свои блестящія побѣды надъ Филиппомъ и затѣмъ отнялъ у ѳиванцевъ Орхоменъ и Коронею,— спартанская партія въ Пелопоннесѣ снова подняла голову. Мантинея, Элида, Ахея, Фліунтъ снова примкнули къ Спартѣ, и это дало послѣдней возможность перейти къ энергическимъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ ѳиванскихъ союзниковъ, прежде всего—противъ Мегалополя [3]). Стѣсненный городъ обратился за помощью въ Аѳины; но аѳиняне, разумѣется, не имѣли охоты среди войны съ Филиппомъ и при своихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ Ѳивами ссориться еще и со Спартою,

---

[1]) Demosth. *о пос.* 163 показываетъ, что Галосъ свободно сообщался съ моремъ.

[2]) Diod. XVI 37, 5—6, который излагаетъ эти событія послѣ сообщенія о занятіи Ѳермопилъ аѳинянами, но передъ извѣстіемъ о возвращеніи Филиппа въ Македонію. Очевидно они относятся ко второй половинѣ лѣта 352 года.

[3]) Demosth. *ὑπὲρ Μεγαλοπ.* 16.

единственнымъ союзникомъ, которымъ Аѳины еще располагали исключая Фокиды [1]). Такимъ образомъ, въ началѣ Мегалополю приходилось довольствоваться поддержкой своихъ пелопоннесскихъ союзниковъ, Аргоса, Мессены и Сикіона; но вскорѣ и Ѳивы, которымъ побѣда Филиппа надъ Ономархомъ развязала руки, прислали въ Пелопоннесъ войско въ 3000 гоплитовъ и 500 всадниковъ подъ начальствомъ Кефисіона. Въ свою очередь и Фаиллъ прислалъ на помощь лакедемонянамъ 3000 наемниковъ. Теперь спартанцы перешли въ наступленіе; въ то время, какъ враги для защиты области Мегалополя сосредоточили свои войска у истоковъ Алфея, царь Архидамъ двинулся къ союзной Мантинеѣ и оттуда вторгся въ Арголиду, гдѣ занялъ Орнеи и на голову разбилъ аргосское ополченіе, явившееся на выручку города. Другое сраженіе — противъ соединенныхъ боевыхъ силъ ѳиванцевъ и ихъ союзниковъ — осталось нерѣшеннымъ; послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ битвъ военныя дѣйствія были, наконецъ, прекращены перемиріемъ. Замыслы Спарты о возстановленіи ея старой гегемоніи въ Пелопоннесѣ потерпѣли крушеніе, и беотійскія войска могли вернуться на родину. Здѣсь Ѳивы въ послѣдній разъ дѣятельно вмѣшались въ пелопоннесскія дѣла [2]).

Въ это время, когда значительная часть боевыхъ силъ Беотіи была занята войной въ Пелопоннесѣ, Фаиллъ вторгся въ эпикнемидскую Локриду и покорилъ всю страну, кромѣ укрѣпленнаго Нарикса. Теперь и беотяне выступили въ походъ; близъ Абъ на фокійской границѣ они ночью напали на Фаилла и обратили его въ бѣгство, послѣ чего на далекое пространство опустошили Фокиду. Но когда затѣмъ беотяне сдѣлали попытку освободить Нариксъ, который все еще осаждали фокійцы, — счастье измѣнило имъ; Фаиллъ отбросилъ враговъ и благодаря этой побѣдѣ сумѣлъ взять городъ приступомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ заболѣлъ и, прохворавъ довольно долго, умеръ; верховное начальство въ Фокидѣ перешло къ сыну Ономарха

---

[1]) По поводу обращенія мегалополитянъ въ Аѳины за помощью Демосѳенъ произнесъ свою рѣчь *за Мегалополь* — по правильному указанію Діонисія (*къ Аммею* I 4 p. 725) въ архонтство Ѳудема, $353/_2$, вѣроятно зимою, во всякомъ случаѣ до пораженія Ономарха въ Ѳессаліи.

[2]) Diod. XVI 39, подъ $352/_1$ годомъ. Слѣдуя своему хронологическому источнику, онъ разсказываетъ о битвѣ при Орнеяхъ уже подъ предшествующимъ $353/_2$ годомъ (XVI 34), но XVI 39, 3 показываетъ, что это сраженіе произошло лишь послѣ сдачи Феръ Филиппу, т.-е. не ранѣе второй половины лѣта 352 г. Къ сожалѣнію, нашъ единственный источникъ, Діодоръ, даетъ лишь очень суммарный очеркъ этихъ событій; вѣроятно война окончилась лишь въ 351 г.

Фалэку, только что вышедшему изъ младенчества юношѣ [1]). Послѣ этого война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ еще нѣсколько лѣтъ; въ открытомъ полѣ побѣда оставалась обыкновенно за ѳиванцами, и имъ не разъ удавалось вторгаться въ Фокиду, опустошать открытую страну и овладѣвать какимъ-нибудь небольшимъ городомъ; но они не были въ силахъ наносить врагу рѣшительные удары или даже только вернуть подъ свою власть отпавшіе отъ нихъ союзные города Орхоменъ, Коронею и Корсіи. Хотя дѣло и не доходило до крупныхъ сраженій, но безпрестанныя мелкія стычки стоили обѣимъ сторонамъ немалаго числа людей, и если фокійцы легко могли возмѣщать эти потери посредствомъ набора новыхъ наемниковъ, то ѳиванцамъ приходилось вести войну гражданскими отрядами [2]). Правда, дельфійская храмовая казна съ каждымъ годомъ все болѣе истощалась, а въ тотъ день, когда она была бы вполнѣ исчерпана, фокійское разбойничье государство неминуемо должно было рухнуть, и ѳиванцамъ легко досталась бы побѣда.

Такимъ образомъ, у фокійцевъ было дѣлъ по горло; Аѳины въ ближайшее время также не имѣли возможности предпринимать походъ противъ Филиппа. Несчастная война съ союзниками сильно пошатнула финансовое положеніе государства и Аѳины настойчиво нуждались въ нѣсколькихъ годахъ мира, чтобы собраться съ силами. Вообще, среди образованныхъ и зажиточныхъ классовъ начало все болѣе распространяться убѣжденіе, что роль великой державы не по силамъ государству, и что оно поэтому должно отказаться отъ той политики широкихъ начинаній, которую вело до этихъ поръ [3]). Миръ поставилъ людей этого образа мыслей у кормила правленія. Ихъ вождемъ былъ Эвбулъ изъ Пробалинѳа, человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, пріобрѣвшій извѣстность особенно своей неутомимой дѣятельностью въ области финансоваго управленія [4]). Въ Великія Панаѳинеи 354 года онъ принялъ на 4 года завѣдованіе «ѳеориконъ» [5]),—

---

[1]) Diod. XVI 38. 39, 8. О болѣзни Фаилла сравн. Theopomp. fr. 182.

[2]) Isocr. *Phil.* 54 сл.

[3]) Сравн. рѣчь Исократа *о мирѣ* и Xen. *Πόροι*.

[4]) Онъ былъ гораздо старше Эсхина (Aesch. *о пос.* 184, сравн. Schaefer I[2] 187), и слѣдовательно едва ли родился позднѣе 400 года; во время разбирательства процесса Эсхина противъ Ктесифона (330) его уже не было въ живыхъ (Dem. *о вѣнкѣ* 162).—Его политическую дѣятельность Ѳеопомпъ характеризуетъ такъ (fr. 96): *δημαγωγὸς ἦν ἐπιφανέστατος, ἐπιμελής τε καὶ φιλόπονος*.

[5]) Правда, мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что Эвбулъ въ этомъ году вступилъ въ управленіе главной отраслью финансоваго вѣдомства; но

той кассой, которая питалась излишками государственныхъ доходовъ и назначеніе которой заключалось въ томъ, чтобы обезпечивать правильную выплату пособій, раздаваемыхъ народу во время большихъ празднествъ. Съ этой должностью издавна былъ соединенъ извѣстный контроль надъ всѣмъ финансовымъ вѣдомствомъ, безъ чего она и не могла бы отвѣчать своей цѣли [1]); благодаря вліянію Эвбула эта компетенція была значительно расширена, руководство общественными постройками возложено на завѣдовавшихъ кассой «ѳеориконъ» и имъ ввѣрено почти все финансовое управленіе [2]). По всей вѣроятности, Эвбулъ оставался въ этой должности и весь слѣдующій финансовый періодъ, т.-е. съ 350 по 346 г., а можетъ быть и долѣе [3]). Если наряду съ нимъ и стояло нѣсколько равноправныхъ товарищей, то его превосходное знакомство съ дѣломъ, равно какъ и его политическій авторитетъ должны были сдѣлать его самымъ вліятельнымъ членомъ коллегіи и, слѣдовательно, фактически руководителемъ финансоваго управленія Аѳинъ въ эту эпоху.

Эвбулъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи [4]) и былъ далекъ отъ демагогіи въ низменномъ смыслѣ этого слова; но при тогдашнихъ условіяхъ государственный дѣятель, достигшій власти въ Аѳинахъ, могъ удержать ее за собою только въ томъ случаѣ, если опирался на городскую чернь, располагавшую большинствомъ голосовъ въ на-

---

по внутреннимъ причинамъ очень вѣроятно, что преобразованіе этого вѣдомства произошло тотчасъ послѣ кризиса союзнической войны.

[1]) Это доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что завѣдовавшіе кассой ѳеориконъ избирались голосованіемъ, а не жребіемъ, и оставались въ своей должности четыре года (Aristot. *Ἀθην. πολ.* 43, 1).

[2]) Aesch. *пр. Ктес.* 25.

[3]) По Aristot. *Ἀθην. πολ.* 62, 3 двухкратное отправленіе одной и той же должности было запрещено для всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, исключая совѣта, куда можно было вступать дважды. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что это правило уже во время Эвбула примѣнялось къ завѣдовавшимъ кассою ѳеориконъ; напротивъ, изъ Aesch. l. c. почти съ необходимостью слѣдуетъ, что Эвбулъ занималъ эту должность болѣе четырехъ лѣтъ. Завѣдовавшіе кассою ѳеориконъ составляли коллегію, вѣроятно въ 10 человѣкъ; если бы эту должность запрещено было занимать дважды, то скоро не хватило бы кандидатовъ на этотъ важный постъ. Я думаю, что итерація была устранена лишь закономъ Гегемона, столь сильно ограничившимъ компетенцію завѣдовавшихъ кассою ѳеориконъ (Aesch. l. c., сравн. [Plut.] *Жизнеописаніе Ликурга* 841 c). Но этотъ законъ былъ изданъ между 336 и 330 гг., вѣроятно въ 335/4, при окончаніи того финансоваго періода, въ теченіе котораго Ликургъ и Демосѳенъ стояли во главѣ финансоваго управленія.

[4]) Schaefer *Demosth.* I² 214 прим. 2. Объ Эвбулѣ какъ человѣкѣ партіи сравн. *Attische Politik* автора стр. 175.

родномъ собраніи. Уже Периклъ былъ принужденъ создать себѣ такую опору путемъ предоставленія толпѣ матеріальныхъ выгодъ, и почти всѣ аѳинскіе государственные люди, дѣйствовавшіе послѣ него, слѣдовали его примѣру. Естественно, что Эвбулъ не уклонился отъ установившейся практики, а блестящіе результаты его финансоваго управленія давали ему возможность ассигновать пособія народу чаще и въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ когда-либо до него [1]). Но при этомъ онъ не оставлялъ въ пренебреженіи и прочія нужды государства. Онъ выплатилъ неуплаченныя военныя издержки, пополнилъ арсеналы, преобразовалъ конницу, значительно увеличилъ флотъ, построилъ въ гавани множество новыхъ портовыхъ зданій, началъ постройку большого арсенала въ Пиреѣ и цѣлаго ряда другихъ общественнынъ зданій [2]). И все это онъ съумѣлъ сдѣлать, не отягощая гражданъ прямыми налогами.

Эти блестящіе успѣхи были, разумѣется, въ значительной степени обусловлены тѣми реформами, которыя Эвбулъ произвелъ въ финансовомъ вѣдомствѣ; но главной причиной было то, что Эвбулу удалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ удерживать Аѳины отъ крупныхъ войнъ. При многообразныхъ интересахъ Аѳинъ, которые неизбѣжно затрогивались всякимъ политическимъ осложненіемъ, какое возникало въ бассейнѣ Эгейскаго моря и далеко за его предѣлами, это была очень трудная задача,—тѣмъ болѣе, что близорукая оппозиція неустанно возставала противъ этой политики, называя ее трусливой и недостойной Аѳинъ. Между тѣмъ эти упреки были совершенно несправедливы, ибо повсюду, гдѣ жизненнымъ интересамъ Аѳинъ грозила дѣйствительная опасность, Эвбулъ, не колеблясь, пускалъ въ ходъ всѣ силы государства, какъ напримѣръ, когда Филиппъ послѣ побѣды надъ Ономархомъ подступилъ къ Ѳермопиламъ, и позднѣе въ олинѳійской войнѣ. Онъ старался предотвращать только безполезное дробленіе силъ. Такъ, онъ не поддался соблазну вмѣшаться въ пелопоннесскія распри, когда тамъ снова вспыхнула война между Спартою и союзниками Ѳивъ (выше стр. 390). Ту же сдержанность съумѣлъ онъ сохранить и по отношенію къ азіатскимъ дѣламъ, какъ ни была соблазнительна представлявшаяся тамъ, повидимому, возможность вернуть Аѳинамъ по крайней мѣрѣ часть могущества, утраченнаго въ союзнической войнѣ.

---

[1]) Theopomp. fr. 95. 96. 238. Justin. VI 9, 1 — 5, Harpocr. *θεωρικά*, Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 24.

[2]) Din. *пр. Дин.* 96, Aesch. *пр. Ктес.* 25.

Демократіи въ отложившихся союзныхъ городахъ скоро пришлось поплатиться за разрывъ съ Аѳинами. Морская война и здѣсь потребовала очень тяжелыхъ финансовыхъ жертвъ и повлекла за собою невыносимое отягощеніе богатыхъ людей. Доведенные до отчаянія, зажиточные классы на Родосѣ, Косѣ и Хіосѣ возстали, и съ помощью Мавсолла имъ удалось свергнуть демократію и захватить власть въ свои руки [1]). Для охраны новаго строя въ городахъ были размѣщены карійскіе гарнизоны, такъ что Мавсоллъ сдѣлался фактически властелиномъ предлежавшихъ его государству острововъ [2]). Аѳины проглотили эту обиду, удовольствовавшись слабымъ протестомъ [3]), такъ какъ въ эту минуту были совершенно не въ силахъ предпринять войну противъ могущественнаго повелителя Каріи. Когда вскорѣ затѣмъ Мавсоллъ умеръ, оставивъ престолъ своей женѣ Артемисіи, въ Родосѣ вспыхнуло возстаніе; островъ на короткое время вернулъ себѣ свободу, и родосцы отважились даже напасть на самую столицу Галикарнассъ. Но смѣлое предпріятіе потерпѣло неудачу, и Артемисія вернула себѣ власть надъ Родосомъ. Послѣ этого изгнанные демократы обратились за помощью въ Аѳины; здѣсь въ народномъ собраніи многіе настаивали на необходимости заступиться за нихъ, но вліяніе Эвбула оказалось достаточно сильнымъ, чтобы и на этотъ разъ удержать Аѳины отъ вмѣшательства въ карійскія дѣла [4]).

---

[1]) О переворотѣ на Косѣ и Родосѣ — Aristot. *Polit.* VIII (V) 1302 b, и обо всемъ этомъ движеніи Demosth. *ὑπὲρ τ. ʼΡοδ. πολ.* 19, сравн. *περὶ συντάξ.* 8.

[2]) Demosth. *ὑπὲρ τ.ʼΡοδ. πολ.* 3. 15. 27, *о мирѣ* 25. Впрочемъ, Хіосъ подпалъ подъ власть Каріи, повидимому, лишь послѣ $351/_0$ г. (Dem. *ὑπ. τ. ʼΡ. πολ.* 3).

[3]) Demosth. *пр. Тимокр.* (произнесена по Діонисію въ $353/_2$ г.) 11 со схоліями, Schaefer *Demosth.* I² 365.— Хронологія карійской династіи въ это время не совсѣмъ точно установлена. По Діодору, который слѣдуетъ здѣсь своему хронологическому источнику, Мавсоллъ умеръ въ $353/_2$ г. (XVI 36, 2), Артемисія въ $351/_0$ (XVI 45, 7), Идріей въ $344/_3$ (XVI 69, 2). Напротивъ, по Плинію Мавсоллъ умеръ въ *Ol.* 107, 2=$351/_0$ г. (*Nat. Hist.* 36, 30 и 47), и къ тому же году Діонисій пріурочиваетъ родосскую рѣчь Демосѳена, произнесенную въ царствованіе Артемисіи (*къ Аммею* I 4 p. 726). Съ другой стороны, Идріей, судя по траллеидской надписи Le Bas-Waddington *Asie Mineure* 1651 (*CIG.* 2919), въ 7-мъ году царствованія Артаксеркса, т. е. въ 352 г., былъ уже сатрапомъ. Если это вѣрно, то онъ долженъ былъ царствовать совмѣстно со своей сестрой Артемисіей. Но надпись дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ копіи изъ эпохи ранней имперіи; поэтому возможно, что дата искажена.

[4]) Сравн. рѣчь Демосѳена о Родосѣ, произнесенную при этихъ переговорахъ, и разсказъ Витрувія II 8, 14 сл., который хотя и разукрашенъ анек-

Съ Персіей, правда, невозможно было установить добрыхъ отношеній, но къ счастію царь былъ всецѣло поглощенъ своими собственными дѣлами, и аѳинская политика съ успѣхомъ старалась воздвигать передъ нимъ всевозможныя препятствія, насколько это было возможно безъ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій. Аѳинянинъ Діофантъ, предводитель наемниковъ, принялъ начальство надъ египетскимъ войскомъ, и ему главнымъ образомъ персы были обязаны тѣмъ, что походъ, предпринятый около этого времени Охомъ на Нильскую долину, окончился неудачей [1]). Когда затѣмъ Оронтъ, сатрапъ іонійско-эолійской береговой провинціи, вторично возсталъ противъ царя, Аѳины вступили въ тѣсныя отношенія съ нимъ (349/8) [2]). При этомъ случаѣ имъ удалось вернуть себѣ Митилену, которая, какъ мы знаемъ, послѣ союзнической войны отложилась отъ Аѳинъ (выше стр. 253). Вслѣдствіе этого демократія была здѣсь низвергнута и на мѣсто ея установлено олигархическое правленіе, которое затѣмъ въ свою очередь смѣнила власть тирана Каммеса. Теперь тиранъ былъ изгнанъ, и городъ снова вступилъ въ аѳинскій морской союзъ; значительная часть мелкихъ общинъ на Лесбосѣ послѣдовала этому примѣру [3]).

дотическими подробностями, но все-таки долженъ имѣть какую-нибудь фактическую основу.

[1]) Diod. XVI 48, 2, Demosth. *'Роб. πολ.* 5, сравн. ниже, гл. XV.

[2]) *CIA.* II 108, почетный декретъ въ пользу Оронта и союзный договоръ съ нимъ, первый отъ 349/8 г., *ἐπὶ Καμμάχου,* т.-е. безъ сомнѣнія *Καλλιμάχου ἄρχ.* Относятся ли оба документа къ одному и тому же году, неизвѣстно (Bergk *Rhein. Mus.* 37, 355), но во всякомъ случаѣ союзъ могъ быть заключенъ не ранѣе 351/0 года, потому что между стратегами, посланными на помощь Оронту, находится Харидемъ, который вступилъ въ аѳинскую службу не ранѣе покоренія его шурина Керсоблепта Филиппомъ (352/1) (сравн. произнесенную лѣтомъ 352 года рѣчь Демосѳена *пр. Аристокр.* 14, *Олинѳ.* III 5). Врагомъ царя Оронтъ названъ въ рѣчи Демосѳ. *о симмор.* 31 (произнесена въ 354/3 г.); его возстаніе упоминается и въ пергамской надписи Fränkel *Inschr. v. Perg.* II 613. Относится ли борьба Оронта съ Автофрадатомъ, о которой сообщаетъ Поліэнъ VII 14, 2—4, къ этому возстанію или къ великому возстанію сатраповъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, нельзя установить съ достовѣрностью. Очень странно, что нигдѣ не упоминается объ участіи Оронта въ возстаніи Артабаза; здѣсь все для насъ неясно.

[3]) Союзный договоръ между Митиленой и Аѳинами (отъ 347/6 г.) *CIA.* II 109; въ договорѣ съ Оронтомъ *(CIA.* II 108 с) упоминаются *συντάξεις ἐν Λέσβῳ.* Въ то время, когда была произнесена рѣчь *противъ Бэота о приданомъ* (Demosth. XL) (347, Schaefer III 223 сл.), Митилена еще находилась во власти Камма и была враждебна Аѳинамъ ([Demosth.] l. c. 37 p. 1019).— Однако Меѳимна повидимому держалась въ сторонѣ отъ Аѳинъ, такъ какъ спустя нѣсколько лѣтъ Харесъ ведетъ войну противъ тирана Меѳимны, Аристонима (Polyaen. V 44, 3).

Болѣе серьезныя трудности представляло улаженіе спора съ Филиппомъ; оно и послужило тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который наконецъ разбилась политика Эвбула. Правда, владыка Македоніи обнаруживалъ большую готовность примириться съ Аѳинами, но условіемъ мира онъ ставилъ отказъ отъ Амфиполя, о чемъ аѳинское народное собраніе не хотѣло и слышать. Въ виду этого приходилось продолжать войну. Однако для наступательныхъ дѣйствій противъ Македоніи, которыхъ требовали ораторы оппозиціи, Аѳины не имѣли средствъ, а блокада македонскаго побережья, какъ ни была она стѣснительна для Филиппа, разумѣется не могла привести къ положительнымъ результатамъ. Правда, общая опасность, грозившая со стороны Филиппа, сблизила теперь Аѳины съ Керсоблептомъ ѳракійскимъ; старые противники заключили дружбу и союзъ, и ѳракійскій Херсонесъ, самое уязвимое мѣсто аѳинскаго государства, былъ, казалось, обезпеченъ противъ непріятельскихъ нападеній. Естественнымъ послѣдствіемъ сближенія между Аѳинами и Керсоблептомъ было то, что противникъ послѣдняго, Амадокъ, примкнулъ къ Македоніи; его примѣру тотчасъ послѣдовали Византія и Перинѳъ, враждовавшіе съ Керсоблептомъ изъ-за пограничныхъ дѣлъ. И вотъ, послѣ своей побѣды надъ Ономархомъ Филиппъ вторгся во Ѳракію, чтобы защитить своихъ новыхъ союзниковъ, и Керсоблептъ оказался не въ силахъ отразить это нападеніе. Филиппъ безпрепятственно проникъ до Пропонтиды и приступилъ къ осадѣ Гереонъ - Тейхоса, главной крѣпости ѳракійскаго царя. Тщетно Керсоблептъ ждалъ помощи изъ Аѳинъ; ему не оставалось ничего другого, какъ покориться Филиппу и послать своего сына заложникомъ въ Македонію. Харидемъ принужденъ былъ оставить Ѳракію и вступилъ на службу Аѳинъ, которыя уже раньше даровали ему у себя право гражданства. Только тяжкая болѣзнь, постигшая Филиппа, спасла Херсонесъ отъ македонскаго нашествія [1]).

---

[1]) Лучшее сообщеніе объ этомъ ѳракійскомъ походѣ Филиппа даютъ схоліи къ Aesch. *о посольствѣ* 81, сравн. Theopomp. fr. 109 у Harpocr. *'Αμάδοκος,* и Aesch. l. c. О союзѣ Филиппа съ Византіей — Demosth. *Phil.* III 34, *о вѣнкѣ* 87. 93. Осада *'Ηραῖον Τεῖχος* произошла, по Demosth. *Олинѳ.* III 4 (сравн. I 13), въ Мэмактеріонѣ, на 3 или 4-мъ году до Каллимаха (349/8), т.-е. въ октябрѣ—ноябрѣ 352 или 351 года. О положеніи дѣлъ во Ѳракіи до похода Филиппа сравн. рѣчь Демосѳ. *пр. Аристокр.*, произнесенную въ 352/1 году (Dionys. *къ Аммею* I 4 p. 725), во всякомъ случаѣ послѣ смерти Ономарха (*пр. Аристокр.* 124) и до вторженія Филиппа во Ѳракію. Эта рѣчь была бы замѣчательнымъ памятникомъ политической близорукости Демосѳена, если бы онъ не говорилъ здѣсь какъ адвокатъ въ интересахъ своего кліента

Такимъ образомъ, Филиппъ повелѣвалъ теперь отъ Геллеспонта до Ѳермопилъ; по размѣрамъ территоріи, народонаселенію, военнымъ и финансовымъ рессурсамъ его держава далеко превосходила всѣ другія греческія государства [1]). Вся Эллада — одни съ надеждою, другіе съ тяжкимъ опасеніемъ—взирала на новую державу, достигшую такого могущества въ теченіе немногихъ лѣтъ. Разумѣется, нигдѣ эти опасенія не были такъ сильны, какъ въ сосѣдней съ Македоніей Халкидикѣ. Много лѣтъ назадъ она вступила въ союзъ съ Филиппомъ, чтобы вытѣснить аѳинянъ съ македонскаго побережья; эта цѣль была достигнута, и халкидяне сполна получили свою долю въ плодахъ побѣды; но еще въ гораздо большей мѣрѣ возросло могущество Филиппа. Если во время заключенія союза оба союзника были приблизительно равносильны, то теперь это равенство исчезло, и Халкидика была нулемъ въ сравненіи съ македонской державой. Поэтому халкидяне, начали искать опоры противъ Филиппа въ Аѳинахъ. Уже непосредственно послѣ ѳессалійскихъ побѣдъ Филиппа между обоими государствами былъ заключенъ миръ на условіи сохраненія каждою изъ договаривающихся сторонъ ея наличныхъ владѣній; Аѳины отказались отъ Потидеи, а Олинѳъ взамѣнъ призналъ права Аѳинъ на Амфиполь [2]). Это было явнымъ нарушеніемъ союзнаго договора между Филиппомъ и халкидянами, въ силу котораго обѣ стороны могли заключить миръ съ Аѳинами не иначе какъ совмѣстно [3]). Филиппъ сначала оставилъ нарушеніе договора безнака-

Эвѳикла; ибо уже со времени ѳессалійскихъ побѣдъ Филиппа было ясно, что Аѳины могутъ сохранить свое положеніе во Ѳракіи только опираясь на Керсоблепта. Позднѣе Демосѳенъ самъ защищалъ эту политику; правда, тогда это была уже очень дешевая мудрость.

1) Македонія и Ѳессалія занимали пространство въ 45.000 кв. килом. съ лишнимъ, т.-е. по протяженію превосходили всю часть греческаго полуострова, лежащую къ югу отъ Ѳермопилъ. Сюда надо прибавить сосѣднія области Ѳракію и Пэонію.—Уцѣлѣвшая къ 350 году территорія аѳинскаго морского союза (Циклады, Эвбея, сѣверные Спорады, Ѳасосъ, Самоѳракія, Эносъ, Проконнесъ, Тенедосъ, Икаросъ, Астипалея) занимала около 8,000 кв. килом., да Аттика съ клерухіями составляла 5,000 кв. килом., такъ что въ общемъ подъ властью Аѳинъ находилось около 13,000 кв. килом. Правда, народонаселеніе было здѣсь гораздо гуще, чѣмъ во владѣніяхъ Филиппа.

2) Demosth. *пр. Аристокр.* 107 сл., *Олинѳ.* III 7, сравн. *Attische Politik* автора стр. 186; фрагменты мирнаго договора — *CIA.* II 105. 106, гдѣ вмѣсто [*ἐπὶ Θεέλλου ἄρχ*]*οντ*[*ος*] (351/0), какъ дополняетъ Köhler, надо читать *ἐπὶ Θουδήμου* (353/2), такъ какъ миръ съ Олинѳомъ былъ уже заключенъ, когда Демосѳенъ произносилъ свою рѣчь противъ Аристократа (352/1), а союзъ былъ заключенъ лишь въ архонтство Каллимаха, 349/8 (Philoch. l. c.).

3) Liban. *Hypoth.* къ олинѳійскимъ рѣчамъ Демосѳена, p. 7.

заннымъ; онъ хорошо понималъ, что, открой онъ враждебныя дѣйствія противъ Олинѳа, халкидскій союзъ цѣликомъ бросится въ объятія Аѳинъ. Притомъ, въ халкидскихъ городахъ и даже въ самомъ Олинѳѣ существовала сильная партія, справедливо полагавшая, что истинные интересы Олинѳа требуютъ заключенія самаго тѣснаго союза съ Филиппомъ, хотя бы для этого Олинѳу пришлось отказаться отъ своей самостоятельности [1]). Въ виду этого Филиппъ ограничился пока военной демонстраціей на халкидской границѣ [2]); его разсчетъ оказался вѣрнымъ: его приверженцы въ Олинѳѣ получили перевѣсъ, и Аполлонидъ, глава противной партіи, былъ изгнанъ [3]). Теперь Филиппъ рѣшилъ, что настало время дѣйствовать. Онъ потребовалъ отъ Олинѳа выдачи своего своднаго брата Арридея, претендента на македонскую корону, которому халкидяне дали убѣжище у себя [4]). Но въ виду этого дерзкаго требованія настроеніе въ Олинѳѣ измѣнилось; рѣшено было не выдавать Арридея и объявить Филиппу войну. Филиппъ тотчасъ вступилъ въ Халкидику (349), и какъ 30 лѣтъ назадъ, во время войны со Спартою, такъ и теперь обнаружилось, насколько шатокъ былъ фундаментъ, на которомъ покоилось господство Олинѳа. Одинъ за другимъ халкидскіе союзные города перешли на сторону Филиппа, особенно общины Паллены и Боттіеи; Стагиръ, пытавшійся оказать сопротивленіе, былъ взятъ приступомъ [5]).

Между тѣмъ олинѳяне обратились къ Аѳинамъ и предложили имъ союзъ противъ Филиппа; аѳиняне, разумѣется, съ радостью приняли это предложеніе [6]). Въ Олинѳъ была послана вспомогательная эскадра въ 30 тріеръ съ 2,000 наемниковъ подъ командой Хареса; за нею вскорѣ послѣдовали еще 18 кораблей съ 4,000 наемниковъ подъ начальствомъ Харидема [7]). Этихъ силъ было, правда, далеко недостаточно, чтобы изгнать непріятеля изъ Халкидики; во всякомъ случаѣ,

---

1) Demosth. *Фил.* III 56.

2) Demosth. *Фил.* I 17, *Олинѳ.* I 13, Justin. VIII 3, 6. Сравн. Theopomp. fr. 139.

3) Demosth. *Фил.* III 56. 63—66, сравн. *пр.Неэры* 91 р. 1376.

4) Justin. VIII 3, 10, Schol. Demosth. *Олинѳ.* I 5.

5) Demosth. *о пос.* 266; онъ естественно, и съ олинѳійской точки зрѣнія вполнѣ справедливо, видитъ въ этомъ отложеніи измѣну; Philoch. fr. 132, Diod. XVI 52 сл. (гдѣ слѣдуетъ читать [Στά]γειραν).

6) При переговорахъ объ этомъ союзѣ и слѣдовавшихъ затѣмъ совѣщаніяхъ въ народномъ собраніи произнесены Демосѳеномъ его олинѳійскія рѣчи (сравн. Hartel *Demosth. Stud.* I, *Wiener Sitzungsber.* 87, 1877 стр. 7 слл.).

7) Philoch. fr. 132.

онѣ могли по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время пріостановить успѣхи Филиппа [1]). Керсоблептъ ѳракійскій воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы возстать противъ своего сюзерена Филиппа, такъ что противъ послѣдняго образовалась очень сильная коалиція [2]). Это было тѣмъ опаснѣе, что и въ Ѳессаліи начала поднимать голову оппозиція [3]).

Но Филиппъ съумѣлъ отвлечь вниманіе Аѳинъ. Еще непосредственно послѣ своихъ ѳессалійскихъ побѣдъ онъ сдѣлалъ попытку вызвать на Эвбеѣ возстаніе противъ Аѳинъ [4]). Теперь посѣянное тогда сѣмя начало всходить; въ Эретріи народъ изгналъ тирана Плутарха, который господствовалъ въ городѣ подъ эгидою Аѳинъ (начало 348 г.). На Эвбею тотчасъ былъ посланъ аѳинскій гражданскій отрядъ подъ командою Фокіона; близъ Таминъ въ эретрійскомъ округѣ это войско соединилось съ Плутархомъ и его наемниками. Но въ эту минуту противъ Аѳинъ возстали и Халкида и Ореосъ, Фалэкъ послалъ на помощь возставшимъ часть своей наемной арміи [5]), и Фокіонъ вскорѣ былъ окруженъ непріятельскими силами болѣе значительными, чѣмъ какими самъ располагалъ. Хотя ему и удалось разбить врага и тѣмъ спастись отъ грозившей ему опасности, но справиться съ Эретріей онъ оказался не въ силахъ. Поэтому онъ увелъ свое войско обратно въ Аѳины, оставивъ въ помощь Плутарху небольшой отрядъ въ Заретрѣ близъ Стиры, въ самомъ узкомъ мѣстѣ острова. Но этотъ отрядъ вскорѣ попалъ въ руки непріятеля благодаря измѣнѣ Плутарха, и Эвбея была потеряна для Аѳинъ. Оборотъ, который приняла между тѣмъ олинѳійская война, равно какъ и полное истощеніе аѳинской государственной казны, заставили аѳинянъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ покоренію острова; Аѳины принуждены были уплатить за военноплѣнныхъ гражданъ выкупъ въ 50 талантовъ и

---

[1]) Объ успѣхахъ Харидема—Philoch. l. c. и Theopomp. fr. 155.

[2]) Мы знаемъ, что Керсоблептъ въ началѣ 346 года велъ войну съ Филиппомъ (ниже, стр. 407); о томъ, когда онъ возсталъ, источники не сообщаютъ, но едва ли онъ рѣшился бы на такой шагъ послѣ паденія Олинѳа. Возможно, что Харидемъ, находясь въ Олинѳѣ, склонилъ своего шурина къ отложенію (сравн. Schaefer *Demosth.* II² 179).

[3]) Dem. *Олинѳ.* I 22, II 11. По Diod. XVI 52, 9 Пейѳолай въ этомъ году былъ изгнанъ Филиппомъ изъ Феръ, т.-е. снова достигъ власти; но это показаніе основано вѣроятно на ошибкѣ.

[4]) Dem. *Фил.* I 37 сл.

[5]) Aesch. *пр. Ктес.* 86 со схоліями; очень вѣроятно, что въ текстѣ Эсхина вмѣсто *Φιλίππου* надо читать *Φαλαίκου* (Schulz *Jahrb. f. Philol.* 1866, стр. 314).

признать независимость Эвбеи [1]). Только Каристъ, самый южный городъ острова, остался вѣренъ аѳинскому союзу [2]).

Дѣло въ томъ, что участь войны, происходившей на Халкидикѣ, была тѣмъ временемъ рѣшена. Филиппъ энергично продолжалъ войну въ теченіе зимы, причемъ овладѣлъ важной Тороной и даже Мекиберной, портомъ Олинѳа. Олинѳяне были разбиты въ двухъ сраженіяхъ, и Филиппу удалось—какъ говорили тогда, благодаря предательству гиппарховъ Ласѳена и Эвѳикрата — отрѣзать отъ города и взять въ плѣнъ 500 всадниковъ, составлявшихъ ядро непріятельской конницы. Затѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ города; не явись тотчасъ помощь, Олинѳъ неминуемо долженъ былъ пасть. Дѣйствительно, аѳиняне снарядили новую экспедицію въ Халкидику, 2,000 гражданскихъ гоплитовъ, 300 всадниковъ и 17 тріеръ подъ начальствомъ Хареса. Но было уже поздно; когда аѳинское войско прибыло къ Олинѳу, городъ уже находился въ рукахъ Филиппа (осень 348 г.) [3]) Побѣдитель осуществилъ военное право во всей его строгости; Олинѳъ былъ сравненъ съ землею, граждане уведены въ царскіе домены для каторжныхъ работъ [4]) или поселены колоніями внутри Македоніи, территорія города частью роздана македонскимъ сановникамъ [5]). Напротивъ, остальные города халкидскаго союза были приняты въ составъ македонской державы, притомъ на равныхъ пра-

---

[1]) Главные источники — Plut. *Phoc.* 12 — 14, Aesch. *пр. Ктес.* 86 — 88, Demosth. *о мирѣ* 5, *пр. Мид.* 132 сл. 161 слл., подробныя указанія—у Schaefer'a II² 78 слл. Что эвбейская экспедиція одновременна олинѳійской войнѣ, показываетъ [Demosth.] *пр. Неэры* 3 сл. p. 1346, *пр. Мид.* 197, сравн. Weil *Harangues de Démosth.* ² стр. 161 — 172. Выставленныя противъ этой мысли возраженія не имѣютъ ни малѣйшей силы. Войско выступило противъ Эвбеи передъ праздествомъ *Χόες* (12-го Анѳестеріона), приблизительно въ февралѣ 348 года, и вернулось домой тотчасъ послѣ Діонисій (8—14-го Элафеболіона), т.-е около конца марта (Demosth. *пр. Бэота объ имени* 16 сл. p. 999). Въ нашихъ источникахъ не сказано прямо, что Плутархъ былъ изгнанъ изъ Эретріи до вмѣшательства аѳинянъ, но событія становятся понятными только при этомъ допущеніи.

[2]) Относительно Кариста сравн. рѣчь *о Галоннесѣ* 38, Demosth. *о пос.* 326. Сообразно съ этимъ позднѣе, при переговорахъ объ основаніи эвбейскаго союза, Каристъ ни разу не упоминается.

[3]) Diod. XVI 53, Philoch. fr. 132, Suid. *Κάρανος*, Demosth. *Фил.* III 56—66, *о посольствѣ* 265 слл., Hyperid. fr. 76 Blass³. Что Олинѳъ палъ въ началѣ года архонта Ѳеофила (348/7), спустя короткое время послѣ олимпійскихъ празднествъ (Ol. 108), явствуетъ изъ Aesch. *о пос.* 12 — 15, Philoch. fr. 132.

[4]) Aesch. *о пос.* 156.

[5]) Dittenb. *Sylloge* 127, Köhler *Berl. Sitz.-Ber.* 1891, 1 стр. 473 слл.

вахъ со старыми провинціями; ихъ конница образуетъ отнынѣ составную часть македонской кавалеріи, «гетэровъ» царя [1]).

Неудачи, которыя потерпѣло аѳинское оружіе на Эвбеѣ и въ Халкидикѣ, должны были сильно поколебать положеніе руководящихъ лицъ въ Аѳинахъ. Оппозиція воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности всѣхъ, кто былъ причастенъ къ послѣднимъ событіямъ; даже двоюродный братъ Эвбула, стратегъ Гегесилей, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ господствующей партіи, командовавшій нѣкогда при Мантинеѣ противъ Эпаминонда, былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ выдачѣ врагу аѳинскаго отряда при Эретріи и присужденъ къ большому денежному штрафу [2]). Самъ Эвбулъ пользовался однако еще слишкомъ большимъ расположеніемъ со стороны массы, чтобы оппозиція рѣшилась напасть на него; но и безъ того она значительно упрочила свое положеніе.

Наиболѣе выдающимися вождемъ ея былъ теперь Демосѳенъ изъ Пэаніи, одинъ изъ первыхъ адвокатовъ и ораторовъ аѳинскихъ, выступившій на политическое поприще во время союзнической войны (выше стр. 298). Молодой, одушевленный мыслью о величіи своего родного города, онъ совершенно не въ состояніи былъ понять и оцѣнить ту политику концентраціи силъ, посредствомъ которой Эвбулъ старался залѣчить раны, нанесенныя государству несчастной войной. Поэтому Демосѳенъ при каждомъ удобномъ случаѣ рѣзко выступалъ противъ правительства, какъ по вопросу о союзѣ съ Мегалополемъ, по дѣлу Родоса, при обсужденіи ѳракійскихъ дѣлъ; но главнымъ образомъ онъ неустанно требовалъ энергическихъ военныхъ дѣйствій противъ Филиппа, въ которомъ онъ раньше большинства своихъ согражданъ увидѣлъ опаснѣйшаго врага Аѳинъ. Будучи новичкомъ на политическомъ поприщѣ, онъ, разумѣется, не могъ одержать верхъ надъ всемогущимъ государственнымъ дѣятелемъ,

---

1) Илы македонской конницы въ войскѣ Александра—изъ Аполлоніи (Arr. *Anab.* I 12, 7), изъ Анѳемунта (Arr. II 9, 3), изъ Боттіеи (Arr. I 2, 5, разумѣется халкидская Боттіея, такъ какъ эмаѳійская не составляла административной единицы, а распадалась на нѣсколько городскихъ общинъ). Что Аканѳъ продолжалъ существовать и послѣ завоеванія Халкидики, показываетъ Dem. *ѳр. Форм.* 36; для Скіоны и Менды то же самое слѣдуетъ изъ документа, приведеннаго у Dem. *пр. Лакр.* 10, для Стагира—изъ завѣщанія Аристотеля (Zeller II³ 2, 25). Слѣдовательно, если Демосѳенъ говоритъ, что Филиппъ разрушилъ Олинѳъ, Меѳону, Аполлонію и 32 города на ѳракійскомъ берегу (*Фил.* III 26), то это — реторическое преувеличеніе; притомъ, большинство этихъ городовъ примкнуло къ нему добровольно. Сравн. Köhler l. c.

2) Demosth. *о посольствѣ* 290 со схоліями.

пока наконецъ заключеніе союза между Олинѳомъ и Аѳинами не свело Эвбула и Демосѳена на пути къ одной и той же цѣли. Теперь Демосѳенъ потребовалъ, чтобы въ Македонію было послано гражданское войско и чтобы деньги, предназначенныя на устройство празднествъ, были употреблены на веденіе войны; но когда оба эти предложенія были приняты [1]), Олинѳъ находился уже въ рукахъ Филиппа. Противъ посылки войска въ Эвбею онъ возставалъ, какъ противъ безцѣльнаго дробленія наличныхъ силъ: исходъ дѣла и тутъ оправдалъ его предсказаніе. Все это должно было въ такой же мѣрѣ возвысить авторитетъ Демосѳена въ глазахъ гражданъ, въ какой неудачный исходъ войны ослабилъ вліяніе его противниковъ; и если ему еще далеко было до того, чтобы самому взять въ руки бразды правленія, то уже теперь было ясно, что онъ призванъ играть видную роль въ событіяхъ ближайшихъ лѣтъ.

Но какъ настойчиво ни требовалъ до сихъ поръ Демосѳенъ энергичнаго продолженія войны, — теперь и онъ не могъ не сознавать, что Аѳины настоятельно нуждаются въ покоѣ [2]). Финансовые ресурсы государства были совершенно истощены; дѣло дошло до того, что правительство не могло даже платить жалованье судьямъ, такъ что нѣкоторое время суды оставались закрытыми [3]). Между тѣмъ во-внѣ Аѳины были почти совсѣмъ изолированы. Тщетно пытались онѣ подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ разрушенія Олинѳа призвать эллиновъ къ національной войнѣ противъ Филиппа; ни одна рука не поднялась на защиту Аѳинъ. При такихъ условіяхъ продолженіе войны могло вести только все къ новымъ потерямъ, потому что Македонія была неуязвима для Аѳинъ, тогда какъ Филиппу ничто не мѣшало двинуть свое войско противъ Херсонеса, обладаніе которымъ составляло для Аѳинъ вопросъ жизни [4]).

Отношенія Аѳинъ къ Фокидѣ также въ послѣдніе годы становились все болѣе натянутыми; въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что Фалэкъ открыто поддержалъ возстаніе Эвбеи противъ Аѳинъ

---

1) *Пр. Неэры* 3—8 p. 1346 сл. Постановленіе о суммахъ, предназначенныхъ на празднества, состоялось зимою 349/8 года по предложенію сына Пасіона, Аполлодора, засѣдавшаго тогда въ совѣтѣ; но этотъ указъ былъ опротестованъ, какъ противозаконный, и кассированъ судомъ.

2) Aesch. *о пос.* 3 сл. Все псведеніе Демосѳена при переговорахъ о мирѣ показываетъ, что это показаніе вѣрно.

3) Demosth. *пр. Беота объ имени* 17 p. 999; сравн. Aesch. *о пос.* 70 слл., *пр. Неэры* 3 слл. p. 1346.

4) Diod. XVI 54, Demosth. *о пос.* 10 сл., 302 слл., Aesch. *о пос.* 57 слл. 164.

(348) [1]). Между тѣмъ дельфійская храмовая казна стала истощаться, наемники начали обнаруживать непокорность и оппозиція одержала верхъ въ странѣ. Фалэкъ былъ наконецъ смѣщенъ съ должности и высшее начальство вручено тремъ стратегамъ, Дейнократу, Каллію и Софану. Одновременно было открыто слѣдствіе относительно употребленія священныхъ суммъ; казначей Филонъ, завѣдовавшій финансовымъ управленіемъ, былъ допрошенъ подъ пыткою и казненъ вмѣстѣ со своими соучастниками, которыхъ назвалъ подъ пыткою; имущество осужденныхъ было конфисковано (347) [2]). Затѣмъ были отправлены послы въ Аѳины и Спарту съ предложеніемъ передать этимъ государствамъ ѳермопильскія укрѣпленія. Тамъ, разумѣется, съ радостью приняли это предложеніе; стратегъ Проксенъ, крейсировавшій съ аттической эскадрой въ Эвбейскомъ проливѣ, получилъ приказъ занять Ѳермопилы; затѣмъ было постановлено призвать къ оружію всѣхъ гражданъ до 50-лѣтняго возраста и отправить это ополченіе въ Фокиду (начало 346 года). Туда же двинулся съ отрядомъ въ 1,000 гоплитовъ царь Архидамъ. Между тѣмъ въ Фокидѣ произошелъ переворотъ; Фалэкъ снова захватилъ въ свои руки верховное начальство и вовсе не имѣлъ желанія отдаться во власть Аѳинъ и Спарты. Поэтому фокійскіе послы по возвращеніи ихъ изъ Аѳинъ были брошены въ темницу, и Проксену, когда онъ явился передъ Ѳермопилами, предложено уйти назадъ; царю Архидаму посовѣтовали заняться собственными дѣлами, вмѣсто того чтобы соваться въ Фокиду [3]).

Подъ вліяніемъ этихъ событій общественное мнѣніе все болѣе склонялось въ пользу соглашенія съ Филиппомъ. Послѣдній также желалъ положить конецъ войнѣ. Если ему и нечего было опасаться, чтобы Аѳины причинили какой-нибудь ущербъ его государству, то и онъ съ своей стороны не былъ въ состояніи наносить врагу рѣшительные удары. Ибо Аѳины располагали приблизительно 350 тріерами [4]), тогда какъ Филиппъ, хотя въ послѣдніе годы и приступилъ

---

1) Выше, стр. 400 прим. 5. Въ первой олинѳійской рѣчи (349) Демосѳенъ еще разсчитываетъ на фокійскій союзъ, хотя и не ждетъ отъ него большой пользы (26).

2) Diod. XVI 56 (подъ годомъ Ѳемистокла, 347/6), сравн. Paus. X 2, 7. О финансовыхъ затрудненіяхъ, испытываемыхъ Фокидой, Демосѳенъ говоритъ уже *Олинѳ.* III 8 (349/8). О поведеніи наемниковъ источники ничего не сообщаютъ, но само собою ясно, что Фалэкъ не былъ бы смѣщенъ, если бы они держали его сторону.

3) Diod. XVI 59, Aesch. *о пос.* 132 слл.

4) Флотскій инвентарь 353/2 года содержитъ 349 тріеръ (*CIA.* II 795).

къ созданію флота, еще мало успѣлъ подвинуть это дѣло впередъ; его небольшой флотъ могъ время отъ времени предпринимать удачныя нападенія, но долженъ былъ остерегаться вступать въ открытое сраженіе съ аѳинянами. Такимъ образомъ, Филиппъ былъ столь же безсиленъ противъ аѳинскаго флота, какъ аѳиняне—противъ македонскаго сухопутнаго войска; а о сухопутномъ походѣ въ Аттику нечего было и думать, пока Фокида не была покорена. Притомъ интересы Филиппа требовали вовсе не уничтоженія аѳинской державы, а наоборотъ, установленія добрыхъ отношеній и по возможности заключенія союза съ прежнимъ врагомъ, потому что Филиппъ безъ сомнѣнія уже теперь лелѣялъ въ умѣ тѣ великіе планы, которые позднѣе были осуществлены имъ самимъ и его сыномъ Александромъ [1],—планъ объединенія Греціи подъ главенствомъ Македоніи и завоеванія персидскаго царства. А необходимымъ условіемъ для достиженія обѣихъ этихъ цѣлей было владычество на морѣ, которое въ свою очередь могло быть достигнуто лишь путемъ союза между Македоніей и Аѳинами. Этой цѣли македонская политика не упускала изъ виду вплоть до той минуты, когда персидская монархія была сокрушена.

Еще до паденія Олинѳа Филиппъ чрезъ посредство своихъ эвбейскихъ союзниковъ предложилъ Аѳинамъ миръ; но въ то время переговоры остались безуспѣшными. Послѣ побѣды онъ снова сдѣлалъ попытку сблизиться съ Аѳинами, и на этотъ разъ здѣсь не отвергли протянутой руки. Особенно усердно хлопоталъ о мирѣ Демосѳенъ, который въ серединѣ лѣта 347 года вступилъ въ совѣтъ [2]) и теперь, вмѣстѣ со своими друзьями Филократомъ изъ Гагна и Тимархомъ изъ Сфетта, пользовался въ совѣтѣ руководящимъ вліяніемъ. Наконецъ въ началѣ 346 года всѣ формальности были улажены, и аѳинское посольство отправилось въ Македонію. Въ числѣ пословъ находились самъ Демосѳенъ и Филократъ, затѣмъ Эсхинъ изъ Коѳокидъ, младшій другъ Эвбула, вслѣдствіе своего выдающагося ораторскаго

Безъ сомнѣнія, въ аѳинскомъ морскомъ вѣдомствѣ царили крупные безпорядки (сравн. рѣчь Демосѳена *о вѣнкѣ тріерарха)*; но это не мѣшало аѳинскому флоту занимать безусловно первое мѣсто среди флотовъ всѣхъ остальныхъ государствъ Греціи.

[1]) Сравн. 3 письмо Исократа (къ Филиппу) 3, Diod. XVI 60, 5.

[2]) Aesch. *пр. Ктес.* 62: *Θεμιστοκλῆς ἄρχων· ἐνταῦθ' εἰσέρχεται βουλευτὴς εἰς τὸ βουλευτήριον Δημοσθένης, οὔτε λαχὼν οὔτ' ἐπιλαχών, ἀλλ' ἐκ παρασκευῆς πριάμενος.* Зерно истины здѣсь несомнѣнно есть, потому что было бы слишкомъ удивительной случайностью, если-бы жребій ввелъ Демосѳена въ совѣтъ какъ разъ въ эту рѣшительную минуту.

таланта казавшійся особенно пригоднымъ для роли посла (выше стр. 300) [1]).

Филиппъ съ почетомъ принялъ пословъ, но съ первой же минуты ясно далъ имъ понять, что о возвращеніи Амфиполя не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ бо́льшую уступчивость обнаружилъ онъ по остальнымъ пунктамъ. Онъ предложилъ аѳинянамъ союзъ и въ награду за послѣдній обѣщалъ доставить имъ крупныя выгоды. Фокійскій вопросъ онъ предложилъ рѣшить по соглашенію обѣихъ державъ. Во Ѳракіи Филиппъ, правда, сохранялъ за собою свободу дѣйствій, но обѣщалъ не трогать аѳинскихъ владѣній на Херсонесѣ. При этомъ онъ разсчитанной ласковостью обращенія сумѣлъ вполнѣ расположить въ свою пользу пословъ, а его могучая личность произвела на нихъ глубокое впечатлѣніе, отъ котораго не могъ отдѣлаться даже самъ Демосѳенъ.

Итакъ, послы, недолго пробывъ въ Пеллѣ, уѣхали обратно вполнѣ довольные результатомъ переговоровъ. Почти непосредственно вслѣдъ за ними отправилось въ Аѳины македонское посольство, чтобы тамъ окончательно заключить миръ; во главѣ его стояли первые сановники государства, Антипатръ и Парменіонъ. Условія мира, предложенныя ими аѳинянамъ, конечно совпадали съ тѣми, которыя Филиппъ поставилъ въ Пеллѣ и на которыя въ принципѣ согласились аѳинскіе послы. Въ этомъ смыслѣ Филократъ и выработалъ текстъ договора, содержавшій слѣдующіе пункты: миръ между Аѳинами и Филиппомъ и ихъ обоюдными союзниками на условіи сохраненія каждою изъ сторонъ ея наличныхъ владѣній, т.-е. со стороны Аѳинъ — отказъ отъ Амфиполя и Потидеи,—заключеніе оборонительнаго союза, которымъ обѣ стороны гарантировали другъ другу цѣлость владѣній, затѣмъ рядъ постановленій о свободѣ торговыхъ сношеній и объ искорененіи морского разбойничества. Фокида и Галосъ въ Ѳессаліи были ка-

[1]) Относительно этихъ переговоровъ мы имѣетъ показанія Демосѳена и Эсхина въ ихъ рѣчахъ о посольствѣ и по дѣлу Ктесифона. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ счастливую возможность, столь рѣдкую въ греческой исторіи, выслушать обѣ стороны, притомъ непосредственно. Правда, и Демосѳенъ, и Эсхинъ говорятъ въ собственную защиту и изображаютъ событія такъ, какъ это выгодно для нихъ. Прежніе изслѣдователи были настолько наивны, что просто клали въ основу изложенія разсказъ Демосѳена; такъ поступаетъ еще Шеѳеръ. Правильный путь указанъ преимущественно Шпенгелемъ (*Δημηγορίαι des Demosthenes, Abhandl. der Münch. Akad.* 1860). Довольно хороши Rohrmoser'а *Kritische Betrachtungen über den philokratischen Frieden* (*Zeitschr. f. österr. Gymnasien* 25, 1874, стр. 789—815). Сравн. кромѣ того особенно Hartel *Demosth. Stud.* II (*Wiener Sitzungsber.* 88, 1878, стр. 365 слл.).

тегорически, Керсоблептъ—молчаливымъ соглашеніемъ, исключены изъ договора [1]).

Проектъ Филократа въ совѣтѣ прошелъ безъ сопротивленія; тѣмъ болѣе сильную оппозицію встрѣтилъ онъ въ народномъ собраніи. Народу постоянно старались внушить, что Филиппъ всѣми своими успѣхами обязанъ исключительно измѣнѣ, что его видимое могущество внутри гнило, что онъ гораздо болѣе нуждается въ мирѣ, чѣмъ Аѳины [2]); можно ли было послѣ этого удивляться, если народъ отказывался понять, почему теперь хотятъ купить миръ цѣною такихъ жертвъ? Но послы Филиппа оставались непреклонны и, когда наконецъ выступилъ Эвбулъ и предложилъ народу на выборъ—либо отказаться отъ суммъ, предназначенныхъ на празднества, платить подати и сѣсть на корабли, либо принять миръ,—оппозиція умолкла. Единственное, чего ей удалось добиться, было уничтоженіе пункта, касавшаго Фокиды; эта поправка ни къ чему не обязывала Филиппа, такъ какъ фокійцы въ государственно-правовомъ смыслѣ не были союзниками Аѳинъ, но зато открывала широкое поприще для позднѣйшихъ разногласій. Сдѣланная еще въ послѣднюю минуту попытка включить въ договоръ Керсоблепта ѳракійскаго, какъ союзника Аѳинъ, была отражена Демосѳеномъ. Такимъ образомъ 19 элафеболіона (приблизительно въ концѣ марта) 346 года договоръ былъ принятъ народомъ и въ ближайшіе дни клятвенно подтвержденъ аѳинскими властями и представителями союзнаго совѣта. Четырнадцать дней спустя, 3 мунихіона (въ апрѣлѣ) то же посольство, которое вело въ Пеллѣ предварительные переговоры о мирѣ, вторично отправилось въ Македонію, чтобы принять присягу царя и его союзниковъ на соблюденіе договора.

Между тѣмъ Филиппъ выступилъ въ походъ противъ Керсоблепта, который послѣ паденія Олинѳа продолжалъ войну съ помощью аѳинянъ. Занятыя еще аѳинскими наемниками ѳракійскія береговыя укрѣпленія были одно за другимъ взяты, самъ Керсоблептъ запертъ въ Гіеронъ-Оросѣ на Пропонтидѣ и уже 23 элафеболіона принужденъ къ сдачѣ. Побѣдитель оставилъ ему его владѣнія, какъ вассалу Македоніи [3]).

---

[1]) Demosth. *о пос.* 143 и показанія въ рѣчи *о Галоннесѣ*, сравн. Schaefer II² стр. 225 слл.

[2]) Demosth. *о пос.* 160.

[3]) Aesch. *о пос.* 82. 90, *пр. Ктес.* 82, Dem. *о пос.* 156. 334, *Фил.* III 15, *о вѣнкѣ* 27. Относительно условій мира источники ничего не сообщаютъ, но Керсоблептъ былъ свергнутъ съ престола лишь въ 341 году (ниже гл. XIII).

Спустя два мѣсяца Филиппъ вернулся въ Пеллу [1]). Вся Греція знала, что онъ собирается нанести рѣшительный ударъ Фокидѣ, и всѣ крупныя державы и многія второстепенныя государства прислали пословъ, чтобы отстоять свои интересы при предстоявшей реорганизаціи политическаго положенія въ средней Греціи; казалось, что Филиппъ уже теперь повелѣвалъ Элладою [2]). Аѳинскимъ посламъ также было предписано по мѣрѣ разумѣнія отстаивать интересы своего государства [3]); поэтому они не могли оставаться безучастными зрителями, тѣмъ болѣе, что въ силу только-что заключеннаго союза Аѳины и Филиппъ должны были дѣйствовать совмѣстно [4]). Эсхинъ предложилъ слѣдующую программу: обойтись съ Фокидою какъ можно мягче и ограничить неизбѣжную кару провинившимися вождями, отпавшимъ отъ Ѳивъ беотійскимъ городамъ оставить ихъ независимость, а въ случаѣ сопротивленія со стороны Ѳивъ усмирить ихъ вооруженной рукою [5]). Филиппъ былъ готовъ принять эту програму [6]), которая вполнѣ отвѣчала его интересамъ и которую онъ дѣйствительно осуществилъ восемь лѣтъ спустя, послѣ битвы при Херонеѣ: Ѳивы наряду съ Македоніей были единственной крупной сухопутной державой Греціи и при случаѣ могли грозить Филиппу очень серьезной опасностью, ставъ во главѣ враждебной ему коалиціи. Въ виду этого Филиппъ оффиціозно обѣщалъ Аѳинамъ, въ награду за ихъ участіе въ фокійскомъ походѣ, еще и другія выгоды—возвращеніе Эвбеи, а въ томъ случаѣ, если бы дѣло дошло до войны съ Ѳивами, также возвращеніе Оропа и возстановленіе Платей [7]). Оффиціально онъ, разумѣется, не далъ никакихъ обѣщаній, такъ какъ и послы не были уполномочены на заключеніе формальнаго договора. Притомъ Филиппъ имѣлъ полное основаніе не довѣрять аѳинянамъ, такъ какъ одинъ

Этотъ поступокъ Филиппа не представлялъ собою нарушенія прелиминарнаго мира съ Аѳинами, такъ какъ Филиппъ категорически выговорилъ себѣ свободу дѣйствій противъ Керсоблепта.

[1]) Demosth. *о пос.* 156 (спустя 50 дней послѣ отъѣзда посольства изъ Аѳинъ, т.-е. приблизительно 22 Ѳаргеліона).

[2]) Aesch. *о пос.* 112 *παρόντων πρέσβεων ὡς ἔπος εἰπεῖν ἐξ ἁπάσης τῆς Ἑλλάδος,* сравн. 103. 136; Justin VIII 4. Относительно фокійскихъ пословъ см. также Demosth. *Фил.* III 11, и 2 Hypoth. къ Demosth. *о пос.* p. 337, начало.

[3]) Ихъ инструкція гласила: *πράττειν δὲ τοὺς πρέσβεις καὶ ἄλλ' ὅ τι ἂν δύνωνται ἀγαθόν* (Aesch. *о пос.* 104, сравн. 107).

[4]) Aesch. *о пос.* 103 сл.

[5]) Aesch. *о пос.* 114 сл., 119.

[6]) Aesch. *о пос.* 137.

[7]) Demosth. *о мирѣ* 10; *Фил.* II 30, *о пос.* 21 сл. 346.

изъ пословъ, и именно тотъ, чей голосъ имѣлъ наибольшее вліяніе на народъ,—Демосѳенъ—открыто выступилъ противъ политики, представителемъ которой являлся Эсхинъ. Онъ содѣйствовалъ заключенію мира, потому что Аѳины нуждались въ покоѣ и потому что продолженіе войны сулило лишь новыя потери; но союза между Аѳинами и Филиппомъ онъ отнюдь не желалъ. Онъ хорошо понималъ, что при перевѣсѣ могущества на сторонѣ Филиппа такая политика неизбѣжно должна поставить Аѳины въ подчиненное положеніе, и эта мысль была одинаково невыносима какъ для его патріотизма, такъ и для его республиканской гордости [1]). Поэтому онъ принялъ миръ лишь въ качествѣ перемирія, чтобы имѣть время собраться съ силами для рѣшительной борьбы, которую онъ во что бы то ни стало намѣревался вызвать въ подходящую минуту. Но для того, чтобы вести эту борьбу съ надеждою на успѣхъ, Аѳинамъ нуженъ былъ могущественный союзникъ, и при данномъ положеніи вещей такимъ союзникомъ могли быть только Ѳивы, ибо мелкія государства не имѣли значенія, Фокидѣ грозила близкая гибель, а Спарта была занята пелопоннесскими дѣлами. Итакъ, цѣлью Демосѳена было заключеніе союза съ Ѳивами [2]); ради нея онъ готовъ былъ пожертвовать даже старыми притязаніями Аѳинъ на Оропъ и Платеи и тѣмъ болѣе, разумѣется, не поколебался бы предоставить фокійцевъ ихъ участи. Было ясно, что дружба между Филиппомъ и Ѳивами кончится въ ту минуту, когда будетъ разрѣшенъ фокійскій вопросъ,—и тогда самая сила вещей должна была бросить Ѳивы въ объятія Аѳинъ. Такимъ образомъ, политика Эсхина должна была представляться Демосѳену прямой измѣной самымъ святымъ интересамъ отчизны. Въ виду этого онъ потребовалъ, чтобы послы, не пускаясь въ дальнѣйшіе переговоры, ограничились принятіемъ отъ Филиппа и его союзниковъ клятвы на соблюденіе мира и затѣмъ немедленно уѣхали обратно домой [3]).

При такихъ условіяхъ Филиппъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы обезпечить себѣ полную свободу дѣйствій во всѣхъ отношеніяхъ. Въ остальномъ онъ обнаружилъ величайшую предупредительность по отношенію къ аѳинскому посольству. Онъ обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣнныхъ аѳинянъ и отослать ихъ домой къ великимъ Панаѳинеямъ, главному празднеству Аѳинъ, до котораго оста-

---

1) Сравн. его собственныя слова, *о вѣнкѣ* 66 сл.

2) Aesch. *о пос.* 106 *(καὶ γὰρ πρὸς τοῖς ἄλλοις κακοῖς βοιωτιάζει)*, Demosth. *о вѣнкѣ* 161 сл.; Демосѳенъ былъ ѳиванскимъ проксеномъ (Aesch. *о пос.* 141. 143).

3) Aesch. *о пос.* 106 сл.

валось немногимъ болѣе мѣсяца [1]). Кромѣ того, въ оффиціальномъ письмѣ къ гражданамъ Аѳинъ онъ выразилъ готовность оказать имъ и всякія другія дружескія услуги, не унижающія его достоинства [2]). Договоръ о мирѣ онъ ратифицировалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ аѳинскимъ народнымъ собраніемъ, т.-е. безъ прямой оговорки относительно Фокиды [3]); затѣмъ онъ проводилъ пословъ до Феръ и здѣсь заставилъ своихъ ѳессалійскихъ союзниковъ присягнуть на вѣрность договору [4]). Послѣ этого послы устроили еще миръ между Филиппомъ и Галосомъ [5]) и затѣмъ выѣхали обратно въ Аѳины, куда прибыли приблизительно въ концѣ іюня, 13-го скирофоріона [6]).

Здѣсь Демосѳенъ тотчасъ началъ оговаривать передъ совѣтомъ своихъ товарищей по посольству и въ концѣ концовъ добился того, что посольству было отказано въ обычной наградѣ — вѣнкѣ [7]). Однако онъ былъ далекъ отъ мысли потребовать занятія Ѳермопилъ; онъ понималъ, что Фокиду все равно уже невозможно спасти [8]), не говоря уже о томъ, что Фалэкъ не имѣлъ никакой охоты дѣлать аѳинянъ своими спасителями. Поэтому противники Демосѳена легко одержали верхъ въ народномъ собраніи. Филократъ и Эсхинъ доложили о тайныхъ переговорахъ съ Филиппомъ, возраженія Демосѳена прошли незамѣченными и по предложенію Филократа было постановлено распространить союзъ съ Филиппомъ и на его потомковъ и потребовать отъ фокійцевъ передачи дельфійскаго святилища амфиктіонамъ подъ угрозою объявленія Аѳинами войны Фокидѣ (16 скирофоріона) [9]).

Но въ этомъ вмѣшательствѣ уже не было надобности; фокійская держава рухнула благодаря собственной гнилости. Правда, Фалэкъ все еще имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 8000 закаленныхъ въ

---

[1]) Demosth. *о пос.* 39. 168, сравн. Aesch. *о пос.* 100, рѣчь *о Галоннесѣ* 38.

[2]) Demosth. l. c. 40 сл.

[3]) Demosth. l. c. 159.

[4]) Demosth. l. c. 158 сл.

[5]) Demosth. l. c. 36. 39, рѣчь *πρὸς τὴν ἐπιστολὴν τὴν Φιλίππου* 1, Strab. IX 433.

[6]) Demosth. l. c. 58.

[7]) Demosth. *о пос.* 17 сл.

[8]) Еще за три года до этого, *Олинѳ.* I 26 и III 8, онъ высказалъ мысль, что Фокида не въ состояніи послужить надежнымъ оплотомъ противъ Филиппа.

[9]) Demosth. *о пос.* 19—50.

бою ветерановъ [1]), которые смѣло могли выдержать сравненіе съ любымъ войскомъ въ мірѣ и которые позднѣе блестяще доказали свою стойкость и мужество при Кримисѣ, подъ руководствомъ Тимолеона. Но у него уже не было средствъ, чтобы платить жалованье войску; дельфійская сокровищница была окончательно исчерпана, страна обращена въ пустыню продолжительной войной [2]). При такихъ условіяхъ нечего было думать о сопротивленіи Филиппу. Дѣйствительно, Фалэкъ уже весною завязалъ переговоры въ Пеллѣ, и теперь, получивъ извѣстіе о рѣшеніи, принятомъ аѳинскимъ народнымъ собраніемъ, поспѣшилъ заключить миръ съ Филиппомъ. Уже 23 скирофоріона (въ началѣ іюля) капитуляція была подписана. Фалэку и его наемникамъ было предоставлено свободное отступленіе, за что онъ въ свою очередь передалъ Филиппу всѣ укрѣпленные пункты въ Фокидѣ. «Священная война», въ теченіе десяти лѣтъ опустошавшая среднюю Грецію, была окончена безъ боя [3]).

Уже при выступленіи къ Ѳермопиламъ Филиппъ пригласилъ своихъ союзниковъ-аѳинянъ со всѣми силами двинуться въ Фокиду и соединить свои войска съ македонскою арміей; позднѣе онъ вторично обратился къ нимъ съ этимъ воззваніемъ [4]). Для него было крайне важно имѣть въ лицѣ Аѳинъ оплотъ противъ ѳиванцевъ, которые двинули въ походъ все свое ополченіе, рѣшивъ упорно отстаивать свои интересы при реорганизаціи Фокиды. Но въ Аѳинахъ по обыкновенію ничего не было готово, а при Ѳермопилахъ дѣло было рѣшено съ такой поразительной быстротой, что Аѳины при всемъ желаніи не успѣли бы во время доставить на мѣсто свои войска. Когда Филиппъ стоялъ уже по эту сторону ущелій и соединился съ ѳиванцами, въ Аѳинахъ снова вспыхнуло старое недовѣріе противъ царя; Демосѳену и его друзьямъ безъ труда удалось объяснить народу, что Филиппъ можетъ захватить аѳинское войско и удержать его въ залогъ вѣрности Аѳинъ договору. Сюда присоединилось обычное нерасположеніе гражданъ къ личной военной службѣ; аѳиняне остались дома, удовольствовавшись отправкой посольства [5]). Въ виду такого поведенія Аѳинъ Филиппъ, разумѣется, принужденъ былъ опереться на ѳиванцевъ и исполнить если не всѣ, то важнѣйшія ихъ требованія, тогда какъ Аѳины остались ни съ чѣмъ [6]).

[1]) Diod. XVI 59, 3; Demosth. *о пос.* 230 опредѣляетъ составъ войска круглымъ счетомъ въ 10.000 пѣхотинцевъ и 1000 всадниковъ.

[2]) Aesch. *о пос.* 131, Demosth. *о пос.* 65. 123.

[3]) Diod. XVI 59, Demosth. *о пос.* 53—62.

[4]) Demosth. *о пос.* 51, Aesch. *о пос.* 137.

[5]) Aesch. l. c. 137—141.

[6]) Aesch. l. c. 142 сл.

Филиппъ велъ войну съ Фокидою какъ исполнитель приговора амфиктіоновъ; поэтому водвореніе новаго порядка въ Фокидѣ онъ предоставилъ совѣту амфиктіоновъ, который теперь впервые по истеченіи десяти лѣтъ снова собрался въ Дельфахъ. Не трудно представить себѣ, какія чувства одушевляли делегатовъ; было вполнѣ естественно, чтобы они потребовали примѣрнаго наказанія фокійцевъ, которые съ неслыханной дерзостью осквернили высшее святилище Греціи и навлекли неизмѣримыя бѣдствія на всѣ сосѣднія страны. Дѣйствительно, этейцы предложили казнить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ въ Фокидѣ какъ осквернителей храма [1]). Филиппъ сумѣлъ предотвратить такія жестокости; благодаря его заступничеству побѣжденные сохранили жизнь, свободу и имущество; лишь наиболѣе провинившіеся были осуждены на изгнаніе. Отъ фокійцевъ потребовали возвращенія разграбленныхъ ими храмовыхъ сокровищъ, что было, конечно, вполнѣ справедливо; весь долгъ они должны были выплатить ежегодными взносами въ 60 талантовъ [2]). Такъ же справедливо было и то, что фокійцевъ лишили возможности вторично осквернить дельфійское святилище; страна была обезоружена, укрѣпленія разрушены и постановлено, чтобы населеніе отнынѣ жило небольшими группами въ открытыхъ деревняхъ; кромѣ того, на первое время страна, для поддержанія порядка, была занята македонскими и беотійскими войсками [3]). Наконецъ фокійцы были лишены обоихъ голосовъ, которыми они до сихъ поръ располагали въ совѣтѣ амфиктіоновъ, и эти голоса переданы Филиппу въ награду за то, что онъ снова водворилъ амфиктіоновъ въ Дельфахъ. Спартанцы также были исключены изъ амфиктіоніи, такъ какъ они оказали союзную помощь фокійцамъ. Аѳины, провинившіеся не менѣе Спарты, остались членомъ амфиктіоніи, потому что онѣ еще въ послѣднюю минуту отреклись отъ Фокиды. Независимость Дельфъ и Амфиссы была, разумѣется, возстановлена и ѳиванцамъ возвращены тѣ города, которые во время войны отложились отъ беотійскаго союза и примкнули къ Фокидѣ [4]).

Между тѣмъ въ Аѳинахъ мрачныя предсказанія Демосѳена и его друзей вызвали панику; народу уже мерещилось, что войско Филиппа

---

[1]) Aesch. l. c. 142, сравн. Paus. X 2, 4.

[2]) Diod. XVI 60, 2. Документальныя данныя о внесенныхъ фокійцами суммахъ *Bull. Corr. Hell.* XI 1887, стр. 323 сл. (=Paris *Elatée* стр. 247 сл.).

[3]) Demosth. *о пос.* 81.

[4]) Diod. XVI 59 сл., Paus. X 3, 2 сл.; 8, 2. Многочисленныя мѣста у ораторовъ см. Schaefer *Demosth.* II² 284 сл.

подступаетъ къ границѣ Аттики, и потому рѣшено было для безопасности перевести въ городъ населеніе открытыхъ деревень со всѣмъ его движимымъ имуществомъ [1]). Однако очень скоро обнаружилось, что эти опасенія были совершенно напрасны; Филиппу и въ голову не приходило нарушать подтвержденный клятвою миръ; напротивъ, онъ прислалъ письмо аѳинскимъ гражданамъ, гдѣ оправдывалъ свой образъ дѣйствій въ Фокидѣ [2]).

Несмотря на это, въ Аѳинахъ все еще не могли рѣшиться признать совершившійся фактъ. Въ концѣ лѣта этого года должны были праздноваться Пиѳіи; рѣшено было справить празднество на этотъ разъ съ особенной пышностью подъ предсѣдательствомъ самого Филиппа [3]). Со всей Греціи стеклись участники къ играмъ — только Аѳины не прислали обычнаго посольства [4]). Это былъ формальный протестъ противъ принятія Филиппа въ амфиктіонію, и царь не намѣренъ былъ молча проглотить оскорбленіе. Ему стоило дать знакъ, и противъ Аѳинъ вспыхнула бы священная война, и онъ вступилъ бы въ Аттику во главѣ союзной арміи амфиктіоновъ, потому что общественое мнѣніе въ Ѳессаліи и Беотіи было въ высшей степени раздражено противъ Аѳинъ изъ-за помощи, оказанной ими фокійцамъ, а въ Аргосѣ, Мегалополѣ и Мессенѣ Аѳины ненавидѣли какъ союзника Спарты. Однако Филиппъ не хотѣлъ доводить дѣло до крайности; онъ все еще не терялъ надежды достигнуть искренняго соглашенія съ Аѳинами. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что отправилъ въ Аѳины посольство съ требованіемъ удовлетворенія [5]).

Однако немногаго недоставало, чтобы все-таки вспыхнула война. Толпа въ Аѳинахъ была доведена радикальными крикунами до крайняго озлобленія противъ Филиппа, Эвбулъ и остальные вожди умѣренной партіи потеряли всякое вліяніе, Эсхинъ принужденъ былъ сойти съ трибуны при буйныхъ крикахъ собранія. Тогда передъ народомъ выступилъ Демосѳенъ. Онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ усиленію въ Аѳинахъ нерасположенія къ Филиппу; но онъ былъ достаточно проницательнымъ политикомъ, чтобы понять, что онъ хватилъ черезъ край и что теперь во что бы то ни стало необходимо сохранить миръ. И дѣйствительно, благодаря своей популярности и своему красно-

---

1) Demosth. *о пос.* 86 сл. 125, *о вѣнкѣ* 36 — 38, Aesch. *о пос.* 139, *пр. Ктес.* 80.

2) Demosth. *о вѣнкѣ* 37—40.

3) Demosth. *Фил.* III 32, *о мирѣ* 22.

4) Demosth. *о пос.* 128.

5) Demosth. *о пос.* 111.

рѣчію онъ съумѣлъ убѣдить народъ, что не стóитъ изъ-за «тѣни въ Дельфахъ» вовлекать Аѳины въ войну съ половиной Эллады. Итакъ, Филиппъ былъ признанъ членомъ совѣта амфиктіоновъ и отнынѣ Аѳины снова стали посылать своихъ делегатовъ на собранія въ Дельфахъ и у Ѳермопилъ. Опасность была устранена—правда, цѣною новаго униженія, котораго при нѣкоторомъ благоразуміи можно было избѣгнуть [1]).

Филиппъ достигъ всего, ради чего онъ взялся за оружіе. Онъ владѣлъ Ѳермопилами, то-есть воротами въ среднюю Грецію, передъ которыми аѳиняне шесть лѣтъ назадъ преградили ему путь. Отнынѣ онъ каждую минуту могъ въ случаѣ надобности двинуть свои войска въ Беотію или Аттику. Разрушеніе фокійскаго разбойничьяго государства, чего Ѳивы не съумѣли добиться путемъ десятилѣтней борьбы, было достигнуто безъ единой битвы. Аѳины были унижены; онѣ принуждены были уступить по всѣмъ спорнымъ пунктамъ. Въ совѣтѣ амфиктіоновъ Филиппъ, какъ владыка Македоніи и Ѳессаліи, располагалъ большинствомъ голосовъ; и если до сихъ поръ этотъ совѣтъ политически имѣлъ ничтожное значеніе, то подъ руководствомъ такого государственнаго человѣка «тѣнь въ Дельфахъ» должна была облечься въ плоть. Если со времени своихъ побѣдъ надъ Ономархомъ и Олинѳомъ Филиппъ былъ неограниченнымъ властелиномъ сѣверной Греціи, то теперь онъ пріобрѣлъ руководящее вліяніе и въ средней Греціи. Онъ уже теперь былъ безъ сравненія самымъ могущественнымъ государемъ эллинскаго міра [2]); теперь онъ могъ приступить къ осуществленію болѣе высокой цѣли — къ объединенію всей націи подъ своимъ главенствомъ.

---

[1]) При этихъ переговорахъ Демосѳенъ произнесъ свою рѣчь *о мирѣ*. Что Аѳины уступили, явствуетъ изъ дальнѣйшихъ событій.

[2]) Isocr. *Phil.* 15. 137.

ГЛАВА XIII.

Объединеніе Греціи.

Партикуляризмъ былъ врожденнымъ грѣхомъ греческаго народа. Каждый городъ, какъ-бы малъ онъ ни былъ, хотѣлъ устраивать свои дѣла вполнѣ самостоятельно по собственному усмотрѣнію, и всякое ограниченіе этого суверенитета чувствовалось какъ невыносимый гнетъ. Грекъ V вѣка совершенно не былъ въ состояніи представить себѣ, чтобы могло существовать государство—по крайней мѣрѣ, свободное греческое государство,—которое состояло бы изъ нѣсколькихъ городовъ; даже политическая теорія еще слѣдующаго вѣка, даже Аристотель, разсматриваютъ городъ и государство какъ тождественныя понятія (выше стр. 328). Правда, съ теченіемъ времени становилось все болѣе очевиднымъ, что самовластная единичная община совершенно не въ состояніи осуществлять даже только главную цѣль государства—защищать свою территорію противъ внѣшнихъ нападеній, и такимъ образомъ естественный ходъ вещей заставлялъ города соединяться другъ съ другомъ. Но эти союзы, основывались ли они на равноправіи всѣхъ членовъ или на подчиненіи всѣхъ остальныхъ наиболѣе могущественному городу, оставались механическими аггрегатами государствъ, были лишены внутренняго единства и при первомъ случаѣ готовы распасться на свои составныя части. Даже аттическое государство не пошло дальше первыхъ шаговъ къ истинно-органическому сліянію объединенныхъ въ немъ общинъ.

Со времени Пелопоннесской войны начало все шире распространяться сознаніе, что такой порядокъ вещей долѣе не можетъ держаться. Все болѣе обнаруживается стремленіе соединять сосѣдніе мелкіе города въ болѣе крупныя общины. Такъ, города, расположенные на

Родосѣ и близлежащихъ островахъ Халке и Телосѣ, около 408 года сплотились въ одно государство; жители всѣхъ этихъ мѣстъ считались отнынѣ родосцами, какъ обитатели мѣстечекъ и деревень Аттики—аѳинянами [1]). Такимъ же образомъ въ 370 году округа юго-западной Аркадіи соединились въ новую общину Мегалополь (стр. 206). Византія въ эпоху союзнической войны даровала свое право гражданства сосѣднимъ городамъ Селимбріи и Калхедону [2]). Аргивяне сдѣлали-было попытку включить Коринѳъ въ составъ своего государственнаго союза; правда, Спарта по Анталкидову миру заставила ихъ отказаться отъ этой мысли, но характерно уже то, что такая попытка оказалась возможной и потерпѣла неудачу только вслѣдствіе носторонняго вмѣшательства.

Такой «синойкисмъ», какъ называли его греки, при которомъ участвующіе города всецѣло поглощались новой общиной, былъ примѣнимъ, разумѣется, только въ областяхъ, занимавшихъ небольшую территорію, такъ какъ иначе бо́льшая часть гражданъ была бы фактически лишена возможности осуществлять свои политическія права. Притомъ, населеніе греческихъ городовъ можно было склонить къ полному отказу отъ общинной автономіи лишь при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, и направленныя къ этой цѣли попытки обыкновенно встрѣчали очень упорное сопротивленіе. Поэтому въ большинствѣ случаевъ довольствовались учрежденіемъ строго-централизованнаго союзнаго государства *(κοινόν)*, основою котораго являлись старые областные союзы, имѣвшіе цѣлью устройство общихъ празднествъ и общую оборону. Первый примѣръ такого объединенія представляетъ собою, насколько намъ извѣстно, организація Беотіи послѣ битвы при Коронеѣ (446). Союзъ имѣлъ исполнительный органъ—коллегію изъ 11 беотарховъ, гдѣ Ѳивы были представлены двумя, каждая изъ остальныхъ общинъ—однимъ членомъ; законодательная власть принадлежала четыремъ совѣтамъ [3]). Уничтоженный по Анталкидову миру, этотъ союзъ послѣ возвышенія Ѳивъ былъ возста-

---

1) См. выше, стр. 117. Послѣ Коринѳской войны къ союзу примкнули, повидимому, и Карпаѳъ съ Касомъ, такъ какъ эти острова уже не упоминаются въ перечнѣ членовъ т. наз. второго аттическаго морского союза и съ тѣхъ поръ всегда принадлежали къ родосскому государству. Во время Коринѳской войны Карпаѳъ былъ еще независимъ *(Inscr. Ins. M. Aeg.* I 977).

2) Demosth. *ὑπὲρ τ. Ρ. πολ.* 26, Theopomp. fr. 65 (у Athen. XII 526 d—f).

3) Беотархи — Thuc. IV 91, *αἱ τέτταρες βουλαὶ τῶν Βοιωτῶν, αἵπερ ἅπαν τὸ κῦρος ἔχουσι*—Thuc. V 38, 2.

новленъ на демократической основѣ въ еще болѣе строгихъ формахъ. По образцу этого новаго беотійскаго союза было организовано послѣ битвы при Левктрахъ аркадское союзное государство. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (около 372 г.) Ясономъ ферскимъ былъ возстановленъ ѳессалійскій союзъ—насколько намъ извѣстно, въ старыхъ формахъ, но съ болѣе строгой централизаціей [1]). Въ Фокидѣ и пелопоннесской Ахеѣ старые, слабо-сплоченные племенные союзы также въ первой половинѣ IV вѣка были преобразованы въ прочныя союзныя государства. Такова же была организація халкидскаго союза съ Олинѳомъ во главѣ, образовавшагося во время Пелопоннесской войны. Наконецъ, съ своеобразнымъ отличіемъ — увѣнчанная монархической властью — та же государственная форма существовала со времени царя Ѳарипа въ Эпирѣ.

Конституціи, дѣйствовавшія во всѣхъ этихъ союзныхъ государствахъ, были въ главныхъ чертахъ тождественны [2]). Повсюду, насколько мы можемъ судить, существовалъ общій союзный индигенатъ, заключавшій въ себѣ право брака, право поселенія и пріобрѣтенія недвижимой собственности, право выбора въ союзныя должности и право участія въ союзныхъ собраніяхъ [3]). По отношенію къ другимъ государствамъ каждый изъ этихъ союзовъ составлялъ одно цѣлое, облеченное правомъ рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ и заключать договоры. Во главѣ союза стоялъ общій исполнительный органъ, верховная власть принадлежала союзному собранію и его постоянной делегаціи, совѣту [4]). Для покрытія общихъ издержекъ отчислялись извѣстныя статьи доходовъ, напримѣръ портовыя пошлины [5]); если этихъ суммъ не хватало, то производилась раскладка между отдѣльными общинами [6]). Монета чеканилась въ большинствѣ случаевъ общая для

---

[1]) *CIA*. II 88, IV 2, 59 b, Köhler *Athen. Mitteil*. II (1877) 197 слл.

[2]) Сравн. выше стр. 197 прим. 1 (Беотія), стр. 207 прим. 1 (Аркадія), стр. 176 (Халкидика).

[3]) Въ олигархическихъ союзахъ послѣднее право было предоставлено, конечно, только зажиточнымъ гражданамъ, или-же совсѣмъ не существовало союзнаго собранія, которое замѣнялось однимъ или нѣсколькими совѣтами.

[4]) Существованіе совѣта удостовѣрено для Беотіи (Xen. *Hell*. VII 3, 5: такъ какъ рѣчь идетъ о переговорахъ съ чужимъ государствомъ, то имѣется въ виду, конечно, не ѳиванская, а беотійская *βουλή*), Ѳессаліи (*CIA*. IV 2, 59 b) и Аркадіи (Dittenb. *Syll*. 167, если этотъ памятникъ относится къ IV столѣтію). Упомянутая у Theopomp. fr. 155 олинѳійская *βουλή* также, вѣроятно, представляетъ собою совѣтъ халкидскаго союза.

[5]) Такъ было въ ѳессалійскомъ союзѣ: Demosth. *Олинѳ*. I 22, сравн. *Фил*. II 22.

[6]) Xen. *Hell*. VII 3, 33 (Аркадія).

всего союза, что̀ заставляетъ предполагать и существованіе общей мѣры и вѣса [1]). Напротивъ, во внутреннихъ дѣлахъ каждый союзный городъ былъ совершенно самостоятеленъ; однако союзъ уже самымъ своимъ существованіемъ естественно способствовалъ установленію въ союзныхъ общинахъ возможно-однообразныхъ политическихъ формъ; олигархическимъ и демократическимъ общинамъ трудно было уживаться въ одномъ и томъ же союзномъ государствѣ.

Итакъ, въ половинѣ IV вѣка федерація была господствующей политической формой въ большей части греческаго полуострова. Но за предѣлами послѣдняго мы находимъ лишь зачатки подобнаго строя. Такъ называемый второй аттическій морской союзъ былъ еще болѣе шаткимъ соединеніемъ самостоятельныхъ государствъ, чѣмъ первый. Столь же непрочнымъ оставался и союзъ греко-италійскихъ городовъ. Зато въ колоніальныхъ областяхъ, гдѣ грекамъ приходилось отстаивать свое существованіе противъ сосѣднихъ варваровъ, отдѣльные города сплотились въ жизнеспособныя государства, часто въ формѣ военной монархіи; такую организацію создали на Кипрѣ Эвагоръ, въ Сициліи Діонисій, на киммерійскомъ Босфорѣ домъ Спартокидовъ.

Однако образованіе такого большого числа крѣпкихъ областныхъ государствъ служило само по себѣ крупнымъ препятствіемъ для всякой попытки національнаго объединенія, и потому Спарта, которая въ первыя десятилѣтія IV вѣка одна во всей Греціи отстаивала идею объединенія, постоянно старалась противодѣйствовать этому движенію. Именно съ этой цѣлью въ Анталкидовъ миръ была внесена оговорка объ автономіи отдѣльныхъ государствъ. Но стремленіе къ помѣстному объединенію оказалось сильнѣе могущества Спарты и персидскаго царя, и спартанская гегемонія была сокрушена въ этой борьбѣ. Если съ виду это была побѣда партикуляризма, то въ дѣйствительности федеративное движеніе косвеннымъ образомъ сильно способствовало торжеству національной идеи. Оно научило народную массу смотрѣть далѣе стѣнъ своего города, показало ей, что городъ можетъ входить равноправнымъ членомъ въ составъ болѣе крупнаго политическаго цѣлаго, и тѣмъ указало путь, который одинъ могъ привести къ прочному объединенію націи.

Въ духовной области это объединеніе уже давно осуществилось, и съ тѣхъ поръ, какъ Аѳины сдѣлались умственнымъ центромъ Эллады, оно съ каждымъ годомъ становилось все тѣснѣе и глубже.

---

[1]) Союзную монету чеканили Беотія, Фокида, Аркадія, Халкидика,—Ахея лишь во время Александра, Ѳессалія лишь въ римскій періодъ (196—146).

вслѣдствіе этого аттическое нарѣчіе сдѣлалось общимъ литературнымъ языкомъ, а слѣдовательно и языкомъ всѣхъ образованныхъ людей. Прочіе діалекты еще нѣкоторое время держались только въ спеціальныхъ наукахъ; врачи гиппократовой школы продолжали писать по-іонически, какъ ихъ учитель, а пиѳагорейцы и вообще математики греческаго Запада остались вѣрны дорическому нарѣчію. Однако, какъ мѣстный разговорный языкъ, діалекты еще долго продолжали жить, и одна только Македонія рѣшилась сдѣлать аттическое нарѣчіе своимъ государственнымъ языкомъ.

Въ концѣ V и началѣ IV вѣка нація выработала себѣ и однообразное письмо. Іоническій алфавитъ, самый совершенный изъ всѣхъ греческихъ алфавитовъ, сдѣлался въ Аттикѣ около времени Пелопоннесской войны преобладающимъ въ неоффиціальной письменности и постепенно началъ проникать также въ оффиціальное дѣлопроизводство; наконецъ, при возстановленіи демократіи въ 403 году онъ былъ оффиціально введенъ въ аѳинской государственной канцеляріи. То же сдѣлали около этого времени всѣ остальныя греческія государства, вслѣдствіе чего старые алфавиты повсюду были забыты—несомнѣнно знаменательный признакъ овладѣвшаго эллинами стремленія къ объединенію націи.

Это движеніе не могло не отразиться и въ политической области. Сознаніе, что нація необходимо должна объединиться, что иначе Элладѣ грозитъ опасность истощить свои силы во внутреннихъ распряхъ и въ концѣ концовъ сдѣлаться добычей варваровъ, начало со времени Пелопоннесской войны проникать все въ болѣе широкіе круги. Аттическая комедія неустанно въ теченіе всей войны напоминала народу, что кровь, проливаемая имъ на поляхъ битвы, есть кровь братьевъ-эллиновъ [1]). Совершенно такъ же думалъ Платонъ; на войну эллиновъ съ эллинами онъ смотрѣлъ какъ на гражданскую войну и какъ на признакъ того, что нація больна [2]). Но болѣе всего распространенію объединительной идеи способствовали ораторы. Уже великій основатель искусства краснорѣчія, Горгій изъ Леонтинъ, отдалъ свои силы на служеніе этому дѣлу. Ему суждено было видѣть, какъ сначала Спарта съ помощью персовъ сокрушила аѳинскую державу, какъ затѣмъ аѳиняне и ѳиванцы, также съ персидской помощью, сокрушили спартанскую державу, и какъ вслѣдствіе этого малоазіатскіе греки снова подпали подъ персидское иго, отъ котораго ихъ нѣкогда освобо-

---

1) Напр. Aristoph. *Лисистр.* 1128—34.

2) Платонъ *о Государствѣ* V 470.

дили предки. И вотъ, въ 392 году онъ выступилъ на олимпійскомъ празднествѣ передъ собравшимися эллинами, пламеннымъ словомъ призывая ихъ къ единенію и борьбѣ съ варварами, которая одна лишь достойна Греціи и одна можетъ залечить язвы политическаго раздробленія. Въ томъ же смыслѣ говорилъ онъ въ Аѳинахъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ память гражданъ, павшихъ въ Коринѳской войнѣ; печальнымъ побѣдамъ надъ братьями-греками онъ противопоставлялъ дни Мараѳона и Саламина, единственныя истинно-славныя страницы въ исторіи Аѳинъ [1]). И слова Горгія не отзвучали безслѣдно. Примиреніе эллиновъ между собою, національная война противъ Персіи для освобожденія заморскихъ братьевъ сдѣлались отнынѣ излюбленной темой ораторовъ, выступавшихъ на панэллинскихъ празднествахъ [2]),—знакъ, что этимъ идеямъ былъ обезпеченъ успѣхъ у слушателей. Подобные же призывы иногда раздавались и съ политической трибуны. Даже Демосѳенъ однажды назвалъ персидскаго царя «исконнымъ врагомъ всѣхъ эллиновъ» и считаетъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Элладу, внутренніе раздоры и вызванное ими вмѣшательство персовъ; эллины, говоритъ онъ, нуждаются въ посредникѣ, который водворилъ бы между ними согласіе [3]). Правда, это были лишь красныя слова, которыя очень скоро были снова забыты.

Но никто не трудился такъ долго и неутомимо въ пользу объединенія Греціи, какъ Исократъ. Когда постыдный миръ Анталкида выдалъ малоазіатскихъ грековъ варварамъ и Эвагоръ кипрскій началъ борьбу на жизнь и смерть съ могущественной Персіей, тогда великій ораторъ выступилъ со своимъ Панегирикомъ,—совершеннѣйшимъ образцомъ античнаго торжественнаго краснорѣчія, предназначеннымъ

---

1) Для *'Ολυμπικός* нельзя найти другой даты, кромѣ 392 года; о времени появленія *Эпитафія* Dümmler *Akad.* стр. 24 судитъ правильнѣе, чѣмъ *Hermes* XXVII (1892) стр. 278 сл.; эта рѣчь могла быть написана не ранѣе осени 392 года, когда начали разстраиваться добрыя отношенія между Аѳинами и Персіей. Лисіевъ *Эпитафій*, который, если онъ не подложенъ, представлялъ бы terminus ante quem для *Эпитафія* Горгія, относится вовсе не къ 394 г., а къ одному изъ позднѣйшихъ лѣтъ войны; о битвѣ при Книдѣ можно было говорить въ Аѳинахъ какъ о *νίκη τῶν βαρβάρων* (59) лишь послѣ разрыва съ Персіей.

2) Isocr. *Paneg.* 3, сравн. произнесенную въ 388 году *олимпійскую рѣчь* Лисія и сохранившійся подъ его именемъ *Эпитафій*.

3) Demosth. *о симмор.* 3 (сравн. 36) *ἐγὼ νομίζω κοινὸν ἐχθρὸν ἁπάντων τῶν 'Ελλήνων εἶναι βασιλέα,* 40 *τοὺς Ἕλληνας ὁρᾷ δεομένους ἤτοι τινὸς ἑκουσίου ἢ ἀκουσίου διαλλακτοῦ (βασιλεύς).*

воодушевить эллиновъ къ національной войнѣ противъ Персіи. Одну минуту дѣйствительно казалось, что эти надежды близки къ осуществленію (выше стр. 174); но вскорѣ Исократу пришлось убѣдиться, что люди, стоявшіе во главѣ греческихъ республикъ, менѣе всего заботились о достиженіи великихъ національныхъ цѣлей. Тогда Исократъ обратилъ свои взоры на монархію, прежде всего — на Ясона ферскаго, владыку Өессаліи. Дѣйствительно, Ясонъ охотно согласился стать во главѣ похода противъ персовъ [1]), но убіеніе его въ 370 году внезапно разстроило этотъ планъ. Когда вслѣдъ затѣмъ Діонисій сиракузскій сблизился съ Аөинами и началъ принимать дѣятельное участіе въ греческой политикѣ, Исократъ увидѣлъ въ немъ грядущаго спасителя націи [2]); въ самомъ дѣлѣ, кто могъ быть болѣе способенъ вести эллиновъ противъ Персіи, чѣмъ вождь, объединившій Сицилію и остановившій успѣхи кароагенянъ? Но у Діонисія были болѣе неотложныя заботы дома; правда, онъ еще разъ взялся за оружіе, но опять лишь противъ Кароагена, а вскорѣ смерть отозвала престарѣлаго тирана съ политической арены. Затѣмъ обстоятельства неожиданно сложились такъ, что Исократъ могъ, казалось, снова надѣяться на осуществленіе своей завѣтной мечты: Аөины въ союзѣ со Спартой обратились противъ Персіи, старый царь Агесилай еще разъ перешелъ въ Азію и затѣмъ побѣдоносно защитилъ Египетъ противъ персовъ, наконецъ Аөины въ союзнической войнѣ открыто порвали съ Персіей и Харесъ одержалъ рядъ блестящихъ побѣдъ надъ малоазіатскими сатрапами. Въ это время Исократъ обратился къ спартанскому царю Архидаму, призывая его послѣдовать примѣру его великаго отца, Агесилая, и стать во главѣ освободительной войны противъ Персіи [3]). Но вниманіе Архидама было поглощено болѣе неотложными задачами; онъ надѣялся въ союзѣ съ Фокидой вернуть Спартѣ ея прежнее положеніе въ Пелопоннесѣ и вовсе не былъ склоненъ связывать себѣ руки обширнымъ заморскимъ предпріятіемъ. Тщетно Аөины призывали эллиновъ къ борьбѣ противъ Персіи; онѣ остались изолированными

---

[1]) Isocr. *Phil.* 119 сл., Xen. *Hell.* VI 1, 12.

[2]) Isocr. l. c. 81 и посланіе къ Діонисію. О подлинности этого посланія— Wilamowitz—*Aristoteles und Athen* II 391.

[3]) Посланіе Исократа къ Архидаму (IX письмо), написанное около 356 года, такъ какъ Исократъ называетъ себя 80-лѣтнимъ (16). Содержаніе письма не даетъ повода къ подозрѣнію, потому что Спарта несмотря на всѣ потери все еще была одною изъ главныхъ державъ Греціи и Архидамъ такъ же могъ идти походомъ противъ персовъ, какъ Агесилай пошелъ противъ Мантинеи. Что стиль письма хорошъ, признаютъ даже тѣ, кто оспариваетъ подлинность письма.

и должны были позаботиться о томъ, чтобы какъ-нибудь добиться мира съ царемъ (выше, стр. 253).

Но Исократъ и теперь не потерялъ надежды. Чего онъ тщетно ждалъ отъ старыхъ греческихъ государствъ, то осуществитъ, можетъ быть, македонскій царь, завоевавшій себѣ въ теченіе немногихъ лѣтъ такое положеніе, какого не занималъ до него ни одинъ греческій государь. Исократъ лелѣялъ этотъ планъ уже во время войны изъ-за Амфиполя; онъ готовилъ рѣчь, которая должна была убѣдить аѳинянъ въ необходимости примириться съ македонскимъ царемъ и въ союзѣ съ нимъ предпринять войну противъ персовъ. И вотъ—раньше, чѣмъ Исократъ могъ надѣяться,—былъ заключенъ миръ; онъ немедленно отправилъ къ царю открытое посланіе, гдѣ изложилъ свою политическую программу [1]). Ближайшая задача, говоритъ онъ, — водворить миръ въ Элладѣ; если Филиппъ серьезно возьмется за осуществленіе этой цѣли, то общественное мнѣніе тотчасъ станетъ на его сторону и онъ во всей Греціи займетъ такое же положеніе, какое занимаютъ цари въ Спартѣ или онъ самъ по отношенію къ македонской знати. Затѣмъ пусть онъ ведетъ силы объединенной націи противъ Азіи. Война съ персами не представитъ затрудненій, разъ они не будутъ имѣть союзниковъ въ Греціи, и завоеваніе всей персидской монархіи вполнѣ возможно. Если же этотъ планъ окажется неисполнимымъ, то достославной цѣлью было бы по крайней мѣрѣ вырвать изъ рукъ персидскаго царя малоазіатскій полуостровъ и основать здѣсь рядъ колоній, въ которыхъ могли бы найти новое отечество всѣ тѣ, кого теперь бѣдность гонитъ въ наемники; такимъ образомъ эти люди были бы избавлены отъ нужды и превратились бы въ полезныхъ членовъ общества, тогда какъ въ настоящее время они являются истиннымъ бичомъ Эллады.

Не звучитъ ли въ этихъ словахъ Исократа пророческое предвидѣніе будущаго? Правда, объединить Грецію было не такъ легко, какъ ему казалось; еще много крови будетъ пролито, прежде чѣмъ удастся сломить сопротивленіе партикуляризма, и ни Исократъ, ни самъ Филиппъ не увидятъ полнаго осуществленія тѣхъ идеаловъ, которымъ они посвятили свою жизнь, одинъ какъ полководецъ и политикъ, другой какъ ораторъ и публицистъ. Роль, которую Исократъ, простой аѳинскій профессоръ, игралъ рядомъ съ могущественнымъ царемъ, была съ внѣшней стороны, разумѣется, очень скромна; но это

[1]) Исократовъ *Φίλιππος*, въ политическомъ отношеніи самое замѣчательное изъ всѣхъ его произведеній.

не умаляетъ въ нашихъ глазахъ значенія его дѣятельности для торжества той идеи, которой они оба служили. Въ то время реторика была въ Греціи крупной силой, и Исократъ былъ самымъ прославленнымъ изъ преподавателей реторики. Его произведенія читались отъ одного конца греческаго міра до другого; а къ вліянію литературному присоединялось еще личное вліяніе на цѣлый рядъ даровитѣйшихъ юношей, которые отовсюду стекались въ Аѳины къ стопамъ знаменитаго учителя и которые позднѣе сдѣлались духовными вождями націи. Голосъ такого человѣка вліялъ на общественное мнѣніе, какъ ничей другой, и если Филиппу удалось объединить Элладу, если Александръ смогъ открыть далекую Азію для греческой культуры и греческой предпріимчивости, то это въ значительной степени было заслугой Исократа, который проторилъ имъ путь совершенно такъ же, какъ дѣятели 1848 года подготовили почву для объединенія Германіи [1]).

Но пока вниманіе Филиппа было поглощено болѣе неотложными задачами. Въ Македоніи надо было послѣ долгой войны многое привести въ порядокъ; прежде всего, опять необходимо было усмирить сосѣднія варварскія племена на западѣ и сѣверѣ, иллирійцевъ и дардановъ [2]). Для защиты пограничныхъ областей были основаны колоніи [3]); энергично продолжалась постройка флота, начатая еще во время войны [4]). Благодаря блестящему политическому положенію, которое Филиппъ своими побѣдами доставилъ Македоніи, она начала теперь развиваться и въ экономическомъ отношеніи, и доходы царской казны достигли небывалой высоты [5]).

Еще болѣе дѣла предстояло въ Ѳессаліи. Полномочіе, которымъ Филиппу вручено было верховное начальство противъ Фокиды, съ

---

[1]) Сравн. рефератъ Scala въ *Verh. der 41. Phil.-Vers.* въ Мюнхенѣ (Лейпцигъ 1893).—Обыкновенно новѣйшіе историки любятъ изображать Исократа фантазеромъ, стремившимся къ неосуществимымъ идеаламъ; для историковъ этого направленія ничего не значитъ, что Филиппъ и Александръ осуществили эти идеалы почти точка въ точку. Такъ, Шеферъ видитъ въ *Филиппѣ* не что иное, какъ «сердечныя изліянія девяностолѣтняго старика». Исократу приписываютъ также «профессорскую политику», и характерно, что этотъ упрекъ, исходитъ какъ разъ отъ профессоровъ.

[2]) Diod. XVI 69 (подъ $344/_3$ годомъ), Trogus *Prol.* VIII, Justin. VIII 6, 3 Theopomp. fr. 203.

[3]) Justin. VIII 5, 7—13; 6, 1; сравн. Köhler *Sitzungsber. der Berl. Akad.* 1891, 1 стр. 485 сл.

[4]) Рѣчь *о Галоннесѣ* 16, сравн. Demosth. *Фил.* II 12.

[5]) Demosth. *о пос.* 89, сравн. Arr. VII 9, 2 сл.

окончаніемъ священной войны утратило законную силу; теперь побѣдитель былъ избранъ пожизненнымъ архонтомъ ѳессалійскаго союза, что обезпечивало ему руководящее вліяніе во внутреннихъ дѣлахъ [1]). Сторонники Филиппа въ качествѣ «тетрарховъ» стали во главѣ четырехъ провинцій страны [2]), внутренніе споры въ отдѣльныхъ городахъ рѣшались отнынѣ царскими указами [3]), доходы и военныя силы союза находились въ распоряженіи Филиппа [4]); въ Феры, гдѣ еще живы были воспоминанія о блескѣ эпохи тирановъ, былъ поставленъ царскій гарнизонъ [5]). Правда, несмотря на все это Филиппъ отнюдь

---

[1]) Diod. XVI 69, 8 (подъ 344/3 годомъ). Что Филиппъ по окончаніи священной войны преобразовалъ политическое устройство Ѳессаліи, говоритъ и Демосѳенъ, *Филип.* II 22 (344/3 г.) сравн. *Филип.* III 26. Объ архонтѣ ѳессалійскаго союза (титулъ *ταγός* былъ обезславленъ ферскими тиранами)—*CIA.* IV 2, 59 b, сравн. Köhler *Athen. Mitteil.* II (1877) стр. 197 слл. Прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что Филиппъ былъ избранъ въ архонты, у насъ нѣтъ, но это явствуетъ изъ сообщеній о вступленіи на престолъ Александра (Diod. XVII 4, Justin. XI 3, 2 *exemplo patris dux universae gentis creatus);* что Филиппъ былъ выбранъ не раньше этого времени, видно изъ Demosth. *Олинѳ.* I 22. О популярности Филиппа въ Ѳессаліи—Diod. l. c., Isocr. *Phil.* 20, Demosth. *о вѣнкѣ* 43.

[2]) Demosth. *Филип.* III 26, Theopomp. fr. 234 (у Harpocr. *τετραρχία),* сравн. fr. 235. Изъ этихъ мѣстъ отнюдь не слѣдуетъ, что Филиппъ назначилъ тетрарховъ собственной властью; они показываютъ только, что онъ сумѣлъ направить выборы согласно своимъ интересамъ. *Δεκαδαρχία* у Demosth. *Фил.* II 22 представляетъ собою, какъ замѣтилъ уже Reiske, вѣроятно не что иное, какъ старое искаженіе текста; писецъ разложилъ $\overline{\Delta}$ΑΡΧΙΑΝ не въ *τετραρχίαν*, какъ слѣдовало, а въ *δεκαδαρχίαν*. Въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что Демосѳенъ ошибся, такъ какъ то обстоятельство, что онъ употребилъ единственное число, не позволяетъ отнести его извѣстіе къ отдѣльнымъ городамъ (см. примѣчаніе Weil'я къ этому мѣсту и Harpocr. *τετραρχία* и *δεκαδαρχία).* Правда, Шеферъ полагаетъ (II² 430 прим. 3), что во второй *Филиппикѣ*, произнесенной въ 344/3 году, Демосѳенъ еще не могъ говорить о тетрархіи, такъ какъ послѣдняя была введена лишь послѣ эпирской экспедиціи Филиппа, какъ видно изъ того, что Ѳеопомпъ разсказывалъ объ этомъ походѣ въ 43-й, а о введеніи тетрархіи въ Ѳессаліи—въ 44-й книгѣ. Но развѣ расположеніе матеріала въ произведеніи Ѳеопомпа извѣстно намъ настолько точно, чтобы можно было выводить отсюда подобныя заключенія? И гдѣ ручательство, что нумеръ книги переданъ точно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ?

[3]) Demosth. *Фил.* III 33.

[4]) О ѳессалійскихъ финансахъ — Justin. XI 3, 2, Demosth. *Олинѳ.* I 22, *Фил.* II 22, о военныхъ полномочіяхъ Филиппа—Diod. XVI 14, Demosth. *περὶ τῶν ἐν Χερσ.* 14.

[5]) Demosth. *о пос.* 260, *Фил.* III 12, IV 10, рѣчь *о Галоннесѣ* 32. О двусмысленномъ поведеніи Феръ въ 346 году—Demosth. *о пос.* 320.

не былъ въ Θессаліи неограниченнымъ властелиномъ или даже только верховнымъ правителемъ, какимъ онъ былъ въ Македоніи; во всѣхъ важныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ онъ зависѣлъ отъ согласія союзнаго собранія, которому принадлежало и право войны и мира [1]). Притомъ, званіе архонта не было наслѣдственнымъ: по смерти архонта преемникъ ему каждый разъ избирался θессалійскимъ союзнымъ собраніемъ [2]). Правда, фактически верховная власть надъ Θессаліей отнынѣ и до битвы при Киноскефалахъ оставалась соединенной съ македонской короной; но, по крайней мѣрѣ формально, македонскіе цари всегда соблюдали конституціонныя права страны, хотя въ дѣйствительности воля царя мало-по-малу пріобрѣла въ Θессаліи такое же безусловное значеніе, какъ въ самой Македоніи [3]).

И къ югу отъ Θермопилъ Филиппъ успѣшно старался распространить свое вліяніе. Состоятельные классы всюду обращали теперь свои взоры къ царю; они ожидали отъ него поддержки своимъ интересамъ, какой уже не могла оказывать Спарта. И Филиппъ оправдалъ эти надежды. Въ Элидѣ незадолго передъ тѣмъ была свергнута господствующая олигархія и часть зажиточнаго класса принуждена была уйти въ изгнаніе; теперь изгнанники съ македонской помощью вернулись на родину и олигархія была возстановлена. Послѣ этого Элида, разумѣется, вступила въ тѣсный союзъ съ Филиппомъ [4]). Но и демократическія государства Пелопоннеса, Аргосъ, Мегалополь, Мессена, бросились теперь въ объятія Филиппа, который одинъ въ состояніи былъ оказывать имъ дѣйствительную помощь противъ Спарты. Едва ли кому приходило здѣсь въ голову, что царь когда-либо можетъ явиться въ Пелопоннесъ [5]); между тѣмъ ему уже теперь воздвигли бронзовую статую въ Мегалополѣ [6]).

Только одного Филиппу не удалось достигнуть, именно того, что̀

---

1) Aesch. *пр. Ктес.* 161.

2) Diod. XVII 4, 1. Justin. XI 3, 2.

3) Polyb. IV 76, 2.

4) Demosth. *о пос.* 260. 294 (эта рѣчь была произнесена лѣтомъ 343 г., Ol. 109, 2), *Фил.* III 27, Paus. IV 28, 4, V 4, 9. Во время аркадской войны (365) въ Элидѣ господствовала олигархическая партія (Xen. *Hell.* VII 4,16), и еще въ 353/2 году элейцы стоятъ на сторонѣ Спарты (Demosth. *за Мегалоп.* 16, выше стр. 390). Переворотъ произошелъ, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ спустя, потому что около 344 года аркадяне оказываютъ поддержку Элидѣ противъ ея изгнанниковъ, которые приняли къ себѣ на службу остатокъ наемниковъ Фалэка (Diod. XVI 63, 4 сл.).

5) Demosth. *Фил.* II 9. 13. 15. 23.

6) Demosth. *о пос.* 261.

было для него наиболѣе важно: установленія добрыхъ отношеній съ Аѳинами. Мы видѣли, какъ Демосѳенъ, искусно пользуясь обстоятельствами, сумѣлъ тотчасъ послѣ заключенія мира и союза съ Филиппомъ сдѣлать отношенія между обѣими державами настолько натянутыми, что война едва не возобновилась, и самому Демосѳену пришлось употребить все свое вліяніе, чтобы удержать народъ отъ необдуманнаго шага (выше стр. 413). Но кто могъ поручиться, что настроеніе массы въ ближайшую минуту снова не измѣнится? Поэтому Демосѳенъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы не упустить благопріятнаго момента, пока общественное мнѣніе еще было возбуждено противъ Филиппа и противъ тѣхъ, кто ратовалъ за союзъ съ царемъ [1]).

Эсхинъ сильно скомпромиттировалъ себя своимъ донесеніемъ о дружественныхъ намѣреніяхъ Филиппа; ему и долженъ былъ достаться первый ударъ. При разсмотрѣніи отчета пословъ Демосѳенъ возбудилъ противъ него обвиненіе въ томъ, что онъ, будучи подкупленъ Филиппомъ, измѣнилъ интересамъ Аѳинъ [2]). Эсхину грозила страшная опасность, потому что, хотя обвинитель не могъ привести въ пользу своего доноса даже тѣни доказательства, но при господствовавшемъ теперь въ Аѳинахъ настроеніи можно было почти съ увѣренностью предсказать, что присяжные вынесутъ обвинительный приговоръ.

Но Эсхинъ зналъ, какъ отразить ударъ. Демосѳенъ внесъ свое обвиненіе совмѣстно съ однимъ изъ своихъ единомышленниковъ, вліятельнымъ политическимъ дѣятелемъ Тимархомъ изъ Сфетта, который болѣе тридцати лѣтъ подвизался на политическомъ поприщѣ и занималъ всевозможныя должности [3]). Когда-то онъ былъ красавцемъ и пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что охотно принималъ поклоненіе своихъ почитателей и былъ неравнодушенъ къ подаркамъ. Но человѣкъ, который велъ такой образъ жизни, былъ по аѳинскому праву политически обезчещенъ, не могъ занимать никакой общественной должности, ни выступать передъ судомъ въ качествѣ обвинителя или защитника. И вотъ Эсхинъ отвѣтилъ на обвиненіе Демосѳена и Тимарха встрѣчнымъ обвиненіемъ, въ которомъ доказывалъ, что Тимархъ, въ виду своего грязнаго прошлаго, не

---

1) Aesch. *пр. Ктес.* 80 *ἐν ταῖς μεγίσταις ἦσαν αἰτίαις οἱ περὶ τῆς εἰρήνης πρεσβεύσαντες*. Это относится къ данному времени.

2) Demosth. *о пос.* 8.

3) Aesch. *пр. Тим.* 106 слл., Demosth. *о пос.* 286 и первую Hypothesis къ рѣчи Эсхина *пр. Тимарха*.

имѣетъ права защищать передъ судомъ интересы государства, и потому подписанное имъ обвиненіе недѣйствительно. Пришлось предварительно разсмотрѣть этотъ вопросъ; процессъ противъ Эсхина былъ покуда пріостановленъ, и хотя можно было предвидѣть, что Демосѳенъ во всякомъ случаѣ проведетъ свое обвиненіе, но и выигрышъ во времени былъ уже важнымъ шансомъ.

Теперь разыгрался скандальный процессъ самаго пикантнаго свойства; отовсюду стекались любопытные на судебныя разбирательства. Дѣйствительно, ожиданія публики не были обмануты; рѣчь Эсхина была образцовымъ ораторскимъ произведеніемъ, а его разоблаченія отрѣзали обвиняемому всѣ пути къ оправданію. Самъ Демосѳенъ не рѣшился ни единымъ словомъ защитить своего друга, и Тимархъ безпрекословно подчинился приговору судей, въ силу котораго онъ лишался всѣхъ политическихъ правъ. Эсхинъ былъ спасенъ, Демосѳенъ тяжело скомпромиттированъ во мнѣніи общества (зимою 346/5 года) [1]).

Филиппъ призналъ эту минуту удобною для попытки установить болѣе дружественныя отношенія съ Аѳинами [2]), и вскорѣ онъ нашелъ случай на дѣлѣ доказать аѳинянамъ свое расположеніе. Граждане Делоса всегда тяготились аѳинскимъ господствомъ; теперь они надѣялись, что Филиппъ освободитъ ихъ, и представили свое дѣло на разсмотрѣніе совѣта амфиктіоновъ въ Дельфахъ, въ которомъ, какъ мы знаемъ, царь безусловно располагалъ большинствомъ голосовъ. Въ Аѳинахъ не осмѣливались оспаривать компетентность этого судилища и доводить дѣло до священной войны. Представителемъ аѳинскихъ интересовъ сначала предполагалось послать въ Дельфы Эсхина, но ареопагъ вмѣшался и назначилъ вмѣсто Эсхина Гиперида, лучшаго адвоката, какого имѣли тогда Аѳины, но вмѣстѣ съ тѣмъ политическаго противника Филиппа. Однако царь, какъ искусный дипломатъ, былъ нещепетиленъ; приговоромъ амфиктіоновъ права Аѳинъ на господство надъ Делосомъ были признаны законными [3]).

[1]) Главный источникъ — произнесенная въ этомъ процессѣ рѣчь Эсхина *(пр. Тим.)*, далѣе сообщенія Демосѳена въ его рѣчи о посольствѣ; они показываютъ, какъ тяжело онъ чувствовалъ это пораженіе. Сравн. Schaefer II² 333 сл., Blass *Att. Bereds.* III 2, 167 сл. Дѣло разбиралось въ 346/5 г. (Aesch. *пр. Тим.* 80 *ἐβούλευε πέρυσιν*, а Тимархъ былъ членомъ совѣта въ 347/6 году), тотчасъ послѣ сельскихъ Діонисій (Aesch. l. c. 157), которыя праздновались въ Посейдеонѣ (Schaefer II² 336).

[2]) Aesch. *пр. Тим.* 169.

[3]) Demosth. *о мирѣ* 134 *(о пос.* 209 относится не сюда) и фрагменты делосской рѣчи Гиперида (67—75 Blass ³). Датировать процессъ съ точностью

Однако эта предупредительность не принесла пользы Филиппу; Демосѳенъ по-прежнему сохранялъ руководящее вліяніе въ Аѳинахъ и пользовался имъ для того, чтобы всячески противодѣйствовать Филиппу. Прежде всего необходимо было вывести Аѳины изъ того изолированнаго положенія, въ которое онѣ попали благодаря своей политикѣ въ фокійской войнѣ. Съ этой цѣлью Демосѳенъ отправился посломъ въ Пелопоннесъ, чтобы привлечь на сторону Аѳинъ Мессену, Аргосъ и Мегалополь (344) [1]. Восемь лѣтъ назадъ Мегалополь самъ предложилъ свой союзъ Аѳинамъ, и Демосѳенъ тщетно старался тогда склонить своихъ согражданъ принять это предложеніе (выше стр. 390 сл.); то, что̀ тогда было упущено, слѣдовало теперь вернуть. Но за эти годы положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Враждебныя Спартѣ государства нашли могущественнаго защитника въ лицѣ Филиппа, и Аѳины ничего не могли предложить имъ взамѣнъ этой опоры; онѣ не были даже готовы къ тому, чтобы порвать свой союзъ со Спартою. Тщетно Демосѳенъ пускалъ въ ходъ всю мощь своего краснорѣчія; его слова пропадали даромъ или, вѣрнѣе, достигли лишь того, что Филиппъ и находившіяся въ союзѣ съ нимъ пелопоннесскія государства стали жаловаться на оскорбительный языкъ аѳинскихъ пословъ и на безпрестанно оказываемую Аѳинами Спартѣ поддержку [2]. Аѳиняне съ своей стороны потребовали, чтобы мирный договоръ былъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправленъ [3]), и Филиппъ не отклонилъ этого требованія; такъ, онъ изъявилъ готовность передать аѳинянамъ небольшой островъ Галоннесъ къ сѣверу отъ Эвбеи, отнятый имъ у шайки морскихъ разбойниковъ. Но Демосѳенъ рѣзко отвергъ это предложеніе; не уступить, говорилъ онъ, а вернуть долженъ царь этотъ островъ, на который Аѳины имѣютъ старыя права [4]). Напрасно Филиппъ предлагалъ передать спорные пункты на третейскій судъ нейтральнаго государства; Демосѳенъ не хотѣлъ слышать о соглашеніи, и переговоры были наконецъ прерваны [5]).

невозможно; естественно предполагать, что делосцы подали жалобу тотчасъ по освобожденіи Дельѳъ; притомъ, послѣ процесса противъ Филократа ($344/_3$) Гиперидъ едва ли могъ быть назначенъ представителемъ Аѳинъ. Поэтому приходится отнести процессъ къ $345/_4$ году; то же слѣдуетъ, повидимому, изъ Demosth. *о вѣнкѣ*.

[1]) Demosth. *о вѣнкѣ* 79, *Фил.* II 19—26.

[2]) Hypoth. ко 2-ой *Филиппикѣ* Демосѳена и самая рѣчь, которая была произнесена именно при этомъ случаѣ, по Dionys. къ *Аммею* I 10,—въ $344/_3$ году.

[3]) Demosth. *о пос.* 181.

[4]) Aesch. *пр. Ктес.* 83, Plut. *Demosth.* 9. Комедія неустанно осмѣивала это доктринерство, сравн. цитаты у Athen. VI 233 е, 224 а.

[5]) Aesch. *пр. Ктес.* 82, Demosth. *о пос.* 331. Къ этимъ переговорамъ от-

Теперь надо было позаботиться о томъ, чтобы закрыть ротъ оппозиціи въ Аѳинахъ. На этотъ разъ за дѣло взялись умнѣе и первый ударъ направили противъ Филократа, который первымъ подписалъ свое имя подъ договоромъ о мирѣ. Привлеченный къ суду Гиперидомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и понимая, что при данномъ положеніи дѣлъ его неминуемо ждетъ осужденіе, онъ не сталъ дожидаться приговора и отправился въ добровольное изгнаніе, послѣ чего заочно былъ приговоренъ къ смерти (343) [1]. Теперь Демосѳенъ счелъ своевременнымъ возобновить обвиненіе противъ Эсхина, которое онъ два года назадъ, послѣ своего пораженія въ процессѣ Тимарха, оставилъ, не доведя до конца. Онъ заявилъ, что Эсхинъ, будучи подкупленъ Филиппомъ, своимъ поведеніемъ во время второго посольства погубилъ Керсоблепта и фокійцевъ и слѣдовательно повиненъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, какія миръ навлекъ на Аѳины; въ виду этого обвинитель требовалъ, чтобы Эсхинъ былъ присужденъ къ смерти или по крайней мѣрѣ, къ лишенію почетныхъ гражданскихъ правъ. Правда, обвиненіе было очень скудно обосновано. Демосѳенъ не можетъ привести ни ма-

носится рѣчь *о Галоннесѣ*. Она выдаетъ себя за произведеніе Демосѳена, потому что начинается доказательствомъ, что Филиппъ долженъ не «дать», а «отдать» островъ. Но, какъ показываетъ ея стиль, она написана не Демосѳеномъ, что замѣтили уже и нѣкоторые античные критики (сравн. *Hypothesis* Либанія). Слѣдовательно, она представляетъ собою поддѣлку, потому что, если Либаній думаетъ, что и другой ораторъ, напримѣръ Гегесиппъ, котораго онъ считаетъ авторомъ рѣчи, могъ провести то же тонкое различіе между понятіями «давать» и «отдавать», то вѣдь это натяжка. Этого одного достаточно; для тѣхъ же, кто еще сомнѣвается въ подложности рѣчи, я укажу на то, что авторъ ея не имѣетъ яснаго представленія о разницѣ между *νόμος* и *ψήφισμα* (24). Далѣе, невѣроятно, чтобы аѳиняне и теперь еще требовали возвращенія Потидеи и Амфиполя; ни въ одной подлинной рѣчи этого времени нѣтъ ни малѣйшаго намека на такое требованіе. Можно было бы указать еще и нѣкоторыя другія несообразности подобнаго рода. Во всякомъ случаѣ, поддѣлка относится къ довольно ранней эпохѣ, и авторъ располагалъ хорошими матеріалами, такъ что мы можемъ пользоваться этой рѣчью, хотя и съ осторожностью.

[1]) Hyperid. *за Эвксен.* 39 сл., Demosth. *о пос.* 116 слл., Aesch. *о пос.* 6, сравн. *Attische Politik* автора стр. 208. Изъ Demosth. l. c. видно, что этотъ процессъ разбирался незадолго до процесса Эсхина; напротивъ, когда Демосѳенъ произнесъ свою вторую Филиппику (344), — Филократъ еще не былъ привлеченъ къ суду. Слѣдовательно, процессъ относится къ первой половинѣ 343 года. Бѣгство Филократа, разумѣется, вовсе не доказываетъ его виновности, а доказываетъ лишь, что онъ не довѣрялъ приговору присяжныхъ. Развѣ мы признаемъ Перикла и Демосѳена виновными на томъ основаніи, что они были осуждены аѳинскимъ судомъ присяжныхъ? Однако этимъ я вовсе не имѣю въ виду доказать, что Филократъ не былъ подкупленъ.

лѣйшаго факта въ доказательство того, что Эсхинъ былъ подкупленъ Филиппомъ, да и другіе пункты обвиненія совершенно голословны. Въ самомъ дѣлѣ, посламъ было дано, прежде всего, чисто-формальное полномочіе принять отъ Филиппа присягу на вѣрность уже заключенному миру; въ условіяхъ мира уже ничего нельзя было измѣнить, а какъ мы знаемъ, Керсоблептъ не былъ включенъ въ миръ и Филиппъ категорически заявилъ, что онъ и фокійцевъ не признаетъ союзниками Аѳинъ въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понимался въ договорѣ. Далѣе, Керсоблептъ капитулировалъ въ Гіеронъ-Оросѣ спустя четыре дня послѣ того, какъ миръ былъ заключенъ въ Аѳинахъ, и еще раньше, чѣмъ послы выѣхали въ Пеллу. Что же касается Фокиды, то уже во время заключенія мира вся Греція знала, что Филиппъ готовится къ походу въ Дельфы; значитъ, аѳиняне знали объ этомъ гораздо раньше, чѣмъ вернулись ихъ послы. Притомъ Аѳины только сейчасъ заключили союзъ съ Филиппомъ, слѣдовательно Эсхина невозможно было упрекать за то, что онъ старался установить возможно болѣе дружественныя отношенія съ царемъ. А если изъ всѣхъ выгодъ, какія Эсхинъ въ своемъ докладѣ сулилъ народу, не осуществилась ни одна, то вина въ этомъ падала, разумѣется, не на пословъ, а на тѣхъ людей, которые въ рѣшительную минуту помѣшали Аѳинамъ рука объ руку съ Филиппомъ принять участіе въ фокійской экспедиціи. Вопросъ былъ только въ томъ, насколько всѣ эти обстоятельства повліяютъ на приговоръ аѳинскихъ присяжныхъ, такъ какъ осужденіе Филократа являлось грознымъ прецедентомъ и Демосѳенъ былъ опаснымъ противникомъ. Его рѣчь—совершеннѣйшій образецъ сикофантскаго искусства; она мастерски разсчитана на то, чтобы возбудить страсти народной массы, а слабость юридической аргументаціи тщательно замаскирована въ ней. Но и на этотъ разъ Демосѳенъ не достигъ своей цѣли. Защита Эсхина по реторическому совершенству не уступала рѣчи обвинителя, и скромный языкъ истины произвелъ глубокое впечатлѣніе на присяжныхъ. Еще болѣе подѣйствовало, можетъ быть, то обстоятельство, что нѣкоторыя лица, пользовавшіяся крупнымъ вліяніемъ и безупречной репутаціей, какъ Эвбулъ и стратегъ Фокіонъ, выступили на судѣ въ качествѣ защитниковъ обвиняемаго, и особенно то, что сами фокійцы, которыхъ будто бы предалъ Эсхинъ, свидѣтельствовали въ его пользу и что между ними не нашлось ни одного, который согласился бы поддержать Демосѳена. Такимъ образомъ, Эсхинъ былъ оправданъ, хотя и малымъ большинствомъ голосовъ [1]).

[1]) Оба противника издали произнесенныя ими при этомъ процессѣ рѣчи

Около того времени, когда въ Аѳинахъ разбирались эти процессы, Филиппу удалось подчинить своему вліянію значительную часть Эвбеи. Въ Эретріи съ помощью македонскихъ войскъ была свергнута демократія и установленъ олигархическій режимъ, во главѣ котораго сталъ Клитархъ, игравшій пять лѣтъ назадъ видную роль въ возстаніи противъ Аѳинъ. Такой же переворотъ произошелъ въ Ореосѣ; городъ былъ занятъ Парменіономъ по соглашенію съ олигархической партіей, вождь которой, Филистидъ, и сталъ во главѣ правленія. [1]). Однако попытки царя пріобрѣсти и Халкиду оказались безуспѣшными; халкидяне стремились къ тому, чтобы соединить всѣ эвбейскія общины въ одно союзное государство и тѣмъ спасти ихъ отъ опасности стать игрушкою въ рукахъ сосѣднихъ державъ. Такъ какъ Филиппъ не соглашался поддержать этотъ планъ, то халкидяне обратились въ Аѳины, гдѣ Демосѳенъ сталъ горячо поддерживать ихъ предложеніе; дѣйствительно, ему удалось склонить своихъ согражданъ къ отказу отъ ихъ старыхъ притязаній на господство надъ Эвбеей и добиться заключенія равноправнаго союза съ Халкидою [2]). Даже къ Мегарѣ Филиппъ протянулъ свою руку. Здѣсь Птоодоръ, самый богатый и наиболѣе вліятельный изъ гражданъ города, надѣялся съ помощью царя захватить власть; но предпріятіе не удалось и повело лишь къ тому, что Мегара вступила въ союзъ съ Аѳинами (343) [3]).

Зато вскорѣ послѣ этого Филиппъ достигъ очень крупныхъ успѣховъ въ Эпирѣ. Тамъ послѣ смерти царя Алкета совмѣстно правили его сыновья Неоптолемъ и Ариба; затѣмъ Неоптолемъ умеръ, оставивъ одного несовершеннолѣтняго сына Александра, надъ которымъ

въ формѣ брошюръ, хотя и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были сказаны на судѣ; по крайней мѣрѣ, Демосѳенъ счелъ нужнымъ выбросить изъ своей рѣчи наиболѣе грубыя преувеличенія (Schaefer *Demosth.* III 66 сл.). Дѣло разбиралось въ архонтство Пиѳодота $343/_2$ (Dionys. *къ Аммею* 10), притомъ вѣроятно въ началѣ года (тотчасъ послѣ середины лѣта 343 года), такъ какъ о походѣ Филиппа въ Эпиръ (см. ниже стр. 432 прим. 3) въ рѣчи Демосѳена еще не упоминается. Сравн. Schaefer II² 383.

[1]) Demosth. *Фил.* III 57—66. Переворотъ произошелъ около того времени, когда Демосѳенъ произнесъ свою рѣчь *о посольствѣ* (83 сл., 87. 204. 326. 334), т.-е. лѣтомъ 343 года; два года спустя, въ рѣчи о Херсонесѣ (18. 36) онъ упоминаетъ о переворотѣ, какъ о совершившемся фактѣ.

[2]) Aesch. *пр. Ктес.* 89 сл. Весною 341 года этотъ союзъ уже существовалъ, какъ явствуетъ изъ Demosth. *περὶ τῶν ἐν Χερσονήσω* 18, *Фил.* III 74, сравн. 18.

[3]) Demosth. *о пос.* 294 сл., сравн. 87. 204. 326. 334; *Фил.* III 17 сл., 27; *о вѣнкѣ* 71. 295; сравн. также Plut. *Phoc.* 15. О Птоодорѣ — Demosth. *о пос.* 294 сл., Plut. *Dio* 17.

опеку принялъ Ариббa [1]). Изъ двухъ дочерей Неоптолема на одной, Троадѣ, женился Арибба, другую, Олимпіаду, онъ въ 357 году выдалъ замужъ за Филиппа македонскаго, надѣясь найти опору въ лицѣ этого могущественнаго сосѣда [2]). Однако ему вскорѣ пришлось убѣдиться, что эта надежда была ложною; напротивъ, Филиппъ энергично вступился за права своего шурина Александра, который воспитывался при македонскомъ дворѣ. Уже послѣ побѣды Филиппа надъ Онормахомъ между Филиппомъ и Ариббою вспыхнула изъ-за этого война [3]); когда затѣмъ Александръ достигъ совершеннолѣтія и Арибба отказался предоставить своему племяннику слѣдовавшую ему долю власти, Филиппъ вторично предпринялъ походъ въ Эпиръ, изгналъ Ариббу и его сыновей изъ страны и возвелъ на престолъ Александра (343/2) [4]). Вслѣдствіе этого Эпиръ вступилъ въ самыя тѣсныя отношенія съ Македоніей, и Филиппъ тотчасъ доставилъ своему шурину крупное пріобрѣтеніе, заставивъ Кассопію — страну, лежавшую при входѣ въ Амбракійскій заливъ,—вступить въ эпирскій союзъ [5]). Онъ надѣялся достигнуть еще бо́льшаго, именно овладѣть и коринѳской колоніей Амбракіей, самымъ большимъ и самымъ могущественнымъ городомъ Эпира, обладаніе которымъ было для эпирскихъ царей такимъ-же жизненнымъ вопросомъ, какъ обладаніе Халкидикой —для македонскихъ царей [6]). Но здѣсь его успѣхамъ былъ на время положенъ предѣлъ.

Правда, Коринѳъ совершенно не былъ въ состояніи собственными силами защитить подвластную ему колонію [7]); поэтому онъ обра-

---

1) Paus. I 11, 1. 3, Plut. *Pyrrh.* 1.

2) Justin. VII 6, 10.

3) Demosth. *Олинѳ.* I 13 со схоліями и Harpocr. Ἀρύβας.

4) Justin. VIII 6, 4—8. Diod. XVI 72, 1 пріурочиваетъ низложеніе Ариббы (онъ ошибочно говоритъ: смерть Ариббы) и воцареніе Александра къ $342/_1$ году; въ дѣйствительности же эти событія должны относиться къ предшествующему году, потому что аѳинскій отрядъ, отправленный въ Акарнанію въ годъ архонта Пиѳодота, $343/_2$ (рѣчь *противъ Олимпіодора* 24—26), могъ быть посланъ туда, конечно, только противъ Филиппа. Въ рѣчи о посольствѣ (лѣтомъ 343 года) Демосѳенъ еще ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ эпирскихъ событіяхъ. Когда Демосѳенъ произносилъ свою рѣчь о Херсонесѣ (весною 341 года), Филиппъ уже 10 мѣсяцевъ находился во Ѳракіи (*περὶ τῶν ἐν Χερσ.* 2); такимъ образомъ, эта экспедиція началась раннимъ лѣтомъ 342 года, значитъ упорядоченіе дѣлъ въ Элидѣ было тогда уже окончено.

5) Рѣчь *о Галон.* 32, Theopomp. fr. 228 (у Harpocr, Ἐλάτρεια и *Πανδοσία)*

6) Demosth. *Фил.* III 27. 34, IV 10, *о Галон.* 32.

7) Что Амбракія и Левкада въ это время еще находились въ зависимости отъ Коринѳа, видно изъ Demosth. *Фил.* III 34.

тился съ просьбою о помощи въ Аѳины, предлагая имъ свой союзъ, и его предложеніе было охотно принято. Сосѣднія съ Эпиромъ мелкія государства, Корцира и Акарнанія, также начали опасаться за свою самостоятельность и снова примкнули къ Аѳинамъ. То-же сдѣлала Ахея, которая во время священной войны стояла на сторонѣ Фокиды и теперь, когда Филиппъ сдѣлался владыкой Эпира, опасалась, что онъ отниметъ у нея Навпактъ. Этому примѣру послѣдовали и Мантинея, и союзныя съ нею общины въ сѣверной Аркадіи; даже Мессена, Мегалополь и Аргосъ заключили союзные договоры съ Аѳинами, не порвавъ, впрочемъ, своихъ отношеній съ Филиппомъ (342) [1]). Изгнанный царь эпирскій Ариббa также обратился въ Аѳины и встрѣтилъ тамъ почетный пріемъ [2]). Для охраны своихъ новыхъ союзниковъ аѳиняне послали въ Акарнанію отрядъ войска съ порученіемъ защищать Амбракію противъ Филиппа, и, если окажется возможнымъ, вернуть Ариббѣ его престолъ [3]).

Такимъ образомъ, Аѳины сразу вышли изъ той обособленности, которая до сихъ поръ парализовала ихъ дѣятельность. Если союзъ съ мелкими государствами и не представлялъ большихъ выгодъ въ военномъ отношеніи [4]), то во всякомъ случаѣ этотъ первый шагъ открывалъ широкія перспективы: Аѳины являлись теперь признаннымъ средоточіемъ всѣхъ стремленій, направленныхъ противъ Филиппа. Въ виду этого царь счелъ нужнымъ на время отступить и дать успокоиться общественному мнѣнію въ Греціи,—тѣмъ болѣе, что онъ отлично зналъ, какъ мало онъ можетъ полагаться на помощь Ѳивъ. Онъ отказался отъ похода противъ Амбракіи и ограничился тѣмъ, что заключилъ союзъ съ этолянами, старыми врагами акар-

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 95 — 98. Demosth. *о вѣнкѣ* 237, Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 83; изъ схолій явствуетъ, что эти союзы были заключены въ 343/2 году, что̀ подтверждается уцѣлѣвшимъ отрывкомъ союзнаго договора съ Мессеною отъ 10-й пританіи въ годъ архонта Пиѳодота (іюнь 342, *CIA.* IV 2, 114 b) и тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ этомъ году въ Акарнанію былъ посланъ отрядъ аѳинскихъ гоплитовъ *(пр. Олимпіод.* 24—26). Союзъ съ Мессеною упоминается и въ постановленіи аѳинскаго народнаго собранія въ *Жизнеописаніи десяти ораторовъ* p. 851 a. Сомнѣнія Шеѳера относительно достовѣрности показаній схолій къ Эсхину я опровергъ уже въ *Attische Politik*, стр. 367 сл., сравн. теперь Scala *Verhandl. der* 43. *Philol.-Vers. in Köln* 1895 стр. 174.—Что Аѳины завязали дружественныя сношенія и съ коринѳо-корцирскими колоніями на иллирійскомъ берегу, Аполлоніей и Эпидамномъ, показываетъ *CIA.* IV 2, 115 b.

[2]) *CIA.* II 115.

[3]) *Пр. Олимпіод.* 24—26, Demosth. *Фил.* III 72, *CIA.* II 115.

[4]) Demosth. *Фил.* III 28.

нанцевъ и ахеянъ, обѣщавъ при случаѣ завоевать для нихъ Навпактъ [1]). Затѣмъ онъ отправился во Ѳракію, гдѣ Керсоблептъ позволилъ себѣ совершить насилія надъ прибрежными греческими городами (весною 342 г.). На этотъ разъ надо было разсчитаться съ нимъ окончательно. Съ военной точки зрѣнія это была не трудная задача, такъ какъ ѳракійское ополченіе во всѣхъ отношеніяхъ уступало регулярнымъ войскамъ царя; но покореніе обширной страны требовало продолжительнаго времени и огромныхъ человѣческихъ жертвъ. Такъ прошло лѣто; Филиппъ принужденъ былъ провести зиму въ долинѣ Гебра и лишь въ слѣдующемъ году достигъ цѣли. Керсоблептъ былъ свергнутъ съ престола, его царство обращено въ македонскую провинцію и обложено правильной данью; ѳракійскія племена съ этихъ поръ поставляли контингентъ въ македонскую армію [2]). Для упроченія своей власти въ завоеванной области Филиппъ основалъ во Ѳракіи цѣлый рядъ укрѣпленныхъ городовъ,—прежде всего Филиппополь, ставшій съ тѣхъ важнѣйшимъ городомъ въ долинѣ верхняго Гебра и сохранившій донынѣ имя своего основателя; затѣмъ—колонію преступниковъ Калибу невдалекѣ отъ Византіи [3]). Царь гетовъ, Коѳелъ, владѣнія котораго простирались между Гемомъ и Дунаемъ, поспѣшилъ теперь вступить въ дружескія отношенія съ Филиппомъ [4]); мелкіе греческіе города побережья, какъ Аполлонія на Черномъ морѣ, также заключили союзъ съ Македоніей [5]). Но оборотъ, который приняли дѣла, возбуждалъ безпокойство въ могущественной Византіи; со стороны клонившагося къ упадку царства одризовъ ей нечего было опасаться, между тѣмъ какъ водвореніе македонскаго владычества во Ѳракіи грозило независимости Византіи серьезной опасностью. Уже весною 341 года натянутыя отношенія между Филиппомъ и его союзницей—Византіей до того обострились, что каждую минуту можно было ожидать начала открытыхъ военныхъ дѣйствій [6]).

1) Demosth. *Фил.* III 34, Philoch. fr. 135.

2) Diod. XVI 71 и Demosth. *περὶ τῶν ἐν Χερσ.* (особенно 2. 14. 44 сл.). Теперь же, повидимому, былъ низложенъ (*Письмо* [Филиппа] 8—10) и Тересъ, сынъ Амадока (Höck *Hermes* XXVI, 1891 стр. 110). Относительно хронологіи см. выше стр. 432 прим. 4.

3) Steph. Byz. *Φιλίππου πόλις*, Dexipp. fr. 20 (*FHG.* III 678); относительно Калибы см. Strab. VII 320, Theopomp. fr. 122. Сравн. Frontin. I 3, 13. Подробнѣе у Schaefer'a *Demosth.* II² 448.

4) Theopomp. fr. 244, Satyr. fr. 5.

5) Diod. l. c., Justin. IX 2, 1, сравн. Dio Chrysost. *Γετικά* у Jordan. 10.

6) Сравн. Demosth. *περὶ τῶν ἐν Χερσονήσῳ* 14 (эта рѣчь была произнесена весною 341 года).

Въ Аѳинахъ также слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ во Ѳракіи, потому что теперь Филиппъ имѣлъ возможность во всякое время двинуть свои войска въ предѣлы аѳинскихъ владѣній на Херсонесѣ и этимъ поразить Аѳины въ самое больное ихъ мѣсто. А если бы дѣло и не дошло до этого, во всякомъ случаѣ царь изъ занятой имъ позиціи могъ оказывать сильное давленіе на Аѳины. Поэтому Демосѳенъ рѣшилъ предупредить противника и вызвать войну раньше, чѣмъ могущество Филиппа еще болѣе усилится. Правда, это была нелегкая задача. Дѣло въ томъ, что большинство аѳинскаго населенія было очень мирно настроено; отвращеніе къ военной службѣ было всеобщимъ, перспектива платить военные налоги и отбывать тріерархію возбуждала ужасъ въ состоятельныхъ классахъ, а неимущая масса хорошо знала, что на праздничныя деньги и жертвенныя пиршества гораздо легче можно было разсчитывать въ мирное время, чѣмъ даже во время самой счастливой войны. Да и самъ Филиппъ хотѣлъ избѣгнуть войны или во всякомъ случаѣ отсрочить ея начало на возможно долгій срокъ. Онъ соблюдалъ условія договора съ величайшею добросовѣстностью, стараясь не дать Демосѳену ни малѣйшаго повода къ войнѣ.

Итакъ, нужно было создать причину, которая сдѣлала бы неизбѣжнымъ разрывъ между Аѳинами и Филиппомъ, даже противъ желанія обѣихъ сторонъ. Орудіемъ для достиженія этой цѣли Демосѳенъ избралъ стратега Діопейѳа изъ Сунія, который командовалъ херсонесской арміей. Правда, Діопейѳъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь немного военныхъ кораблей; но онъ сумѣлъ добыть средства для содержанія отряда наемниковъ, задерживая въ Геллеспонтѣ нейтральныя купеческія суда и пропуская ихъ лишь послѣ уплаты денежной пени — т. наз. «доброй воли». Съ составленной такимъ образомъ арміей онъ напалъ на Кардію, которую Аѳины по послѣднему договору прямо признали союзницей Филиппа; мало того, онъ сталъ предпринимать набѣги даже во ѳракійскія владѣнія Филиппа.

Царь ограничился тѣмъ, что дипломатическимъ путемъ заявилъ въ Аѳинахъ протестъ. Въ юридическомъ отношеніи дѣло было совершенно ясно; Діопейѳъ грубо нарушилъ миръ, и обязанность Аѳинъ отозвать и наказать виновнаго военачальника не подлежала никакому сомнѣнію. Но Демосѳенъ со всей силой своего вліянія вступился за Діопейѳа; онъ предложилъ народу на выборъ: либо одобрить совершившійся фактъ, либо смириться передъ Филиппомъ и пожертвовать храбрымъ офицеромъ. Его разсчетъ оказался вѣ-

ренъ: требованія Филиппа были отвергнуты. Діопейѳа оставили въ должности и прислали ему денегъ и подкрѣпленія [1]).

Теперь Демосѳенъ могъ открыто выступить со своими планами. Въ сильной рѣчи, извѣстной подъ названіемъ «третьей филиппики» [2]), онъ развилъ свою программу: обширныя приготовленія на сушѣ и на морѣ и политическая агитація въ нейтральныхъ государствахъ. Онъ самъ немедленно отправился посломъ въ Геллеспонтъ и добился тамъ союза съ Византіей и Абидосомъ (лѣтомъ 341 г.) [3]); Родосъ же и Хіосъ, куда отправленъ былъ для переговоровъ Гиперидъ, хотя и отказались заключить союзъ съ Аѳинами, однако обѣщали Византіи свою помощь [4]). Къ сожалѣнію, Демосѳенъ не ограничился привлеченіемъ эллинскихъ государствъ къ борьбѣ съ Филиппомъ, но отправилъ посольство и къ персидскому царю съ порученіемъ добиться его вмѣшательства въ пользу Аѳинъ. Тутъ обнаружилось, какъ мало заслуживали вѣры всѣ эти громкія слова о свободѣ и независимости эллиновъ, которыя при каждомъ удобномъ случаѣ были на устахъ Демосѳена. Этотъ шагъ не принесъ Аѳинамъ никакихъ выгодъ; царь Артаксерксъ успѣлъ уже заключить союзъ съ Македоніей и въ оскорбительной формѣ отказалъ Аѳинамъ въ просимой денежной помощи. Впрочемъ, нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ аѳинскихъ политическихъ дѣятелей получили будто бы крупныя суммы, и, какъ говорили, въ числѣ ихъ былъ и самъ Демосѳенъ. Во всякомъ случаѣ, онъ съ этихъ поръ считался главнымъ агентомъ персидскаго царя въ Элладѣ, чтó не мало способствовало осуществленію плановъ Филиппа [5]).

---

[1]) См. рѣчь Демосѳена *π. τ. ἐν. Χερσ.*, которая была произнесена при этихъ переговорахъ, въ архонтство Сосигена (Dionys. *къ Аммею* 1, 10), незадолго до начала этесій (іюль), слѣдовательно весною 341 г., (Demosth. l. c. 14 сл.). Сравн. также [Philipp.] *Письмо* 3.

[2]) Она была произнесена также при архонтѣ Сосигенѣ (Dionys. l. c.), недолго спустя послѣ рѣчи *о Херсонесѣ*.

[3]) Demosth. *о вѣнкѣ* 302 и декретъ въ честь Демосѳена въ *Жизнеописаніи десяти ораторовъ* p. 851 b. О времени этой поѣздки см. Schaefer *Demosth.* II² 482.

[4]) Demosth. *Phil.* III 71; о командировкѣ Гиперида въ Родосъ—*Жизн. 10 ораторовъ* p. 856 a, сравн. фрагменты его *Ῥοδιακός* и *Χιακός* (послѣднее названіе, впрочемъ, сомнительно); правда, мы не знаемъ въ точности, относится ли его командировка именно къ этому времени.

[5]) Посольство къ персидскому царю: Demosth. *Phil.* III 71, IV 32 сл., [Philipp.] *Письмо* 6, Aesch. *пр. Ктес.* 238. Выдача персидской субсидіи Демосѳену и Гипериду — *Жизн. 10 ораторовъ* p. 847 f. 848 e. Договоръ между Персіей и Македоніей—Arr. II 14, 2, ниже гл. XV.

Въ это самое время начались военныя дѣйствія на Эвбеѣ. Аѳинское войско, подкрѣпленное отрядами изъ Халкиды и Мегары, подступило къ Ореосу; тиранъ Филистидъ палъ въ бою, а освобожденный городъ вступилъ въ эвбейскій союзъ (въ срединѣ лѣта 341 г.). Вскорѣ затѣмъ Клитархъ былъ изгнанъ Фокіономъ изъ Эретріи (341/0), которая также присоединилась къ эвбейскому союзу [1]). Такимъ образомъ вліяніе Филиппа на Эвбеѣ было совершенно уничтожено, и островъ, служившій до сихъ поръ постоянной угрозой Аѳинамъ, превратился въ ихъ передовое укрѣпленіе. Союзные халкидяне и аѳиняне обратились теперь противъ Магнесіи, гдѣ еще свѣжа была память о блестящей эпохѣ ферской тираніи и гдѣ населеніе сильно тяготилось верховенствомъ ѳессалійскаго союза и Филиппа; дѣйствительно, имъ удалось завладѣть мелкими городами на Пагасійскомъ заливѣ [2]). Въ то же время жители Пепареѳа напали на сосѣдній Галоннесъ и взяли въ плѣнъ македонскій гарнизонъ [3]). Такимъ образомъ, военныя дѣйствія начались, хотя формально миръ и союзъ между Аѳинами и Филиппомъ еще оставались въ силѣ.

Въ Аѳинахъ эта политика, принебрегавшая всѣми нормами международнаго права и неудержимо увлекавшая государство на путь войны, встрѣтила, разумѣется, сильную оппозицію. Но долголѣтней агитаціей противъ Филиппа народъ былъ доведенъ до такого озлобленія, что не въ состояніи былъ спокойно обсудить положеніе вещей. Къ тому же Демосѳенъ не брезгалъ никакими средствами, чтобы закрыть ротъ своимъ противникамъ. Всякаго, кто осмѣливался высказываться за сохраненіе мира, онъ объявлялъ наемникомъ македонскаго царя. Народу повсюду мерещились шпіоны. Когда Анаксинъ, вліятельный гражданинъ Ореоса, пріѣхалъ въ Аѳины, чтобы сдѣлать нѣкоторыя покупки для царицы Олимпіады, Демосѳенъ велѣлъ арестовать и казнить его, какъ агента Филиппа. Теперь были пущены въ

---

[1]) Demosth. *о вѣнкѣ* 79, Aesch. *пр. Ктес.* 94. 100 сл., Хараксъ у Steph. Byz. *Ὠρεός*; время занятія Ореоса — у Schol. Aesch. *пр. Ктес.* 83, объ изгнаніи Клитарха изъ Эретріи — Diod. XVI 74, 1 (изъ хронологическаго источника подъ $341/_0$ г.). Судя по Aesch. *пр. Ктес.* 103, Клитархъ сначала дѣлалъ видъ, что намѣренъ примкнуть къ эвбейскому союзу; по Demosth. *о вѣнкѣ* 79 сл. онъ былъ изгнанъ послѣ освобожденія Ореоса, но до отсылки аѳинскаго флота для защиты Византіи (340). — Союзъ между Аѳинами и Эретріей *CIA.* IV 2 116 b, сравн. 116 c.

[2]) Уже въ $343/_2$ г. — вѣроятно въ концѣ года, когда Филиппъ уже находился во Ѳракіи, — въ Магнесію вторгся аѳинскій партизанскій отрядъ (Aesch. *пр. Ктес.* 83 со схоліями); о занятіи магнесійскихъ городовъ Калліемъ (очевидно, халкидскій государственный дѣятель) — [Philipp.] *Письмо* 5.

[3]) [Philipp.] *Письмо* 12 сл.

ходъ всѣ средства, чтобы открыть заговоръ противъ господствующей конституціи, въ которомъ главную роль долженъ былъ играть Эсхинъ: явились подложныя письма, арестовывали и подвергали пыткѣ мнимыхъ шпіоновъ; но все оказалось напраснымъ: обвиненіе провалилось вслѣдствіе собственной нелѣпости. Однако Демосѳену удалось по крайней мѣрѣ основательно застращать противную партію, и теперь уже никто не осмѣливался возставать противъ его политики ни въ народномъ собраніи, ни въ судѣ [1]).

Тѣмъ временемъ Филиппъ спокойно довелъ до конца покореніе Ѳракіи. Какъ только онъ утвердилъ свою власть внутри страны, лѣтомъ 340 года, онъ обратился противъ Византіи и находившагося въ тѣсномъ союзѣ съ нею Перинѳа [2]). Такъ какъ аѳинская эскадра въ Геллеспонтѣ, повидимому, собиралась преградить путь македонскому флоту, то царь вторгся въ Херсонесъ, но при этомъ по возможности пощадилъ имущество аѳинскихъ колонистовъ и воздержался отъ всякихъ нападеній на укрѣпленные пункты, а достигнувъ своей цѣли, т.-е. благополучно проведя свой флотъ въ Пропонтиду, немедленно очистилъ аѳинскія владѣнія [3]). Затѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ Перинѳа; были пущены въ ходъ всѣ средства, какія представляло высоко-развитое осадное искусство этого времени, и скоро въ стѣнахъ были пробиты бреши; послѣ этого македоняне принялись безъ устали штурмовать городъ. Между тѣмъ македонскій флотъ выслѣживалъ суда, направлявшіяся въ Перинѳъ; но хотя онъ и захватилъ немалое число ихъ, однако отрѣзать городу сообщеніе съ моремъ ему не удалось. Изъ Византіи подвозились войска и военные запасы; Арситъ, сатрапъ Малой Фригіи, также прислалъ на помощь осажденнымъ отрядъ наемниковъ. Благодаря этому македоняне, проникнувшіе уже въ городъ, снова были вытѣснены, и Филиппъ былъ принужденъ прекратить атаку. Половину своего войска онъ оставилъ подъ Перинѳомъ, а съ другой половиной двинулся къ Византіи, надѣясь посредствомъ внезапнаго нападенія овладѣть этимъ городомъ [4]).

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 223 слл., Demosth. *о вѣнкѣ* 137. Если бы это слѣдствіе раскрыло малѣйшій проступокъ со стороны Эсхина, то Демосѳенъ не преминулъ бы привлечь его къ суду.

[2]) Перинѳъ, повидимому, въ 364 году одновременно съ Византіей отложился отъ Аѳинъ и затѣмъ, тоже одновременно съ Византіей, вступилъ въ союзъ съ Филиппомъ (Schol. Aesch. *о пос.* 81).

[3]) [Philipp.] *Письмо* 16. Тѣмъ не менѣе страна, разумѣется, немало пострадала отъ нашествія: Demosth. *о вѣнкѣ* 139 *Χερρόνησος ἐπορθεῖτο*, сравн. Justin. IX 1, 7.

[4]) Diod. XVI 74—76. О захватѣ нейтральныхъ торговыхъ судовъ маке-

Аѳины оставили Перинѳъ безъ поддержки. Онѣ все еще не осмѣливались сдѣлать рѣшительный шагъ, который долженъ былъ повлечь за собою открытую войну съ Филиппомъ. Поэтому онѣ ограничились тѣмъ, что заявили протестъ противъ вступленія македонскихъ войскъ въ Херсонесъ и противъ захвата аѳинскихъ торговыхъ судовъ; въ отвѣтъ на это обвиненіе Филиппъ самъ выступилъ въ роли обвинителя: онъ прислалъ совѣту и народу аѳинскому письмо, гдѣ указалъ на всѣ тѣ правонарушенія, въ которыхъ провинились Аѳины въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Но когда царь вслѣдъ затѣмъ подступилъ къ Византіи и тѣмъ отрѣзалъ Аѳинамъ сообщеніе съ Понтомъ,—Аѳины долѣе не могли оставаться безучастнымъ зрителемъ. По предложенію Демосѳена народъ объявилъ, что Филиппъ нарушилъ миръ; мраморная доска, на которой вырѣзанъ былъ текстъ договора, была разбита, и рѣшено послать флотъ въ Геллеспонтъ (около середины лѣта 340 г.) [1]).

Между тѣмъ Византія оказывала царю энергическое сопротивленіе. Прибывшій вскорѣ подъ начальствомъ Хареса аѳинскій флотъ въ 40 тріеръ далъ возможность осажденнымъ вздохнуть свободнѣе; отъ Хіоса, Родоса и Коса также пришла помощь, а Аѳины прислали еще и вторую эскадру подъ начальствомъ Фокіона и Кефисофона. Благодаря этой поддержкѣ византійцы успѣшно отражали всѣ атаки непріятеля; руководившій осадными работами инженеръ Филиппа, ѳессаліецъ Полиидъ, тщетно напрягалъ все свое искусство; царю не оставалось ничего другого, какъ снять осаду и увести свое войско внутрь Ѳракіи. Лишь

донскимъ флотомъ Demosth. *о вѣнкѣ* 73. 139, Justin. IX 1, 6. Присылка персами вспомогательнаго отряда въ Перинѳъ—Diod. XVI 75, 1, Paus. I 29, 10, Arrian. II 14, 5, рѣчь *о письмѣ Филиппа* 5. — Діодоръ разсказываетъ объ осадѣ подъ $341/_0$ г., Филохоръ (fr. 135) упоминаетъ о ней лишь подъ слѣдующимъ годомъ, но такъ какъ Аѳины не принимали прямого участія въ защитѣ Перинѳа, то Филохоръ нашелъ случай разсказать о ней лишь при описаніи осады Византіи. Очевидно, осада Перинѳа относится къ первой половинѣ лѣта 340 года.

[1]) Philoch. fr. 135, Diod. XVI 77, оба подъ $340/_{39}$ г.; Aesch. *пр. Ктес* 55. Дошедшая до насъ среди рѣчей Демосѳена Ἐπιστολὴ Φιλίππου есть издѣліе какого-то оратора, а не дипломатическій документъ, какъ ясно съ перваго взгляда,— хотя въ защитникахъ ея подлинности, разумѣется, не было недостатка (Weil *Harangues de Démosthénes* [2] стр. 402 сл., Blass *Att. Bereds.* III[2] 1 стр. 394 слл.). Притомъ подлинное посланіе представляло собою ультиматумъ, а не, какъ дошедшая до насъ Ἐπιστολή, объявленіе войны; кромѣ того, послѣдняя содержитъ рядъ историческихъ ошибокъ. Во всякомъ случаѣ, авторъ пользовался хорошимъ матеріаломъ. Такъ же подложна и мнимо-демосѳеновская рѣчь πρὸς τὴν ἐπιστολήν, сравн. Schaefer *Demosth.* III 103 слл.

съ трудомъ ему удалось провести свой флотъ чрезъ проливы мимо далеко болѣе многочисленнаго непріятельскаго флота (осень 340 г.)[1]).

Неудача, которую Филиппъ потерпѣлъ подъ Византіей, грозила уничтожить плоды всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ имъ во Ѳракіи въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Поэтому онъ еще всю зиму провелъ въ завоеванной странѣ [2]), а весною (339) предпринялъ походъ чрезъ Гэмосъ противъ племенъ, обитавшихъ на правомъ берегу нижняго Дуная, которыя въ послѣднее время возобновили свои разбойничьи набѣги во Ѳракію. Скиѳы, сидѣвшіе у устьевъ Дуная, были разбиты на голову; ихъ царь Атеасъ палъ, и македонянамъ досталось въ добычу большое число скота и рабовъ. Обратный путь Филиппъ избралъ черезъ страну трибалловъ, въ нынѣшней Болгаріи. И здѣсь ему пришлось вынести ожесточенную борьбу, причемъ онъ самъ былъ раненъ въ бедро; но войско проложило себѣ путь въ Македонію. Честь оружія была возстановлена: Ѳракія была ограждена отъ набѣговъ, и сѣвернымъ варварамъ доказано, что македоняне въ открытомъ полѣ непобѣдимы. До смерти Филиппа миръ въ балканскихъ странахъ уже болѣе не былъ нарушенъ [3]).

Между тѣмъ какъ царь былъ занятъ на сѣверѣ, Демосѳенъ имѣлъ достаточно времени не спѣша приготовиться къ войнѣ. Блестящіе военные успѣхи, достигнутые на Эвбеѣ и у Геллеспонта, доставили ему въ Аѳинахъ безграничную популярность, и это дало ему возможность устранить множество вопіющихъ безпорядковъ въ области администраціи, не разъ парализовавшихъ активную силу государства. Прежде всего онъ заставилъ избрать себя «коммиссаромъ для флота» *(ἐπιστάτης τοῦ ναυτικοῦ)* и въ силу этого полномочія преобразовалъ тріерархію, причемъ бремя, падавшее на средній классъ, было облегчено, а повинности, приходившіяся на долю богатыхъ, значительно увеличены [4]). Теперь онъ могъ, наконецъ, сдѣлать послѣдній шагъ къ осуществленію своего финансо-политическаго идеала — отмѣнить раздачу праздничныхъ денегъ на время войны; суммы, предназначавшіяся до сихъ поръ для пополненія кассы ѳеориконъ, были напра-

---

[1]) Diod. XVI 77, Plut. *Phoc.* 14, Hesych. Miles. *Orig. Constant.* 28 (*FHG.* IV 151), Dionys. Byz. *Anapl. Bosp.* fr. 21. 66 (Müller *Geogr. Gr. Min.* II 29. 92). О Полiидѣ — Athen. *περὶ τ. μηχαν.* у Wescher'a *Poliorc.* стр. 10; объ отступленіи флота Филиппа Frontin. I 4, 13.

[2]) Вѣроятно около этого времени Эносъ отпалъ отъ Аѳинъ къ Филиппу сравн. рѣчь *пр. Ѳеокр.* 38 р. 1333, Schaefer *Demosth.* III 277.

[3]) Justin. IX 2. 3, 1—3, сравн. Aesch. *пр. Ктес.* 128.

[4]) Aesch. *пр. Ктес.* III 22, выше стр. 360.

влены въ военную казну, чѣмъ устранена была язва, такъ долго истощавшая аѳинскіе финансы. Отмѣнены были и всѣ другія не безусловно необходимыя траты, и особенно пріостановлена до заключенія мира постройка общественныхъ зданій [1]).

Однако результаты военныхъ дѣйствій были далеко не блестящи. Дѣло шло такъ же, какъ въ предыдущую кампанію; благодаря своему превосходству на морѣ Аѳины съ успѣхомъ блокировали непріятельскія побережья, но для энергичнаго наступленія противъ Македоніи имъ совершенно не хватало силъ. [2]) Дѣло въ томъ, что второстепенныя государства, съ которыми Аѳины вступили въ союзъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ,—Эвбея, Мегара, Коринѳъ и Ахея,—въ военномъ отношеніи имѣли ничтожное значеніе [3]). Аѳины и теперь не были въ состояніи выставить сухопутное войско, которое могло бы помѣряться съ войскомъ Филиппа въ открытомъ полѣ.

Все зависѣло отъ поведенія Беотіи. Пока это государство оставалось нейтральнымъ, Аттика была вполнѣ обезпечена противъ нападеній Филиппа; стань оно на сторону Аѳинъ, послѣднія были бы равносильны царю и на сушѣ, а вступи оно въ союзъ съ Филиппомъ, Аттика до самыхъ стѣнъ столицы была бы открыта для непріятельскаго нашествія. Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, Аѳины уже болѣе четверти вѣка находились въ крайне натянутыхъ отношеніяхъ съ Ѳивами; если между обоими сосѣдними государствами дѣло и не дошло до открытой войны, то аѳинская политика при всякомъ удобномъ случаѣ противодѣйствовала интересамъ Беотіи, и если планы Эпаминонда въ концѣ концовъ потерпѣли крушеніе, то вина въ этомъ падала въ значительной степени на Аѳины. Съ другой стороны, Филиппъ оказалъ Ѳивамъ очень важныя услуги. Онъ смирилъ фокійцевъ, которые въ теченіе десяти лѣтъ побѣдоносно сопротивлялись всѣмъ силамъ Ѳивъ, ему Ѳивы были обязаны возстановленіемъ своего господства въ Орхоменѣ и Коронеѣ, которыхъ онѣ собственными силами не были въ состояніи вернуть къ покорности. Притомъ, царь располагалъ въ беотійской столицѣ очень вліятельными личными связями еще съ того времени, когда онъ юношей въ качествѣ заложника нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Ѳивахъ. Правда, въ послѣднее время добрыя отношенія между Ѳивами и Филиппомъ начали портиться. Ѳивы не могли простить царю, что онъ удержалъ въ своихъ рукахъ

---

1) Philoch. fr. 135 b, въ архонтство Лисимахида 339/8, но еще до занятія Элатеи Филиппомъ, слѣдовательно въ началѣ года.

2) Demosth. *о вѣнкѣ* 145 сл., сравн. Plut. *Phoc.* 14.

3) Сравн. Demosth. *Phil.* III 28.

ключъ къ Ѳермопиламъ, крѣпкую Никею, которою до священной войны владѣли Ѳивы[1]), а главное, онѣ все болѣе чувствовали, что усиленіе Филиппа низвело Беотію на уровень второстепенной державы. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что Демосѳенъ, руководившій въ данную минуту аѳинской политикой, былъ ѳиванскимъ проксеномъ и уже много лѣтъ добивался установленія дружественныхъ отношеній между обѣими сосѣдними демократіями. Это сѣмя начало теперь всходить.

Въ виду этого Филиппъ и его сторонники въ Ѳивахъ постарались создать такое положеніе дѣлъ, которое сдѣлало бы неизбѣжнымъ разрывъ между Беотіей и Аѳинами[2]). Лишь только Аѳины объявили войну Филиппу, онъ приступилъ къ дѣлу. Удобный поводъ былъ найденъ безъ труда: во время священной войны Аѳины возстановили въ Дельфахъ старый жертвенный даръ, посвященный богу послѣ битвы при Платеѣ, съ такой надписью: «изъ добычи, взятой у мидянъ и ѳиванцевъ, когда они пошли войною противъ эллиновъ»[3]). А по ортодоксальнымъ представленіямъ воздвигнуть такой памятникъ, пока святилище находилось во власти грабителей-фокійцевъ, значило совершить кощунство. Поэтому рѣшено было на ближайшемъ собраніи амфиктіоновъ, осенью 340 года, потребовать наложенія на Аѳины штрафа въ 50 талантовъ; роль обвинителя взяли на себя локры изъ Амфиссы, которые благодаря Филиппу и ѳиванцамъ освободились отъ владычества фокійцевъ и поэтому всецѣло находились подъ беотійскимъ и македонскимъ вліяніемъ[4]). Если бы—чего съ увѣренностью

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 140, рѣчь *о письмѣ Филиппа* 4.

[2]) Demosth. *о вѣнкѣ* 145 слл.

[3]) Aesch. *пр. Ктес.* 116. Ясно, что это происшествіе случилось недавно, слѣдовательно здѣсь можетъ идти рѣчь только о возобновленіи стараго жертвеннаго дара, если угодно—о возстановленіи надписи, уничтоженной ѳиванцами во время ихъ господства въ Дельфахъ (сравн. Grote XI 275).

[4]) Aesch. l. c. Demosth. *о вѣнкѣ* 150 отрицаетъ, чтобы локры подали жалобу на Аѳины, и это вполнѣ вѣрно: энергическія мѣры Эсхина потушили дѣло въ первую же минуту. Главнаго пункта — что амфисяне собирались подать жалобу—Демосѳенъ совсѣмъ не касается и тѣмъ косвенно подтверждаетъ показаніе Эсхина. Даже Шеферъ принужденъ признать это (*Demosth.* II[2] 535).—Процессъ разбирался въ архонтство Ѳеофраста, 340/39 (Aesch. *пр. Ктес.* 115), притомъ вѣроятно въ осенней сессіи, потому что аѳинскій гіеромнемонъ и одинъ изъ трехъ пилагоровъ тотчасъ по прибытіи въ Дельфы заболѣли лихорадкою (Aesch. l. c.), что́ едва ли случилось бы съ ними во время весенней сессіи. Притомъ, гіеромнемонъ и пилагоры назначались, очевидно, на весь срокъ аѳинскаго должностнаго года, а показанія Демосѳена, *о вѣнкѣ* 149, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Эсхинъ произнесъ свою рѣчь противъ

можно было ожидать—Аѳины не подчинились приговору и отказались уплатить штрафъ, противъ нихъ должна была быть объявлена священная война, въ которой Ѳивамъ, какъ наиболѣе пострадавшей сторонѣ, неизбѣжно пришлось бы принять участіе.

Но къ счастію, представителемъ Аѳинъ въ Дельфахъ былъ на этотъ разъ подходящій человѣкъ. Въ числѣ пословъ, отправленныхъ Аѳинами на священное собраніе, находился Эсхинъ, и ему, при его близкомъ знакомствѣ въ амфиктіоновымъ правомъ и дельфійской исторіей, безъ труда удалось ранить противника его собственной стрѣлой. Ибо сами локры совершили тяжкое религіозное преступленіе, вспахавъ округъ Крисы, который, согласно состоявшемуся полтораста лѣтъ назадъ постановленію амфиктіоновъ, вѣчно долженъ былъ оставаться невоздѣланнымъ въ память кары, постигшей тогда этотъ городъ за совершенное имъ ограбленіе храма [1]). Блестящей рѣчью Эсхинъ увлекъ собраніе, и тотчасъ рѣшено было подвергнуть Амфиссу экзекуціи. Когда же локры встрѣтили силу силою и даже оскорбили священныхъ амфиктіоновъ, въ Ѳермопилы было созвано экстраординарное собраніе для рѣшенія вопроса о наказаніи святотатцевъ [2]).

Эсхинъ могъ гордиться своимъ успѣхомъ; онъ отвратилъ отъ Аѳинъ опасность священной войны. И какая перспектива открывалась передъ Аѳинами, если бы онѣ воспользовались новымъ положеніемъ вещей и отважились принять участіе въ походѣ противъ Амфиссы! Аѳины могли смыть пятно, лежавшее на нихъ еще со времени священной войны, и даже война съ Филиппомъ легко могла бы быть прекращена на почвѣ общаго уваженія къ дельфійскому святилищу и при посредничествѣ ѳессалійцевъ. Тогда аѳиняне и македоняне могли бы совмѣстно обратить свое оружіе противъ оплота персидскаго царя въ Элладѣ—противъ Ѳивъ, которыя Филиппъ долженъ былъ видѣть у своихъ ногъ, прежде чѣмъ приступить къ осуществленію своихъ національныхъ плановъ.

Одну минуту казалось, что дѣло приметъ именно такой оборотъ. Аѳиняне одобрили образъ дѣйствій Эсхина и въ минуту перваго энту-

---

амфиссинъ уже во время первой своей побывки въ Дельфахъ, т.-е. осенью. Если Шеферъ (*Demosth.* II² 542 сл.) относитъ переговоры къ веснѣ, то это обусловлено его невѣрною датировкой византійской войны, которая въ свою очередь основана на чисто-механическомъ толкованіи Philoch. fr. 135; см. выше стр. 439 прим. 1. Aesch. *пр. Ктес.* 128, при извѣстной ненадежности показаній аѳинскихъ ораторовъ, ничего не доказываетъ ни за, ни противъ.

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 107—124, Demosth. *о вѣнкѣ* 149—151.

[2]) Выше т. I стр. 221 прим. 2.

зіазма были готовы извлечь мечь на защиту дельфійскаго бога [1]). Демосѳенъ, конечно, воспротивился этому всею силою своего вліянія, и при отвращеніи аѳинянъ къ походамъ ему легко удалось убѣдить народъ, что наилучшая политика въ амфисскомъ дѣлѣ—политика нейтралитета. Въ виду этого Аѳины не приняли участія въ упомянутомъ выше экстраординарномъ собраніи амфиктіоновъ; то же сдѣлали Ѳивы, находившіяся въ тѣсной дружбѣ съ Амфиссою; такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ сближенію между обѣими великими демократіями [2]).

Между тѣмъ остальные амфиктіоны собрались и рѣшили объявить священную войну противъ Амфиссы; верховное начальство было ввѣрено предсѣдателю совѣта амфиктіоновъ, Коттифу изъ Фарсала. Дѣйствительно, амфиктіоново войско выступило въ походъ, но не съумѣло покорить Амфиссу; поэтому на собраніи амфиктіоновъ позднимъ лѣтомъ 339 года было постановлено передать начальство царю Филиппу, который только-что вернулся изъ своего скиѳскаго похода [3]).

Филиппъ не могъ отказаться отъ порученія, возложеннаго на него амфиктіонами, какъ ни было оно для него неудобно въ данную минуту, ибо при тѣсныхъ отношеніяхъ, какія существовали между Ѳивами и Амфиссой, экзекуція противъ послѣдней неминуемо должна была толкнуть Беотію въ объятія Аѳинъ. Поэтому прежде всего надо было попытаться достигнуть соглашенія съ Ѳивами. Между тѣмъ какъ часть македонскаго войска направилась къ Амфиссѣ и заняла Китиніонъ въ Доридѣ,—самъ царь съ главной арміей двинулся чрезъ Ѳермопилы въ Фокиду и занялъ крѣпкую позицію у Элатеи. Отсюда онъ отправилъ пословъ въ Ѳивы, суля послѣднимъ соблазнительныя выгоды, въ случаѣ если Беотія приметъ участіе въ войнѣ противъ Аѳинъ или, по крайней мѣрѣ, разрѣшитъ македонскому войску пройти въ Аттику. Македонское войско, стоявшее въ полной готовности у границы, служило яркой иллюстраціей къ словамъ пословъ [4]).

Въ Аѳинахъ извѣстіе о занятіи Элатеи произвело впечатлѣніе грома изъ яснаго неба. Въ воображеніи народъ уже видѣлъ Филиппа и ѳиванцевъ подъ стѣнами; пританы велѣли тотчасъ трубить тревогу, и такъ какъ извѣстіе получено было въ сумерки,—посредствомъ сиг-

---

1) Aesch. *пр. Ктес.* 125, Demosth. *о вѣнкѣ* 143.

2) Aesch. *пр. Ктес.* 125—128.

3) Demosth. *о вѣнкѣ* 151, Aesch. *пр. Ктес.* 128 сл.

4) Philoch. fr. 135 (въ архонтство Лисимахида 339/8), Aesch. *пр. Ктес.* 140, Demosth. *о вѣнкѣ* 168. 211 слл., Diod. XVI 84, 2, Plut. *Demosth.* 18.

нальныхъ огней сообщить сельскому населенію о грозящей опасности. Всю ночь городъ находился въ лихорадочномъ возбужденіи; когда утромъ народъ собрался на Пниксѣ, всѣ взоры обратились на Демосѳена. По его предложенію было рѣшено отправить посольство въ Ѳивы во главѣ съ самимъ Демосѳеномъ, чтобы предложить имъ союзъ противъ Филиппа; вмѣстѣ съ тѣмъ гражданское ополченіе было призвано къ оружію и двинуто къ границѣ, въ Элевсинъ [1]).

Судьба Аѳинъ находилась теперь въ рукахъ ѳиванскаго народнаго собранія. Извѣстіе о взятіи Элатеи произвело, разумѣется, и здѣсь глубокое впечатлѣніе. Ѳиванцы ясно рисовали себѣ всѣ ужасы войны, которая ждала ихъ въ томъ случаѣ, если бы они отвергли требованія Филиппа, тогда какъ, примкнувъ къ царю, Беотія была бы ограждена отъ всякой опасности. Кромѣ того, союзъ съ царемъ далъ бы Ѳивамъ возможность наконецъ основательно разсчитаться съ Аѳинами, чего желалъ уже Эпаминондъ и что еще теперь для многихъ ѳиванцевъ являлось высшею цѣлью ихъ стремленій. Но, съ другой стороны, было ясно, что, содѣйствуя крушенію аѳинской державы, Ѳивы сами разрушили бы единственный оплотъ, который онѣ имѣли противъ Филиппа; такая политика должна была привести къ тому, что Ѳивы попали бы въ положеніе зависимаго союзника Филиппа. Напротивъ, если бы Ѳивы приняли предложенія Демосѳена,—ихъ ждала въ случаѣ побѣды блестящая награда—возстановленіе беотійской гегемоніи въ Фокидѣ и Ѳессаліи; тогда Ѳивы сразу вернули бы себѣ все могущество, которымъ онѣ располагали до священной войны. Эти надежды одержали верхъ надъ всѣми опасеніями; Ѳивы отвергли предложенія Филиппа и вступили въ союзъ съ Аѳинами [2]). Разумѣется, онѣ воспользовались критическимъ положеніемъ Аѳинъ, чтобы продать свою помощь возможно дорого. Аѳины впервые формально признали гегемонію Ѳивъ въ Беотіи и тѣмъ отказались какъ отъ возстановленія союзной Платеи, такъ и отъ владычества надъ Оропомъ. Верховное начальство на сушѣ было, по крайней мѣрѣ фактически, предоставлено Ѳивамъ, такъ какъ война должна была вестись въ ихъ области или на ея границахъ; военными дѣйствіями на морѣ должны были руководить обѣ стороны совмѣстно, тогда какъ военныя издержки должны были падать на Аѳины двумя, на Ѳивы одной долею. Эти условія многимъ въ Аѳинахъ казались недостойными и давали

---

[1]) Demosth. *о вѣнкѣ* 169—179, отсюда Diod. XVI 84.

[2]) Demosth. *о вѣнкѣ* 211—213, Aesch. *пр. Ктес.* 137—140, Theopomp. у Plut. *Demosth.* 18, Justin. IX 3, 5.

врагамъ Демосөена обильный матеріалъ для обвиненій; но при данномъ положеніи вещей союзъ съ Өивами былъ купленъ все-таки дешевой цѣной [1]).

Дѣйствительно, заключеніемъ этого союза политика Демосөена достигла блестящаго успѣха, который и не замедлилъ произвести сильное впечатлѣніе въ Элладѣ. Теперь наконецъ Демосөену удалось сплотить въ болѣе тѣсный союзъ второстепенныя государства, союзныя съ Аөинами,—Эвбею, Мегару, Коринөъ, Ахею, Корциру—и добиться отъ нихъ согласія на уплату правильныхъ взносовъ въ общую военную кассу, на каковыя средства должно было быть снаряжено наемное войско въ 15,000 человѣкъ и 2000 лошадей [2]). Даже пелопоннесскіе союзники Филиппа отказали царю въ присылкѣ вытребованныхъ имъ войскъ и рѣшили оставаться нейтральными въ предстоящей войнѣ [3]).

Филиппъ также былъ смущенъ оборотомъ, который приняли дѣла. Онъ надѣялся безпрепятственно пройти до аөинскихъ стѣнъ, и теперь вмѣсто этого принужденъ былъ начинать серьезную борьбу противъ равныхъ, если не превосходныхъ силъ; одна неудача могла погубить плоды многолѣтнихъ трудовъ. Въ виду этого онъ попытался возобновить переговоры. Өиванское правительство, ясно сознавая всю важность обстоятельствъ, было готово принять его предложенія, да и въ Аөинахъ опытные полководцы, какъ Фокіонъ, совѣтовали не отталкивать протянутой руки. Но Демосөенъ былъ убѣжденъ, что рѣшительной войны съ Филиппомъ рано или поздно невозможно будетъ избѣгнуть, и справедливо полагалъ, что болѣе благопріятныхъ условій для этой войны, чѣмъ тѣ, какія существуютъ въ данную минуту, Аөины никогда не найдутъ. Онъ грозилъ потащить за волосы въ темницу всякаго, кто осмѣлится говорить о мирѣ съ Филиппомъ, и этимъ заставилъ замолчать оппозицію въ Аөинахъ; въ крайнемъ случаѣ онъ былъ готовъ продолжать войну и безъ Өивъ. Его увѣ-

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 142 слл., Demosth. *о вѣнкѣ* 239.

[2]) Demosth. *о вѣнкѣ* 237 (отсюда Plut. *Demosth.* 17), почетное постановленіе въ *Жизн. 10 ораторовъ* p. 851. Уже два года назадъ Демосөенъ силился создать такую организацію, но тогда его попытка окончилась ничѣмъ (Aesch. *пр. Ктес.* 97 сл.). Если Демосөенъ здѣсь не называетъ акарнанцевъ, о которыхъ Эсхинъ упоминаетъ, то это объясняется, конечно, тѣмъ, что они не согласились платить денежную подать.

[3]) О письмѣ Филиппа къ его пелопоннесскимъ союзникамъ Demosth. *о вѣнкѣ* 156. 158, объ ихъ нейтралитетѣ Demosth. *о вѣнкѣ* 64, Paus. IV 28, 2 (Мессенія), V 4, 9 (Элида), VIII 6, 2; 27, 10; VII 15, 6 (Аркадія).

ренность въ побѣдѣ увлекла, наконецъ, и колебавшихся беотарховъ. Предложенія Филиппа были отклонены, и началась война [1]).

Аѳинское ополченіе тотчасъ двинулось въ Беотію и, соединившись съ ѳиванцами, вторглось въ Фокиду; въ то же время въ Амфиссу было послано наемное войско въ 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ аѳинянина Хареса и ѳиванца Проксена. Въ двухъ битвахъ — у рѣки Кефиса и въ т. наз. «зимнемъ сраженіи» союзники одержали верхъ, и Филиппу былъ прегражденъ путь въ Беотію [2]). Благодаря этимъ успѣхамъ популярность Демосѳена возрастала съ каждымъ днемъ; онъ два раза былъ почтенъ золотымъ вѣнкомъ [3]); его слово безусловно господствовало не только въ аѳинскомъ, но и въ ѳиванскомъ народномъ собраніи; стратеги и беотархи безпрекословно исполняли его приказанія [4]). Между тѣмъ, всѣ успѣхи, достигнутые до сихъ поръ, сводились лишь къ тому, что наступательное движеніе царя было остановлено; Филиппъ все еще занималъ свою крѣпкую позицію близъ Элатеи, и союзники не сдѣлали даже попытки вытѣснить его оттуда.

Въ то время, какъ въ Аѳинахъ и Ѳивахъ праздновали побѣду, Филиппъ приготовился нанести рѣшительный ударъ. Самъ врагъ своими стратегическими ошибками облегчилъ его задачу. Харесъ и Проксенъ со своими наемниками стояли у Амфиссы совершенно изолированные, въ двухъ дневныхъ переходахъ отъ главной арміи; несмотря на это, они такъ мало ждали нападенія, что даже не позаботились загородить проходы, ведущіе изъ долины верхняго Кефиса въ локрійскую равнину. Такая небрежность, граничащая съ предательствомъ, не могла остаться безнаказанной, разъ приходилось имѣть дѣло съ полководцемъ вродѣ Филиппа. Весною царь съ частью своего войска покинулъ свою позицію у Элатеи, безпрепятственно спустился къ Амфиссѣ и внезапно напалъ на врага, который благодаря неожиданности и численному перевѣсу македонянъ былъ разбитъ на голову. Сама Амфисса сдалась теперь безъ дальнѣйшаго сопротивленія; въ наказаніе за противодѣйствіе рѣшенію амфиктіоновъ городъ былъ лишенъ своихъ стѣнъ и виновные вожди гражданъ осуждены на изгна-

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 148—151, Plut. *Phoc.* 16. Что эти переговоры велись въ началѣ войны, а не, какъ думали, лишь послѣ пораженія при Амфиссѣ,— видно изъ показаній Эсхина l. c. 150 сл.; да это ясно и по существу.

[2]) Demosth. *о вѣнкѣ* 215—218. Къ этимъ сраженіямъ относится постановленіе Кекропиды въ честь ея таксіарха *Βούλαρχος Ἀριστοβούλου Φλυεύς*, *CIA.* II 562, сравн. 1214.

[3]) Demosth. l. c. 222 сл.

[4]) Theopomp. fr. 239 у Plut. *Demosth.* 18, Aesch. *пр. Ктес.* 145 сл.

ніе. Филиппъ блестяще исполнилъ порученіе, возложенное на него амфиктіонами, и въ то-же время страшнымъ ударомъ обезкуражилъ своихъ враговъ [1]). Послѣ этого побѣдитель двинулся далѣе, къ ахейскому Навпакту, и внезапнымъ нападеніемъ принудилъ и этотъ городъ къ сдачѣ; согласно своему прежнему обѣщанію, онъ передалъ Навпактъ своимъ союзникамъ-этолянамъ, во власти которыхъ онъ и оставался съ тѣхъ поръ [2]).

Теперь Филиппъ снова направился въ Фокиду. Онъ обошелъ врага, занимавшаго сильную оборонительную позицію у прохода Парапотаміой, и тѣмъ принудилъ союзниковъ отступить къ Херонеѣ [3]). Здѣсь они должны были принять сраженіе, чтобы не открыть Филиппу путь въ Беотію. Роковая битва произошла 7-го метагейтніона, въ августѣ 338 года. Боевыя линіи союзниковъ протянулись поперекъ узкой равнины, лежащей между высотами Херонеи и Кефисомъ; почетное мѣсто, правый флангъ, занимали, опираясь на рѣку, беотяне подъ начальствомъ Θеагена, въ центрѣ стояли коринѳяне, ахейцы и контингенты остальныхъ второстепенныхъ государствъ, наконецъ лѣвое крыло у Херонеи занимали аѳиняне подъ командой Хареса, Лисикла и Стратокла. Въ македонской арміи на правомъ флангѣ стоялъ самъ царь Филиппъ, тогда какъ лѣвымъ крыломъ, противъ беотянъ, командовалъ восемнадцатилѣтній наслѣдникъ престола Александръ. Македонское войско заключало въ себѣ около 30.000 человѣкъ; союзная армія была приблизительно такъ же велика, но у нея не было полководца, который могъ бы сравниться съ Филиппомъ, и въ отношеніи боевой цѣнности гражданскія ополченія далеко уступали закаленнымъ въ битвахъ полкамъ Филиппа [4]). Только беотяне

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 146 сл., Polyaen. IV 2, 8. Что Филиппъ одержалъ побѣду при Амфиссѣ лишь послѣ занятія Элатеи, видно изъ Demosth. *о вѣнкѣ* 152; это слѣдуетъ также изъ Polyaen. l. c. и очевидно по существу дѣла; въ виду этихъ соображеній то обстоятельство, что Plut. *Dem.* 18 излагаетъ эти событія въ обратномъ порядкѣ, не имѣетъ никакого значенія. Итакъ, походъ противъ Амфиссы относится къ веснѣ или началу лѣта 338 года. О Проксенѣ сравн. также Dinarch. *пр. Дем.* 74. Участь Амфиссы: Strab. IX 419. 427, Diod. XVIII 56. Однако Амфисса вовсе не была разрушена (вопреки Strab. IX 427), сравн. Diod. XVIII 38.

[2]) Theopomp. fr. 46 (возстановленъ у Schaefer'а II[2] 559 прим. 2), Strab. IX 427. Городъ не могъ быть взятъ въ болѣе раннее время, но не могъ быть взятъ и позднѣе, потому что послѣ херонейской битвы всякое сопротивленіе противъ Филиппа прекратилось.

[3]) Polyaen. IV 2. 14.

[4]) Diod. XVI 85, 6. 7, Polyaen. IV 2, 7.

могли считаться равными противниками ветерановъ Филиппа [1]; ѳиванская фаланга все еще была окружена ореоломъ побѣды при Левтрахъ, и десятилѣтняя фокійская война послужила отличной школой для беотійскаго войска. Поэтому Филиппъ, какъ нѣкогда Эпаминондъ при Левктрахъ, направилъ свою атаку на правое крыло непріятеля, тогда какъ его собственное правое крыло начало медленно отступать. Аѳиняне рьяно устремились въ погоню, не обращая вниманіе на то, что̀ происходило въ другихъ мѣстахъ поля битвы; они уже считали свою побѣду обезпеченной. Но въ это время Александръ послѣ кровопролитной сѣчи прорвалъ беотійскую линію; полководецъ Ѳеагенъ палъ, отборный ѳиванскій полкъ, «священный отрядъ», легъ на полѣ битвы до послѣдняго человѣка. Послѣ этого центръ союзниковъ обратился въ бѣгство, и побѣдитель получилъ возможность напасть на аѳинянъ съ тыла. Аѳинское войско пришло въ полное разстройство; кто могъ, спасался бѣгствомъ; 2000 человѣкъ, около трети всего отряда, были взяты въ плѣнъ, 1000 пала. Тяжко пострадали также контингенты второстепенныхъ государствъ и беотяне. Еще теперь въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы къ востоку отъ Херонеи, у дороги, ведущей вглубь Беотіи, видны обломки каменнаго льва, котораго ѳиванцы поставили стражемъ надъ останками своихъ павшихъ братьевъ [2].

---

1) Сравн. Plut. *Demosth.* 17.

2) Точнаго въ военномъ смыслѣ сообщенія о битвѣ при Херонеѣ нѣтъ; подробнѣе всѣхъ—Diod. XVI 85 сл., сюда Polyaen. IV 2, 2. 7, Plut. *Alex.* 9, сравн. Köchly *Kl. philol. Schriften* II 287 слл. Дата сраженія (7-го метагейтніона 338/7)—у Plut. *Cam.* 19. Величину войска Филиппа Діодоръ опредѣляетъ въ 30.000 пѣхотинцевъ и 2000 коней, въ общемъ, должно быть, вѣрно; правда, число всадниковъ удивительно мало по сравненію съ количествомъ конницы, какимъ располагалъ Александръ. Союзники были по Діодору слабѣе, по Justin. IX 3, 9 значительно сильнѣе Филиппа; послѣднее вѣрно, пожалуй, для начала кампаніи, т.-е. до момента уничтоженія наемнаго войска у Амфиссы, но при Херонеѣ перевѣсъ былъ, вѣроятно, на сторонѣ Филиппа. Аѳины выставили вѣроятно около 6000 гоплитовъ (предѣльнымъ возрастомъ для службы въ ополченіи былъ 50-ый годъ, Lyc. *пр. Леокр.* 39), Беотія можетъ быть нѣсколько болѣе, Ахея 2000 (сравн. Aesch. *пр. Ктес.* 94. 98 и объ участіи ахеянъ въ сраженіи Paus. VII 6, 5); далѣе слѣдуютъ коринѳяне (Strab. IX 414), часть фокійцевъ (Paus. X 3, 3 сл., 33, 8) и, безъ сомнѣнія, мегаряне и эвбеяне, участіе которыхъ въ сраженіи, правда, не засвидѣтельствовано прямо, — наконецъ, быть можетъ, и опунтскіе локры; но всѣ эти контингенты вмѣстѣ едва ли составляли болѣе 4 — 6000 гоплитовъ. Въ общемъ итогѣ получается около 20.000 гражданскихъ гоплитовъ. Сюда надо прибавить maximum 2000 всадниковъ, затѣмъ остатокъ наемниковъ Хареса и нѣсколько тысячъ легковооруженныхъ, т.-е. въ общемъ около 25.000 и уже никакъ не болѣе 30.000 чел. О потеряхъ аѳинянъ — Lycurg. fr. 75 (у Diod.

Беотія была теперь беззащитна, путь въ нее открытъ побѣдителю. Здѣсь всѣ были точно поражены параличемъ, и даже Ѳивы не думали о сопротивленіи; дѣйствительно, откуда можно было ждать помощи, если бы Филиппъ подступилъ къ городу и началъ осаду? Не оставалось другого выхода, какъ принять тѣ условія, которыя предлагалъ царь, какъ ни были они тяжелы. Беотійскій союзъ былъ расторгнутъ, разрушенныя Платея и Орхоменъ возстановлены, въ Кадмею вступилъ македонскій гарнизонъ, изгнанники вернулись, демократическая конституція была отмѣнена, противники Филиппа казнены или изгнаны. Ѳивы были вычеркнуты изъ числа самостоятельныхъ греческихъ державъ [1]).

Въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи находились Аѳины. Правда, извѣстіе о пораженіи при Херонеѣ и здѣсь вызвало панику [2]), и здѣсь многіе, считая все потеряннымъ, бѣжали съ семьями за границу [3]). Но огромное большинство гражданъ, и въ особенности вожди, не потеряли присутствія духа. Послѣ битвы при Херонеѣ разумѣется уже нельзя было думать о продолженіи войны на сушѣ, ни даже объ оборонѣ Аттики, исключая укрѣпленныхъ пунктовъ. Но морское владычество Аѳинъ еще не было поколеблено, и, опираясь на него,

---

XVI 88, 2, откуда XVI 86, 5) и *пр. Леокр.* 142; надпись на гробницѣ павшихъ — у Demosth. *о вѣнкѣ* 289, сравн. Preger *Inscr. metr. graec.* 217 слл. Въ подлинности этой надписи невозможно сомнѣваться, такъ какъ Dem. l. c. 290 приводитъ одинъ стихъ изъ нея и вся она слишкомъ хороша, чтобы быть поддѣлкой; впрочемъ, второе двустишіе испорчено и еще не возстановлено удовлетворительнымъ образомъ. Kaibel *Epigr. Gr.* 27 относитъ и надгробную надпись *Anthol. Palat.* VII 245 = *CIA.* II 1680 къ павшимъ при Херонеѣ; если это вѣрно, то на памятникѣ должны были быть начертаны обѣ надписи. — Разстояніе отъ Херонеи до Кефиса составляетъ 5 килом. или около 30 стадій; такимъ образомъ, на человѣка приходилось около 5 футовъ фронтовой линіи, если глубина колонны равнялась въ среднемъ 8 чел. Сравн. Polyb. XII 18 слл. Общая могила павшихъ македонянъ находилась недалеко отъ Кефиса (Plut. *Alex.* 9); уже изъ этого, а главное — по тактическимъ соображеніямъ, ясно, что левъ не можетъ обозначать то мѣсто, на которомъ стояли во время сраженія ѳиванцы. При выборѣ мѣста для памятника ѳиванцы руководились, очевидно, направленіемъ военной дороги. О вскрытіи общей могилы ѳиванцевъ — *Ἀϑήναιον* IX (1880) 347 слл.; часть останковъ павшихъ находится теперь въ аѳинскомъ центральномъ музеѣ.

[1]) Paus. IX 1, 8; 37, 8; IV 27, 10, Diod. XVI 87, Justin. IX 4, 6—10.

[2]) Lycurg. *пр. Леокр.* 37 слл., Demosth. *о вѣнкѣ* 195.

[3]) Такъ поступили ареопагитъ Автоликъ (Lycurg. *пр. Леокр.* 53 и фрагменты рѣчи, произнесенной Ликургомъ въ процессѣ противъ него, *Жизн. 10 ораторовъ* 843 c d) и метэки Леократъ (рѣчь Ликурга противъ него, и Aesch. *пр. Ктес.* 252) и Аѳеногенъ (Hyperid. *пр. Аѳен.* 29).

можно было, въ случаѣ надобности, рѣшиться вынести осаду. Два года назадъ Филиппъ не съумѣлъ взять даже Византіи и Перинѳа, такъ какъ оказался не въ состояніи отрѣзать имъ сообщеніе съ моремъ; итакъ, можно ли было ожидать, что нападеніемъ со стороны суши удастся одолѣть такую первоклассную крѣпость, какъ Аѳины? Въ виду этого городъ былъ приведенъ въ оборонительное состояніе, сельское населеніе съ его наиболѣе цѣннымъ имуществомъ перевезено для безопасности въ городъ, всѣ граждане до 60 лѣтъ призваны къ оружію [1]); мало того: по предложенію Гиперида было рѣшено даровать всѣмъ союзникамъ, которые будутъ сражаться за Аѳины, право гражданства, всѣмъ рабамъ свободу, призвать обратно изгнанниковъ, вернуть права тѣмъ, кто по приговору суда былъ лишенъ политическихъ правъ [2]). Руководство обороною предположено было вручить старому вождю наемниковъ Харидему, непримиримому врагу Филиппа, который не могъ простить царю, что онъ свергъ съ престола его шурина Керсоблепта ѳракійскаго [3]).

Но когда минули первыя минуты ужаса, аѳиняне начали приходить въ сознаніе. Они были готовы, если бы это понадобилось, продолжать войну до послѣдней капли крови; но дѣйствительно ли Филиппъ былъ намѣренъ довести дѣло до крайности? Было очень вѣроятно, что Аѳины устоятъ противъ атаки Филиппа; но открытую страну во всякомъ случаѣ пришлось бы оставить на произволъ врага, а что̀ это значило—аѳиняне хорошо знали по разсказамъ отцовъ и дѣдовъ [4]). Сюда присоединялся страхъ за участь 2000 аѳинянъ, взятыхъ въ плѣнъ при Херонеѣ,—все людей изъ средняго сословія, отчасти изъ высшихъ круговъ столицы. Вслѣдствіе этого партія мира снова взяла верхъ; осуществленіе мѣръ, предложенныхъ Гиперидомъ, было отсрочено, избраніе Харидема въ главнокомандующіе предупреждено съ помощью ареопага. Вмѣсто Харидема, руководителемъ обороны былъ назначенъ Фокіонъ [5]), который всегда высказывался за соглашеніе съ Филиппомъ и поэтому не получилъ команды при Херонеѣ [6]). Демосѳенъ чувствовалъ, что узда ускользаетъ изъ его рукъ; чтобы не быть свидѣтелемъ того, чему онъ не могъ помѣшать, онъ взялъ

---

[1]) Lycurg. *пр. Леокр.* 16. 39. 44, Demosth. *о вѣнкѣ* 248.

[2]) Hyper. *пр. Аристог.* fr. 27 — 29 Blass [3], *Жизн. 10 ораторовъ* 851 a, постановленіе въ честь Ликурга ibid. 852.

[3]) Plut. *Phoc.* 16.

[4]) Сравн. Demosth. *Ol.* I 27.

[5]) Plut. *Phoc.* 16.

[6]) Plut. *Phoc.* l. c.

одинъ военный корабль и уѣхалъ изъ Пирея, подъ предлогомъ необходимости собрать деньги съ союзниковъ и обезпечить городу снабженіе провіантомъ [1]).

Филиппъ также готовъ былъ войти въ соглашеніе съ аѳинянами. Онъ не имѣлъ никакой охоты испытать подъ Аѳинами то-же, что испыталъ передъ Византіей, а главное — онъ хорошо понималъ, что продолженіе войны неминуемо приведетъ Аѳины въ объятія персидскаго царя. И вотъ самъ побѣдитель тотчасъ послѣ сраженія протянулъ побѣжденному руку для мира.

Среди взятыхъ въ плѣнъ при Херонеѣ находился одинъ выдающійся аѳинскій политическій дѣятель, Демадъ сынъ Демея изъ Пэаніи. Происходя изъ низшаго класса, онъ въ молодости не имѣлъ случая пріобрѣсти реторическое и философское образованіе; всѣми своими успѣхами на политическомъ поприщѣ онъ былъ обязанъ своему незаурядному прирожденному дару краснорѣчія и школѣ народнаго собранія. Въ этой школѣ онъ сдѣлался реалистомъ; онъ зналъ своихъ согражданъ насквозь и потому не заблуждался насчетъ того, что время крупной политики прошло для Аѳинъ. Какъ-разъ такой человѣкъ былъ теперь нуженъ царю; по порученію послѣдняго Демадъ отправился въ Аѳины, чтобы начать переговоры [2]).

При томъ настроеніи, которое теперь, послѣ избранія Фокіона, господствовало въ городѣ, Аѳины охотно приняли предложенія Филиппа; виднѣйшіе члены партіи мира, Фокіонъ, Эсхинъ и самъ Демадъ, были отправлены послами къ царю [3]). И дѣйствительно, вскорѣ состоялось соглашеніе. Аѳины сохранили полную самостоятельность и всю свою территорію, включая внѣшнія владѣнія; только ѳракійскій Херсонесъ онѣ должны были уступить Македоніи, взамѣнъ чего получали обратно Оропъ. Правда, морской союзъ долженъ былъ быть расторгнутъ и Аѳины должны были вступить въ общій эллинскій союзъ, который Филиппъ имѣлъ въ виду организовать. Зато царь обѣщалъ не переходить со своимъ войскомъ аттической границы и тотчасъ послѣ принятія мира народомъ безъ выкупа отпустить на свободу херонейскихъ плѣнниковъ [4]).

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 159, Demosth. *о вѣнкѣ* 248, Din. *пр. Дем.* 80 сл.

[2]) Suid. *Δημάδης*, Plut. *Demosth.* 10 и характеристическіе анекдоты у Stob. *Anthol.* 29, 91, Plut. *Moralia* 803 a, Demetr. *περὶ ἑρμηνείας* 285. Подробнѣе у Schaefer'а III² стр. 20 слл., Blass *Att. Bereds.* III 2 стр. 236 слл.

[3]) Aesch. *пр. Ктес.* 227, Demosth. *о вѣнкѣ* 282 слл., Plut. *Phoc.* 17, Nep. *Phoc.* 1, Suid. *Δημάδης* 3. О принятіи посольства Филиппомъ Theop. fr. 262, Plut. *Symp.* VII 10, 2, 6 p. 715.

[4]) Относительно Оропа Paus. I 34, 1; о Самосѣ Diod. XVIII 56. Что Дем-

На такія выгодныя условія никто въ Аѳинахъ не смѣлъ надѣяться [1]), и они дѣйствительно были безпрекословно утверждены народнымъ собраніемъ [2]). Послѣ этого Филиппъ отослалъ военноплѣнныхъ и приказалъ своему сыну Александру и двумъ своимъ славнѣйшимъ генераламъ, Антипатру и Алкимаху, перевезти въ Аѳины останки павшихъ при Херонеѣ. Въ благодарность за это аѳиняне воздвигли царю статую на рынкѣ и даровали ему и Александру свое право гражданства, а обоимъ остальнымъ посламъ—сверхъ того еще и проксенію, которую царю и наслѣднику престола было бы неприлично предложить. Установленіе дружескихъ отношеній между Аѳинами и Филиппомъ, къ чему послѣдній такъ давно стремился, казалось наконецъ достигнутымъ [3]).

Теперь, разумѣется, и второстепенныя государства поспѣшили заключить миръ съ побѣдителемъ. Въ Халкиду, Амбракію и Акрокоринѳъ вступили македонскіе гарнизоны; въ прочемъ же царь постарался избѣгнуть ненужной жестокости и даже разрѣшилъ фокійцамъ возстановить ихъ города, разрушенные послѣ священной войны [4]).

носъ, Имбросъ и Скиросъ въ эпоху Александра еще были подвластны Аѳинамъ, видно изъ Aristot. *Ἀϑην. πολ.* 61, 6, 62, 2. Уступка Херсонеса, правда, прямо не удостовѣрена, но о господствѣ аѳинянъ на полуостровѣ болѣе никогда не упоминается,— напротивъ, съ этого времени онъ является македонскимъ владѣніемъ. Что морской союзъ былъ расторгнутъ, это доказывается Paus. I 25, 3 и поведеніемъ Лесбоса и Тенедоса въ войнѣ Александра съ персами; притомъ, Dem. *о вѣнкѣ* 197 показываетъ, что Наксосъ и Ѳасосъ въ 330 году уже не находились подъ аѳинскимъ вліяніемъ. Но верховенство Аѳинъ надъ Делосомъ осталось въ силѣ (*CIA*. II 824, Homolle *Archives de l'Intend. sacrée de Delos* стр. 27, сравн. Schoeffer *De Deli insulae rebus* стр. 87). О выдачѣ плѣнныхъ Polyb. V 10, 4, Diod. XVI 87, 3, Justin. IX 4, 4, *Жизн. 10 ораторовъ* p. 819 a.

1) Aesch. *пр. Ктес.* 57. 159. Polyb. l. c., сравн. Plut. *Dem.* 22. Самъ Демосѳенъ (*о вѣнкѣ* 231) не можетъ не признать *φιλανϑρωπία* царя по отношенію къ Аѳинамъ.

2) Demosth. *о вѣнкѣ* 285, Plut. *Phoc.* 16, Diod. XVI 87, Justin. IX 4, 5.

3) Justin. IX 4, 5, Polyb. V 10. О статуѣ Филиппа Paus. I 9, 4, о дарованномъ ему правѣ гражданства Plut. *Dem.* 22, о правѣ гражданства Александра Schol. Arist. *Panath.* 178, 16, объ Антипатрѣ и Алкимахѣ Hyperid. *пр. Демада* fr. 77 Blass[3].

4) Ael. *Var. Hist.* VI 1, Polyb. XXXVIII 1, о Коринѳѣ кромѣ того Plut. *Arat.* 23, объ Амбракіи Diod. XVII 3. Возстановленіе фокійскихъ городовъ началось еще до херонейской битвы, поскольку страна въ то время была занята аѳинянами и ѳиванцами (Paus. X 3. 3; 33, 8; 36, 3); цитированныя мѣста показываютъ, что Филиппъ не уничтожилъ сдѣланнаго; вообще, строительныя работы могли быть окончены только послѣ херонейской битвы. Поэтому надо думать, что онъ разрѣшилъ то же самое и сѣвернымъ городамъ

Только Спарта отказалась вступить въ эллинскій союзъ и обязаться военной помощью Филиппу. Поэтому царь вступилъ въ Лаконію и опустошилъ всю долину Эврота до Гиѳея, которая со времени Эпаминонда ни разу не видѣла врага [1]). Спартанцы были слишкомъ слабы, чтобы рѣшиться на открытое сраженіе для защиты своей страны; но они и теперь отвергали всякую мысль о подчиненіи. Царь оставилъ ихъ въ покоѣ [2]); онъ не хотѣлъ разрушить славный издревле городъ, и вѣроятно считалъ выгоднымъ для себя, чтобы сосѣднія со Спартою пелопоннесскія государства и впредь видѣли свою единственную опору въ Македоніи [3]). Зато онъ отнялъ у спартанцевъ всѣ пограничныя земли, которыя они въ прежнія времена отвоевали у своихъ сосѣдей. Аргосъ получилъ Кинурію и вообще все прибрежье своего залива до Заракса; Мессенія получила Денѳеліатиду на западномъ склонѣ Тайгета, Тегея и Мегалополь — Скиритиду и устья Эврота [4]). Владѣнія Спарты были ограничены собственно Лаконіей, областью между Тайгетомъ и Парнономъ. Правда, она никогда не признала эти мѣропріятія Филиппа законными и при всякомъ удобномъ случаѣ пыталась вооруженной силой вернуть себѣ

страны; дѣйствительно, Мнасея называютъ въ эпоху Александра тираномъ Элатеи (Plin. *Nat. Hist.* 35, 99). Сравн. Schaefer *Demosth.* III² 39 сл.

1) Polyb. IX 28, 6, Paus. III 24, 6.

2) Strab. VIII 365, Plut. *Inst. Lacon.* 42 p. 240 a, Justin. IX 5, 3 и надпись на жертвенномъ дарѣ, который Александръ прислалъ въ Аѳины послѣ побѣды при Граникѣ (Arr. I 16, 7). Многочисленные анекдоты о героическомъ сопротивленіи Спарты сопоставлены у Schaefer'а *Dem.* III² 44. По Исиллу изъ Эпидавра Филиппъ пошелъ на Спарту *ἐθέλων ἀνελεῖν βασιληίδα τιμήν* (Collitz *Dial.-Inschr.* III 3342, 5, Wilamowitz *Isyllos* стр. 22); на основаніи этого извѣстія Виламовицъ (l. c. стр. 34) полагаетъ, что Филиппъ намѣревался отмѣнить царскую власть въ Спартѣ. Но Филиппъ положилъ въ основу эллинскаго союза, который онъ создалъ и въ который должна была вступить Спарта, именно принципъ сохраненія существующихъ конституцій; да и Антипатру послѣ побѣды при Мегалополѣ не пришло на мысль свергнуть спартанскихъ Гераклидовъ. Въ виду этого мало вѣроятно, чтобы у Филиппа были такіе планы. Возможно также, что Исиллъ вовсе не хотѣлъ сказать этого, а употребилъ выраженіе *βασιληίδα τιμήν* въ переносномъ смыслѣ, разумѣя верховенство Спарты, которое Филиппъ хотѣлъ отнять у нея.

3) Polyb. IX 33, 8 сл.

4) Polyb. IX 28, 7, XVIII 14, 7, объ уступкахъ въ пользу Аргоса Paus. II 20, 1, въ пользу Мессеніи Tac. *Ann.* IV 43, Strab. VIII 361, Paus. III 24, 8; 26, 3, Steph. Byz. *Δενθάλιοι*, Weil *Athen. Mitteil.* VII, 1882, 211 слл., въ пользу Мегалополя Liv. 38, 34, сравн. Polyb. XXXI 9, 7, Paus. VIII 35, 4, 17, 4. Тегея получила, вѣроятно, Каріи (Theopomp. fr. 266 изъ LV книги, у Steph. Byz. подъ послѣднимъ именемъ).

утраченные округа; но если эти попытки иногда и увѣнчивались успѣхомъ, въ общемъ пограничныя линіи, установленныя Филиппомъ, оставались съ тѣхъ поръ безъ перемѣнъ.

Теперь царь могъ приступить къ политическому преобразованію Греціи. По его приглашенію въ Коринѳѣ собрался конгрессъ делегатовъ всѣхъ государствъ, расположенныхъ къ югу отъ Ѳермопилъ, и всѣхъ острововъ, входившихъ донынѣ въ составъ аттическаго морского союза; въ конгрессѣ не приняла участія одна Спарта. Прежде всего былъ провозглашенъ всеобщій миръ *(κοινὴ εἰρήνη)*. Всѣ греческія государства должны быть свободны и независимы и безпрепятственно пользоваться существующими конституціями. Насильственные перевороты внутри отдѣльныхъ государствъ не должны быть болѣе терпимы, частная собственность должна быть неприкосновенна. Для руководства общими дѣлами и какъ высшая судебная инстанція для всѣхъ союзныхъ тяжбъ было учреждено «обще-эллинское союзное собраніе» *(κοινὸν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων)*, въ которое каждая изъ общинъ, участвовавшихъ въ союзѣ, присылала по одному представителю и которое засѣдало въ Коринѳѣ [1]). Между Македоніей и эллинской федераціей былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ, и высшее военное начальство на сушѣ и на морѣ ввѣрено Филиппу. Далѣе, было опредѣлено, сколько войска и кораблей должна выставлять каждая община; другихъ повинностей союзъ не наложилъ на своихъ членовъ, и въ особенности имъ была категорически гарантирована свобода отъ всякой денежной дани. Всякій гражданинъ союзнаго города, который въ качествѣ наемника на службѣ чужой державы обнажилъ бы оружіе противъ союза или Филиппа, долженъ былъ какъ измѣнникъ подвергнуться изгнанію и конфискаціи имущества [2]). Было ясно, что этотъ пунктъ направленъ про-

---

[1]) Учрежденія подобнаго органа требовалъ уже Isocr. *Phil.* 69 слл.

[2]) Justin. IX 5, Diod. XVI 89, Demosth. *о вѣнкѣ* 201, Polyb. IX 33. Главными источниками для ознакомленія съ отдѣльными пунктами союзной конституціи служатъ дошедшая до насъ среди сочиненій Демосѳена рѣчь *περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν* и декретъ Филиппа Арридея у Diod. XVIII 56, сравн. Schol. къ Demosth. *о вѣнкѣ* 89. О *συνέδριον τῶν Ἑλλήνων* какъ союзномъ судилищѣ — Aesch. *пр. Ктес.* 161. 254, рескриптъ Александра къ хіосцамъ *Rev. de Philol.* 1893, стр. 188, и Le Bas-Waddington *Asie Min.* 1. Согласно параграфу о наемной службѣ въ рядахъ враговъ Александръ позднѣе наказалъ, какъ измѣнниковъ, всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ въ персидской войнѣ греческихъ наемниковъ, которые вступили въ службу къ варварамъ послѣ заключенія союзнаго договора (Arr. I 16, 6; 29, 6; III 23, 8; 24, 5).— Входила ли и Ѳессалія въ составъ союза, мы не знаемъ; но это мало вѣро-

тивъ Персіи, которая благодаря ему лишалась возможности вербовать наемниковъ въ Элладѣ. Ибо если формально между Филиппомъ и Персіей еще существовалъ миръ, то никто не сомнѣвался въ томъ, что македонскій царь намѣренъ повести объединенную Грецію въ національную войну противъ варваровъ.

Такимъ образомъ наконецъ было достигнуто то, къ чему такъ долго стремились лучшіе люди Эллады. Престарѣлый Исократъ благословилъ свое долголѣтіе, позволившее ему увидѣть зарю новаго дня, наступленію котораго онъ самъ такъ много содѣйствовалъ [1]). Еще никогда не была объединена такая большая часть Греціи, какъ теперь, и никогда еще объединеніе не было осуществлено менѣе насильственно. Послѣ побѣды при Херонеѣ Филиппъ, по преданію, сказалъ, что онъ хочетъ лучше долгое время быть любимымъ Элладою, чѣмъ короткое время властвовать надъ ней [2]); и во всякомъ случаѣ, онъ поступалъ согласно съ этимъ принципомъ. Обезпечить каждой общинѣ полную автономію и въ то же время предотвратить усобицы между отдѣльными областями и внутренніе перевороты, такъ долго истощавшіе лучшія силы Эллады, наконецъ сплотить противъ иноземцевъ всѣ силы націи,—такова была его цѣль, и онъ осуществилъ ее наиболѣе совершеннымъ образомъ, поскольку это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ. Гарантія неприкосновенности существующихъ конституцій, каковы бы онѣ ни были, повсюду обезпечила новому строю

ятно, такъ какъ Ѳессалія уже ранѣе находилась въ тѣсномъ союзѣ съ Филиппомъ и ѳессалійскій контингентъ въ войскѣ Александра поименованъ отдѣльно на ряду съ контингентами эллинскаго союза. Эпиръ навѣрное не принадлежалъ къ союзу. Что кромѣ Спарты къ союзу примкнули всѣ государства греческаго материка къ югу отъ Ѳермопилъ, это видно, между прочимъ, изъ Justin. IX 5, 3 и XII 1, 7; относительно острововъ, находившихся до сихъ поръ въ союзѣ съ Аѳинами, это ясно и по существу, и кромѣ того подтверждается показаніями Arr. II 1, 4; II 2 о Тенедосѣ и Митиленѣ. Что къ союзу примкнула и Византія, видно изъ Arr. I 3, 3 и Suid. *Λέων*.

1) Isocr. 3-ье письмо *(къ Филиппу)* 6. Письмо, вѣроятно, не подложно, такъ какъ оно еще не знаетъ глупой басни о томъ, будто Исократъ изъ страха вслѣдствіе пораженія наложилъ на себя руки. Если даже письмо и поддѣльно, то во всякомъ случаѣ оно написано въ духѣ Исократа.— Впрочемъ, Аѳарей и Деметрій отнюдь не отвѣтственны за эту легенду о смерти Исократа. Напротивъ, они сообщали, что великій ораторъ покончилъ съ собою около того времени, когда хоронили павшихъ при Херонеѣ (сравн. 3-ью *Vita* у Westermann'а стр. 258, 45 съ показаніями *Жизн. 10 ораторовъ* р. 838 b ibid. стр. 250, 84 слл.), т.-е. поздней осенью, когда паника въ Аѳинахъ давно улеглась.

2) Plut. *Apophth. Regum* p. 177 c.

поддержку господствующей партіи, а гарантія неприкосновенности частной собственности обезпечила ему симпатіи достаточныхъ классовъ. При этомъ Филиппу былъ совершенно чуждъ тотъ эгоизмъ, который до сихъ поръ побуждалъ всѣ греческія республики безъ исключенія пользоваться своимъ руководящимъ положеніемъ для собственной выгоды. Подчинивъ общины македонскаго побережья, онъ не обратилъ ихъ членовъ въ подданныхъ, какъ сдѣлали бы Спарта, Аѳины или Ѳивы, а принялъ эти общины на равныхъ правахъ въ составъ македонскаго государственнаго союза, чѣмъ неразрывно связалъ ихъ со своей державой и удвоилъ силы послѣдней (выше стр. 401). Но такого рода пріобрѣтенія вскорѣ должны были встрѣтить естественный предѣлъ; Ѳессалія не могла войти въ составъ Македоніи, какъ Халкидика,—Средняя Греція или Пелопоннесъ еще тѣмъ менѣе. И вотъ, здѣсь мѣсто включенія въ македонское государство заняла личная унія или же оборонительный и наступательный союзъ, тогда какъ Эпиръ былъ прикрѣпленъ къ Македоніи тѣсными династическими узами. Но каждому отдѣльному эллину всегда былъ открытъ доступъ въ македонскую государственную службу, а способнымъ людямъ изъ хорошихъ фамилій Филиппъ даровалъ право гражданства въ одномъ изъ македонскихъ городовъ и принималъ ихъ въ число своихъ «гетэровъ», гдѣ имъ были доступны высшіе военные посты [1]), многіе же, и не будучи македонскими гражданами, занимали должности по администраціи [2]).

Однако, исключительно моральными средствами невозможно сплотить въ одно политическое цѣлое націю, раздробленную въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Поэтому Филиппу послѣ побѣды при Херонеѣ по необходимости пришлось занять гарнизонами цѣлый рядъ пунктовъ, важныхъ въ стратегическомъ или политическомъ отношеніяхъ, хотя въ примѣненіи этой системы онъ былъ гораздо болѣе умѣренъ, чѣмъ нѣкогда Аѳины или Спарта. Да это и понятно—ибо Филиппъ обладалъ тѣмъ, чего недоставало этимъ государствамъ и еще болѣе Ѳивамъ, именно собственнымъ могуществомъ, которое въ состояніи было нести всю тяжесть возведеннаго имъ политическаго зданія. Аѳинская и спартанская державы рухнули, когда послѣ пораженій при Сиракузахъ и Левктрахъ вѣрность союзниковъ поколебалась; Ѳивы вообще

---

[1]) Theopomp. fr. 249. Такъ, критянинъ Неархъ и митиленянинъ (Arr. *Diad.* 34) Лаомедонтъ получили право гражданства въ Амфиполѣ (Arr. *Ind.* 18), гражданинъ Краннона (Porphyr. 4, *FHG.* III 698) Агаѳоклъ—въ Пеллѣ (Arr. l. c.).

[2]) Напр. Пиѳонъ изъ Византіи и Эвменъ изъ Кардіи.

не успѣли основать прочной державы. Македонія же съ тѣсно связанными съ нею сосѣдними странами Ѳессаліей и Ѳракіей была достаточно сильна, чтобы въ случаѣ надобности вынести борьбу со всей остальной Греціей. Благодаря этому политическое созданіе Филиппа благополучно перенесло рядъ страшныхъ кризисовъ и просуществовало болѣе столѣтія, пока не было разрушено превосходными силами римлянъ.

Въ сравненіи съ такой державой тѣ государства, которыя донынѣ пользовались руководящимъ вліяніемъ въ Греціи,—Спарта, Аѳины и Ѳивы—неизбѣжно должны были низойти на степень второклассныхъ государствъ. Вполнѣ понятно, что они до послѣднихъ силъ противились установленію надъ собою гегемоніи Филиппа [1]) и даже послѣ того, какъ споръ былъ рѣшенъ, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы свергнуть съ себя македонское владычество. Мы не откажемъ побѣжденнымъ при Херонеѣ въ нашемъ сочувствіи, и не только потому, что они—побѣжденные; но ограниченная точка зрѣнія аѳинянина, а тѣмъ болѣе ѳиванца, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить для насъ критеріемъ при оцѣнкѣ греческой исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, если бы союзники одержали при Херонеѣ такую же полную побѣду, какую въ дѣйствительности одержалъ Филиппъ? Исторія предшествующей эпохи ясно показала, что ни Аѳины, ни Ѳивы не были въ силахъ объединить націю; а коалиція между обѣими державами должна была порваться, какъ только по достиженіи общей цѣли снова обнаружилась бы старая противоположность интересовъ. Тогда снова начались бы смуты политической разрозненности, — повторилось бы то же, что произошло послѣ сраженія при Мантинеѣ, исходъ котораго внушилъ Ксенофонту мрачныя слова, какими онъ кончаетъ свои «Hellenica»: «и въ Элладѣ воцарилась послѣ сраженія бóльшая анархія и смута, чѣмъ до него».

Правда, послѣ битвы при Херонеѣ осуществилось не все, на что тогда можно было надѣяться. Снова обнаружилась старая язва націи—партикуляризмъ, и обусловленныя имъ внутреннія распри въ концѣ концовъ открыли путь завоевателю-чужеземцу. Но немногихъ лѣтъ объединенія, слѣдовавшихъ за побѣдой Филиппа при Херонеѣ, оказалось достаточно для освобожденія азіатскихъ эллиновъ отъ ига варваровъ; ихъ оказалось достаточно для того, чтобы эллинская нація съумѣла покорить всю неизмѣримую территорію персидскаго цар-

[1]) Демосѳенъ выражаетъ эти чувства въ одномъ знаменитомъ мѣстѣ своей рѣчи *о вѣнкѣ*.

ства и тѣмъ пріобрѣла возможность разселиться, безъ чего она неминуемо погибла бы экономически. Мало того. Если греческая культура сдѣлалась всемірной культурой, если она преодолѣла преграды, отдѣлявшія націю отъ націи, если предразсудокъ о противоположности между эллинами и варварами, который раздѣляли еще Платонъ и даже Аристотель, уступилъ мѣсто сознанію общности всего человѣчества,—однимъ словомъ, если идея гуманности, сначала въ кругу образованныхъ, одержала верхъ, то это стало возможно лишь благодаря завоеванію Азіи, которое подготовилъ Филиппъ и Александръ осуществилъ.

ГЛАВА XIV.

Борьба западныхъ эллиновъ за свободу.

Еще болѣе настойчиво, чѣмъ метрополія, нуждался въ возстановленіи порядка греческій Западъ. Съ тѣхъ поръ какъ Діонъ сокрушилъ державу Діонисія, здѣсь междоусобная война не прекращалась. Наконецъ, какъ мы видѣли, Діонисію удалось снова захватить власть надъ Сиракузами (выше стр. 266). Вожди побѣжденной партіи бѣжали въ Леонтины, которыя когда-то служили самымъ прочнымъ оплотомъ Діону и гдѣ теперь властвовалъ старый сподвижникъ Діона, сиракузянинъ Гикетасъ. Отсюда они обратились за помощью въ метрополію—Коринѳъ, и къ ихъ просьбѣ присоединился и Гикетасъ [1]).

Коринѳяне не хотѣли отказаться отъ почетной обязанности возстановить порядокъ въ Сициліи. Они снарядили небольшую эскадру и рѣшили начальство надъ нею вручить Тимолеону, тому самому, который когда-то велѣлъ убить своего собственнаго брата за то, что онъ сдѣлалъ попытку провозгласить себя тираномъ своего родного города (выше стр. 221). Его прошлое служило для сикеліотовъ гарантіей, что будутъ употреблены всѣ старанія для окончательнаго искорененія тираніи. Правда, боевыя силы, которыми располагалъ Тимолеонъ, были очень незначительны—всего 700 наемниковъ, большею частью ветераны фокійской войны, и 7 военныхъ кораблей, къ которымъ присоединились еще 3 тріеры отъ коринѳскихъ колоній Левкады и Корциры; но коринѳяне разсчитывали на то, что въ Сициліи нуженъ только вождь, вокругъ котораго могла бы сплотиться респу-

---

[1]) Plut. *Tim.* 1, Diod. XVI 65, Nep. *Tim.* 2, 1.

бликанская партія. Успѣхъ показалъ, что они не ошиблись въ разсчетѣ [1]).

Кароагенъ не могъ отнестись безучастно къ извѣстію о вмѣшательствѣ кориноянъ. Онъ воспользовался анархіей въ греческой части Сициліи, чтобы подчинить себѣ греческіе города побережья — Акрагантъ, Гелу и Камарину [2]); въ остальномъ онъ предоставилъ вещамъ идти своимъ порядкомъ, довольствуясь тѣмъ, что со времени распаденія великой сиракузской державы кароагенскимъ владѣніямъ болѣе не грозило никакой опасности. Теперь необходимо было воспрепят-

---

1) Плутархъ и Непотъ оба заимствовали матеріалъ для своихъ біографій Тимолеона изъ Тимея (сравн. Clasen *Timaeos* стр. 72 сл., Киль 1883 г.), хотя, вѣроятно, не прямо. Повѣствованіе Діодора (XVI 65—70, 72—73, 77—83, 90) въ первой своей части опирается на Ѳеопомпа (сравн. 70, 3 съ Theop. у Polyb. XII 4 a, 2); такъ какъ Діодоръ въ существенныхъ пунктахъ расходится съ Плутархомъ, то очевидно, что Тимеемъ Діодоръ не пользовался; однако, на ряду съ разногласіями, у Плутарха и Діодора встрѣчаются и многочисленныя совпаденія. Особенно характерно народное постановленіе въ честь Тимолеона, которое Plut. 37 и Diod. XVI 90 передаютъ почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, хотя отнюдь не въ подлинной формѣ. Итакъ, оба повѣствованія—Тимей и источникъ Діодора — опираются на одинъ общій источникъ, можетъ быть на Аѳаниса, который описалъ подвиги Тимолеона какъ очевидецъ. Этотъ источникъ выставлялъ Тимолеона въ очень выгодномъ свѣтѣ, что ярко выступаетъ еще въ извлеченіи Діодора; у Тимея это выгодное освѣщеніе было доведено до степени панегирика (Polyb. XII 23, 4). Лучшею изъ новѣйшихъ работъ все еще остается Arnoldt *Timoleon* (Кёнигсбергъ 1850); Holm *Gesch. Sic.* въ этой части еще менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ въ прочихъ. Сравн. также Clasen *Kritische Bemerkungen zur Geschichte Timoleons*, Fleckeisens *Jahrbücher* 1886, 313; 1888, 161; 1893, 289. Тимолеонъ по Diod. XVI 90 былъ стратегомъ 8 лѣтъ (по Plut. *Tim.* 37 «почти 8 лѣтъ») до 337/6 г.; слѣдовательно, онъ прибылъ въ Сицилію въ 345/4 г., какъ сообщаетъ и Diod. XVI 66. Съ этимъ согласуется показаніе Plut. *Tim.* 13, по которому Діонисій правилъ отъ смерти своего отца до сдачи кремля Тимолеону всего 22 года, т.-е. съ 367/6 по 345/4. Точное распредѣленіе событій по отдѣльнымъ годамъ невозможно.

2) Акрагантъ, Гела и Камарина упоминаются въ исторіи этого времени только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о преобразованіи внутренняго строя этихъ городовъ Тимолеономъ. Обыкновенно еще и теперь повторяютъ вслѣдъ за Плутархомъ, что они оставались пустынными со времени ихъ завоеванія кароагенянами въ 406 и 405 гг.; едва ли нужно говорить, что это мнѣніе совершенно невѣрно (Diod. XIII 104, 1, XIV 47, 6; 88, 5, Plut. *Dio* 26). Но какъ ни плохи наши источники по исторіи Тимолеона,— ихъ умолчаніе какъ разъ о столь важныхъ городахъ все-таки очень знаменательно и почти съ необходимостью ведетъ къ тому заключенію, что эти города во время смутъ послѣ смерти Діона подпали подъ власть кароагенянъ.

ствовать измѣненію этого, столь выгоднаго для Карѳагена, порядка вещей. И вотъ карѳагеняне выслали эскадру изъ 20 тріеръ въ Мессинскій проливъ, чтобы помѣшать Тимолеону переправиться на островъ; одновременно въ Лилибеѣ былъ высаженъ отрядъ войска.

Между тѣмъ въ Сиракузахъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Гикетасу удалось нанести рѣшительное пораженіе Діонисію; его войска вмѣстѣ съ бѣгущимъ врагомъ проникли въ городъ и взяли бо́льшую часть его. Діонисій удержалъ за собою только сильно укрѣпленный островъ Ортигію и былъ здѣсь запертъ Гикетасомъ [1]).

Приблизительно въ это самое время Тимолеонъ прибылъ въ Регій, не обративъ вниманія на протестъ карѳагенянъ, которые выслали ему навстрѣчу посольство въ Метапонтій. Точно также ему удалось обмануть бдительность карѳагенской эскадры, крейсировавшей въ проливѣ, и достигнуть гавани Тавроменія, гдѣ Андромахъ, владыка города, встрѣтилъ его съ раскрытыми объятіями, какъ спасителя Сициліи. Но Гикетасъ теперь, послѣ своей побѣды надъ Діонисіемъ, считалъ возможнымъ обойтись безъ коринѳской помощи; поэтому онъ заключилъ съ Карѳагеномъ союзъ противъ Тимолеона и, получивъ извѣстіе объ его удачной высадкѣ, тотчасъ выступилъ въ походъ съ лучшей частью своихъ войскъ. Но онъ ошибся въ оцѣнкѣ врага; близъ Гадранона, у западнаго склона Этны, Тимолеонъ неожиданно напалъ на войско тирана, которое, несмотря на свой количественный перевѣсъ, потерпѣло полное пораженіе. Теперь на сторону Тимолеона перешли тиранъ Катаны Мамеркъ и свободный городъ Тиндарисъ [2]). Но безъ сравненія важнѣйшимъ послѣдствіемъ побѣды было то, что и Діонисій примкнулъ къ Тимолеону. Со времени своей несчастной битвы съ Гикетасомъ тиранъ находился въ отчаянномъ положеніи: тѣсно обложенный въ своей крѣпости, безъ всякой надежды на чью-либо помощь, онъ нигдѣ не видѣлъ для себя убѣжища на случай, если бы ему пришлось сдаться. А насчетъ участи, которая ждала его, разъ онъ попалъ бы въ руки Гикетаса и сиракузянъ, онъ не могъ заблуждаться. Поэтому онъ избралъ единственный выходъ, какой оставался ему, чтобы почетно удалиться съ политической сцены. Тимолеонъ разумѣется съ радостью принялъ его предложеніе; онъ обязался дать Діонисію пріютъ въ Коринѳѣ и позволилъ ему взять съ собою дорогую обстановку своего дворца и остальныя свои сокровища. Самая крѣпость съ ея гарнизономъ изъ 2000 наемниковъ и

---

[1]) Plut. *Tim.* 9, Diod. XVI 67 сл.

[2]) Plut. *Tim.* 10—13, Diod. XVI 68 сл.

громаднымъ количествомъ военныхъ запасовъ была передана Тимолеону [1]).

Послѣ этого карѳагеняне рѣшили долѣе не медлить. Они отправили въ сиракузскую гавань подъ начальствомъ Магона эскадру изъ 150 судовъ съ десантомъ, который и былъ принятъ въ городъ Гикетасомъ. Островъ Ортигія былъ запертъ со стороны моря; но такъ какъ тѣмъ временемъ наступилъ періодъ осеннихъ бурь, то оказалось невозможнымъ поддерживать полную блокаду, и Тимолеонъ могъ изъ Катаны доставлять припасы въ крѣпость. Въ виду этого Гикетасъ и Магонъ правильно разсудили, что прежде всего необходимо отнять у врага этотъ его операціонный базисъ; но въ то время, когда они выступили противъ Катаны, коринѳянинъ Неонъ, командовавшій въ Ортигіи за Тимолеона, предпринялъ вылазку, при которой ему удалось овладѣть важнѣйшей частью города, Ахрадиной. Правда, Гикетасъ и Магонъ поспѣшно вернулись, но взять назадъ Ахрадину имъ уже не удалось.

При извѣстіи о вмѣшательствѣ Карѳагена, коринѳяне отправили къ Тимолеону подкрѣпленіе въ 2000 человѣкъ и 10 военныхъ судовъ; это дало Тимолеону возможность открыть военныя дѣйствія противъ Сиракузъ и на сушѣ. Между тѣмъ въ Сиракузахъ Магонъ не ладилъ съ Гикетасомъ; семитъ не довѣрялъ греку и находился въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы Гикетасъ за его спиною не вошелъ въ соглашеніе съ Тимолеономъ. Теперь, когда Тимолеонъ подступилъ къ городу, Магонъ посадилъ свое войско на корабли и уѣхалъ въ карѳагенскую провинцію въ западной части острова. Въ виду этого Гикетасъ принужденъ былъ очистить Сиракузы и удалиться въ Леонтины [2]).

Итакъ, Тимолеонъ былъ теперь владыкой Сиракузъ. Въ знакъ того,

---

[1]) По Plut. *Tim.* 16 сиракузская крѣпость была сдана спустя 50 дней послѣ прибытія Тимолеона въ Сицилію, что̀ въ общемъ подтверждается *Реторикой къ Алекс.* 8, 3 p. 1429. Но въ Коринѳъ Діонисій могъ отплыть лишь тогда, когда по удаленіи карѳагенянъ море снова сдѣлалось безопаснымъ, что̀ и побудило Діодора (XVI 70) отнести сдачу крѣпости къ этому времени. Это недоразумѣніе вовлекло Діодора и во многія другія ошибки.

[2]) Diod. XVI 69, Plut. *Tim.* 19—21. По Плутарху (17) карѳагенское войско состояло изъ 60.000, по Діодору (67) — изъ 50.000 чел.; въ дѣйствительности десантъ Магона могъ состоять лишь изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, такъ какъ, чтобы имѣть возможность выступить противъ Катаны, онъ долженъ былъ оставить Сиракузы беззащитными. Притомъ, ему нечего было-бы бояться измѣны Гикетаса, если бы онъ располагалъ значительно бо̀льшими силами чѣмъ послѣдній.

что эпоха рабства минула, онъ велѣлъ разрушить укрѣпленный дворецъ тирановъ и на его мѣстѣ построить зданіе суда. Діонисій былъ отосланъ въ Коринѳъ, гдѣ онъ еще много лѣтъ прожилъ частнымъ человѣкомъ, являя современникамъ примѣръ превратности человѣческой судьбы. Затѣмъ Тимолеонъ двинулся противъ тирановъ, которые еще держались внутри острова. Нападеніе на Леонтины было, правда, отбито Гикетасомъ; зато Тимолеону удалось покорить Лептина, властителя Аполлоніи и многихъ сосѣднихъ городовъ; и онъ, какъ Діонисій, былъ сосланъ въ Коринѳъ. Гиппонъ, тиранъ Мессены, еще раньше перешелъ на сторону Тимолеона и былъ оставленъ на своемъ посту. Въ карѳагенскую провинцію былъ посланъ отрядъ войска, что̀ побудило Энтеллу и другіе города этой области перейти на греческую сторону [1]).

Если до сихъ поръ Карѳагенъ надѣялся, пользуясь анархіей въ греческой части Сициліи, ловить рыбу въ мутной водѣ, то теперь онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ взяться за оружіе для защиты своихъ собственныхъ владѣній. Въ Испаніи, Галліи и Лигуріи были набраны наемники, отъ подданныхъ въ Ливіи и самомъ Карѳагенѣ вытребованы военные контингенты, и составленная такимъ образомъ армія высажена въ Лилибеѣ.

Въ виду этой опасности враги Тимолеонъ и Гикетасъ примирились; послѣдній былъ признанъ владыкой Леонтинъ и зато предоставилъ свои войска въ распоряженіе коринѳскаго стратега для войны съ Карѳагеномъ [2]). Такимъ образомъ Тимолеону удалось собрать войско въ 12.000 человѣкъ, съ которымъ онъ тотчасъ перешелъ въ наступленіе, чтобы рѣшить споръ на карѳагенской почвѣ. Неподалеку отъ Сегесты онъ встрѣтилъ далеко болѣе многочисленное непріятельское войско, какъ-разъ въ то время, когда оно переправлялось черезъ рѣку Кримисъ. Не медля ни минуты, Тимолеонъ повелъ свои войска въ атаку; разстроенная и разрѣзанная рѣкою на̀ двѣ половины карѳагенская армія не могла оказать ему энергичнаго сопротивленія, а разразившаяся во время битвы гроза, благодаря которой рѣка обратилась въ бурный потокъ, еще усилила смятеніе въ рядахъ варваровъ. Такимъ образомъ, тѣ части карѳагенскаго войска, которыя уже успѣли пе-

---

1) Plut. *Tim.* 22. 24, Diod. XVI 70. 72 сл. Evans у Freeman *Hist. of Sicily* IV 352. О Мессенѣ Diod. XVI 69, 6, Plut. *Tim.* 20.

2) Diod. XVI 77, 5. По Plut. *Tim.* 24 Гикетасъ еще раньше подчинился и отрекся отъ власти надъ Леонтинами; но, какъ показываютъ дальнѣйшія событія, это—выдумка во славу Тимолеона. Сравн. также экскурсъ у Freeman'a IV стр. 511 слл.

реправиться, были перебиты или принуждены къ сдачѣ, — въ томъ числѣ «священный отрядъ», состоявшій изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ Карѳагена. Послѣ этого все остальное карѳагенское войско обратилось въ бѣгство; непріятельскій лагерь также былъ взятъ греками, причемъ имъ досталась несмѣтная добыча. Такой ударъ еще никогда не постигалъ Карѳагена — не столько въ смыслѣ тяжести самого пораженія, сколько по громадному числу карѳагенскихъ гражданъ, сложившихъ головы на полѣ битвы [1]).

Остатки побѣжденнаго войска нашли убѣжище за стѣнами Лилибея; теперь Тимолеонъ былъ господиномъ всей открытой части карѳагенской провинціи. Правда, объ осадѣ прибрежныхъ укрѣпленій — Панорма, Гераклеи, Лилибея — онъ не могъ думать, такъ какъ карѳагенскій флотъ все еще господствовалъ на морѣ. А вскорѣ за его спиной начались отложенія. Только страхъ предъ Карѳагеномъ заставилъ Гикетаса изъ Леонтинъ, Мамерка изъ Катаны и Гиппона изъ Мессены примкнуть къ Тимолеону; теперь, послѣ побѣды, они стали опасаться, и вѣроятно не безъ основанія, что Тимолеонъ ждетъ лишь благопріятной минуты, чтобы свергнуть ихъ. Вслѣдствіе этого они заключили между собою союзъ для взаимной защиты и обратились за помощью въ Карѳагенъ. Во исполненіе ихъ просьбы въ мессенскую гавань вошелъ карѳагенскій флотъ изъ 70 кораблей и высадилъ отрядъ греческихъ наемниковъ. Благодаря этому подкрѣпленію Ма-

---

1) Plut. *Tim.* 25—29, Diod. XVI 77—80. Кримисъ — главная рѣка сегестской области, называющаяся теперь въ верхней своей части Fiume Freddo, въ нижней Fiume S. Bartolomeo (сравн. *Aen.* I 550, V 30, Dionys. I 52, Lycophr. 961, Ael. *Var. Hist.* II 33 и сегестскія монеты). Допускать на основаніи *Crinisos Siciliae civitatis atilae (sic*, обыкновенно исправляютъ въ *Entellae)* Вибія Секвестра существованіе еще другого Кримиса, нѣтъ никакихъ основаній въ виду ненадежности показаній этого писателя. Высадившись у Лилибея, карѳагеняне направились, очевидно, главнымъ трактомъ къ Панорму, чтобы оттуда продолжать путь къ Сиракузамъ; слѣдовательно, они должны были перейти Fiume Freddo между Калатафими и Алькамо, и тутъ-то напалъ на нихъ Тимолеонъ. Сраженіе произошло 27-го ѳаргеліона (Plut. *Cam.* 19, сравн. *Tim.* 27). Годъ сообщенъ только Діодоромъ; онъ разсказываетъ о приготовленіяхъ карѳагенянъ подъ $342/_1$ г., въ слѣдующемъ году совсѣмъ умалчиваетъ о сицилійскихъ событіяхъ и помѣщаетъ битву подъ $340/_{39}$ г. Эти показанія приблизительно вѣрны; Volquardsen совершенно произвольно восходитъ до 343 г. (*Diodor* стр. 101). Величина карѳагенскаго войска и размѣры потерь въ нашихъ источникахъ по обыкновенію безмѣрно преувеличены. Напротивъ, Plut. *Tim.* 25 опредѣляетъ величину арміи Тимолеона слишкомъ малой цифрой; показаніе Діодора, XVI 78, 2, вѣроятно соотвѣтствуетъ истинѣ.

мерку удалось истребить отрядъ наемниковъ Тимолеона, а въ то же самое время войска, оставленныя Тимолеономъ въ западной части острова, были истреблены кареагенянами у Іетъ, вблизи Панорма. Послѣ этого Гикетасъ рѣшился вторгнуться въ сиракузскую область; но когда онъ, обремененный добычею, возвращался въ Леонтины, онъ былъ настигнутъ Тимолеономъ и съ большимъ урономъ обращенъ въ бѣгство. Вслѣдствіе этого въ войскѣ Гикетаса вспыхнулъ мятежъ; тиранъ былъ своими собственными людьми взятъ подъ стражу и затѣмъ выданъ Тимолеону, который въ наказаніе за его измѣну національному дѣлу велѣлъ казнить его. Вскорѣ послѣ этого Тимолеонъ нанесъ Мамерку и его кареагенскимъ союзникамъ рѣшительное пораженіе, при которомъ они потеряли болѣе 2,000 человѣкъ [1]).

Теперь въ Кареагенѣ начали серьезно подумывать о мирѣ. Попытка посредствомъ оказанія поддержки сицилійскимъ тиранамъ парализовать дѣятельность Тимолеона не удалась, а еще разъ помѣряться съ греческой арміей въ открытомъ полѣ кареагеняне послѣ пораженія при Кримисѣ уже не рѣшались. Съ другой стороны, положеніе Тимолеона было еще слишкомъ непрочно, чтобы онъ могъ желать продолженія войны. Въ виду этихъ обстоятельствъ соглашеніе было скоро достигнуто. Кареагенъ сохранилъ свою старую провинцію къ западу отъ Галика и зато отказался отъ своихъ завоеваній на востокъ отъ этой рѣки. Такимъ образомъ, снова былъ установленъ тотъ порядокъ, какой существовалъ до экспедиціи Діона [2]).

Итакъ, Тимолеонъ избавился отъ своего опаснѣйшаго врага, и полное искорененіе тираніи было еще только вопросомъ времени. Правда, Мамеркъ сдѣлалъ еще попытку получить подкрѣпленіе изъ своей италійской родины, но былъ при этомъ покинутъ экипажемъ своихъ собственныхъ кораблей и принужденъ былъ искать убѣжища у Гиппона въ Мессенѣ, тогда какъ Катана открыла ворота Тимолеону. Послѣдній немедленно прогналъ кампанцевъ, которыхъ Діонисій старшій нѣкогда поселилъ въ Этнѣ, и свергъ тирановъ, какіе еще держались въ городахъ внутренней Сициліи, какъ Никодама, тирана Кенторипы, и Аполлоніада, тирана Агиріона. Затѣмъ онъ двинулся къ Мессенѣ и началъ осаду. Вскорѣ городъ попалъ въ его руки, а Гиппонъ былъ схваченъ во время бѣгства и казненъ въ театрѣ, въ присутствіи всѣхъ гражданъ; призвали даже школьниковъ, чтобы они

---

1) Plut. *Tim.* 30—34, Diod. XVI 82, 4.
2) Plut. *Tim.* 34, Diod. XVI 82, 3.

видѣли казнь тирана. Мамеркъ, также попавшій въ плѣнъ, кончилъ жизнь въ Сиракузахъ подъ рукою палача. Великій планъ былъ осуществленъ; Сицилія была освобождена отъ тираніи (337). Только для одного тирана Тимолеонъ сдѣлалъ исключеніе — для Андромаха изъ Тавроменія, который при его высадкѣ въ Сициліи первый перешелъ на его сторону и съ тѣхъ поръ оставался непоколебимо вѣренъ ему. Зато позднѣе сынъ Андромаха, историкъ Тимей, явился восторженнымъ глашатаемъ подвиговъ Тимолеона [1]).

Еще во время войны Тимолеонъ неустанно старался залечить раны, нанесенныя острову долгой анархіей. Онъ началъ съ того, что призвалъ въ Сицилію колонистовъ изъ греческой метрополіи и вообще изъ всего эллинскаго міра; и они стали приходить толпами, привлекаемые надеждою пріобрѣсти землю въ плодоносной Сициліи. Не меньшее значеніе имѣло возстановленіе мира и спокойствія въ странѣ; запустошенныя поля вскорѣ снова были воздѣланы прилежными руками и опустѣвшіе города наполнились обитателями [2]).

Столь же неотложной необходимостью было политическое преобразованіе острова. Тимолеонъ принадлежалъ къ вліятельной аристократической фамиліи и достигъ могущества при олигархическомъ строѣ; поэтому нельзя было ожидать, что онъ возстановитъ ту неограниченную демократію, которая существовала въ Сиракузахъ передъ тираніей. Режимъ, установленный Тимолеономъ, повидимому, соотвѣтствовалъ тому, что́ греки этого времени называли «смѣшанной конституціей». Высшимъ должностнымъ лицомъ сдѣлался жрецъ *(ἀμφίπολος)* олимпійскаго Зевса, который ежегодно избирался жребіемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, выбранныхъ народомъ среди представителей опредѣленныхъ родовъ; именемъ этого жреца Сиракузы отнынѣ обозначали годъ. Святость его сана должна была служить извѣстной гарантіей противъ революціонныхъ стремленій. Рядомъ съ нимъ стоялъ, вѣроятно, «президентъ» *(προαγόρας)*, какъ руководитель засѣданій совѣта и народнаго собранія. Труднѣйшей задачей было упорядоченіе военнаго вѣдомства, потому что только со стороны счастливаго полководца можно было опасаться попытки къ возстановленію тираніи. Правда, безъ коллегіи стратеговъ невозможно было обойтись, но ихъ компетенцію ограничили военнымъ

---

[1]) Plut. *Tim.* 34, Diod. XVI 82, 4, Polyaen. V 12, 2; объ Андромахѣ Marcell. *Жизнеописаніе Ѳукидида* 27 p. 191 Westerm. Что походъ противъ Мессены относится къ послѣднему году стратегіи Тимолеона, видно изъ показанія Аѳаниса у Plut. *Tim.* 37.

[2]) Diod. XVI 82, 5; 83, Plut. *Tim.* 23. 35, Nep. *Tim.* 3.

дѣломъ; въ случаѣ новой войны съ варварами рѣшено было пригласить главнокомандующаго изъ Коринѳа. Наиболѣе вліятельнымъ органомъ въ государствѣ былъ, повидимому, совѣтъ изъ 600 членовъ, въ который могли избираться только состоятельные граждане; однако, послѣдней инстанціей для рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ оставалось народное собраніе. Аналогичный строй былъ установленъ и въ остальныхъ городахъ Сициліи [1]).

Между тѣмъ, необходимо было не только обезпечить сицилійскимъ общинамъ внутреннюю свободу, но также дать имъ возможность защищаться противъ внѣшнихъ нападеній. Съ этой цѣлью всѣ неподвластные Карѳагену города острова были сплочены въ одинъ союзъ во главѣ съ Сиракузами [2]). Однако это федеративное устройство ни въ какомъ отношеніи не должно было ограничивать автономію участвующихъ въ союзѣ общинъ; какое бы то ни было верховенство Сиракузъ надъ союзными государствами было исключено съ самаго начала. Поэтому, для того, чтобы союзъ не распался при первомъ же кризисѣ, надо было настолько усилить Сиракузы, чтобы самый перевѣсъ реальныхъ силъ принудилъ остальные города подчиняться руководящей общинѣ. Съ этой цѣлью Тимолеонъ убѣдилъ гражданъ Леонтинъ переселиться въ столицу Сициліи [3]); граждане Агиріона получили сиракузское право гражданства и ихъ область была соединена

[1]) Diod. XVI 70, 5—6, 82, 6—7, Plut. *Tim.* 23. Объ амфиполѣ олимпійскаго Зевса—Cic. *Verr.* II 51, 126 сл., гдѣ сказано, что избирались три кандидата *ex tribus generibus;* что̀ слѣдуетъ понимать здѣсь подъ *genera*—неизвѣстно, но мы навѣрное знаемъ, что доступъ къ этой должности былъ открытъ лишь ограниченному числу гражданъ, имѣвшихъ право на нее въ силу своего происхожденія. *Προαγόρας* встрѣчается въ Катанѣ (Cic. *Verr.* IV 23, 50) и Акрагантѣ (Kaibel *ISic.* 952), что̀ можно объяснить лишь тѣмъ, что оба города заимствовали этотъ институтъ у Сиракузъ; притомъ это должно было случиться именно при Тимолеонѣ, такъ какъ послѣ него Акрагантъ постоянно находился въ политическомъ антагонизмѣ съ Сиракузами. Стратеги упоминаются у Diod. XIX 3; о выборѣ коринѳскаго главнокомандующаго на случай войны *πρὸς ἀλλοφύλους* Plut. *Tim.* 38 и Diod. XIX 5. Спустя немного лѣтъ послѣ смерти Тимолеона мы видимъ въ Сиракузахъ олигархію (Diod. XIX 4, 3; 5, 6); *συνέδριον* 600 богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ, которое въ это время держало въ своихъ рукахъ бразды правленія, есть, очевидно, не что иное, какъ учрежденный Тимолеономъ совѣтъ, потому что оно продолжало существовать и послѣ того, какъ внутреннія смуты были улажены коринѳяниномъ Акесторидомъ (Diod. XIX 5, 6; 6, 4; сравн. De Sanctis *Agatocle*, *Riv. di Filol.* XXIII стр. 1 оттиска). О компетенціи народнаго собранія сравн. декретъ въ честь Тимолеона Plut. *Tim.* 39= Diod. XVI 90 и Plut. *Tim.* 37.

[2]) Diod. XVI 82, 4, Evans у Freeman'a IV 349 сл.

[3]) Diod. XVI 82, 7.

съ сиракузской [1]). Изъ числа колонистовъ, прибывшихъ въ Сицилію изъ Греціи, огромное большинство также было поселено въ сиракузской области, благодаря чему число гражданъ послѣдней возросло до 60,000, что̀ соотвѣтствуетъ народонаселенію приблизительно въ 200,000 человѣкъ [2]). Правда, все это не могло возмѣстить недостатка прочной союзной организаціи.

Окончивъ политическое и экономическое преобразованіе Сициліи, Тимолеонъ сложилъ съ себя диктаторскую власть, которою онъ пользовался уже почти 8 лѣтъ. Внѣшнимъ поводомъ къ этому была болѣзнь глазъ, которая постигла его во время войны съ Гиппономъ и Мамеркомъ и благодаря которой онъ спустя короткое время совершенно ослѣпъ. На старую родину его не влекло; его связывали съ нею только мрачныя воспоминанія, а тѣ мѣста, которыя были ему знакомы съ дѣтства, — великолѣпный Коринѳъ съ его высокой цитаделью, оба моря и широкій вѣнецъ горъ кругомъ, — теперь онъ все равно уже не могъ ихъ видѣть. Поэтому онъ рѣшилъ провести остатокъ своихъ дней въ Сиракузахъ, среди народа, который онъ освободилъ отъ тираніи и спасъ отъ иноземнаго ига. Но и удалившись съ политическаго поприща, онъ продолжалъ неустанно слѣдить за ходомъ событій и по прежнему оберегалъ отъ ошибокъ и напастей страну, ставшую его второй родиной. Когда предстояло обсужденіе важныхъ дѣлъ, онъ по просьбѣ друзей пріѣзжалъ въ театръ, гдѣ былъ собранъ народъ, и тогда толпа въ благоговѣйномъ молчаніи внимала словамъ слѣпого старца, и его совѣтъ безпрекословно принимался собраніемъ. Вечеръ жизни Тимолеона былъ ясенъ; грѣхъ братоубійства былъ искупленъ, и Тимолеонъ могъ спокойно ждать, пока пробьетъ его послѣдній часъ. Когда онъ умеръ, весь городъ шелъ за его гробомъ, и могильный памятникъ его былъ воздвигнутъ на серединѣ рынка [3]).

И Тимолеонъ заслужилъ эти почести; изъ глубокаго упадка онъ поднялъ греческую Сицилію до новаго блеска и послѣ долгаго раб-

---

1) По крайней мѣрѣ, такъ разсказываетъ Diod. XVI 82, 4. Правда, монеты Агиріона съ изображеніемъ головы Зевса Элевѳерія, чеканенныя безъ сомнѣнія тираномъ Агиріона Аполлоніадомъ послѣ освобожденія города Тимолеономъ, доказываютъ, повидимому, что Агиріонъ напротивъ сохранилъ свою общинную автономію.

2) Сравн. *Bevölkerung* автора, стр. 277 прим. 8.

3) Plut. *Tim.* 38 сл., Nep. *Tim.* 3 — 5, Diod. XVI 90. Источники не сообщаютъ, какъ долго прожилъ Тимолеонъ частнымъ человѣкомъ послѣ оставленія имъ должности стратега.

ства вернулъ ей свободу. Съ ничтожными средствами онъ совершилъ великое дѣло, не потому, чтобы онъ былъ геніальнымъ политикомъ и полководцемъ, а потому, что онъ былъ цѣльной натурой, потому что онъ всецѣло отдался своему дѣлу. Правда, его созданіе было недолговѣчно, потому что при тогдашнихъ условіяхъ независимость сицилійскихъ грековъ могла быть обезпечена не слабымъ соединеніемъ автономныхъ городскихъ общинъ, а лишь строгой военной монархіей,—и время ея было близко. Но если боги, по мнѣнію современниковъ, явно споспѣшествовали Тимолеону, то не послѣднею ихъ милостью къ нему было то, что они отозвали его раньше, чѣмъ разразилась буря, которая должна была разрушить его твореніе.

Немногимъ лучше, чѣмъ положеніе сицилійскихъ грековъ при прибытіи Тимолеона, было около этого же времени положеніе греческихъ городовъ на материкѣ Италіи. Кума еще около 420 г. пала подъ натискомъ кампанцевъ [1]); недолго спустя, въ концѣ V и началѣ IV вѣка, Посейдонія, Пиксъ и Лаосъ перешли въ руки луканцевъ [2]). Затѣмъ послѣдніе проникли и въ нынѣшнюю Калабрію, гдѣ родственные имъ обитатели внутренней части страны, платившіе до сихъ поръ дань грекамъ, тотчасъ же примкнули къ нимъ. Сосѣдство ихъ скоро сдѣлалось для эллиновъ настолько опаснымъ, что Діонисій около 385 г. задумалъ провести черезъ Скиллетійскій перешеекъ укрѣпленную линію, чтобы оградить отъ грабежей варваровъ по крайней мѣрѣ тѣ города, которые были расположены къ югу отъ перешейка [3]). Это предпріятіе не было доведено до конца, но цѣль все-таки была достигнута, и дальнѣйшее наступленіе луканцевъ остановлено. Но когда сицилійская держава рухнула вслѣдствіе похода Діона, запруженный потокъ прорвался съ тѣмъ большей силой. Обитатели долинъ лѣсистой Силы чувствовали себя уже достаточно сильными, чтобы расторгнуть старый союзъ съ луканцами. Они образовали собственный союзъ, столицей котораго сдѣлалась Консенція въ долинѣ верхняго Краѳиса; участвовавшія въ союзѣ племена называли себя общимъ именемъ

---

1) По Diod. XII 76, 4 въ 421/0 г., по Liv. IV 44 въ 334 г. Varr. = 420 до Р. Хр.

2) Выше стр. 129.

3) Plin. III 95, Strab. V 261, сравн. выше стр. 131. Если вѣрить Страбону, то этотъ планъ долженъ былъ быть составленъ до второй войны Діонисія противъ кареагенянъ и италійскихъ грековъ и осуществленію его должно было помѣшать именно возникновеніе этой войны (383). Такъ какъ благодаря войнѣ Кротонъ и вѣроятно также Терина подпали подъ власть Діонисія, то оборонительную линію противъ луканцевъ пришлось отодвинуть дальше и возведеніе стѣны на перешейкѣ было бы безцѣльно.

бруттійцевъ. Новый союзъ побѣдоносно защищалъ свою независимость противъ луканцевъ и все болѣе раздвигалъ свои границы насчетъ прибрежныхъ грековъ: Сибарисъ на Треисѣ, Терина, Гиппоній и рядъ болѣе мелкихъ городовъ одинъ за другимъ перешли въ руки воинственныхъ горцевъ, и вскорѣ на всемъ огромномъ пространствѣ отъ Катанзарскаго перешейка до Сириса изъ греческихъ общинъ оставались цѣлы еще только Кротонъ и Θурія [1]).

Тарентъ также со времени крушенія сиракузской державы сильно страдалъ отъ нападеній своихъ сосѣдей мессапійцевъ и луканцевъ. Не будучи въ состояніи собственными силами защищаться противъ этихъ враговъ, онъ обратился за помощью къ своей метрополіи Спартѣ, по примѣру Сиракузъ, которыя только-что, и съ такимъ бле-

---

1) Diod. XVI 15, Justin. XXIII 1, Strab. VI 255. Основаніе бруттійскаго союза Діодоръ относитъ къ $356/_5$ г., Страбонъ—ко времени экспедиціи Діона, что соотвѣтствуетъ датировкѣ Діодора. Ранѣе въ нынѣшней Калабріи упоминаются только луканцы; еще [Скилаксъ] 12 причисляетъ весь полуостровъ къ Луканіи, и Justin. XXI 3, 3 слѣдуетъ еще старому словоупотребленію. Напротивъ, коринѳскія войска, которыя въ 344 или 343 году шли изъ Θурій въ Регій, должны были прокладывать себѣ дорогу чрезъ «бруттійскую» область (Plut. *Tim.* 16. 19).—Древніе много занимались вопросомъ о происхожденіи названія *Βρέττιοι, Bruttii*. По преданію, по-оскски это слово значило «бѣглые рабы»; въ виду этого сочинили легенду, будто бруттійцы первоначально были рабами луканцевъ и затѣмъ добились независимости. Та же исторія разсказывается и въ другой формѣ. Въ Римѣ слуги чиновниковъ, отправлявшихся на службу въ провинціи, назывались *bruttiani* (ссылки у Моммсена *Staatsrecht* I³ 333); и вотъ полагали, что бруттійцы, которые до конца оставались вѣрны Ганнибалу, въ наказаніе за это употреблялись, вмѣсто военной службы, для отправленія столь низкихъ обязанностей. Ясно, что обѣ эти этимологическія легенды имѣютъ одинаковую цѣну, именно никакой. Кромѣ того, имя бруттійцевъ производили отъ героя Брутта, сына Геркулеса и Валенціи (Steph. Byz. *Βρέττος*) или отъ эпонимной героини Бруттіи (Justin. l. c.). Вѣроятно, какое-нибудь изъ племенъ, обитавшихъ въ Силѣ, издревле называлось бруттійцами и затѣмъ послужило ядромъ для объединенія окрестныхъ племенъ. По Steph. Byz. l. c., который ссылается на Антіоха, «Бруттія» было даже древнѣйшимъ названіемъ страны; но я считаю несомнѣннымъ, что это показаніе есть плодъ путаницы, въ которой виновенъ лексикографъ; сравн. извлеченія изъ Антіоха у Dionys. Hal. I 12 и Strab. VI 254 (= Antioch. fr. 4 и 6 M.). —Нѣтъ никакой необходимости относить взятіе Сибариса на Треисѣ бруттійцами, о которомъ Діодоръ, забѣгая впередъ, разсказываетъ, XII 22, ко времени до половины IV вѣка. Что Консенція была главнымъ городомъ союза, — показываетъ самое ея имя и удостовѣряется Strab. VI 256. По Diod. XVI 15 и Θурія будто бы были взяты бруттійцами; если это вѣрно, то, значитъ, городъ скоро снова былъ освобожденъ; но вѣроятно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ошибкой со стороны Діодора.

стящимъ успѣхомъ, обратились съ такою же просьбой къ своей метрополіи Коринѳу. Со времени неудачнаго окончанія фокійской войны Спарта была въ Греціи совершенно изолирована и перевѣсомъ Македоніи осуждена на полное политическое бездѣйствіе; поэтому энергичный царь Архидамъ охотно воспользовался случаемъ, который давалъ ему возможность открыть себѣ на Западѣ болѣе обширную арену дѣятельности и по примѣру своего великаго отца бороться съ варварами за эллиновъ. Если простой коринѳскій гражданинъ, никогда не командовавшій войскомъ, съумѣлъ съ столь малыми средствами достигнуть въ Сициліи столь крупныхъ успѣховъ, то какое блестящее поприще ждало тамъ спартанскаго царя! Итакъ, Архидамъ набралъ отрядъ наемниковъ, подобно Тимолеону — преимущественно изъ остатковъ фокійской арміи, и съ этимъ войскомъ переправился въ Италію (343). Но его надежды не оправдались. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ воинственными италійскими племенами онъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ въ сраженіи съ луканцами при Мандоніи, по преданію—въ тотъ самый день, въ который беотяне и аѳиняне были побѣждены Филиппомъ при Херонеѣ (338) [1]).

Тѣмъ не менѣе Архидамъ на нѣкоторое время избавилъ тарентинцевъ отъ гнета; но вскорѣ италійскія племена снова начали тѣснить ихъ. Спарта, занятая войною съ Македоніей, болѣе не могла поддерживать свою колонію, и тарентинцамъ не оставалось другого выхода, какъ обратиться къ своему могущественному сосѣду, царю эпирскому Александру. Онъ охотно принялъ ихъ предложенія въ на-

---

1) Diod. XVI 62 сл. 88, Theopomp. fr. 259—261 и у Plin. *Nat. Hist.* III 98, который смѣшиваетъ Архидама съ Александромъ эпирскимъ (сравн. Pais *Storia della Sicilia* I 545), о чьихъ подвигахъ Ѳеопомпъ вѣроятно совсѣмъ не разсказывалъ, Plut. *Agis.* 3, *Camill.* 19, Paus. III 10, 5, VI 4, 9. Война между Тарентомъ и сосѣдними племенами была уже въ разгарѣ, когда Фалэкъ предпринялъ свой походъ на Критъ (Diod. XVI 61), т.-е. въ 344 году (Schaefer *Demosth.* II² 364); такъ какъ Архидамъ воевалъ на Критѣ съ Фалэкомъ (Diod. XVI 62), то въ Италію онъ могъ уѣхать не ранѣе 343 года, а если разсказъ Діодора точенъ, то едва ли и позднѣе (Schaefer l. c.). Показаніе объ одновременности сраженія при Мандоніи съ битвою при Херонеѣ разумѣется нельзя принимать дословно, но по крайней мѣрѣ приблизительно оно, должно быть, вѣрно. Итакъ, Архидамъ провелъ въ Италіи около пяти лѣтъ, ибо предположеніе, будто онъ ѣздилъ туда дважды,—совершенно произвольно. Мѣстомъ пораженія Ѳеопомпъ у Plin. l. c. называетъ Мандонію въ Луканіи, Plut. *Agis* 3 — *Μανδόνιον*, что толкователи безъ всякаго основанія измѣнили въ *Μανδύριον,* не обративъ вниманія на параллельное мѣсто у Плинія. Гдѣ лежалъ этотъ городъ — неизвѣстно, вѣроятно далеко въ глубинѣ страны.

деждѣ, что ему удастся на Западѣ создать себѣ державу, какую въ это же время готовился создать на Востокѣ его племянникъ Александръ Македонскій. Онъ располагалъ гораздо болѣе значительными силами, чѣмъ Архидамъ, и потому съумѣлъ достигнуть гораздо болѣе крупныхъ успѣховъ. Побѣдоносно прошелъ онъ Япигію вверхъ до Арпи и взялъ портъ послѣдняго, Сипонтумъ; пэдикуловъ онъ заставилъ заключить съ собою союзъ, мессапійцевъ покорилъ. Онъ прошелъ чрезъ всю Луканію отъ Тарентскаго залива до Пестума; затѣмъ онъ въ долинѣ Силара повернулъ къ сѣверу и здѣсь на голову разбилъ соединенное войско луканцевъ и самнитовъ. Александръ далъ почувствовать свою силу и бруттійцамъ: онъ взялъ ихъ главный городъ Консенцію и снова освободилъ Терину, которую они лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отняли у грековъ. Покоренныя племена принуждены были дать царю заложниковъ, которыхъ онъ отослалъ въ Эпиръ. Еще никогда греческое оружіе не проникало въ Италіи такъ далеко на сѣверъ; отъ Гаргана въ Апуліи, отъ мыса Минервы въ Кампаніи вся южная часть полуострова находилась во власти Александра. Его вліяніе простиралось уже и за эти границы. Даже римляне, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ утвердились въ Кампаніи и черезъ это вступили въ антагонизмъ съ самнитами, заключили съ эпирскимъ царемъ союзъ и дружбу.

Въ Тарентѣ эти неожиданные успѣхи его союзника начали, наконецъ, возбуждать сильную тревогу. Со стороны новаго владыки Нижней Италіи свободѣ Тарента грозила гораздо бóльшая опасность, чѣмъ когда-либо со стороны луканцевъ и мессапійцевъ. Послѣ опытовъ послѣдняго полустолѣтія каждому мыслящему человѣку должно было быть ясно, что только военная монархія можетъ послужить для италійскихъ грековъ надежнымъ оплотомъ противъ нападеній воинственныхъ племенъ извнутри страны; но грекъ искони видѣлъ въ городской автономіи высшее благо, и Тарентъ чувствовалъ себя слишкомъ сильнымъ, чтобы добровольно отказаться отъ нея. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ расторгнуть свой союзъ съ Александромъ; такимъ образомъ и здѣсь началась та пагубная борьба между республиканскимъ партикуляризмомъ и монархіей, носительницей идеи объединенія,—борьба, которая въ концѣ концовъ повергла Грецію къ ногамъ Рима.

Александръ былъ достаточно силенъ, чтобы не бояться этой борьбы; притомъ, уклонись онъ отъ нея, ему пришлось бы проститься со всѣмъ, чтó дали ему его побѣды. Въ союзникахъ у него не было недостатка. Второстепенные греко-италійскіе города, какъ Ѳуріи и Метапонтіонъ,

были непоколебимо вѣрны ему, ибо хорошо понимали, что собственными силами они не въ состояніи обороняться противъ своихъ италійскихъ сосѣдей и что отъ Тарента имъ нечего ждать сколько-нибудь дѣятельной помощи. На первыхъ порахъ прежнее счастіе оставалось вѣрно Александру. Онъ завоевалъ тарентскую колонію Гераклею; союзное собраніе италійскихъ грековъ, собиравшееся до тѣхъ поръ въ Гераклеѣ, было переведено въ Ѳуріи. Но пока греки были заняты междоусобной войною, италійскія племена начали отпадать отъ Александра. Онъ занялъ противъ нихъ позицію при Пандосіи въ долинѣ Краѳиса повыше Ѳурій; здѣсь на него напали луканцы и бруттійцы, и во время битвы онъ былъ сзади сраженъ однимъ луканскимъ изгнанникомъ, который служилъ въ его войскѣ (зимою 331/0 г.). Вѣрные ѳурійцы выручили у непріятеля трупъ царя и отослали пепелъ въ Эпиръ [1]).

Тарентъ пожалъ плоды своей побѣды; еще никогда онъ не былъ такъ могуществененъ, какъ теперь. Греко-италійскіе города снова попали въ прежнюю зависимость отъ Тарента; мессапійцы отнынѣ были подвластны ему [2]). Притомъ, въ ближайшія двадцать лѣтъ луканцы были поглощены совсѣмъ другими дѣлами; ибо какъ-разъ въ это время между римлянами и самнитами вспыхнула та борьба за обладаніе Кампаніей, которая въ своихъ дальнѣйшихъ стадіяхъ оказала рѣшающее вліяніе на судьбы Италіи и вмѣстѣ съ тѣмъ всего міра.

---

[1]) Liv. VIII 17. 24, Justin. XII 2. Изъ Arr. *Anab.* III 6, 7 явствуетъ, что лѣтомъ 333 года Александръ находился уже въ Италіи; *terminus post quem* является его бракосочетаніе съ дочерью Филиппа Клеопатрой лѣтомъ 336 года. О смерти царя Aesch. *пр. Ктес.* 242 (произнесена лѣтомъ 330 года) упоминаетъ, какъ о недавнемъ событіи; сравн. также Justin. XII 1, 4; 3, 1. О разрывѣ между Александромъ и Тарентомъ—Strab. VI 280; объ его смерти—Strab. VI 256 и Liv. и Justin. l. c. Что сраженіе произошло зимою, показываютъ *continui imbres* у Liv. VIII 24, 7.

[2]) Еще Александръ воевалъ съ мессапійцами (Liv. VIII 24); съ тѣхъ поръ мы ничего не слышимъ о войнахъ между ними и Тарентомъ; напротивъ, во времена Клеонима (Diod. XIX 104), какъ и во времена Пирра, они стоятъ на сторонѣ Тарента.

ГЛАВА XV.

Завоеваніе Азіи.

Завоеваніе персидской монархіи, о какомъ мечталъ Филиппъ, казалось въ серединѣ IV вѣка сравнительно легкимъ предпріятіемъ. Персы уже двѣсти лѣтъ властвовали надъ Азіей, но и теперь они были не менѣе чужды своимъ подданнымъ, чѣмъ въ первый день своего господства; они ничего не сдѣлали, чтобы сплотить тотъ конгломератъ народовъ, который повиновался скипетру персидскаго царя, въ единое государство, и только грубая сила теперь, какъ и въ началѣ, не давала распасться обширной державѣ. А сама господствующая народность осталась тѣмъ же, чѣмъ она была во времена Кира, и подъ лоскомъ вавилонской полуобразованности, усвоеннымъ къ этому времени руководящими классами, старое варварство казалось тѣмъ болѣе отвратительнымъ. Особенно отталкивающее впечатлѣніе производило оно въ области уголовнаго права; осужденнаго преступника калѣчили, или съ него сдирали кожу, или его закапывали живымъ, не говоря уже о другихъ утонченныхъ изобрѣтеніяхъ персидскихъ палачей [1]). При этомъ жизнь и имущество подданныхъ не были ничѣмъ обезпечены; все зависѣло отъ произвола царя и придворныхъ сановниковъ, въ провинціяхъ—отъ произвола правителей.

Правда, съ теченіемъ времени персы не могли не убѣдиться въ интеллектуальномъ и, особенно, военномъ превосходствѣ эллиновъ. Въ эпоху Пелопоннесской войны сатрапы приморскихъ провинцій на-

[1]) Образчики подобныхъ жестокостей въ изобиліи можно найти у Плутарха въ его *Жизнеописаніи Артаксеркса* (изъ Ктесія).

чали принимать къ себѣ на службу греческихъ наемниковъ; походъ младшаго Кира и его десяти тысячъ наглядно доказалъ и центральному правительству негодность восточной пѣхоты по сравненію съ греческими гоплитами. Съ тѣхъ поръ греческіе наемники сдѣлались постоянной частью персидской арміи, и число ихъ все болѣе возрастало; надъ этими греческими отрядами приходилось ставить командирами, разумѣется, греческихъ же генераловъ. Но съ остальной арміей эти отряды связывались совершенно механическимъ образомъ: персидскія войска оставались тѣмъ же, чѣмъ они были раньше, и правительство не дѣлало даже попытокъ преобразовать ихъ по греческому образцу въ смыслѣ вооруженія или тактической выучки. Притомъ, греческихъ офицеровъ всегда оставляли на второстепенныхъ постахъ, гдѣ воля персидскихъ полководцевъ, которымъ они были подчинены, постоянно стѣсняла свободу ихъ дѣйствій; а персидскіе сановники, которымъ вручалось высшее начальство надъ царскими арміями, были почти всѣ безъ исключенія совершенно неспособны къ военному дѣлу, обыкновенно завидовали другъ другу и еще болѣе греческимъ офицерамъ, чтб очень часто дѣлало невозможными плодотворныя совмѣстныя дѣйствія различныхъ частей арміи. Естественнымъ результатомъ этихъ условій было то, что персидскія арміи, несмотря на громадныя средства, которыми располагалъ царь, бо́льшею частью или совсѣмъ ничего не достигали, или осуществляли намѣченный планъ лишь послѣ несоразмѣрно долгаго времени.

Если при такихъ условіяхъ держава не распадалась, то этимъ она была обязана вѣчному разладу среди эллиновъ и рабскому духу большинства подвластныхъ ей племенъ, особенно семитовъ бассейна Евфрата и Сиріи. Только Египетъ въ концѣ V вѣка нашелъ въ себѣ силу свергнуть чужеземное иго, и съ тѣхъ поръ въ береговыхъ провинціяхъ монархіи почти не прекращались возстанія противъ царя. Но такъ какъ почти всѣ эти мятежи были дѣломъ рукъ сатраповъ, народы же оставались безучастными, то центральное правительство рано или поздно подавляло всѣ возникавшія смуты.

Гораздо бо́льшаго напряженія требовала борьба съ Египтомъ, гдѣ сопротивленіе противъ царя черпало силы въ національной идеѣ и характеръ страны въ значительной степени облегчалъ оборону. Поэтому всѣ усилія, какія были употреблены для покоренія Египта въ теченіе долгаго царствованія Артаксеркса, остались безплодными; мало того, египтяне даже сами сумѣли перейти въ наступленіе противъ Сиріи, впрочемъ, со столь же малымъ успѣхомъ, съ какимъ персы дѣйствовали противъ Египта.

Когда затѣмъ царь Охъ наслѣдовалъ своему отцу и утвердился на престолѣ, онъ возобновилъ попытки къ покоренію нильской долины. Самъ царь сталъ во главѣ своей арміи; но аѳинянинъ Діофантъ и спартанецъ Ламій такъ хорошо организовали оборону Египта, что Оху пришлось вернуться ни съ чѣмъ (около 351 г.) [1].

Это пораженіе тѣмъ сильнѣе поколебало престижъ Персіи въ пограничныхъ съ Египтомъ провинціяхъ, что понесъ его самъ царь. Вслѣдствіе этого противъ персидскаго владычества возстали финикійскіе города, и во главѣ ихъ богатый Сидонъ со своимъ царемъ Тенномъ. Персидскіе чиновники были умерщвлены, заготовленные для египетской войны запасы сожжены, царскіе сады опустошены. Затѣмъ финикіяне заключили союзъ съ царемъ Египта Нектанебомъ, и онъ тотчасъ прислалъ имъ вспомогательный отрядъ изъ 4000 греческихъ наемниковъ подъ начальствомъ родосца Ментора, который послѣ бѣгства своего шурина Артабаза изъ Фригіи вступилъ въ египетскую службу. Сатрапы Сиріи и Киликіи, прибывшіе чтобы подавить возстаніе, были разбиты Менторомъ и принуждены удалиться изъ Финикіи [2]).

Послѣ этого и Кипръ примкнулъ къ возстанію. Тамъ Эвагоръ Саламинскій былъ въ 374/3 г. убитъ, кажется по наущенію своего собственнаго сына Никокла, который и унаслѣдовалъ послѣ него престолъ. Новый государь былъ, подобно отцу, очень образованнымъ человѣкомъ (онъ поддерживалъ близкія отношенія съ Исократомъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ жестокимъ и развратнымъ деспотомъ. Въ концѣ концовъ и онъ палъ отъ руки убійцы; престолъ занялъ его сынъ Эвагоръ, который затѣмъ былъ изгнанъ другимъ принцемъ изъ царскаго дома, Пнитагоромъ. Эвагоръ бѣжалъ къ персидскому царю, и,

---

[1]) Относительно хода этой войны мы имѣетъ лишь случайныя указанія: Diod. XVI 40, 3 сл.; 44, 1; 48, 1 сл. (въ послѣднемъ мѣстѣ—о Ламіѣ и Діофантѣ), Demosth. ὑπ. τ. ʻΡ. πολ. 11 сл., Isocr. *Philipp.* 101, сравн. Trogus *Prol.* X, Oros. III 7, 8; о приготовленіяхъ къ походу см. рѣчь Демосѳена *о симморіяхъ.* Дата похода опредѣляется рѣчью Демосѳена о Родосѣ, произнесенной въ 351-мъ или въ предшествующемъ году (выше, стр. 395 прим. 3) пораженіе непосредственно предшествовало произнесенію этой рѣчи. Демосѳенъ и Исократъ l. c. прямо говорятъ, что царь лично командовалъ войскомъ; если Diod. XVI 40, 4 показываетъ противное, то лишь потому, что онъ смѣшиваетъ Артаксеркса Оха съ его отцомъ Артаксерксомъ Мемнономъ, какъ онъ и вообще смѣшиваетъ первый походъ Оха со вторымъ и вслѣдствіе этого описываетъ начало второй экспедиціи подъ 351/0 годомъ, т.-е. подъ годомъ первой.

[2]) Diod. XVI 41—42, 2.

можетъ быть, именно это обстоятельство побудило Пнитагора примкнуть къ возстанію. Его примѣру послѣдовали мелкія государства, и вскорѣ весь Кипръ былъ охваченъ возстаніемъ противъ персидскаго владычества.

Такъ какъ послѣ отложенія Финикіи у царя не было собственнаго флота, то вернуть островъ къ покорности было поручено Идріею карійскому. Онъ отправилъ къ Кипру 40 тріеръ и 8000 греческихъ наемниковъ подъ командою аѳинянина Фокіона и изгнаннаго царя саламинскаго Эвагора; изъ Сиріи и Киликіи пришли подкрѣпленія, и мелкіе города скоро удалось покорить. Но осада Саламина оставалась безуспѣшной и въ концѣ концовъ царь принужденъ былъ признать Пнитагора властелиномъ города. Такъ окончилось кипрское возстаніе (350) [1].

Послѣ этого самъ царь Охъ во главѣ большой арміи выступилъ противъ Финикіи. Благодаря измѣнѣ своего царя Тенна и предводителя наемниковъ Ментора, Сидонъ былъ взятъ; когда непріятель уже ворвался въ городъ и надежды на спасеніе больше не было, граждане сами подожгли свои дома и большею частью побросались въ огонь. Царя Тенна Охъ въ награду за измѣну велѣлъ казнить, а Ментора принялъ въ свою службу и ввѣрилъ ему высокій постъ. Страшная кара, постигшая Сидонъ, заставила остальные города Финикіи изъявить покорность (около 345 года). Такимъ образомъ царь развязалъ себѣ руки для новаго похода противъ Египта [2].

---

[1]) Diod. XVI 42, 3—9; 46, 1—3, подъ $351/_0$ и $350/_{49}$ гг. Дата вѣрна, такъ какъ Фокіонъ въ $349/_8$ г. занималъ въ Аѳинахъ должность стратега (выше стр. 400) и Diod. XVI 42, 6 категорически заявляетъ, что Идріей только что вступилъ на престолъ; поэтому ниже $350/_{49}$ г. во всякомъ случаѣ нельзя идти. Но кипрское возстаніе было вызвано финикійскимъ (Diod. XVI 42, 5), слѣдовательно послѣднее должно было вспыхнуть непосредственно послѣ пораженія Оха, что̀ указываетъ на крупные размѣры персидскихъ потерь. О смерти Эвагора—Diod. XV 47, 8, Theopomp. fr. 111, Aristot. *Polit*. VIII (V) 1311 b; о Никоклѣ см. посвященную ему рѣчь Исократа и Theopomp. и Anaxim. у Athen. XIV 531 d. e; онъ умеръ до $354/_3$ г. (Isocr. *Antid*. 40. 67). Что и Пнитагоръ принадлежалъ къ саламинскому царскому дому, показываетъ надпись его сына Никокреона (Le Bas-Foucart *Péloponnèse* 122; потомокъ Эака, сравн. Isocr. *Euag*. 12). О послѣдовательности саламинскихъ царей—Six *Rev. Num*. 1883 стр. 279.

[2]) Diod. XVI 43—45, Trogus *Prol*. X. Что приготовленія царя заняли продолжительное время, сказано у Diod. XVI 44, 5. Если Babelon правильно располагаетъ сидонскія монеты въ хронологическомъ порядкѣ (*Bull. Corr. Hell*. XV 1891 стр. 293 слл.), то завоеваніе Сидона должно быть отнесено — самое позднее—къ 348 году. Но Isocr. *Phil*. 102 едва ли могло быть написано

Охъ еще до паденія Сидона обратился къ дружественнымъ ему греческимъ государствамъ съ просьбою о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ; теперь Өивы прислали 1000, Аргосъ 3000 гоплитовъ, а Аөины и Спарта обѣщали, по крайней мѣрѣ, соблюдать нейтралитетъ [1]). Подкрѣпленное этими отрядами, персидское войско двинулось въ Египетъ. Страна была отлично укрѣплена и 100.000 человѣкъ стояли наготовѣ для обороны, въ томъ числѣ 20.000 греческихъ наемниковъ; но вмѣсто того, чтобы поручить руководство военными дѣйствіями какому-нибудь способному греческому полководцу, царь Нектанебъ самъ принялъ на себя верховное начальство, что̀ было ему совершенно не по силамъ. Первое нападеніе өиванцевъ на пограничную крѣпость Пелусій у устья восточнаго рукава Нила было, правда, отражено, благодаря храбрости греческаго гарнизона. Но вскорѣ аргосскому стратегу Никострату удалось провести въ рѣку царскую эскадру изъ 80 тріеръ и высадить свои войска на берегъ въ тылу врага. Полководецъ Нектанеба, Клиній изъ Коса, поспѣшившій съ 7000 человѣкъ навстрѣчу непріятелю, былъ разбитъ Никостратомъ, причемъ и самъ палъ вмѣстѣ съ бо̀льшею частью своего войска. Послѣ этого царь Нектанебъ счелъ необходимымъ покинуть свою позицію на восточномъ берегу Дельты и съ ядромъ своего войска вернулся въ свою столицу Мемфисъ, послѣдствіемъ чего была сдача Пелусія өиванцамъ. Тѣмъ временемъ Менторъ и царскій евнухъ Багоасъ во главѣ главной персидской арміи безпрепятственно подвигались вверхъ по теченію Нила. Отъ имени Артаксеркса они провозглашали амнистію всѣмъ, кто добровольно покорится, и этимъ побудили важную крѣпость Бубастисъ сдаться; примѣру ея тотчасъ послѣдовали многіе другіе города. Въ виду повсемѣстныхъ отложеній Нектанебъ не рѣшился довести дѣло до осады Мемфиса; собравъ свои сокровища, онъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ въ Эөіопію. Царь Артаксерксъ безпрепятственно вступилъ въ Мемфисъ, и вскорѣ весь Египетъ лежалъ у его ногъ (приблизительно весною 344 года). Старое царство фараоновъ было уничтожено навсегда. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней на берегахъ Нила властвовали чужеземцы.

послѣ разрушенія Сидона, а по Diod. XVI 44, 1—3, 46, 4 египетскій походъ, повидимому, непосредственно примыкаетъ къ завоеванію Сидона, что̀ и по существу вѣроятно; между тѣмъ Египетъ былъ покоренъ не ранѣе осени 346 года. Притомъ, невѣроятно, чтобы греческія государства уже до Филократова мира приняли участіе въ этомъ предпріятіи. Въ виду этихъ соображеній завоеваніе Сидона приходится отнести къ лѣту 346-го или къ одному изъ двухъ ближайшихъ годовъ.

[1]) Diod. XVI 44, 1; 46, 4, Isocr. *Panath.* 159, Theopomp. fr. 135.

Покоренная страна конечно тяжко поплатилась. Важнѣйшіе города были лишены стѣнъ, многія богатыя святилища ограблены, да и вообще религіозныя чувства побѣжденныхъ подверглись разнаго рода оскорбленіямъ. Греческіе союзники царя, которымъ онъ главнымъ образомъ и былъ обязанъ своей побѣдою, были щедро награждены и отпущены на родину. Оба главнокомандующіе царской арміи, Багоасъ и Менторъ, были осыпаны всевозможными почестями. Багоасъ былъ назначенъ начальникомъ царской гвардіи, хиліархомъ, какъ говорили греки; занимая этотъ постъ, онъ являлся по рангу первымъ лицомъ послѣ царя и, пока жилъ Артаксерксъ, да и послѣ его смерти, онъ фактически былъ властелиномъ монархіи. Менторъ, который во время похода вступилъ въ неразрывную дружбу съ Багоасомъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ приморскихъ провинціяхъ. Его братъ Мемнонъ и шуринъ Артабазъ были по его просьбѣ прощены и получили разрѣшеніе вернуться изъ изгнанія; однако своей старой сатрапіи Артабазъ уже не получилъ [1]).

Эти событія сразу измѣнили политическое положеніе. Персидская монархія, которая до сихъ поръ употребляла всѣ свои силы на то, чтобы вернуть себѣ свои собственныя владѣнія, теперь снова получила возможность дѣйствовать во-внѣ; а главное, благодаря покоренію Финикіи, Кипра и Египта она снова сдѣлалась великой морской державой. Если Филиппъ послѣ Филократова мира серьезно замышлялъ освободительную войну противъ Персіи, и именно съ этой цѣлью добивался соглашенія съ Аѳинами, то осуществленіе этого плана приходилось теперь отложить до лучшихъ временъ. Напротивъ, те-

[1]) Единственное дошедшее до насъ сообщеніе о покореніи Египта мы находимъ у Diod. XVI 46 — 52, подъ 350/49 г. Но *Φίλιππος* Исократа показываетъ, что Египетъ въ 346 г. еще былъ свободенъ, тогда какъ написанный въ 339 г. *Παναθηναικός* (159) уже упоминаетъ о покореніи страны. По Манеѳону (у Hieronym. Abr. 1666) Египетъ былъ завоеванъ въ 15-мъ году царствованія Оха, т.-е. въ 344 г. Армянскій переводъ Евсевія Abr. 1668 пріурочиваетъ это событіе къ 19-му году царствованія Нектанеба, который вступилъ на престолъ въ 361 или 360 году, — т.-е. къ 343 или 342 г. Напротивъ, по другому фрагменту Манеѳона (Afric. у Sync. p. 145, 6, сравн. Hieronym. Abr. 1670) Охъ завоевалъ Египетъ на 20-мъ году своего царствованія, т.-е. въ 339 г., и затѣмъ властвовалъ надъ нимъ до своей смерти еще два года. — Если Гермій, тиранъ Атарнея и Асса, дѣйствительно былъ взятъ въ плѣнъ Менторомъ уже въ 345/4 г. (Strab. XIII 610, сравн. съ Apollod. у Dionys. къ *Аммею* 5 p. 727 и Laert. Diog. V 1, 9), то Египетъ долженъ былъ быть завоеванъ не позднѣе осени 345 года (сравн. Diod. XVI 52); но это показаніе основано, вѣроятно, лишь на ошибочной комбинаціи Страбона или его источника, см. ниже стр. 481 прим. 2).

перь надо было позаботиться о томъ, чтобы Персія не вмѣшалась въ греческія дѣла. Въ виду этого Филиппъ постарался сблизиться съ персидскимъ царемъ, въ чемъ ему помогли его дружественныя отношенія съ Артабазомъ, шуриномъ Ментора, и съ братомъ послѣдняго Мемнономъ. Въ концѣ концовъ между Македоніей и Персіей былъ заключенъ мирный и союзный договоръ [1]). Филиппу была предоставлена въ Европѣ полная свобода дѣйствій, взамѣнъ чего онъ порвалъ съ мятежными династами Малой Азіи, особенно съ Герміемъ, тираномъ Атарнея и Асса въ Эолидѣ. Покинутый союзниками, Гермій долженъ былъ теперь искать мира съ царемъ; онъ принялъ предложеніе Ментора — на личномъ свиданіи уладить существующія разногласія, но былъ при этомъ измѣннически взятъ въ плѣнъ и отправленъ къ царю, который велѣлъ распять его. Послѣ этого принадлежавшія ему укрѣпленія сдались Ментору. Остальные князьки, которые еще сопротивлялись персидскому владычеству, также одинъ за другимъ были приведены къ покорности, и вскорѣ авторитетъ персидскаго царя былъ возстановленъ на всемъ полуостровѣ, за исключеніемъ горныхъ округовъ Тавра, мисійскаго Олимпа и части черноморскаго побережья [2]). Никогда со временъ Дарія и Ксеркса персидская монархія не была столь могущественна.

Охъ былъ доволенъ этими успѣхами и, не желая рисковать плодами своихъ побѣдъ, не имѣлъ въ виду предпринимать похода противъ европейскихъ грековъ, какъ ни были благопріятны для такого предпріятія политическія условія. Когда Филиппъ явился на Геллеспонтѣ и осадилъ Перинѳъ, мало - азіатскіе сатрапы, правда, прислали подкрѣпленія осажденнымъ и персидскіе отряды вторглись даже въ македонскія владѣнія во Ѳракіи; но это было сдѣлано противъ воли персидскаго царя, и съ тѣхъ поръ Персія соблюдала по отно-

---

[1]) Arrian. II 14, 2; ранѣе персидскій царь пытался вступить въ соглашеніе съ Аѳинами, но его предложенія были отвергнуты (Dem. *Phil.* IV 34).

[2]) Diod. XVI 52, о Герміѣ кромѣ того [Aristot.] *Oecon.* II 1351 a, Strab. XIII 610, Apollod. у Laert. Diog. V 1, 9 и Dionys. *къ Аммею* 5 p. 727, затѣмъ гимнъ Аристотеля (Bergk *Lyr. Gr.* II[4] стр. 360, Wilamowitz *Aristot. u. Athen* II 406 сл.) и эпиграмму fr. 4 (стр. 338), Ѳеокритъ хіосскій у Bergk'a II[4] стр. 374; союзъ между Герміемъ и Эриѳрами — Dittenb. *Sylloge* 97, отношенія къ Филиппу — Dem. *Phil.* IV 32 со схоліями; указанное мѣсто *Филиппикъ* (о подлинности его см. Weil *Harangues*[2] стр. 357 слл.) даетъ право съ большой вѣроятностью предполагать, что Гермій былъ взятъ въ плѣнъ лишь въ 341 году, сравн. Boeckh *Kl. Schriften* VI 185 слл. Въ такомъ случаѣ Аристотель уже раньше долженъ былъ покинуть Ассъ.

шенію къ войнамъ, происходившимъ въ Греціи, строжайшій нейтралитетъ. Византія не получила помощи и просьба аѳинянъ о поддержкѣ противъ Филиппа была рѣзко отвергнута [1]). Такимъ образомъ македонскій царь могъ безъ помѣхи со стороны Персіи довести до конца объединеніе европейской Греціи.

Теперь наконецъ Филиппъ могъ снова подумать объ осуществленіи своего великаго плана завоеванія Персіи. Въ Коринѳѣ былъ созванъ конгрессъ союзныхъ греческихъ государствъ и здѣсь рѣшено предпринять національную войну противъ варваровъ для освобожденія азіатскихъ братьевъ (осенью 337 г.) [2]). Ближайшей весною (336) въ Малую Азію отправилось войско изъ 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ Парменіона и Аттала, чтобы прежде всего склонить греческіе города къ отложенію; за нимъ по окончаніи приготовленій долженъ былъ послѣдовать самъ царь съ главной арміей [3]).

Нашествіе застало Персію совершенно неподготовленной. Ибо около того самаго времени, когда Филиппъ въ Коринѳѣ провозглашалъ національную войну, царь Охъ умеръ, какъ говорили — отъ отравы, подосланной ему его всемогущимъ министромъ Багоасомъ (337). Багоасъ казнилъ и старшихъ сыновей царя и возвелъ на престолъ его младшаго сына Арсеса. Теперь Багоасъ еще полновластнѣе царилъ въ странѣ, чѣмъ раньше, и когда Арсесъ сдѣлалъ попытку избавиться отъ этой опеки, Багоасъ устранилъ съ пути и его вмѣстѣ съ его дѣтьми (335) и возвелъ на престолъ одного принца изъ побочной линіи дома Ахеменидовъ, Кодоманна, принявшаго при воцареніи имя Дарія. Нѣкогда юношей онъ отличился въ войнѣ Оха противъ кадусіевъ и получилъ награду за храбрость; въ общемъ же онъ ничѣмъ не возвышался надъ среднимъ уровнемъ восточныхъ царей. Однако, если Багоасъ надѣялся найти въ Даріѣ послушное орудіе, то онъ жестоко ошибся. Первымъ дѣйствіемъ новаго царя было избавиться отъ человѣка, которому онъ былъ обязанъ престоломъ; Ба-

---

1) См. выше стр. 435 и 438. Правда, въ письмѣ Александра къ Дарію (у Arr. II 14, 5) отвѣтственность за вторженіе во Ѳракію возлагается на Оха, но это нисколько не доказываетъ справедливости этого обвиненія, даже если признать самое письмо подлиннымъ (объ этомъ ниже стр. 508 прим. 1).

2) Diod. XVI 89, подъ 337/6 годомъ. Что рѣшеніе объявить войну персамъ было принято не на учредительномъ собраніи коринѳскаго союзнаго совѣта, объ этомъ свидѣтельствуютъ показанія Юстина IX 5; притомъ, въ этомъ случаѣ Филиппъ долженъ былъ бы начать войну еще въ 337 году. Сравн. Köhler *Sitzungsber. der Berl. Akad.* 1892 стр. 509 сл.

3) Diod. XVI 91, 1, Justin. IX 5, 8 *(initio veris)*.

гоасу пришлось самому выпить тотъ ядъ, который онъ, по преданію, предназначилъ для Дарія [1]).

При такихъ условіяхъ центральное правительство страны могло удѣлять малоазіатскимъ событіямъ лишь немного вниманія. Малоазіатскимъ сатрапамъ приходилось самимъ думать о томъ, какъ спасти свою шкуру; и такъ какъ Менторъ, главнокомандующій въ приморскихъ провинціяхъ, именно около этого времени умеръ, то энергичная оборона противъ врага на первыхъ порахъ была невозможна [2]). Тѣ изъ греческихъ городовъ, у которыхъ руки не были связаны персидскими гарнизонами, привѣтствовали македонскія войска какъ освободителей, — особенно Кизикъ, могущественный торговый центръ на Пропонтидѣ, и Эфесъ, величайшій изъ всѣхъ греческихъ городовъ Малой Азіи [3]). Владѣтель Каріи, Пиксодаръ, послѣдній изъ братьевъ Мавсолла, остававшійся въ живыхъ, также надѣялся съ помощью Филиппа свергнуть верховенство персидскаго царя. Немного лѣтъ назадъ (340) онъ свергъ съ престола свою сестру Аду, которая наслѣдовала власть послѣ смерти (344) своего брата и мужа Идріея; теперь онъ предложилъ свою дочь въ жены сыну Филиппа Арридею [4]). Но тѣмъ временемъ въ Македоніи произошли событія, совершенно измѣнившія все положеніе вещей.

При дворѣ Филиппа господствовалъ тонъ, немногимъ отличный отъ того, какой можно было наблюдать, напримѣръ, въ главной квартирѣ какого-нибудь наемнаго войска. Царь любилъ шумныя пиршества въ кругу своихъ соратниковъ, — пиршества, до которыхъ македоняне искони были охотники, и которыя сплошь и рядомъ превращались въ дикія оргіи, гдѣ дымъ стоялъ коромысломъ; хуже не вели себя даже кентавры и лестригоны, говоритъ одинъ современный историкъ [5]). Филиппъ былъ очень падокъ и до женскихъ прелестей; онъ держалъ при себѣ немалое число наложницъ [6]), къ глубокому огорченію царицы Олимпіады, гордой и властолюбивой женщины, которая не могла заставить себя смотрѣть сквозь пальцы на

---

1) Diod. XVIII 5, 3—6, 2, Justin. X 3, 3—5.

2) Менторъ въ послѣдній разъ упоминается при взятіи въ плѣнъ Гермія; въ 336 году противъ полководцевъ Филиппа командуетъ уже его братъ Мемнонъ (Diod. XVII 7, 2).

3) Относительно Кизика—Diod. XVII 7, 3, Polyaen. V 44, 5; относительно Эфеса—Arr. I 17, 10 сл.

4) Plut. *Alex.* 10; о низложеніи Ады — Arr. I 23, 7, Diod. XVII 74, 2, Strab. XIV 656.

5) Theopomp. fr. 249; Demosth. *Olynth.* II 18.

6) Satyr. fr. 5, сравн. Justin. IX 1 слл., Plut. *Ἀποφθ. Φιλ.* 22 p. 178.

грѣшки мужа. Единственнымъ связующимъ звеномъ между супругами былъ наслѣдникъ престола Александръ, къ которому и отецъ былъ искренно привязанъ. По его желанію Аристотель далъ Александру отличное образованіе; затѣмъ, отправляясь въ Геллеспонтъ, Филиппъ поручилъ шестнадцатилѣтнему юношѣ управленіе Македоніей, а спустя два года при Херонеѣ предоставилъ ему начальство надъ наступательнымъ крыломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ честь рѣшить исходъ битвы. Такимъ образомъ, Филиппъ приложилъ всѣ старанія, чтобы подготовить Александра къ тому высокому положенію, которое ему со временемъ суждено было занять [1]).

До сихъ поръ удавалось избѣгнуть открытаго разрыва въ царской семьѣ. Но по возвращеніи изъ своего греческаго похода Филиппъ влюбился въ одну дѣвушку изъ очень знатной македонской фамиліи, Клеопатру, дядя которой, Атталъ, занималъ одинъ изъ высшихъ постовъ въ государствѣ. Въ виду ея высокаго общественнаго положенія царь не могъ сдѣлать ее своей любовницей,—и вотъ онъ сдѣлалъ ее своей законной женой. Вслѣдствіе этого Олимпіада и Александръ покинули страну; царица вернулась въ свое отечество—Эпиръ, а наслѣдникъ ушелъ даже къ исконнымъ врагамъ Македоніи, иллирійцамъ. Филиппъ рѣшилъ уступить, и состоялось соглашеніе, въ силу котораго по крайней мѣрѣ Александръ вернулся ко двору; брата Олимпіады, Александра эпирскаго, Филиппъ склонилъ къ миру, обѣщавъ выдать за него свою дочь Клеопатру [2]). Свадьбу справляли съ большой пышностью лѣтомъ 336 года въ древней столицѣ Эгахъ; вслѣдъ затѣмъ Филиппъ хотѣлъ выступить въ походъ противъ персовъ. Но во время торжественной процессіи онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ тѣлохранителей Павсаніемъ. Въ суматохѣ убійца едва не успѣлъ спастись, но въ концѣ-концовъ былъ настигнутъ и изрубленъ погонею [3]).

---

1) Plut. *Alex.* 9, Köhler *Sitzungsber. der Berl. Akad.* 1892 стр. 497.

2) Plut. *Alex.* 9 изъ Сатира (сравн. Satyr. fr. 5), Justin. IX 5, 9; 7, 1–7.

3) Diod. XVI 91–94, Justin. IX 6, Paus. VIII 7, 6. Александръ умеръ въ 323 году, въ послѣдніе дни дэсія (Plut. *Alex.* 75. 76), который приблизительно соотвѣтствуетъ аттическому ѳаргеліону (Plut. *Cam.* 19 сравн. съ *Alex.* 16), повидимому— 13 іюня (Unger *Philol.* 41, 1882, стр. 82 сл., по египетской датѣ, которую даетъ псевдо-Каллисѳенъ). Царствовалъ онъ 12 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ (Aristobul. у Arr. VII 18, 1) или 12 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ (Diod. XVII 117, 5); такъ какъ дэсій— восьмой мѣсяцъ македонскаго года, то Александръ, повидимому, вступилъ на престолъ въ началѣ 336/5 года, въ октябрѣ 336 г. Возможно, что дѣло именно такъ и обстоитъ; но болѣе вѣроятно, что Александръ вступилъ на престолъ нѣсколько ранѣе и что начало его царствова-

По преданію, Павсанія побудили къ убійству мотивы личнаго свойства; будучи тяжело оскорбленъ Атталомъ, дядею молодой жены Филиппа, Клеопатры, онъ будто бы не сумѣлъ добиться правосудія отъ Филиппа и поэтому рѣшилъ выместить на немъ свою обиду [1]). Но въ такомъ случаѣ почему онъ не отомстилъ самому Атталу? Очевидно, что убіеніе Филиппа было обусловлено политическими причинами. Дѣйствительно, тотчасъ послѣ смерти Филиппа распространился слухъ, что убійца былъ подосланъ Олимпіадой и что дѣло не обошлось безъ участія Александра [2]); и принимая во вниманіе глубокій разладъ, господствовавшій въ царскомъ домѣ и улаженный лишь формально, надо признать это подозрѣніе вполнѣ естественнымъ. Притомъ, Олимпіада дѣйствительно имѣла полное основаніе опасаться устраненія Александра отъ престолонаслѣдія, такъ какъ Клеопатра только что родила сына [3]), и можно было съ большой вѣроятностью предполагать, что вліяніе молодой супруги окажется достаточно сильнымъ, чтобы впослѣдствіи доставить ея сыну корону Македоніи.

Какъ бы то ни было, плоды преступленія пожалъ Александръ. Онъ былъ признаннымъ наслѣдникомъ престола; притомъ, изъ сыновей Филиппа онъ одинъ успѣлъ обнаружить на дѣлѣ свои военныя способности. Только подъ его скипетромъ Македонія могла благополучно перенести тотъ кризисъ, который по всѣмъ признакамъ должна была повлечь за собою внезапная смерть Филиппа. Въ виду этого большинство старыхъ полководцевъ Филиппа немедленно признали Александра царемъ—впереди всѣхъ Антипатръ, который былъ наиболѣе близокъ къ Филиппу. Благодаря ихъ поддержкѣ смѣна на престолѣ совершилась безъ затрудненій. Юный сынъ Клеопатры былъ убитъ и тѣмъ предотвращена опасность какого-либо возстанія въ его пользу. Точно также были казнены Героменъ и Аррабей, сыновья

нія считали отъ новогодія, слѣдовавшаго за воцареніемъ. Во всякомъ случаѣ, эмендація сообщенныхъ источниками датъ, какой требуетъ Унгеръ (*Philol.* 41 стр. 83),—незаконна.

[1]) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1311 b, Diod. XVI 93, Justin. IX 6, Plut. *Alex.* 10.

[2]) Plut. *Alex.* 10, Justin. IX 7, сравн. Köhler l. c.

[3]) Что Клеопатра родила сына, это сказано у Paus. VIII 7, 7; Diod. XVII 2, 3 также, очевидно, говоритъ о наслѣдникѣ. Къ этому сыну Клеопатры, вѣроятно, и относится показаніе Юстина (XI 2, 3, сравн. IX 7, 3), что Александръ тотчасъ по вступленіи на престолъ велѣлъ умертвить своего сводного брата Карана. Правда, въ другомъ мѣстѣ (IX 7, 12) онъ говоритъ о дочери Клеопатры; такъ же и Satyr. fr. 5.

Аэропа изъ низвергнутой линкестидской династіи, побочной линіи македонскаго царскаго дома, которые могли стать опасными въ качествѣ претендентовъ; предлогомъ къ казни послужило ихъ мнимое участіе въ заговорѣ Павсанія противъ Филиппа. Ихъ братъ Александръ уцѣлѣлъ, такъ какъ онъ былъ зятемъ Антипатра и такъ какъ онъ тотчасъ послѣ убіенія Филиппа изъявилъ покорность новому царю [1]).

Такимъ образомъ, въ Македоніи Александръ утвердилъ свою власть; тѣмъ не менѣе, положеніе дѣлъ было очень серьезно. Въ Азіи командовалъ Атталъ, дядя Клеопатры и слѣдовательно смертельный врагъ Александра. Кромѣ того, покоренные народы поднялись повсюду, готовясь свергнуть иго, подъ которое согнула ихъ головы желѣзная рука Филиппа. Въ Амбракіи вспыхнуло возстаніе, и македонскій гарнизонъ былъ изгнанъ; то же готовились сдѣлать и Ѳивы; въ Этоліи и Пелопоннесѣ также началось броженіе [2]).

Всѣ эти стремленія нашли себѣ естественный центръ въ Аѳинахъ. Здѣсь за энтузіазмомъ въ пользу мира, вызваннымъ неожиданной снисходительностью, которую обнаружилъ послѣ своей побѣды Филиппъ, вскорѣ послѣдовала реакція. Сторонники союза съ Македоніей тщетно пытались вытѣснить Демосѳена изъ его руководящаго положенія; изъ всѣхъ возбужденныхъ противъ него процессовъ онъ вышелъ побѣдителемъ [3]). Такъ же безуспѣшны оказались всѣ нападенія на политическаго друга Демосѳена, Гиперида. Его декретъ о поголовномъ вооруженіи народа, изданный послѣ битвы при Херонеѣ, былъ явно противенъ конституціи и привелъ бы Аѳины къ анархіи, если бы былъ осуществленъ; несмотря на это Гиперидъ былъ оправданъ, когда Аристогитонъ, самый даровитый изъ ораторовъ противной партіи, привлекъ его къ суду за этотъ проступокъ [4]). А когда затѣмъ осенью наступилъ въ Аѳинахъ праздникъ поминовенія мертвыхъ и возникъ вопросъ, кому поручить произнесеніе надгробной рѣчи въ честь павшихъ при Херонеѣ, — эта почетная обязанность, несмотря на всѣ усилія противниковъ, была возложена на Демосѳена [5]). Этимъ было

---

1) Justin. XI 2, 1—3, Diod. XVII 2, Plut. *Alex.* 10, Arr. I 25, 1. 2.

2) Diod. XVII 3.

3) Demosth. *о вѣнкѣ* 249 сл., рѣчь *пр. Аристог.* I 36 сл.

4) Suid. *Ἀριστογείτων*, *Жизнеоп. 10 ораторовъ* p. 848 сл. и фрагменты рѣчи, произнесенной Гиперидомъ на этомъ процессѣ (fr. 27 слл. Blass [3]). Объ Аристогитонѣ см. Blass *Att. Bereds.* III 2, 247 слл.

5) Demosth. *о вѣнкѣ* 285 слл., Plut. *Dem.* 21. Сохранившаяся въ числѣ произведеній Демосѳена надгробная рѣчь есть, какъ извѣстно, грубая поддѣлка.

торжественно засвидѣтельствовано, что большинство гражданъ и теперь продолжало видѣть въ Демосѳенѣ своего руководителя, несмотря на всѣ бѣдствія, какія постигли государство въ періодъ его правленія.

Тѣмъ временемъ друзья Демосѳена употребляли всѣ усилія, чтобы свалить отвѣтственность за пораженіе на полководцевъ, командовавшихъ при Херонеѣ. Харесъ занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы обвиненіе противъ него могло обѣщать успѣхъ, а главное— онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ руководящими ораторами. Въ виду этого козломъ отпущенія явился Лисиклъ. Обвинителемъ выступилъ Ликургъ изъ Бутадъ [1]), человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, который однако лишь теперь достигъ руководящаго вліянія. Онъ принадлежалъ къ одной изъ сравнительно немногочисленныхъ старыхъ аристократическихъ фамилій, которыя съумѣли сохранить свое богатство, а слѣдовательно и вліяніе; самъ онъ видѣлъ свою главную задачу въ томъ, чтобы воскресить въ своихъ согражданахъ добродѣтели добраго стараго времени. Какъ и подобало, онъ началъ съ самого себя; босой и безъ рубахи, въ одномъ шерстяномъ плащѣ ходилъ онъ по улицамъ міроваго города. Его политическимъ идеаломъ была Спарта, а новое просвѣщеніе было ему омерзительно, что̀, впрочемъ, не помѣшало ему получить реторическое образованіе. Охотнѣе всего онъ употребилъ бы силу, чтобы наставить людей на путь истинный; тѣлесное наказаніе, говорилъ онъ,—весьма полезная вещь; но такъ какъ въ Аѳинахъ того времени это средство было непримѣнимо, то онъ старался достигнуть своей цѣли при помощи суда, съ истинной страстью исполняя обязанности прокурора. Тутъ онъ не брезгалъ никакимъ средствомъ; въ извращеніи истины и грубыхъ преувеличеніяхъ онъ смѣло могъ выдержать сравненіе съ любымъ сикофантомъ. При этомъ онъ, какъ всѣ фанатики, не зналъ пощады относительно своихъ жертвъ; онъ удовлетворялся одной карой — смертью; въ Аѳинахъ говорили, что его рѣчи писаны кровью, какъ нѣкогда законы Дракона. И онъ сплошь и рядомъ достигалъ своей цѣли: это былъ одинъ изъ лучшихъ ораторовъ своего времени, человѣкъ безупречной личной честности; притомъ, старосвѣтская набожность, которую онъ выставлялъ на показъ, и усвоенный имъ на-

---

[1]) Его біографія въ [Plut.] *Жизнеоп. 10 орат.* p. 841 слл. (Westermann стр. 270 слл.); очень характерны единственная дошедшая до насъ рѣчь Ликурга *(пр. Леократа)* и фрагменты. Подробнѣе — у Schaefer'a II² 317 слл., Blass *Att. Bereds.* III 2, 72 слл., Dürrbach *L'orateur Lycurgue*, Парижъ 1890 года.

зидательный, проповѣднический тонъ сильно импонировали массѣ. Съ такимъ обвинителемъ Лисиклъ не могъ справиться; несчастный полководецъ былъ осужденъ на смерть и казненъ, согласно требованію Ликурга [1]).

Болѣе плодотворна была дѣятельность Ликурга въ области внутренняго управленія. Непосредственно передъ битвой при Херонеѣ онъ былъ избранъ въ завѣдующіе кассою ѳеориконъ, причемъ Демосѳенъ былъ его товарищемъ по службѣ; его шуринъ Габронъ изъ Баты въ это самое время завѣдовалъ военной казною. Такимъ образомъ, Ликургъ пріобрѣлъ руководящее вліяніе на оба высшихъ финансовыхъ поста въ государствѣ, и когда въ 334 году окончился четырехлѣтній финансовый періодъ, на который онъ самъ и его шуринъ были избраны,—онъ еще цѣлыхъ два срока, до 326 года, оставался руководителемъ аѳинскихъ финансовъ. На этомъ посту онъ оказалъ государству великія услуги; онъ снова упорядочилъ разстроенное войною государственное хозяйство и довелъ доходы до такой высоты, какой они раньше никогда не достигали. Правда, не надо забывать, что эти годы были для Аѳинъ эпохой глубокаго внутренняго и внѣшняго мира, какимъ государство послѣ Персидскихъ войнъ еще ни разу не пользовалось столь продолжительное время [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство усердно работало надъ преобразованіемъ военнаго вѣдомства. Дѣйствительно, такая реформа была крайне необходима, потому что какъ выучка, такъ и дисциплина гражданскихъ войскъ были равно далеки отъ совершенства. Правда, по закону каждый аѳинскій гражданинъ, принадлежавшій къ одному изъ трехъ высшихъ имущественныхъ классовъ, былъ обязанъ по достиженіи совершеннолѣтія прослужить въ строю два года; но фактически большинство гражданъ находило средства уклоняться отъ этой повинности [3]). Правильнаго строевого ученія для гоплитовъ въ

---

1) Lycurg. у Diod. XVI 88 (fr. 75, сравн. 76. 77).

2) Hyperid. fr. 118 B.³ и особенно Vita и приложенный къ ней декретъ Стратокла. Изъ *CIA*. II 814 b Col. I строка 12—13 явствуетъ, что Ликургъ еще въ 329/8 году занималъ видный постъ въ финансовомъ вѣдомствѣ; значитъ, его двѣнадцатилѣтнее правленіе обнимаетъ 338/7 — 327/6 годы (Foucart *Bull. Corr. Hell.* VII 387 сл.). Такъ какъ въ 338/7 г. и слѣдовательно до 335/4 г. его шуринъ Каллій изъ Баты былъ *ταμίας στρατιωτικῶν* (*Vita* 842 сл.), то очевидно, что Ликургъ въ этотъ финансовый періодъ былъ *ἐπὶ τὸ θεωρικόν*; какія должности онъ занималъ въ два слѣдующихъ періода—неизвѣстно.—Сравн. Droege *De Lycurgo Athen. pecun. publ. administratore*, дисс. Минденъ 1880.

3) Plat. *Законы* VI 778-е очень пренебрежительно отзывается обо всемъ

мирное время совсѣмъ не существовало; для кавалеріи такіе сборы, правда, были предписаны закономъ, но на нихъ являлись лишь тѣ, кому была охота, и офицера не рѣшались строго наказывать манкировавшихъ [1]). Военные круги давно требовали реформы въ этой области; но такъ какъ войны велись обыкновенно наемными войсками и граждане лишь въ исключительныхъ случаяхъ призывались къ оружію, а полное гражданское ополченіе вообще ни разу не было собрано со времени битвы при Мантинеѣ, то правительство не принимало никакихъ мѣръ противъ этихъ безпорядковъ, пока сраженіе при Херонеѣ не доказало наглядно необходимость реформы. Теперь правительство стало строго слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ—не только члены зажиточныхъ классовъ, но и всѣ граждане вообще—исправно отбывали обязательную воинскую повинность. Для поддержанія дисциплины была учреждена особая должность («софронисты»), и содержимые государствомъ учителя обучали рекрутовъ гимнастикѣ, обращенію съ оружіемъ и машинами [2]). А такъ какъ, кромѣ того, Аѳины теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, подвергались опасности осады, то, по предложенію Демосѳена, лѣтомъ 337 года была предпринята обширная перестройка городскихъ укрѣпленій сообразно съ условіями новаго осаднаго искусства; на эти работы было истрачено свыше 100 талантовъ [3]).

Однако, подготовляя реваншъ за Херонею, Аѳины въ то же время усердно старались поддерживать добрыя отношенія съ Филиппомъ. На томъ празднествѣ въ Эгахъ, которому суждено было окончиться такъ печально, присутствовало и аѳинское посольство; оно привезло золотой вѣнецъ и народное постановленіе, въ которомъ Аѳины заявляли о своемъ рѣшеніи выдать всякаго, кто осмѣлился бы посягнуть на жизнь царя [4]). И вдругъ прибыло извѣстіе объ убіеніи Филиппа. Демосѳенъ свободно вздохнулъ; въ праздничномъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, явился онъ въ совѣтъ и принесъ богамъ благодарственную жертву, забывъ о словахъ Гомера, что безбожно ликовать надъ трупомъ павшаго врага. Онъ полагалъ, что со стороны того «маль-

---

институтъ, и Aesch. *о пос.* не сталъ бы такъ хвастать своей службой въ качествѣ *περίπολος*, если бы эта служба была обязательною.

[1]) О порядкахъ, господствовавшихъ въ аѳинской кавалеріи около середины IV вѣка, см. *Ἱππαρχικός* Ксенофонта.

[2]) Aristot. *Ἀθην. πολ.* 42, 2—5; древнѣйшій списокъ эфебовъ — *CIA.* IV 2, 563 b. Сравн. Wilamowitz *Aristot. u. Athen.* I 191 слл.

[3]) Aesch. *пр. Ктес.* 17. 27. 31, Demosth. *о вѣнкѣ* 113. 299, *Жизнеоп. 10 ор.* 845 сл.

[4]) Diod. XVI 92.

чишки», который воцарился теперь въ Пеллѣ, Аѳинамъ нечего опасаться [1]).

Однако Александръ быстро положилъ конецъ всѣмъ попыткамъ къ отложенію. Скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, явился онъ со своимъ войскомъ въ Ѳессаліи и заставилъ союзное собраніе вручить себѣ ту же верховную власть надъ союзомъ, которою располагалъ его отецъ Филиппъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Ѳермопиламъ, созвалъ амфиктіоновъ и такъ же безпрекословно былъ признанъ защитникомъ дельфійскаго святилища. Отсюда онъ пошелъ далѣе въ Беотію, и его появленія передъ Ѳивами оказалось достаточно, чтобы предупредить взрывъ революціоннаго движенія. Послѣ этого и аѳиняне прислали посольство привѣтствовать Александра, и онъ рѣшилъ удовольствоваться этимъ, не требуя другихъ ручательствъ за мирное поведеніе Аѳинъ. Тѣмъ временемъ въ Коринѳѣ собралось союзное собраніе; здѣсь договоръ, заключенный съ Филиппомъ, былъ возобновленъ и Александръ вмѣсто своего отца избранъ главнокомандующимъ. Затѣмъ царь вернулся въ Македонію, гдѣ вспыхнувшія среди сосѣднихъ варваровъ возстанія настойчиво требовали его присутствія [2]).

Атталъ, командовавшій македонскимъ войскомъ въ Азіи, послѣ воцаренія Александра завязалъ сношенія съ Демосѳеномъ; въ то же время онъ старался вызвать въ Македоніи возстаніе съ цѣлью возвести на престолъ законнаго наслѣдника, сына Пердикки Аминту. Теперь, послѣ того какъ вся Эллада покорилась безъ боя, онъ сталъ искать мира съ Александромъ. Но онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы царь могъ простить его. Однако открыто идти противъ него Александръ не рѣшался, такъ какъ Атталъ пользовался большой популярностью въ войскѣ; поэтому царь сдѣлалъ видъ, что готовъ вступить въ переговоры, и отправилъ въ Азію своего приближеннаго Гекатея изъ Кардіи съ порученіемъ убить Аттала, что̀ и было исполнено. Парменіонъ, командовавшій въ Малой Азіи наряду съ Атталомъ, принялъ участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, несмотря на то, что Атталъ былъ женатъ на его дочери; всю свою долгую жизнь онъ вѣрой и правдой служилъ царской фамиліи, и теперь онъ не поколебался принести въ жертву своего зятя, разъ тотъ сталъ измѣнникомъ [3]). Это убійство освободило Александра отъ самой тяжелой его

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 77. 160. 219, Diod. XVII 3, Plut. *Dem.* 22, *Phoc.* 16, Марсія изъ Пеллы fr. 8 (у Harpocr. *Μαργίτης*).

[2]) Diod. XVII 4, Arr. I 1, 1—3, Justin. XI 3, 1 — 4, сравн. Aesch. *пр. Ктес.* 161, Din. *пр. Дем.* 82, рѣчь *о договорахъ съ Александромъ* и *CIA.* II 160.

[3]) Diod. XVII 2, 4 слл., 5, 1 сл., Curt. VI 9, 17, VII 1, 3.

заботы; теперь онъ могъ приступить къ осуществленію въ Македоніи тѣхъ мѣръ, которыя онъ считалъ необходимыми для упроченія своей власти. Аминта, несчастный претендентъ противъ своей воли, былъ казненъ; та же участь постигла всѣхъ родственниковъ Аттала и Клеопатры, а также всѣхъ сводныхъ братьевъ Александра, изъ которыхъ былъ пощаженъ одинъ слабоумный Арридей. Вдовствующую царицу Клеопатру позднѣе, во время одной изъ отлучекъ Александра, Олимпіада принудила къ самоубійству [1]).

Съ содроганіемъ читаемъ мы объ этихъ кровавыхъ поступкахъ; но мы не должны забывать, что греческія республики при подавленіи революцій обыкновенно поступали не лучше и очень часто проливали даже гораздо больше крови. Во всякомъ случаѣ, Александръ достигъ своей цѣли; пока онъ былъ живъ, миръ въ Македоніи болѣе ни разу не былъ нарушенъ. Греція также, повидимому, покорилась вполнѣ; оставалось еще только наглядно доказать варварскимъ племенамъ Сѣвера, что Македонія и теперь столь же могущественна, какъ при Филиппѣ. Съ этой цѣлью Александръ весною (355) выступилъ изъ Амфиполя; спустя десять дней онъ стоялъ у подошвы Гэмоса, обитатели котораго никогда не признавали македонскаго владычества. Тщетно пытались они загородить царю проходъ черезъ тѣснины; Александръ проложилъ себѣ путь и въ знакъ своей побѣды принесъ на вершинѣ горнаго хребта жертву ѳракійскому Діонису. Затѣмъ онъ спустился въ страну трибалловъ, побѣжденныхъ, но не покоренныхъ Филиппомъ (выше стр. 440). Александръ разбилъ ихъ на-голову, но не сумѣлъ взять дунайскій островъ Пеуке, куда они перевезли своихъ женъ, дѣтей и наиболѣе цѣнное имущество. Послѣ этого онъ съ частью своего войска переправился черезъ рѣку и разбилъ гетовъ, которые хотѣли помѣшать его переправѣ, но тотчасъ же вернулся на южный берегъ; у него были болѣе важныя дѣла, чѣмъ завоевывать сѣверныя страны. Теперь трибаллы изъявили покорность, и Александръ, поднявшись безпрепятственно вверхъ по теченію Дуная, чрезъ восточныя ущелья Гэмоса вернулся въ Пэонію [2]).

---

[1]) Justin. XI 5, 1—2, XII 6, 14; Аминта былъ убитъ зимою 336/5 года; это явствуетъ изъ того, что Александръ по возвращеніи изъ своего похода во Ѳракію распоряжается рукою вдовы Аминты, Кинаны (Arr. I 5, 4). О смерти Клеопатры — Plut. *Alex.* 10, Justin. IX 7, 12, сравн. Paus. VIII 7, 7. О сводныхъ братьяхъ Александра сравн. также Justin. IX 8, 2. 3, Plut. *Ἀποφϑ. Φιλ.* 22 p. 178.

[2]) Arr. I 1, 4—5, 1, Strab. VII 301; краткое упоминаніе у Diod. XVII 8 и Plut. *Alex.* 11. О жертвоприношеніи на Гэмосѣ — Suet. *Aug.* 94. Время

Ему пора было вернуться, ибо въ то время, какъ онъ стоялъ на Дунаѣ, возсталъ иллирійскій царь Клитъ, сынъ того Бардилиса, который нѣкогда палъ въ борьбѣ съ Филиппомъ. Къ возстанію примкнули и независимые еще тавлантинцы, обитавшіе у Адріатическаго моря въ области Эпидамна, и жившіе къ сѣверу отъ нихъ автаріаты. Александръ немедленно пошелъ противъ новаго врага и проникъ далеко вглубь иллирійскихъ горъ. Здѣсь, при осадѣ крѣпкаго Пеліона, онъ попалъ въ очень опасное положеніе; нѣкоторое время его армія была заперта со всѣхъ сторонъ, и только благодаря строгой дисциплинѣ, господствовавшей въ македонскомъ войскѣ, ему удалось въ концѣ-концовъ разбить Клита и заставить его бѣжать изъ его царства въ страну тавлантинцевъ [1]).

Между тѣмъ захватъ Малой Азіи македонянами наконецъ убѣдилъ персидское центральное правительство въ томъ, что государству съ запада грозитъ опасность,—хотя оно, разумѣется далеко еще не сознавало всей величины этой опасности. Поэтому персы прибѣгли къ старому средству, которое въ подобныхъ случаяхъ всегда оказывалось успѣшнымъ, именно постарались вызвать раздоръ среди греческихъ государствъ. Персидскій царь разослалъ письма, въ которыхъ призывалъ грековъ къ возстанію противъ Македоніи и обѣщалъ имъ для этой цѣли обильныя субсидіи. Но одна только Спарта приняла эти предложенія; въ Аѳинахъ и прочихъ союзныхъ съ Македоніей государствахъ покуда превозмогъ еще страхъ передъ Александромъ, и они отвергли персидскія деньги. Такимъ образомъ, персидскіе послы должны были удовольствоваться тѣмъ, что передали Демосѳену крупную сумму — какъ говорили, 300 талантовъ — съ порученіемъ по собственному усмотрѣнію употребить ихъ въ интересахъ персидскаго царя [2]).

года опредѣляется показаніемъ Arr. I 4, 1, что при переходѣ черезъ Дунай хлѣбъ колосился. Разсказъ Арріана тоже недостаточно подробенъ, чтобы можно было на основаніи его детально опредѣлить направленіе похода. Подъ Пеукой разумѣется, безъ сомнѣнія, извѣстный островъ этого имени въ дунайской дельтѣ (Strab. VII 301. 305, [Scymn.] 789), тѣмъ болѣе, что для нападенія на островъ Александръ призвалъ военные корабли изъ Византіи (Arr. I 3, 3). Правда, удивительно, что трибаллы жили такъ далеко на востокъ. Сравн. Müllenhoff *Deutsche Altertumskunde* III 134 сля.

[1]) Arr. I 5 — 6, Zippel *Röm. Herrschaft in Illyrien* (Лейпцигъ 1877) стр. 27 сля.

[2]) Arr. II 14, 6, Plut. *περὶ τῆς Ἀλεξ. τύχης* p. 327 d, *Dem.* 20, Aesch. *пр. Ktes.* 156. 239 сля., Din. *пр. Dem.* 10. 18. При этомъ довольно безразлично, «честно ли *(sic)* употребилъ Демосѳенъ персидскія субсидіи на тѣ

Въ эту минуту въ Греціи распространился слухъ, что Александръ палъ въ Илліріи и что его войско уничтожено. Въ Ѳивахъ тотчасъ вспыхнуло возстаніе, грозившее разразиться еще послѣ смерти Филиппа. Какъ нѣкогда во времена предковъ, изгнанники вернулись изъ Аѳинъ; вожди македонской партіи, Тимолай и Анемэтъ, были убиты, гарнизонъ Александра осажденъ въ Кадмеѣ. Затѣмъ было возстановлено демократическое устройство и избраны беотархи, которые, правда, пока были лишены всякой власти внѣ Ѳивъ. Изъ Аѳинъ Демосѳенъ прислалъ возставшимъ оружіе, купленное на персидскія деньги. Теперь повсюду въ Греціи начали поднимать голову противники македонскаго владычества. Аѳины начали готовиться къ войнѣ, Мантинея и союзные съ нею аркадскіе города послали войско къ Исѳму, и въ Элидѣ и Этоліи также готовились идти на помощь ѳиванцамъ [1]).

Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Александръ явился со своимъ войскомъ въ Беотіи. Получивъ извѣстіе о возстаніи Ѳивъ, онъ форсированнымъ маршемъ двинулся изъ Илліріи въ Грецію; на седьмой день послѣ выхода изъ Пеліона онъ достигъ Пелиннейона въ Ѳессаліи, а еще спустя семь дней стоялъ передъ столицей Беотіи. Онъ охотно даровалъ бы прощеніе ѳиванцамъ, уже въ собственныхъ интересахъ, такъ какъ для него было въ высшей степени важно по возможности скорѣе водворить миръ въ Греціи. Но изгнанники, стоявшіе теперь у кормила власти въ Ѳивахъ, не хотѣли слышать о подчиненіи, за которое расплачиваться пришлось бы, конечно, преимущественно имъ самимъ. Развѣ нѣкогда Ѳивы при совершенно тождественныхъ обстоятельствахъ не отразили побѣдоносно спартанскихъ силъ, и развѣ духъ, одушевлявшій сподвижниковъ Эпаминонда, угасъ? Они не понимали или не хотѣли понять, что они имѣютъ дѣло съ гораздо болѣе страшнымъ противникомъ и что дѣятельной помощи имъ неоткуда ждать. И вотъ Ѳивы пошли навстрѣчу своей гибели [2]).

Македонскій гарнизонъ все еще держался въ Кадмеѣ. Кремль лежалъ въ южной части города, у воротъ Электры, черезъ которыя вела дорога въ Аѳины; стѣны кремля составляли часть городскихъ

нужды, для удовлетворенія которыхъ онѣ были даны» (Schaefer *Demosth.* III² 148), или, какъ утверждали его враги, часть ихъ присвоилъ; дурно было то, что онъ вообще принялъ ихъ.

[1]) Arr. I 7, 1—3, Diod. XVII 8, Plut. *Dem.* 23, *Жизнеоп. 10 ор.* p. 847 b; Ἀμύντας арріановскихъ рукописей Нибуръ, на основаніи Demosth. *о вѣнкѣ* 295, исправляетъ въ Ἀνεμοίτας; избраніе беотарховъ—Arr. I 7, 11.

[2]) Arr. I 7, 4—11, Diod. XVII 9. 10, Plut. *Alex.* 11.

укрѣпленій. Поэтому ѳиванцы постарались прежде всего окружить Кадмею валомъ, чтобы отрѣзать ей сообщеніе съ стоявшей подъ стѣнами македонской арміей. Противъ этой фортификаціонной линіи Александръ и направилъ свою атаку. Пердикка, командовавшій македонянами изъ Орестиды и Линкестиды, первый прорвался за окопы; тяжело раненый, онъ упалъ, но македонскіе полки наступали одинъ за другимъ, и вскорѣ ѳиванцы были оттѣснены къ городскимъ стѣнамъ. Непріятель неотступно слѣдовалъ за ними и вмѣстѣ съ ними проникъ въ ворота; другая часть македонскаго войска вступила въ Кадмею и оттуда вмѣстѣ съ гарнизономъ спустилась въ городъ. Тщетно защитники на рынкѣ еще разъ вступили въ битву съ врагомъ; они были обращены въ бѣгство, и вскорѣ Ѳивы находились во власти побѣдителя [1])

Ѳивы постигла та же участь, какой подвергались всѣ взятые приступомъ города; и еще бо̀льшую свирѣпость, чѣмъ македоняне, обнаружили фокійцы и контингенты второстепенныхъ городовъ Беотіи, мстившіе теперь за всѣ обиды, которыя они раньше потерпѣли отъ Ѳивъ. По преданію, при взятіи города погибло шесть тысячъ человѣкъ. Затѣмъ Александръ созвалъ союзниковъ для суда надъ побѣжденными. По приговору союзнаго собранія Ѳивы, въ наказаніе за измѣну интересамъ Эллады и за отложеніе къ персидскому царю, были осуждены на ту же кару, какой онѣ сами въ пору своего могущества подвергли Платею и Орхоменъ; согласно съ этимъ рѣшеніемъ городъ былъ разрушенъ и плѣнные обитатели его, числомъ болѣе 30.000, отведены въ Македонію или проданы въ рабство. Земля, принадлежавшая городу, была роздана сосѣднимъ общинамъ, а въ Кадмеѣ по-прежнему остался македонскій гарнизонъ [2]).

Столь страшная катастрофа еще никогда не постигала Элладу, и она произвела потрясающее впечатлѣніе. Городъ, основанный Кадмомъ, чьи стѣны были воздвигнуты Амфіономъ и Зеѳомъ, гдѣ родились Діонисъ и Гераклъ,—городъ, такъ долго занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду греческихъ городовъ, сокрушившій при Левктрахъ могущество Спарты,—онъ пересталъ существовать, и плугъ вспахалъ землю, на которой онъ стоялъ. Потрясеніе было такъ ве-

---

[1]) Arr. I 8, Diod. XVII 11. 12, Plut. *Alex.* 11. Относительно мѣстоположенія—Fabricius *Theben* Фрейбургъ 1890, и возраженія Wilamowitz'а въ *Hermes* 26, 1891, 191 слл. Къ тому, что̀ насъ здѣсь интересуетъ, эта полемика не имѣетъ отношенія.

[2]) Arr. I 9, Diod. XVII 13. 14, XVIII 11, Plut. *Alex.* 11. 12, Justin. XI 3. 4, Heges. fr. 2 (*Script. Rer. Alex. M.* стр. 139), Hyperid. *Epitaph.* 17.

лико, говоритъ одинъ современный ораторъ, точно Зевсъ сорвалъ мѣсяцъ съ неба; правда, еще свѣтило солнце Эллады — Аѳины, но послѣ того, что̀ случилось, кто могъ предсказать грядущее [1])?

И дѣйствительно, вся Грецiя была парализована ужасомъ и уже никто не думалъ о сопротивленiи Александру. Аркадяне осудили на смерть тѣхъ, по чьему совѣту было послано вспомогательное войско въ Ѳивы; элейцы вернули изгнанныхъ сторонниковъ Александра; этоляне поспѣшили завѣрить царя въ своей преданности. Въ Аѳины извѣстiе о паденiи Ѳивъ прибыло какъ-разъ въ то время, когда въ Элевсинѣ праздновались великiя мистерiи; будучи вполнѣ увѣрены, что Александръ немедленно вступитъ въ Аттику, аѳиняне прервали празднества, поспѣшно перевезли сельское населенiе въ городъ и приготовились къ оборонѣ. Многочисленные изгнанники, прибывшiе изъ Ѳивъ, были приняты, какъ друзья, и снабжены всѣмъ необходимымъ. Но въ то же время правительство отправило къ Александру посольство во главѣ съ Демадомъ, чтобы поздравить царя съ возвращенiемъ изъ Иллирiи и съ быстрой побѣдой надъ ѳиванскими мятежниками [2]).

Александръ очень хорошо зналъ, что ѳиванское возстанiе было подготовлено въ Аѳинахъ и что Аѳины собирались примкнуть къ Ѳивамъ; но катастрофа разразилась такъ быстро, что Аѳины не успѣли начать открытую войну противъ царя. Поэтому Александръ могъ простить Аѳины, и онъ тѣмъ болѣе готовъ былъ сдѣлать это, что всякое враждебное дѣйствiе съ его стороны неминуемо заставило бы Аѳины броситься въ объятiя персовъ. Онъ счелъ нужнымъ поставить только два требованiя: чтобы Аѳины изгнали бѣглыхъ ѳиванцевъ и выдали тѣхъ людей, на которыхъ падала отвѣтственность за поведенiе государства при послѣднихъ событiяхъ, въ томъ числѣ Демосѳена, Ликурга, Гиперида, Харидема и Хареса [3]). Первое требованiе было единогласно отвергнуто; зато въ Аѳинахъ оказалось немало людей, вполнѣ готовыхъ принять второе требованiе, исполненiе котораго сразу избавило бы умѣренную партiю отъ ея опас-

---

1) Heges. fr. 2, Aesch. *пр. Ктес.* 133. 157, Dinarch. *пр. Дем.* 24, Arr. I 9.

2) Arr. I 10, 1—4, Plut. *Alex.* 13.

3) Полный списокъ—у Suid. *Ἀντίπατρος*; кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ онъ называетъ еще Полiевкта, Эфiальта, Дiотима, Патрокла (читай Мерокла) и Ѳрасибула. Arr. I 10, 4 называетъ тѣхъ же за исключенiемъ Ѳрасибула. У Plut. *Dem.* 23 недостаетъ Гиперида, Хареса, Дiотима и Ѳрасибула; зато онъ называетъ Демона и Каллисѳена, которые попали въ этотъ списокъ изъ исторiи гарпаловскаго процесса (Тимоклъ у Athen. VIII 341 e f, сравн. Pridik *De Al. M. epist.*, диссерт. Дерптъ 1893, стр. 22).

нѣйшихъ противниковъ. Дѣйствительно, Фокіонъ настойчиво потребовалъ принятія этого условія; но Демосѳену удалось съ помощью Демада добиться того, что и второе требованіе Александра было отвергнуто народнымъ собраніемъ, и въ концѣ-концовъ самъ Фокіонъ согласился вмѣстѣ съ Демадомъ отвезти народное постановленіе Александру. Но для послѣдняго было слишкомъ важно возстановить дружескія отношенія съ Аѳинами, чтобы онъ сталъ настаивать на своемъ ультиматумѣ. Въ концѣ концовъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго одинъ только Харидемъ, самый непримиримый изъ противниковъ Александра, долженъ былъ уйти въ изгнаніе, на что Аѳины тѣмъ легче могли согласиться, что Харидемъ не былъ урожденнымъ аѳиняниномъ. Онъ уѣхалъ въ Азію и вступилъ въ персидскую службу; за нимъ вскорѣ послѣдовало туда нѣсколько другихъ выдающихся офицеровъ, какъ Эфіальтъ и Ѳрасибулъ. Харесъ отправился въ свое княжество Сигейонъ на Геллеспонтѣ [1]).

Теперь, наконецъ, Александръ могъ подумать о походѣ противъ Персіи. Да и пора было, потому что война въ Малой Азіи приняла тѣмъ временемъ очень опасный оборотъ. Мемнонъ, занявшій послѣ смерти своего брата Ментора постъ главнокомандующаго въ прибрежныхъ провинціяхъ, въ началѣ располагалъ противъ Аттала и Пармeніона лишь крайне недостаточными боевыми силами; онъ едва сумѣлъ при Магнесіи преградить врагу путь къ Сардамъ. Но вскорѣ былъ убитъ Филиппъ, и враждебный образъ дѣйствій Аттала противъ Александра затормозилъ операціи македонскаго войска, тогда какъ персидскія боевыя силы благодаря новымъ вербовкамъ возростали изо дня въ день. Вслѣдствіе этого Мемнонъ получилъ возможность перейти въ наступленіе и съ помощью олигархической партіи въ Эфесѣ занять этотъ городъ; однако, его попытка взять Кизикъ оказалась безуспѣшной. Между тѣмъ Александру удалось избавиться отъ Аттала; но всѣ эти событія сильно разстроили македонскую армію, и Парменіонъ, оставшійся теперь единоличнымъ военачальникомъ, не былъ въ состояніи энергично дѣйствовать противъ Мемнона. Онъ принужденъ былъ прекратить осаду Питаны въ Эолидѣ и затѣмъ былъ отозванъ Александромъ въ Македонію. Его преемникъ по командованію, Каласъ, былъ разбитъ въ Троадѣ Мемнономъ и принужденъ отступить къ Геллеспонту, гдѣ отстоялъ Рэтейонъ и Абидосъ [2]). Во

[1]) Arr. I 10, 6, Diod. XVII 15, Plut. *Dem.* 23, *Phoc.* 17.

[2]) Diod. XVII 7, Polyaen. V 44, 4. 5, сравн. Schaefer *Demosth.* III² 114 прим. 2.

всѣхъ остальныхъ частяхъ Малой Азіи персидское владычество было возстановлено. Пиксодаръ карійскій также отказался отъ мысли о союзѣ съ Македоніей и выдалъ свою дочь, бывшую невѣсту Арридея, за одного знатнаго перса, Оронтобата. Въ слѣдующемъ же году Пиксодаръ умеръ, и его зять вступилъ въ управленіе сатрапіей [1]).

Съ наступленіемъ весны 334 года Александръ выступилъ въ походъ къ Геллеспонту. Онъ велъ съ собою половину македонскаго ополченія, 12.000 фалангитовъ и 1500 всадниковъ, затѣмъ союзные контингенты, именно 1500 всадниковъ изъ Ѳессаліи, 7000 человѣкъ и 600 коней изъ остальной Греціи, 900 легковооруженныхъ всадниковъ изъ Ѳракіи и Пэоніи, 6000 человѣкъ легкой ѳракійской и иллирійской пѣхоты, и наконецъ 5000 тяжеловооруженныхъ наемниковъ—всего около 30.000 пѣхотинцевъ и 4500 всадниковъ [2]). Эту армію сопровождалъ флотъ въ 160 военныхъ кораблей, изъ которыхъ 20 были выставлены Аѳинами [3]). Въ качествѣ военнаго совѣтника при молодомъ царѣ находился Парменіонъ, лучшій полководецъ македонской арміи и вѣроятно всей этой эпохи, который въ теченіе всего царствованія Филиппа исполнялъ важнѣйшія военныя порученія, которому Филиппъ въ значительной степени былъ обязанъ своими побѣдами и которому безъ сомнѣнія принадлежитъ главная военная заслуга въ дѣлѣ завоеванія Азіи [4]). Изъ второстепенныхъ военноначальническихъ постовъ два важнѣйшихъ были ввѣрены сыновьямъ Парменіона: старшій, Филотасъ, командовалъ македонской конницей, второй, Никаноръ, отборнымъ полкомъ македонской пѣхоты, т. наз. «гипаспистами гетэровъ». Управленіе Македоніей и Греціей на время отсутствія царя было ввѣрено Антипатру.

Персамъ стоило только собрать въ Геллеспонтѣ свой болѣе многочисленный флотъ, и Александръ долженъ былъ бы отказаться отъ мысли о переходѣ въ Азію. Дѣйствительно, еще годъ назадъ при-

---

[1]) Arr. I 23, 7, Strab. XIV 657. Пиксодаръ умеръ около того времени, когда Александръ предпринялъ походъ въ Азію (Diod. XVI 74, 2). Объ Оронтобатѣ (теперь это имя такъ читается и на монетахъ) — Six *Num. Chron.* 1885, 27; 1890, 60.

[2]) Arr. I 11, 3, Diod. XVII 17, и сюда *Bevölkerung* автора стр. 215 слл.

[3]) Arr. I 18, 4; очевидно, что и у Diod. XVII 17, 2 слѣдуетъ читать 160 (вмѣсто 60).

[4]) Curt. VII 1, 3; 2, 33; Филиппъ будто бы сказалъ *ἐν πολλοῖς ἔτεσιν ἕνα μόνον στρατηγὸν εὑρηκέναι, Παρμενίωνα* (Plut. *Apophth. Reg.* p. 177). Придворная исторіографія разумѣется старалась по возможности умалить заслуги Парменіона, чему начало положилъ уже Каллисѳенъ (fr. 37 у Plut. *Alex.* 33).

морскимъ городамъ монархіи было приказано привести въ готовность ихъ военные корабли. Но въ персидскомъ царствѣ искони былъ обычай ничего не дѣлать во-время; поэтому флотъ далеко еще не былъ готовъ къ плаванію, когда Александръ достигъ Геллеспонта. Такимъ образомъ, переправа черезъ проливъ не представила никакихъ затрудненій. Ею руководилъ Парменіонъ, а царь тѣмъ временемъ посѣтилъ священныя мѣста въ Троѣ и могилу своего предка Ахилла; затѣмъ войско двинулось вдоль берега на востокъ [1]).

Персидскіе сатрапы провинцій, лежавшихъ по сю сторону Тавра,— сатрапъ Лидіи Спиѳридатъ, сатрапъ Малой Фригіи Арситъ, сатрапъ Великой Фригіи Атизій и сатрапъ Каппадокіи Миѳробузанъ,—получивъ извѣстіе о выступленіи Александра, стянули къ Пропонтидѣ всѣ наличныя боевыя силы и соединились здѣсь съ войсками Мемнона. Образовавшаяся такимъ образомъ армія по количеству всадниковъ превосходила врага, но значительно уступала ему по числу и, главное, по качеству пѣшихъ войскъ; въ виду этого Мемнонъ полагалъ, что не слѣдуетъ принимать сраженія въ открытомъ полѣ, а надо отступить вглубь материка, опустошить страну на далекое пространство и тѣмъ по возможности затруднить врагу наступленіе, пока подоспѣетъ флотъ, а затѣмъ перенести театръ военныхъ дѣйствій въ Элладу и тѣмъ принудить Александра къ возвращенію въ Грецію. Это былъ тотъ же планъ, какой нѣкогда доставилъ персамъ побѣду надъ Агесилаемъ; однако теперь положеніе дѣлъ было совершенно иное, и сомнительно, привелъ ли бы этотъ маневръ къ успѣху. Какъ бы то ни было, предложеніе Мемнона было отвергнуто военнымъ совѣтомъ; Арситъ, сатрапъ Малой Фригіи, не хотѣлъ отдать свою страну въ жертву врагу, и остальные сатрапы, полагаясь на превосходство своей конницы, присоединились къ его мнѣнію. Итакъ, рѣшено было идти навстрѣчу непріятелю и дать сраженіе [2]).

Войска встрѣтились у Граника, одной изъ рѣчекъ, стекающихъ съ сѣвернаго склона Иды въ Пропонтиду. Александръ тотчасъ повелъ свою конницу и легкія войска черезъ рѣку и атаковалъ возвышенности на правомъ берегу, гдѣ длинной линіей выстроилась персидская конница. Здѣсь произошло жаркое конное сраженіе; вначалѣ персы, благодаря своему численному превосходству и выгодамъ своей позиціи, имѣли перевѣсъ, но въ концѣ концовъ побѣда осталась за болѣе стойкими и лучше вооруженными македонянами и ѳессалійцами. Самъ

---

[1]) Arr. I 11. 12, Diod. XVII 17, 1—3, Plut. *Alex.* 15.

[2]) Arr. I 12, 8—10, Diod. XVII 18.

царь храбро сражался, но и персидскіе генералы не жалѣли себя, и многіе изъ нихъ остались на полѣ битвѣ, въ томъ числѣ сатрапы Спиѳридатъ и Миѳробузанъ. Бѣгство конницы увлекло и персидскую пѣхоту; только греческіе наемники храбро сопротивлялись, но вскорѣ они были со всѣхъ сторонъ окружены превосходными боевыми силами врага и принуждены сдаться. Плѣнныхъ, числомъ 2000, Александръ въ цѣпяхъ отослалъ въ Македонію, въ наказаніе за то, что они служили варварамъ противъ Эллады. По преданію, побѣдитель потерялъ лишь около 120 человѣкъ. Изъ добычи 300 доспѣховъ были повѣшены въ аѳинскомъ Парѳенонѣ какъ жертвенный даръ, чтобы наглядно показать эллинамъ размѣры одержанной побѣды [1]).

Послѣдствія сраженія доказали, какъ шатко было персидское владычество въ Малой Азіи. Даскилейонъ, главный городъ геллеспонтской сатрапіи, тотчасъ сдался Парменіону; самъ Александръ двинулся къ Сардамъ, гдѣ былъ привѣтствованъ гражданами какъ освободитель; персидскій комендантъ до того растерялся, что безъ боя сдалъ неприступную крѣпость. Изъ Эфеса персидскій гарнизонъ удалился, и Александръ вступилъ и въ этотъ городъ среди ликованія жителей. Тотчасъ же была возстановлена демократія; нѣкоторые изъ вождей олигархической нартіи, предавшіе городъ Мемнону, были умерщвлены народомъ. Дальнѣйшее кровопролитіе было предупреждено Александромъ, который этимъ поступкомъ обезпечилъ себѣ симпатіи зажиточныхъ классовъ въ Азіи [2]).

Теперь и остальные города Іоніи и Эолиды примкнули къ Александру или безъ труда были приведены въ покорность; повсюду было введено демократическое устройство и сложена дань. Только Милетъ, защищаемый сильнымъ отрядомъ греческихъ наемниковъ, отказался сдаться, въ надеждѣ на поддержку персидскаго флота, который наконецъ вышелъ въ море изъ Финикіи и Кипра. Но флоту Александра удалось опередить врага и занять позицію у острова Лады въ виду города, благодаря чему Милетъ былъ отрѣзанъ отъ моря. Персы

[1]) Arr. I 13—15, Diod. XVII 19—21, Plut. *Alex*. 16. По свидѣтельству Арріана у персовъ было 20.000 всадниковъ и болѣе 20.000 греческихъ наемниковъ, по показанію Діодора — 10.000 всадниковъ и 100.000 пѣхоты. Но и въ исторіи Александра къ показаніямъ о величинѣ персидскихъ армій слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью. Даже при Арбелѣ у Дарія не было 20.000 всадниковъ, тѣмъ болѣе не могли располагать такой конницей сатрапы при Граникѣ. Даже число, которое даетъ Діодоръ, вѣроятно сильно преувеличено. Еще болѣе преувеличено показаніе Арріана относительно числа греческихъ наемниковъ.

[2]) Arr. I 17, Diod. XVII 21, 7, Plut. *Alex*. 17.

бросили якорь насупротивъ города, у Микале, и тщетно пытались вызвать грековъ на морское сраженіе; они принуждены были оставаться безпомощными зрителями того, какъ Александръ осаждалъ Милетъ и наконецъ взялъ его приступомъ [1]).

Послѣ этого персидскій флотъ не могъ долѣе держаться у открытаго берега Микале и потому ушелъ назадъ къ Галикарнассу; здѣсь собрались всѣ персидскія сухопутныя войска, какія еще оставались въ западной части Малой Азіи. Галикарнассъ былъ превращенъ Мавсолломъ въ первоклассную крѣпость, и Мемнонъ имѣлъ въ виду сдѣлать его своимъ операціоннымъ базисомъ для морской войны, которую онъ хотѣлъ въ слѣдующемъ году открыть противъ Греціи. Руководство войною было теперь всецѣло сосредоточено въ его рукахъ, такъ какъ персидскій царь назначилъ его главнокомандующимъ всѣхъ боевыхъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Флотъ Александра былъ недостаточно силенъ, чтобы съ надеждой на успѣхъ принять сраженіе въ открытомъ морѣ, а такъ какъ, кромѣ того, приближалась зима, то бо́льшая часть кораблей была отпущена на родину. На службѣ оставалась только небольшая эскадра, въ томъ числѣ выставленныя Аѳинами 20 тріеръ, которыя должны были служить залогомъ вѣрности города. Самъ царь повелъ свое сухопутное войско на югъ и скоро сталъ лагеремъ подъ стѣнами Галикарнасса [2]).

Взять сильную береговую крѣпость, которой превосходный флотъ обезпечиваетъ свободное сообщеніе съ моремъ, было во всѣ времена одной изъ труднѣйшихъ задачъ военнаго искусства. Македонское войско еще не забыло тѣхъ уроковъ, которые получилъ въ этомъ отношеніи Филиппъ передъ Перинѳомъ и Византіей. Между тѣмъ Александръ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставить въ тылу эту важную крѣпость,—иначе онъ рисковалъ потерять все, что̀ добылъ ранѣе; у него былъ только выборъ—либо оставить значительную часть войска для наблюденія за городомъ, либо начать осаду. Въ сущности это предпріятіе было не такъ безнадежно, какъ могло показаться съ

---

[1]) Arr. I 18. 19, Diod. XVII 22, Strab. XIV 635. Персидскій флотъ заключалъ въ себѣ по Arr. I 18, 5 около 400, по Diod. XVII 29. 31—300 кораблей; вѣроятно и послѣднее показаніе еще значительно преувеличено, такъ какъ, во-первыхъ, поведеніе Мемнона становится совершенно непонятнымъ, если допустить, что у него было 300 кораблей, и во-вторыхъ, осенью 333 г. персидскіе адмиралы предприняли нашествіе въ Грецію только съ 100 кораблями (Arr. II 13, 4). Числа, которыя даетъ Arr. II 20, 1. 3, тоже не заслуживаютъ большого довѣрія.

[2]) Arr. I 20, 1—2, Diod. XVII 23.

перваго взгляда. Дѣйствительно, персидскій флотъ могъ подвозить городу лишь свѣжіе припасы, но отнюдь не подкрѣпленія, ибо въ приморскихъ провинціяхъ болѣе не оставалось персидскихъ войскъ, а вербовка наемниковъ въ Греціи со времени объединенія греческихъ государствъ подъ главенствомъ Македоніи была сильно затруднена. Въ виду этихъ соображеній Александръ рѣшилъ идти на приступъ; широкій ровъ, окружавшій городъ, былъ наполненъ, и вскорѣ орудія образовали проломы въ стѣнахъ. Правда, первая атака была отбита, послѣ чего осажденные позади разрушенныхъ окоповъ возвели новые. Но было ясно, что эта преграда лишь на короткое время замедлитъ успѣхи осаждающихъ, если гражданамъ не удастся разрушить непріятельскія машины. Съ этой цѣлью осажденные со всѣми своими силами предприняли вылазку, но были отброшены назадъ и понесли большія потери. Послѣ этого Мемнонъ потерялъ надежду отстоять городъ. Подъ прикрытіемъ ночи онъ посадилъ свое войско на корабли и отослалъ его въ Косъ; персидскіе гарнизоны остались только въ крѣпости Салмакидѣ и на сосѣднемъ островѣ Арконнесѣ. Арсеналы и ближайшіе къ стѣнамъ кварталы города были сожжены. Александръ немедленно вступилъ въ покинутый городъ, потушилъ пожаръ и принялъ мѣры къ тому, чтобы граждане не подверглись насиліямъ. Осада цитадели, въ виду неприступнаго мѣстоположенія послѣдней, не обѣщала успѣха; поэтому рѣшено было не осаждать крѣпость, и для наблюденія за нею былъ оставленъ отрядъ въ 3000 человѣкъ подъ начальствомъ Птоломея [1]).

Теперь вся Карія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ береговыхъ пунктовъ, какъ Миндъ и Кавнъ, покорилась Александру [2]). Званіе сатрапа Каріи было предоставлено послѣдней изъ сестеръ Мавсолла, какая еще оставалась въ живыхъ,—Адѣ, которая послѣ смерти своего брата Идріея четыре года правила Каріей, но затѣмъ была свергнута другимъ своимъ братомъ, Пиксодаромъ (выше стр. 483). Послѣ этого Александръ раздѣлилъ свое войско; Парменіонъ съ ѳессалійской конницей и остальными союзниками расположился на зимовку въ Лидіи, а самъ царь со своими македонянами направился далѣе въ Ликію и Памфилію, которыя покорились почти безъ боя. Затѣмъ Александръ пробился чрезъ гористую Писидію, которая никогда не признавала персидскаго владычества, и въ Гордіонѣ, древней столицѣ Фригіи, соединился съ Парменіономъ (весною 333 года). Отсюда онъ двинулся чрезъ

1) Arr. I 20—23, Diod. XVII 23—27.
2) Arr. II 5. 7, Curt. III 7, 4.

Каппадокію къ «киликійскимъ воротамъ», т.-е. къ тому проходу, гдѣ дорога изъ малоазіатскаго плоскогорья въ Тарсъ переваливаетъ черезъ Тавръ. Персидскій отрядъ, охранявшій ущелье, при приближеніи царя обратился въ бѣгство; Тарсъ тоже былъ очищенъ персами и Киликія подчинилась побѣдителю такъ же безпрекословно, какъ и остальныя области Малой Азіи [1]).

Между тѣмъ Мемнонъ съ наступленіемъ хорошаго времени года открылъ наступательныя дѣйствія на Эгейскомъ морѣ, гдѣ онъ безусловно господствовалъ благодаря своему сильному флоту [2]). Хіосъ былъ преданъ ему олигархической партіей; мелкіе города Лесбоса также перешли на его сторону; только Митилена дала осадить себя, но паденіе ея было лишь вопросомъ времени, такъ какъ о подвозѣ подкрѣпленій нельзя было и думать. Уже Циклады изъявили готовность покориться, и повсюду въ Греціи антимакедонская партія подняла голову и готовилась подать руку Мемнону, какъ только онъ покажется у береговъ Европы. Аѳины отправили посольство къ царю Дарію, хотя до поры до времени еще не осмѣливались открыто стать на сторону персовъ [3]).

И вдругъ Мемнонъ въ лагерѣ подъ Митиленой былъ сраженъ какою-то болѣзнью. Онъ умеръ во-время, не переживъ своей военачальнической славы, ибо теперь, когда вся Малая Азія находилась въ рукахъ Александра, даже всеобщее возстаніе въ Греціи, котораго при данныхъ условіяхъ сверхъ того и трудно было ожидать, уже не могло бы доставить персамъ побѣду. Тѣмъ не менѣе смерть Мемнона была для Персіи тяжелой потерей, потому что его племянникъ по сестрѣ Фарнабазъ, котораго онъ передъ смертью назначилъ своимъ преемникомъ, и Автофрадатъ, который уже и ранѣе командовалъ наряду съ Мемнономъ, были совершенно не въ состояніи исполнить возложенную на нихъ задачу. Правда, Митилена была принуждена къ сдачѣ; она должна была впустить къ себѣ персидскій гарнизонъ и призвать обратно своихъ изгнанниковъ, изъ которыхъ одинъ, Діогенъ, и сталъ во главѣ правленія. Но затѣмъ Автофрадатъ съ большею частью своего флота застрялъ, сложа руки, у Лесбоса, тогда какъ Фарнабазъ со своими наемниками выступилъ въ походъ съ цѣлью отнять у грековъ Карію и Ликію. Дѣйствительно, ему удалось вернуть Милетъ и нижнюю часть

---

[1]) Arr. I 23, 7—II 4, 6, Diod. XVII 27, 6—28, Plut. *Alex*. 17. 18, Curt. III 1. 4—7. Относительно Ады см. также Strab. XIV 657, Diod. XVI 69, 2; 74, 2.

[2]) Arr. II 1. 2, Diod. XVII 29. 31. Объ отложеніи Хіоса—Arr. III 2, 5. 7.

[3]) Arr. II 15, 2. 4, Curt. III 13, 15.

Галикарнасса; но затѣмъ Фарнабазъ получилъ приказаніе послат своихъ наемниковъ къ войску Дарія въ Сирію, потому что царь справедливо полагалъ, что исходъ войны зависитъ не отъ успѣховъ въ Малой Азіи, а отъ главной арміи, которой предстоитъ вести борьбу съ Александромъ. Вслѣдствіе этого сатрапъ Каріи, Оронтобатъ, снова оказался изолированнымъ; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился дать Птоломею сраженіе въ открытомъ полѣ, но былъ разбитъ на голову и потерялъ 2000 человѣкъ, послѣ чего принужденъ былъ ограничиться защитой прибрежныхъ укрѣпленій [1]).

Между тѣмъ Фарнабазъ вернулся къ Автофрадату въ Митилену, и только теперь главный флотъ двинулся къ Геллеспонту. Слабый Тенедосъ былъ безъ труда покоренъ, и Харесъ, владыка сосѣдняго Сигейона, также перешелъ на сторону персовъ. Въ проливѣ была оставлена эскадра подъ командою Аристомена, чтобы отрѣзать Александру сообщеніе съ Македоніей; другая эскадра изъ 10 судовъ подъ начальствомъ Датама была послана къ Цикладамъ, а главныя силы ушли назадъ къ Хіосу, чтобы затѣмъ также двинуться въ Европу [2]).

Но и греческій флотъ снова началъ собираться. Эскадра Датама подверглась нападенію при Сифнѣ и большею частью была взята; та же участь постигла вскорѣ затѣмъ и эскадру Аристомена въ Геллеспонтѣ. Послѣ этого персидскіе адмиралы со 100 лучшими своими кораблями отправились къ Андросу и Сифну; но возстаніе въ Греціи, на которое они разсчитывали, не состоялось. Побѣды Александра произвели здѣсь должное впечатлѣніе, и только спартанскій царь Агисъ, сынъ павшаго въ Италіи Архидама, изъявилъ готовность обнажить мечъ противъ Македоніи, если получитъ помощь деньгами и кораблями [3])

Между тѣмъ въ Азіи споръ былъ рѣшенъ. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ Александра при Граникѣ, Дарій собралъ всю свою армію; и дѣйствительно, чтобы не потерять всѣ свои приморскія провинціи, онъ долженъ былъ во что бы то ни стало преградить врагу дальнѣйшій путь. Въ виду этого Дарій лѣтомъ выступилъ изъ Вавилона, и осенью онъ

---

[1]) Arr. II 5, 7, Curt. III 7, 4. Александръ получилъ извѣстіе о побѣдѣ незадолго до битвы при Иссѣ. О Милетѣ— Curt. IV 1, 37; 5, 13. Такъ какъ Автофрадатъ зиму 333/2 года провелъ въ Галикарнасѣ (Arr. II 13, 6), то очевидно, что нижняя часть города теперь снова была взята.

[2]) Arr. II 2, 2—4. Относительно Хареса— Arr. III 2, 6, Curt. IV 5, 22; въ предшествовавшемъ году онъ засвидѣтельствовалъ Александру, при его переходѣ въ Азію, свои вѣрноподданическія чувства (Arr. I 12, 1).

[3]) Arr. II 2, 3—6, 13, 4, Curt. III 1, 19—21, IV 1, 36 сл.

достигъ сѣверной Сиріи. Александръ все еще стоялъ въ Киликіи; опасная болѣзнь довольно долго задержала его въ Тарсѣ, а по выздоровленіи онъ занялся прежде всего покореніемъ портовыхъ городовъ Солъ и Малла. При извѣстіи о приближеніи Дарія онъ двинулся чрезъ береговыя ущелья, соединяющія Киликію съ Сиріей, т. наз. «ассирійскія ворота», и сталъ лагеремъ у Миріандра, перваго финикійскаго города. Онъ разсчитывалъ, что персидскій царь будетъ ждать его на обширныхъ равнинахъ сѣверной Сиріи, гдѣ лучшая часть персидскаго войска—конница—могла вполнѣ развернуть свои силы[1].

Но Дарій принялъ такое смѣлое рѣшеніе, какого отъ него нельзя было ожидать. Въ то время какъ Александръ береговой дорогой шелъ на югъ, Дарій двинулся къ сѣверу, по неприступнымъ горнымъ тропинкамъ перешелъ Аманъ и спустился въ тылу непріятельской арміи на прибрежную равнину Исса. Здѣсь онъ занялъ крѣпкую оборонительную позицію, которая справа опиралась на море, слѣва — на горы, а съ фронта была защищена глубокимъ русломъ рѣки Пинара. Быстро возведенные окопы еще болѣе укрѣпили эту позицію[2].

Съ стратегической точки зрѣнія маневръ, выполненный персидскимъ войскомъ, былъ превосходенъ; Александръ былъ совершенно отрѣзанъ отъ своего операціоннаго базиса и неминуемо долженъ былъ погибнуть, если бы не съумѣлъ путемъ побѣдоносной битвы вырваться изъ сжавшихъ его тисковъ. Но это была нелегкая задача. Надо было, прежде всего, пройти чрезъ длинное ущелье ассирійскихъ воротъ, гдѣ горы такъ близко подходятъ къ морю, что едва остается мѣсто для дороги, и затѣмъ на глазахъ врага развернуть войско изъ походной колонны въ боевую линію. Къ счастію, Дарій не съумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія, тогда какъ Александръ могъ въ самыхъ трудныхъ случаяхъ спокойно полагаться на свои войска. И вотъ, вечеромъ онъ выступилъ изъ Миріандра, ночью безпрепят-

---

[1]) Arr. II 4, 7 — 6, 2, Diod. XVII 30 — 32, Curt. III 2. 3, Plut. *Alex.* 17—19.

[2]) Arr. II 6, 3 — 7, 1. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Дарій съ умысломъ обошелъ въ тылъ врагу. Было бы слишкомъ удивительной случайностью, если бы персидскій царь, ничего не зная о движеніяхъ Александра, перешелъ Аманъ какъ разъ въ тѣ два дня, въ которые Александръ совершалъ переходъ отъ Исса до Миріандра. (Эти два дня надо считать, разумѣется, отъ Исса, а не отъ Малла, какъ сообщаетъ Arr. II 6, 2. Отъ Малла до Миріандра Александръ шелъ по меньшей мѣрѣ 5 дней, не считая времени отдыха въ Иссѣ, сравн. Xen. *Anab.* I 4, 4—6). Будучи предпринята однимъ днемъ ранѣе, операція Дарія потерпѣла бы неудачу.

ственно прошелъ тѣснины и къ утру стоялъ на равнинѣ Пинара. Конница и легковооруженные отряды, высланные теперь Даріемъ навстрѣчу врагу, оказались не въ силахъ помѣшать македонскимъ полкамъ выстроиться въ боевомъ порядкѣ; такимъ образомъ, битва была потеряна для персовъ еще прежде, чѣмъ она собственно началась. Дѣло въ томъ, что на окруженной горами равнинѣ, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ ширину лишь около 3—4 килом., персидскій царь не могъ воспользоваться выгодами своего численнаго перевѣса; Александръ могъ растянуть свою боевую линію на такую же длину, какъ его противникъ, и былъ вполнѣ обезпеченъ противъ обхода въ тылъ. А при равенствѣ силъ побѣда неизбѣжно должна была достаться болѣе опытнымъ и болѣе дисциплинированнымъ македонянамъ.

Александръ командовалъ правымъ крыломъ, состоявшимъ изъ македонской кавалеріи, гипастистовъ и части линейной пѣхоты. Стоявшая противъ него азіатская пѣхота оказалась не въ силахъ устоять противъ атаки этихъ отборныхъ войскъ; послѣ короткой битвы она обратилась въ бѣгство, въ которое была вовлечена и середина персидскаго войска; самъ Дарій едва успѣлъ спастись отъ преслѣдовавшихъ его македонянъ; его колесница, его царская мантія и его лукъ достались побѣдителю. Между тѣмъ Парменіонъ, командовавшій лѣвымъ крыломъ греческаго войска, переживалъ тяжелыя минуты. Его ѳессалійскіе и пелопоннесскіе всадники лишь съ трудомъ сдерживали натискъ болѣе многочисленной варварской конницы, а атака, предпринятая македонской фалангой на высоты, гдѣ стояли греческіе наемники персидскаго царя, была отбита съ большимъ урономъ. Лишь когда Александръ послѣ побѣды надъ Даріемъ двинулъ на флангъ наемниковъ пѣхоту своего праваго крыла, они въ полномъ порядкѣ удалились съ поля битвы. Послѣ этого и персидская конница обратилась въ бѣгство, преслѣдуемая ѳессалійцами, которые произвели страшную рѣзню среди отступавшихъ враговъ. Стоявшіе позади персидской боевой линіи резервы даже не сдѣлали попытки оказать сопротивленіе; все войско разсѣялось, и только рано наступившая ноябрьская ночь спасла его отъ полной гибели. Дарію удалось собрать позади горъ и увести за Евфратъ не болѣе 4,000 человѣкъ, преимущественно греческихъ наемниковъ. Бóльшей части наемниковъ, около 8,000 человѣкъ, удалось добраться до Триполиса въ Финикіи и оттуда переправиться на Кипръ. Побѣдители въ тотъ же вечеръ безъ сопротивленія заняли персидскій лагерь; здѣсь были взяты въ плѣнъ сопровождавшіе царя по персидскому обычаю мать Дарія Сисигамбисъ, его супруга Статеира и ея дѣти. Это были неоцѣнимые заложники,

и Александръ приказалъ оказывать имъ все то почтеніе, какое подобало ихъ высокому рангу [1]).

Греція въ лихорадочномъ возбужденіи ждала рѣшительной битвы между обоими царями. Демосѳенъ доказывалъ всякому, кто хотѣлъ его слушать, что войско Александра неизбѣжно будетъ затоптано персидской конницей; но онъ былъ достаточно опытнымъ политикомъ, чтобы не склонять Аѳины къ открытому переходу на сторону персовъ раньше, чѣмъ сдѣлается извѣстнымъ исходъ сраженія [2]). Вѣсть о блестящей побѣдѣ Александра, разумѣется, сразу отрезвила всѣхъ, кто мечталъ объ отложеніи. На исѳмійскихъ празднествахъ ближайшей весною представители государствъ, входившихъ въ составъ эллинскаго союза, рѣшили почтить Александра золотымъ вѣнкомъ въ благодарность за то, что́ онъ сдѣлалъ для свободы Греціи [3]).

Теперь персидскіе адмиралы болѣе не могли думать о продолженіи наступательныхъ дѣйствій противъ Греціи; получивъ извѣстіе о пораженіи, они тотчасъ ушли со своимъ флотомъ обратно въ Азію. Царь Агисъ едва съумѣлъ получить 10 тріеръ и 30 талантовъ; впрочемъ, и онъ не осмѣливался въ эту минуту начать войну противъ Македоніи. Фарнабазъ съ 12 кораблями и 1,500 наемниковъ отправился къ Хіосу, и прибылъ какъ разъ во-время, такъ что еще успѣлъ предупредить отложеніе острова къ Александру; Автофрадатъ съ остальнымъ флотомъ ушелъ въ Галикарнассъ, гдѣ и остался на всю зиму [4]). Но съ открытіемъ навигаціи его флотъ распался; финикіяне ушли въ свою страну, которая между тѣмъ была занята Александромъ; кипрская эскадра тотчасъ послѣдовала ихъ примѣру [5]).

---

[1]) Callisth. fr. 33 у Polyb. XII 17 — 22, Arr. II 7 — 13, Plut. *Alex.* 20 (Diod. XVII 32—38 и Curt. III 7 —12 не знаютъ, что греческое войско стояло во время битвы косымъ строемъ). Критика, которой Полибій подвергаетъ разсказъ Каллисѳена о сраженіи при Иссѣ, наивна; онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что для 30.000 всадниковъ и 30.000 греческихъ наемниковъ, которыми будто бы располагалъ Дарій, на равнинѣ не было мѣста; но естественный выводъ—что эти цифры сильно преувеличены—не пришелъ ему въ голову; не догадываются объ этомъ, разумѣется, и новѣйшіе изслѣдователи.— Годъ и мѣсяцъ, когда произошло сраженіе,—у Arr. II 11, 10. Но такъ какъ Арріанъ относитъ сраженіе при Арбелѣ, происшедшее въ боэдроміонѣ, къ піанопсіону (A. Mommsen *Chronol.* стр. 450), то возможно, что онъ неправильно перевелъ и македонскую дату сраженія при Иссѣ и что эта битва произошла не въ мэмактеріонѣ, а еще въ піанопсіонѣ.

[2]) Aesch. *пр. Ктес.* 164.

[3]) Diod. XVII 48, 6, Curt. IV 5. 11.

[4]) Arr. II 13, 5—6, Curt. IV 5, 15.

[5]) Arr. II 20, 1. 3.

Вслѣдствіе этого персидскіе адмиралы были лишены возможности преградить путь македонскому флоту, который въ теченіе зимы снова былъ доведенъ до 160 тріеръ и съ наступленіемъ весны вышелъ въ море подъ начальствомъ Гегелоха и Амфотера. Онъ освободилъ Тенедосъ [1]) и затѣмъ пошелъ къ Хіосу, гдѣ народъ при его появленіи возсталъ противъ Фарнабаза и открылъ македонянамъ городскія ворота; гарнизонъ, состоявшій изъ 3,000 греческихъ наемниковъ, былъ взятъ въ плѣнъ, 42 тріеры сдѣлались добычей побѣдителей. Затѣмъ Гегелохъ со 100 кораблями подступилъ къ Митиленѣ, которую занималъ отъ имени Дарія Харесъ съ 2,000 человѣкъ; старый вождь наемниковъ сдался подъ условіемъ свободнаго отступленія и удалился на аѳинскій островъ Имбросъ; власти надъ Сигейономъ, которую Александръ оставилъ ему два года назадъ, онъ, конечно, лишился, ставъ на сторону персовъ. Теперь и мелкіе города Лесбоса примкнули къ македонянамъ и выдали Гегелоху своихъ тирановъ, навязанныхъ имъ персами. Тѣмъ временемъ Амфотеръ съ 60 кораблями двинулся къ Косу и освободилъ и этотъ островъ отъ персовъ; точно также сдались и города карійскаго побережья, которые были заняты еще Оронтобатомъ. Родосъ уже ранѣе перешелъ на сторону Александра. Такимъ образомъ, все западное побережье Малой Азіи и предлежащіе ему острова были отняты у персовъ, и персидскій флотъ на Эгейскомъ морѣ истребленъ, за исключеніемъ небольшой части, бѣжавшей къ Криту. Знатныхъ плѣнниковъ Гегелохъ еще осенью отвезъ къ Александру, который въ это время находился въ Египтѣ. Хіосскихъ олигарховъ царь сослалъ въ Элефантину на эѳіопской границѣ; лесбосскіе тираны были выданы для наказанія тѣмъ городамъ, надъ которыми они властвовали. Здѣсь они были судимы народнымъ судомъ и по его приговору казнены, чтò по представленіямъ грековъ было законно и справедливо. Митилена въ награду за геройское сопротивленіе, оказанное ею Мемнону, получила участокъ земли на противолежащемъ Лесбосу материкѣ [2]).

---

[1]) Въ то время македоняне преградили понтійскому хлѣбу доступъ въ Эгейское море; это заставило аѳинянъ принять рѣшеніе о сооруженіи флота въ 100 тріеръ, вслѣдствіе чего запрещеніе о ввозѣ понтійскаго хлѣба было отмѣнено по отношенію къ Аѳинамъ, сравн. рѣчь *о договорахъ съ Александромъ* 20.

[2]) Arr. III 2, Curt. IV 5, 14 — 22; о Родосѣ — Arr. II 20, 2. О взятіи Минда и Кавна Curt. III 7, 4 разсказываетъ, забѣгая впередъ, вслѣдъ за сообщеніемъ о побѣдѣ Птоломея надъ Оронтобатомъ. Фарнабазъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Хіосѣ, но въ Косѣ бѣжалъ (Arr. III 2, 7); онъ, очевидно, по-

Самъ Дарій также былъ сильно потрясенъ пораженіемъ; но первою его мыслью было, разумѣется, освободить изъ плѣна свою мать, жену и дѣтей. Уже спустя немного дней послѣ сраженія, когда Александръ стоялъ въ Мараѳосѣ въ сѣверной Финикіи, Дарій сдѣлалъ попытку завязать переговоры, и Александръ не отвергъ его предложеній. Въ виду этого Дарій отправилъ къ Александру посольство съ формальнымъ предложеніемъ мира; онъ предлагалъ уступить всѣ азіатскія области, лежавшія къ западу отъ Евфрата, и уплатить за освобожденіе своей матери и жены выкупъ въ 10,000 талантовъ; въ залогъ мира онъ предлагалъ Александру жениться на одной изъ его дочерей. Еще никогда ни одинъ персидскій царь не унижался до такой степени; и дѣйствительно, предложенныя имъ условія были очень выгодны. Но тѣмъ временемъ положеніе дѣлъ сильно измѣнилось къ выгодѣ Александра. Онъ стоялъ теперь передъ Тиромъ, материковая часть Финикіи и Кипръ покорились, персидскій флотъ въ Эгейскомъ морѣ распался, опасность возстанія въ Греціи была устранена, успѣшное сопротивленіе со стороны Персіи сдѣлалось невозможнымъ и завоеваніе всей монархіи являлось еще только вопросомъ времени. А между тѣмъ было ясно, что урѣзанная Персія всегда будетъ стремиться вернуть себѣ приморскія провинціи; даровать теперь миръ Дарію значило отсрочить рѣшеніе, пока Персія лучше приготовится къ борьбѣ. Въ виду этого Александръ отвергъ предложенія Дарія и потребовалъ безусловнаго подчиненія [1]).

добно своему отцу Артабазу, былъ позднѣе прощенъ, потому что послѣ смерти Александра мы видимъ его гиппархомъ въ войскѣ Эвмена (Plut. *Eum.* 7). Что остатокъ персидскаго флота бѣжалъ къ Криту, сказано у Curt. IV 8, 15. О казни тирановъ — Curt. IV 8, 11, рѣчь *о договорахъ съ Александромъ* 7 и декреты Эреса Collitz *Gr. Dial.-Inschr.* 281. Относительно Митилены —Curt. IV 8. 13, сравн. Strab. XIII 607, Fränkel *Inschr. v. Pergam.* I 245. [Scylax] 81 доказываетъ, что Митилена еще до Александра имѣла владѣнія на материкѣ (между Адрамиттіономъ и Атарнеемъ). Относительно Хіоса— рескриптъ Александра, *Rev. de Philol.* 1893 стр. 188.

[1]) О первыхъ мирныхъ предложеніяхъ Дарія—Arr. II 14. Судя по этому извѣстію Александръ уже тогда потребовалъ безусловнаго подчиненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ Дарію посла, приказавъ ему передать царю письменный ультиматумъ, но не входить ни въ какіе переговоры. Это явная нелѣпость; посла отправляетъ лишь тотъ, кто намѣренъ вести переговоры. Слѣдовательно Александръ не могъ написать въ Мараѳосѣ того письма къ Дарію, которое приводитъ Арріанъ; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тенденціозной выдумкой какого-нибудь изъ историковъ Александра; дѣйствительно, у Curt. IV 1, 7—15 краски еще болѣе сгущены. О второмъ мирномъ посольствѣ — Arr. II 25; Curt. IV 5, 1 — 8. Diod. XVII 39 смѣшиваетъ оба посольства,

Теперь Дарію не оставалось другого исхода, какъ продолжать борьбу, обративъ на нее всѣ силы, какія еще оставались въ его распоряженіи. Поэтому онъ собралъ остатки своей разбитой арміи и вытребовалъ новыя войска изъ всѣхъ частей своего обширнаго государства, вплоть до Индіи и Бактріи. И вотъ собрались огромныя полчища; но это были почти исключительно азіатскія войска, потому что изъ числа греческихъ наемниковъ за царемъ во время его бѣгства послѣдовало лишь 2—3,000 человѣкъ, а новый наборъ невозможно было произвести, такъ какъ побережье находилось во власти Александра. Зато предполагалось избѣгнуть теперь тѣхъ ошибокъ, которыя повлекли за собою пораженіе при Иссѣ; царь рѣшилъ дожидаться Александра на обширной ассирійской равнинѣ, гдѣ онъ могъ вполнѣ воспользоваться своимъ количественнымъ перевѣсомъ и особенно своей конницей [1]).

Александръ далъ персамъ достаточный срокъ для приготовленій, потому что, прежде чѣмъ выступить вглубь Азіи, онъ долженъ былъ вполнѣ увердить свое господство въ приморскихъ провинціяхъ, отчасти чтобы обезпечить себѣ безпрепятственное сообщеніе съ родиной, отчасти — чтобы отнять у враждебной себѣ партіи въ Греціи всякую надежду на поддержку изъ Азіи. Поэтому вмѣсто того, чтобы послѣдовать за Даріемъ, онъ спустился на югъ, въ Сирію. Парменіонъ съ одной частью войска двинулся къ Дамаску, гдѣ ему достался въ добычу весь обозъ персидской арміи, который Дарій послалъ туда передъ своимъ выступленіемъ въ Киликію [2]); самъ Александръ съ

явно, — вслѣдствіе простой небрежности. За-то Diod. XVII 54 и Curt. IV 11 сообщаютъ еще о третьемъ посольствѣ, непосредственно передъ сраженіемъ при Арбелѣ; Арріанъ ничего не знаетъ объ этомъ, да и по существу это извѣстіе совершенно неправдоподобно. Дарій, разумѣется, и теперь не можетъ предложить ничего другого, какъ признаніе Евфрата границею; а такъ какъ онъ очевидно долженъ былъ идти теперь на бо̀льшія уступки, чѣмъ послѣ битвы при Иссѣ, то Діодоръ и Курцій изображаютъ дѣло такъ, будто въ то время онъ былъ готовъ уступить только часть Азіи, лежащую по сю сторону Галиса.—Подробно разсмотрѣнъ весь этотъ вопросъ у Pridik'a *De Alex. M. epist. commercio*, диссерт. Дерптъ 1893, стр. 39 сл., съ которымъ я послѣ сказаннаго въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ не могу согласиться; вообще, авторъ удовольствовался слишкомъ недостаточными доводами въ пользу подлинности писемъ Александра.

[1]) Arr. III 8, 3—6, Curt. IV 12, 5—13, Diod. XVII 39. 53.

[2]) Arr. II 11, 10; 15, 1, Curt. III 13, сообщеніе Парменіона (подлинное?) у Athen. XIII 607 сл. Непонятно, зачѣмъ Дарій послалъ свой военный обозъ въ Дамаскъ, лежащій въ 14 дняхъ пути къ югу отъ поля битвы, вмѣсто того, чтобы переправить его черезъ Евфратъ, гдѣ онъ былъ бы и ближе подъ рукою и гораздо болѣе обезпеченъ противъ нападеній.

другой половиной арміи пошелъ въ Финикію. Второстепенные города страны—Арадъ, Библосъ, Сидонъ — безъ сопротивленія перешли на его сторону; то же сдѣлали кипрскіе города. Только расположенный на островѣ крѣпкій Тиръ, величайшій городъ Сиріи, разсчитывая на неприступность своего мѣстоположенія, которая до сихъ поръ спасала его отъ всѣхъ нашествій, заперъ передъ нимъ свои ворота и объявилъ, что намѣренъ оставаться нейтральнымъ. Александръ рѣшилъ во что бы то ни стало сломить это сопротивленіе. Онъ приказалъ насыпать черезъ мелкій проливъ, отдѣлявшій городъ отъ материка, дамбу, чтобы имѣть возможность подвести свои орудія къ стѣнамъ; тщетно осажденные пытались путемъ вылазокъ помѣшать исполненію этихъ работъ. Между тѣмъ финикійскія и кипрскія эскадры покинули персидскій флотъ, крейсировавшій въ Эгейскомъ морѣ, и отдались въ распоряженіе Александра, который благодаря этому получилъ возможность запереть Тиръ и со стороны моря. Послѣ этого осажденные должны были отказаться отъ всякой надежды на спасеніе; но вмѣсто того, чтобы покориться царю, пока еще было время, они продолжали обороняться съ тѣмъ упорствомъ, которое семиты не разъ обнаруживали въ подобныхъ случаяхъ. Попытка защитниковъ Тира—посредствомъ внезапнаго нападенія истребить кипрскую эскадру, стоявшую съ сѣверной стороны города, — была отбита и окончилась уничтоженіемъ тѣхъ тирскихъ кораблей, которые должны были осуществить этотъ смѣлый планъ. Между тѣмъ дамба достигла острова, но машины оказались не въ силахъ справиться съ стѣною, которая въ этомъ мѣстѣ была особенно высока и крѣпка. Вслѣдствіе этого Александръ предпринялъ атаку съ морской стороны, гдѣ укрѣпленія были слабѣе; скоро въ стѣнѣ была пробита брешь, и македоняне проникли въ городъ. Въ то же время кипрскіе корабли прорвались въ сѣверную гавань, финикіяне—въ южную. Городъ былъ взятъ. Жители Тира своимъ жестокимъ обращеніемъ съ греческими плѣнными лишили себя всякаго права на пощаду, и ожесточенные побѣдители отомстили имъ кровавой местью. По преданію, 8.000 тирійцевъ пало, а 30.000 плѣнныхъ было продано въ рабство. Македонскому войску осада обошлась въ 400 человѣкъ, въ каковое число безъ сомнѣнія не вошли еще потери финикійской и кипрской эскадръ [1]).

Такъ палъ Тиръ, приблизительно въ іюлѣ 332 года, на седьмомъ мѣсяцѣ осады. Потеря во времени далеко не возмѣщалась матеріаль-

---

[1]) Arr. II 15—24, Diod. XVII 40—47, Curt. IV 2—4, Plut. *Alex.* 24.

ными послѣдствіями побѣды; но Александръ считался не съ одними только матеріальными факторами. Восточному человѣку импонируетъ только сила, а страшная кара, постигшая славную издревле царицу морей, доказала всѣмъ, что всякое сопротивленіе противъ Александра безнадежно. Дѣйствительно, южная Сирія покорилась теперь безъ боя; только крѣпкая Газа, занятая персидскимъ гарнизономъ, дала осадить себя и черезъ 2 мѣсяца была взята штурмомъ [1]).

Теперь Александръ могъ идти далѣе, въ Египетъ. Эта страна была лишь нѣсколько лѣтъ назадъ, послѣ полувѣкового періода независимости, снова покорена персами; она еще не позабыла той страшной расправы, которую произвелъ надъ нею Охъ при завоеваніи. Поэтому населеніе повсюду привѣтствовало Александра, какъ освободителя; персидскій намѣстникъ Мазакъ, будучи не въ силахъ удержать страну отъ отложенія, безъ сопротивленія выдалъ укрѣпленные пункты Александру. Александръ провелъ въ Египтѣ всю зиму и основалъ здѣсь у единственной хорошей гавани сѣвернаго побережья, вблизи устья самаго западнаго изъ рукавовъ Нила, тотъ городъ, который еще теперь носитъ его имя, — Александрію, которой суждено было въ теченіе немногихъ десятилѣтій сдѣлаться средоточіемъ какъ міровой торговли, такъ и греческой науки, и которая затѣмъ въ продолженіе трехъ вѣковъ оставалась величайшимъ и богатѣйшимъ городомъ міра.

Александръ, конечно, пожелалъ посѣтить оракулъ Аммона, который, какъ мы знаемъ, и греки этого времени считали одним изъ важнѣйшихъ святилищъ. Въ сопровожденіи небольшого отряда онъ прошелъ черезъ пустыню къ тому оазису, гдѣ находился храмъ Аммона. Жрецы привѣтствовали царя сыномъ Аммона, — титулъ, подобавшій ему, какъ владыкѣ Египта; самъ Александръ и его спутники придали словамъ оракула болѣе обширный смыслъ; тѣ божескія почести, которыхъ позднѣе сталъ требовать себѣ Александръ, стоятъ въ прямой связи съ этимъ изреченіемъ оракула [2]).

Дарій не имѣлъ возможности помѣшать операціямъ Александра въ Сиріи и Египтѣ, такъ какъ его армія еще далеко не была подготовлена для военныхъ дѣйствій. Зато онъ сдѣлалъ попытку отрѣзать македонскому войску сообщеніе съ внутренними частями Азіи—

---

[1]) Arr. II 25, 4 — 27, Diod. XVII 48, 7, Curt. IV 6, Plut. *Alex.* 25, Heges. fr. 3 (*Script. Rer. Alex.* p. 142).

[2]) Arr. III 1—5, Plut. *Alex.* 26—28, Diod. XVII 49—52, Curt. IV 7—8, E. Meyer *Gesch. Aegyptens* стр. 398.

предпріятіе, которое теперь, когда Александръ господствовалъ на морѣ, даже въ случаѣ удачи лишь въ очень малой степени могло бы измѣнить положеніе дѣлъ. Часть персидской арміи съ поля битвы при Иссѣ была оттѣснена къ сѣверу за Тавръ. Теперь это войско было реорганизовано, усилено каппадокійскими и пафлагонскими контингентами и двинуто противъ Фригіи, намѣстникъ которой, назначенный Александромъ,—Антигонъ—располагалъ лишь очень недостаточными силами. Но Антигонъ здѣсь впервые обнаружилъ то выдающееся военное дарованіе, которое позднѣе, послѣ смерти Александра, доставило ему власть надъ Азіей; онъ разбилъ персовъ въ сраженіи и не только упрочилъ за собою Фригію, но и завоевалъ еще Ликаонію, которая такъ же упорно отказывалась признать надъ собою власть Македоніи, какъ ранѣе — господство персидскаго царя. Затѣмъ Каласъ, сатрапъ геллеспонтской провинціи, покорилъ Пафлагонію, такъ что теперь вся Малая Азія, за исключеніемъ Каппадокіи, была подвластна Македоніи (332) [1]).

Весною 331 года Александръ выступилъ изъ Египта. Въ серединѣ лѣта онъ близъ Ѳапсака переправился черезъ Евфратъ и затѣмъ, пройдя сѣверную Месопотамію, 20-го сентября перешелъ Тигръ. Персы не приняли никакихъ серьезныхъ мѣръ, чтобы помѣшать наступленію врага; Дарій очевидно хотѣлъ заманить Александра возможно дальше вглубь страны, чтобы въ случаѣ побѣды совершенно уничтожить его, а въ случаѣ пораженія имѣть возможность безпрепятственно отступить на иранское плоскогорье [2]).

На четвертый день послѣ перехода черезъ Тигръ Александръ встрѣтилъ авангардъ персидской арміи. Онъ распорядился, прежде всего, воздвигнуть укрѣпленный лагерь и далъ своему войску 4 дня на отдыхъ. Затѣмъ онъ двинулся противъ Дарія, который располо-

---

[1]) Побѣды Антигона — Curt. IV 1, 34 сл., гдѣ по ошибкѣ вмѣсто Фригіи названа Лидія. Сравн. Diod. XVII 48, 6. Завоеваніе Пафлагоніи—Curt. IV 5, 13. Каппадокія находилась во власти Дарія еще во время битвы при Арбелѣ (Arr. III 8, 5; 11, 7) и была завоевана лишь послѣ смерти Александра Пердиккою (Diod. XVIII 16). По Arr. II 4, 2 Александръ во время своего похода изъ Гордіона въ Киликію поставилъ здѣсь сатрапомъ Сабикта (Curt. III 4, 1 называетъ его Абистаменомъ; оба имени безъ сомнѣнія искажены). Вѣроятно онъ былъ не македонянинъ, а туземный князь, такъ какъ Александръ прошелъ и покорилъ лишь пограничныя провинціи страны и вплоть до Эвмена мы ни разу не слышимъ о какомъ-либо сатрапѣ Каппадокіи.

[2]) Arr. III 6—7, Plut. *Alex*. 29. 30, Curt. IV 9. Время перехода черезъ рѣку опредѣляется луннымъ затменіемъ, которое произошло въ слѣдующую ночь, $20/_{21}$ сентября 331 года.

жился у ассирійской деревни Гавгамелы, вблизи развалинъ Ниневіи; но атаку Александръ отложилъ на слѣдующій день, желая предварительно изслѣдовать мѣстность. Несмотря на потери и на значительныя урѣзки, которымъ подверглась македонская армія, такъ какъ многіе отряды были оставлены въ качествѣ гарнизоновъ въ завоеванныхъ провинціяхъ,—благодаря подкрѣпленіямъ съ родины она была доведена до 40.000 пѣхотинцевъ и 7000 всадниковъ, — число, правда, все еще ничтожное сравнительно съ огромными полчищами врага. Среди безпредѣльной равнины нечѣмъ было прикрыть фланговъ и слѣдовательно съ увѣренностью можно было ожидать, что непріятель обойдетъ въ тылъ. Поэтому Александръ принужденъ былъ позади своей боевой линіи выставить второй корпусъ войска, который долженъ былъ, смотря по надобности, отразить нападеніе справа или слѣва. Итакъ, утромъ 30 сентября 331 года началось сраженіе, которое должно было рѣшить вопросъ о томъ, кому владѣть Азіей [1]).

Александръ во главѣ тяжелой македонской конницы и большей части фаланги напалъ на лѣвое крыло врага, но тотчасъ же былъ атакованъ съ фланга скиѳскими и бактрійскими всадниками. Онъ послалъ противъ нихъ конницу своего второго корпуса, а самъ напалъ на непріятельскую пѣхоту, отрѣзанную отъ своей конницы. Боевыя колесницы, пущенныя теперь Даріемъ противъ врага, причинили грекамъ мало вреда и легко были взяты или сломаны ими. Фаланга маневрировала на равнинѣ, какъ на плацъ-парадѣ; легковооруженные азіаты не были въ силахъ устоять противъ ея натиска; въ концѣ концовъ во всеобщее бѣгство былъ вовлеченъ и центръ персидскаго войска съ самимъ Даріемъ. Конница лѣваго крыла, оставшаяся теперь совершенно изолированной, тотчасъ послѣдовала этому примѣру.

Между тѣмъ лѣвое крыло греческаго войска, предводимое Парменіономъ, подверглось нападенію конницы непріятельскаго праваго крыла и, въ виду численнаго перевѣса персовъ, очутилось въ очень затруднительномъ положеніи. Ѳессалійскіе и ѳракійскіе всадники съ трудомъ отстаивали свою позицію, и Парменіонъ былъ совершенно

---

[1]) О датѣ сраженія—Krause *Miscellen zur Geschichte Alexanders*, *Hermes* 23 (1888) 525 сл. Показанія о величинѣ персидскаго войска (40.000 всадниковъ, 1.000.000 пѣхотинцевъ по Arr. III 8, 6,—1.000.000 чел. по Plut. *Alex.* 31,—200.000 всадниковъ и 800.000 пѣхоты по Diod. XVII 39,—45.000 всадниковъ и 200.000 пѣхоты по Curt. IV 12, 13)—по обыкновенію очень преувеличены. По детальнымъ показаніямъ Арріана персидская конница, которая одна имѣла значеніе для исхода битвы, едва ли заключала въ себѣ болѣе 12 — 15.000 коней.

лишенъ возможности послѣдовать за Александромъ въ его наступательномъ движеніи. Вслѣдствіе этого въ серединѣ македонской боевой линіи образовался широкій свободный промежутокъ, куда немедленно ворвались персидскіе и индійскіе батальоны непріятельскаго центра. Это былъ критическій моментъ сраженія; имѣй Александръ противъ себя греческаго полководца и греческія войска, онъ неминуемо проигралъ бы битву. Но варвары бросились грабить македонскій лагерь, не заботясь о томъ, что́ происходило въ остальныхъ пунктахъ поля битвы. Тѣмъ временемъ Александръ справился съ персидскимъ центромъ, но не могъ пуститься въ погоню за бѣжавшимъ врагомъ, потому что долженъ былъ прежде всего выручить изнемогавшаго Парменіона. На пути къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Парменіонъ, онъ встрѣтилъ персидскіе отряды, возвращавшіеся послѣ разграбленія его лагеря. Онъ попытался отрѣзать имъ отступленіе, но варвары дрались съ мужествомъ отчаянія; Александръ потерпѣлъ большой уронъ, его другъ Гефестіонъ былъ раненъ рядомъ съ нимъ и въ концѣ концовъ персамъ все-таки удалось пробиться. Когда Александръ наконецъ добрался до своего лѣваго крыла, тамъ опасность уже миновала, такъ какъ Мазэй, командовавшій этой частью персидскихъ силъ, при извѣстіи о бѣгствѣ Дарія прервалъ сраженіе. Теперь Парменіонъ занялъ непріятельскій лагерь, тогда какъ Александръ пустился въ погоню за царемъ. Къ утру онъ достигъ Арбелы, гдѣ завладѣлъ магазинами и военной кассой непріятельской арміи; но Дарій успѣлъ уже бѣжать въ Мидію, и продолжать преслѣдованіе было безполезно. Такимъ образомъ, самый цѣнный трофей ускользнулъ изъ рукъ Александра, ибо только взятіе въ плѣнъ персидскаго царя могло положить конецъ войнѣ. Но и безъ того плоды побѣды были громадны; персидское войско было совершенно разсѣяно; десятки тысячъ плѣнныхъ достались въ добычу побѣдителю, путь въ Вавилонъ и Сузу былъ открытъ. И всѣ эти успѣхи были куплены цѣною сравнительно ничтожныхъ жертвъ: изъ македонскихъ полковъ Александра выбыло лишь 100 человѣкъ; союзники и наемники понесли, правда, бо́льшій уронъ, но въ общемъ потери македонской арміи не превышали 500 человѣкъ [1]).

Послѣ этого Александръ двинулся прежде всего на Вавилонъ, который и былъ сданъ ему сатрапомъ Мазэемъ безъ боя; и здѣсь жители привѣтствовали царя, какъ освободителя отъ персидскаго ига

---

1) Arr. III 8—15, Plut. *Alex.* 31—33, Diod. XVII 55—61, Curt. IV 12—16, V 1.

Затѣмъ онъ пошелъ къ Сузѣ, куда еще изъ Арбелы былъ посланъ отрядъ войска. О сопротивленіи не было и рѣчи; городъ со своей крѣпостью немедленно сдался и хранившіяся здѣсь сокровища персидскаго царя, около 50.000 талантовъ (свыше 120 милл. руб.), попали въ руки побѣдителя [1]). Покорять Арменію былъ посланъ персъ Миѳринъ, сдавшій Александру сардскую крѣпость; но сатрапъ Оронтъ съумѣлъ удержаться въ этой гористой странѣ.

Въ то самое время, когда при Арбелѣ рѣшалась участь Азіи, было закончено и подчиненіе Греціи македонскому владычеству. Спарта была, какъ мы видѣли, единственнымъ государствомъ, которое до сихъ поръ не признало этого владычества и не вошло въ составъ основаннаго Филиппомъ союза; она не могла забыть своего славнаго прошлаго и ждала лишь благопріятной минуты, чтобы вернуть себѣ утраченную гегемонію хотя бы цѣною измѣны обще-эллинскому дѣлу. Поэтому она тотчасъ послѣ перехода Александра въ Азію завязала сношенія съ Персіей; лѣтомъ 333 г. къ царю Дарію въ Сирію отправились спартанскіе послы, которые позднѣе были захвачены Александромъ [2]). Но Спарта тщетно ждала помощи отъ персовъ, а вскорѣ битва при Иссѣ отняла у нея всякую надежду на помощь съ этой стороны. Тогда царь Агисъ обратился въ Критъ, который находился внѣ сферы македонскаго господства и гдѣ онъ еще по отцу имѣлъ большія связи. Дѣйствительно, ему удалось покорить бо́льшую часть городовъ острова; здѣсь явилась къ нему и вступила въ его службу часть греческихъ наемниковъ, сражавшихся на сторонѣ персовъ при Иссѣ; кромѣ того, къ нему примкнулъ остатокъ персидскаго флота, крейсировавшій въ Эгейскомъ морѣ. Македонскіе военачальники, разумѣется, не могли оставаться безучастными зрителями этихъ событій; они послали подкрѣпленія критскимъ общинамъ, не желавшимъ переходить на сторону Агиса, а весною 331 г. главный македонскій флотъ вышелъ въ море подъ начальствомъ Амфотера, чтобы освободить островъ отъ спартанскаго владычества [3]).

Такимъ образомъ, дѣло все-таки дошло до войны между Македоніей и Спартой. Агисъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы возвращаться назадъ; да онъ и не хотѣлъ отступать. Разъ война была неизбѣжна,— лучше было вести ее теперь, пока Дарій еще не былъ побѣжденъ. Итакъ, Агисъ открылъ въ Пелопоннесѣ наступательныя дѣйствія; вы-

---

[1]) Arr. III 16, Plut. *Alex.* 35. 36, Diod. XVII 64—66, Curt. V 1. 2.
[2]) Arr. II 15, 2, III 24, 4, Curt. III 13, 15.
[3]) Arr. II 13, 6, Diod. XVII 48, Curt. IV 1, 39 сл.; 8, 15.

ступившій противъ него подъ начальствомъ Коррага македонскій отрядъ былъ уничтоженъ, послѣ чего Элида, бо̀льшая часть Аркадіи и почти вся Ахея перешли на спартанскую сторону [1]). Исконные враги Спарты—Мессена, Мегалополь и Аргосъ—остались, конечно, вѣрны Александру; коринѳянъ удерживалъ отъ отложенія стоявшій у нихъ македонскій гарнизонъ. Теперь стремленіе къ освобожденію отъ македонскаго ига обнаружилось и внѣ Пелопоннеса, даже въ Ѳессаліи и Перрэбіи [2]). Но Аѳины, чей голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе, держались нейтрально. Здѣсь хорошо понимали, что съ тѣхъ поръ, какъ всѣ морскія силы персидской монархіи перешли въ распоряженіе Александра, аттическій флотъ далеко уступаетъ македонскому; а начать борьбу при такихъ условіяхъ было бы явнымъ самоубійствомъ. Радикалы—по обыкновенію, не справляясь съ реальнымъ отношеніемъ силъ,—требовали, разумѣется, перехода на сторону Спарты. Положеніе Демосѳена въ виду этой оппозиціи было очень затруднительно; какъ угорь, извивался онъ на трибунѣ и, совершенно противъ своего обыкновенія, сыпалъ напыщенными фразами; однако ему все-таки удалось удержать народъ отъ необдуманныхъ рѣшеній [3]). Въ Тиръ къ Александру было отправлено посольство съ порученіемъ увѣрить царя въ преданности Аѳинъ, и Александръ отвѣтилъ на эту предупредительность отпущеніемъ на волю взятыхъ въ плѣнъ при Граникѣ аѳинскихъ гражданъ [4]). Но въ то же время онъ распорядился отправить въ Эгейское море 100 финикійскихъ и кипрскихъ кораблей для подкрѣпленія эскадры Амфотера, которая такимъ образомъ была доведена до 260 тріеръ; эта мѣра была, очевидно, разсчитана главнымъ образомъ на то, чтобы наглядно показать Аѳинамъ безусловное превосходство морскихъ силъ царя [5]).

На первыхъ порахъ Антипатръ не былъ въ состояніи подать помощь тѣмъ изъ пелопоннесскихъ государствъ, которыя остались вѣрны Македоніи. Дѣло въ томъ, что какъ разъ около этого вре-

---

[1]) Aesch. *пр. Ктес.* 165, Dinarch. *пр. Дем.* 34.

[2]) Aesch. *пр. Ктес.* 167, сравн. Justin. XII 1, 6.

[3]) Aesch. l. c. 166 сл., Plut. *Dem.* 24. При этихъ переговорахъ была произнесена рѣчь *о договорахъ съ Александромъ*, если только она не подложна. Рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ этой рѣчи упоминается низложеніе лесбосскихъ тирановъ (7), которое произошло лишь въ 332 году (выше стр. 507 сл.). Сравн. Schaefer *Demosth.* III² 203 слл.

[4]) Arr. III 6, 2, Curt. IV 8, 12, Aesch. *пр. Ктес.* 162, сравн. Diod. XVII 62, 7.

[5]) Arr. III 6, 3.

мени Мемнонъ, македонскій намѣстникъ Ѳракіи, опираясь на воинственныхъ обитателей страны, возсталъ противъ правителя монархіи, которому онъ былъ подчиненъ, и Антипатръ былъ вынужденъ для подавленія мятежа выступить въ походъ со всѣми своими силами. Вслѣдствіе этого Агисъ могъ свободно дѣйствовать въ Пелопоннесѣ; онъ немедленно приступилъ къ осадѣ Мегалополя, который храбро защищался, но, ни откуда не получая помощи, скоро оказался въ критическомъ положеніи. Въ виду этой опасности Мемнонъ и Антипатръ помирились; Мемнонъ остался намѣстникомъ Ѳракіи, и Антипатръ получилъ возможность обратиться противъ Греціи [1]). Движеніе въ Ѳессаліи было быстро подавлено; Антипатръ стянулъ къ себѣ контингенты своихъ греческихъ союзниковъ и во главѣ 40.000-ной арміи осенью явился въ Пелопоннесѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда Мегалополь уже былъ готовъ сдаться Агису. Спартанскій царь, имѣвшій въ своемъ распоряженіи лишь около 20.000 человѣкъ, принужденъ былъ снять осаду и удалился на высоты, лежавшія къ югу отъ города. Здѣсь напалъ на него Антипатръ. Спартанцы не посрамили своей древней воинской славы; притомъ на ихъ сторонѣ было преимущество крѣпкой позиціи; но въ концѣ концовъ численный перевѣсъ доставилъ побѣду македонянамъ. Царь Агисъ палъ и съ нимъ 5.300 человѣкъ его войска; однако и Антипатръ понесъ очень тяжелый уронъ (осенью 331 г.) [2]).

---

[1]) Diod. XVII 62. Возстаніе Мемнона является прелюдіей къ войнамъ между діадохами; безъ сомнѣнія, оно было направлено не столько противъ Александра, сколько противъ Антипатра. Что условія примиренія были выгодны для Мемнона, это видно изъ намека Діодора (XVII 63, 1) и подтверждается показаніемъ Курція IX 3, 21, по которому Мемнонъ осенью 326 года привелъ къ Александру въ Индію подкрѣпленія изъ Ѳракіи. Антипатръ очевидно воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы мирнымъ путемъ избавиться отъ своего противника. Съ возстаніемъ Мемнона обыкновенно ставятъ въ связь аѳинскій декретъ въ пользу Ребула, сына Севѳа (*CIA*. II 175 b, p. 412, около середины лѣта 330 г.).

[2]) Diod. XVII 63, Curt. VI 1, 1—16, Justin. XII 1, 8—12; Арріанъ пропустилъ это сраженіе. Вслѣдствіе реторической окраски нашихъ источниковъ невозможно составить себѣ ясное представленіе о ходѣ битвы. Даже мѣстоположеніе поля битвы въ источникахъ не указано; мы знаемъ только (Plut. *Agis* 3, *Ἀποφϑ. Λακ.* p. 219), что сраженіе произошло въ области Мегалополя и что македоняне стояли на равнинѣ, спартанцы—на высотахъ. Поэтому вѣроятно, что Агисъ отступилъ по дорогѣ изъ Мегалополя въ Спарту до того мѣста, гдѣ дорога вступаетъ въ горы. По Діодору македоняне потеряли 3500, по Курцію — не болѣе 1000 человѣкъ. — Война въ Пелопоннесѣ началась раньше, чѣмъ Александръ выступилъ изъ Финикіи противъ Дарія, т.-е. лѣтомъ

Эта побѣда положила конецъ войнѣ. Спартанцы запросили мира, и Антипатръ избавилъ ихъ отъ униженія увидѣть свой городъ занятымъ македонскими войсками; 50 заложниковъ должны были служить порукою за мирное поведеніе Спарты. Въ общемъ же рѣшеніе участи побѣжденныхъ было предоставлено эллинскому союзному собранію, которое постановило передать все дѣло на усмотрѣніе Александра. Царь явилъ милосердіе; всѣ были прощены, только элейцы и ахеяне должны были уплатить Мегалополю 120 талантовъ за военныя издержки. Греція была теперь вполнѣ покорена, и до смерти Александра болѣе никто не рѣшился тамъ поднять знамя мятежа противъ македонскаго владычества [1]).

Между тѣмъ Александръ безостановочно шелъ впередъ. Ему предстояло теперь завоевать ядро монархіи—область Персиду. Путь туда велъ черезъ страну дикихъ уксіевъ, которые среди своихъ горъ никогда не признавали персидскаго верховенства и привыкли взимать съ царя дань, когда онъ проѣзжалъ изъ Сузы въ Персеполь. Александръ въ быстрой атакѣ разбилъ ихъ и принудилъ къ покорности и уплатѣ дани. Проходы, ведущіе черезъ горную цѣпь въ Персиду, были преграждены окопами и заняты сильнымъ персидскимъ войскомъ; но Александру удалось по непроходимымъ горнымъ тропинкамъ обойти въ тылъ врагу и такимъ образомъ открыть себѣ путь къ столицѣ Персеполю, которая и была взята безъ дальнѣйшаго сопротивленія. Несмѣтныя сокровища, накопленныя здѣсь въ теченіе вѣковъ, — по преданію, 120.000 талантовъ—сдѣлались добычей побѣдителя.

До сихъ поръ Александръ проходилъ по Азіи, какъ по дружественной странѣ. Населеніе почти всюду привѣтствовало его, какъ своего освободителя отъ невыносимаго рабства, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказывало ему сопротивленіе. Вслѣдствіе этого македонское войско соблюдало полную дисциплину и щадило жизнь и собственность туземцевъ. Но Персида была непріятельской страной, и надо было дать почувствовать ей всю серьезность настоящей войны. Поэтому Александръ отдалъ богатый Персеполь на разграбленіе своему войску и велѣлъ сжечь дворецъ Ахеменидовъ, чтобы наглядно показать всѣмъ, что владычество персовъ кончилось. Пусть это былъ варварскій поступокъ, какимъ называли его уже современники,—но

---

331 года (Arr. III 6, 3); битва при Мегалополѣ произошла нѣсколько раньше битвы при Арбелѣ (Curt. VI 1, 21; Niese *Gr. Gesch. seit Chaeronea* I 497 сл. показываетъ, что остальныя показанія не противорѣчатъ этому).

[1]) Curt. VI 1, 17—21, Diod. XVII 73, 5, Aesch. *пр. Ктес.* 133.

Александръ и воевалъ съ варварами, и долженъ былъ говорить съ ними на понятномъ для нихъ языкѣ [1]).

Между тѣмъ наступила поздняя осень. Войско, которому послѣ страшныхъ трудностей похода необходимо нуженъ былъ отдыхъ, осталось на зиму въ Персидѣ, что было крайне важно и съ военной точки зрѣнія—въ видахъ полнаго умиротворенія страны. Спустя четыре мѣсяца, съ наступленіемъ весны, армія двинулась далѣе, въ Мидію. Тамъ Дарій силился между тѣмъ организовать новое войско, но успѣлъ собрать лишь 3000 всадниковъ и 6000 пѣхотинцевъ, включая и тѣхъ 1500 наемниковъ, которые послѣдовали за нимъ послѣ битвы при Арбелѣ. Располагая такими незначительными силами, онъ, разумѣется, не могъ думать о войнѣ противъ Александра; поэтому при приближеніи врага онъ удалился на востокъ, чтобы искать послѣдняго убѣжища въ далекой Бактріи, на самой отдаленной границѣ своего государства. Александръ безъ боя занялъ Эктабану.

Такимъ образомъ, и послѣдній изъ главныхъ городовъ Азіи перешелъ въ руки побѣдителя. Война была окончена, Персіи, какъ державы, болѣе не существовало. Оставалось еще только овладѣть бѣжавшимъ царемъ и принудить восточныя сатрапіи къ признанію новаго порядка. Въ виду огромнаго протяженія этихъ странъ и воинственности ихъ населенія это предпріятіе должно было отнять много времени, но въ военномъ отношеніи оно не представляло серьезныхъ трудностей. Поэтому Александръ отослалъ теперь ѳессалійцевъ и остальныхъ греческихъ союзниковъ на родину, исключая тѣхъ, кто добровольно пожелалъ продолжать службу подъ его знаменами; при этомъ онъ роздалъ 2000 талантовъ храбрецамъ, которые такъ много содѣйствовали побѣдѣ при Иссѣ и Арбелѣ.. Въ Экбатанѣ остался Парменіонъ съ частью войска, тогда какъ самъ Александръ во главѣ своихъ лучшихъ полковъ двинулся въ погоню за персидскимъ царемъ [2]).

Такимъ образомъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ совершился вели-

---

[1]) Arr. III 17. 18, Plut. *Alex.* 37. 38, Diod. XVII 68—72, Curt. V 3—7, Nöldeke *Aufs. zur pers. Gesch.* стр. 135 слл.

[2]) Arr. III 19, Curt. V 8, Diod. XVII 73. О роспускѣ войскъ —Arr. l. c., Plut. *Alex.* 42, Diod. XVII 74, 3, Curt. VI 2, 17; послѣдніе двое сообщають объ этомъ событіи лишь послѣ извѣстія о смерти Дарія. Жертвенный даръ вернувшихся орхоменскихъ всадниковъ Зевсу-спасителю — *IGrSept.* I 3206, ѳеспійскаго отряда — *Anthol. Pal.* VI 344: *Θεσπιαὶ εὐρύχοροι πέμψαν ποτὲ τούσδε σὺν ὅπλοις τιμωροὺς προγόνων βάρβαρον εἰς Ἀσίην, οἵ μετ' Ἀλεξάνδρου Περσῶν ἄστη καθελόντες στῆσαν Ἐριβρεμέτῃ δαιδάλεον τρίποδα.*

чайшій переворотъ, какой до тѣхъ поръ былъ отмѣченъ исторіей. Блистательно осуществилось все то, о чемъ такъ долго мечтали эллинскіе патріоты: Персія была сокрушена, варвары Азіи порабощены эллинамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была кончена и роль тѣхъ греческихъ державъ, которыя до сихъ господствовали надъ Элладой, и на развалинахъ старой политической системы возникло всемірное владычество объединенной подъ македонскимъ верховенствомъ Эллады.

Современники вполнѣ сознали величіе этой минуты. «Мы прожили не обычную человѣческую жизнь; исторія нашихъ дней покажется сказкою грядущимъ поколѣніямъ. Персидскій царь, который прорылъ Аѳонъ и проложилъ мостъ черезъ Геллеспонтъ, который требовалъ отъ эллиновъ земли и воды и осмѣливался называть себя въ своихъ письмахъ владыкою всѣхъ людей отъ восхода до заката,— онъ борется теперь уже не за владычество надъ другими, а за собственную жизнь. Ѳивы, сосѣднія намъ Ѳивы, въ одинъ день были исторгнуты изъ середины Эллады; пусть онѣ заслужили эту кару своей неразумной политикой, но вѣдь слѣпыми и безумными онѣ стали не по собственной винѣ, а по волѣ боговъ. Несчастные лакедемоняне, которые нѣкогда заявляли притязаніе на верховенство надъ эллинами, теперь, въ знакъ своего пораженія, будутъ посланы къ Александру, какъ заложники, на полную волю побѣдителя, передъ которымъ они такъ тяжко провинились,—и ихъ участь будетъ зависѣть отъ его милосердія. А нашъ городъ, убѣжище всѣхъ эллиновъ, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у насъ помощи каждое для своего города, — онъ борется теперь уже не за гегемонію надъ Элладой, а за собственный клочекъ земли». Такъ говорилъ аѳинскій ораторъ Эсхинъ лѣтомъ 330 года, когда въ Аѳины только-что прибыло извѣстіе о взятіи Экбатаны и бѣгствѣ Дарія [1]). А немного позднѣе другой аѳинянинъ, философъ Деметрій изъ Фалерона, писалъ слѣдующее: «Если бы пятьдесятъ лѣтъ назадъ какой-нибудь богъ предсказалъ будущее персамъ, или персидскому царю, или македонянамъ, или царю македонянъ, — развѣ они повѣрили бы, что нынѣ отъ персовъ, которымъ былъ подвластенъ почти весь міръ, останется едва одно имя, и что македоняне, которыхъ раньше едва ли кто зналъ даже имя, будутъ теперь владычествовать надъ міромъ? По истинѣ, непостоянна наша судьба; ибо все устрояетъ она вопреки ожиданію человѣка и являетъ свое могущество въ чудесномъ. И теперь, какъ мнѣ кажется, она лишь за-

---

1) Aesch. *пр. Ктес.* 132 сл.

тѣмъ передала македонянамъ счастіе персовъ, чтобы показать, что и послѣднимъ она дала всѣ эти блага лишь во временное пользованіе, пока пожелаетъ распорядиться ими иначе» [1]).

Этому предсказанію суждено было оправдаться менѣе, чѣмъ черезъ столѣтіе.

---

[1]) Demetr. fr. 19, *FHG*. II 368.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Источники по исторіи Александра.

Исторія завоеванія персидской монархіи была впервые изложена Каллисѳеномъ (выше, стр. 335); онъ довелъ свой разсказъ до битвы при Арбелѣ, даже, быть можетъ, до начала бактрійской войны; въ этихъ предѣлахъ его повѣствованіе послужило основою для традиціи и въ общемъ сохранило это значеніе на всѣ времена. Это обнаруживается повсюду, гдѣ фрагменты допускаютъ сравненіе съ уцѣлѣвшими источниками, но нигдѣ такъ ярко, какъ въ описаніи битвы при Иссѣ, относительно которой Полибій сохранилъ намъ большіе отрывки изъ Каллисѳена (XII 17—22). Описаніе этой битвы у Арріана, заимствованное у Аристобула или, что̀ вѣроятнѣе, у Птоломея, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ восходитъ къ Каллисѳену.

Подвиги царя были описаны и многими изъ обладавшихъ литературнымъ образованіемъ офицеровъ Александровой арміи; таковы Птоломей, впослѣдствіи царь Египта, и Аристобулъ, который позднѣе получилъ право гражданства въ Кассандріи. Неархъ описалъ плаваніе состоявшаго подъ его собственной командою флота отъ Инда въ Персидскій заливъ; Онесикритъ сдѣлалъ Александра героемъ романа во вкусѣ Ксенофонтовой Кpropедіи. Далѣе, существовали и оффиціальныя сообщенія *(βασίλειοι ἐφημερίδες)*, по крайней мѣрѣ изъ позднѣйшаго періода царствованія Александра (Wilcken *Philol.* N. F. VII, 1894, 102 слл.), и во множествѣ ходили по рукамъ письма Александра, бо̀льшею частью, правда, мало достовѣрныя, а то и несомнѣнно подложныя (Kärst *Forschungen zur Geschichte Alexanders*, Штутгартъ 1887, стр. 107 слл., *Phil.* N. F. V, 1892, стр. 602 слл., Pridik *De Alex. M. epist. commercio*, диссертація, Дерптъ 1893).

Риторическая исторіографія, которая какъ-разъ въ то время начала развиваться, разумѣется съ радостью ухватилась за благодарный матеріалъ, какимъ являлись подвиги Александра; серію этихъ историковъ открываетъ уже Каллисөенъ, хотя его личное участіе въ событіяхъ, быть можетъ, и спасло его отъ грубой риторичности. Среди его послѣдователей первое мѣсто занимаетъ Клитархъ изъ Колофона, произведеніе котораго вышло въ свѣтъ вѣроятно еще до конца IV вѣка. Въ теченіе всего слѣдующаго столѣтія и еще въ началѣ II вѣка появилось множество обработокъ исторіи Александра, то въ видѣ монографій, то какъ части обширныхъ историческихъ произведеній. Изъ числа послѣднихъ можно упомянуть продолженіе исторіи Эфора, составленное Діилломъ (вскорѣ послѣ 300 г.), и «Исторію» самосца Дуриса (ок. 280 г.).

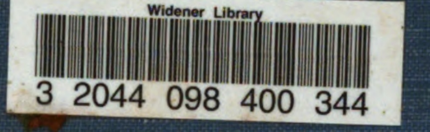
Отъ всей этой обширной литературы до насъ дошли лишь скудные отрывки; систематическія повѣствованія, которыми мы располагаемъ, почти всѣ безъ исключенія составлены въ эпоху римской имперіи (выше, т. I стр. 18). Изъ нихъ Курцій и Трогъ-Юстинъ восходятъ къ одному общему источнику, который стоитъ въ близкомъ родствѣ съ источникомъ XVII-ой книги Діодора; въ основѣ его лежитъ риторически-окрашенное повѣствованіе, по господствующему, но отнюдь не доказанному представленію — разсказъ Клитарха. Напротивъ, Арріанъ по собственному показанію слѣдуетъ главнымъ образомъ Птоломею (VI 2, 4), котораго онъ дополняетъ данными, заимствованными у Аристобула; кромѣ того, онъ пользуется еще однимъ или нѣсколькими обычными риторическими повѣствованіями, которымъ онъ, однако, мало довѣряетъ и показаніямъ которыхъ онъ поэтому, хотя и не всегда, предпосылаетъ *λέγεται* или другую подобную оговорку. Совершенно особое мѣсто занимаетъ Плутархъ; его главная цѣль—изобразить характеръ своего героя; поэтому онъ лишь мимоходомъ касается военныхъ событій. Онъ пользуется очень обширнымъ матеріаломъ, почерпнутымъ однако, по обыкновенію, въ огромномъ большинствѣ изъ вторыхъ рукъ. Въ основу положена имъ, очевидно, ученая александрійская біографія, быть можетъ, Сатира (сравн. Plut. *Alex.* 9 съ Satyr. fr. 5); кромѣ того, онъ пользуется однимъ или нѣсколькими историками, изъ которыхъ черпалъ и Арріанъ, чѣмъ и объясняются многократныя совпаденія между этими двумя писателями. Очень цѣнный матеріалъ даетъ, наконецъ, Страбонъ (сопоставленъ у Ant. Miller'a, *Die Alexandergeschichte nach Strabo*, Вюрцбургъ 1882); но гипотеза, будто Страбонъ написалъ «хрестоматію» по исторіи Александра и будто именно она есть общій источникъ

Арріана и Плутарха (Lüdecke *De fontibus Arriani*, *Leipziger Stud.* XI, 1888, стр. 1 сля.), не можетъ быть доказана и сама по себѣ крайне неправдоподобна.

Такъ какъ Арріанъ самъ былъ офицеромъ и предпочиталъ военные источники, то военныя событія описаны у него гораздо лучше, чѣмъ въ остальныхъ нашихъ источникахъ; однако не слѣдуетъ забывать, что Арріанъ часто эксцерпируетъ небрежно и вообще даетъ очень сжатое изложеніе. Но и Курцій, наряду со своимъ риторическимъ источникомъ, пользовался однимъ изъ тѣхъ военныхъ источниковъ, откуда черпалъ Арріанъ, и заимствованныя имъ оттуда показанія являются очень цѣннымъ дополненіемъ къ разсказу Арріана. Впрочемъ, и у Діодора встрѣчаются иногда очень важныя свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ. Что же касается не-военныхъ дѣлъ, то здѣсь остальные источники заслуживаютъ даже предпочтенія передъ Арріаномъ. Въ особенности очень цѣнны сохранившіеся у Курція остатки враждебной Александру традиціи, въ которыхъ отражаются взгляды македонской оппозиціонной партіи. Такимъ образомъ, тотъ безусловный культъ Арріана, который еще недавно господствовалъ въ наукѣ, требуетъ очень значительныхъ ограниченій.

Среди новѣйшей литературы *Geschichte Alexanders* Дройзена (2-е изд., Гота 1877) все еще занимаетъ первое мѣсто, хотя увлеченіе своимъ героемъ часто лишаетъ разсказъ автора должнаго безпристрастія. Полезнымъ коррективомъ къ труду Дройзена является изложеніе Грота (въ XI и XII тт. его *Hist. of Greece)*, который, правда, впадаетъ въ противоположную крайность и умаляетъ даже дѣйствительныя заслуги Александра. Новѣйшая работа по исторіи этого періода, книга Niese *(Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea* I, Гота 1893), крайне слаба какъ въ смыслѣ политическаго пониманія, такъ и по характеру изложенія; она неудовлетворительна даже какъ собраніе матеріаловъ. Основной работой по вопросу объ источникахъ является Droysen, *Die Materialien zur Geschichte Alexanders* (l. c. II стр. 375 сля.); болѣе подробныя указанія см. въ названныхъ выше сочиненіяхъ и у Wachsmuth'a въ *Einleitung in die alte Geschichte* (Лейпцигъ 1896) стр. 565 сля.

Widener Library
3 2044 098 400 344